

М. В. ШКАРОВСКИЙ

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
между двумя Мировыми войнами**

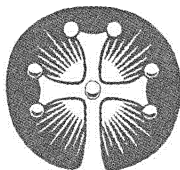
1918–1939 годы

Общецерковная аспирантура и докторантура
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

М.В. Шкаровский

**Православные Церкви Юго-Восточной Европы
между двумя мировыми войнами
(1918–1939 гг.)**

ПОЗНАНИЕ

Москва

2019

УДК 281.9

ББК 86.2

Ш 66

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р18-815-0563

Шкаровский М.В.

Ш 66 Православные Церкви Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами (1918–1939 гг.). — Москва: Издательский дом «Познание», 2019. — 648 с.

ISBN 978-5-906960-65-8

Предлагаемое читателю издание посвящено богатой и насыщенной важными событиями истории Православных Церквей Юго-Востока Европы в период между двумя Мировыми войнами. Эти годы стали переломными в истории целого ряда Поместных Православных Церквей Балканского полуострова. Константинопольский Патриархат утратил все свои епархии в Малой Азии, но сумел сохраниться и даже увеличить свое влияние в православном мире; Сербская и Румынская Церкви приобрели статус Патриархата и существенно расширили свои территории; возникла новая автокефальная Православная Церковь — Албанская. При этом ряд Поместных Церквей оказывал не только духовное, но и политическое влияние, существенным образом воздействуя на ситуацию в своих странах (Югославия, Румыния, Греция и др.). В межвоенной ситуации значительное место занимали отношения Православных Церквей Юго-Восточной Европы с Русской Церковью, которым в работе уделено особое внимание. В некоторых странах русская эмиграция сыграла очень важную роль в развитии церковной жизни (Югославия, Болгария, Чехословакия, Венгрия). Монография базируется на богатых архивных источниках, в частности, материалах болгарских, сербских, греческих, немецких, американских, российских и других архивов. Книга предназначена для историков, священнослужителей и всех интересующихся историей христианства.

Знак возрастной категории 12+

ISBN 978-5-906960-65-8

УДК 281.9

ББК 86.2

© Шкаровский М.В., текст, 2019

© АНО «ЦЕНТР-ПОЗНАНИЕ»

(Издательский дом «Познание»), оформление, 2019

Содержание

Предисловие	4
<u>Глава I.</u> Греческие Церкви в межвоенный период	18
Константинопольский Патриархат	18
Эладская Православная Церковь	119
<u>Глава II.</u> Поместные Православные Церкви славянских стран	140
Сербский Патриархат	140
Болгарская Православная Церковь	188
<u>Глава III.</u> Румынская и Албанская Церкви	224
Румынский Патриархат	224
Церковная жизнь Кишиневской епархии	254
Албанская Православная Церковь	279
Православная Церковь на территории Венгрии	285
<u>Глава IV.</u> Русская церковная эмиграция в Юго-Восточной Европе	305
Российская церковная эмиграция в Турции	305
Служение Русской Православной Церкви Заграницей в Югославии	361
Русское благочиние в Болгарии	473
Российская церковная эмиграция в Греции	548
Русские общины в Румынии	631
Список использованных архивов и фондов	643
Список сокращений	646

Предисловие

История Православных Церквей Юго-Востока Европы в период между двумя мировыми войнами характеризуется многими важными событиями. Эти годы стали переломными для целого ряда Поместных Православных Церквей Балканского полуострова. Сербская и Румынская Церкви после окончания Первой мировой войны существенно расширили свои территории и в 1920-е гг. приобрели статус Патриархата. В 1930-е гг. возникла новая автокефальная Православная Церковь — Албанская. Константинопольский Патриархат утратил все свои епархии в Малой Азии, но сумел сохраниться и даже увеличить свое влияние в Православном мире. При этом он перешел к неканоничной политике подчинения себе епархий и автономных Православных Церквей, отделившихся от Матери-Церкви, прежде всего Русской, а также к проведению ряда церковных реформ. Это привело к значительному ухудшению отношений как с Московским Патриархатом, так и с Русской Православной Церковью Заграницей.

Элладская Церковь, несмотря на поражение Греции в войне с Турцией, в целом расширила свою каноническую территорию и существенно увеличила паству. Росту ее влияния в православном мире способствовали и некоторые внутренние преобразования. Развитие же церковной жизни Болгарии в первой половине XX в., напротив, проходило очень драматично и характеризовалось целым рядом заметных потрясений, конфликтов и преобразований: значительным сокращением территории Болгарского экзархата в результате поражений страны в ходе Второй Балканской и Первой мировой войн, конфликтами с правительством и безуспешными попытками преодолеть схизму в 1920–1930-е гг. Несмотря на различные потрясения, некоторые Поместные Церкви оказывали не только духовное, но и политическое влияние, существенным образом воздействуя на ситуацию в своих странах (Югославия, Румыния, Греция и др.).

Хронологические рамки исследования в основном охватывают время с 1918 по 1939 гг., но в отдельных случаях освещалась история Православных Церквей Юго-Востока Европы и русской церковной эмиграции в предшествовавшие десятилетия и даже столетия для лучшего понимания предыстории описываемых событий. Территориально работа ограничена главным образом Балканским полуостровом — историческим ядром православия, где православное население преобладает и в наши дни. В публицистике Балканы справедливо получили наименование «пороховой бочки Европы». В этом взрывоопасном регионе, где в XX в. зарождалось и бушевало большое количество войн, в 1920–1940-х гг. проживала значительная часть русской церковной эмиграции и находились руководящие органы Русской Православной Церкви Заграницей.

В ряде случаев исследование выходит за пределы Балкан. Исторически и политически Венгрия и Румыния относятся к Юго-Восточной Европе, на их территории существовали сербские общины, и история православия в этих странах имела балканскую специфику.

Значительное внимание в монографии уделено деятельности Русской Православной Церкви в странах Юго-Восточной Европы в 1918–1939 гг. В этот период русское духовенство играло значительную роль в религиозной жизни Восточной Европы. Оно было более образованно, активно, креативно, чем местные православные священнослужители, и поэтому с начала 1920-х гг. зачастую выступало инициатором многих важных духовных процессов: способствовало возрождению монашества, созданию духовных учебных заведений, развитию богословской науки и т.д.

Некоторые страны Юго-Восточной Европы после Первой мировой войны обрели независимость или значительно расширили свои территории, поэтому многое в их внутреннем устройстве, в том числе в церковной жизни, пришлось создавать заново, и в данном деле русские священнослужители смогли ярко проявить себя. Этому способствовала историческая вековая традиция воспринимать Церковь могущественной Российской империи (хотя уже и не существующей после 1917 г.) как ведущую в православном мире.

В ряде неправославных по основному составу населения стран (где отсутствовали местные устойчивые православные традиции) русские

священнослужители даже играли заметную роль в попытках создания новых Православных Церквей: в Венгрии, Албании, Хорватии, Чехословакии. Далеко не везде эти попытки (имеющие политический подтекст) увенчались успехом, однако они так или иначе способствовали укреплению православной традиции.

Первые православные русские храмы появились в Юго-Восточной Европе в начале XIX в. Однако численность их прихожан оставалась небольшой. Ситуация изменилась после Октябрьской революции 1917 г. и окончания Гражданской войны в России. Пределы страны покинули около двух миллионов представителей белой эмиграции, не смирившихся с победой советской власти. Из них более 200 тысяч к началу 1920-х гг. поселились в странах Балканского полуострова, прежде всего в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии). Такое количество эмигрантов способствовало значительной активизации русской церковной жизни.

Как существовавшие ранее, так и появившиеся после 1917 г. православные общины не имели единого управления и принадлежали к трем юрисдикциям, к началу 1930-х гг. возникшим на основе прежде единой Русской Церкви: Московский Патриархат, Русская Православная Церковь Заграницей с центром в югославском городе Сремские Карловцы (карловчане) и Временный экзархат Константинопольского Патриарха на территории Европы с центром в Париже, который возглавлял митрополит Евлогий (по имени главы — евлогиане). Правда, общин Московского Патриархата в Юго-Восточной Европе к началу Второй мировой войны практически не осталось, немного было и евлогианских приходов. Подавляющее большинство священнослужителей и мирян принадлежало к Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ).

Эта Церковь хотя и была относительно небольшой по численности, однако обладала значительным авторитетом и поэтому играла заметную роль в определении общей церковной ситуации на Юго-Востоке Европы. Паства РПЦЗ проживала в Болгарии, Румынии, Греции, Венгрии, Турции и даже в Албании, но в основном в Югославии. На территории этого государства в начале 1920-х гг. поселились до 120 тысяч русских эмигрантов (правда, затем их число существенно сократилось). Они построили шесть церквей и часовен, создали более десяти приходов, многочисленные духовные братства.

Монахи из России проживали во многих сербских монастырях и, кроме того, образовали еще два самостоятельных — мужской в Мильково и женский в Хопово. На богословском факультете Белградского университета преподавали несколько русских профессоров и обучались десятки русских студентов. В г. Сремски Карловцы (с 1941 г. — в Белграде) находился руководящий орган РПЦЗ — Архиерейский Синод во главе с председателем митрополитом Анастасием (Грибановским¹).

Уже через пару лет после прихода нацистов к власти в Германии, в конце 1935 — начале 1936 гг., Юго-Восточная Европа оказались в поле зрения их внешней политики. Расположенные в этом регионе государства населяли в основном православные народы — сербы, черногорцы, македонцы, болгары, румыны, греки и т.д. Национальные Православные Церкви традиционно играли большую роль в жизни балканских стран, и Германский МИД еще до оккупации Греции и Югославии в 1936–1941 гг. постоянно пытался различными способами включить их в сферу влияния III рейха. Этот фактор оказывал заметное влияние и на нацистскую политику в отношении Русской Православной Церкви.

Историография избранной темы не очень велика. Советскими учеными история Православных Поместных Церквей в первой половине XX в., а также деятельность Русской Православной Церкви за пределами СССР, в том числе на Балканах, практически не изучалась. С 1990-х гг. в России стали появляться труды, рассматривающие те или иные аспекты избранной темы. Истории русской церковной эмиграции в Югославии посвящена небольшая, но интересная книга В.И. Косика². Значительный вклад в изучение истории Поместных Православных Церквей, в том числе в период между двумя мировыми войнами, внес преподаватель Московской духовной академии К.Е. Скурат³. Отдельные использованные сюжеты рассматривались в работах

---

¹ Bundesarchiv Berlin (BA), 62Di 1/85. Bl. 52; Григориевич Б. Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 11–113.

² Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е годы XX века). М., 2000.

³ Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. В 2 ч. М., 1994; Его же. Исторический очерк Православной Церкви Чешских земель и Словакии // Богословский вестник Московской духовной академии и семинарии. 2003. № 3. С. 179–191.

А.А. Кострюкова⁴, А.В. Попова⁵, С.В. Болотова⁶, А.В. Слесарева⁷, священнослужителей Московского Патриархата — игумена Митрофана (Шкурина⁸), священника Александра Мазырина⁹, протоиерея Владислава Цыпина¹⁰ и русских эмигрантов — С.В. Троицкого¹¹, архиепископа Никона (Рклицкого¹²). Значительный интерес представляет недавняя монография священника Александра Мазырина и А.А. Кострюкова, посвященная некоторым проблемам в истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей¹³.

Русскую церковную эмиграцию в Греции наиболее плодотворено изучала И.Л. Жалнина-Василькиоти, написавшая многочисленные статьи, а также книгу о выдающихся фигурах российской эмиграции в этой стране¹⁴. Одним из основных авторов, изучающих историю русских общин в Греции и Турции, является проживающий в настоящее время в Милане петербургский историк М.Г. Талалай. Он опубликовал несколько ценных работ, в том числе по

---

⁴ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг.: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011; *Его же*. К истории взаимоотношений между Русской Зарубежной Церковью и Константинопольской Патриархией в 1920–1924 гг. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 6 (43). С. 61–62 и др.

⁵ Российское православное зарубежье: история и источники / Сост. А.В. Попов. М., 2005.

⁶ Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е годы. М., 2011.

⁷ Слесарев А.В. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). М., 2009.

⁸ Митрофан (Шкурин), игум. Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922–1929 годах: (По материалам Антирелигиозной комиссии) // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 158–169.

⁹ Александр Мазырин, свц. Константинопольский Патриархат и обновленческий раскол // URL: <http://www.pravoslavie.ru>

¹⁰ Владислав Цыпин, прот. История Русской Церкви 1917–1997. История Русской Церкви. Кн. 9. М., 1997.

¹¹ Троицки С. Црквена јурисдикција над православном диаспором. Сремски Карловци, 1932.

¹² Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1961. Т. 10 и др.

¹³ Александр Мазырин, свц., А.А. Кострюков. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М., 2017.

¹⁴ Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. М., 2015.

истории храмов в Афинах, Пирее и русских обителей на Святой Горе Афон¹⁵. Русским монашеством Афона также занимался П. Троицкий¹⁶.

Важной работой является коллективный труд «Русские храмы и обители в Европе», составителями которого были петербургские ученые В.В. Антонов и А.В. Кобак¹⁷. Разделы этого труда, посвященные русским храмам в Турции и русским обителям Афона, написал М.Г. Талалай при небольшом участии В.В. Антонова. Существенным вкладом в изучение биографий насельников русских афонских обителей стало изданное Свято-Пантелеимоновским монастырем (Руссиком) в 2012 г. коллективное исследование «Русский афонский отечник XIX–XX веков». Значительный интерес представляют и другие тома выпущенной Руссиком 25-томной серии по истории монастыря. Некоторые сюжеты избранной темы монографии ранее уже освящались в работах автора нынешнего издания¹⁸.

К настоящему времени достаточно много сделано для изучения биографий русских зарубежных священнослужителей, хотя в этой области еще предстоит большая работа. Относительно полно освещены биографии архиереев Московского Патриархата, в том числе перешедших в его юрисдикцию из РПЦЗ, в труде протодиакона Александра Киреева¹⁹. Митрополит Мануил

---

¹⁵ Талалай М.Г. Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Элинов Ольги Константиновны в Пирее (Греция). СПб., 2002; *Его же*. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2003; *Его же*. Положение русского монашества на Афоне после 1912 г. // Россия и христианский Восток. М., 2004. С. 581–589; *Его же*. Русская община в Афинах // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 98–101; *Его же*. Русские захоронения на военном кладбище Зейтинлик в Салониках. СПб., 1999; *Его же*. Русские церковные общины в Греции в межвоенный период // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. Вып. 2. М. — СПб., 2005. С. 124–131; *Его же*. Генеалогия Демидовых князей Сан-Донато (по зарубежным источникам) // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. Сост. Н.Г. Демидова. М., 2003. С. 117–119 и др.

¹⁶ Троицкий П. Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2002; *Его же*. Русские на Афоне. XIX–XX век. М., 2003; *Его же*. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009.

¹⁷ Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб., 2005.

¹⁸ Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002; *Его же*. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009 и др.

¹⁹ Александр Киреев, протодиак. Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2005 годах. М., 2005.

(Лемешевский) также оставил после себя многотомный труд, охватывающий биографии всех православных епископов с 1893 по 1965 гг. Еще раньше работу, содержащую подборку биографий русского православного епископата за 1941–1953 гг., написал эмигрантский историк В.И. Алексеев²⁰. В 2000-е гг. вышли две работы, специально посвященные биографиям служивших за границей русских церковных деятелей: Антуана Нивьера и В.И. Косика²¹.

Среди опубликованных трудов немецких и американских ученых, частично посвященных истории Православных Церквей Юго-Восточной Европы и русской церковной эмиграции в этом регионе, следует назвать монографии по истории Православных Церквей в XX веке канадского историка Д.В. Поспеловского²², хотя самостоятельных глубоких исследований по данным сюжетам он не проводил.

Много ценных фактов можно извлечь из обзорных работ по истории Югославии и ее отдельных регионов немецких историков Т. Бремера, К. Бухенау и Л. Штайндорфа²³. Хорошую книгу по истории Зарубежной Русской Православной Церкви (на материалах Германии) написала церковная исследовательница К. Геде²⁴. Другой немецкий церковный историк Г. Зайде в своих трудах достаточно квалифицированно описал общую историю Русской Православной Церкви Заграницей, однако многие важные сюжеты у него отражены слишком кратко²⁵.

---

²⁰ Alexeev W. Russian orthodox bishops in Soviet Union, 1941–1953. New York. Research program on the USSR: Mimeographed series. № 61. 1954.

²¹ Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографической справочник. М. — Париж, 2007.

²² Pospelovskii D. The Russian Church under the Soviet Regime 1917–1982. New York, 1984; *Его же*. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; *Его же*. Тоталитаризм и вероисповедание. М., 2003.

²³ Buchenau K. Kämpfende Kirchen. Jugoslawiens religiöse Hypothek. Frankfurt am Main, 2006; Bremer T. Kleine Geschichte der Religionen in Jugoslawien. Freiburg-Basel-Wien, 2003; Steindorf L. Kroatien. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. München, 2001.

²⁴ Gäde K. Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Köln, 1985.

²⁵ Seide G. Geschichte der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. Wiesbaden, 1983; Seide G. Die Kloster der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München, 1984; Seide G. Die Russische

При написании параграфов о деятельности Православных Церквей в Югославии, Болгарии, Венгрии, Греции, Турции, Румынии активно использовались труды местных историков: греческих — А. Нанакиса, А.Д. Делимбасиса, А.А. Паллиса, Г. Псаллидиса, сербских — М. Йовановича, З. Петровича, Р. Радич, В. Джурича; болгарских — Д. Калканджиевой, С. Елдърова, К.А. Бойкиковой; румынских — А. Морару, М. Пэкуруариу; венгерских — Э. Киша, протоиерея Ферица Берки; хорватских — Ю. Кришто, П. Позара, турецкого ученого Т. Эргене и других. При всем различии и нередко значительной политизированности их позиций эти труды представляют значительную ценность вследствие использования большого комплекса документов государственных и церковных архивов балканских стран²⁶.

Значительную ценность представляют опубликованные воспоминания и исследования непосредственных участников описываемых в монографии событий: митрополита Евлогия (Георгиевского), архиепископа Нафанаила (Львова), правителя дел Архиерейского Синода Русской Православной

Orthodoxe Kirche im Ausland unter besonderer Berücksichtigung der Deutschen Diözese. München, 2001.

²⁶ Нанакис А. История Вселенского Константинопольского Патриархата в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе, XX век. Киев, 2010. С. 25–52; Delimbasis A.D. Pascha of the Lord, Creation, Renewal, and Apostasy. Athens, 1985; Psallidas G. Ecclesiastical Policy of the Occupying Forces in Greece and the Reactions of the Greek Orthodox Church to Its Implementation (1941–1944) // Religion under Siege. II. Protestant, Orthodox and Muslim Communities in Occupied Europe (1939–1950). Leuven, 2007. P. 93–118; Jelić-Butić F. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. Zagreb, 1978; Djurić V. Ustaše i pravoslavlje. Hrvatska pravoslavna crkva. Beograd, 1989; Бурић В. Усташе и Православље. Хрватска Православна Црква. Београд, 1989; Kosović B. Zrtve drugog svetskog rata u Jugoslavije. London, 1985; Zerjavić V. Gubici stanovništva Jugoslavije u drugom svetskom ratu. Zagreb, 1989; Batelja Ju. Crna knjiga o grozovitostima komunističke vlada — vine u Hrvatskoj. Zagreb, 2000; Pozar P. Hrvatska Pravoslavna Crkva u prošlosti i budućnosti. Zagreb, 1996; Krišto Ju. Katolička crkva i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. Dokumenti. Zagreb, 1998; Krišto Ju. Sukob simbola. Politika, vjero i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 2001; Радич Р. Држава и верске заједнице 1945–1970. Д. 1. Београд, 2002; Петровић З. Монастири Свете Горе. Приштина, 1994; Бойкикова К.А. Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк. София, 2005; Елдъров С. Православието на войне. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София. 2004; Ergene T. Istikl harbinde Trk ortadokslari (The Turkish Orthodox in the War of Independence). Istanbul, 1951 и др.

Церкви Заграницей епископа Григория (Граббе), архиепископа Виталия (Максименко), известного русского церковного деятеля и писателя В. Маевского, архиепископа Василия (Кривошеина), схиархимандрита Софрония (Сахарова) и других²⁷.

Главным недостатком существующей историографии избранной темы является узость источниковой базы. Материалы как российских, так и зарубежных архивов использовались недостаточно. Между тем предлагаемая читателю монография основана, главным образом, на архивных документах. Ее источниковую базу составляют материалы 13 государственных (четыре российских, трех немецких, двух американских, двух сербских, одного болгарского и одного греческого), а также семи церковных архивов.

Все соответствующие архивы можно разделить на две большие группы: государственные и церковные. В Российском государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург) хранится большое количество документов о русских храмах и монастырях в странах Юго-Восточной Европы в XIX–начале XX веков. Они находятся в фондах Канцелярии Святейшего Синода (ф. 796), Канцелярии обер-прокурора Синода (ф. 797), Хозяйственного управления Синода (ф. 799), Комиссии по постройке храма Рождества Христова на Шипке (ф. 819), фонде «Строительные планы и фотографии Святейшего Синода» (ф. 835) и ряде других. Подобные документы также имеются в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга — фонде Петроградской духовной консистории (ф. 19) и др., так как до 1918 г. все русские храмы в зарубежной Европе находились в ведении Петроградского (до 1934 г. — Санкт-Петербургского) митрополита.

Особый интерес среди российских государственных архивов в плане избранной темы представляет находящийся в Москве Государственный архив

---

²⁷ Виталий (Максименко), архиеп. Мотивы моей жизни. Джорданвилл, 1955; Архим. Нафанаил (Львов). Страничка из жизни обители преподобного Иова // Православная жизнь. 1996. № 7. С. 3–31; Григорий (Граббе), еп. Завет Святого Патриарха. М., 1996; Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания. Нижний Новгород, 1998; Его же. Спасенный Богом. Воспоминания, письма. СПб., 2007; Церковь владыки Василия (Кривошеина). Письма, статьи, воспоминания / Сост. А. Мусин. Нижний Новгород, 2004; Софроний (Сахаров), иеромон. Старец Силуан Афонский. М., 1996; Маевский В. Афонские рассказы. Париж, 1950; Его же. Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии: В 2-х т. Нью-Йорк, 1966 и др.

Российской Федерации (ГА РФ). Здесь большинство документов по истории русской церковной эмиграции содержат обширные фонды Совета по делам религий (до 1965 г. — Совета по делам Русской Православной Церкви) (ф. Р-6991) и, прежде всего, Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей (ф. Р-6343). Архив канцелярии Архиерейского Синода первоначально находился в Сремских Карловцах и в первые месяцы 1945 г. был вывезен советскими войсками в Москву и помещен в Центральный государственный Особый архив СССР.

25 августа 1948 г., согласно решению № 12/3-937 Главного архивного управления МВД СССР, документы Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей в количестве 55 дел и 16 килограммов россыпи передали в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ныне ГА РФ), где после обработки и описания был образован фонд Р-6343 «Высшее церковное управление Русской Православной Церкви Заграницей» в количестве 384 дел. В 1996 г. фонд был переименован в «Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей г. Сремские Карловцы, Югославия». В 1992 и 1998 гг. к нему присоединили несколько дел, сформированных из россыпи, поступившей из Библиотеки федеральных архивов. В настоящее время фонд Архиерейского Синода включает в себя 388 дел за 1917–1941 гг. Следует назвать и личные фонды ряда известных зарубежных церковных деятелей, в частности, митрополита Западно-Европейского Евлогия (Георгиевского) (ф. Р-5919). Религиозную ситуацию в Юго-Восточной Европе и историю русской церковной эмиграции в 1920–1930-е гг. можно изучать и по материалам Российского государственного архива социально-политической истории в Москве (РГАСПИ), в частности, в фонде Центрального Комитета ВКП(б) — КПСС (ф. 17).

В Германии прежде всего следует указать Федеральный архив в Берлине (Bundesarchiv Berlin — ВА), где наибольшее значение для избранной темы имеет фонд Рейхсминистерства иностранных дел, в котором хранятся дела, содержащие донесения немецких посольств и уполномоченных МИДа о религиозной ситуации в европейских странах. В двух подобных делах, в частности, имеются сведения о положении русских обитателей на Святой Горе Афон (R 901). В фонде Главного управления имперской безопасности имеется богатейшая информация о положении Русской Православной Церкви

на территории Восточной Европы: в нескольких группах сообщений представителей этого ведомства (R 58).

Фонд Рейхсминистерства церковных дел содержит прежде всего материалы о положении приходов Русской Православной Церкви на территории Германии, однако с информативной целью министерство также получало различные сообщения и докладные записки о религиозной ситуации на Балканах. Таким образом, в этом фонде отложились дела, содержащие богатую информацию о Православных Церквях в Греции (в том числе на Святой Горе Афон), Протекторате Богемия и Моравия, Болгарии, Румынии и Сербии (R 5101). Кроме того, в Федеральном архиве отдельные акты, относящиеся к германской церковной политике на юго-востоке Европы, содержатся в фондах Имперской канцелярии (R 43/II), Рейхсминистерства юстиции (R 22), Рейхсминистерства финансов (R 2), Внешнеполитической службы национал-социалистической германской рабочей партии (NS 43) и др.

Ценным архивохранилищем является Политический архив Министерства иностранных дел в Бонне (Politisches Archiv des Auswärtigen Amts Bonn — AA), где хранятся десятки дел с аналитическими записками, отчетами, письмами, телеграммами немецких дипломатических служб о религиозной ситуации в странах Восточной и Центральной Европы, в том числе в Югославии, Греции, Словакии, Венгрии и т.д. (Inland I-D, 4740–4742, 4797–4800 и др.).

Третьим использованным германским архивом был архив Института современной истории в Мюнхене (Institut für Zeitgeschichte München — IfZ). В нем так же, как и в Федеральном архиве Берлина, имеется фонд Рейхсминистерства занятых восточных территорий. Он меньше по объему, но содержит много важных документов, отсутствующих в Берлине. Определенную ценность в этом плане представляет большая их подборка, рассказывающая о германской политике по отношению к Русской Церкви (MA 794, 795, 797). О церковной ситуации в Югославии и других странах Восточной Европы говорится в материалах немецкого военного командования (MA 1039), Главного управления имперской безопасности (MA 447, 558, Fa 231/3) и Внешнеполитической службы «Восток» (MA 128).

Были использованы документы из двух сербских архивов: Архива Югославии в Белграде (Архив Југославије, Београд) и Архива Сербии в Белграде (Архив Србије, Београд) — фонд Г/3 Министерства просвещения и религии

(Министерство просвете и вера). Также удалось получить переводы некоторых документов Синода Эладской Православной Церкви, хранящихся в Историческом архиве Священного Синода Эладской Церкви в Афинах (Historical Archives of the Holy Synod of the Greek Church — НАНС).

По-своему уникальная ситуация существует в Болгарии — Болгарская Церковь единственная из Православных Церквей Восточной Европы полностью передала свои документы за 1920–1930-е гг. в государственный архив, где они полностью доступны для исследователей. Автором были предприняты поездки в Софию, где он работал прежде всего в Центральном государственном архиве Болгарии (Централен държавен архив — ЦДА). Здесь были изучены как фонды занимавшихся церковными делами учреждений и ведомств этой страны, так и документы самой Болгарской Православной Церкви 1930–1945-х гг., прежде всего фонд Священного Синода (ф. 791 к). Удалось изучить и некоторые материалы в Архиве Рильского монастыря в Болгарии.

Автор работал и в двух содержащих русские церковные документы архивах американских университетов. Первый из них — Бахметьевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры находится в Колумбийском университете г. Нью-Йорка (The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, New York). В этом архиве использовались, главным образом, документы фонда известного деятеля Русской Православной Церкви Заграницей протоиерея Владимира Востокова, служившего в Югославии. Другой архив принадлежит Стенфордскому университету, расположенному в Силиконовой долине вблизи г. Сан-Франциско (Калифорния). Одна часть архива хранится в Гуверовском институте войны, революции и мира (Hoover Institution on war, revolution and peace Archives, Stanford University): коллекции А. Даллина, Н. Иванова, Б. Николаевского, Г. Фишера, а вторая — в специальной коллекции университетской библиотеки (Stanford University, Special collections Librarian). Здесь особенный интерес представляет фонд епископа Григория (Граббе).

Вторую группу образуют семь русских церковных архивов, прежде всего, Синодальный архив Русской Православной Церкви Заграницей в г. Нью-Йорке (СА). Из состава его документов для подготовки монографии использовались материалы нескольких десятков дел: переписка председателя Архиерейского Синода митрополита Анастасия и епископа Берлинского

Серафима 1938–1939 гг. (д. 24/42), переписка митрополита Анастасия с различными гражданскими и церковными инстанциями в Югославии (д. 15/41), документы русских общин в Венгрии (д. 18/41), дела с протоколами заседаний Архиерейского Синода РПЦЗ за 1940–1946 гг. и протоколами Архиерейских Соборов 1921–1949 гг., личные дела митрополита Анастасия (Грибановского), архиепископа Аверкия (Таушева), епископа Георгия (Граббе) и т.д.

На севере штата Нью-Йорк, в небольшом городке Джорданвилле находится Архив Свято-Троицкой духовной семинарии Русской Православной Церкви Заграницей. Здесь были использованы личные фонды генерала П.Н. Краснова, церковного писателя В.А. Маевского (собравшего большое количество документов русских обителей на Святой Горе Афон), историков В.И. Алексеева, протопресвитера Михаила Польского, журналиста В.К. Абданк-Косовского, содержащие материалы по истории русской церковной эмиграции, а также фонд «Русский фашизм».

Эти материалы дополняет Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей в г. Мюнхене (АГЕ). Здесь хранятся дело «Разная переписка. Военные годы» с документами начальника канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ до начала 1930-х гг. Е.И. Махароблидзе, книга постановлений 1934–1948 гг. Духовного собора русского монастыря прп. Иова Почаевского в Чехословакии, который вел большую издательско-миссионерскую работу. Следует отметить и дело «Указы Архиерейского Синода РПЦЗ. Распоряжения Патриархии. 1923–1951 гг.», в котором собраны различные материалы по истории Русской Православной Церкви.

Следует упомянуть и Архив автокефальной Американской Православной Церкви в Сайосете (штат Нью-Йорк) — The Archives of the Orthodox Church in Amerika Syosset (OCA Archives). В этом архивохранилище использовались материалы известного церковного историка протоиерея Димитрия Константинова, переписка Болгарской, Сербской и других Поместных Православных Церквей с Американской Церковью.

Чрезвычайно богат Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА), в котором были изучены десятки дел, содержащих документы как самих русских обителей Святой Горы, так и их подворий и метохов в Константинополе и на территории Греции. Также были изучены некоторые материалы

Архива Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, расположенного в Даниловом монастыре (Москва), прежде всего из папки «Афон». Отдельные личные дела вернувшихся из эмиграции священнослужителей просматривались в Архиве Санкт-Петербургской епархии.

Материалы 1918–1939 гг. сохранились далеко не полностью, поэтому в монографии активно использовались статьи и публикации документов из русских православных периодических изданий тех лет — прежде всего газеты «Православная Русь» (Ладомирова, Чехословакия), журналов «Церковная жизнь» (Белград), «Церковное обозрение» (Белград), «Сообщения и распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, митрополита Берлинского и Германского и Средне-Европейского митрополичьего округа» (Берлин) и др.

Автором монографии является доктор исторических наук, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и Санкт-Петербургской духовной академии, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга Михаил Витальевич Шкаровский.

Глава I

Греческие Церкви в межвоенный период

1. Константинопольский Патриархат

Первая половина XX в. стала для Константинопольского Патриархата временем тяжелых испытаний, реформ и серьезных конфликтов с другими Поместными Православными Церквями и светскими властями ряда государств. Одно время под угрозой находилась даже сама дальнейшая возможность его существования. И все же в целом он смог не только сохраниться, но и после бурных потрясений вновь существенно расширить свое влияние. При этом заметную роль играли непростые взаимоотношения Фанара с Московским Патриархатом и русской православной эмиграцией.

К моменту революционных событий 1917 г. и окончания Первой мировой войны Константинопольский Патриархат являлся одним из самых значительных и влиятельных в православном мире. В его состав входили 40 расположенных на территории Османской империи епархий с общим числом верующих более 2 миллионов человек (в том числе 30 епархий в Малой Азии). Патриарший престол занимал владыка Герман V (в миру Георгий Кавакпулос). Он родился в 1835 г. в Константинополе (Стамбуле), окончил начальную школу Фанара, Великую национальную школу в Стамбуле и Халкинскую богословскую школу (1863), где принял монашество и был рукоположен во диакона. 22 августа 1864 г. о. Герман был возведен в сан великого архидиакона, 12 марта 1867 г. хиротонисан в митрополита Коса. С марта 1874 г. по февраль 1876 г. он состоял членом Священного Синода и возглавлял центральное попечительство над органами образования. 19 февраля 1876 г. владыка Герман был перемещен на Родосскую митрополию, в 1886 г. вновь избран членом Священного Синода. После отставки Патриарха

Иоакима IV (14 ноября 1886 г.) его, несмотря на молодость, рассматривали в качестве кандидата на Патриарший престол. С 1887 г. на всех выборах Первосвященителя он выступал одним из основных кандидатов, но всякий раз вычеркивался из избирательных списков Высокой Портой. Новый Патриарх Дионисий V опять избрал владыку Германа членом Синода (до 1888 г.), затем он был перемещен на Ираклийскую митрополию. В 1890 г. митрополит снова был призван в члены Синода и стал ближайшим помощником Патриарха Дионисия V в борьбе с Портой за права и прономии Церкви. 3 октября 1890 г. во всех храмах Константинопольского Патриархата был объявлен интердикт — прекращение богослужений в знак протеста против политики турецких властей. Эта мера, вызвавшая осуждение российской дипломатии и священноначалия, а также умеренно настроенных греческих иерархов, тем не менее сыграла свою роль. К концу декабря 1890 г. конфликт с Портой был улажен, и паства справедливо считала владыку Германа победителем в борьбе за права Церкви.

В 1880–1890-е гг. он был председателем Смешанного Совета при Патриархии, народных благотворительных учреждений, попечительства над Халкинской богословской школой, Великой национальной школой, патриаршего печатного органа «Церковная правда» («Церковная истина») и патриаршей типографии, комиссий по архиерейским имуществам и экономической. При этом митрополит Герман возглавлял группу иерархов, которые ориентировались на греческий национальный центр в Афинах и противостояли в этом плане вторично управлявшему Церковью с 25 мая 1901 г. Константинопольскому Патриарху Иоакиму III, отстаивавшему идею вселенского главенства. Владыке Герману оказывало поддержку в Османской империи православное семейство банкиров Стефановиков (Стефановичей), именно он убедил Павла Стефановика профинансировать восстановление разрушенных в 1896 г. землетрясением зданий богословской школы на острове Халки. 10 мая 1897 г. владыка Герман был перемещен на Халкидонскую митрополию, где он на средства П. Стефановика построил храм Пресвятой Троицы и училище для девочек²⁸.

---

²⁸ Гердт Л.А. Герман V, Патриарх Константинопольский // Православная энциклопедия. Т. XI. М., 2006. С. 263.

Владыка Герман был избран Патриархом в возрасте 63 лет 28 января/10 февраля 1913 г. (после смерти 13 ноября 1912 г. Патриарха Иоакима III), 5 февраля состоялась его интронизация. По мнению греческих историков, в течение своего патриаршего служения Герман V постоянно дистанцировался от духа и буквы принятых в 1860 г. Церковно-народным собранием четырех «Общих уставов» Патриархата. Он был сторонником прежней системы управления Константинопольского Патриархата, известной как «геронтизм». Согласно этой, существовавшей с середины XVIII в. до 1860 г. системе, несколько старейших митрополитов-геронтов, постоянных членов Синода (сначала 6, а потом 12), приезжавших в Константинополь на длительный срок из своих резиденций, в частности из Никомидии, Никеи, Халкидона, Деркона, Кизика, Кесарии, Ираклии (Гераклен) и Эфеса, осуществляли основные линии управления. У геронтов хранилась печать Патриархата, и для принятия каждого документа требовалось их согласие, подписи и оттиск печати. Патриарх Герман также подбирал членов Священного Синода по своему усмотрению, а не на основе списка избранных епископов, подаваемого согласно «Общим уставам»²⁹.

Однако важнейшие положения этих уставов сохраняли свою силу. Священный Синод состоял из 12 архиереев, сменяемых через два года, причем никто из архиереев — не членов Синода — не мог находиться в Константинополе без специального разрешения Патриарха. Равным образом члены Синода, заседания которого должны были происходить два раза в неделю, не могли отлучаться из столицы. Кроме того, согласно «Общим уставам», было создано особое административное учреждение — Постоянный смешанный совет из 12 членов — четырех архиереев и восьми мирян. В их обязанности входило следить за исполнением завещаний и других актов, рассмотрение вопросов по наследству, наблюдение за школами, больницами, другими богоугодными заведениями и т.д. Таким образом, Патриарх формально (а нередко и фактически) был подчинен в церковных делах Синоду, а в гражданских — Постоянному смешанному совету. Допуск мирян в церковные дела проложил путь к политизации Константинопольской Церкви,

---

²⁹ *Нанакис А.* История Вселенского Константинопольского Патриархата в XX столетии// Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 30–31, 40.

которая постепенно попала в зависимость от националистически настроенных богатейших греческих жителей Османской империи, тесно связанных с правительством Греческого королевства. Как справедливо отмечала петербургская исследовательница Л.А. Гердт: «Крайний греческий национализм был тем веянием, которое привнес в церковную жизнь второй половины XIX в. Смешанный совет»³⁰.

В 1912–1913 гг. Константинопольская Патриархия приняла непосредственное участие в борьбе с движением русских монахов-имяславцев на Святой Горе Афон. 27 августа Халкинская богословская школа по поручению Патриарха рассмотрела учение имяславия (имябожия) и признала его еретическим³¹. 12 сентября 1912 г. «новое лжеучение» было осуждено грамотой Патриарха Иоакима III³². 29 января 1913 г. иноки Свято-Андреевского скита, который стал основным центром движения, были объявлены Протатом Святой Горы отлученными от Церкви впредь до суда Константинопольской Патриархии и запрещенными в служении. 5 апреля того же года имяславие было осуждено как ересь новым Вселенским Патриархом Германом V³³.

Константинопольский Патриарх поддержал Святейший Синод Российской Церкви в подавлении движения и содействовал насильственной высылке имяславцев с Афона. При этом он обратил внимание Святейшего Синода на то, что «с монахами, принявшими законным образом постриг на Афоне, нельзя обращаться как с мирянами и нельзя насильно заставлять их возвращаться в мир. Если они совершили поступок, который должен повлечь за собой снятие сана, то они должны предаваться церковному суду и лишь по утверждении приговора лишаться права носить мантию и клобук»³⁴.

---

³⁰ Гердт Л.А. Предисловие // Архимандрит Антоний Капустин. Донесения из Константинополя (1860–1865). М., 2013. С. 21–23.

³¹ Утверждение монахов, что «имя Божие есть Сам Бог», было изобличено как ересь «имябожия» или «ономатологрии».

³² Утро России. 1913. 27 июля.

³³ Миндлин А.Б. Подавление религиозного движения русских монахов на греческом Афоне (по материалам российской прессы и Государственной думы) // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 140.

³⁴ Утро России. 1913. 21 июля.

Указом Синода Российской Церкви от 24 августа 1913 г. иноки, не принявшие его послания с осуждением имяславия, были запрещены в священнослужении и причащении Святых Таин. В послании к Святейшему Синоду Патриарх Герман V выразил пожелание, чтобы изгнанные монахи даже в случае раскаяния не могли быть возвращены на Афон³⁵. При этом Святейший Синод не хотел заниматься судебным разбирательством с имяславцами, стараясь передать его Константинопольской Патриархии. Однако Патриарх Герман V тоже не желал разбирать «афонское дело» и в послании от 11 декабря 1913 г. отклонил предложение Синода, предоставив ему самому определить судьбу афонитов. В кругах, близких к Святейшему Синоду, подобный ответ расценили как нежелание предоставить возможность русским инокам, даже раскаявшимся, вновь водвориться на Святой Горе³⁶.

В первые месяцы после начала, летом 1914 г., Первой мировой войны Вселенский Патриарх занял явно выраженную протурецкую позицию. В этой связи в российской прессе приводился следующий факт: «Греческий патриарх в Константинополе обратился с посланием ко всем греческим митрополитам Турции, в котором предписывает в каждое воскресенье за обедней молиться за здоровье султана и о победе Турции над Россией. Патриарх пожертвовал тысячу пар сапог для турецких солдат»³⁷.

Менее чем через год в ходе переговоров между странами Антанты была достигнута договоренность о передаче России после окончания войны Константинополя. Это соглашение было оформлено памятной запиской британского посла в Петрограде Бьюкенена (от 12 марта 1915 г.) и нотой французского правительства (от 16 апреля 1915 г.). Весной того же года российское Министерство иностранных дел поручило своему чиновнику Георгию Сергеевичу Фонвизину (бывшему посланнику) подготовить записку, которая должна была послужить в качестве необходимой информационно-справочной базы при «определении будущего устройства Святой Земли» и статуса Святых мест Палестины при разделе территории Османской

---

³⁵ Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009. С. 163–164; Забытые страницы русского имяславия. М., 2001. С. 299–300.

³⁶ Миндлин А.Б. Указ. соч. С. 146–147.

³⁷ Миссионерский сборник. Рязань. 1914. № 12. С. 987.

империи, а затем — информационно-аналитическую «Записку о Вселенской Патриархии», которую он закончил 6 (19) октября 1916 г.³⁸

Вторая записка Г.С. Фонвизина заключала в себе ответы на целый ряд важных вопросов, которые поставила война перед Российской империей. Среди них были вопросы о Константинополе, дальнейшей судьбе Вселенского Патриархата после «водворения русской власти» в Царьграде, а также «вопрос об Афоне, ввиду того что он остался вне территориальных границ Турции, будучи оккупирован греческими войсками» в ходе Балканской войны 1912 г. Примечательно, что в афонском вопросе точки зрения российского МИДа и Вселенской Патриархии «если не совсем совпали, то, во всяком случае, оказались весьма близкими, ибо одним из пожеланий, выраженных Россией относительно Святой Горы, было дальнейшее оставление ее под духовным главенством Вселенского Патриарха»³⁹.

В начале записки давалась картина устройства Константинопольской Церкви и ее управления, рассматривались отношения Вселенской Церкви к Греции и к России после Балканских войн, в результате которых Фанар оказался под жестким контролем греческого правительства, а к России стал относиться непорядочно и неискренне. Однако в дальнейшем он стал задумываться над возможностью изменения опоры на Афины в пользу Петрограда. Отказавшись от идеи уничтожения самостоятельности Константинопольской Церкви, автор записки предлагал несколько изменить ее положение и внутреннее устройство. Наиболее подробно Г.С. Фонвизин останавливался на теме развития отношений между русской церковной властью и Вселенским Патриархатом, а также на проблеме отношения Фанара к русской гражданской администрации. Если при османской власти архиереи этого Патриархата отчасти привлекались к гражданскому управлению, то «при русской власти гражданский строй не потребует участия вероисповедных духовных представителей», и «иерархи не будут более отвлекаться от исполнения своих церковных обязанностей». Автор

---

³⁸ Якушев М.И. *Прожекты Российской империи относительно судьбы Босфора и Дарданелл, Константинополя и Вселенского Патриархата после победы Антанты в Первой мировой войне.* М., 2013. Рукопись. С. 6–7.

³⁹ Там же. С. 8.

записки рассматривал будущее положение Константинопольской Церкви, ее архиереев и паствы в условиях, когда «при водворении русской власти» константинопольская православная община «не будет иметь основания пользоваться особым положением, выделенным из среды других частей населения»⁴⁰.

Предполагая «в новых условиях» сокращение количества митрополий Константинопольского Патриархата, а также появление на берегах Босфора значительного количества русских людей, для которых понадобятся русские храмы и духовенство, Г.С. Фонвизин рекомендовал ввести в состав Константинопольской Церкви русского архиерея в качестве полноправного члена Синода, предложил выделить ему самостоятельную Дерконскую митрополию, с местопребыванием митрополита на Верхнем Босфоре, вблизи Константинополя.

В заключительной части записки ее автор констатировал, что водворение русской власти в Царьграде восстановит христианский характер «Града Константина и Златоуста на общую радость православного мира», которому должны быть возвращены его святыни, восстановленные в их прежнем величии. В этом деле, по мнению Г.С. Фонвизина, император Николай II явится истинным главой православного мира. Причем российский император мог бы стать почетным ктитorem храма Премудрости Божией, а Вселенский Патриарх — его почетным настоятелем. Святынями, которые подлежали восстановлению на этих основаниях, могли бы быть Святая София и храм Божией Матери во Влахернах, который должны будут воссоздать русские зодчие и который впоследствии мог бы стать подворьем русского архиерея, не нарушая при этом «канонических прав» Константинопольского Патриарха⁴¹. Во вновь превращенной из мечети в православный храм Святой Софии допускалось употребление церковнославянского языка за богослужением.

Эти планы не были утверждены. Через несколько месяцев после составления записки разразилась Февральская революция 1917 г., и все проекты Министерства иностранных дел России решить Восточный вопрос, включая

---

⁴⁰ Якушев М.И. Проекты Российской империи относительно судьбы Босфора... С. 9–10.

⁴¹ Там же. С. 10–11.

судьбу Константинополя и Вселенского Патриархата, после победного завершения Первой мировой войны так и остались нереализованными.

Между тем важнейшей проблемой, с которой пришлось столкнуться в период Первой мировой войны Патриарху Герману V, стало насильственное перемещение греческого населения из западной части Малой Азии. Эта акция была предложена немецким генералом Лиманом фон Зандерсом, чтобы обеспечить лучшую защиту Дарданелл в случае наступления в этом районе войск стран Антанты, однако для турецких властей уже вскоре главным побудительным мотивом стало изменение этнического состава населения побережья Эгейского моря, в котором преобладали греки. В 1915 г. около 774 тысяч греков, среди которых значительную часть составляли люди старше 45 лет, отправили во внутренние области Османской империи (прежде всего Анатолию) для бесплатной работы в составе так называемых трудовых отрядов на шахтах, в карьерах, на строительстве дорог и в полях. К концу 1918 г. 250 тысяч из них погибли из-за тяжелых условий жизни и труда⁴².

В этой связи Константинопольская Патриархия неоднократно посылала свои обращения в Высокую Порту, но безрезультатно. Патриарх Герман V просил греческое правительство при поддержке короля Константина, тесно связанного с Германией, обратиться при немецком посредничестве к турецким властям для решения проблемы депортации. Однако начало боевых действий в районе Дарданелл и отзыв из Константинополя послов стран Антанты сильно затруднили дипломатические маневры со стороны Патриархии. В этой ситуации большинство членов Священного Синода и Смешанного совета выражали недовольство неумелой политикой престарелого Первосвященника. Характерно, что, когда в октябре 1918 г. был создан Центральный Патриарший комитет помощи перемещенному греческому населению, его возглавил открыто оппозиционный Патриарху Герману V митрополит Эносский Иоаким. В 1918–1919 гг. из депортированных с берегов Эгейского моря 773 915 греков назад вернулось лишь около 10% — 79 034 человека⁴³.

---

⁴² См.: Runciman S. *The Great Church in Captivity: A Study of the Patriarchate of Constantinople from Eve of the Turkish Conquest to the Greek War of Independence*. Cambridge, 1968.

⁴³ *Нанакис А.* Указ. соч. С. 31–32.

Осенью 1917 г. Константинопольский Патриарх особыми грамотами приветствовал восстановление в России Патриаршества и лично — избранного Московским Патриархом святителя Тихона (Белавина). В этой связи 21 ноября на Троицком подворье в Москве с приветственной речью выступил в качестве представителя Вселенской Патриархии архимандрит Иаков⁴⁴. В апреле 1918 г. Патриарх Московский и всея России Тихон написал владыке Герману V свое мнение по вопросу о возможности введения нового календарного стиля в богослужебную практику в Церквах Православного Востока и России, а 28 мая отправил Константинопольскому Патриарху послание о начавшихся в стране гонениях на Церковь⁴⁵.

В октябре 1918 г. по благословию Патриарха Германа V митрополит Афинский Мелетий (Метаксакис) посетил США и без согласия канонической власти Российской Православной Церкви в Северной Америке, которую в отсутствие находившегося в Москве архиепископа Алеутского и Североамериканского Евдокима (Мещерского) осуществлял епископ Канадский Александр (Немоловский), учредил в Нью-Йорке Синодальную комиссию во главе с титулярным епископом Родостольским Александром (Димоглу), начавшую объединение греческих приходов в Северной Америке в юрисдикции Эладской Православной Церкви.

Как раз в это время Патриарх Герман V был вынужден удалиться на покой в результате протестов православных греков против его чрезмерно компромиссной политики по отношению к турецким властям. 5 октября 1918 г. во время великого входа при совершении литургии в патриаршем храме раздались крики: «Долой!». Почувствовав себя плохо, Патриарх обратился к народу с просьбой успокоиться и затем обещал через митрополита Прусского уйти в отставку. Это произошло 12/25 октября 1918 г. (владыка Герман поселился в Халкидоне и в декабре 1920 г. скончался, похоронен он был в церкви Пресвятой Троицы в Халкидоне)⁴⁶. В тот же день Местоблюстителем Патриаршего престола с перевесом в один голос был избран

---

⁴⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М.Е. Губнин. М., 1994. С. 58–59, 324.

⁴⁵ Там же. С. 129–133.

⁴⁶ Гердт Л.А. Указ. соч. С. 263.

митрополит Прусский (по другому Прусийский, от г. Пруса — современная Бурса) Дорофей (Маммелис), занимавший эту должность до своей смерти в 1921 г.

В январе 1920 г. Священный Синод Константинопольского Патриархата под его председательством опубликовал окружное послание (энциклику) «К Церквам христианским, во всем мире обретающимся». Изданное в период греко-турецкой войны, послание было ориентировано на православно-англиканское сближение. В нем выражалась особая надежда на продуктивный экуменический диалог, имеющий своей целью снятие противоречий в отношениях разрозненных христианских деноминаций для «подготовки и облегчения дела полного, со временем, при помощи Божией, благословенного воссоединения всех Церквей». Одним из средств достижения межхристианского единства энциклика называла «принятие общего календаря ради единовременного празднования великих христианских праздников всеми Церквами». Послание было издано на греческом, английском, французском и русском языках и разослано всем Предстоятелям Поместных Православных Церквей и главам инославных исповеданий⁴⁷.

Причина длительного (трехлетнего) вдовства Константинопольской кафедры заключалась в том, что правительство Греции под руководством премьер-министра Елевферия (Элефтериоса) Венизелоса планировало существенное расширение границ страны за счет населенных греками малоазиатских земель Османской империи (т.е. территории древней Византийской империи) и опасалось, что новый, утверждаемый султаном Патриарх может занять протурецкую позицию (в соответствии с выраженной в общих уставах довоенной практикой избрание должен был ратифицировать султан). После подписания в августе 1920 г. Севрского мирного договора и ухода в отставку Е. Венизелоса избранное 1 ноября 1920 г. новое греческое правительство стало меньше ориентироваться на завоевания в Малой Азии и высказало желание вернуть на Патриарший трон Германа V. Однако члены

---

⁴⁷ Окружное соборное послание Константинопольской Церкви «К Церквам христианским, во всем мире обретающимся» // Вестник РХД. Париж-Нью-Йорк-Москва. 1996. № 173. С. 37–39; *Ветошников К.* История Константинопольского Патриархата в XX веке: дисс. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 1996. С. 142.

Константинопольского Синода во главе с митрополитом Дорофеем выразили несогласие с новой политикой Греции и не поддержали инициативу по переизбранию владыки Германа, они по-прежнему ориентировались на максимально возможные греческие завоевания в Малой Азии⁴⁸.

Так, в своей записке новому премьер-министру Греции Раллису профессор Афинского университета Христос Андруцос (выпускник Халкинской богословской школы) в конце 1920 г. писал, обличая эти взгляды: «Константинополь страдает синдромом Венизелоса, что легко объяснимо, так как разные люди, по незнанию обстоятельств дела, поставлены на службу иностранным интересам. Со временем положение уладится само собой, когда продвинется вперед решение национальных вопросов. Поэтому я полагаю, что создание какого-либо представительства с целью надзора за происходящим и исправления положения было бы излишним. Достаточно того, чтобы греческие властные кадры следили за течением дел и управляли им. Прочее придет позже»⁴⁹.

Ко времени избрания митрополита Дорофея Местоблюстителем Патриаршего престола Османская империя уже потерпела поражение в Первой мировой войне, Стамбул был занят войсками стран Антанты (в основном английскими) и несколько лет фактически снова назывался Константинополем. Его освобождение вызвало у христианского населения надежды на повторное утверждение православия на берегах Босфора. 21 января 1919 г., находясь под защитой расположенного в городе греко-иритского полка, митрополит Дорофей отменил преподавание турецкого языка в греческих школах города. 16 марта в храмах Константинополя была обнародована прокламация об «Объединении с Грецией», после чего Патриархия и местные греки, в надежде на поддержку английских войск, отказались признавать султанское правительство. В то время в Константинополе проживало около 150 тысяч православных греков (в настоящее время их осталось только 2 тысячи). После того как греки отвергли участие в ноябрьских выборах, разрыв с турецкими властями оказался полным. Таким образом, Константинопольская Патриархия фактически организовала политический заговор против Османской империи.

---

⁴⁸ Говорун Сергей, свщ. Дорофей (Маммелис), митрополит // Православная энциклопедия. Т. XVI. М., 2007. С. 24–25.

⁴⁹ Нанакис А. Указ. соч. С. 33–34.

Желая получить поддержку всех нетурецких сил в регионе, Патриархия начала активно устанавливать связи с другими конфессиями. Так, в январе 1919 г. в Константинополе была проведена Греко-армянская конференция с целью координации деятельности этих двух групп населения в городе. 28 марта того же года митрополит Дорофей писал архиепископу Кентерберийскому: «Мы умоляем Вас оказать энергичную поддержку британскому правительству... в его усилиях удалить турок [из Стамбула]. Воскрешение христианства на Ближнем Востоке и восстановление храма Святой Софии не может быть достигнуто никакими иными средствами, кроме этого совершенного и окончательного изгнания»⁵⁰.

Надежды на «установление креста» на куполе главного христианского храма Византийской империи — соборе Святой Софии (используемом в качестве мечети) в то время казались близкими к осуществлению. 20 марта 1919 г. в интервью корреспонденту «Вашингтон пост» глава Эладской Церкви митрополит Мелетий (Метаксакис) «искренне и с энтузиазмом» заявил: «На первую службу в восстановленный храм Святой Софии в Константинополе будут приглашены не только разные представители отдельных православных юрисдикций — Греческой, Русской, Румынской, Сербской, Сирийской, Болгарской и т.д., но также римский епископ [т.е. Папа], различные Восточные Церкви и все протестантские Церкви христианского мира»⁵¹. В этом году греческому полковому священнику даже удалось отслужить первую литию в соборе Святой Софии после 465-летнего перерыва⁵².

Летом 1919 г. митрополит Кесарийский Николай от имени Вселенской Патриархии принял приглашение организационного комитета Всемирного христианского конгресса в рамках движения «Вера и устройство» участвовать на будущий год в его подготовительной встрече (конференции) в Женеве. При этом владыка Николай сказал, что Патриархия «протягивает руку помощи трудящимся на том же поле и в том же винограднике Господнем»⁵³.

---

⁵⁰ Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917–1999). СПб., 2001. С. 82, 86.

⁵¹ The Washington Post. 8.04.1919.

⁵² Греция // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2006. С. 386.

⁵³ Мосс В. Указ. соч. С. 82.

В январе 1920 г. митрополит Дорофей в связи с установлением в то время отношений Патриархата с Евангелическо-лютеранской Церковью Швеции и визитами в Константинополь представителей Епископальной Церкви США выпустил окружное послание «Церквам Христа, везде сущим», в котором говорилось: «... необходимо возродить и укрепить любовь между Церквами, которые являются не чуждыми друг к другу, а родными и близкими во Христе, «сонаследниками и сопричастниками обетования Божия во Христе»... «Эти дружба и благорасположение друг ко другу могут, по нашему мнению, проявляться следующим образом: 1) путем принятия единого календаря с одновременным празднованием больших христианских праздников всеми Церквами; 2) путем обмена братскими посланиями в большие праздники церковного года, а также и при других важных обстоятельствах; 3) путем более близких отношений находящихся всюду представителей различных Церквей; 4) путем общения богословских школ и представителей богословской науки и путем обмена публикуемыми в каждой Церкви богословскими трудами и церковной периодикой; 5) путем направления студентов одной Церкви в школы другой; 6) путем созыва всехристианских конференций для изучения вопросов, имеющих общий для всех Церквей интерес; 7) путем беспристрастного и исторически обоснованного изучения догматических различий на кафедрах и в публикуемых трудах; 8) путем взаимного уважения к имеющимся в различных Церквах традициям и обычаям; 9) путем взаимного предоставления в пользование молитвенных домов и кладбищ для погребения на чужбине скончавшихся последователей других исповеданий; 10) путем урегулирования между различными исповеданиями вопроса о смешанных браках...»⁵⁴

Местоблюститель Вселенского Патриаршего престола также предлагал создать Лигу Церквей — содружество всех христианских Церквей для взаимной помощи, сотрудничества и достижения единства. Название предлагаемой организации оказалось заимствовано от созданной после окончания Первой мировой войны Лиги Наций, но цели были церковные — благо Церквей и их единства перед лицом внешнего и враждебного мира. Хотя подобное предложение о создании содружества Церквей для совместной деятельности в сфере моральных и социальных проблем современного христианского мира

---

⁵⁴ Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902–1998. М., 1999. С. 69–70.

высказали и православные делегаты на Женевской конференции 1920 г., планируемая организация так и не была создана⁵⁵.

На подготовительную встречу Всемирного христианского конгресса в рамках движения «Вера и устройство», состоявшуюся 12–20 августа 1920 г. в Женеве, была направлена Константинопольская делегация во главе с митрополитом Селевкийским Германом (Стринопулос), который 9–12 августа также участвовал в качестве наблюдателя в подготовительной встрече движения «Жизнь и работа». В том же году Вселенский Патриархат впервые направил делегацию на устраиваемую Англиканской Церковью Ламбетскую конференцию в Лондон⁵⁶.

Митрополит Досифей также занимался проблемами беженцев, исламизации православных греков, насилия над ними со стороны турок, призыва греков в турецкую армию. При его поддержке в 1919 г. возник «Священнический союз», призванный способствовать улучшению благосостояния клира и проведению церковных реформ. Печатными органами союза стали журналы «Возрождение (выходил в 1919–1922) и «Новый пастырь» (1919–1923). Был организован ряд комиссий: по церковным преобразованиям, календарному вопросу, сближению с другими Церквями и др.⁵⁷

Несмотря на сложную внутреннюю ситуацию, Константинопольская Патриархия уже при митрополите Досифее начала вмешиваться в церковные дела на канонической территории Московского Патриархата. Так, в 1919–1920 гг. она вела переговоры о признании автокефалии Украинской Православной Церкви. В период правления на значительной части Украины возглавляемой С. Петлюрой Директории ею был взят курс на достижение автокефалии Православной Церкви на Украине и принят «Закон о верховной власти в Украинской автокефальной православной миротворческой Церкви», основные положения которого предусматривали разрыв с Русской Православной Церковью и усиление роли Украинского государства в религиозных делах. Сразу же после провозглашения 1 января 1919 г. автокефалии режим С. Петлюры предпринял шаги, направленные на придание международной легитимности данному шагу.

---

⁵⁵ Там же. С. 76.

⁵⁶ Говорун Сергей, свц. Указ. соч. С. 25.

⁵⁷ Там же. С. 24–25.

В этих целях правительство так называемой Украинской народной республики поставило задачу добиться поддержки принятого декрета со стороны Поместных Православных Церквей и в первую очередь Константинопольского Патриархата. В рамках этой политики правительство решило послать в Константинополь специальную миссию во главе с комиссаром Министерства вероисповедания Олексой Потоцким.

Делегация прибыла на берега Босфора в апреле 1919 г. и на начавшихся в июне того же года переговорах информировала Патриархию о состоянии церковных дел на Украине. По словам О. Потоцкого, переговоры показали, что Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Дорофей больше всего опасался, как бы признание Фанаром православной автокефалии на Украине не вызвало репрессий со стороны Российской империи в случае возрождения⁵⁸. Кроме того, в Константинополе в тот период находились некоторые из украинских иерархов Русской Православной Церкви: митрополит Одесский Платон (Рождественский), епископ Чигиринский Никодим (Кротков), митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) и архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский) — два последних незадолго до этого были подвергнуты аресту петлюровцами в Киеве и фактически изгнаны с Украины⁵⁹.

По свидетельству О. Потоцкого, эти владыки побывали на аудиенции у митрополита Дорофея и выразили свое разочарование по поводу контактов Фанара с миссией Директории и надежду, что эта ошибка будет исправлена в интересах Православной Церкви. Однако переговоры продолжились, результатом чего стало появление проекта письма Патриархии на имя С. Петлюры, в котором выражалось убеждение, что претензии на признание «автокефалии Украинской Православной Церкви не лишены исторических и канонических оснований». В этом же документе определялись три условия, при которых Константинопольская Патриархия готова была пойти на признание автокефалии: «Святой Синод считал бы, что с его точки зрения не существует

---

⁵⁸ Милякова Л.Б. Вопрос о признании автокефалии Православной Церкви на Украине Константинопольским Патриархатом в период С. Петлюры // XVI ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. Т. 1. М., 2006. С. 114–115.

⁵⁹ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 291–317.

препятствий для того, чтобы согласиться с такой определенно обоснованной просьбой, если эта просьба соответствует необходимым каноническим условиям... К таковым относятся: во-первых, независимость страны; во-вторых, обращение украинской власти и Украинской Церкви по этому вопросу в той Церкви, к которой она принадлежала; наличие Вселенского Патриарха, которое необходимо, чтобы принятое в дальнейшем решение носило легитимный характер»⁶⁰. По мнению современной украинской историографии, этот промежуточный вариант письма явился уступкой Фанара аргументации со стороны архиереев Русской Православной Церкви⁶¹.

В ходе продолжавшихся переговоров О. Потоцкому удалось добиться удаления второго пункта из заключительной редакции письма Константинопольской Патриархии. Но и в данном варианте послания от 9 марта 1920 г. сохранилось положение о том, что вакантность Патриаршей кафедры не позволяет Константинополю определиться в вопросе автокефалии Православной Церкви на Украине. Кроме того, судьба режима Петлюры весной 1920 г. была практически предрешена: большая часть Украины находилась под контролем Красной армии, а Западная Украина оказалась занята Польшей, что, несомненно, учитывал Фанар, не желая связывать себя далеко идущими обязательствами перед украинской стороной⁶².

После завершения переговоров в марте 1920 г. О. Потоцкий отбыл из Константинополя, оставив послом при Патриаршем престоле князя И. Токаржевского-Карашевича, принявшего весной 1921 г. от Вселенской Патриархии грамоту, в которой содержалось благословение находившимся к тому времени в эмиграции «главе Украинского государства, правительства и Украинской Православной Церкви». Украинская эмигрантская историография расценивала формулировки послания как определенный шаг Патриархии в направлении признания автокефалии Православной Церкви на Украине⁶³.

В июле 1920 г. в Константинополь приехал представитель правительства Польши Иодко с целью выяснения вопроса о возможном переходе Польской

---

⁶⁰ Мияякова Л.Б. Указ. соч. С. 116.

⁶¹ Андрусичин Б. Церква в Українській державі. 1917–1920. Київ, 1997. С. 58.

⁶² Мияякова Л.Б. Указ. соч. С. 116.

⁶³ Хома Л. Апостольський Престил і Україна. 1919–1932. Рим, 1987. С. 67.

Православной Церкви из юрисдикции Московского Патриархата в юрисдикцию Константинопольского. Согласно сообщению российского посланника в Константинополе А.А. Нератова начальнику Управления иностранных дел Г.К. Трубецкому, греческие иерархи в принципе были готовы к положительному решению вопроса. В качестве прецедента Вселенская Патриархия хотела использовать пример Галиции, где православные общины с начала XX в. теоретически возглавлял Константинопольский Патриарх в лице своего экзарха — митрополита Антония (Храповицкого). В своем письме А.А. Нератов также отмечал, что в результате временных поражений турок шовинизм греков резко вырос. Вселенская Патриархия проявляла отчуждение по отношению к турецким властям, а в некоторых константинопольских церквях открыто поминали греческого короля Александра⁶⁴.

Против планируемой акции активно выступило Высшее церковное управление на юго-востоке России. Пребывавший в Константинополе архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский) постарался выяснить точку зрения греческих иерархов и заявить им «о незыблемости взаимоотношений между Патриархом Тихоном и польскими архиереями». Владыка Анастасий позднее сообщал, что к его расспросам греки отнеслись сдержанно, хотя и заявили, что «ему нет оснований беспокоиться о каких-либо решениях, неприемлемых для России», тем более что советско-польская война еще не закончилась. В результате вопрос был временно закрыт⁶⁵. При этом митрополит Дорофей благожелательно принял прибывшее с войсками Врангеля в ноябре 1920 г. в Константинополь российское духовенство и фактически санкционировал деятельность Высшего Русского Церковного Управления за границей на территории Вселенского Патриархата.

Согласно Севрскому мирному договору, заключенному в августе 1920 г. между странами Антанты и Османской империей, Константинополь был объявлен вольным городом под международным контролем. В марте 1921 г. делегация Константинопольской Патриархии во главе с митрополитом Дорофеем

---

⁶⁴ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 годы: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 59.

⁶⁵ Там же. С. 60; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 3696, оп. 1, д. 2, л. 106–106 об.

отправилась в Лондон для участия в международной мирной конференции, на которой обсуждалась судьба Османской империи. Здесь владыка Дорофей встретился с министром иностранных дел Великобритании лордом Керзоном, королем Георгом V и архиепископом Кентерберийским, но 19 марта внезапно скончался в результате заболевания дыхательных путей, давшего осложнение на сердце, — как раз в тот момент, когда должен он был получить почетный титул вице-президента Всемирного Конгресса за дружбу во всем мире через Церкви⁶⁶. С 21 марта Местоблюстителем Константинопольского Патриаршего престола около восьми месяцев был митрополит Кесарийский Николай. Следует отметить, что в августе 1921 г. международный Севрский договор оставил туркам контроль над Константинополем, хотя и защитил права религиозных и национальных меньшинств.

25 ноября / 8 декабря 1921 г. Вселенским Патриархом вопреки большинству архиерейских голосов, полученных митрополитом Амасийским Германосом (Караванзелисом), стал бывший глава Элладской Церкви архиепископ Мелетий (в миру Эммануил Метаксакис) — активный сторонник антитурецкого политического курса своего дяди премьер-министра Греции Е. Венизелоса, борец за идеи панэллинизма, энергичный модернист и реформатор Церкви. Он родился 21 сентября 1871 г. в с. Парсас на Крите, в 1889 г. поступил в семинарию Святого Креста в Иерусалиме, в 1892 г. был пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. После окончания семинарии, в 1900–1908 гг., о. Мелетий служил секретарем Священного Синода Иерусалимской Церкви, но в 1908 г. Патриарх Дамиан изгнал его со Святой Земли за «деятельность против Святого Гроба». В 1910 г. владыка Мелетий был хиротонисан во епископа и назначен митрополитом Китийским (на Кипре), в 1916 г. переехал в Грецию и в феврале 1918 г. был избран митрополитом Афинским — Первоиерархом Элладской Церкви, однако пробыл на этом посту недолго. 17 ноября 1920 г. он был низложен «за неканонические деяния», фактически низведен до положения простого монаха и заключен в монастыре святого Дионисия Строфадского на о. Закинфе, откуда в феврале 1921 г. уехал в Америку. Оказавшись в США, изгнанный митрополит активно занялся организацией греческой архиепископии Северной и Южной Америки, которая была провозглашена 15 сентября

---

⁶⁶ Мосс В. Указ. соч. С. 87.

1921 г., включив в свой состав около 130 приходов. Всю свою жизнь владыка Мелетий являлся пламенным борцом за политические идеи панэллинизма, энергичным модернистом и реформатором Церкви⁶⁷.

Митрополит Германос так вспоминал о приходе митрополита Мелетия на Константинопольский престол: «Мое избрание в 1921 г. на Вселенский престол было несомненным. Из 17 голосов 16 было подано за меня. Тогда один из моих мирских друзей предложил мне 10 000 лир, если я откажусь от избрания в пользу Мелетия Метаксакиса. Естественно, я отверг это предложение с негодованием и отвращением. Однако ночью перед выборами меня неожиданно посетила делегация из трех человек, членов “Лиги национальной обороны”. Они стали горячо убеждать меня снять свою кандидатуру в пользу Мелетия Метаксакиса. Члены делегации сказали, что Мелетий имеет возможность внести 100 000 долларов на нужды Патриархии и, состоя в весьма дружеских отношениях с протестантскими епископами в Англии и Америке, может быть полезен в международных делах. Поэтому национальные интересы требуют, чтобы Патриархом был избран Мелетий Метаксакис. Таково было и желание Елевферия Венизелоса. Я продумал над этим предложением всю ночь. В Патриархии царил экономический хаос. Афинское правительство перестало посылать субсидии, а других доходов не было. Регулярное жалование не выдавали уже в течение девяти месяцев. Благотворительные организации Патриархии находились в критическом материальном положении. По этим причинам и ради блага народа я принял это предложение...»⁶⁸.

После отказа митрополита Германоса, 6 декабря 1921 г. было принято предложение Константинопольского Синода отложить избрание Патриарха. Однако вскоре архиереев, голосовавших за то, чтобы перенести выборы, заменили другими, и два дня спустя — 8 декабря, владыка Мелетий все-таки был избран, получив 16 голосов из 18. Одной из наиболее влиятельных поддержавших его сил была созданная в конце 1920 г. в Константинополе греческими офицерами организация «Амина» («Оборона»), выступавшая

---

⁶⁷ Мосс В. Указ. соч. С. 87. С. 92; Срболоуб Милетич, свц. Мелетий (Метаксакис): митрополит, архиепископ, Папа и Патриарх // URL: <http://www.pravoslavie.ru>

⁶⁸ Мосс В. Указ. соч. С. 92–93; Delimbasis A.D. Pascha of the Lord, Creation, Renewal, and Apostasy. Athens, 1985. P. 662.

за независимость греческой части Малой Азии. В донесении, посланном из Константинополя в Афины сразу после выборов комиссаром Воцисом, говорилось, что «Оборона», приняв решение остановиться на кандидатуре митрополита Мелетия, сохраняла, однако, «строжайшую секретность, опасаясь вызвать недовольство и потерять поддержку иерархов, голосовавших за наиболее вероятного кандидата». Значительное влияние на исход выборов оказала телеграмма от Е. Венизелоса, подписанная, правда, лишь его секретарем. Избранию не помешали ни отсутствие на телеграмме подписи премьер-министра Греции, ни возражение, высказанное судовладельцем Кириакидесом на собрании избирателей накануне выборов, что «пребывание на Патриаршем престоле человека, глубоко преданного Венизелосу, неизбежно приведет нацию к решительному разделению»⁶⁹.

Новый Патриарх Мелетий IV, после прощального богослужения в нью-йоркском соборе святого Елевферия, выехал в Европу. Перед выездом, 22 декабря, он встретился с американским президентом Хардингом и ходатайствовал о защите проживавших в бывшей Османской империи греков от притеснений турок, а по пути из Америки в Константинополь посетил Лондон и Париж, где встретился с премьер-министрами Великобритании и Франции Ллойд-Джорджем и Пуанкаре с целью получить их поддержку для создания Греческого королевства в западной части Малой Азии. В январе 1922 г. Патриарх Мелетий IV прибыл в еще занимаемый войсками Антанты Стамбул на корабле под византийским желтым флагом с черным орлом. Турецкое правительство опротестовало это избрание⁷⁰.

30 декабря 1921 г. большинство архиереев Константинопольского Патриархата (7 из 12 членов Священного Синода и около 60 епископов из новых областей Греции) под председательством митрополита Кизического Константина собрались в Салониках, где объявили о том, что «выбор Метаксакиса проведен при явном нарушении священных канонов», и предложили осуществить «действительный и канонический выбор Константинопольского Патриарха»⁷¹.

---

⁶⁹ Нанакис А. Указ. соч. С. 35–36.

⁷⁰ Там же. С. 36–37.

⁷¹ Димитрий Успенский, свц. Знамение над Афинами // Старый стиль лучше новых двух. Что такое календарная реформа. М., 2004. С. 134.

Они известили об этом решении остальных восточных Патриархов (Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского), которые поддержали его. Два члена Синода 25 декабря встретились в Афинах с тогдашним премьер-министром Греции Гунарисом, предупредив его об опасностях, угрожавших в связи с избранием митрополита Мелетия. Но, несмотря на непризнание других Первосвятителей, владыка Мелетий все-таки стал Вселенским Патриархом. В своем слове при интронизации 22 января 1922 г. он так выразил путь своей дальнейшей деятельности: «Я отдаю себя на служение Церкви, чтобы с ее первого престола способствовать развитию, насколько возможно, более тесных дружеских отношений с неправославными христианскими Церквями Востока и Запада, для продвижения дела объединения между теми и другими»⁷².

Свою первосвятительскую деятельность Патриарх Мелетий начал с попыток значительно расширить сферу влияния Константинопольского Патриархата. В конце 1921 г., используя тяжелое положение Русской Православной Церкви, он предоставил Священному Синоду Элладской Церкви «право» принять в свою юрисдикцию ранее находившиеся в ведении Московского Патриархата греческие приходы в Северной Америке, без согласия их священноначалия. Но уже вскоре, — указом от 14 марта 1922 г., Патриарх Мелетий без всякого согласования с Элладской Церковью перевел греческую архиепископию Америки в свою юрисдикцию (впоследствии из Североамериканской русской епархии выделались и другие нерусские приходы, образуя епархии в составе Православных Церквей своих национальностей). 11 мая 1922 г. во главе греческой архиепископии был поставлен бывший епископ Родостольский Александр (Димоглу), управлявший ею до 1930 г.⁷³

30 мая 1922 г. был опубликован Патриарший Томос об официальном открытии архиепископии Северной и Южной Америки с центром в Нью-Йорке. 11 августа того же года в Нью-Йорке на II Соборе духовенства и мирян греческой архиепископии в Америке был разработан новый устав, предоставлявший ей административную автономию. Учреждались три новые епархии — Сан-Францисская, Чикагская и Бостонская, архиереи которых вместе с архиепископом Нью-Йоркским и Американским должны были составить Архиерейский

---

⁷² New York Times. 1.01.1922.

⁷³ Троицки С. Црквена јурисдикција над православном дијаспором. Сремски Карловци, 1932. С. 5.

Синод. Согласно новому уставу, Собору духовенства и мирян принадлежало право избирать трех кандидатов на вдовствующие кафедры, Архиерейский Синод выбирал из них одного, и Патриарх утверждал кандидата; только архиепископ Нью-Йоркский должен был выбираться и поставляться Патриархом. Владыка Мелетий утвердил этот устав, но просуществовал он не слишком долго⁷⁴.

Наряду с переводом в свою юрисдикцию греческой архиепископии Америки и других общин греческой диаспоры (переданных Патриархом Иоакимом III, согласно Томосу от 2 марта 1908 г., под управление Элладской Церкви) Константинопольский Священный Синод 1 марта 1922 г. принял решение «об обязательном и исключительном подчинении» ему всей диаспоры православного рассеяния и всех православных приходов и епархий, находящихся вне границ государств, в пределах которых пребывают Поместные Православные Церкви (что особенно негативно сказалось на положении приходов Русской Православной Церкви за пределами СССР)⁷⁵. Эти действия основывались на неверном толковании 28-го канона IV (Халкидонского) Вселенского Собора, якобы дающего Константинополю право на принятие под свою юрисдикцию всех «варварских стран». Так возникло не существовавшее раньше учение об особых юрисдикционных правах Константинопольского Патриарха, якобы распространявшихся не только на греческую, но и вообще на всю православную диаспору в мире.

Подобные идеи владыка Мелетий вынашивал еще до своего избрания Патриархом. Весной 1921 г. в США он их высказал сербскому епископу Николаю (Велимировичу). В своем отчете Священному Архиерейскому Собору Сербской Церкви от 26 июня 1921 г. епископ Николай сообщает об этом следующее: «Позицию греков мне лучше всего объяснили митрополит Афинский Мелетий (Метаксакис), находящийся сейчас в изгнании в Америке... Митрополит Мелетий считает, что по каноническим правилам верховный надзор над Церковью в Америке должен принадлежать патриарху Константинопольскому. Он апеллирует к канону 28 IV Вселенского Собора, согласно которому все церкви

---

⁷⁴ Греческая Церковь в Америке // Церковные ведомости. 1923. № 19/20. С. 16.

⁷⁵ Владислав Цытин, прот. История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997. С. 572; Троицкий С.В. О границах распространения права власти Константинопольского Патриарха на «Диаспору» // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1947. № 11. С. 34.

в странах “варварских” принадлежат юрисдикции Патриарха в Константинополе. Эта юрисдикция, по его мнению, была бы скорее почетной, а реальнее проявлялась бы только в случаях апелляции одной из недовольных сторон»⁷⁶.

До этого никто не толковал подобным расширительным образом 28-й канон IV Вселенского Собора. И ни один Константинопольский Патриарх до владыки Мелетия не пытался заменить первенство чести первенством власти или подменить соборность Церкви тезисом о верховном суде Константинополя в случаях обращения одной недовольной стороны в церковном споре. Как справедливо отмечал сербский священник Срблюб Милетич, впервые в истории Патриарх пытался повести Константинопольскую Церковь в абсолютно неканоничный и скандальный административный завоевательный поход в чужие страны и на чужую паству⁷⁷.

5 апреля 1922 г. Патриарх Мелетий учредил Фиатирскую митрополию с центром в Лондоне, во главе которой поставил сторонника своих реформ митрополита Германа (Стринопулоса) с титулом экзарха Западной и Центральной Европы (в то время в Великобритании было только 4 греческих общины, которые ранее окормляла Эладская Церковь). Этому экзарху должно было подчиниться все православное население данного региона независимо от национальности, и вскоре Константинопольская Патриархия начала оспаривать канонические права митрополита Евлогия (Георгиевского) управлять русскими приходами в Западной Европе⁷⁸.

В апреле 1922 г. Патриарх Мелетий также обратился к архиепископу Алеутскому и Североамериканскому Александру (Немоловскому) и другим архиереям Русской Православной Церкви в Северной Америке с предложением о переходе в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Архипастыри рассмотрели это обращение на конференции 7 мая и решительно отвергли его. Вскоре, 11 мая, Патриарх Мелетий назначил греческого архиепископа Родостолонского Александра своим экзархом в Северной и Южной Америке. На турецких и греческих землях были созданы четыре новые епархии: Бриульская, Пергамская, Мосхонисийская и Александрупольская, а три

---

⁷⁶ Николај Велимировић, еп. Сабрана дела. Књ. 10. Хилместир, 1983. С. 467.

⁷⁷ Срблюб Милетич, свц. Указ. соч.

⁷⁸ Троицки С. Указ. соч. С. 5.

старые — Меленикосская, Боденская и Могленская — переименованы соответственно в Сидирокастрскую, Эдесскую и Флоринскую.

Кроме того, новый Патриарх значительно укрепил (теперь уже в новом качестве) свои и прежде тесные связи с англиканами. Так, 17 декабря 1921 г. греческий посол в Вашингтоне известил префектуру в Салониках, что владыка Мелетий «в облачении принял участие в англиканском богослужении, кланялся с англиканцами на молитве, целовал их престол, проповедовал и позднее благословил присутствовавших»⁷⁹. 28 июля 1922 г., по настоянию Мелетия IV, Константинопольский Синод создал комиссию по изучению вопроса законности англиканских епископских хиротоний. Заслушав доклад комиссии, Священный Синод принял положительное решение: «Православные богословы, которые научно изучили этот вопрос, единогласно заключили, что англиканские рукоположения вполне законные... церковная практика не дает никакого повода заключить, что Православная Церковь когда-либо официально ставила под сомнение законность англиканских рукоположений, и предписывала бы перерукополагать англиканское духовенство»⁸⁰.

Тем временем военная ситуация для Греции, которая с 1919 г. вела тяжелую войну с новым, возникшим на обломках Османской империи турецким государством (получавшим большую военную помощь от советской России), резко изменилась в худшую сторону. В сентябре 1921 г. наступавшая в Анатолии греческая армия была остановлена у реки Сакария, а в августе 1922 г. она потерпела полное поражение, что обернулось настоящей катастрофой для проживавших в Малой Азии греков. Так, например, случилось, когда 9 сентября 1922 г. турецкие войска после жестокого боя заняли г. Измир (Смирну). В городе в то время проживало около 400 тысяч греков, многие из которых были беженцами. По свидетельству американского консула в Измире Джорджа Хортона, священномученику митрополиту Смирнскому Хризостому (Калафатису) «было предложено убежище во французском консульстве и эскорт морских десантников, но он отказался, сказав, что его обязанность оставаться со своей паствой... Озверелые турки били святителя, выкололи ему глаза, таскали за бороду по улице, отрубили благословляющую

---

⁷⁹ *Delimbasis A.D. Opt. cip. P. 661.*

⁸⁰ Project Canterbury, Anglicanism and Orthodoxy.

их руку и, наконец, застрелили. Началось жестокое избиение греческого, армянского и вообще христианского населения города, муки и насилия над христианами продолжались несколько дней. Весь греческий и армянский район были сожжены». Всего в результате репрессий в городе погибло около 250 тысяч христиан. Свидетелями этого избиения были команды примерно 40 кораблей стран Антанты и береговой патруль французской, английской и американских армий⁸¹. К 18 сентября 1922 г. греческая армия полностью ушла с территории Турции.

Вместе с их паствой в Малой Азии трагически погибли, помимо владыки Хризостома, митрополиты Кидонийский Григорий (Орологас), Мосхонисийский Амвросий (Плианфидис) и много других иерархов и клириков. Одним из народных греческих героев, в частности, является помощник митрополита Амасийского епископ Зильский Евфимий (Агрителлис). 21 января 1921 г. он вместе с другими известными православными жителями Амасьи был арестован турецкими властями и посажен в тюрьму. На Пасху, 18 апреля, епископ Евфимий, несмотря на усиленную охрану, смог войти в камеры, где в одиночном заключении содержались его соотечественники, утешил и ободрил их. 29 мая, на 41-й день одиночного заключения, истощенный тяготами, лишениями и пытками, владыка скончался. Приказ о его казни пришел из Ангоры (ныне Анкара) уже после смерти епископа.

Подавляющее большинство православных монастырей и храмов было разрушено и разграблено. От жестоких репрессий с территории Турции в Грецию бежали около полутора миллионов человек. Греческая община — примерно 125 тысяч человек — сохранилась только в Константинополе, да и то благодаря защите стран Антанты⁸². В августе-сентябре 1922 г., опасаясь повторения Смирненской резни, начали покидать город по три тысячи человек в день, и оставшихся жителей спасли, прежде всего, английские военные части.

Поражение Греции стало причиной тяжелых испытаний и для Константинопольского Патриархата. После окончания войны он потерял все 30 своих епархий в Малой Азии. Из тех же 54 епархий Патриархата, которые были расположены в Европе, после Балканских и Первой мировой войн 49 вошли

---

⁸¹ См.: Dobkin M. Smyrna 1922: the Destruction of a City. New York, 1971.

⁸² Греция. С. 386.

в состав других Православных Церквей, прежде всего Эладской. Таким образом, из существовавших в начале XX в. 84 епархий Вселенского Патриархата в его юрисдикции на территории Турции осталось только пять: Константинопольская, Деркосская, Халкидонская, Принкипоская и Имбро-Тенедосская (т.е. фактически Стамбул и окрестности)⁸³. В этих епархиях находилось десять монастырей и несколько духовных школ, наиболее известной из которых была школа (богословское училище) на острове Халки, вблизи Стамбула. Кроме того, в юрисдикции Вселенского Патриарха остались пять епархий на островах расположенного в Эгейском море Додеканесского архипелага, принадлежавших до 1945 г. Италии: Родосская, Косская, Леросско-Калимноско-Астипалейская и Карпафоско-Касосская.

Одновременно встал вопрос о самом пребывании Константинопольской Патриархии на территории Турции. Власти этой страны отказывались признать Патриархом Мелетия, так как он не был турецким гражданином и, соответственно, не подлежал избранию, согласно указу султана Османской империи от 1856 г. При этом сам Патриарх Мелетий IV заявлял, что он не признает подобные указы обязательными, так как они исходили от мусульманских завоевателей⁸⁴.

15 сентября 1922 г. митрополит Конийский Прокопий, которому подчинялись все приходы Анатолии, и еще два епископа и два священника отделились от Константинопольского Патриархата и создали свой Синод Турецкой Православной Церкви (в то время в Анатолии жило около 50 тысяч караманлидов — туркоязычных или двуязычных православных греков). Фактическим лидером движения сепаратистов стал туркоязычный священник из г. Кескина в Анатолии «Папа» Евтим (Эфтимеос Каракиссаридис). Он выступал за мирное сосуществование христиан и мусульман и последующее отуречивание православных. Члены нового Синода пользовались активной поддержкой правительства Мустафы Кемаля, в связи с чем Патриарх Мелетий счел неуместным подвергать их прещениям. Он предложил создать находящуюся в подчинении Вселенскому Патриархату автономную Турецкую Церковь, в которой обещал ввести в богослужение турецкий язык, но получил отказ. Весной 1923 г. член раскольнического Синода священник «Папа» Евтим

---

⁸³ Bundesarchiv Berlin (BA), R 5101/23173. Bl. 41.

⁸⁴ Мосс В. Указ. соч. С. 94.

при содействии турецкого правительства захватил храм Панагии Кафатиани в Стамбуле. В начале июня староста этого храма Дамианос Дамианидес организовал группу, которая ворвалась в здание Патриархии и потребовала немедленного отречения Мелетия IV. В ответ на эти действия Патриарх все-таки отлучил зачинщиков акции от Церкви. Указанное движение продержалось до начала 1930-х гг., прекратив существование после массового переселения православного населения из Анатолии⁸⁵.

В октябре 1922 г. Патриарх Мелетий в интервью итальянской газете «Ориенто Модерно» отметил, что если Патриархат не сможет свободно функционировать в Турции, его придется перевести на Святую Гору Афон. В том же месяце Священный Синод дважды обсуждал вопрос о перемещении Патриархата за пределы Турции, но решения не было принято⁸⁶.

4 января 1923 г. турецкая делегация официально потребовала от членов Лозаннской международной конференции перевести Константинопольскую Патриархию за пределы Турции (на Афон) ввиду ее враждебного отношения к турецкому правительству во время прошедшей войны. В противном случае турки угрожали депортацией всех греков из Стамбула. Председатель подкомиссии по обмену населением между Грецией и Турцией итальянец Г.М. Монтана предположил, что «удаление Патриарха будет не слишком высокой платой за достижение согласия». Однако представители правительств Великобритании, Франции и США воспротивились, усмотрев в этом предложении влияние Ватикана. Французская делегация предложила компромиссное решение — оставить Патриархию в Стамбуле, но лишить ее политической власти, которую она ранее имела. Греческая делегация поддержала предложение французов⁸⁷.

В тот же день — 4 января свое обращение в защиту Константинопольского Патриархата к президенту Лозаннской конференции направил Синод русских архиереев за границей: «Мы применяем это выражение [наша апостольская вера] к судьбе Константинопольского престола, потому что в соответствии

---

⁸⁵ Нанакис А. Указ. соч. С. 38–39; Ergene T. *Istikl harbinde Trk ortadokslari* (The Turkish Orthodox in the War of Independence). Istanbul, 1951. P. 25–26.

⁸⁶ *Oriente Moderno* (Rome). 15.11.1922. P. 382–383.

⁸⁷ Мосс В. Указ. соч. С. 101; Great Britain, *Parliamentary Papers, Lausanne Conference on Near Eastern Affairs, 1922–1923, Records of Proceedings and Draft Terms of Peace, Turkey. 1923. № 1. Cmd 1814. P. 336.*

с учением Церкви Христовой, выраженном в решениях семи Вселенских Соборов, признанных как православными, так и римо-католиками, Константинопольский престол — не просто одна из церковных областей, подобная прочим; он считается неотъемлемой частью Православной Церкви, распространенной по всей вселенной... Особенно важно отметить тот факт, что только за ним одним признается право принимать прошения с жалобами епископов, почитающих себя обиженными Поместными соборами... В этом последнем смысле Патриарх Константинопольский предстает перед православными всех стран в качестве верховного судьи»⁸⁸.

Чтобы придать дополнительный вес своей просьбе, Синод называл себя Высшей церковной властью: «Узнав о том, что Константинопольская Патриаршая кафедра подвергается опасности быть удаленной из сего священного для всех христиан града, Русский Заграничный Архиерейский Синод, являющийся Высшею церковною властью как для трехмиллионной русской эмиграции, так и для епископий Православной Церкви в Америке, Японии, Китае и Финляндии, то есть целых 15 епархий с русскою и иноплеменной паствой, присоединяет свой протест к голосам других Автокефальных Церквей, заявивших о совершенной незаконности такого насилия над нашей Апостольской верой». Архиерейский Синод также заявлял, что «сие деяние» явилось бы «глубоким оскорблением и поражением всей Православной Церкви, и в частности Церкви Российской, которая издревле привыкла обращаться к Вселенскому Патриарху за разъяснением религиозно-церковных вопросов, а славнейший ея Иерарх, Патриарх Московский и всея России Никон... согласно... канону IV Вселенского Собора, обращался в Константинополь с апелляцией на Собор русских епископов». В заключение Синод призывал заступиться за «наш и всех православных христиан персональный авторитет» — Патриарха Константинопольского⁸⁹.

10 января 1923 г. председатель военно-территориальной комиссии Лозаннской конференции лорд Керзон, заручившись поддержкой ряда православных государств, в ответ на требования турецкой делегации заявил, что удаление Патриархии из Стамбула будет шоком для совести всего цивилизованного

---

⁸⁸ Обращение к Президенту Лозаннской конференции // Церковные ведомости. 1923. № 1–2. С. 1–2.

⁸⁹ Там же.

мира. Греческий премьер-министр Е. Венизелос предложил турецкой делегации учесть заявление Керзона, обещая в свою очередь приложить усилия к удалению с Константинопольского престола Патриарха Мелетия, испортившего в глазах турок свою репутацию поддержкой греческой партии. В результате глава турецкой делегации паша Исмет Инону согласился сохранить Патриарший престол в Стамбуле, если Константинопольская Патриархия прекратит всякую политическую деятельность и Патриарх Мелетий будет удален (последний под влиянием Венизелоса выразил согласие, но настаивал на отсрочке своего ухода до достижения мирных соглашений)⁹⁰.

Даже в этих тяжелых условиях Патриарх Мелетий IV продолжал свою реформаторскую и захватническую деятельность. Весной 1922 г. он обратился к главе автономной Финляндской Православной Церкви Московского Патриархата архиепископу Серафиму (Лукьянову) с предложением рукоположить вдового эстонского протоиерея модернистской направленности Германа Аава в викарные епископы и принять автокефалию от Константинополя. Архиепископ Серафим ответил отказом. Тем не менее о. Герман Аав под давлением финляндских властей 17 июня был избран викарием, а 8 июля 1922 г., несмотря на протест правящего архиерея, без предварительного монашеского пострига (и, как утверждал митрополит Антоний (Храповицкий), без облечения в рясофор, чего требовал Устав Русской Православной Церкви) хиротонисан в Константинополе Патриархом Мелетием во епископа Сортавальского⁹¹. 6 июня 1923 г. Финляндская Православная Церковь, в нарушение канонов, была принята в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, при этом ей предоставили автономию, хотя Церковь уже пользовалась ею с 11 февраля 1921 г. в соответствии с решением Московской Патриархии.

Надеясь помешать действиям финляндских властей, архиепископ Серафим (Лукьянов) писал Константинопольскому Патриарху: «Если они увидят, что зависимость им неприятна и неудобна, то они не замедлят отойти и от этой Церкви и вместе с “братской” Эстонской Церковью образуют самочинную автокефалию... Каноническая связь с Константинопольской Церковью им нужна только как средство отторжения от Русской Церкви и достижения

---

⁹⁰ Мосс В. Указ. соч. С. 101.

⁹¹ Харитон Валаамский, изум. К истории введения нового стиля на Валааме. Б/м, 1927. С. 115.

полной свободы, когда они никем и ничем не будут стеснены, когда порвут всякое духовное единство со всеми другими Церквями и объявят свои каноны в духе “Живой Церкви”». В другом письме архиепископ убеждал Патриарха Мелетия, что соборы Финляндской Православной Церкви мнения всего православного населения страны не отражают, так как русский клир по закону 1918 г. не имея прав гражданства, не имеет и права голоса; автокефалия невозможна в Церкви с двумя епископскими кафедрами, а Герман Аав при встрече произвел на архиепископа тягостное впечатление, о канонах Православной Церкви говорил как об отживших свой век, был женат два раза и имел 11 детей, из которых шестеро малолетних. Герман Аав нужен правительству и Церковному управлению, убеждал владыка Патриарха Мелетия, для устранения его, архиепископа Серафима, чтобы «беспрепятственно вести Финляндскую Церковь на слияние с лютеранством»⁹². Мнение правящего архиерея не было учтено ни в Финляндии, ни в Константинополе. Патриарх Мелетий признал «доводы архиепископа Серафима лишены канонического основания, и его протест против хиротонии законно избранного кандидата — незаконным»⁹³.

Вопреки распоряжению Вселенского Патриарха, высказанном в письме на имя архиепископа Серафима от 9 июля 1923 г. — неукоснительно поминать за богослужением имя Патриарха Тихона после имени Константинопольского Патриарха, — и данному финляндской делегацией обещанию соблюдать это правило, епископ Герман прекратил возглашение имени Московского Патриарха⁹⁴. В том же году против независимости Финляндской Церкви от Московского Патриархата безрезультатно высказался Архиерейский Собор Зарубежной Русской Церкви⁹⁵.

В начале 1923 г. Патриарх Мелетий IV попытался убедить управляющего приходами Русской Православной Церкви в Западной Европе митрополита Евлогия (Георгиевского), подведомственный ему клир и паству перейти

---

⁹² Шевченко Т.И. Валаамский монастырь в общественно-церковной жизни Финляндии (1917–1957). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2010. С. 106–107.

⁹³ Утренняя заря. 1938. № 12. С. 103.

⁹⁴ Шевченко Т.И. Указ. соч. С. 108–109.

⁹⁵ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 2, л. 21 об.

в юрисдикцию Константинопольского Патриархата в подчинение митрополита Фиатирского Германа, экзарха Западной и Центральной Европы. В ответном письме от 28 марта 1923 г. владыка Евлогий отклонил это предложение.

2 марта 1923 г. Константинопольский Патриарх и Священный Синод издали Томос «О создании Православной Архиепископии в Чехословацкой Республике», предоставив Чешской Православной Церкви (которая находилась в подчинении Сербского Патриархата) автономию в рамках своей юрисдикции. Через два дня, 4 марта, Патриарх Мелетий IV хиротонисал чешского архимандрита Савватия (Врабца) во епископа и удостоил его титула архиепископа Пражского и всея Чехословакии⁹⁶.

В письме Константинопольскому Патриарху от 25 марта митрополит Евлогий приветствовал создание Пражской архиепископии, но просил предоставить управляемым им в Чехословакии русским храмам статус подворий (метехов) Московского Патриархата. Однако в ответном письме Патриарх Мелетий от 27 апреля 1923 г. ответил отказом, по его мнению, русские эмигранты в Чехословакии должны были подчиниться архиепископу Савватию, кроме того, ставился вопрос о законности полномочий митрополита Евлогия: «Ваша епископская власть, поскольку она распространена за границей, не устоит, будучи исследована в соответствии со святыми канонами. Поскольку территория Европы, находящаяся за пределами автокефальных Церквей, границы которых были установлены при их создании, состоит в подчинении Константинопольского Патриаршего Престола в соответствии с 28-м правилом IV Собора, поэтому была создана святая митрополия Фиатирская и Экзархат Западной и Средней Европы с центром в Лондоне, и ныне в ней поставлен канонический архиерей — преосвященный митрополит Фиатирский Герман. Поэтому необходимо вполне определенно признать, сколь важна каноническая необходимость и как велика польза во всех отношениях вообще и в частности, чтобы все отдельные национальные общины в Европе согласовали с этим свое собственное церковное руководство»⁹⁷.

---

⁹⁶ Бурега В.В. Взаимоотношения митрополита Евлогия (Георгиевского) с Константинопольским Патриархатом в первой половине 1920-х годов: к постановке проблемы // Церковно-исторический вестник. 2005–2006. № 12–13. С. 69.

⁹⁷ Там же. С. 70–71.

7 июля 1923 г. Патриарх Мелетий вручил в Константинополе архиепископу Таллинскому и Эстонскому Александру (Паулусу) Томос о принятии Православной Церкви Эстонии в юрисдикцию Константинопольского Патриархата в качестве отдельного автономного церковного округа «Эстонская православная митрополия»; архиепископ Александр был возведен в сан митрополита Таллинского и всей Эстонии. Московская Патриархия не признала этот канонически неправомерный переход. Финляндскому сенатору Э. Сетеля, используя дипломатические связи в Швеции, удалось повлиять на турецкое правительство, чтобы отложить изгнание Патриарха Мелетия, назначенное на 3 июля 1923 г., ради «решения» вопроса об устройстве дел в Финляндской и Эстонской Церквах⁹⁸.

В письме от 24 августа 1923 г. Патриарху Тихону митрополит Антоний (Храповицкий) так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «В текущем же году необходимость существования Высшей церковной власти за границей еще более стала ощутительна, так как некоторые автокефальные Церкви стали простираť свои права на Русские Православные Церкви и имущества их, так, Вселенский Патриарх на Польшу, Эстонию, Латвию и Финляндию и даже на Китайскую Духовную миссию, Иерусалимский — на нашу Миссию и имущество Палестинского Общества и т.д. Русский Архиерейский Синод охраняет права Русской Православной Церкви. Затем он помогает другим автокефальным Церквам сдерживать еретические новаторства некоторых глав автокефальных Церквей»⁹⁹.

Что касается «еретических новаторств», то обновленцам в советской России удалось довольно быстро установить контакты с Восточными Церквами, и уже в августе 1922 г. (через три месяца после начала раскола) на съезде «Живой Церкви» в Москве в президиуме находились представители Константинопольского и Александрийского Патриархов в стране — архимандриты Иаков и Павел. Правда, Патриарх Мелетий IV первоначально не поддерживал обновленческое Высшее церковное управление и делал заявления в защиту арестованного Патриарха Тихона.

---

⁹⁸ Утренняя заря. 1938 г. № 12. С. 102.

⁹⁹ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 4, л. 177–186.

Так, в частности 5 мая 1922 г., Синод Константинопольской Патриархии принял Меморандум в защиту гонимых христиан в Азии и России, осуждавший проводившуюся большевиками кампанию по изъятию церковных ценностей и арест Патриарха Московского и всея России Тихона¹⁰⁰. Текст меморандума, направленный руководству всех христианских Церквей, был выслан и председателю Русского Зарубежного Архиерейского Синода митрополиту Антонию (Храповицкому) с просьбой передать его Патриарху Тихону¹⁰¹. Рассчитывая на поддержку Предстоятелей Поместных Православных Церквей, в том числе и Патриарха Константинопольского, митрополит Антоний (Храповицкий) направил 18 февраля 1923 г. обращенное к ним Послание, содержавшее призыв не признавать действительности таинств в обновленческом и украинском автокефальном расколе¹⁰².

Через два месяца, согласно сообщению русской эмигрантской прессы, в связи с планируемым извержением из сана Всероссийского Патриарха на Втором обновленческом Соборе (29 апреля — 9 мая 1923 г.) Священный Синод и Смешанный Совет Константинопольского Патриархата 24 апреля постановили: «Уведомить представителя Вселенского Патриарха в Москве, что Великая Церковь не только не пошлет на суд своего представителя, но рекомендует и русским иерархам воздержаться от всякого участия в нем, потому что православие смотрит на Патриарха Московского и всея России как на исповедника»¹⁰³.

Проходивший в мае — июне 1923 г. в Константинополе под председательством Патриарха Мелетия так называемый Всеправославный конгресс также высказался по делу Патриарха Тихона и осудившего его обновленческого

---

¹⁰⁰ Меморандум Вселенской Патриархии в защиту гонимых христиан в Азии и России // Церковные ведомости. 1923. № 5–6. С. 3.

¹⁰¹ Грамота Святейшего Мелетия, Патриарха Вселенского, на имя Председателя б. Высшего Русского церковного управления за границей // Церковные ведомости. 1923. № 5–6. С. 3.

¹⁰² Послание Председательствующего Временного Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей — Святейшим Патриархам Восточным, Главам Автокефальных Православных Церквей, православным архиереям, всему священному клиру и всем православным христианам // Церковные ведомости. 1923. № 3–4. С. 1–2.

¹⁰³ Троицкий С.В. Что такое «Живая церковь»? Белград, 1927. С. 34–36; Постановление Вселенского Патриархата по вопросу о суде над Святейшим Тихоном, Патриархом Московским и всея России // Церковные ведомости. 1923. № 7–8. С. 1.

«Собора». В связи с этим событием Патриарх Мелетий направил специальную грамоту председателю Зарубежного Архиерейского Синода Русской Церкви митрополиту Антонию, в которой низложение Патриарха Тихона было названо незаконным: «Всеpravославный конгресс в Царьграде... узнавши о состоявшемся в Москве Церковно-народном Соборе, который среди остальных неканонических определений издал и определение о низложении в заключении находящегося Патриарха Тихона, единогласно постановил следующее: 1) выражает сожаление по поводу такого поступка в отношении Первоиерарха Святейшей Русской Церкви, и притом именно во время его мученичества, и сердечное соучастие Исповеднику-Патриарху... 4) просит Вселенскую Патриархию рассмотреть вместе с остальными Православными Церквями вопрос о состоянии Русской Церкви, чтобы дать точное направление возмущенной религиозной совести благочестивого русского народа, терпящего ужасное испытание в вере». Однако четкого выражения отношения к обновленческому расколу в этой грамоте высказано не было¹⁰⁴.

На заседании обновленческого Высшего Церковного Совета от 8 августа 1923 г., постановившем переименовать его в Священный Синод, первым пунктом было решено: «Восстановить связь с заграничными Восточными Церквями... При этом высокопреосвященным митрополитом Евдокимом было отмечено, что 7 августа к нему на Троицкое подворье являлись с официальным приветствием представители Восточных Патриархов: Константинопольского — архимандрит Иаков и Александрийского — архимандрит Павел. Во время ответного визита архимандритом Иаковом было заявлено митрополиту Евдокиму, что о всех происшедших церковных переменах уже сообщено в благоприятном смысле Вселенскому Патриарху». Вслед за этим председатель обновленческого Синода митрополит Евдоким (Мещерский) отправил в Константинопольскую Патриархию письмо, в котором описал «непростительные ошибки» Патриарха Тихона и «созидательную работу» обновленцев. Заканчивалось письмо обещанием послать на Восток для доклада представителя от «Священного Синода» и заверением: «Мы — верные сыны Святой Православной Церкви и никогда ни за что не сменяем веры

---

¹⁰⁴ Александр Мазырин, *свц.* Константинопольский Патриархат и обновленческий раскол // URL: <http://www.pravoslavie.ru> (дата посещения 21 февраля 2017 г.).

отцов наших, дедов и прадедов ни на какие другие новые веры и никогда не оторвемся от православного Востока»¹⁰⁵.

В этот период использовать авторитет Вселенского Патриарха для укрепления позиций обновленцев пытались и советские руководители. 18 сентября 1923 г. Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) постановила: «Поручить г. Попову [председателю комиссии] переговорить с т. Чичериным о положении Мелетия и Константинопольского Синода и в зависимости от этого решить вопрос о возврате их представителям находящегося в Москве дома»¹⁰⁶.

Хотя Патриарх Мелетий на указанное письмо митрополита Евдокима не ответил, однако фактически поддержал обновленцев. 22 октября 1926 г. в приветственном послании Патриарху Мелетию (Метаксакису), занявшему тогда Александрийский престол, члены обновленческого Синода отмечали: «Священный Синод с сердечной признательностью вспоминает о той моральной поддержке, которая была оказана Вашим Блаженством, в бытность Вашего Блаженства Константинопольским Патриархом, Священному Синоду вступлением в каноническое общение с ним как единственно законным органом Русской Православной Церкви»¹⁰⁷.

Как уже говорилось, с 10 мая по 8 июня 1923 г. в Константинополе под председательством Патриарха Мелетия и по его инициативе прошло совещание (так называемый Всеправославный конгресс), первоначально именуемый комиссией или комитетом Православных Церквей. Важнейшим мотивом подготовки конгресса стало стремление Константинопольской Патриархии форсировать сближение с Англиканской Церковью в условиях завершившейся греко-турецкой войны 1919–1922 гг. и подготовки к подписанию Лозаннского мирного договора. Развитие православно-англиканского диалога воспринималось греческой стороной как средство привлечения политической поддержки Великобритании в ходе послевоенного переустройства и утверждения греко-турецкой границы¹⁰⁸. В то же время Патриарх Мелетий

---

¹⁰⁵ Александр Мазырин, свщ. Константинопольский Патриархат и обновленческий раскол.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 1 (14). С. 2.

¹⁰⁸ См.: Ветошников К. История Константинопольского Патриархата в XX веке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад, 1996. С. 49; Слесарев А.В. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). М., 2009. С. 48–56.

предпринял усилия по реализации экуменических пожеланий, высказанных в окружном послании «К Церквам христианским, во всем мире обретающимся», опубликованном в январе 1920 г. Священным Синодом Константинопольского Патриархата.

3 февраля 1923 г. Патриарх Мелетий опубликовал послание № 872/467 «К благословенным и честным Предстоятелям Святых Православных Церквей Александрии, Антиохии, Иерусалима, Сербии, Кипра, Элады и Румынии», в котором уделил особое внимание необходимости приведения церковного времяисчисления в соответствие с григорианским календарем, принятым в европейских странах и Америке. Необходимость проведения реформирования православного календаря объяснялась также важностью достижения всехристианского единства в совершении празднований Рождества Христова и Воскресения Христова. Для обсуждения имеющихся вопросов Патриарх предлагал организовать в Константинополе после пасхальных праздников работу комитета (или комиссии), в котором бы приняли участие один или два представителя указанных в послании Православных Церквей.

Однако конгресс открылся в составе всего 9 членов: 4 архиереев, 2 архимандритов и 3 мирян, представлявших Константинопольскую (3 человека), Кипрскую (1), Эладскую (1), Румынскую (2) и Сербскую Церкви (2 человека)¹⁰⁹. Полномочными представителями Константинопольского Патриархата выступили митрополит Кизический Каллиник, профессор Богословской школы на острове Халки В. Антониадис и генеральный секретарь Патриархии архимандрит Герман; представителями Сербской Православной Церкви являлись митрополит Черногорский и Приморский Гавриил (Дождич) и автор новоюлианского календаря профессор Белградского университета М. Миланкович; представителями Румынской Православной Церкви были профессор Центральной семинарии в Бухаресте архимандрит Юлий (Скрибан) и сенатор П. Дрангич; представителем Эладской Православной Церкви выступил митрополит Диррахийский Иаков. Полномочия представителя Кипрской Православной Церкви были делегированы иерарху Константинопольского Патриархата митрополиту

---

¹⁰⁹ *Триадицкий Фотий (Сирмахов), еп.* Роковой шаг по пути к отступлению // Православная Русь. 1994. № 1. С. 7–10, 15.

Никейскому Василию (Георгадису). Остальные Поместные Православные Церкви, прежде всего Антиохийский, Иерусалимский и Александрийский Патриархаты, решили в совещании не участвовать. В работе собрания участвовали член Русского Архиерейского Синода за границей архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский) и архиепископ Алеутский и Северо-Американский Александр (Немоловский), не имевшие полномочий представлять Московский Патриархат. В официальных документах конгресса они позиционируются как иерархи Русской Православной Церкви, приглашенные со стороны Константинопольской Церкви¹¹⁰. На некоторых заседаниях также присутствовали англикане: епископ Чарльз Гор и протопресвитер Бэкстон.

Описание торжественного открытия 10 мая 1923 г. работы Комитета Православных Церквей нашло отражение на страницах журнала «Церковная жизнь»¹¹¹. В тот же день началось первое заседание конгресса. Внимание его участников сразу же было обращено к вопросу реформы церковного календаря. На втором заседании 11 мая было принято решение об образовании трех комиссий, ориентированных на изучение догматико-канонического, математико-астрономического и практического аспектов календарной реформы. В состав третьей комиссии вошли русские архиепископы Анастасий и Александр. В тот же день Патриарх Мелетий озвучил перечень вопросов, которые, по его мнению, требовали осмысления и решения на всеправославном уровне. В частности, предлагалось рассмотреть: 1) возможность переноса празднований памяти святых с будних дней на ближайшие воскресенья; 2) препятствия к заключению брака; 3) допустимость женатого епископата, второго брака для вдовых клириков и вступления в брак после рукоположения; 4) допустимость сокращения и упрощения богослужений; 5) упорядочение практики поста; 6) периодичность созыва Всеправославных Соборов. По инициативе митрополита Черногорского Гавриила на повестку Комитета Православных Церквей были вынесены вопросы: 1) основания

---

¹¹⁰ См.: *Слесарев А.В.* Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного конгресса 1923 г. Минск, 2017. Рукопись.

¹¹¹ Междуправославная конференция в Константинополе // Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 9.

к расторжению брака; 2) условия смешанных браков; 3) канонический возраст рукоположения во все степени священства; 4) возможность присоединения к православию римо-католических клириков на условиях сохранения за ними священного сана и дозволения им вступать в брак; 5) внешний вид и одежда клириков¹¹².

Во время проведения второго заседания архиепископ Анастасий (Грибановский) обратился к собравшимся со словом, в котором рассказал о состоявшемся в Москве обновленческом «Втором Поместном Всероссийском Соборе», участники которого характеризовались им как лица, «действующие в полном согласии с советскими властями». Сообщив о неканоничном решении обновленческого Собора относительно извержения из сана Святейшего Патриарха Тихона, архиепископ Анастасий назвал Предстоятеля Русской Церкви символом христианского мужества и храбрости в отражении сил ада, направленных против Церкви Христовой. По мнению архиепископа, Всеправославное собрание выполнит свой долг только в том случае, если проявит решительность в оценке московских событий. Призывая участников конгресса не оставаться равнодушными к судьбе Патриарха Тихона, владыка Анастасий предложил отвергнуть решения обновленческого Собора и как можно скорее опубликовать от лица Комитета Православных Церквей официальное заявление с выражением поддержки Патриарху Тихону.

В ответ на обращение архиепископа Анастасия Патриарх Мелетий заявил о том, что серьезность озвученной проблемы не позволяет проявлять спешку в принятии соответствующего заявления. По его мнению, необходимо было не только осудить произошедшее в Москве, но и добиться ощутимых практических результатов, для чего необходимо обладание полнотой информации. Выразив надежду на получение необходимых сведений от представителя Константинопольского Патриархата в Москве, Патриарх Мелетий предложил перенести сроки принятия резолюции по ситуации в Русской Церкви. Участники конгресса выразили свое согласие с этой позицией¹¹³.

---

¹¹² Слесарев А.В. Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного Конгресса 1923 г. С. 2–3.

¹¹³ Там же. С. 4–5.

Главное внимание на совещании уделялось календарной реформе. В результате дискуссии было решено рекомендовать временно принять «новоюлианский» календарь профессора М. Миланковича (неподвижные церковные праздники отмечались по григорианскому календарю, а праздники Пасхального цикла — по юлианскому). На пятом заседании 23 мая выступил бывший епископ Оксфордский Чарльз Гор, отметивший значимость календарной реформы в процессе сближения между Англиканской и Православной Церквами. В свою очередь Патриарх Мелетий констатировал готовность православной стороны к принятию нового календаря и просил епископа Чарльза уведомить об этом архиепископа Кентерберийского.

Владыка Анастасий выступил в качестве руководителя оппозиции против предложенных Константинопольским Патриархом радикальных реформ: кроме изменения календаря на совещании рассматривались вопросы о второбрачии священников, женатом епископате, отказе от подвижного круга церковных праздников, седмичного распорядка дней, сокращения богослужения, ослаблении постов, разрешении клирикам ходить в мирской одежде, стричь волосы и брить бороды и т.д. Обсуждался также вопрос о возможности объединения с Англиканской Церковью. В результате выступлений архиепископа Анастасия от проведения значительной части намеченных преобразований отказались¹¹⁴.

На первом же заседании, 10 мая, владыка Анастасий заявил, что не имеет «определенных инструкций по календарному вопросу от русских карловацких иерархов». На четвертом заседании, после завершения выступления Константинопольского Патриарха, архиепископ Анастасий указал на возможные негативные последствия, которые породит календарная реформа. Изменение системы времяисчисления приведет к соблазнам в Поместных Церквах, считал архиепископ, но в наибольшей степени эта проблема затронет Иерусалимскую Православную Церковь, которую русский православный народ привык воспринимать как защитницу и хранительницу православных традиций. В этом случае владыка Анастасий подразумевал возможные смущения православных паломников, увязывавших сохождение Благодатного огня на Гробе Господнем с исчислением дня празднования Пасхи по юлианскому

---

¹¹⁴ Троицкий С.В. Будем вместе бороться с опасностью // ЖМП. 1950. № 2. С. 37, 46–47; Jeromonah Sava (Jaňiň). Екуменизам и време апостасије. Призрен, 1995. С. 11.

календарю. Архиепископ также отметил возможные совпадения дней празднования христианской и иудейской Пасхи в случае перевода Пасхалии на новый календарный стиль¹¹⁵.

Когда на шестом заседании обсуждался вопрос второбрачия духовенства, вопреки мнению большинства участников заседания, архиепископ Анастасий выступил с заявлением о том, что допущение второбрачия для священнослужителей может рассматриваться как нарушение канонического порядка. Архиепископ сообщил о том, что данный вопрос рассматривался на Предсоборном Присутствии 1906 г. и на Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 гг., где после состоявшихся обсуждений решение о второбрачии клириков так и не было принято. По словам владыки, основанием к тому стала убедительная позиция известного православного канониста епископа Далматинско-Истрийского Никодима (Милаша). Архиепископ Александр (Немоловский) заявил о своем полном согласии со словами владыки Анастасия, отражавшими общую позицию Русской Православной Церкви¹¹⁶.

В дальнейших заседаниях конгресса архиепископ Анастасий (Грибановский) участия не принимал и не подписал ни одного его определения. В современной российской историографии существует мнение о том, что «архиепископ Анастасий, приняв участие только в четырех заседаниях из десяти, покинул собрание в знак протеста»¹¹⁷. Однако владыка Анастасий покинул Константинополь после активнейшего участия в шестом заседании для того, что принять участие в работе Русского Зарубежного Архиерейского Собора. Как известно, Собор открылся 31 мая 1923 г. в г. Сремски Карловцы (Королевство сербов, хорватов и словенцев)¹¹⁸. В отличие от владыки Анастасия архиепископ Александр, также отстаивая позицию Русской Церкви (хотя и не так активно), принял участие в работе конгресса до конца.

На седьмом заседании, 30 мая, владыка Александр в своем меморандуме заявил о несогласии с представителями Сербской и Румынской Церквей по

---

¹¹⁵ Слесарев А.В. Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного конгресса 1923 г. С. 6–7.

¹¹⁶ Там же. С. 8–9.

¹¹⁷ Александр Мазырин, свщ., А.А. Кострюков. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М., 2017. С. 270.

¹¹⁸ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. С. 170.

вопросу допущения второго брака для духовенства и сослался на авторитет Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., не санкционировавшего пересмотр сложившихся канонических норм. По мнению архиепископа, ревизию церковного законодательства в области брачного права духовенства мог провести только Вселенский Собор. После завершения выступления архиепископа Александра слово взял Патриарх Константинопольский Мелетий. Не согласившись с позицией русского иерарха, он заявил о том, что решение о допущении второбрачия для клириков должно носить канонический характер, а не быть проявлением икономии (т.е. ослаблением действия канонов). Владыка Александр высказал свое несогласие и с предполагавшимся разрешением на вступление в брак клириков уже после их хиротонии. В конце седьмого заседания архиепископ призвал собравшихся осознать катастрофическое положение Русской Православной Церкви в советском государстве, не позволившее ей принять полноценное участие в конгрессе и основательно изложить собственную позицию по обсуждаемым вопросам¹¹⁹.

На девятом заседании, 5 июня, состоялось принятие решения о проведении реформы православного церковного календаря. При этом, согласно определению конгресса, предполагался перевод на новый стиль как неподвижных праздников православного месяцесловия, так в перспективе и подвижного Пасхального цикла. К составлению новых Пасхальных таблиц предполагалось привлечь обсерватории Афин, Белграда, Бухареста и Пулкова (под Петроградом). Также констатировалась потенциальная допустимость установления празднования Пасхи в качестве неподвижного праздника в том случае, если этот день будет иметь научное подтверждение.

Затем участники конгресса утвердили постановления о дозволении второго брака для вдовых священников и диаконов, о допущении практики вступления в брак клириков после хиротонии (за исключением монашествующих), о проведении в 1925 г. празднования 1600-летия I Вселенского Собора, о нижней границе возраста рукополагаемых в сан диакона — 21 год, в сан пресвитера — 24 года, в сан епископа — 30 лет и для постригаемых в монашество — 25 лет, о дозволении клирикам стрижения волос и ношения светской одежды

---

¹¹⁹ Слесарев А.В. Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного конгресса 1923 г. С. 10–11.

за пределами храмов, о сохранении канонических определений относительно препятствий к браку и дозволении Соборам Поместных Церквей проявлять иконономию в данном вопросе, о допущении практики переноса празднований святых с будних дней на ближайшие воскресные дни, о необходимости ориентации на 64-е Апостольское правило, предполагающее пост только в Великую Четыредесятницу, среду и пятницу¹²⁰.

Эти определения носили временный характер и могли быть применяемы в церковной практике до принятия решений по данным вопросам Всеправославным Собором, при этом Константинопольской Патриархии поручили взять на себя инициативу по его созыву. Архиепископ Александр поставил свою подпись под всеми определениями, хотя ранее против принятия некоторых из них открыто возражал. Видимо, русский архиерей решил пойти на определенные временные уступки, чтобы добиться главных целей — объявления неканоничными решений Второго обновленческого Собора в Москве, отклонения претензий Константинопольского Патриархата на подчинение ему всей православной диаспоры, а также наиболее пререкаемых «реформ» вроде женатого епископата.

Патриарх Мелетий на том же девятом заседании предложил к обсуждению вопрос юрисдикционной принадлежности православной диаспоры. Инициирование обсуждения вопроса о признании за Константинопольским Патриархатом прав на возглавление православной диаспоры преследовало цель легитимации на всеправославном уровне изданного 1 марта 1922 г. упоминавшегося соответствующего Томоса. Без достаточных оснований апеллируя к 28-му правилу IV Вселенского Собора, Мелетий IV доказывал исключительное право Константинопольского Патриархата на духовное возглавление всех православных епархий, находившихся за пределами границ Поместных Церквей. В частности, в качестве возможного средства к устранению существующей в Северной Америке разобщенности он предложил учреждение там экзархата Константинопольского Патриархата.

При обсуждении этого вопроса Мелетий IV не смог проигнорировать мнение владыки Александра, ранее управлявшего русской Североамериканской

---

¹²⁰ Слесарев А.В. Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного конгресса 1923 г. С. 12–13.

епархией Русской Церкви. Согласившись с актуальностью проблемы, архиепископ призвал участников конгресса принять во внимание положение, в котором находилась Русская Православная Церковь. По его мнению, согласие проживавших в Америке русских на переход в юрисдикцию Константинопольского Патриархата будет равнозначно предательству находившегося под арестом Патриарха Тихона. В качестве временной меры архиепископ Александр рассматривал потенциальную возможность назначения на четырехлетний срок русского архиерея в качестве экзарха Константинопольского Патриархата. Однако в связи с трагическими событиями церковной жизни в России реализация подобного сценария представлялась ему преждевременной. Практическое разрешение вопроса разобщенности американских православных владыка Александр усматривал в усилении взаимодействия русских и греческих иерархов. Возобновление обсуждения вопроса о юрисдикционном подчинении православной диаспоры произошло на десятом заседании, 6 июня, но после обмена мнениями он был вообще снят с повестки дня. Несомненно, что именно позиция архиепископа Александра предопределила отклонение конгрессом инициативы Мелетия IV по признанию законным подчинения Константинопольскому Патриархату всей православной диаспоры¹²¹.

Десятое заседание стало успешным для Русской Православной Церкви и в другом отношении. Митрополит Черногорский Гавриил (будущий Сербский Патриарх) напомнил собравшимся о прозвучавшем во время второго заседания предложении архиепископа Анастасия принять от лица конгресса официальное обращение в поддержку Патриарха Московского и всея России Тихона. После обсуждения вопроса постановление о церковной ситуации в советской России все-таки было принято. Согласно его тексту, обновленческий «Второй Поместный Всероссийский Собор» именовался церковно-народным собранием, а его решения, в том числе и относительно низложения Патриарха Тихона, объявлялись неканоничными. Конгресс выразил глубокое сожаление в связи с произошедшим и «сердечное сострадание исповеднику Патриарху», заявив, что «все мировое православие считает его исповедником». В тексте определения содержались призыв ко всему христианскому

---

¹²¹ Слесарев А.В. Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного конгресса 1923 г. С. 14–15.

миру приложить усилия к освобождению Предстоятеля Русской Православной Церкви и обращение к Патриарху Константинопольскому с просьбой о рассмотрении совместно с другими Поместными Церквями церковной ситуации в России¹²².

Всего состоялось 11 заседаний конгресса. Его работа завершилась 8 июня. Обращаясь на последнем заседании к собравшимся, архиепископ Александр (Немоловский) положительно отозвался о прошедшем конгрессе и выразил слова благодарности инициировавшей его Константинопольской Патриархии. В завершение своего выступления владыка Александр поблагодарил Вселенский Патриархат и Всеправославный конгресс за небезразличие к положению Русской Православной Церкви и Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона¹²³. Принятие конгрессом постановления о положении Русской Церкви действительно имело положительное значение и, возможно, сыграло какую-то роль в освобождении из-под ареста Патриарха Тихона в конце июня 1923 г.

Однако многие решения конгресса не были усвоены в канонической практике ни одной из Поместных Православных Церквей. Более того, авторитет самого конгресса впоследствии был поставлен под сомнение Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Русской и Сербской Церквями¹²⁴.

Еще до завершения работы конгресса на проходившем 4 июня 1923 г. заседании Русского Зарубежного Архиерейского Собора его участники не сочли возможной реализацию в церковной жизни российской диаспоры инициативы Всеправославного совещания по реформе церковного времяисчисления и допущению второбрачия для духовенства¹²⁵. Со второй половины июня официальный орган Архиерейского Синода журнал «Церковные ведомости» начал публикацию критических материалов в отношении проекта реформы

---

¹²² Междуправославная конференция в Константинополе. С. 9; Viscuso P. A quest for reform of the Orthodox Church: the 1923 Pan-Orthodox Congress. Berkeley, 2006. P. 185–195.

¹²³ Слесарев А.В. Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного конгресса 1923 г. С. 16–17.

¹²⁴ Якимчук И.З. Всеправославный конгресс // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 683.

¹²⁵ Определения Собора Архиереев Русской Православной Церкви Заграницей. По вопросу о реформе православного календаря // Церковные ведомости. 1923. № 13–14. С. 1–2.

церковного календаря, решения о второбрачии вдового духовенства и притязаний Фанара на подчинение всей православной диаспоре¹²⁶.

В конце июля Зарубежная Русская Церковь заметно ужесточила свое отношение к Всеправославному конгрессу, основанием к чему стало получение митрополитом Антонием (Храповицким) копии послания Патриарха Александрийского Фотия на имя Патриарха Антиохийского Григория IV. Этот документ подвергал резкой критике конгресс, называя его «самозванным», «неканоническим» и «незаконно составленным», характеризуя поставленные на нем вопросы как «неблаговременные» и «неуместные», а решения «бесцельными», «неканоничными» и «вредными». Патриарх Фотий заявлял об осуждении конгресса Священным Синодом Александрийской Православной Церкви и отвержении изменения традиционных православных канонических норм¹²⁷.

Окончательное отношение Русского Зарубежного Архиерейского Синода к Всеправославному конгрессу было сформулировано в определении от 25 июля — 7 августа 1923 г., согласно которому предполагалось «уведомить Вселенского Патриарха, что постановления созванной им Междуправославной Константинопольской Комиссии, переименованной им во Всеправославный конгресс, в частности о второбрачии духовенства, о реформе церковного календаря и введении с октября месяца сего года в церковном обиходе нового времяисчисления не могут быть приняты Русской Православной Церковью за границей как противоречащие свящ[енным] канонам и древней церковной практике, освященной Вселенскими Соборами»¹²⁸.

Более того, Архиерейский Синод отказал конгрессу и во всеправославном статусе: «Комиссия... не является выразителем голоса всей Св[ятой] Все-

---

¹²⁶ Махароблидзе Е. Несколько мыслей по поводу нового стиля в Православной Церкви // Церковные ведомости. 1923. № 15–16. С. 10–13; Троицкий С. Догматический смысл запрещения второбрачия священнослужителям // Церковные ведомости. 1923. № 15–16. С. 13–16; № 17–18. С. 13–16; Троицкий С. Юрисдикция Цареградского Патриарха в области диаспоры // Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 7; № 17–18. С. 8–12.

¹²⁷ Послание Св. Фотия, Патриарха и Папы Александрийского и всего Египта на имя Святейшего Патриарха Антиохийского // Церковные ведомости. 1923. № 17–18. С. 3–4.

¹²⁸ Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей. От 25 июля — 7 августа 1923 г. По поводу постановлений Междуправославной Комиссии в Константинополе // Церковные ведомости. 1923. № 17–18. С. 4–5.

ленской Соборной Апостольской Церкви и решения его не могут иметь силы декретов, обязательных для Православной Церкви». Обсуждавшиеся на конгрессе вопросы были объявлены подлежащими рассмотрению исключительно Вселенского Собора, несвоевременными для Русской Церкви и чреватými возникновением раскола. Решение о реформе церковного календаря характеризовалось как поспешное, проведенное неканоническим путем и вредное¹²⁹.

Нивелировав роль архиепископа Александра (Немоловского) как представителя Русской Церкви на конгрессе, Архиерейский Синод запросил архиепископа Анастасия (Грибановского), «находит ли он удобным оставаться в Константинопольской Междуправославной Комиссии после вынесенных ею решений». Фактически отзывая голос своего представителя от деяний конгресса, Архиерейский Синод определил также направить Константинопольскому Патриарху копию ответа архиепископа Анастасия¹³⁰. Через несколько дней Архиерейский Синод принял решение не дожидаться ответа архиепископа Анастасия, и на основании неприятия конгресса тремя Восточными Патриархами (Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским) вывести управляющего русскими приходами в Константинополе из его состава¹³¹.

Позднее находившийся в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей епископ Никон (Рклицкий) писал: «Важнейшими постановлениями Собора было решение о переходе на новый стиль и о допустимости второбрачия духовенства. Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская Церкви не участвовали в Соборе, считая его созыв неблагоприятным (а Мелетия — неканоническим узурпатором). Постановления же его были ими отвергнуты, как, по выражению Александрийского Патриарха, “противные практике, преданию и учению Святейшей Матери-Церкви и предложенные в качестве как будто легких модификаций, которые, вероятно, вызваны требованиями нового догмата современности” (Грамота Антиохийскому

---

¹²⁹ Там же. С. 5.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей. От 25 июля — 7 августа 1923 г. Об отозвании представителей Русской Православной Церкви из Константинопольской Междуправославной Комиссии // Церковные ведомости. 1923. № 19–20. С. 6; Слесарев А.В. Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного конгресса 1923 г. С. 18–19.

Патриарху от 23 июня 1923 г.). Представители Русской Зарубежной Церкви (архиепископы Анастасий и Александр) и вслед за ними Архиерейский Собор отнеслись совершенно отрицательно к этим реформам»¹³². Митрополит Антоний (Храповицкий) назвал календарные изменения «неразумной и бесцельной уступкой масонству и папизму»¹³³.

10 июля в письме архиепископу Финляндскому Серафиму (Лукьянову) Патриарх Мелетий ложно сообщил, что новый календарь якобы приняли «с согласия и посредством решения всех Православных Церквей». Таким же образом первоначально был введен в заблуждение и Патриарх Тихон¹³⁴. В дальнейшем архиепископ Анастасий (Грибановский) послал Московскому Патриарху из Константинополя телеграмму о том, что далеко не все Православные Церкви приняли новый календарь¹³⁵.

Только 25 июля 1923 г. Константинопольский Синод обратился к Поместным Православным Церквам, заявляя, что ожидает их «общего одобрения» решения о церковно-календарной реформе, для того чтобы оповестить «решение [Всеpravославного] конгресса как решение Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви». Однако значительная часть Церквей отвергла предложенную реформу¹³⁶. В ответ на грамоту Вселенского Патриарха от 12 марта 1924 г. о введении в церковном обиходе новоюлианского календаря Патриарх Московский и всея России Тихон известил его, что в Русской Церкви ввести новый стиль оказалось невозможным ввиду решительного сопротивления народа¹³⁷.

Патриарх Тихон дал и окончательную оценку статуса архиепископов Анастасия (Грибановского) и Александра (Немоловского) как участников Всеpravославного конгресса. В своем «Заявлении в Центральный Исполнительный Комитет по вопросам об отношении Православной Русской Церкви

---

¹³² Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1961. Т. 10. С. 38.

¹³³ Монах Горазд. Quo vadis, Константинопольская Патриархия? // Православная Русь. Джорданвилл. 1992. № 2. С. 7.

¹³⁴ Церковные ведомости. 1923. № 19, 20.

¹³⁵ Мосс В. Указ. соч. С. 110.

¹³⁶ Якимчук И. Раскол в Элладской Православной Церкви в XX веке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад, 1999. С. 69–70.

¹³⁷ Церковные ведомости. 1924. № 11, 12.

к календарной реформе (переходу на григорианский «новый» стиль)», датированном 30 сентября 1924 г., он отказал этим иерархам в правомочности выражения голоса Русской Православной Церкви на константинопольском совещании. В контексте оценки легитимности решений конгресса Патриарх Тихон писал: «Неблагоприятным для совещания обстоятельством, в значительной степени умаляющим вес всех его постановлений, было отсутствие на нем уполномоченных от Патриархатов Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Всероссийского»¹³⁸.

В ближайшие после конгресса годы новый календарь ввели только три Поместные Православные Церкви: Константинопольская, Элладская (под сильным давлением правительства) и Румынская. В остальных этого не произошло из-за опасения волнений и расколов, а также вследствие сильной негативной реакции верующих. Переход к новому стилю воспринимался как проявление намерения Константинополя сблизиться с Западом во вред вековому литургическому единству Поместных Православных Церквей. Вводимый под политическим давлением и в противоречии с прежними соборными решениями, новый календарь вызвал в ряде стран расколы и уличные столкновения, которых не избежал и сам Патриарх Мелетий¹³⁹.

Еще до окончания Всеправославного конгресса положение Константинопольского Патриарха существенно осложнилось. 1 июня 1923 г. последователи священника П. Евтимия, а также возмущенные календарной реформой верующие создали митинг, который закончился нападением на Патриархию с целью низвержения Мелетия IV и изгнания его из Константинополя. Нападавшие разгромили Патриаршие покои и подвергли самого Патриарха телесным побоям или, как сообщалось в церковной печати, «нанесли ему оскорбление действиями»¹⁴⁰.

Турецкая полиция пассивно наблюдала за беспорядками, и только после прибытия французской военной полиции порядок был восстановлен. После этого нападения и требований турецкого правительства перенести Патриаршую

---

¹³⁸ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей церковной власти. 1917–1943 гг. С. 334.

¹³⁹ Троицкий С.В. Будем вместе бороться с опасностью. С. 46.

¹⁴⁰ Церковные ведомости. 1923. № 19, 20; The Julian Calendar // Orthodox Life. Jordanville. 1995. № 5. P. 26.

кафедру за пределы Турции Патриарх Мелетий поставил на заседании Синода вопрос о перемещении Патриархии. Тогда же он послал телеграмму своему дяде премьер-министру Греции Е. Венизелосу в Лозанну, спрашивая его совета, и в ответ получил телеграмму с предложением оставить Патриарший престол. По свидетельству очевидцев, это предложение привело Патриарха в ярость, но он 1 июля, под предлогом плохого здоровья и необходимости лечения, временно покинул Стамбул и поселился на Афоне. Вместо себя Патриарх Мелетий оставил Местоблюстителем митрополита Кесарийского Николая¹⁴¹.

24 июля 1923 г. в Лозанне был подписан мирный договор между Грецией Великобританией, Францией, Италией, Японией, Румынией с одной стороны и Турцией — с другой. По этому договору в состав Турции входили Восточная Фракия, эгейское побережье Малой Азии, Турецкая Армения, острова Имброс и Тенедос, таким образом, Греция отказалась от всех своих завоеваний, кроме Западной Фракии и некоторых островов. Греческое население почти всей страны, кроме Стамбула, островов Имброс и Тенедос, подлежало репатриации на историческую родину; в свою очередь, в Анатолию должны были переселиться турки, проживавшие в балканских странах (примерно 360 тысяч). В результате этого договора около 1, 6 миллионов греков были выселены на свою историческую родину, которая после поражения в войне находилась в тяжелейшем состоянии и не могла им материально помочь. В ходе этого вынужденного перемещения от голода, холода и болезней погибло 300 тысяч беженцев¹⁴². Таким образом, Константинопольский Патриархат лишился почти всей своей паствы, перестал он быть и этнархом всех православных христиан бывшей Османской империи.

Следует упомянуть, что в этих сложных условиях внешнеполитическая поддержка Патриархату была оказана со стороны зарубежных русских иерархов. Так, 4 января 1923 г. митрополит Антоний (Храповицкий) направил официальное обращение президенту Лозаннской конференции, в котором выражал беспокойство в связи с возможным удалением Константинопольской Патриархии из Стамбула. Невозможность ее переселения объяснялась следующим образом: «Константинопольский Патриарх для православных христиан всех

---

¹⁴¹ Мосс В. Указ. соч. С. 104; Pallis A.A. Greeks Abroad. Athens, 1953. P. 187.

¹⁴² National Geographic. November 1925. P. 584.

стран является верховным судьей, а упразднение или унижение сей Апостольской кафедры явилось бы глубоким оскорблением и унижением всей Православной Церкви»¹⁴³.

2 октября 1923 г., за час до эвакуации союзных войск из Стамбула, член Синода Турецкой Православной Церкви о. «Папа» Евтим, в сопровождении своих сторонников и турецкой полиции вошел в здание Синода в Фанаре во время заседания и предъявил ультиматум присутствующим архиереям (после того как в 1923 г. Смешанный постоянный комитет из мирян и духовенства был упразднен, миряне непосредственного участия в управлении Патриархатом не принимали), чтобы они в течение десяти минут низложили Патриарха Мелетия. Несмотря на усиленные протесты двух из восьми членов Синода, требование было исполнено, затем шесть членов Синода, чьи кафедры находились вне пределов Турции, вместе с Местоблюстителем митрополитом Николаем фактически выгнали из Патриаршей резиденции. Но и после этого о. «Папа» Евтим заявил, что он не уйдет из Фанара, пока не будут выбраны семь предложенных им членов Синода и новый Вселенский Патриарх. При этом священник сам претендовал на этот пост. Почти все требования о. «Папы» Евтима, кроме избрания Патриарха, были выполнены, и священник вернулся в Анкару как представитель Фанара, но в этом качестве он оставался недолго¹⁴⁴.

12 октября греческое правительство послало архиепископа Афинского Хризостома (Пападопулоса) к Патриарху Мелетию в Салоники с предложением отречься от Патриаршества. Владыка Мелетий думал временно перенести в Салоники Патриаршую кафедру, но греческие власти опасались, что турецкое правительство после этого шага никогда не позволит вернуть ее в Стамбул. Под сильным давлением владыка Мелетий 20 октября подписал официальный документ об отречении от Патриаршего престола¹⁴⁵. Через несколько дней — 29 октября была провозглашена Турецкая республика; тайным голосованием в Великом Национальном Собрании Турции первым президентом страны оказался единогласно избран Мустафа Кемаль, получивший почетное наименование Ататюрк (т.е. отец турок).

---

¹⁴³ Председательствующий Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей Президенту Лозаннской конференции // Церковные ведомости. 1923. № 1–2. С. 1–2.

¹⁴⁴ Нанакис А. Указ. соч. С. 39; Times. London. 3.10.1923, 6.10.1923, 21.11.1923.

¹⁴⁵ Горчаков К.М. Возбудители раскола. Париж, 1927. С. 29.

После своей отставки с Константинопольского престола владыка Мелетий оказался в Александрии, где при политической поддержке англичан в 1925 г. был назван вторым кандидатом на престол Александрийской Патриархии. В это время Египет находился под британским мандатом, а египетское правительство имело право утвердить кандидатуру одного из двух представленных кандидатов в Патриархи. Правительство в Каире целый год тянуло со своим решением, но 20 мая 1926 г. под давлением английских властей все-таки утвердило кандидатуру владыки Мелетия в качестве Александрийского Патриарха. Скончался он 28 июля 1935 г. и был похоронен в Каире¹⁴⁶.

18 октября 1923 г. возглавлявший Священный Синод митрополит Кизикский Каллиник разослал окружное послание архиереям о предстоящих выборах Патриарха. Так как постоянный Смешанный комитет был уже распущен и общие уставы утратили силу, в этих выборах уже не участвовали представители мирян. Кроме того, турецкий полицейский, надзиравший за деятельностью Патриархии в Фанаре, предъявил предписание помощника губернатора Стамбула Фареттина, согласно которому в выборах нового Патриарха могли участвовать только турецкие граждане, практикующие свою религию в Турции¹⁴⁷.

6 декабря того же года новым Константинопольским Патриархом был выбран духовный сын бывшего Патриарха Германа V митрополит Халкидонский Григорий (Зервудакис или Папаставрианос), в Патриаршестве Григорий VII. Он родился в 1850 г. на острове Сифнос, обучался в Халкинской богословской школе и в нескольких европейских университетах, с 1887 г. служил епископом Мир Ликийских и протосинкеллом Родосской архиепископии, затем занимал пост синкелла при Патриархе Германе V. В 1892 г. владыка Григорий был рукоположен в сан митрополита Серрского, в 1909 г. переведен на кафедру митрополита Кизика, а в 1913 г. — митрополита Халкидона¹⁴⁸.

Турецкое правительство первоначально этих выборов не признало, так как в Лозаннском мирном договоре в условиях об обмена мусульманского и православного населения говорилось, что репатриации не подлежат только

---

¹⁴⁶ Срболуб Милетич, *свщ.* Указ. соч.

¹⁴⁷ Нанакис А. Указ. соч. С. 39.

¹⁴⁸ Григорий VII, Патриарх Константинопольский // Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006. С. 604–605.

греки Стамбула, островов Имброс, Тенедос и турки Северной Фракии, причем жителем Стамбула мог считаться лишь грек, поселившийся там до 1918 г. Владыка Григорий переехал в Константинополь в 1918 г. и, таким образом, подлежал репатриации. Турецкие власти заявили, что если Патриарх не уедет добровольно, то он будет выдворен из страны, в ответ на это греческое правительство подало апелляцию в Гаагский арбитражный суд.

7 декабря священник «Папа» Евтим, который не был допущен в зал заседаний, со своим протеже митрополитом Родополиским Кириллом и сторонниками в сопровождении 40 вооруженных турок ворвались в Фанар. Захватчики изгнали оттуда всех обитателей и заявили, что не покинут его, пока обвиненный ими в служении интересам Греции Григорий VII не отречется от престола и не будет выбран «законный» Патриарх. Через два дня из Анкары от турецких властей, связанных Лозаннским договором, все же пришел приказ освободить Фанар, и захватчиков выпроводили оттуда при помощи полиции. Таким образом, Патриаршая резиденция все же была возвращена Григорию VII¹⁴⁹.

Одним из первых шагов нового Патриарха стало объявленное 19 февраля 1924 г. запрещение в священнослужении и лишение духовного сана «Папы» Евтима. Правда, тот не подчинился и в ответ в июле 1924 г. захватил церковь Панагии Кафатиани в Галате. 2 апреля 1926 г. он захватил еще одну стамбульскую церковь — храм Спасителя в Галате, но влияние раскольника уже было сильно подорвано¹⁵⁰.

27 февраля / 12 марта (по другим данным, 23 февраля) 1924 г. новый Патриарх со своим Синодом официально ввел в Константинопольской Церкви новоюлианский календарь. Празднование Пасхи и связанных с ней праздников было временно, до созыва Вселенского Собора, оставлено по старой Пасхалии. По некоторым сведениям, Григорий VII лично был против изменений, но был вынужден уступить давлению правительства Греции, от которого полностью зависел материально. Так, Патриарх однажды прямо сказал Священному Синоду, что, «к сожалению, изменение в календаре было навязано греческим правительством»¹⁵¹. В ответ на соответствующее послание

---

¹⁴⁹ Oriente Moderno. 15.01.1924. P. 30.

¹⁵⁰ Нанакис А. Указ. соч. С. 40.

¹⁵¹ Мосс В. Указ. соч. С. 109–110.

Григория VII Московский Патриарх Тихон довел до сведения Константинопольского Патриарха, что хотя им и получена грамота о введении нового стиля с 10 марта, но в Русской Церкви ввести этот стиль оказалось невозможным ввиду решительного сопротивления народа¹⁵².

В том же месяце Патриарх Григорий VII перевел все греческие приходы в Австралии (подчинявшиеся ранее Элладской Церкви) под свою юрисдикцию и учредил митрополию Австралии и Новой Зеландии, которую до 1929 г. возглавлял митрополит Христофор (Книтис). Основной его заботой стала организация помощи греческим беженцам из Малой Азии в Грецию. Другим заметным деянием Григория VII было обнародование энциклики, посвященной урегулированию проблем части Македонии и Фракии, так называемых новых территорий, присоединенных к Греции в 1912–1913 гг., и созданию там новых временных епархий¹⁵³.

Однако положение Патриарха в своей стране было очень шатким. В марте 1924 г. турецкое правительство, изгнав халифа и упразднив халифат, внесло в Национальное Собрание законопроект (к счастью, не принятый) об изгнании из Турции высших христианских иерархов, предусматривавший ликвидацию Вселенского и Армяно-Григорианского Патриархатов. Все их недвижимое имущество предполагалось конфисковать в пользу государства. Одновременно правительство приказало под угрозой закрытия изъять из христианских школ кресты и иконы, 36 не подчинившихся указу школ действительно были закрыты. В печати Вселенского Патриарха прямо обвиняли в сотрудничестве с греческим правительством, некоторое время угроза его депортации была вполне реальной, хотя в конце концов возобладало мнение умеренных членов турецкого правительства, не желавших нарушать Лозаннское соглашение. 17 декабря 1923 г. министр юстиции признал избрание Григория VII действительным¹⁵⁴.

Проживавший в Белграде профессор С.В. Троицкий в своем труде «Что такое Живая Церковь?», ссылаясь на публикацию в «Церковных ведомостях»,

---

¹⁵² *Серафим (Соболев), архиеп.* О новом и старом стиле // Старый стиль лучше новых двух. Что такое календарная реформа. С. 112–113.

¹⁵³ Григорий VII, Патриарх Константинопольский. С. 604–605.

¹⁵⁴ Церковные ведомости. 1924. № 9–10.

сообщал, что «Константинопольский Патриарх Григорий VII в послании от 27.XII.1923 г. № 5856 назвал “живцов” — “незаконными захватчиками церковной власти в России”, а Патриарха Тихона “единственным законным высшим главою церковной власти Российской Церкви”». О том же писал после Великой Отечественной войны сотрудник Московской Патриархии А. Бувеский. Но приписываемых Святейшему Григорию слов Патриаршая грамота № 5856 от 27 декабря 1923 г. не содержала. Патриарх Григорий всего лишь писал в ней митрополиту Антонию (Храповицкому) в ответ на его поздравления: «Пусть Господь дарует скорое утешение и помощь и Святой сестре Русской Церкви и Наисвятейшему Патриарху Тихону, чьи долгие испытания повергают нас в скорбь»¹⁵⁵.

В марте 1924 г. председателю обновленческого Синода митрополиту Евдокиму, так же как и Патриарху Тихону, была передана копия циркулярного письма Вселенского Патриарха о введении нового стиля. Обновленцы восприняли этот жест внимания как акт их признания. И хотя прямо о признании обновленческого Синода Константинопольская Патриархия еще не заявляла, но постепенно, по политическим причинам, эволюционировала в этом направлении. СССР в середине 1920-х гг. имел большое влияние на победивший в Турции режим Ататюрка, которому оказывали значительную военную помощь.

Поставленная турками на грань выживания Константинопольская Патриархия готова была искать защиты даже у советского руководства. Ее представителем в СССР вместо умершего в январе 1924 г. архимандрита Иакова стал его племянник иеромонах Василий (Димопуло). Вскоре возведенный в сан архимандрита о. Василий активно начал укреплять связи с обновленцами. В марте 1924 г. он вместе с представителем Александрийского Патриарха архимандритом Павлом посетил митрополита Евдокима, с которым обсудил вопросы, касающиеся направления делегатов от Русской Церкви на запланированный на 1925 г. Вселенский Собор в Иерусалиме, а также содействия в возвращении конфискованного советскими властями Константинопольского подворья в Москве. Стороны нашли полное взаимопонимание, и вскоре архимандриты Василий и Павел стали почетными членами обновленческого Синода¹⁵⁶.

---

¹⁵⁵ Александр Мазырин, *свиц.* Указ. соч.

¹⁵⁶ Там же.

Используя крайне неблагоприятную для Фанара ситуацию, обновленческий Синод 18 апреля 1924 г. постановил: «Ввиду изгнания кемалистами Вселенского Патриарха Григория VII и тяжелого его материального положения, предложить оказать гостеприимство ему, стоящему всегда на страже интересов Российской Православной Церкви, для чего с согласия пятерки [Троцкий, Смидович, Галкин, Красилов и Тучков] предоставить ему право свободно выбрать себе для своего жительства один из следующих городов: Новороссийск, Одесса, Киев, Петроград и даже Москву с полным иждивением, как Его Святейшеству Григорию VII, так и всей его свите при условии легализации Синода и всех постановлений [обновленческого] Собора 1923 г., устранившего патриарха Тихона»¹⁵⁷.

Переговоры о возможности переселения Патриарха Григория VII в СССР с обновленческим Синодом велись через экзарха Вселенского Патриархата в Западной Европе митрополита Фиатирского Германа (Стринополуса)¹⁵⁸. 30 апреля 1924 г. Священный Синод в Константинополе под председательством Патриарха Григория постановил, что «русские иерархи, находящиеся в Сербии и других церковных областях, не имеют канонического права к исполнению пастырских и церковных прав и обязанностей в этих областях»¹⁵⁹.

Видимо, отчасти в качестве благодарности обновленцам за сделанное ими приглашение, 6 мая в своей речи перед Константинопольским Синодом Григорий VII призвал Патриарха Тихона добровольно отказаться от Патриаршества и немедленно удалиться от церковного управления. Согласно распространенному в Москве в переводе архимандрита Василия документу под названием «Вступительная речь Его Святейшества Вселенского Патриарха Григория VII и постановление Священного Синода об основах работы отправляющейся в СССР Патриаршей миссии», Патриарх Григорий заявил, что «по приглашению церковных кругов СССР» (т.е. обновленцев) он принял предложенное ему «дело умиротворения происшедших в последнее время в тамошней братской Церкви смут и разногласий, назначив для этого

---

¹⁵⁷ См.: *Троицкий П.* Патриарх Григорий VII и большевики. Париж, 1932.

¹⁵⁸ *Василий (Кривошеин), архиеп.* Богословские труды. Нижний Новгород, 2011. С. 178.

¹⁵⁹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 192.

особую Патриаршую комиссию из архиереев». Комиссия должна была «отправиться туда, чтобы содействовать с Божией помощью словами любви и путем разных указаний восстановлению согласия и единения в Братской Церкви ко благу всего Православия». Особо оговаривалось, что «отправляющаяся комиссия в своих работах должна опираться на те тамошние церковные течения, которые верны Правительству СССР». «Ввиду возникших церковных разногласий, — заявлял далее Патриарх Григорий, — мы полагаем необходимым, чтобы Святейший Патриарх Тихон ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал собою, немедленно удалившись от церковного управления... и чтобы одновременно упразднилось, хотя бы временно, Патриаршество, как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения. Вместо упразднившегося Патриаршества Высшее церковное управление там должен принять ныне свободно и канонически избранный Синод, который и выработает детали Синодального Управления Церковью в СССР»¹⁶⁰.

В полном соответствии с обращением Патриарха Григория Константинопольский Синод в тот же день, 6 мая, единогласно постановил: «1. Чтобы комиссия эта определенно опиралась на церковные течения, верные Правительству СССР... 2. Чтобы комиссия эта сделала надлежащим образом известный взгляд Его Святейшества и Священного Синода относительно необходимости удаления Святейшего Патриарха Тихона и упразднения, хотя бы временно, Патриаршества в СССР и с этим взглядом сообразовала свою деятельность. 3. Чтобы сделала известным взгляд Вселенского Патриарха, что новое положение о Высшем церковном управлении должно опираться на основы чисто церковной соборности и иметь форму свободно и канонически избранного Соборного Синода»¹⁶¹.

Согласно некоторым свидетельствам, на решение Константинопольского Синода повлияла тенденциозная информация лично близкого обновленцам архимандрита Василия (Димопуло). По утверждению обновленческой

---

¹⁶⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 89, оп. 4, д. 89, л. 14.

¹⁶¹ Там же.

прессе, он даже «переосвящал» «тихоновские» церкви для обновленцев, поддерживая только с ними евхаристическое общение¹⁶².

1 июня в газете «Известия ЦИК» была опубликована еще более усугубляющая ситуацию статья с броским заголовком «Вселенский Патриарх отстранил бывшего Патриарха Тихона от управления Российской Церковью»: «Московский представитель Вселенского Патриарха архимандрит Василий (Димопуло) сообщил представителю РОСТА следующее: “Мною только что получено из Константинополя сообщение о том, что Константинопольский Патриарший Синод под председательством Вселенского Патриарха Григория VII вынес постановление об отстранении от управления Российской Православной Церковью Патриарха Тихона, как виновного во всей церковной смуте. Постановление это вынесено на заседании Синода при Вселенском Патриархе 6 мая и принято единогласно”. По словам архимандрита Василия, это постановление является результатом неоднократных советов со стороны восточных Патриархов и, в частности, сербского Патриарха. Вместе с тем Константинопольский Патриарх посылает в Москву авторитетную комиссию из виднейших восточных иерархов для ознакомления с делами Российской Православной Церкви... Одновременно Вселенский Патриарх признал [обновленческий] российский Синод официальным главою Российской Православной Церкви и запретил в священнослужении иерархов, бежавших из России в эмиграцию, во главе с Антонием Храповицким. Все эти иерархи предаются церковному суду»¹⁶³.

6 июня Патриарх Тихон получил письмо архимандрита Василия (Димопуло) с приложением выписок из протоколов заседаний Константинопольского Синода от 1 января, 17, 30 апреля и 6 мая 1924 г., из которых следовало, что Григорий VII, «изучив точно течение русской церковности и происходящие разногласия и разделения, для умиротворения дела и прекращения настоящей аномалии» решил послать в Москву, приняв во внимание исключительные обстоятельства и примеры прошлых времен, «особую миссию, уполномоченную изучать и действовать на месте на основании и в пределах определенных инструкций, согласных с духом и преданиями Церкви». В инструкции для членов комиссии Григорий VII выразил пожелание, чтобы Патриарх Тихон

---

¹⁶² Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 1 (14). С. 10.

¹⁶³ Известия ЦИК. 1924. 1 июня.

«ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал Собою, немедленно удалившись от управления Церковью»¹⁶⁴.

В ответном послании Григорию VII от 18 июня Патриарх Тихон обоснованно отверг эти неуместные советы: «Мы немало смутились и удивились, что... глава Константинопольской Церкви, без всякого предварительного сношения с Нами, как с законным представителем и главою всей Русской Православной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела автокефальной Русской Церкви. Священные Соборы (см. 2-е и 3-е Правила II Вселенского Собора и др.) за епископом Константинопольским признавали всегда только первенство чести, но не признавали и не признают за ним первенство власти или первенство вообще... А потому всякая посылка какой-либо комиссии без сношения со Мною, как единственно законным и православным Первоиерархом Русской Православной Церкви, без Моего ведома не законна, не будет принята русским православным народом и внесет не успокоение, а еще большую смуту и раскол в жизнь и без того многострадальной Русской Православной Церкви... Народ не со схизматиками, а со своим законным и православным Патриархом. Позволительно усомниться и в предлагаемой Вашим Святейшеством мере умиротворения Церкви — Моего удаления от управления Церковью и хотя бы временного упразднения самого Патриаршества на Руси. Не умиротворит это Святую Церковь, а народит новую смуту, принесет новые скорби и без того многострадальным верным Нам архипастырям и пастырям...»¹⁶⁵ После этого письма Патриарх Григорий VII фактически прервал общение с Патриархом Тихоном и в дальнейшем переписывался только с обновленческим Синодом. Под влиянием Константинопольской Патриархии обновленцев признали и некоторые другие Восточные Патриархи.

В июле 1924 г. архимандрит Василий обратился от имени Вселенского Патриарха Григория VII и «всего Константинопольского пролетариата» к главе Секретариата по делам культов при Президиуме ЦИК СССР П.Г. Смидовичу:

---

¹⁶⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 322–324; Владислав Цыпин, *прот.* Указ. соч. С. 112–113; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. С. 194.

¹⁶⁵ Следственное дело Патриарха Тихона. М., 2000. С. 377; Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1. М., 1995. С. 210–211.

«Одолев своих врагов, победив все препятствия, окрепнув, Советская Россия может теперь откликнуться на просьбы пролетариата Ближнего Востока, благожелательного к ней, и тем еще больше расположить к себе. В Ваших руках, тов. Смидович, сделать имя советской России еще более популярным на Востоке, чем оно было ранее, и я горячо прошу Вас, окажите Константинопольской Патриархии великую услугу, как сильное и крепкое правительство могущественной державы, тем более что Вселенский Патриарх, признаваемый на Востоке главой всего православного народа, ясно показал своими действиями расположение к советской власти, которую он признал»¹⁶⁶.

Однако никаких «великих услуг» советское правительство Фанару оказывать не стало (турецкое правительство Ататюрка для СССР было несравнимо важнее). Но при этом от идеи использовать фанариотов в своих интересах советское руководство не отказывалось. Вопрос о прибытии константинопольской делегации в Москву несколько раз обсуждался на заседаниях Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б), при этом принимались положительные решения. Последнее из них, принятое уже в сентябре 1924 г., гласило: «Разрешить и поручить тов. Тучкову обработать делегацию в желательном для нас направлении». Однако миссия из Константинополя не приехала. Большое влияние на Фанар имела позиция Великобритании, и, когда архиепископ Кентерберийский Дэвидсон выразил Патриарху Григорию свое недоумение по поводу его прообновленческой активности, тот, как писали «Церковные ведомости», ответил, что «“Живой Церкви” он не признает; Патриарха Тихона он признает законным представителем Русской Православной Церкви и не думал производить над ним суда; комиссию же он собирался послать для ознакомления со взглядами Патриарха Тихона по целому ряду современных вопросов; и теперь едва ли эта комиссия поедет в Россию»¹⁶⁷.

Вместо комиссии Патриарх Григорий направил обновленческому Синоду лишь свое приветствие в виде пасхальных яиц. 27 мая Константинопольский Патриарх издал окружное послание, в котором объявлял о созыве в 1925 г.

---

¹⁶⁶ Митрофан (Шкурин), игум. Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922–1929 годах: (По материалам Антирелигиозной комиссии) // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 166.

¹⁶⁷ Александр Мазырин, свец. Указ. соч.

Всеправославного Собора, приуроченного к 1600-летию I Вселенского Собора. И уже в июне 1924 г. обновленцы провели в 1-м Доме Советов так называемое Великое Предсоборное Совещание. В его проходившем под председательством митрополита Евдокима заседании приняли участие московские представители Константинопольского и Александрийского Патриархатов. Почетным председателем совещания был избран Патриарх Григорий VII, который, согласно обновленческим и советским источникам, приветствовал собрание особым посланием. В посвященной обновленческому совещанию статье «Известий ЦИК» говорилось: «Кардинальной заслугой Синода митрополит Евдоким считает налаживание связи с Вселенским Патриархом Григорием VII, а также и с Восточными Патриархами. К концу своей речи митрополит Евдоким огласил ряд посланий Вселенского Патриарха Синоду, из которых явствует, что Синод полностью им признан как высший авторитетный орган церковного управления в России»¹⁶⁸.

8 мая 1924 г. посетивший Афон митрополит Антоний (Храповицкий) получил от Патриарха Григория VII письмо, в котором указывалось, что без его согласия и разрешения владыка не может покинуть Святую Гору. Такой странный запрет, вероятно, был вызван опасениями Константинополя, что авторитетный голос русского митрополита может вызвать оппозицию церковным реформам у других Восточных Патриархов, к которым собирался поехать митрополит. Владыка Антоний письмом вежливо попросил разрешения выехать на Восток, и затем, не дождавшись ответа, известил Вселенского Патриарха, что его виза истекает 14 июня, и направился в Александрию.

В это же время Патриарх Григорий VII потребовал от пребывавших в Константинополе русских архиепископов Анастасия (Грибановского) и Александра (Немоловского) прекратить выступления против советской власти, не помять Патриарха Тихона, и «дал им совет признать большевиков». Получив категорический отказ, он назначил следствие и запретил архиепископов в священнослужении¹⁶⁹. 24 мая Константинопольский Патриарх также написал руководству Сербской Православной Церкви послание с протестом против допущения на ее канонической территории деятельности русских заграничных

---

¹⁶⁸ Александр Мазырин, *свиц.* Указ. соч.

¹⁶⁹ Монах Горазд. Указ. соч. С. 8.

органов церковного управления, но получил отрицательный ответ (2 декабря 1924 г. Сербский Архиерейский Собор, рассмотрев данный вопрос, принял постановление, в котором говорилось, что существование Русского Заграничного Управления канонически правильно и целесообразно)¹⁷⁰.

17 февраля 1925 г. митрополит Антоний обратился к новому Константинопольскому Патриарху с проникнутым чувством глубокой горечи особым «Скорбным посланием», в котором защищал Святейшего Патриарха Тихона и отмечал вред реформаторства Вселенской Патриархии: «...за физической невозможностью нашему Русскому Патриарху возвысить свой голос, я, смиренный Киевский митрополит... имею тяжелый, но неотвратимый долг сыновне напомнить Вашему Святейшеству о незаконных деяниях Ваших предшественников — Кир Мелетия и Кир Григория VII... Доныне от дней юности своей я возвышал свой голос только для прославления Восточных и, в частности Вселенских, Патриархов, устно и печатно... я и делом и словом всегда заявлял себя филэллином и поклонником великой идеи. Однако я не папист и хорошо помню, что кроме великих епископов Церкви... бывали там многие другие, и внутренние враги Церкви, еретики и даже ересиархи... Вот к этому же пути послушания Святой Церкви и канонов склонялись и последние два предшественника Вашего Святейшества... со времен печального Всеправославного конгресса у бывшего Патриарха Мелетия (давшего такое наименование собранию 4–6 архиереев и нескольких священников и мирян, без участия в нем трех Восточных патриархов) — со времени помянутого неправославного конгресса начался тот противочерковный вандализм, который проектировал многое воспрещенное Церковью со страшными проклятиями, как, например, женатых архиереев, второбрачие клириков, упразднение постов...»¹⁷¹.

Имевший значительный авторитет во всем православном мире владыка Антоний и позднее открыто выступал против реформаторства Вселенских Патриархов. Впоследствии, в 1936 г., Сербский Патриарх Варнава так сказал о значении этой деятельности Первоиерарха РПЦЗ: «Когда в начале

---

¹⁷⁰ Троицкий С.В. История самочинной карловацкой организации // Церковно-исторический вестник. Москва. 2001. № 8. С. 41.

¹⁷¹ Никон (Рклицкий), архиеп. Указ. соч. Т. 6. С. 164–165.

послевоенных годов волна модернизма захлестнула все Церкви Востока, она разбилась о скалу митрополита Антония»¹⁷².

Однако попытки Константинопольских Патриархов навязывать свои реформы и вмешиваться в дела других Поместных Православных Церквей продолжались и в дальнейшем. Так, в июне 1924 г. Константинопольская Патриархия в грамоте № 1748 заявила о незаконности прав митрополита Евлогия (Георгиевского). В письме владыке Евлогию от 25 июня Патриарх Григорий VII подчеркивал: «Мы надеемся, что Ваше Преосвященство рекомендует русским общинам в Чехословакии, старым и эмигрантским, дабы они, строго придерживаясь канонических постановлений, охотно признали и над собой каноническую власть местного архиепископа [Савватия]»¹⁷³.

В следующем месяце митрополит Евлогий отправил в Константинополь ответное письмо, в котором отверг эти предложения: «... русские православные храмы в Чехии искони, с самого своего основания, были под властью Российской Церкви, и потому, согласно указанным правилам, без благословения ее теперешнего главы Святейшего Патриарха Тихона, не могут быть отторгнуты от своей Церкви никакою другою церковною властью». Митрополит также дал последовательно каноническую оценку всем незаконным притязаниям Фанара на российскую диаспору: «... текст 28-го правила IV Вселенского Собора, возвышая положение и расширяя права Константинопольского Патриархата, предоставляет ему власть поставлять епископов в сопредельных областях Понта, Азии и Фракии у иноплеменников не всех вообще, а лишь названных областей. Иное толкование лишало бы права миссии все остальные автокефальные Церкви и приводило бы к выводу, что Церкви России, Румынии и Сербии не имеют даже права на автокефалию. Данное правило вовсе не означает того, чтобы все другие автокефальные Церкви ограничивали свою власть пределами тех государств, где они территориально находятся, и не могли бы посылать своих миссий в другие страны. Такое мнение, высказанное Блаженнейшим патриархом Мелетием, не находит для себя оснований в священных канонах и не оправдывается ни историею, ни практикою Церкви».

---

¹⁷² *Нафанаил (Львов), архиеп.* Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. Т. 5. Нью-Йорк, 1995. С. 5.

¹⁷³ *Бурега В.В.* Указ. соч. С. 74–75.

О себе владыка Евлогий справедливо писал: «... мои канонические полномочия исходят от власти главы Автокефальной Российской Церкви Патриарха Московского, в каноническом подчинении которого я нахожусь»¹⁷⁴.

Однако позиция Патриарха Григория VII не изменилась. 15 апреля 1924 г. Константинопольский Синод под председательством Патриарха основал Венгерскую и всея Центральной Европы митрополию с кафедрой в Будапеште, хотя там уже был сербский епископ. К ноябрю того же года в Европе в юрисдикции Константинопольского Патриарха уже существовали Западно-Европейский экзархат во главе с митрополитом Фиатирским Германом, епархия епископа Атирского Григория с центром в Париже и созданный в октябре на основе Венгерской митрополии Центрально-Европейский экзархат во главе с митрополитом Германом (Каравангелисом), имевшим кафедру в Вене, но сохранившим под своим управлением Венгрию, Австрию и Италию (этот экзархат был упразднен после смерти владыки Германа в 1935 г.)¹⁷⁵. Таким образом, по замечанию известного русского канониста С. Троицкого, «во время правления патриарха Григория VII “варварская” Европа оказалась разделенной между шестью подчиненными Константинополю иерархами (Фиатирским, Венгерским, Пражским, Парижским, Эстонским и Финским)»¹⁷⁶.

Под давлением правительства Финляндии Патриарх Григорий VII разрешил Финляндской Православной Церкви принять григорианскую Пасхалию, затем начались гонения на сторонников старого стиля в Валаамском и Коневском монастырях. После освобождения Патриарха Тихона из-под ареста Финляндское Церковное управление посланием от 13 октября 1923 г. уведомило Первосвященителя о происшедших в Финляндской Церкви изменениях. Заслушав доклад архиепископа Серафима (Лукьянова), 14/27 ноября Патриарх Тихон и Священный Синод Российской Церкви приняли постановление: «Так как Святейший Патриарх Тихон вступил в управление Российской

---

¹⁷⁴ Бурега В.В. Указ. соч. С. 74–75; Иеромонах Савва (Тутунов). Церковно-правовые основания существования «Парижской митрополии» в 1921–1946 годах // Церковно-исторический вестник. 2005–2006. № 12–13. С. 108.

¹⁷⁵ Киш Э. Православная Церковь в Венгрии в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. С. 209, 212; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. С. 191–192; Мосс В. Указ. соч. С. 95.

¹⁷⁶ Троицкий С. Указ. соч. С. 46.

Православной Церковью, то причина, по которой Константинопольский патриарх считал нужным временно подчинить Финляндскую Церковь своей юрисдикции, ныне отпадает, и Финляндская епархия должна возвратиться под ведение Патриарха Всероссийского»¹⁷⁷. Однако это постановление в Фанаре проигнорировали, а Финляндское Церковное управление 15 февраля 1924 г. ответило, что отделение было окончательным.

В частной переписке заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) начала 1930-х гг. встречается утверждение, что Патриарх Тихон не объявлял официально о разрыве канонического общения с Финляндской Церковью¹⁷⁸. Однако в дальнейшем Московская Патриархия считала, что после отхода без отпускной грамоты Финляндской Православной Церкви от Русской Церкви каноническое общение между Церквями было прервано¹⁷⁹.

29 декабря 1923 г. решением Государственного Совета и указом президента Финляндии, за несоответствие закону о языке, архиепископ Серафим был отстранен от возглавления епархией, как «не пожелавший ходатайствовать о предоставлении отсрочки для изучения финского языка». Владыке Серафиму оставили право совершать церковные богослужения, но он был полностью устранен от дальнейшего участия в управлении Церковью¹⁸⁰. С 1 января 1924 г. правительство возложило обязанности архиепископа Выборгского и Финляндского на церковное управление, обязав его совместно с Собором войти с представлением о назначении нового архиепископа. Зарубежный Архиерейский Синод Русской Церкви признал это увольнение незаконным, заявив, что покинуть свой пост канонический глава мог только по суду или по собственному желанию¹⁸¹. Официально новый архиепископ Финляндский Герман (Аав) был избран на Соборе Финляндской Православной Церкви 13 июня 1925 г. и 14 августа того же года утвержден в этой должности президентом.

---

¹⁷⁷ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 304; Указы Священного Синода при Святейшем Патриархе Всероссийском // Церковные ведомости. 1924. № 3–4. С. 1.

¹⁷⁸ См.: Утренняя заря. 1934. № 6–7.

¹⁷⁹ Шевченко Т.И. Указ. соч. С. 117.

¹⁸⁰ Там же. С. 110–111.

¹⁸¹ Зачисление архиепископа Серафима за штат // Церковные ведомости. 1924. № 3–4. С. 12.

С середины 1920-х гг. митрополит Антоний (Храповицкий) называл нового финляндского архиерея «лжеепископом» и причащавшихся с ним призывал к покаянию, в частности, в письме валаамскому иеромонаху Поликарпу от 27 января 1925 г. писал: «Печальные вести ваши я получил и много скорбел о безжалостном ожесточении архипастырей греческих, а Германа я считаю простым мирянином... Ясно, в Константинопольскую Патриархию вошла еретическая шайка... Пока речь шла о новшествах, прямо не воспрещенных канонами, Вы знаете, я советовал Вам послушание, а теперь именем Божиим советую: не повиноваться лжеепископу Герману и постыдно умершему Патриарху Григорию VII, сгубившему своим делом Патриархат, ибо его пока еще неповинный преемник изгнан турками из Константинополя. За Патриархат, за святейшего Константина VI я уже заступался и буду еще заступаться, если и он не свихнется с православного пути, а Вам советую крепко держаться сего единого спасительного пути и все претерпеть: и разорение обители, и изгнание, и всякие лишения за святую веру»¹⁸².

В другом письме того времени митрополит Антоний отмечал: «Но еще более незаконно и жестоко было отношение покойного патриарха Григория VII и его Синода к Финляндской епархии и к ее архиепископу [Серафиму (Лукьянову)]. Именно Вселенский патриарх рукоположил ему в викария священника Аава (без всякого пострижения в монашество или даже в рясофор) не только без его, архиепископа, согласия, но даже вопреки его протесту; этим покойный Патриарх пограл основной канон Церкви — 6-е правило I Вселенского Собора (и многих других)... И вот сей сомнительный епископ Герман, в мирском одеянии, побритый и подстриженный, расхаживает по улицам города на соблазн православных и возбуждая злорадство иноверцев, а достойнейший архиепископ, грубо оскорбленный своим же лжесобратом, влачит печальные дни в ссылке, в тесном помещении монастыря на пустынном острове бурного Ладожского озера»¹⁸³.

При Патриархе Григории VII Константинопольская Патриархия признала неканоничною автокефалию Польской Православной Церкви. 18 ноября

---

¹⁸² Письма блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилл, 1988. С. 164–165; Антоний (Храповицкий), митр. Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2007. С. 98.

¹⁸³ Монах Горазд. Указ. соч. С. 7–8.

1923 г. ее глава митрополит Дионисий (Валединский) написал Патриарху Тихону, что воспринял «достоинство митрополита Варшавского и Вольнского и всея Польши избранием Собора боголюбезных епископов православной митрополии в Польше, с согласия Правительства Республики Польской и по утверждении и благословении Святейшего Мелетия IV, Патриарха Константинопольского и Вселенского». Владыка Дионисий просил «благословить самостоятельное существование Православной Церкви в Польском государстве»¹⁸⁴.

В ответном послании митрополиту Дионисию от 5 июня 1924 г. Московский Патриарх отнесся к предоставлению автокефалии отрицательно и выразил свое недоумение утверждением Константинопольским Патриархом акта избрания митрополита Варшавского и всея Польши: «Для Нас остается неясным, на основании каких канонических правил часть Всероссийской Православной Церкви без согласия Поместного Собора и благословения ее Предстоятеля могла стать независимой, и, какими каноническими правилами руководясь, Святейший Мелетий IV, бывший Патриарх Константинопольский, счел себя вправе простирать свою власть на часть Патриархата Всероссийского»¹⁸⁵. Однако это послание не возымело должного воздействия. За три дня до своей смерти Константинопольский Патриарх Григорий VII подписал Томос от 13 ноября 1924 г. о признании автокефалии Православной Церкви в Польше. В основу этого Томоса он положил утверждение, что строй церковных дел якобы должен соответствовать политическим и общественным формам. Новое послание Святейшего Патриарха Тихона от 6 апреля 1925 г., отрицающее автокефалию Польской Церкви, уже не могло изменить ситуацию¹⁸⁶.

В ночь с 16 на 17 ноября, не пробыв и года на Патриаршем престоле, Григорий VII скончался. Через месяц — 17 декабря 1924 г. на Вселенский престол был выбран митрополит Деркойский Константин (Арабоглу), ставший Патриархом Константином VI. Эти выборы вновь сильно обострили отношения между Турцией и Грецией. Согласно Лозаннскому договору, Патриархом мог быть выбран только житель Стамбула, а новый Патриарх, хотя и являлся турецким подданным, проживал в другом месте и, следовательно, подлежал

---

¹⁸⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 320.

¹⁸⁵ Там же; Монах Горазд. Указ. соч. С. 320–321.

¹⁸⁶ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 359–361.

депортации в Грецию. Вскоре после выборов турецкое правительство потребовало его удаления.

Патриарх Константин VI успел объявить о созыве в день Пятидесятницы 1925 г. в Иерусалиме Вселенского Собора, который, впрочем, не состоялся, но в отношениях с Русской Церковью проявил себя только благодарственной телеграммой обновленцам за поздравление с избранием, о которой сообщили в обновленческом «Вестнике Священного Синода» (текст самой телеграммы приведен не был). Составленную в Константинополе «Программу работ будущего Вселенского Собора» архимандрит Василий (Димопуло) в начале 1925 г. передал обновленческому Синоду, который с осени 1924 г. возглавлял митрополит Вениамин (Муратовский). Хотя в этой программе о Русской Православной Церкви ничего сказано не было, ее появление вызвало у обновленцев радость, и их Синод постановил: «Представительство Русской Церкви на Вселенском Соборе... признать необходимым. Члены Вселенского Собора избираются Всероссийским Поместным Собором (приблизительно в конце апреля, начале мая)». Вслед за этим Патриарху Константину VI была послана телеграмма: «Мы выражаем полную свою готовность следовать указаниям Святейших Восточных Православных Патриархов... Мы уверены, что молитвенное предстательство за нас Святейших Православных Патриархов, а равно их мудрость отеческая прольют священную тишину и мир в раздираемую бывшим патриархом Тихоном Святую Русскую Православную Церковь»¹⁸⁷.

30 января 1925 г., несмотря на протест греческого парламента, Константин VI был выслан из страны, а когда попытался вернуться в Турцию, то его не пустили; таким образом, он занимал Патриарший престол только 43 дня. В качестве беженца Константин VI поселился в здании Салоникской епархии, где его посещали тысячи верующих. Оттуда Патриарх обратился к Лиге Наций с призывом решить его проблему, что поставило греческие власти в затруднительное положение. Афинский архиепископ разослал свой протест главам всех христианских деноминаций в Европе и Америке, но это не помогло. Более того, турецкое правительство потребовало выдворения из страны и других архиереев Константинопольского Патриархата, подпадавших под статус репатриантов. 4 февраля турецкий премьер-министр в своей

---

¹⁸⁷ Александр Мазырин, свщ. Указ. соч.

ответной речи на ноту протеста греческого правительства по поводу изгнания Патриарха из страны заявил, что Турцию не запугать, и патриарший вопрос — это внутренний вопрос суверенного государства. 25 февраля вали [мэр] Стамбула Сулейман Сами бей известил заседавший в Фанаре Священный Синод, что он исходатайствует статус нерепатриантов для его членов, если они признают низложение Константина VI и выберут нового Патриарха. В дальнейшем так и произошло, и 11 митрополитов — членов Синода избежали репатриации¹⁸⁸.

В апреле 1925 г. переговоры между турецким и греческим правительствами по поводу удаления Патриарха Константина VI завершились достижением соглашения. Греческие власти обратились к 58 митрополитам Патриархата с просьбой признать низложение Патриарха (большинство из них с 1912 г. пребывали в Греции). 22 мая и сам Константин VI известил греческое правительство, что он отказывается от Патриаршества, и послал соответствующее прошение в Синод. В тексте отречения отмечалось: «Полагая, что беспрецедентное изгнание нас с престола вызовет нестроения в древнейшем Константинопольском Патриархате, статус которого утвержден Святейшими Вселенскими Соборами, мы приняли решение, известное всей нашей иерархии, согласно которому мы стремились принести мир в институцию Вселенского Патриархата, как изложено в нашем меморандуме Лиге Наций»¹⁸⁹. Скончался бывший Патриарх 28 ноября 1930 г.

13 июля 1925 г., несмотря на попытку «Папы» Евтима, Дамианидиса и их последователей повлиять на турецкое правительство, с тем чтобы оно приняло участие в выборах нового Первосвятителя, на Патриарший престол без постороннего вмешательства был выбран 85-летний митрополит Никейский Василий (в миру Георгиадис Василиос), ставший Патриархом Василием III. Он родился в 1846 г. в Стамбуле, закончил богословский факультет Афинского университета, затем продолжил образование в Мюнхенском университете, в 1872–1880 гг. преподавал древнееврейский язык в Халкинской богословской школе, в 1884–1889 гг. работал директором Патриаршей духовной семинарии в Гала-те. С 1888 по 1909 гг. владыка Василий служил митрополитом Анхиальским

---

¹⁸⁸ Нанакис А. Указ. соч. С. 41.

¹⁸⁹ Там же. С. 41–42.

(Анкиалосским) и в 1906 г. пережил разрушение своего кафедрального города в ходе Македонского восстания. В дальнейшем он служил митрополитом Пелагонийским (с 1909) и Никейским (с 1910), был автором многих работ в области богословия и истории Церкви, среди которых имеются исследования, посвященные святителям Иоанну Златоусту (1902) и Григорию Богослову (1903), а также сборник статей по нравственному богословию (1908)¹⁹⁰.

Именно владыка Василий намечался председателем не состоявшейся «авторитетной комиссии из виднейших восточных иерархов», которую Патриарх Григорий VII собирался отправить в Москву для расследования конфликта между Патриархом Тихоном и обновленцами. Вскоре после своего избрания, 22 июля, Патриарх Василий III отправил письмо архиепископу Кентерберийскому Рэндалу, в котором писал: «...мы сделаем все, что от нас зависит, чтобы более укреплять священные узы нашей любви во Христе, которые не только важны для наших Церквей, но и для всего дела искомого сближения и блаженного соединения всех Христианских Церквей»¹⁹¹.

Новый Патриарх не так явно, как его предшественники, поддерживал обновленцев, стараясь занимать более нейтральную позицию и в основном воздерживаясь от прямого вмешательства во внутрицерковную борьбу в СССР, однако связи с раскольниками сохранил. 21 июля председатель обновленческого Синода митрополит Вениамин (Муратовский) отправил поздравительную телеграмму в связи со вступлением Василия III на престол, в которой испросил «благословения Поместному Собору на дело устроения и умиротворения Русской Церкви»¹⁹².

В ответной телеграмме Константинопольский Патриарх благодарил «за любезное поздравление» и сказал о своей молитве «о благополучном окончании стремлений к умиротворению и соединению Святой братской Русской Церкви». Последние слова можно было трактовать как угодно, но само обращение свидетельствовало о признании Фанаром обновленческого Синода и его председателя. Пытаясь закрепить успех, уже 30 июля Синод

---

¹⁹⁰ Н.Е.Н. Василий III, Патриарх Константинопольский // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 99.

¹⁹¹ The Christian East. September 1925. P. 114–116.

¹⁹² Митрофан (Шкурин), игум. Указ. соч. С. 166.

направил Патриарху Василию III приглашение посетить Москву: «Священный Синод Российской Православной Церкви умоляет Вашу Святыню отечески попечительно призреть на нашу церковную скорбь и подвигнуться на спасение болящей дочери — Церкви Русской. Нам — верным сынам Церкви — особенно важно излечиться теперь, когда приближается время Вселенского Собора, а Вам, Ваше Всесвятейшество, особенно небезполезно посетить Церковь Русскую в преддверии грядущего Собора, чтобы правильно судить о положении ее в современных условиях нового государственного строя... Все мысли и сердца многомиллионного верующего народа русского обращены на Ваше Всесвятейшество, как на единственного Спасителя и Отца нашей Матери Церкви. Верим и уповаем, что Отец отцов не оставит мольбы своих детей неслышанной, как некогда Христос Спаситель прикосновением исцелил горячку тещи апостола Петра, так и Вы, Ваше Всесвятейшество, своим прибытием на наш Поместный Собор и прикосновением к язвам нашей страждущей Церкви поможете уврачеванию соборным разумом ее недугов»¹⁹³.

11 сентября Патриарх Василий направил «Высокопреосвященнейшему Митрополиту Кир Вениамину, Председателю Священного Синода Православной Российской Церкви, возлюбленнейшему во Христе брату и сослужителю» ответное письмо, в котором повторил призыв к миру и преодолению раскола: «Заочно соприсутствуем с Вами и, поскольку возможно, посодействуем к скорейшему и полному уничтожению печального разделения, которое, будучи вредно Православной Церкви Вашей, глубочайшей печалью исполняет и Великую Матерь Церкви». На главный же призыв обновленцев — приехать лично на их Собор в Москву — Вселенский Патриарх, однако, поблагодарив за приглашение, отвечал вежливым отказом: «... по нашему мнению, личное наше присутствие в настоящее время не может быть исполнимо по многим основаниям, и, по нашему мнению, оно не столь даже необходимо... Дух и любовь нашей и прочих братских Церквей смотрит на вас и поможет Вам благополучно закончить дело»¹⁹⁴.

---

¹⁹³ Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол / Сост. И. Соловьев. М., 2002. С. 405–407, 409–410, 418, 430.

¹⁹⁴ Вестник Священного Синода Российской Православной Церкви. 1926. № 6 (2). С. 7.

Получив такой ответ, обновленцы заочно объявили Василия III «Почетным Председателем Президиума Собора». В октябре 1925 г. представитель Константинопольского Патриарха в Москве архимандрит Василий (Димопуло) все же участвовал в работе так называемого Третьего Поместного Собора на территории СССР, войдя в его президиум, как и представитель Александрийского Патриарха архимандрит Павел (Катаподис)¹⁹⁵.

Подобные действия Вселенской Патриархии вызывали сильное смущение в церковных кругах и в России, и за рубежом. Фанар явно показывал, что его симпатии на стороне раскольников, а не канонической Русской Православной Церкви. При этом обновленцы активно пропагандировали свою переписку с Вселенским Патриархом. «Мы знаем твердо, — писали они, — что Священный Синод Православной Российской Церкви, ведущий свои полномочия от Собора 1923 г., находится действительно в общении с Православным Востоком в лице его представителя Вселенского Патриарха. Доказательством тому служат неопровержимые, опубликованные документы, вплоть до последней телеграммы нового Вселенского Патриарха Василия III. А если Русская Синодальная Церковь находится в общении со Вселенской Патриархией, если последняя считает первую вполне православной и законной, то как после этого назвать инсинуации никем и ничем не апробированного “Местоблюстителя Патриаршего престола”? Называя синодальную иерархию самочинной, он бросает голословное и заведомо лживое обвинение не нам только, а и Вселенской Патриархии — высшей представительнице Православного Востока. Но мы предпочитаем быть в общении с исконным центром восточного православия, чем иметь “благословение” ничем не апробированного Местоблюстителя упраздненного Патриаршества»¹⁹⁶. Ситуация была скандальная и дискредитировала Вселенскую Патриархию.

Действиями Фанара был тогда возмущен даже управлявший русскими западноевропейскими приходами митрополит Евлогий (Георгиевский). Осенью 1925 г. он спрашивал в письме Патриаршего Местоблюстителя митро-

---

¹⁹⁵ *Кифа* — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937) / Отв. ред. протоиерей Владимир Воробьев. М., 2012. С. 385–386.

¹⁹⁶ Божию Милостию Священный Синод Православной Российской Церкви архипастырям, пастырям и всем чадам Церкви Православной // Церковный вестник: Орган Карельского Епархиального Управления. 1925. № 6–7. С. 53; Тульские епархиальные ведомости. 1926. № 1. С. 5.

полита Петра (Полянского): «Будете ли Вы писать Константинопольскому патриарху об его незаконном вмешательстве в дела Русской Церкви? Ведь не только его московский представитель, архим. Василий перешел явно на сторону обновленцев, но и сам Патриарх пишет приветственные грамоты лже-собору в лице их митрополита Вениамина и “автокефальному митрополиту” украинскому Пимену»¹⁹⁷.

Конечно, письменное общение Константинопольских Патриархов с обновленцами нисколько не придавало раскольникам каноничности. Это хорошо выразил митрополит Сергей (Страгородский), который в ответ на письмо одного обновленческого архиерея 22 сентября 1925 г. (по другим данным, 1926 г.) писал: «Указание на то, что некоторые Патриархи, например, Константинопольский и, в последнее время, Иерусалимский, обменялись с Синодом посланиями, нас мало убеждает. Мы знаем, что в единстве Церкви находятся лишь те, кто находится в общении со своим законным епископом и патриархом; что отлученный своим Патриархом не может быть принят в общение другими (Премудр., 1 прав.);... Да и сам вошедший в общение с отлученным подлежит отлучению (Апост. 10, 12). Значит, если Патриархи Константинопольский и Иерусалимский вошли в общение с обновленцами, тем хуже для Патриархов. Пред законом Божиим все равны: и Патриархи, и миряне. Когда Константинопольский Патриарх в XV в. отпал в унию с Римом, Русская Церковь за ним не пошла, и живущие в России католические ксендзы от того не сделались православными. Так и общение Константинопольского Патриарха с обновленцами может только Патриарха сделать обновленцем, а не обновленцев православными»¹⁹⁸.

Были среди православных архиереев и те, кто не верил в подлинность прообновленческих грамот Константинопольской Патриархии, считая, что их автор — архимандрит Василий (Димопуло). Так, например, епископ Мариупольский Антоний (Панкеев), писал: «Грамоты патриарха Василия III московского происхождения, сочиняются Димопуло, он же Дурепопуло

---

¹⁹⁷ *Кифа* — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). С. 387.

¹⁹⁸ Официальный ответ Заместителя Российского Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященного Митрополита Сергея на письмо одного из обновленческих архиереев // Церковные ведомости. 1927. № 9–10. С. 1–2.

и Лестипопуло, по принципу: «вера без денег... мертва»¹⁹⁹. Действительно, проверить, насколько точно архимандрит Василий выражал позицию Патриархии, сложно. Однако вплоть до смерти в 1934 г. о. Василий состоял на своей должности, и документально неизвестно, чтобы кто-нибудь из Константинопольских Патриархов выразил ему порицание за «самодеятельность» по отношению к обновленцам. Таким образом, если архимандрит что-то и «сочинил», то в пределах дозволенного.

При этом Константинопольская Патриархия пыталась поддерживать отношения и с каноничной Русской Православной Церковью (отчасти из-за того, что фанариоты искали покровительства у Англиканской Церкви, а в Великобритании негативно относились к обновленцам). Задумывая проведение в 1926 г. Вселенского Собора, Патриарх Василий III пригласил на него не только обновленцев, но и Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра²⁰⁰. Впрочем, каких-либо данных о том, что владыка Петр получил это приглашение и как-то ответил на него, нет.

В октябре 1925 г. (уже после проведения обновленческого Собора) благочинный г. Уральска протоиерей Геннадий Белугин обратился к Патриаршему Местоблюстителю с письмом, в котором спрашивал: «Соблаговолите, Ваше Высокопреосвященство, в копии прислать документ о признании Вас Востоком законным Патриаршим Местоблюстителем, если возможно, а также копию с документа архимандрита Василия (Димопуло), который Вы мне читали, где он пишет, что Патриарх Василий III Константинопольский желает, чтобы в Российской Православной Церкви наступил скорее желанный мир церковный и прекратился раскол. Этот документ покажет верующим, что он одинаково имеет сношения как с обновленческим Синодом, так и с Патриаршим Местоблюстителем... Не откажите, Ваше Высокопреосвященство, в этой просьбе, что-либо сообщите». Резолюция митрополита Петра на это письмо закономерно гласила: «Ходатайство оставить без последствий. Ответ не писать»²⁰¹. Никакого смысла в поисках признания у Константинопольского Патриарха не было.

---

¹⁹⁹ *Кифа* — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). С. 387.

²⁰⁰ *Троицкий С.В.* Что такое «Живая Церковь»? // «Обновленческий» раскол. С. 93–94.

²⁰¹ Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 62–63.

Поддержка обновленческого раскола Восточными Патриархами представляла опасность и для всего Православия. Как уже говорилось, на день Пятидесятницы 1925 г. был намечен созыв в Иерусалиме VIII Вселенского Собора, который, правда, не состоялся из-за отказа участвовать в нем Сербской, Румынской и Антиохийской Церквей, однако Фанар от этих планов не отказался. И в тех условиях в случае своего проведения Вселенский Собор, по справедливому замечанию протоиерея Владислава Цыпина, «мог бы превратиться в ажесбор, подчинившись воле русских обновленцев и обновленчески настроенных епископов Востока»²⁰².

Между тем в начале 1926 г. Константинопольский Патриарх Василий III, «признавая неполезность дальнейшего откладывания времени Вселенского Собора», пригласил представителей всех Поместных Православных Церквей «собраться на Вселенский Собор... в день Пятидесятницы 1926 года». Местом его проведения была избрана Святая Гора Афон, и в печати даже появилась программа будущего Собора. На нем планировалось обсудить следующие вопросы: «1. Пересмотр всего церковного законодательства и приспособление его к современному положению Церкви. 2. Принятие мер в видах общения и соединения со всеми христианскими Церквями (западными). 3. В связи с этим будут пересмотрены и догматические вопросы, в том числе и 7 Вселенских Соборов. 4. Символические книги Православия. 5. Установление нарочитого исповедания православной веры и церкви и крещения еретиков. 6. Об управлении и объединении православных церквей в разных вопросах. 7. О церковно-богослужбных книгах, Божественной литургии и церковной проповеди. 8. О прочих богослужбных и священных последованиях. 9. О воскресном отдыхе. 10. О постах. 11. О священных одеждах и одеянии духовенства. 12. Об иконописании и духовной музыке в храме. 13. Об обучении клира и защите его прав. 14. Об установлении пасхалии и новом стиле на основании научных исследований»²⁰³. Исходя из этой программы, очевидно, какие губительные для Православия решения могли быть приняты на этом Соборе.

---

²⁰² Владислав Цыпин, *прот.* Указ. соч. С. 113.

²⁰³ Феодор Титов, *прот.* О Вселенском Православном Соборе // Утренняя заря. 1926. № 7. С. 102–103; Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 годах: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 74.

При этом обновленцы открыто выражали свою готовность участвовать в предстоящей акции. В «Красной газете» 1 марта 1926 г. было опубликовано сообщение «митрополита» Александра Введенского: «Мы на днях получили от Константинопольского Патриарха следующее сообщение, что работа Вселенского Собора откроется в Троицын день (11 июня) в г. Карее... На Собор соберется около 1000 делегатов от десяти автокефальных Церквей. На Соборе будут присутствовать также папские делегаты. Ожидается архиепископ Кентерберийский и уполномоченный Лиги Наций. Председательствовать на Соборе будет Патриарх Константинопольский Василий III. Считаю чрезвычайно важным, что организаторы Собора обратились исключительно к нам и к Синоду, вовсе минуя тихоновцев и другие контрреволюционные группировки русского духовенства. Одновременно с приглашением было высказано, чтобы Синод в возможно скором времени известил Константинопольского Патриарха о том, чего ждет Русская Православная Церковь от созыва Вселенского Собора». На этот вопрос Введенский дал радикальный ответ: «Русская Православная Церковь ждет от предстоящего Собора: 1. Отказа от политики и политических интриг, 2. Прекращения поддержки мирового капитализма, и 3. Признания необходимости обновления социального строя в мировом масштабе, руководствуясь примером советской России»²⁰⁴.

Во время подготовительной работы к созыву планируемого Собора, 30 марта 1926 г., митрополит Антоний (Храповицкий) написал послание ко всем главам Православных Церквей с протестом против приглашения на него обновленческих «епископов», подчеркнув, что этот Собор, планирующий обсуждать соблазнительные нововведения, кроме новых расколов, ни к чему не приведет. Кроме того, в послании обращалось внимание на то, что законный глава Русской Церкви митрополит Петр (Полянский) арестован, как арестовано немало иерархов, отказывающихся признать обновленцев. Владыка Антоний указывал, что обновленцы не будут выразителями голоса Русской Церкви, представители которой претерпевают гонения и никогда не будут выпущены большевиками из России²⁰⁵. В ответном письме Патриарх Василий III

---

²⁰⁴ Феодор Титов, *прот.* Указ. соч. С. 104.

²⁰⁵ Церковные ведомости. 1926. № 7–8. С. 2–3; Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 годах. С. 75–76.

сообщил, что приглашены все части Русской Церкви, включая Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), и на Соборе будет разрешен вопрос: «Кто прав в церковной распре?»²⁰⁶

В июне 1926 г. планировалось созвать Архиерейский Собор Зарубежной Русской Церкви, но еще до его созыва владыка Антоний считал, что необходимо уяснить свое отношение к Константинопольскому Патриарху в связи с признанием им обновленческого Священного Синода и обновленческой Украинской Православной Церкви. Вопросы нововведений также представлялись митрополиту важными, так как «ежегодно возбуждаемые в разных православных Церквях вопросы эти вводят в крайнее смущение верующих». Наконец, постоянные попытки Фанара созвать Вселенский Собор, по мнению владыки Антония, требовали скорейшего ответа²⁰⁷.

Высказался по этому поводу и начальник Русской Духовной миссии в Китае архиепископ Иннокентий (Фигуровский). Архипастырь полагал, что поднятые при активном участии Константинопольской Патриархии вопросы о женатом епископате, второбрачии духовенства и времени празднования Пасхи вообще не должны обсуждаться, так как все эти вопросы давно решены и ответы на них есть в канонах. На Соборах же нужно не обсуждать надуманные вопросы, а судить нарушителей канонов. Что касается запланированного «Вселенского Собора», то он, по мнению архиепископа, будет лишь «Всегреческим». «Опасаться постановлений, не согласных с божественными канонами, нет оснований, — писал владыка Иннокентий. — Если это будет православный Собор, то, естественно, он не будет изменять или вводить новые каноны, а если же этот Собор будет неправославным и нарушать даже и каноны, то его постановления никакой обязательности ни для кого не будут иметь»²⁰⁸.

Архиепископ Литовский Елевферий (Богоявленский) высказался против политики Вселенского престола и нововведений, ибо «женатый епископат и второбрачие духовенства — уступка плоти», а попытки введения нового стиля скрывают под собой лишь гордость епископата, презирающего народ церковный, который стоит за старый стиль. Владыка также считал, что

---

²⁰⁶ Троицкий С.В. Что такое «Живая Церковь»? С. 93–94.

²⁰⁷ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 6, л. 180 об.

²⁰⁸ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 6, л. 134.

созываемый Вселенский Собор не будет законным без Русской Церкви. Против нововведений и попыток вмешательства Константинопольской Патриархии в дела страждущей Русской Церкви высказался и архиепископ Харбинский Мефодий (Герасимов), призвавший Архиерейский Синод протестовать против этих попыток. Новый Вселенский Собор был для владыки Мефодия также невозможен, поскольку семь Вселенских Соборов уже высказали все, что нужно для спасения: «Дерзновенно созываемый Константинопольским Патриархом, так называемый Вселенский Собор, не Вселенский Собор, а лже-вселенский; он собирается не для утверждения истины, а для узаконения лжи, проповедуемой нечестивым сборищем Живой Церкви»²⁰⁹.

Служивший в Болгарии архиепископ Серафим (Лукьянов) возмущался поддержкой со стороны Фанара большевиков и живоцерковников. Он считал, что новшества вправе ввести только Вселенский Собор, состоящий из законных представителей, а не Константинопольская Патриархия. Из-за того, что запланированный на Афоне «Вселенский Собор» будет греческим, архиепископ Серафим не признавал его законность. Свое мнение относительно нововведений изложил в письме и епископ Сан-Францисский Аполлинарий (Кошевой), заявивший, что вопросы о женатом епископате и второбрачии духовенства — «нечестивые». С другой стороны, владыка Аполлинарий признавал важность вопросов о новом стиле и новой Пасхалии, а потому эти вопросы, по мнению архипастыря, действительно нужно было безотлагательно решать. Отрицательно высказался против действий Вселенской Патриархии и пребывавший в Китае епископ Мелетий (Заборовский). Он также считал, что без законных представителей Русской Церкви никакой Собор не может считаться Вселенским²¹⁰.

Открывшийся 25 июня 1926 г. в Сремских Карловцах Архиерейский Собор выступил против возможности созыва Вселенского Собора без представителей Русской Православной Церкви. Было подтверждено решение Архиерейского Собора от 20 октября 1924 г. Зарубежной Русской Церкви, где говорилось: «По вопросу о созыве Вселенского Собора и участия в нем представителей Российской Православной Церкви ждать указаний Святейшего Патриарха Тихона, но если таковых не последует, а представители русского зарубежного

---

²⁰⁹ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 6, л. 163.

²¹⁰ Там же, л. 307, 309–310.

епископата будут приглашены на Вселенский Собор, то принять в нем участие лишь в качестве представителей Русской Заграничной Церкви. Если же по изложенному вопросу потребуются отзыв Архиерейского Собора по существу, то последний считает созыв Вселенского Собора в настоящее время неблагоприятным ввиду происходящего в советской России гонения на Церковь и неподготовленности Церковью к созыву Вселенского Собора»²¹¹. Хотя Московского Патриарха уже не было, зарубежные иерархи вновь, как и в 1924 г., отказались заявить о себе как о представителях всей Русской Церкви.

Архиерейский Собор также рассмотрел вопрос о возможном приглашении на созываемое Константинопольским Патриархом Предсоборное совещание и разрешил «принять участие представителям Русской Заграничной Церкви по назначению Архиерейского Синода, если таковые будут приглашены, в том лишь случае, если на совещание не будут допущены обновленцы и живоцерковцы»²¹².

По вопросу о нововведениях, в том числе о переходе на новый календарь Архиерейский Собор высказался довольно жестко. «Определением Архиерейского Собора от 7/20 октября 1924 г., — говорится в протоколе, — постановлено: 1. Так как Российской Православной Церковью и ее Святейшим Патриархом новый стиль не принят... а также, ввиду того что Восточными Патриархами в 1583 и 1756 гг. на новый стиль наложены клятвы, изменения в существующее церковное времячисление не вносить. 2. От имени Архиерейского Собора просить Вселенского Патриарха и другие Автокефальные Церкви, где принят новый стиль, например Элладскую, не препятствовать Русским Православным Церквам в пределах их юрисдикции совершать богослужения по ст. стилю». Осознавая, что такое разрешение от глав новостильных Церквей получить удастся далеко не всегда, Архиерейский Собор, чтобы не оставлять православную паству без богослужения, определил: «В крайних же случаях, при запрещении церковными властями Поместной Церкви русским служить по ст. стилю, разрешение сего вопроса предоставить рассмотрению русского епархиального архиерея»²¹³. Архиерейский Собор

---

²¹¹ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 2, л. 70 об.

²¹² Там же, л. 71.

²¹³ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 6, л. 70.

также «признал недопустимым отступление в вопросе о времени празднования Святой Пасхи от священных канонов и принятой практики Вселенской Церкви»²¹⁴. Отметив неканоничные деяния Константинопольской Патриархии, русские зарубежные иерархи были вынуждены отметить, что окончательное суждение по этому поводу вынесет будущий Священный Собор Всероссийской Церкви²¹⁵.

8 октября 1926 г. Архиерейский Синод принял к сведению резолюцию заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия от 23 августа: «Позиция Патриарха Василия для меня не ясна точно так же, как и отношение к нему остальных Патриархов. Мы знаем о нем больше от наших обновленцев, которые заинтересованы тем, чтобы приготовить Константинопольского Патриарха своим союзником. Но ведь многое в церковных отношениях объясняется просто дипломатией и вежливостью. Вот если бы Патриарх вошел в молитвенное общение с обновленцами, тогда было бы ясно, что он с ними. Теперь пока ясности нет. А пока нет ясности, нельзя считать его раскольников, и за это прекращать возношение его имени при богослужениях»²¹⁶.

12 октября 1926 г. митрополит Антоний (Храповицкий) писал на Афон иеросхимонаху Феодосию: «О готовности нашей пойти на К[онстантинопольский] Собор не скорбите. Конечно, никакого Собора и не будет, но если и будет, и если мы поедем, как попал св. Флавиан на соб[ор] разбойничий, то, конечно, веру сохраним, а отступников предадим анафеме. Но пока они не сказали последнего слова, пока вся Церковь на Вселенском Соборе не повторила проклятий патриарха Иеремии, то надо держаться общения, дабы самим нам не лишиться спасения и, оцепивая комара, не проглотить верблюда»²¹⁷.

VIII Вселенский Собор действительно не состоялся. Еще 5 мая 1926 г. Патриарх Василий III известил обновленческий Синод о том, что намеченный на Троицу 1926 г. на Святой Горе Афон Собор откладывается ввиду необходи-

---

²¹⁴ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 6, л. 402–403.

²¹⁵ Там же, д. 6, л. 394, 396; Кострюков А.А. Указ. соч. С. 120–123.

²¹⁶ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 84, л. 2 об; Кострюков А.А. Указ. соч. С. 189–190.

²¹⁷ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 195.

мости провести сначала Всеправославное Предсоборное совещание²¹⁸. Во многом с целью его подготовки начал издаваться Патриарший бюллетень «Orthodoxia» («Православие»), который регулярно выходил с 1926 по 1963 г. (возобновлен в 1994 г.). При этом бывший Константинопольский Патриарх Мелетий в письме митрополиту Антонию (Храповицкому) от 27 июля 1927 г. писал: «Областные епископы да не простирают своя власти на церкви за пределами своя области и да не смешивают церковей... На основании этого правила вы как епископ Русской Церкви не имеее права вмешиваться в епископскую юрисдикцию вне границ ваших Церквей», умалчивая, что упомянутое второе правило II Вселенского Собора запрещает вторгаться в чужие области епископам всех Церквей, не исключая Константинопольской²¹⁹.

Обновленческие симпатии Константинопольского Патриарха проявлялись и позднее. 7 декабря 1927 г. Патриарх Василий III написал заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) в ответ на послание от 20 сентября о получении легализации Московского Патриархата: «Известие, что и Ваши дела получили благополучное разрешение, что касается отношений к гражданской власти, чем обеспечивается беспрепятственное действие в отношении Святой Церкви и церковных нужд, доставило нам большое удовольствие. Надеемся, что это правильное направление будет способствовать пользе Святой Российской Церкви, — целой и единой Русской Церкви, но никак не одной из ее частей, на которые она теперь находится разделенной. Как и обычно случается в исключительные моменты, ответственность за прошлое тяготеет одинаково на многих, и никто не может сбросить ответственности с одного на других... Поэтому и мы надеемся, что выраженное намерение к соединению Поместного Собора для разрешения больших вопросов церковных и для уврачевания духовных недугов осуществится не иначе как на твердой почве участия всех иерархов, чтобы дальнейшие судьбы единой всех Матери Святой Российской Церкви были устроены совместно и твердо в братском совместном решении всех. Никто пусть не возражает против такого устроения совместного совершения и единодушного решения, как будто бы невозможного и неосуществимого».

---

²¹⁸ Тульские Епархиальные ведомости. 1926. № 5.

²¹⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 748, л. 24–25.

Патриарх Василий повторял выдвинутый обновленцами в 1925 г. лозунг «примирительного Собора» и не скрывал этого: «От другой из частей, а именно от Священного Синода, нам представлены достаточные доказательства охотного, как нам известно, расположения к общему совместному обсуждению на Соборе относительно восстановления и правильной организации церковных дел. Так как благодатию Божиею теперь проникает всех в обеих ориентациях единый дух... и более не существует внешнего препятствия после легализации со стороны государственной власти и Вашего положения, что мы поистине не видим, какое еще может создаться непреодолимое препятствие к общему рассмотрению и решению на общем Соборе»²²⁰.

В тот же день Патриарх отправил письмо главе обновленческого Синода митрополиту Вениамину (Муратовскому) с сообщением о получении им послания митрополита Сергия об узаконении возглавляемой им части Церкви и с выражением надежды на примирение враждующих и созыв общего Собора²²¹. Таким образом, Патриарх Василий фактически требовал от митрополита Сергия объединиться с обновленцами. Московский Патриархат был для Фанара лишь одной из двух равноправных частей Русской Церкви. Поскольку митрополит Сергей встал по отношению к советской власти примерно в те же отношения, что и обновленцы, и получил от нее почти такие же права, он, с точки зрения Вселенского Патриарха, уравнивался с ними и в церковном отношении. Отвечать на это письмо заместитель Патриаршего Местоблюстителя не стал.

Патриарх Василий и в дальнейшем пытался сохранять своеобразный паритет в отношениях с Московским Патриархатом и обновленцами. Однако митрополит Сергей по-прежнему отвергал такой «примирительный» подход Фанара в русских делах. В опубликованной в 1933 г. книге митрополита Литовского Елевферия (Богоявленского) «Неделя в Патриархии» приводится такой факт: «Приснопамятный, недавно умерший, Константинопольский Патриарх Василий, приветствуя митрополита Сергия с праздником Св. Пасхи, прислал такое же приветствие и живоцерковному митрополиту Вениамину, именуя его Московским. Представитель Константинопольской Патриархии явился

---

²²⁰ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 534–535.

²²¹ Там же. С. 534–535.

к митрополиту Сергию с вопросом — не будет ли ответа и предложил свои услуги к переводу его. Митрополит Сергей ответил: «Его Святейшеству известно, что титул “Московского” принадлежит только Всероссийскому Патриарху и Патриархия не знает никакого Московского митрополита. А если Его Святейшество наравне с каноническим Заместителем признает еще какого-то “Московского” митрополита, то какой же может быть от меня ответ?»²²²

Еще в феврале 1929 г. представлявший Константинопольский Патриархат в СССР архимандрит Василий (Димопуло) совершал торжественные богослужения в обновленческих храмах Ленинграда, призывая верующих объединяться вокруг обновленческого Священного Синода в связи с подготовкой к Вселенскому Собору²²³.

В конце 1920-х гг. Константинопольский Патриарх поддержал митрополита Евлогия (Георгиевского) в его конфликте с Русским Архиерейским Синодом в Сремских Карловцах, который 26 января 1927 г. постановил предать владыку Евлогия суду епископов, предварительно запретив ему священнослужение (8 сентября состоялось постановление суда, по которому временное запрещение митрополита было превращено в постоянное). Когда Западно-Европейский митрополит обратился к Восточным Патриархам с просьбой дать оценку спору, то уже вскоре получил полную поддержку с их стороны.

Патриарх Василий III свое отношение к русскому зарубежному разделению первоначально высказал в беседе с архиепископом Александром (Немоловским), который передал эту информацию митрополиту Евлогию. По мнению Первосвященителя, правда была «на стороне митрополита Евлогия, как назначенного Патриархом Тихоном». Относительно наложенного Архиерейским Синодом запрещения Патриарх Василий сказал: «Это запрещение ничего не значит, ибо исходит от власти не компетентной. Патриарх своим указом упразднил прежнее церковное управление. Вселенская Патриархия никогда не признавала Карловацкого Синода. Если мы отвечали митрополиту Антонию на его письма, то лишь как русскому архиерею, а отнюдь не как председателю Синода... Если бы я, Вселенский Патриарх, будучи в Париже, заметил в вашей Церкви какую-нибудь неправильность... я бы сделал только

---

²²² Александр Мазырин, *свщ.* Указ. соч.

²²³ Вестник Священного Синода Православной Церкви в СССР. 1929. № 5–6. С. 38–39.

замечание, а не запретил бы. Запрещение незаконное, оно никакой силы не имеет; на него не следует обращать внимания. Митрополита Евлогия мы признаем и благословяем. Если будет Вселенский Собор, то те, которые по разным причинам, а наипаче по честолюбию в нынешние ужасные времена сеют смуту в Церкви, не заслужат похвалы от Собора»²²⁴.

18 июня 1927 г. Патриарх Василий III направил митрополиту Евлогию личное послание, в котором, называя его братом и сослужителем, высказывался против претензий Зарубежного Русского Синода: «Мы отнюдь не затрудняемся решительно объявить, что как всякая другая деятельность, так и вынесенное против Вас запрещение со стороны так называемого Архидиоцезийского Синода за границей, являются деяниями канонически незаконными и никакой по сему церковной силы не имеющими, ибо и самое существо этого самозванного собрания в качестве органа управления канонически несообразно, и о необходимости роспуска его и прекращении суетливой и вредной деятельности его не раз уже были даны от законной власти указания и распоряжения»²²⁵.

Свое мнение относительно упомянутой смуты высказал и когда-то изгнанный из Константинополя Патриарх Мелетий (Метаксакис), возглавивший в то время Александрийскую Церковь. В своем письме митрополиту Евлогию от 16 апреля 1927 г. он писал: «Мы уже определили наше убеждение и составили мнение о противоканоническом решении пребывающего в Карловцах самозванного “синода” русских архиереев и не имеем никакого сомнения в вредных последствиях от сего незаконного собрания. И вот доказательство нашего предвидения на личности Вашего возлюбленного Преосвященства. Мы весьма скорбим об этой новой ране многострадальной Российской Церкви и молимся, да Господь, разное во едино собравый и упразднивый средостение разделения, создал бы мост и воссоединил братьев во Христе к умирению Церкви и радости христоименитого народа»²²⁶. При этом в другом своем письме — митрополиту Антонию (Храповицкому) от 5 июля 1927 г. Патриарх Мелетий, в соответствии со своими прежними заявлениями, также

---

²²⁴ Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1927. № 1. С. 3.

²²⁵ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 564–565.

²²⁶ Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1927. № 1. С. 3–4.

писал, что «патриарх Тихон, предоставляя митрополиту Евлогию власть над русскими церквями в Западной Европе, нарушил 28-е правило Вселенского Собора», и владыка Евлогий был «антиканонически поставлен в Париж, где есть другие законно поставленные православные архиереи»²²⁷.

Впрочем, архиереи Русской Православной Церкви Заграницей хорошо понимали, что поддержка Фанаром того или иного церковного течения далеко не всегда означает стремление Вселенского престола к канонической правде. «Всем хорошо известно, — писал митрополит Антоний (Храповицкий) владыке Евлогию летом 1927 г., — как глубоко и искренно чту я Свят. престолы Восточных Патриархов. Но сейчас не без опаски взираю на лиц, занимающих Вселенский и Александрийский престолы. Они поддерживают обновленцев, они проявили враждебное отношение к Православной Российской Церкви и ее Первоиерарху Святейшему Тихону. Вселенский Патриарх вошел с обновленцами в общение. Он авторизовал деяния Московского лжесобора 1923 г., постановлениями которого обновленцы объявили Святейшего Патриарха Тихона лишенным сана. В церковном Американском деле имеется заключение Вселенского престола о признании каноничности Московского лжесобора и обновленческого Синода. А ныне Вселенский и Александрийский Патриархи приняли приглашение на новый обновленческий Собор, имеющий быть в октябре месяце в Москве... Подумайте, владыко, к кому Вы обратились и на чей авторитет ссылаетесь, и в то время, когда в России епископы перестали даже помянуть их. А, обращаясь к авторитету этих Патриархов, Вы обязываете себя вступить в общение с обновленцами»²²⁸.

Архиепископ Серафим (Лукьянов) весной 1927 г. писал в том же духе: «Константинопольский Патриарх и Синод — друзья живоцерковников и большевиков и враги Русской Церкви, за свои великие беззакония подлежащие суду всей Православной Церкви. Обращаться за помощью в Константинополь — великий позор для нашей Церкви»²²⁹.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей отреагировал на позицию Константинопольского Патриархата окружным посланием

---

²²⁷ Троицкий С. Указ. соч. С. 12–13; Бурега В.В. Указ. соч. С. 76.

²²⁸ Никон (Рклицкий), архиеп. Указ. соч. Т. 7. С. 181–182.

²²⁹ Серафим (Лукьянов), архиеп. Письмо // Церковные ведомости. 1927. № 5/6. С. 10.

от 6 сентября 1927 г., в котором во многом справедливо отмечал: «С глубоким прискорбием мы должны заявить, что наша Русская Церковь во дни страданий под игом большевистского владычества терпит от Константинопольской Патриархии гонения и утеснения не менее, чем от “Живой Церкви”, от обновленцев и других раскольников... В явное нарушение священных канонов, без всякого сношения с Всероссийскою церковною властью, и даже вопреки протестам наших иерархов, Константинопольская Патриархия отторгает от нашей Церкви многие области — Польскую, Финляндскую, Эстонскую; покушается отторгнуть и другие ее части — русские епархии в Америке и Западной Европе; дает свое благословение на отделение от нашей Церкви на автокефальное положение Польской, Украинской и Грузинской Церквам. Но еще гораздо ужаснее вот что: когда в недрах нашей Церкви появляются раскольничьи общины — “Живая Церковь”, обновленцы и другие — тогда Константинопольская Патриархия входит в сношение с этими приспешниками безбожной советской власти, признает раскольничий “Собор” 1923 года, осудивший Святейшего Патриарха Тихона на лишение сана и монашества, соглашается послать своего представителя в Москву для вмешательства в дела нашей Церкви и даже предлагает нашему Патриарху оставить свой престол и упразднить самое Патриаршество... Во многих Православных Церквах под усиленным влиянием Константинопольской Патриархии стал вводиться насильственными мерами новый календарь, везде вызывая страшные смуты и разделения среди верующих. Не ограничиваясь этим, Константинопольская Патриархия решила даже, вопреки священным канонам и практике своей Церкви, на всеобщее и принудительное введение в Финляндии новой Пасхалии... В октябре или ноябре текущего года в Москве состоится раскольничий собор обновленцев. Константинопольский Патриарх Василий и Александрийский Мелетий выразили свое согласие принять участие в этом безблагодатном сборище²³⁰. Таким образом, Константинопольская Патриархия является пособницей “Живой Церкви” и обновленцев в России, нарушительницей священных канонов о Пасхе, виновницей смут и расколов во всех Православных Церквах»²³¹.

---

²³⁰ Этот «Собор» планировался, но не состоялся.

²³¹ Никон (Рклицкий), архиеп. Указ. соч. Т. 7. С. 204–206.

В конце 1920-х гг. Константинопольская Патриархия приняла участие еще в одном внутреннем конфликте в Зарубежной Русской Церкви. В январе 1927 г. управлявший Северо-Американской епархией митрополит Платон (Рождественский) вышел из подчинения Архиерейского Синода, который 31 марта того же года постановил освободить митрополита от управления епархией и запретить в священнослужении в ее пределах. 8 сентября 1927 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей окончательно запретил владыку Платона в священнослужении, однако тот не подчинился. Еще 2 февраля 1927 г. он поручил архиепископу Евфимию (Офейшу) учредить «Святую Восточную Православную Кафолическую и Апостольскую Церковь в Северной Америке». Вскоре был создан Синод под председательством архиепископа Евфимия, включавший в себя русских иерархов в Америке, при этом владыка Евфимий находился в подчинении у митрополита Платона, который считал себя главой Всеамериканской Церкви. 19 декабря 1927 г. от имени «Святейшего Синода Американской Православной Кафолической Церкви» всем Поместным Церквам было разослано уведомление об образовании новой независимой структуры²³².

Взяв на себя права главы Поместной Церкви, митрополит Платон вступил в конфликт с Константинопольской Патриархией. Учредив в 1922 г. архиепископию Северной и Южной Америки, Фанар сам претендовал на руководство всеми православными приходами в США и не хотел уступать это право митрополиту Платону. 15 мая 1928 г. архиепископ Александр (Немоловский) направил в Константинополь доклад об образовании в Северной Америке новой церковной структуры, и 1 декабря 1928 г. Патриарх Василий III в ответ выпустил послание, опубликованное в греческой печати: «По решению нашего Святейшего Синода заявляем, что Конституция (организация) упомянутой Церкви есть всецело антиканонична (незаконна). Следовательно, Мать Святая Церковь отвергает эту новую Русскую Церковь и требует от Вашего Преосвященства абсолютно не входить ни в какие сношения (связи) с нею»²³³. Понимая, что автокефалия грозит ему изоляцией со стороны всего православного мира, митрополит Платон решил отказаться от планов создания

---

²³² Кострюков А.А. Указ. соч. С. 181–186, 260.

²³³ Там же. С. 260–261.

Всеамериканской Церкви и заявил, что руководит только Русской Церковью в Америке. Подчиненные ему епископы, ранее подписавшие «конституцию» об образовании новой Церкви, в декабре 1928 г. отозвали свои подписи²³⁴.

В этот период Константинопольский Патриархат продолжал заниматься экуменической деятельностью. Так, в августе 1927 г. его делегат митрополит Фиатирский Герман принял активное участие в Первой всемирной экуменической конференции «Вера и церковное устройство» в Лозанне, став председателем православной группы делегатов, в которую входили в числе других митрополит Евлогий (Георгиевский), протоиерей Сергей Булгаков, профессора Н. Глубоковский и Н. Арсеньев. На этой конференции состоялось и несколько частных совещаний (под председательством Софийского митрополита Стефана), на которых обсуждалось положение страждущей Русской Церкви: гонения на нее и возможность посильной помощи со стороны братских христианских Церквей²³⁵.

4 сентября 1928 г. было выработано совместное соглашение Эладской и Константинопольской Церквей относительно 36 епархий Вселенского Патриархата, оказавшихся после Лозаннского договора на территории Греции. Согласно Патриаршему и Синодальному актам, епархии «новых территорий» (Эпира, Южной Македонии, Западной Фракии и большинства островов Эгейского архипелага), формально оставаясь в юрисдикции Константинопольского Патриархата, вошли в состав Эладской Церкви (т.е. были административно подчинены ей), согласно уже принятому государственному закону Греции № 3615 от 15 июля 1928 г.²³⁶

Успеху переговоров способствовала дружба и личная переписка между Патриархом Василием III и его бывшим учеником архиепископом Афинским Хризостомом (Пападопулосом). В узаконенном греческом правительством соглашении было решено несколько вопросов: 1) каким образом митрополиты «новых территорий» должны принимать участие в заседаниях Священного Синода Эладской Церкви и других административных учреждениях;

---

²³⁴ Кострюков А.А. Указ. соч. С. 261.

²³⁵ Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902–1998. С. 76–84.

²³⁶ Папатомаc Г.Д. История Эладской Церкви в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. С. 62, 74.

2) как они должны избираться, и наличие у Патриарха права предлагать кандидатов и утверждать кандидатуры; 3) положение Патриарха, как последней церковной судебной инстанции, решения которой не подлежат апелляции; 4) обязанность Элладской Церкви извещать Патриарха, когда кафедры «новых территорий» освобождаются и когда они замещаются, посылать в Константинополь протоколы избрания новых митрополитов, их исповедание веры и присяги верности Вселенскому Патриарху, а также обязанность сообщать, когда эти митрополиты принимают участие в заседаниях Элладского Синода; 5) обязанность митрополитов «новых территорий» посылать годовой отчет Патриарху и помянуть его имя за богослужением; 6) сохранение Патриархом полной канонической власти над ставропигиальными монастырями «новых территорий» (таким образом, Афон, Патриарший экзархат на острове Патмос, Влатадский монастырь в Салониках и монастырь св. Анастасии на Халкидиках остались под его прямым управлением). 28 мая 1929 г. архиепископ Хризостом написал владыке Василию III, что Элладский Синод согласен на все его условия относительно митрополитов «новых территорий» с одной поправкой, — за богослужением они должны наравне с Патриархом помянуть Священный Синод Элладской Церкви. В итоге поправка была принята²³⁷.

В 1928 г. Василий III окончательно оформил претензии Константинопольского Патриархата на свою юрисдикцию над всеми православными общинами и епархиями вне территории Поместных Церквей. Однако эти претензии были признаны только Александрийской Церковью, получившей взамен от Фанара признание ее прав на все православные общины в Африке, и, де-факто, Элладской Церковью, которая, назначая своих клириков на заграничные приходы, стала временно передавать их в юрисдикцию Константинопольского Патриархата.

При Василии III Патриархат по-прежнему подвергался давлению со стороны турецкого правительства, не признававшего его вселенского характера, а также со стороны «Папы» Евтима (в основном из-за проблемы прав на имущество различных приходов, особенно Перского). Это способствовало частичной изоляции Патриархата вплоть до подписания соглашения о дружбе

---

²³⁷ A New Study of the Patriarchal and Synodical Act of 1928, by Metropolitan Demetrios of Sebasteia. Электр. версия.

между Турцией и Грецией в 1930 г. К концу 1920-х гг. турецкое правительство закрыло все православные митрополии Малой Азии, и лишённые своих епархий митрополиты проживали теперь в качестве титулярных иерархов в зданиях Патриархии, создавая для нее серьезные экономические затруднения. Следует упомянуть также, что при Патриархе Василии начался выпуск официального периодического издания Константинопольского Патриархата «Православие» («Ортодоксия») ²³⁸.

Владыка Василий III скончался 29 сентября 1929 г., и 7 октября того же года члены Константинопольского Синода выбрали новым Патриархом митрополита Деркосского Фотия (в миру Димитриоса Маниатиса). В 1930 г. премьер-министр Греции Е. Венизелос нанес официальный визит в Стамбул, во время которого он встретился с Патриархом Фотием II. Это был первый визит главы греческого правительства в Фанар. После заключения упомянутого соглашения о дружбе между Турцией и Грецией турецкое правительство в сентябре 1931 г. официально признало вселенский характер Константинопольского Патриархата и прислало Фотию II удостоверение личности, в котором была обозначена его официальная функция. Чтобы изжить смуту, которая разделила его американскую паству на два лагеря — монархистов и венизелистов (сторонников Венизелоса), в августе 1930 г. Патриарх Фотий назначил митрополита о. Корфу Афинагора (Спиру, будущего Патриарха) экзархом Северной и Южной Америки. Архиепископ Нью-Йоркский Александр и два его викария выступили против попытки Патриархии изменить автономный статус Американского экзархата, но их сопротивление было сломлено, и они подписали поправку к уставу экзархата, подчинив его Константинополю. Вскоре архиепископ Александр был переведен на о. Корфу ²³⁹.

В 1930 г. Патриарх Фотий II созвал в Ватопедском монастыре на Афоне Просинод для подготовки Всеправославного Собора. На его заседаниях Константинопольский Патриархат представляли митрополит Трапезундский Хрисанф (Филиппидис) и митрополит Сардский Герман (Афанасиадис); одним из важнейших тем для обсуждения была подготовка почвы для начала

---

²³⁸ Н.Е.Н. Василий III, Патриарх Константинопольский. С. 99; Нанакис А. Указ. соч. С. 42.

²³⁹ Нанакис А. Указ. соч. С. 42–43; Нелюбов Б.А., Э.П.Г. Афинагор I, Патриарх Константинопольский // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 85–86.

переговоров по проблеме болгарской схизмы. В это же время Патриарх положил начало обмену студентами между Халкинским богословским училищем и Сербской, Румынской, Польской Православными Церквями, а также другими христианскими конфессиями, прежде всего англиканами²⁴⁰.

Первоначально Фотий II занимал довольно осторожную позицию в отношении церковных нововведений. Так, в своих письмах от 8 февраля и 15 марта 1930 г. митрополит Антоний (Храповицкий) писал афонскому иеросхимонаху Феодосию (Харитонову): «Патр. Фотий желает, чтоб его считали консервативом. Мне писали о нем, что он лучший из современных иерархов в Царьграде: он ответил на мое приветствие только недавно, ибо первое мое письмо потерялось, не дойдя до него. О чем меня уведомил о. А[рхимандрит] Кирик; тогда я повторил, и он ответил в[есьма] любезно и по-церковному... Ваш Патриарх как будто подается вправо под влиянием событий, и Вам можно значительно успокоиться. Если Русь освободится от большевиков, то и разговор о новом стиле окончится»²⁴¹.

Однако в дальнейшем Патриарх Фотий II, как и его предшественники, поддержал обновленческий раскол в Русской Церкви, состоял в полном ехаристическом общении с обновленцами и подчеркнуто дистанцировался от Московской Патриархии, хотя на явный разрыв с ней не шел. В 1931 г. он послал обновленческому Синоду приветственную Рождественскую грамоту с выражением скорби об отсутствии «умиротворения» в Русской Церкви²⁴². По справедливому замечанию священника Александра Мазырина, позиция Константинопольской Патриархии в отношении обновленческого раскола определялась в 1920–1930-е гг. не столько церковно-каноническими принципами, сколько политическими факторами: в основном, Вселенские Патриархи склонялись на сторону тех, у кого были лучшими отношения с советской властью²⁴³.

Как уже говорилось, с начала 1920-х гг. Константинопольская Патриархия настойчиво проводила идею об обязательном подчинении ей всей православ-

---

²⁴⁰ Нанакис А. Указ. соч. С. 43.

²⁴¹ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 218–219.

²⁴² Вестник Священного Синода. Москва. 1931. № 1–2.

²⁴³ Александр Мазырин, свщ. Указ. соч.

ной диаспоры, что особенно негативно сказалось на положении заграничных приходов Русской Православной Церкви. В письме от 30 мая 1931 г. Патриарх Фотий II писал Сербскому Патриарху Варнаве о существовании в Константинопольской Патриархии общего взгляда «по вопросу о каноническом положении православных церковных общин и колоний, находящихся в диаспоре и вне границ православных автокефальных церквей, что все церковные общины, какой бы то ни было народности, должны в церковном отношении быть подчинены нашему Святейшему престолу»²⁴⁴.

5 февраля 1931 г. к Патриарху Фотию II в Стамбул приехал митрополит Евлогий (Георгиевский) в сопровождении секретаря Епархиального управления Западно-Европейской епархии Русской Церкви Т.А. Аметистова. После участия в Лондоне вместе с архиепископом Кентерберийским в молении о страждущей Русской Церкви и гонимых в СССР верующих владыка Евлогий был указом Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия № 1518 от 10 июня 1930 г. уволен от управления приходами Русской Церковью в Западной Европе и оказался в очень затруднительном положении. Поэтому он без отпускной грамоты обратился к Вселенскому Патриарху с просьбой принять в свою юрисдикцию его епархию. На втором заседании по этому вопросу Константинопольский Синод принял резолюцию: западно-европейские русские приходы принимались в юрисдикцию Вселенского Патриарха с сохранением своей внутренней самостоятельности, как особая русская православная церковная организация, а митрополит Евлогий назначался экзархом Патриарха наряду с существовавшим в Лондоне экзархом греческих приходов в Европе митрополитом Германом. 17 февраля 1931 г. Патриарх Фотий подписал и передал владыке Евлогию соответствующий Томос, в котором отмечался временный характер Российской православной экзархии Вселенского Патриархата в Европе²⁴⁵.

Митрополит Евлогий объяснял свое решение следующим образом: «Каждая Церковь и каждый епископ имеют право апеллировать ко Вселенскому Патриарху в тех случаях, когда они не находят справедливости у своей церковной власти». Но, видимо, понимая, что канонических оснований для перехода под

---

²⁴⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 748, л. 24.

²⁴⁵ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 570–574.

омофор Вселенского Патриарха не было, владыка Евлогий в воспоминаниях отмечал, что этот новый порядок управления русскими церквями и подчинение Константинопольскому престолу носит временный характер, и после восстановления общепризнанной церковной власти и нормальной церковной жизни в России русские приходы в Европе вернутся в лоно Матери Церкви. Таким образом, как со стороны митрополита Евлогия, так и со стороны Патриарха Фотия II было заявлено, что уход Западно-Европейской епархии из юрисдикции Русской Православной Церкви является временным²⁴⁶.

Московская Патриархия была официально оповещена Фанаром о принятии митрополита Евлогия в свою юрисдикцию. Представитель Константинопольского Патриарха в Москве архимандрит Василий в письме Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) от 18 марта 1931 г. обосновывал решение Вселенского престола сложной ситуацией в Церкви и указывал, что подчинение русских приходов в Западной Европе Константинопольской Патриархии является выходом в условиях «инославной пропаганды и возобновления антиканонических попыток из Карловиц для подчинения русских православных беженцев своему вредному как в церковном, так и в политическом, во вред Советскому Союзу, влиянию». При этом о. Василий, выражая спорные претензии Фанара на всемирную юрисдикцию, писал, что «на основании канонических правил всякая епархия, находящаяся вне пределов той или иной Автокефальной Православной Церкви в Европе, обязана признать юрисдикцию Вселенского Патриарха». Кроме того, архимандрит, ссылаясь на Патриарха Фотия, гарантировал, что вмешательства в политику со стороны приходов митрополита Евлогия впредь не будет: «Мой Кириарх уверен, что все русские церковные круги в СССР будут вполне удовлетворены, а также этот образ действий будет благоприятно оценен и государственной властью в СССР, так как Вселенская Патриархия категорически снова запретила на будущее время всякое вмешательство Церкви в политику, как канонически обязательную основу церковной жизни»²⁴⁷.

---

²⁴⁶ Российское православное зарубежье: история и источники / Сост. А.В. Попов. М., 2005. С. 260–261.

²⁴⁷ Кострюков А.А. Указ. соч. С. 230.

Эти аргументы не убедили митрополита Сергия. Уже вскоре, 30 апреля 1931 г., состоялось постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного Священного Синода по делу митрополита Евлогия, который вместе со всеми находившимися с ним в церковном общении священнослужителями был предан суду архиереев, запрещен в священнослужении до соборного суда или до раскаяния и лишен права распоряжения церковным имуществом²⁴⁸. Однако прещения Московской Патриархии не были признаны Вселенским Патриархатом.

Поступок Патриарха Фотия II также вызвал протестное послание митрополита Сергия от 6 июня 1931 г., в котором оспаривалась каноничность присоединения русских церквей в Западной Европе к Константинопольскому Патриархату. В своем ответе от 25 июня Фотий II обещал, что русские приходы останутся в нынешнем положении лишь до восстановления единства Русской Церкви и до созыва Собора Православных Церквей, но отказался освободить митрополита Евлогия от своей юрисдикции, фактически полностью оправдывая свой захват части Московского Патриархата: «Со стороны нашей Великой Христовой Церкви было бы неуместно и недопустимо всякое дальнейшее промедление в том, чтобы вступить в это дело, согласно ее долга и права, и в качестве канонического судьи в этой области, где угрожала православному народу буря, и в качестве той, которой вверено попечение, общее попечение о нуждах Православных Церквей повсюду...». Новые послания митрополита Сергия от 15 октября 1931 г. и 1933 г., в которых убедительно доказывалась неканоничность притязаний Патриарха Фотия, приводящих к нарушению церковного мира, остались без ответа²⁴⁹.

Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Антоний тоже отреагировал резко негативно. В письмах графу Ю.П. Граббе от 27 февраля и 16 марта 1931 г. он с возмущением писал: «Евлогианская эпопея даже меня удивила обнаружившимся в ней непроходимым невежеством русского общества. Эти болваны совершенно не понимают, что всякое действие Вселенского Патриарха вне своего диоцеза имеет не более силы, чем действия

---

²⁴⁸ ЖМП. 1931. № 6. С. 2–4.

²⁴⁹ Там же. С. 1–2, 1931. № 7–8. С. 1–2, 1933. № 16–17. С. 3–4; Церковный вестник. Париж. 1931. № 7. С. 3–8; Владислав Цыпин, *прот.* Указ. соч. С. 570.

любой кухарки, и что Святейший Фотий имел столько же права признать Евлогиевский Экзархат, как Матрена Сидорова, его кухарка. А газетные идиоты пишут: М[итрополит] Е[влогий] упрочил свое положение, утвердил его... Афонские простаки воображают и донныне, что Патриарх Фотий, сделав Евлогия экзархом своим, подчинил тем себе всю Европу, и вот они озабочены, как бы он, т.е. Евлогий, не сделал мне новых неприятностей, пользуясь полномочиями экзарха (?)»²⁵⁰.

Выразил свой протест и Сербский Патриарх Варнава. 14 февраля 1932 г. он писал митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию (Богоявленскому): «... митрополит Евлогий предпринял неожиданный, противоканонический акт с поездкою его в Царьград, чтобы предать себя и управляемую им Западно-европейскую епархию под юрисдикцию Вселенского Патриарха, и мы, к глубокой нашей скорби, были лишены возможности действия... После такого образа действия митрополита Евлогия мы, в качестве главы и представителя Сербской Церкви, должны были признать невозможным иметь с ним каноническое общение. Независимо от сего, разделяя каноническую правомерность справедливого протеста Заместителя Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола, митрополита Сергия, пред Вселенской Патриархией по поводу принятия ею под свою юрисдикцию митрополита Евлогия, мы, со своей стороны, через епископов Ириней Бачского и епископа Емилиана Тимочского, наших делегатов, сделали представление Вселенскому Патриарху по поводу канонически неправомερных деяний Вселенской Патриархии, выразившихся во вмешательстве в дела Автокефальной Российской Церкви...»²⁵¹

Неканоничный образ действия Константинопольского Патриарха побудил Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Московского Патриархата 30 сентября 1931 г. отказаться от участия в догматической комиссии в Лондоне по вопросу воссоединения с англиканами, а затем и в очередном Просиноде (Предсоборном совещании) на Афоне. В июне 1931 г. Патриарх Фотий II пригласил через своего представителя в Москве архимандрита Василия (Димопуло) на этот Просинод двух представителей от Русской Церкви (по одному от Московского Патриархата и обновленцев): «Пусть будет послан один

---

²⁵⁰ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 238–239.

²⁵¹ Кострюков А.А. Указ. соч. С. 519.

отдельный представитель от каждой части, чтобы пред лицом всей целокупности Православных Церквей он предложил все необходимое осведомление и путем общего усилия, содействием всех братских Церквей, было достигнуто, с Божией помощью, восстановление мира и единства Святой Русской Церкви и эта Церковь таким способом приняла бы участие в общем Просиноде»²⁵².

Однако митрополит Сергей отказался посылать своего представителя, о чем 12 апреля 1932 г. известил архимандрита Василия, а 13 апреля и самого Патриарха Фотия: «Нашу Церковь Его Святейшеству угодно рассматривать как неорганизованную церковную массу, не имеющую канонического возглавления. Наши депутаты должны явиться на Просинод не представителями Поместной Русской Церкви, равноправной с другими Поместными Церквями, а представителями каждый каких-то “церковных кругов” (как принято теперь выражаться), т.е., повторяю, неорганизованной массы, не имеющей своего лица и, следовательно, канонических прав, в том числе и решающего голоса на Соборе Поместных Церквей. В лучшем случае наши депутаты могут оказаться в положении каких-то просителей, а в худшем — даже ответчиков или обвиняемых. Ни то ни другое не представляется для нас приемлемым, ни допустимым. Не имея к тому же решающего голоса, а с этим и возможности законно влиять на постановления Просинода, наша депутация своим присутствием на Просиноде может создать впечатление, будто постановления Просинода приняты при участии нашей Русской Церкви»²⁵³.

После этого отказа и Сербская Православная Церковь, протестовавшая против принятия митрополита Евлогия в Константинопольскую юрисдикцию, попросила, чтобы назначенный на 12 июня 1932 г. Просинод был отложен (подобную просьбу высказали также Иерусалимская и Эладская Церкви), с чем Патриарху Фотию пришлось согласиться²⁵⁴. На намеченном на 27 августа 1932 г. Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви Заграницей планировалось критически рассмотреть постановления Афонского Предсоборного совещания, но это не потребовалось²⁵⁵.

---

²⁵² Александр Мазырин, *свиц.* Указ. соч.

²⁵³ ЖМП. 1932. № 9–10. С. 1–2, № 11–12. С. 2–3.

²⁵⁴ Там же; Троицкий С.В. История самочинной карловацкой организации. С. 57.

²⁵⁵ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 122, л. 1.

Следует упомянуть, что 18 октября 1931 г. пять православных иерархов (митрополиты Фиатирский Герман, Тирский и Сидонский Феодосий, Фессалийский Поликарп, Пафосский Леонтий и епископ Новосадский Иринея) в присутствии англиканских епископов и прелатов совершили в лондонской церкви Константинопольского Патриархата литургию св. Иоанна Златоуста, после которой представлявший Сербскую Церковь владыка Иринея произнес на русском языке горячую проповедь о страданиях и мученическом венце Русской Церкви, которую по частям переводили на греческий язык²⁵⁶.

В середине 1930-х гг. была предпринята попытка примирения русского церковного зарубежья, которому в то время мешало прежде всего подчинение Западно-Европейского экзархата Константинопольскому Патриарху. В своих заявлениях митрополит Евлогий даже проводил идею о неких высших правах последнего. «Вселенский Патриарх... — писал “Церковный вестник Западно-Европейской епархии” в начале 1935 г., — Отец Православия, Первоиерарх всей Церкви Христовой Православной по всему миру сущей». По мнению владыки Евлогия, подчинение всех зарубежных частей Русской Церкви Константинопольскому Патриархату должно было продолжаться до освобождения Церкви в Отечестве»²⁵⁷.

Летом 1935 г. митрополит Евлогий получил приглашение Сербского Патриарха Варнавы приехать в Сремски Карловцы на планируемое под его председательством совещание русских зарубежных архиереев по вопросу их объединения. Владыка Елогий известил о приглашении Константинопольского Патриарха, и в этих условиях Фотий II в ответном письме от 30 сентября выразил свое согласие на поездку своего экзарха: «Всегда глубоко удрученный, как знает Ваше Преосвященство и все, скорбью о несчастье Святейшей Сестры Церкви Российской и чувствуя, что эта скорбь еще возросла от печального зрелища, которое к умалению силы и славы Святейшей Российской Церкви являют пред лицом как православного, так и всего христианского мира взаимные ссоры и разделения ее иерархов, наносящие ущерб и присущему Святой Православной Церкви обаянию, мы не можем не благословить от души всякое

---

²⁵⁶ Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902–1998. С. 114–115.

²⁵⁷ Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1935. № 1/2. С. 10; Кострюков А.А. Указ. соч. С. 258.

стремление, направляемое к восстановлению мира и единства, и не присоединить нашей молитвы ко Господу, оказывая и наше к тому содействие.

Вследствие этого, с радостью обильно преподаем Вашему возлюбленному Преосвященству, по синодальному определению, наше благословение на путешествие в Югославию для указанной святой цели... Что же в особенности касается до суждений о наличии в нашей деятельности хотя бы малейших захватных целей и видов на наследство впавшей в бедствия Святейшей Российской Церкви и имущество приходов, — суждений без страха Божия выдумываемых и распространяемых, то мы, отвращая от них свое лицо, в ответ на эти нечестивые мысли, скажем только одно, что наша Великая Церковь часто, как любвеобильная мать, в течение времен открывала и дарила своим детям сокровища свои и даже была лишаемая ими таковых, но никогда не касалась и не желала своекорыстно касаться их сокровищ». При этом Патриарх Фотий II предписывал митрополиту Евлогию разъяснить вопрос о каноническом покровительстве Константинопольской Патриархии над «заграничными православными приходами», а также напоминал, что митрополит Антоний (Храповицкий) и архиепископ Анастасий (Грибановский) когда-то сами просили ее помощи в деле русских приходов на Дальнем Востоке²⁵⁸.

Состоявшееся в конце октября — начале ноября 1935 г. под председательством Патриарха Варнавы Архиерейское совещание закончилось внешним примирением и подписанием «Временного положения» о Русской Зарубежной Церкви. При этом святитель Варнава обещал взять на себя переговоры с Константинопольским Патриархом о выходе митрополита Евлогия из его юрисдикции. Однако именно юрисдикционная принадлежность русского Западно-Европейского экзархата к Константинопольскому Патриархату стала главной причиной конечной неудачи дела примирения и объединения. На это красноречиво указал сам митрополит Евлогий в конце 1935 г. в письме Патриарху Фотию II, где он подробно описал совещание в Сремских Карловцах: «Наши епископы почему-то хотят отторгнуть меня от юрисдикции Вашего Святейшества, но я и моя паства не согласимся на это, ибо в отеческом покровительстве видим единственную крепкую опору своего канонического существования»²⁵⁹.

---

²⁵⁸ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 580–583.

²⁵⁹ Там же. С. 588.

Между тем положение самой Константинопольской Патриархии оставалось сложным. 3 декабря 1934 г. турецкий парламент (Великое национальное собрание) запретил ношение религиозной одежды духовенству всех деноминаций, кроме их глав, вне мест отправления культа. В июне 1935 г. закон вошел в силу для православного духовенства, хотя и вызвал сильное сопротивление со стороны Патриарха Фотия²⁶⁰. В Греции это вызвало бурю протестов; вице-президент греко-турецкой лиги дружбы подал в отставку. Лишь энергичные меры премьер-министра Е. Венизелоса позволили избежать разрыва отношений между странами.

Летом 1935 г. турецкие власти решили превратить храм Святой Софии из мечети в музей. 5 июня того же года правительство представило Великому национальному собранию на утверждение вскоре принятый закон о религиозной собственности, который ставил все конфессии в зависимость от властей и делал их руководителей ответственными перед государством. Для осуществления надзора в области религиозной и культурной собственности, а также социальных учреждений общин создавалась Служба религиозной собственности. При этом имущество немусульманских организаций передавалось в управление выборных комитетов приходов. Покупать или продавать собственность можно было только по согласованию со Службой. В 1936–1937 гг. она даже пыталась назначить в каждую общину своего управителя, но из-за вмешательства греческого правительства эта мера была отменена. Избранные в 1928 г. приходские комитеты сохраняли реальный контроль над церковной собственностью до конца 1940-х гг. при молчаливом согласии турецкого правительства (только в 1949 г. право православных общин на их имущество было официально признано)²⁶¹.

29 декабря 1935 г. скончался Патриарх Фотий II. На следующий день после его кончины в Фанар пришел шеф полиции Стамбула и стал расспрашивать, какие есть кандидаты в Патриархи, ему ответили, что в Синоде 13 членов и любой из них может быть кандидатом. Наиболее вероятным преемником Патриарха Фотия являлся митрополит Халкидонский Максим (Вапорцис), за которого хотели отдать свои голоса семь членов Синода. Но в глазах турецких

---

²⁶⁰ Мосс В. Указ. соч. С. 196–197.

²⁶¹ Нанакис А. Указ. соч. С. 43–44.

властей его кандидатура была неприемлема, так как митрополит Максим был одним из главных противников закона от 3 декабря 1934 г. В это же время от греческого правительства в Фанар пришла телеграмма с рекомендацией избрать митрополита Имвросского Иакова. В ответ владыка Максим при поддержке семи других членов Синода заявил, что ни греческое, ни турецкое правительство не имеют права вмешиваться в выборы.

16 января 1936 г., в день выборов Константинопольского Патриарха, перед Фанаром собралась огромная толпа, требовавшая избрания митрополита Имвросского. Однако большинство членов Синода (видимо, под давлением турецких властей) проголосовали за митрополита Иракийского Вениamina (Кириаку), ставшего Патриархом Вениамином I. Турецкое правительство сразу же признало эти выборы, и 18 января произошла интронизация нового Патриарха. Владыка Вениамин родился в 1871 г. в г. Адрамиттий, в 1896 г. окончил Халкинскую богословскую школу и в 1896–1899 гг. работал учителем в г. Магнисия (Греция), проповедником в Магнисийской митрополии Малой Азии и инспектором училищ. С 1912 г. он служил митрополитом Родосским, в 1914–1925 гг. — митрополитом Филиппольским, в 1925–1933 гг. — митрополитом Никейским и с 1933 г. — митрополитом Иракийским²⁶².

Вскоре после занятия Константинопольского престола Патриарх Вениамин в своем послании от 23 января сообщил о необходимости поминаения его имени. При этом Патриарх сказал о помощи и содействии, которые всегда окажет своим епархиям и приходам²⁶³. Со своей стороны митрополит Евлогий писал новому Патриарху: «Осмеливаюсь принести Вашему Святейшеству... мою усердную мольбу о том, чтобы не лишились мы того высокого покровительства Вселенского Престола, которое великодушно дано было нашим русским приходам за границей... предшественником Вашего Святейшества Патриархом Фотием». Митрополит отмечал, что это покровительство принесло русским зарубежным приходам «духовное успокоение и твердую каноническую устойчивость». При этом владыка Евлогий говорил о своей пастве

---

²⁶² Вениамин I, Патриарх Константинопольский // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 656.

²⁶³ Послание Святейшего Патриарха Вселенского Вениamina от 23 января 1936 года // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1936. № 2. С. 2.

как о «рассеянной по всему свету», таким образом, фактически считая себя без каких-либо оснований главой всех русских эмигрантских приходов²⁶⁴.

Вскоре по прибытии в Париж с Архиерейского совещания в Сремских Карловцах митрополит Евлогий стал заявлять (в том числе и в интервью), что остается в юрисдикции Вселенского престола. В начале 1936 г. в официальном печатном органе экзархата была опубликована статья «Вселенский престол и русские церковные разделения», написанная, скорее всего, секретарем владыки Евлогия Т.А. Аметистовым. Автор статьи заявлял о том, что Константинополь всегда имел право на «отеческую поддержку» и «христианскую помощь» Поместным Церквам. При этом в статье проводилась мысль о том, что русские приходы в эмиграции должны до освобождения Церкви в России управляться Вселенским Патриархом. По мнению автора, переход митрополита Евлогия в Константинопольский Патриархат был вполне каноничным, а Западно-Европейская епархия получила «надлежащую устойчивость в виде законных канонических форм»²⁶⁵.

Новый Константинопольский Патриарх полностью одобрил действия митрополита Евлогия. «Мы почувствовали великое облегчение, — писал Патриарх Вениамин в послании от 23 января 1937 г., — получив сообщение Вашего Возлюбленного Преосвященства и узнав из него о единогласном решении... по поводу вышеизложенного неприемлемого решения Карловацкого Совещания... К несчастью, протоколы решений Совещания совершенно обманули благие надежды, которые мы возлагали на это Общее Собрание и Совещание Преосвященных иерархов. Ибо все, что этим Собранием предположено для реализации примирения и соединения, не только не могло быть носителем мира и порядка в русской эмиграции, но даже наоборот, если бы осуществилось, то должно будет лишь увеличить и создать еще более опасный церковный беспорядок, разделение и отчуждение». В этих словах явно искажалась существовавшая в Русской Церкви ситуация, однако, вслед за митрополитом Евлогием, Патриарх Вениамин согласился с решениями о возможности сослужения

---

²⁶⁴ Приветствие Митрополита Евлогия новоизбранному Вселенскому Патриарху Вениамину // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1936. № 2. С. 3–4.

²⁶⁵ Т.А. Вселенский. Престол и русские церковные разделения // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1936. № 3. С. 3–5; Кострюков А.А. Указ. соч.

русских иерархов и клириков обеих юрисдикций, недопустимости перехода без отпусковых грамот, прекращении полемики и отказе от создания параллельных русских приходов²⁶⁶.

Подобную политику Константинопольской Патриархии резко осуждали не только архиереи Русской Православной Церкви Заграницей, но и Московская Патриархия. Так, 4 июля 1936 г. Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) в письме митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию (Богоявленскому) отмечал: «Что же касается Патриарха Константинопольского, то после всех неправд, учиненных и учиняемых им в отношении Русской Церкви, после открытого братания с обновленцами и другими нашими раскольниками, говорить о разрыве или о сохранении общения с Константинополем, по меньшей мере, поздно»²⁶⁷.

При Патриархе Вениамине I прежняя политика захвата Константинопольской Патриархией чужих епархий продолжалась (правда, 12 апреля 1937 г., в результате многолетних переговоров, была признана автокефалия Албанской Православной Церкви с поставлением во главе ее греческих архиереев вместо прежних, албанских). Так, в 1936 г. после убийства митрополита Рижского (Поммера) Латышская Православная Церковь без согласия Московской Патриархии перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриарха. 29 марта 1936 г. митрополит Фиатирский Герман возглавил хиротонию во епископа с возведением в сан митрополита Рижского и вся Латвии, бывшего до этих пор гарнизонным священником в Даугавпилсе, Августина (Петерсона). В 1938 г. в Америке была учреждена существующая и сейчас в юрисдикции Вселенского Патриархата Карпато-Русская епархия на основе 37 приходов, отошедших от униатства. Указом от 29 декабря 1939 г. Патриарх Вениамин сохранил Западно-Европейский экзархат на прежних основаниях в качестве автономного русского экзархата в лоне Вселенской Патриархии.

В 1938 г. св. архиепископ Иоанн (Максимович) в докладе Второму Всезарубежному Собору Русской Православной Церкви Заграницей во многом справедливо отмечал: «Умножая без предела свои стремления подчинить

---

²⁶⁶ Грамота Святейшего Вселенского Патриарха Вениамина // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1937. № 1–2. С. 2–3.

²⁶⁷ Кострюков А.А. Указ. соч. С. 580.

себе части России, патриархи Константинополя начали также заявлять о неканоничности присоединения Киева к Московскому Патриархату и о том, что ранее существовавшая Южнорусская Киевская митрополия должна быть подчинена Константинопольскому престолу... Следующим логическим шагом для Вселенского Патриарха будет объявить всю Россию находящейся под юрисдикцией Константинополя... Короче говоря, Вселенская Патриархия, в теории охватывающая всю вселенную, но фактически имеющая власть только над несколькими епархиями, а в других местах осуществляющая лишь поверхностный надзор и получающая ради этого некоторые доходы, преследуемая у себя дома правительством и не поддерживаемая никакой правительственной властью за рубежом, потерявшая свое значение столпа истины и сама ставшая источником разделений, и в то же самое время охваченная непомерным властолюбием, — представляет собой печальное зрелище, напоминающее худшие периоды в истории Константинопольской кафедры»²⁶⁸.

Таким образом, в межвоенный период Вселенский Патриархат, хотя и потерял бóльшую часть своей паствы на территории Турции, сумел сохраниться и даже увеличить свое влияние в православном мире. При этом он перешел к неканоничной политике подчинения себе епархий и автономных Православных Церквей, отделившихся от Матери Церкви, прежде всего Русской, а также к проведению целого ряда церковных реформ. Это привело к значительному ухудшению отношений как с Московским Патриархатом, так и, прежде всего, с Русской Православной Церковью Заграницей.

2. Эладская Православная Церковь

Одна из важнейших Православных Поместных Церквей — Эладская была провозглашена автокефальной вскоре после признания великими державами в 1830 г. независимого греческого государства — 15 июля 1833 г. Легализация этой автокефалии произошла согласно Томосу Константинопольского Патриарха, обнародованному 29 июня 1850 г. С этого времени Афинский митрополит являлся пожизненным председателем Священного Синода. В 1852 г.

---

²⁶⁸ Мосс В. Указ. соч. С. 99.

данные изменения признало греческое государство: 9 июля был принят «Уставной закон о Священном Синоде Элладской Церкви», согласно которому фактическим главой Церкви был король; он назначал членов Синода, а королевский уполномоченный мог наложить вето на любое решение Синода. В 1828 г. в Эгине были основаны первые богословские школы, а в 1836–1837 гг. был создан богословский факультет Афинского университета. С 1840-х гг. греки стали приниматься на учебу в духовные школы Российской империи. Так, в 1897 г. только в Киевской духовной академии обучалось 10 греков²⁶⁹.

В 1837 г. был издан закон «О епархиях, епископах и подчиненном им духовенстве», разделивший страну на 24 епархии: одну митрополию — Афинскую, 10 архиепископий и 13 епископий. В 1899–1900 гг. количество епархий в Греции было увеличено до 32, и по-прежнему только один афинский архиерей сохранил статус митрополита. Важное значение имел договор, заключенный 2 марта 1908 г. между правительством Греческого королевства и Константинопольским Патриархом Иоакимом III, в соответствии с которым Патриархат уступил духовное окормление греческой диаспоры, за исключением общины в Венеции, Синоду Элладской Церкви (этот договор действовал до начала 1920-х гг.)²⁷⁰.

В конце XIX — начале XX вв. Элладская Церковь переживала довольно сложный период нестроения, вызванный целым комплексом причин: широким и постоянным вмешательством государства во все функции Церкви, синодальной неорганизованностью, отсутствием высшего административного органа управления церковными делами, невниманием к пастырской работе, недостатком инфраструктуры для хотя бы минимальной общественной деятельности, почти полным отсутствием контактов с другими Церквями и внешним миром и т.д.²⁷¹

В конце Первой мировой войны Элладская Православная Церковь официально имела 37 епархий в так называемых старых землях: одну митрополию — Афинскую, 17 архиепископий и 19 епископий. Присоединенные к Греции в ходе двух Балканских войн 1912–1913 гг. «новые территории»: Южная

---

²⁶⁹ Крюков А.М., Петрунина О.Е. Афины // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 97.

²⁷⁰ Троицки С. Црквена јурисдикција над православном диаспором. Сремски Карловци, 1932. С. 3–4.

²⁷¹ Папатомаc Г.Д. История Элладской Церкви в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 54–55.

Македония, Эпир, Восточная Фракия и северные острова Эгейского моря остались в управлении Константинопольского Патриарха. Элладская Церковь была государственной Церковью, представлявшей свыше 90% четырехмиллионного населения Греции. Из-за децентрализованной административной структуры и традиционной практики автономии в Элладской Церкви на местном, региональном и национальном уровне, важную руководящую роль играли не только Афинский митрополит, но и являвшиеся членами Священного Синода другие архиереи. В 1902–1917 гг. Афинскую кафедру занимал митрополит Феоклит (Феоклитос) I (Минопулос). Хотя он почти не обладал административной или духовной властью вне пределов своей епархии, его пост имел важное значение для контактов с руководителями греческого государства. Со стороны государства Церковь контролировал особый Департамент по делам религии.

С 1910 г. греческое государство стало более активно участвовать в жизни общества с целью объединить и модернизировать его. Это проявилось и в церковной сфере. В 1910 г. были приняты новые законы относительно имущественных прав приходов и назначения священнослужителей, статус последних приравнивали к статусу государственных служащих, и соответственно изменилось их жалованье.

На развитие церковной жизни в это время сильное влияние также оказывала сложная политическая ситуация, в которой находилась страна. С 1916 г. греческое общество было расколото на две части: консерваторов — сторонников короля Константина и либералов — сторонников прежнего премьер-министра Греции Елевферия (Элефтериоса) Венизелоса (1864–1936). 10 июня 1917 г. ввиду нежелания зятя бывшего немецкого канцлера Бисмарка греческого короля Константина нарушать нейтралитет и переходить на сторону Антанты, верховный комиссар держав Жоннар после совещания в Салониках с Е. Венизелосом и командующим союзными войсками генералом Саррайлем потребовал в 24 часа отречения Константина от престола. 12 июня король под давлением Антанты отрекся от престола в пользу своего младшего сына Александра и вскоре уехал в Швейцарию²⁷².

---

²⁷² Папатомаc Г.Д. История Элладской Церкви в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 59; См.: Source Records of the Great War. Vol. V, ed. Charles F. Horne. National Alumni. 1923.

16 июня Е. Венизелос вновь стал премьер-министром Греции, и уже 29 июня парламент страны объявил войну государствам Тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Османской империи). Кроме того, Е. Венизелос вскоре созвал Священный Синод с целью осудить отлучившего его за год до этого от Церкви главу Элладской Церкви «традиционалиста» митрополита Афинского Феоклита I. В 1918 г. под давлением премьер-министра Синод сместил митрополита Феоклита «за подстрекательство к анафематствованию» Е. Венизелоса (в 1920 г. владыка Феоклит был оправдан). Вместе с митрополитом оказался лишен кафедры сочувствующий ему епископ Ларисский Арсений; некоторые другие архиереи, принимавшие участие в отлучении Венизелоса, также были наказаны. Главой Элладской Церкви стал племянник премьер-министра митрополит Мелетий (Метаксакис), возведенный в ноябре 1918 г. на Афинскую кафедру²⁷³. Еще 28 мая того же года Патриарх Московский и всея России Тихон написал ему известительное послание по поводу воздвигнутого на Святую Церковь в России гонения²⁷⁴.

4 августа 1918 г. Синод Элладской Церкви под председательством владыки Мелетия принял решение об организации греческих приходов в США в одну епархию. 22 августа митрополит Мелетий в сопровождении епископа Родостолуского Александра (Демоглу), архимандрита Хризостома (Пападопулоса) и профессора Афинского университета А. Амелизатоса прибыл в Нью-Йорк. Пробыв здесь три месяца, митрополит Мелетий заложил фундамент для будущей греческой архиепископии, инкорпорировав независимые греческие приходы и назначив епископа Александра своим представителем в Америке. Далеко не вся греческая диаспора отнеслась к этому назначению положительно. Греки-роялисты с неприязнью смотрели на владыку Мелетия и новоназначенного епископа Александра. К тому же греческие приходы за десятилетия своего независимого существования привыкли к самостоятельному управлению и были организованы наподобие протестантских общин, вся власть и имущество в приходах находилась в руках приходского совета.

---

²⁷³ Димитрий Успенский, *свщ.* Знамение над Афинами // Старый стиль лучше новых двух. М., 2004. С. 128, 131.

²⁷⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 133–134.

В том же году уже в качестве митрополита Афинского Мелетий приезжал в Великобританию, где вел переговоры о единстве между Англиканской и Православной Церквями²⁷⁵.

20 мая 1919 г. Священный Синод по инициативе митрополита Мелетия поднял вопрос о переводе церковного календаря на новый стиль. В своем обращении к членам Синода митрополит заявил: «Положение Православной Церкви в России сейчас изменилось, и есть более благоприятные перспективы сближения ее с Западом. Мы считаем необходимым провести срочную календарную реформу». Организованная в связи с этим в январе 1919 г. специальная комиссия представила Синоду свое в целом лояльное по отношению к реформе решение: «По мнению комиссии, перемена юлианского календаря, если это не противоречит каноническим и догматическим основаниям, может осуществиться при условии согласия всех остальных Православных Автокефальных Церквей и, прежде всего, с согласия Константинопольской Патриархии, которой было бы необходимо предоставить инициативу всякого рода действий в этой области, при условии не переходить на григорианский календарь, а составить новый, более точный в научном отношении календарь, свободный и от других недостатков обоих употребляемых календарей — юлианского и григорианского»²⁷⁶.

После окончания Первой мировой войны согласно Нейскому (1919) и Севрскому (1920) мирным договорам, к Греции отошли Северный Эпир, почти вся Фракия, ряд Эгейских островов и значительные территории в Малой Азии с центром в г. Смирна (в последнем случае с условием проведения там референдума о присоединении к Греции). Константинополь становился вольным городом под международным контролем. Однако затем началась тяжелая война с Турцией. 20 октября 1920 г. скоропостижно умер молодой греческий король Александр. Решение сложного вопроса о преемнике престола совпало с выборами в греческий парламент. Вопреки ожиданиям, премьер-министр Е. Венизелос 14 ноября потерпел поражение на выборах, и к власти пришли вернувшиеся из эмиграции противники Антанты, которые

---

²⁷⁵ Димитрий Успенский, *свщ.* Указ. соч. С. 131.

²⁷⁶ Там же. С. 131–132; Роковой шаг по пути к отступлению. М., 1997. С. 13; Delimpasis A.D. Pascha of the Lord, Creation, Renewal and Apostasy. Athens, 1985. P. 650–651.

полностью изменяли политический курс страны. Премьер-министром был избран Деметриус Гунарис, а регентом Греции 17 ноября стала вдовствующая королева Ольга (внучка российского императора Николая I). В тот же день министр религий известил митрополита Мелетия, что королевским указом митрополит Фиоклит восстанавливается в своих правах главы Элладской Церкви. Несмотря на протесты владыки Мелетия и апелляции к королеве и Константинопольскому Патриарху, он был низложен «за неканонические деяния», фактически низведен до положения простого монаха и заключен в монастыре св. Дионисия Строфадского на острове Закинфе²⁷⁷.

3 декабря 1920 г. Священный Синод Элладской Церкви впервые в своей истории был созван самостоятельно, до этого он собирался на совещание исключительно по разрешению гражданских властей. Под председательством старейшего архиепископа Закинфского Дионисия члены Синода сняли с митрополита Феоклита и других архиереев прещения, которым они подверглись в 1917 г. за поддержку короля и партии роялистов. Эти прещения были сочтены «неканоничными, незаконными и как бы не бывшими»²⁷⁸.

19 декабря 1920 г. новый парламент Греции вернул трон королю Константину, который также стал Верховным главнокомандующим греческой армии. Помощь союзников (Великобритании и Франции) сразу прекратилась, и Греция продолжила войну с Турцией в одиночку, что в дальнейшем (в августе 1922 г.) привело к жестокому поражению и заключению в 1923 г. невыгодного для страны Лозаннского мирного договора с потерей всех малоазиатских территорий, Восточной Фракии и нескольких островов в Эгейском море. В результате жесточайших гонений со стороны турок около 1 миллиона 400 тысяч греков бежало из Малой Азии в Грецию²⁷⁹.

С целью помощи многочисленным беженцам греческое государство в 1921–1923 гг. без возмещения экспроприировало часть церковного имущества. Государственные власти также рассчитывали использовать влияние Православной Церкви для интеграции пестрого по составу перемещенного

---

²⁷⁷ Мосс В. Указ. соч. С. 92.

²⁷⁸ См.: Venizelos E. The Trials of Statesmanship By Paschalis Kitromilides. Athens, 1961.

²⁷⁹ Греция // Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006. С. 386.

населения. С другой стороны, Церкви пришлось переосмысливать свою национальную стратегию в связи с возрастающим потоком эмигрантов из страны (в Северную Америку, Западную Европу и т.д.).

После изгнания из Афин митрополит Мелетий, так и не признавший своего низложения, в феврале 1921 г. уехал в США. Здесь его с почетом встретили антироялисты-венизелиты и поставленный им для Северной Америки архиепископ Александр, которого новый Синод безуспешно попытался отозвать назад в Грецию. В конце февраля глава Элладской Церкви митрополит Феоклит I послал архиепископа Спартского Германоса (Трояноса) представителем Священного Синода в Америку вместо архиепископа Александра, однако последний отказался повиноваться указу Синода и объявил себя и всю свою паству находящимися под омофором Константинопольского Патриарха, престол которого тогда был вакантным. Таким образом, греческая диаспора в Америке оказалась расколота между последователями архиепископов Александра и Германоса. Началась церковная смута в греческой диаспоре, продолжавшаяся почти десять лет (к 1921 г. в США уже проживало около 400 тысяч греков, и было открыто 138 приходов). 15 сентября 1921 г. митрополит Мелетий основал Греческую архиепископию Северной и Южной Америки, официально она была признана штатом Нью-Йорк в следующем году. Митрополит также принял участие в конференциях, совместных молитвах и богослужениях с англиканским духовенством²⁸⁰.

В ноябре того же года митрополит Мелетий совершил открытие первой греческой семинарии в Америке, посвященной св. Афанасию. Временно семинария, деньги на создание которой пожертвовал Е. Венизелос, была размещена в одной из комнат центрального отделения ИМКА в Бруклине²⁸¹.

В ноябре 1921 г. Священный Синод Элладской Церкви издал распоряжение «О проведении следствия против Мелетия» и сформировал специальную комиссию с целью проведения расследования. Митрополита вызвали на церковный суд, однако он неожиданно был избран Константинопольским Патриархом. Несмотря на это, Синодальная комиссия продолжила свою

---

²⁸⁰ The Struggle against Ecumenism. Boston, 1998. P. 30; *Свящ. Димитрий Успенский*. Указ. соч. С. 132.

²⁸¹ New York Times. 7. 11. 1921.

работу, и на основании ее выводов 29 декабря 1921 г. Священный Синод лишил Мелетия священного сана «за ряд церковных проступков, в том числе за учинение раскола». Мелетий (Метаксакис) и Александр (Демоглу) были объявлены раскольниками, причем Синод пригрозил объявить раскольниками и всех последовавших за ними. Позднее — 24 сентября 1922 г., под сильным политическим давлением, постановление об извержении митрополита Мелетия из сана было отозвано Синодом²⁸².

Вскоре, 28 сентября 1922 г., вследствие проигранной войны с Турцией в Греции произошел военный переворот, 15 ноября бывший премьер-министр Д. Гунарис был казнен вместе с шестью военачальниками, король Константин I свергнут с престола, вся королевская семья оказалась вынуждена эмигрировать в Италию, и новым королем стал наследный принц Георг II. В том же году согласно закону «Об обеспечении покидающих кафедры епископов и о титулах епископов и епархий» все епархиальные архиереи Эладской Церкви получили титул митрополитов, а Афинскому архиерею был присвоен исторический титул: «Блаженнейший митрополит Афинский, ипертим и экзарх всей Эллады»²⁸³.

Новое греческое правительство при поддержке Патриарха Мелетия незаконно удалило с престола Эладской Церкви владыку Феоклита I и созвало Малый Синод из пяти человек, который 23 февраля 1923 г. тремя головами против двух выбрал нового Афинского митрополита — профессора богословия Афинского университета, архимандрита Хризостома (Пападопулоса, 1868–1938), автора известных церковно-исторических трудов: «История Иерусалимской Церкви» (1910), «История Греческой Церкви» (Афины, 1920), а позднее и «Истории Александрийской Церкви» (Александрия, 1935). Проведенные выборы были не вполне каноничными, однако через два дня архимандрит Хризостом все-таки был рукоположен во митрополита Афинского тремя голосовавшими за него архиереями. Новоизбранный Первоиерарх был впоследствии признан большинством иерархов Эладской Церкви. В своем слове при поставлении владыка Хризостом сказал, что для сотрудничества с инославными «не обязательно иметь общие

---

²⁸² Димитрий Успенский, *свц.* Указ. соч. С. 132–133; Delimpasis A.D. Op. cit. P. 661.

²⁸³ Крюков А.М., Петрунина О.Е. Указ. соч. С. 97.

установки или догматическое единство, ибо единства христианской любви достаточно»²⁸⁴.

В то же время, вскоре после своего избрания, митрополит Хризостом писал главе Высшего Русского Церковного Управления Заграницей митрополиту Антонию (Храповицкому) в ответ на воззвание ВРЦУ против чинимых над Патриархом Московским и всея России Тихоном насилий: «...Эти гонения напоминают нам эпоху первых христианских времен и в то же время непоколебимую веру и горячую любовь ко Христу гонимых христиан. Осуждаем безоговорочно тех русских архиереев и иереев, которые, повинувшись больше человекам, нежели Богу, создали так называемую Живую церковь, плод и последствие которой Московский лжесобор, и считаем необходимым объявить Вашему Высокопреосвященству, что Православная Церковь богохранимого Греческого королевства не может иметь никакого общения с лжесобором, именуемым себя “Живой церковью”...»²⁸⁵

26 сентября 1923 г. в Греции произошел новый военный переворот, и на следующее утро король Георг II отрекся от престола. В декабре того же года был созван Собор Элладской Церкви под председательством митрополита Хризостома, который изменил ее устройство, приняв основной закон (уставную хартию) автокефальной Церкви Эллады. С этих пор Церковь возглавил не Синод из пяти постоянных членов, назначаемых королем и таким образом подвластных государственной власти, а автономный от нее Архиерейский Собор (так называемый Священный Синод иерархии), состоявший из большинства епископов под председательством Афинского архиерея с новым титулом: «архиепископ Афинский и всей Эллады» (прежний титул экзарха с канонической точки зрения не подходил предстоятелю автокефальной Церкви)²⁸⁶.

Согласно новому уставу, Архиерейский Собор должен был собираться ежегодно 1 октября, или когда того потребуют экстренные обстоятельства, а в период между заседаниями решения текущих дел предоставлялись более многочисленному, чем раньше, постоянному Священному Синоду (с 1928 г.

---

²⁸⁴ Мосс В. Указ. соч. С. 102.

²⁸⁵ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилл, 1988. С. 92–93.

²⁸⁶ Крюков А.М., Петрунина О.Е. Указ. соч. С. 97.

он состоял из 9, а с 1932 г. — из 13 членов) под председательством архиепископа Афинского. Синод постоянно обновлялся путем ротации и в порядке старшинства митрополитов, и таким образом в его работе периодически стали участвовать все иерархи. Кроме того, митрополиты должны были уходить на пенсию в возрасте 65 лет. 14 декабря 1923 г. особым актом греческое правительство утвердило этот закон²⁸⁷.

Уставная хартия также определяла порядок назначения священников и их число. В 1923 г. были организованы семинарии для подготовки проповедников и младших членов клира и одобрена система урегулирования догматических вопросов. В том же году начал выходить церковный журнал «Экклесия» («Ekklesia»)²⁸⁸.

Под руководством владыки Хризостома Эладская Церковь (решением Синода от 27 декабря 1923 г.) приняла календарную реформу Константинопольского Патриарха Мелетия IV, согласно которой с 23 марта 1924 г. перешла на новоюлианский стиль: праздники Пасхального цикла отмечались по старому юлианскому календарю, а неподвижные праздники — по григорианскому. Неподчинившимся архиепископ Хризостом грозил отлучением, обвиняя их в расколе. По некоторым сведениям, архиепископ впоследствии раскаялся в своей деятельности и в беседе со старцем Филофеем (Зерваком) сказал: «Напрасно я сделал это. О, если бы я только этого не совершал! Этот проклятый Мелетий держал меня за горло!»²⁸⁹ 25 марта 1924 г. праздник Благовещения был впервые отпразднован архиепископом Хризостомом по новому стилю, и в этот же день революционное правительство без референдума упразднило греческую монархию.

О колебаниях владыки Хризостома свидетельствует письмо Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей митрополита Антония (Храповицкого) о. Иоанну Пупкову на Валаам, написанное в конце 1924 г. или начале 1925 г.: «Господь сподобил меня летом побывать в Иерусалиме в прочих местах Св. Земли, также был у Патриархов Восточных Православных. Все трое говорили против введения нового стиля, хотя большевики и некоторые

---

²⁸⁷ Мосс В. Указ. соч. С. 108; См.: Церковные ведомости. Сремски Карловцы. 1923. № 12.

²⁸⁸ Папатомас Г.Д. Указ. соч. С. 62.

²⁸⁹ Димитрий Успенский, свщ. Указ. соч. С. 142, 145.

финские попы лгут, будто все Восточные Патриархи за новый стиль. Недавно пришлось побороть последнего — Афинский и всея Греции Митрополит Хризостом, уступая настойчивым требованиям народа, объявил, что можно праздновать и по-старому». Однако это, вероятно, было частное заявление архиепископа, которое не имело серьезных последствий (первое официальное заявление министра внутренних дел Греции о временном разрешении сторонникам старого стиля открыто совершать свои богослужения вышло 23 декабря 1926 г.)²⁹⁰.

В сентябре 1925 г. фактический диктатор, занявший пост премьер-министра генерал Теодорос Пангалос издал новый закон, в котором повторялись основные положения конституционного закона о Церкви 1852 г. и аннулировались решения Собора Элладской Церкви 1923 г. Вновь были расширены права постоянного Священного Синода (из семи членов-архиереев) как высшей административной и церковной власти. В Синод Т. Пангалос назначил государственного комиссара, который, хотя и не имел права голоса, все же утверждал синодальные постановления, за исключением решений, касающихся вопросов веры и богослужения. Греческие архиереи на тайном совещании в Афинах решили не принимать нового закона (тем не менее он официально действовал до 1931 г.).

В октябре того же 1925 г. архиепископ Хризостом признал неканоническую автокефалию Польской Православной Церкви, не признаваемую Московским Патриархатом. Кроме того, он открыто выражал негативное отношение к Русскому Заграничному Архиерейскому Синоду. Когда в марте 1927 г. возглавлявший русскую Западно-Европейскую епархию митрополит Евлогий (Георгиевский) направил письмо главам некоторых Православных Церквей с просьбой оказать ему поддержку в полемике с Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви Заграницей, в ответных письмах, наряду с Константинопольским Патриархом Василием III и Александрийским Патриархом Мелетием II, владыку Евлогия поддержал и Афинский архиепископ Хризостом. В своем письме от 22 марта 1927 г. владыка Хризостом особо подчеркивал самопровозглашенность Русского Синода в Сремских Карловцах и неканоничность его деятельности в принципе: «Конечно, имеющий хотя

---

²⁹⁰ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 170–171.

бы элементарное знание канонов должен признать, что так называемый Карловацкий Синод не может иметь действительную юрисдикцию над Русской Православной Церковью Заграницей и существующую даже в православных странах, где имеются местные православные церкви. Каноны не допускают, чтобы в одном городе были два епископа самостоятельных, независимых друг от друга: например, православные греки, жившие в России со своими пастырями, подчинялись местной русской православной церкви, а вовсе не образовывали какую-то самостоятельную греческую церковь в России. То же самое должно теперь повториться в отношении русских православных к другим православным церквям, их приютившим. В силу этого я не признаю присланного из Карловцев бывшим митрополитом Киевским и Галицким Антонием епископа Гермогена в качестве епископа для Греции»²⁹¹.

При этом архиепископ Хризостом признавал права митрополита Евлогия на основе указа Патриарха Тихона № 348 (349), отметив: «Нам известно, что Святейший Патриарх Тихон не признавал юрисдикции Карловацких епископов над православными русскими за границей, и что он назначил и признал Ваше Высокопреосвященство, и что Вы имеете от него благословение на все, что Вы предпримете в Церковном управлении в Западной Европе... Антоний, как и другие при нем православные русские епископы... не только не имеют епархий, но даже уже замещены в своих епархиях в России другими каноническими епископами. Епископ только тогда может канонически действовать, когда он является действительным представителем своей паствы, т.е. имеет за собой реальную епархию. Поэтому Церковь по канонам не разрешает хиротонию епископа без определенной епархии. В силу этого Карловацкий Синод ничего не имеет права сделать против Вашего Высокопреосвященства, потому что никакое его решение не имело бы канонической силы. Вы можете со спокойной совестью и в полном сознании своей канонической и принципиальной правоты продолжать Ваше святое дело архипастырского управления и служения»²⁹².

---

²⁹¹ Отношение Восточных Патриархов и других Православных Церквей к разногласиям в Зарубежной Русской Церкви // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. Париж. 1927. № 1. С. 4–5.

²⁹² Там же.

Владыка Хризостом завершал свое письмо указанием на правильность аполитичного пути Российской Церкви, предписанного Патриархом Тихоном и принятого митрополитом Евлогием. По мнению архиепископа, карловацким архиереям оставался один выход — войти в юрисдикцию Сербского Патриархата²⁹³. Такая жесткая позиция владыки Хризостома по отношению к Архиерейскому Синоду Русской Православной Церкви Заграницей во многом объяснялась противостоянием с ним по вопросу введения новоюлианского стиля, а также стремлением подчинить себе все русские общины в Греции.

7 марта 1929 г. Синод Элладской Церкви в своем послании поддержал решение Константинопольского Патриарха о признании неканоничной самопровозглашенной в 1927 г. на основе русской епархии Американской Православной Кафолической Церкви²⁹⁴.

21 ноября 1926 г. греческое правительство выпустило закон об эллинизации всех топографических наименований городов, деревень, рек и гор. В это время проживавших на территории Греции македонцев заставляли менять имена и фамилии на греческие, каждая фамилия должна была оканчиваться на «ус», «ис» или «полос». Все славянские книги были изъяты и уничтожены, в македонских церквях, на кладбищах и памятниках ликвидировали церковно-славянские надписи, даже иконы подлежали либо уничтожению, либо на них заменяли славянские буквы греческими. Употребление церковнославянского и македонского языков было запрещено не только в храмах, но и в домашнем обиходе²⁹⁵.

Постановлением Синода Константинопольского Патриархата от 4 сентября 1928 г. после долгих лет переговоров в состав Элладской Церкви были включены 36 епархий на так называемых новых землях, вошедших в состав Греции в 1912–1920 гг. (Эпир, Южная Македония, Западная Фракия и острова Эгейского архипелага). В результате Элладская Церковь официально выросла до 73 епархий, однако хотя митрополии «новых территорий» административно подчинялись ей (согласно уже принятому государственному закону № 3615

---

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Русская Православная Церковь в Северной Америке. Историческая справка. Джорданвилл, 1954. С. 38.

²⁹⁵ Shea Jo. Macedonia and Greece. The Struggle to Define a New Balkan Nation. New York, 1996. P. 109

от 15 июля 1928 г.), они сохранили юрисдикционную принадлежность к Вселенскому Патриархату. Согласно закону № 3615 постоянный Священный Синод Эладской Церкви стал состоять из девяти членов — четыре от «старых территорий» и четыре — от «новых» под председательством Афинского архиепископа²⁹⁶.

При этом на территории Греции сохранились и другие церковные образования с особым статусом, вообще не вошедшие в состав Эладской Церкви: Критская митрополия (с 1967 г. — архиепископия в составе девяти епархий, управляемая провинциальным Синодом) — фактически полуавтономная Церковь в составе Константинопольского Патриархата; принадлежавшие с 1912 по 1947 гг. Италии Додеканесские острова (Родос, Кос, Лерос и др.), пять епархий которых непосредственно подчинялись Константинопольскому Патриарху; в прямом подчинении последнего остались также Патриарший экзархат на островах Патмос в Эгейском море, Святая Гора Афон, Влададский монастырь в Салониках и монастырь св. Анастасии в Халкидике²⁹⁷.

В середине 1920-х гг. в Греции началось довольно активное и массовое движение части духовенства и мирян, выступающих за сохранение юлианского календаря за богослужением. В ответ 24 апреля 1926 г. вышла в свет энциклика Эладской Церкви, в которой говорилось о старостильниках, что «они отделились от Церкви и отсекали себя от Тела Христова, навлекая на себя осуждение и отлучение, не зная или, возможно, забыв, что тот, кто не слушает Церковь — якоже язычник и мытарь (Мф. 18, 17) ... Решения Церкви абсолютно обязательны; тот, кто не подчиняется им, более не принадлежит к ней, он лишен даров Божественной благодати; он отделен и отсечен от нее и подлежит вечной муке»²⁹⁸. Неподчинившихся подвергали жестоким репрессиям: арестам, избиениям, тюремному заключению и т.п. Тем не менее в 1925–1930 гг. было основано около 800 старостильных приходов.

1 октября 1926 г. афонский иеромонах Матфей (Карпатакис), духовник Великой Лавры (будущий основатель матфеевской юрисдикции старокален-

---

²⁹⁶ Папатомаc Г.Д. Указ. соч. С. 62, 74–77.

²⁹⁷ Греция. С. 356.

²⁹⁸ The Struggle against Ecumenism. P. 40–41.

дарной Церкви Греции), покинул Святую Гору и переселился в Афины, где возглавил движение старостильников. В следующем году он основал Богородицкий женский монастырь в Кератях (Аттика), а через несколько лет — мужской Преображенский монастырь в Куварах (Аттика). В 1926 г. созданная незадолго до этого в Афинах старостильная «Ассоциация православных» была реорганизована в «Греческое религиозное общество истинно-православных христиан (ИПХ)». 2 июня 1929 г. архиепископ Хризостом (Пападопулос) созвал Архиерейский Собор, чтобы окончательно узаконить введение нового стиля и осудить не признающих его. Однако из присутствовавших на Соборе 44 архиереев 13 его покинули, 27 отказались подписать постановления и только 4 поставили свои подписи²⁹⁹.

В 1930 г. в Эладской Церкви были учреждены «Органы управления церковным имуществом» и «Казначейство обеспечения духовенства Греции», и в том же году начало выходить периодическое издание богословского факультета Афинского университета «Теология» («Theologia»)³⁰⁰.

1 ноября 1931 г. архиепископ Афинский выпустил официальное заявление от имени Священного Синода Эладской Церкви, выражая поддержку сосланным английскими властями киприотским иерархам — митрополитам Никодиму и Макарию и другим изгнанникам, он также послал телеграмму архиепископу Кентерберийскому, прося заступиться за изгнанных³⁰¹. В этом же году произошло очередное изменение государственного закона об Эладской Церкви. Благодаря парламентскому указу 1931 г., временно предоставившему старостильникам свободу богослужебных собраний, их число к октябрю 1934 г., по некоторым оценкам, достигло 200 тысяч (по другим — 50–60 тысяч)³⁰².

Согласно закону 1932 г., количество членов постоянного Священного Синода было увеличено с 9 до 13 (шесть митрополитов от «старых территорий», шесть — от «новых» и архиепископ Афинский). Синод по-прежнему ежегодно обновлялся путем ротации и в порядке старшинства митрополитов³⁰³.

---

²⁹⁹ Мосс В. Указ. соч. С. 187.

³⁰⁰ Папатомас Г.Д. Указ. соч. С. 58–62.

³⁰¹ См.: The Cyprus Crisis of October 1931 and Greece's Reaction By Bestami Sadi BILGIC.

³⁰² Мосс В. Указ. соч. С. 188.

³⁰³ Папатомас Г.Д. Указ. соч. С. 62.

12 октября 1933 г. Священный Синод под председательством архиепископа Хризостома выслушал доклад специальной комиссии из четырех архиереев, которым было поручено на предыдущем заседании Синода изучить вопрос о масонстве. После обсуждения доклада архиереи единогласно пришли к выводу, что «масонство не является просто филантропической организацией или философской школой, но являет собой мистическую систему, напоминающую нам древние языческие религии и культы — от которых оно происходит и возродителем и продолжателем которых является... Вселенская Православная Церковь, хранящая в неповрежденном виде сокровище христианской веры, каждый раз, когда поднимался вопрос о масонстве, выступала против него. Недавно на Всеправославном совещании, проходившем на Святой Горе Афон, в котором принимали участие представители всех автокефальных Православных Церквей, масонство было охарактеризовано как учение “ложное и противохристианское...” Посему все, кто участвует в мистических масонских ритуалах, отныне должны порвать всякие связи с ложами и их деятельностью»³⁰⁴.

Тем временем старостильное движение продолжало развиваться. В октябре 1933 г. четыре епископа Эладской Церкви — митрополиты Василий Дроинополисский, Герман Димитриасский, Ириней Кассандрский и Василий Драмский — предложили Священному Синоду перейти на юлианский календарь. В ответ им пригрозили запрещением. В 1934 г. старокалендарные греки обратились к Первоиерарху Русской Православной Церкви Заграницей митрополиту Антонию (Храповицкому) за архиерейской хиротонией, но получили отказ.

В мае 1935 г. сразу 11 греческих иерархов согласились вернуться на старый стиль и возглавить общины истинно-православных христиан. Правда вскоре восемь из них отказались от своего намерения, и остались лишь трое: митрополиты Герман Димитриадский, бывший вторым по старшинству иерархом в новостильной Церкви, Хризостом Закинфский и Хризостом Флоринский, впоследствии ставший известным как глава Истинно-Православной Церкви (ИПЦ) Греции. 13/26 мая в церкви Успения Богородицы Общества истинно-православных христиан в Афинах, за литургией, отслуженной в присутствии

---

³⁰⁴ См. сайт: <http://www.orthodoxinfo.com/ecumenism/masonry.aspx> (дата посещения 15 мая 2018 г.).

25 тысяч мирян, они формально провозгласили о своей принадлежности к Истинно-Православной Церкви. 28 мая три указанных архиерея выпустили энциклику об отложении от господствующей новостильной Элладской Церкви и их исповедание веры (Исповедании 1935 г.). Все три митрополита сразу же попали под запрет от Константинопольского Патриарха. Так возникла Греческая Церковь истинно-православных христиан во главе со своим Синодом и Первоиерархом митрополитом Флоринским Хризостомом (Кавуридесом).

Предвидя свой неминуемый арест, греческие старостильные митрополиты рукоположили с 23 по 26 мая трех новых епископов: Германа Кикладского (Варикопулоса), Христофора Мегаридского (Хаджи), Поликарпа Диавлейского (Лиоси), которые вместе с тремя прежними архиереями составили Священный Синод под председательством митрополита Германа Димитриадского. Далее Синод единогласно избрал и рукоположил во епископа Вресфенского иеромонаха Матфея (Карпатакиса), который впоследствии возглавил крайнее «матфеевское» крыло старостильных греков. Эти действия и заявления не остались без ответа со стороны Элладской Церкви и государства. Все семь архиереев были арестованы и преданы церковному суду в июне 1935 г. по обвинениям в организации «незаконных сборищ» и неуважении к «законной и каноничной» Церкви. 15 июня, согласно решению суда, все архиереи были низложены, причем владыки Герман Димитриадский, Хризостом Флоринский и Герман Кикладский подверглись ссылке в отдаленные монастыри, епископу Матфею Вресфенскому по болезни было дозволено пребывать безвыходно в его Кератейском монастыре, а владыки Хризостом Закинфский, Поликарп Диавлейский и Христофор Мегаридский покаялись и вернулись в официальную Церковь (последние два были приняты в сущем сане — как епископы). 21 июня 1935 г. оставшиеся верными старостильному движению иерархи, использовав предоставленную им в последний раз перед отбытием в места ссылки возможность, провели заседание Синода и обратились к своей пастве с посланием³⁰⁵.

В том же году в Греции была восстановлена монархия во главе с королем Георгом II (на ноябрьском референдуме 97% греков проголосовали за монархию). Мечтая об объединении всех православных христиан в одно

---

³⁰⁵ Мосс В. Указ. соч. С. 195–197.

церковно-политическое целое, горячо приветствовал это событие Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Антоний (Храповицкий). В 1935 г. владыка Антоний написал специальную статью, посвященную возвращению Георга II на престол после вынужденного 12-летнего пребывания за рубежом, в которой говорилось: «Теперь же с возвращением на прадедовский престол православного греческого монарха сделан второй и третий шаг к возвращению славного прошлого и великого будущего Православной Империи»³⁰⁶.

В октябре 1935 г. новый премьер-министр страны Георгий Кондилис решил сосланным старостильным епископам вернуться в Афины. Вскоре после освобождения митрополит Хризостом Флоринский поехал на Ближний Восток, к Иерусалимскому и Антиохийскому Патриархам, чтобы заручиться их поддержкой и обсудить возможность созыва Собора для пересмотра календарного вопроса. Но Патриархи, хотя и приняли его любезно и на словах выразили свое сочувствие, фактически ничем не помогли.

В 1936 г. Афинах состоялся Первый международный богословский конгресс, в котором приняли участие представители различных православных богословских школ, в том числе российской, в частности, одним из докладчиков на конгрессе был протоиерей Георгий Флоровский (второй подобный конгресс прошел в Афинах только через 42 года). В этом же году на территории Атики было создано несколько митрополий, выведенных из непосредственного подчинения Афинской архиепископии, и основана Апостольская диакония для миссионерской работы в Греции и за границей, главным образом на Ближнем Востоке и в Африке. С апреля 1936 г. правительство Греции возглавил генерал Иоаннис Метаксас, который в августе получил диктаторские полномочия (диктатура Метаксаса продолжалась почти пять лет — до весны 1941 г.)³⁰⁷.

Уже в 1937 г. среди старостильных иерархов произошло разделение между так называемыми флоринитами (их представляли митрополиты Хризостом Флоринский и Герман Димитриадский) и матфеевцами (к ним относились

---

³⁰⁶ Никон (Рклицкий), еп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5. Нью-Йорк, 1959. С. 83, 87, 89; Григориевич Б. Русская Православная Церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 115.

³⁰⁷ Крюков А.М., Петрунина О.Е. Указ. соч. С. 97; Греция. С. 386–387.

епископы Матфей Вресфенский и Герман Кикладский). 30 июня епископ Матфей отправил послание председателю старостильного Священного Синода митрополиту Герману, требуя от него официального заявления, что новокалендарная Эладская Церковь является раскольнической и ее таинства лишены благодати Святого Духа. Не получив ответа, епископ Матфей 18 июля написал новое послание митрополиту Герману, однако и оно осталось без ответа. 18 сентября 1937 г. можно считать датой основания «матфеевской» ветви старокалендарной Церкви Греции. В этот день епископ Матфей, не дождавшись ответов на свои послания Синоду, написал следующее послание: «И поскольку мне до сих пор не дан никакой ответ и... поскольку в последнем ответе, который Вы дали Высокопреподобному монаху Марку Ханиотису, Вы совершенно ясно объявили, что таинства, совершаемые новостильниками, действительны и имеют Божественную благодать и что в будущем продолжите поддерживать духовное общение с новшествовающей раскольнической Церковью Греции... Поэтому выносим решение: 1) выразить глубочайшую печаль вам и всем последователям вашим из-за, вопреки всем ожиданиям, внезапного отступления от ваших первоначальных исповеданий и заявлений; 2) прервать с вами и всеми вашими последователями всякое духовное общение до тех пор, пока Господь Бог не восхочет просветить вас, чтобы возвратились к своему начальному исповеданию веры... 3) отзываю все подписи, до сегодняшнего дня поставленные под деяниями и остальными документами на заседаниях Синода с вами, и также прошу вас отменить мое участие в газете "Голос Православия". В декабре 1937 г. митрополиты Герман и Хризостом направили письмо Департаменту по делам религий и Синоду новостильной Эладской Церкви со своими компромиссными предложениями о примирении, но они не были приняты. В результате произошедшего разделения с осени 1937 по 1948 г. большую часть старостильников возглавлял епископ Вресфенский Матфей (Карпатакис). Кроме того, Церковь истинно-православных христиан снова подверглась жестоким гонениям со стороны властей. Так, в 1938 г. министр общественного порядка Греции издал приказ об аресте истинно-православных священников и опечатывании их храмов³⁰⁸.

---

³⁰⁸ Bryner E. Die Ostkirchen vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Leipzig, 1996. S. 78; Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. В 2-х частях. Ч. 2. М., 1994. С. 113; Свящ. Димитрий

Несмотря на существующие расхождения в отношении церковного календаря, Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Анастасий (Грибановский) пригласил архиепископа Афинского и всей Эллады Хризостома (Пападопулоса) принять участие в освящении в июне 1938 г. новопостроенного русского собора Воскресения Христова в Берлине, но архиепископ ограничился приветственным письмом³⁰⁹.

Через несколько месяцев, 23 октября 1938 г., владыка Хризостом скончался. Одним из основных кандидатов на освободившийся престол Элладской Церкви был митрополит Коринфский Дамаскин (Папандреу). Он родился в 1890 г. в Дорвитце, был участником Балканской войны, принял священство в 1917 г., в 1922 г. был хиротонисан во епископа Коринфского. В начале 1930-х гг. владыка Дамаскин являлся представителем Вселенского Патриарха в Америке, где много сделал для организации православной греческой диаспоры. Однако правительство генерала И. Метаксаса и официальная пресса открыто поддержала другого известного иерарха и церковного ученого — митрополита Трапезундского Хрисанфа (Филиппидиса). Он родился в 1881 г. в Комотини (Фракия), в 1897 г. поступил в Духовную семинарию на о. Халки, в 1903 г. был посвящен во диакона, в 1913 г. — хиротонисан в епископа на Трапезундскую кафедру, которую занимал 25 лет.

5 ноября 1938 г. в ходе голосования членов Священного Синода митрополит Дамаскин получил 31 голос, а митрополит Хрисанф — 30. Однако сторонники последнего добились пересмотра результата выборов в высшем судебном органе страны — Кассационном суде, отменившем избрание владыки Дамаскина. Несмотря на протесты со стороны части иерархов, под давлением правительства «малый Синод» 3 декабря провозгласил владыку Хрисанфа архиепископом Афинским и всей Эллады. 32 митрополита отказались признать его, указывая на нарушения в ходе голосования. Владыка Дамаскин был лишен кафедры и выслан в монастырь Пресвятой Богородицы Фанеромени на острове Саламин, а затем переведен в Мегару³¹⁰.

Успенский. Указ. соч. С. 146; См.: *Свящ. Андрей Сиднев. Флоринский раскол в Церкви истинно-православных христиан Греции. Рукопись; Мосс В. Указ. соч. С. 201–203, 247.*

³⁰⁹ См.: Церковная жизнь. 1938. № 5–6.

³¹⁰ Дамаскин (Папандреу), архиеп. // Православная энциклопедия. Т. XIII. М., 2006. С. 687.

Правительство И. Метаксаса также издало целый ряд так называемых законов по необходимости для урегулирования церковно-административных вопросов. Один из таких законов № 2170 от 1940 г. подвергал частичному пересмотру уставную хартию 1923 г., где говорилось о недопустимости государственного вмешательства в дела Церкви³¹¹.

К началу Второй мировой войны Элладская Православная Церковь являлась одной из крупнейших в православном мире. Она состояла из 79 епархий (митрополий), 8,5 тысяч священников, 270 монастырей с 6 тысячами насельников и объединяла около семи миллионов верующих (96% населения страны)³¹².

Почти все благотворительные и миссионерские организации Церкви до войны находились под руководством братства «Жизнь» («Зои»), основанного в 1907 г. архимандритом Евсевием (Матопулосом, 1849–1929), тесно сотрудничавшим с известным проповедником Апостолосом Макракисом. Это братство противостояло классическому монашескому движению, при этом определяя себя как «городское и социальное монашество», действующее в обществе. Первоначально оно посвящало свои труды проповеди, религиозному воспитанию и изданию рассчитанных на широкие слои верующих журналов, в том числе основанного в 1911 г. журнала «Зои». Со временем братство превратилось в политико-религиозное движение, ставившее главной целью всемирную реформу Церкви, государства и общества. Его христианский идеал предусматривал исправление и обновление общества путем усиления христианской веры в сознании народа³¹³. Из святых, проживавших в довоенный период и канонизированных в XX в., наиболее известными были: основатель монастыря Пресвятой Троицы на о. Эгина преподобный Нектарий (1846–1920), нищелюбивый святой Николай Планас (1851–1932) и преподобный Силуан Афонский (1866–1938)³¹⁴.

---

³¹¹ Папатомас Г.Д. Указ. соч. С. 63.

³¹² ВА, R 5101/23173. Вл. 36.

³¹³ Папатомас Г.Д. Указ. соч. С. 56.

³¹⁴ Там же. С. 72.

Глава II

Поместные Православные Церкви славянских стран

1. Сербский Патриархат

Христианство пришло в Сербию, как и в Киевскую Русь, из Византии, но несколько раньше — в IX в., с 1219 г. существовала Сербская архиепископия, когда святой Савва (1176–1235) стал первым архиепископом, а в 1346 г. Сербская Церковь была провозглашена Патриархатом с резиденцией Патриарха в г. Печ (признанным Константинопольской Патриархией в 1375 г.). Через 300 лет после завоевания Сербии Османской империей — в 1766 г. Печский Патриархат был упразднен турками, а его территория подчинена Константинопольскому Патриарху.

Духовные связи сербов и русских начали развиваться с XII в., благодаря установлению прочных взаимоотношений русских обителей Афона с Сербией и Сербской Православной Церковью. В 1191 г. в русском Свято-Пантелеимоновском монастыре (Старом, Нагорном Руссике) принял иноческий постриг княжич (сын великого жупана Стефана Немани) Растко Неманич — один из самых известных сербских святых — св. архиепископ Савва — основатель автокефальной Сербской Церкви. Свой выбор стать иноком на Афоне он сделал в результате беседы с русским святогорцем, насельником Руссика, ходившим по послушанию в Сербскую землю.

В монастыре св. вмч. Пантелеимона св. Савва впервые встретился с древнерусскими книгами, поэтому в его трудах появилось так много русских слов. «Законоправило» («Номоканон»), или «Славянская Кормчая», св. Саввы Сербского появилась на Руси в 1225 г., получила большое распространение и во множестве переписывалась, особенно в XIV и XVI вв. По благословию Патриарха Русского Иосифа «Законоправило» было впервые напечатано

в 1650 г. Эта книга законов стала настольным церковно-правовым руководством для всех славянских Церквей, объединяя их канонически.

После установления на Руси татаро-монгольского ига сербские князья и цари оказывали разнообразную помощь и покровительство русскому монашеству Афона вплоть до захвата их страны Османской империей. Так, в середине XIV в. Руссик, в котором в то время пребывало много сербов, находился под покровительством сербского царя Стефана Душана Сильного, передавшего в 1347 г. в обитель честную главу св. вмч. Пантелеимона Целителя, а в 1380-е гг. ктитором Свято-Пантелеимоновского монастыря был святой князь Лазарь Греблянович (павший в июне 1389 г. в битве с турками на Косовом поле). Князь Лазарь передал обители церковь Спаса в Хвосне (Метохия), желая, чтобы русские монахи имели там свой храм и имение, а его вдова — княгиня Милица подарила монастырю св. вмч. Пантелеимона большое монастырское имение (метох) в Сербии. Последним сербским ктитором монастыря являлась дочь деспота Гюрга Бранковича, мачеха султана Мухаммеда II Завоевателя. Так в Старом Руссике возникла и окрепла духовная связь русского и сербского народов³¹⁵. В архиве Руссика сохранилось 16 хартий (хрисовулей) сербских князей и царей.

За все 200 лет своего покровительства Свято-Пантелеимоновскому монастырю власти Сербии никогда не пытались сделать его сербским, но всегда констатировали, что являются лишь временными хранителями монастыря, пока русские князья вновь не получают возможности покровительствовать ему. Существенная заслуга сербов состояла в том, что они не просто поддерживали обитель материально в трудное для Руси время, но и сохранили ее устав и традиции, которые затем передали новым поколениям русских насельников, вернувшимся в свой монастырь в XV в.

В 1355 г. сербский царь Урош уступил русским монахам монастырь св. Богородицы Браинской в деревне Губавац, примерно в 20 километрах от местечка Медведжа, у современной административной границы Сербии с Косово. Этот монастырь предположительно позднее разрушило принявшее

---

³¹⁵ Ст а р ц ы — возобновители Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне. Ч. I. Духовник Иероним, или Жизнеописание иеросхимонаха Иеронима (Соломенцева). Святая Гора Афон, 2014. С. 73–74.

ислам местное население, желая уничтожить материальные свидетельства, напоминающие о православии в крае. В 1382 г. русский афонский монастырь св. вмч. Пантелеимона, с позволения сербского князя Лазаря, создал в Сербии дочерний монастырь на реке Дренча. Строителем этой обители был русский инок Дорофей (еще в 1950 г. руины монастыря на реке Дренча существовали в окрестностях Трстеника).

В период татаро-монгольского ига определенная помощь со стороны сербских правителей оказывалась и Церкви в самой Руси. Так, в житии царя Драгутина (1273–1316) говорится, что он «Русской земле не один раз посылал свои щедрые дарования святым церквам и монастырям и много милостыни нищим и малосильным. Ибо в той земле имел он любимого приятеля, князя Василия, и ему по достоинству должную честь отдавал, посылая ему сладкие слова вместе с великолепными дарами царскими»³¹⁶. Драгутин действительно посылал дары пострадавшим от татарских набегов русским храмам и обителям и был в дружеских отношениях с великим князем Василием I Ярославичем.

Постепенно все большее значение приобретали русско-сербские и духовные связи. Русский историк Николай Иванович Петров так охарактеризовал их: «В благополучные для них времена сербы обработали свою культуру, но, теряя политическую самостоятельность и попадая под турецкое иго, они передали плоды своего образования России, которая, пользуясь ими, стала со своей стороны Защитницей и Учительницей сербам»³¹⁷.

Сербское духовное влияние на Русь оказывалось в основном путем отправки книжных произведений, а также трудами богословски образованных сербов на русских землях. Это было особенно заметно после смерти царя Душана, когда внешнеполитическая ситуация в Сербии резко ухудшилась, и многие богословы стали покидать ее. Константинопольский Патриарх, в юрисдикции которого тогда находилась Русская Церковь, нередко посылал на Русь по церковным делам ученых афонских монахов — сербов, знающих греческий язык, и некоторые из них там оставались на службе. Самым известным из них был серб (по другим источникам — болгарин) митрополит

---

³¹⁶ Данинич Д. Живот кральева и архиепископа српских, Загреб, 1866. С. 39–40.

³¹⁷ Петров Н.И. Исторический взгляд и связи отношений между сербами и русскими. Киев, 1876. С. 28.

Киприан, сначала ставший митрополитом Киевским, а в 1389 г. вступил на трон Московской митрополии. Владыка Киприан скончался в 1406 г. и был похоронен в Успенском соборе Кремля.

Похожий путь проделал еще один серб — митрополит Киевский и Литовский Григорий (Цамблак). Он учился на Афоне, участвовал в исправлении богослужебных книг последнего Патриарха Болгарского Ефтимия, имел связи и с Сербией. В частности, будучи игуменом Высоко-Дечанского монастыря, владыка Григорий обогатил сербскую литературу житием Стефана Дечанского и произведением о переносе мощей св. Параскевы в Сербию во времена царицы Милицы и деспота Стефана Высокого. Ему приписывается и житие св. Ромила Пустынника, который подвизался и скончался в монастыре Раваница.

Третьим известным афонским монахом — сербом, приехавшим на русские земли (во времена князя Василия Васильевича), был Пахомий Логофет (или Пахомий Серб). Он считается одним из самых плодovitых духовных писателей Руси. Пахомию приписывают 35 составов и богатый «Русский хронограф», в который он включил и жития Стефана Высокого, Стефана Дечанского³¹⁸.

Подобные отношения продолжались до 1459 г., когда Сербия окончательно потеряла свою государственность. С того времени она несколько веков обращалась к России, прося оказать ей материальную и духовную помощь. Взаимоотношения сербских иерархов с русскими землями были устанавлены в XV в., когда монахи белградского монастыря Успения Пресвятой Богородицы посетили Великое княжество Московское с просьбой об оказании помощи. С этими монахами великий князь Василий III Иоаннович (1479–1533) направил сербскому митрополиту и «деспотице» (правительнице) Ангелине послания и щедрые пожертвования.

В 1508 г. вдова сербского деспота Стефана и мать последнего деспота Иоанна, инокиня Ангелина, причисленная впоследствии к лику святых, торжественно передала великому князю Василию III в собственность право на русский Свято-Пантелеимоновский монастырь. Сербские государи, в течение веков оказывавшие поддержку русской обители, теперь сами были в трудном положении, попав под турецкое иго. Святая Ангелина призвала князя оказать

---

³¹⁸ Шахматов А. Пахомий Логофет и хронограф // Журнал Министерства просвещения. СПб., 1899. С. 200–207.

помощь русской обители — его древней отчине и дедине, что и произошло. Но русские государи и цари осознали себя ктиторами и хранителями всей Святой Горы и других православных народов, каковыми некогда были византийские императоры и сербские государи. С посланцами игумена русского Свято-Пантелеимоновского монастыря Василий III неоднократно посылал милостыню в сербскую землю — в митрополию, монастыри и самой преподобной Ангелине³¹⁹.

Этому сопутствовала женитьба Василия III на Елене Глинской, матерью которой была дочь сербского деспота (герцога) Стефана Якшича Анна. От этого брака родился будущий царь Иван Васильевич IV Грозный. Будучи сиротой уже с пяти лет, он воспитывался бабушкой Анной Якшич, которая прививала ему церковность сербского народа.

В 1550 г. в Москву приехал игумен афонского сербского монастыря Хиландар Паисий, и он был сердечно принят царем. В 1556 г. Хиландар получил от Ивана IV Грозного богатые дары и в качестве подворья в Москве Никольский монастырь в Китай-городе. Подворье было задумано в качестве духовного моста с православными славянскими народами. Вместе с грамотой на подворье Хиландару был послан и занавес с царскими вратами, обрамленный изображениями русских и сербских святых, вышитыми золотом, серебром и шелком, с нимбами, унизанными жемчугом и алмазами. Этот дар и сейчас является самой драгоценной реликвией Хиландара. В ответ хиландарские монахи в 1558 г. подарили царю икону Святой Богородицы (в серебряной ризе), ранее принадлежавшую свт. Спиридону, Патриарху Сербскому (1382–1387). Возвращаясь на Афон, игумен Паисий увез с собой грамоту с обращением к турецкому султану, в которой русский царь требовал освобождения от дани православных монастырей на Святой Горе. Это был первый дипломатический документ, в котором Россия выступила в защиту сербов перед Османской империей. Царь Иван IV щедро помогал и другим сербским монастырям: Студеницу, Милешеву и т.д.

В конце XV — начале XVI вв. было основано большинство монастырей так называемого Сербского Афона — на склонах Фрушкой горы, в 15 километрах

---

³¹⁹ Ст а р ц ы — возобновители Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне. Ч. I. С. 74–75.

от г. Сремски Карловцы. В середине XVI в. возникли связи этих монастырей с Московским царством — в обители были посланы дары царя Иоанна Грозного, а в 1622 г. группа сербских монахов из монастыря Беочин побывала в России, привезя богослужебные книги. В 1667 г. Россия признала Сербский Патриархат (вопреки протестам Константинопольской Патриархии), направив в адрес сербского иерарха Максима особую грамоту, адресовав ее «Архиепископу Печскому и Патриарху Сербскому»³²⁰.

В XVI–XVIII вв. не было ни одного сербского монастыря, который бы ни обращался с большим или меньшим успехом за помощью в Россию. Первый Русский Патриарх Иов 15 апреля 1591 г. выдал дарственную грамоту хиландарскому архимандриту Григорию и его братии. В ней позволялось собирать помощь в России как в этом, так и в последующие годы. Грамота оставалась в силе вплоть до царствования Петра I.

В XVII и XVIII вв. связи между сербскими митрополитами, Патриархами и архиереями Русской Церкви были очень активными. В частности, за помощью к России обращался Патриарх Печский Паисий (Яневац-Косован; 1614–1648). После окончания Смутного времени в российских и сербских землях первым непосредственным участником установления отношений сербской высшей церковной иерархии с Россией стал епископ Вршацко-Темишварский Антоний, который, приехав в Москву, выполнил и секретное задание — посетил бывшего архиепископа Охридского Нектария, проживавшего тогда в Троице-Сергиевой лавре.

Поездки сербских митрополитов, епископов и представителей монастырей постепенно учащались. Эти посольства имели целью не только сбор материальных пожертвований, но и укрепление духовных связей. Со времени правления Патриарха Филарета (Романова) в России заметно выросло издание богослужебных и других духовных книг, которые дарились приезжавшим в Москву сербам. В свою очередь, ни одно сербское церковное посольство не приезжало в Москву без даров: святых мощей и других реликвий, драгоценных икон, церковной утвари и книг. Многие сербские архиереи годами жили в России, а некоторые и умирали там.

---

³²⁰ Арсеньев А.Б. Русские храмы и монастыри в Югославии // Историки-слависты Московского государственного университета. Кн. 9: В.А. Тесемников. М., 2013. С. 154.

Открытые связи с Россией значительно укрепил Патриарх Печский Гавриил I (1648–1655), желавший освобождения сербов от турецкого ига. В 1656 г. он выразил царю Алексею Михайловичу просьбу — позволить со своей свитой остаться в России и получил положительный ответ. Еще один Патриарх Печский Арсений III (Черноевич) возлагал большие надежды на Россию как защитницу православия и всех христиан, попавших под турецкое иго. В 1688 г. Патриарх Арсений III через настоятеля афонского монастыря св. Павла архимандрита Исаию направил послание русским царям с просьбой начать войну с Османской империей.

В 1690 г. около 37 тысяч сербских семей во главе с Патриархом Арсением III, спасаясь от турок, переселились в австрийские владения (так называемое Великое переселение). Указом от 21 августа того же года император Леопольд I предоставил им право церковно-народной автономии во главе с архиепископом (митрополитом). Первым митрополитом был избран владыка Арсений (Черноевич), носивший и титул Патриарха (до кончины в 1706). По расположению резиденции ее главы (с 1713) в г. Карловцы (ныне Сремски-Карловцы) митрополия именовалась Карловацкой³²¹.

Пик активности политических связей Арсения III с Россией приходится на время переговоров о заключении Карловацкого мира 1698–1699 гг., но он и в дальнейшем, вплоть до своей кончины, продолжал переписываться с представителями российской власти о нуждах сербского народа.

Во время правления Петра Великого отношения России и Сербии из религиозной — духовной и материальной сфер во многом переместились в культурно-политическую область. Балканы постепенно становятся все более значимым регионом, на землях которого начали разворачиваться важные для России военные и дипломатические события. В самом конце XVII в. царь Петр I подарил целый ряд икон монастырю Раковица в благодарность за помощь, оказанную схиигуменом Григорием при заключении в 1699 г. Карловацкого мира³²².

---

³²¹ Епископ Шумадийский Савва. Арсений III (Черноевич) // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 423.

³²² Васич П. Црквена уметност код срба у XVIII и XIX веку // Српска Православна Црква 1219–1969. Споменица о 750-годишници аутокефалности. Београд, 1969. С. 338–339; Преподобная Екатерина Леснинская, наставница современного женского монашества. Провемон, 2010. С. 138.

В XVIII в. связи Сербской Церкви с Россией продолжали развиваться. Представитель Крушедолского Собора 1708 г., избравшего митрополитом Исаию (Джаковича), Христофор Тутринович приехал в Россию с письмом для царя Петра I, в котором ему передавались поздравления с Полтавской победой над шведами от всего духовенства и мирян, проживающих в Австрийской империи.

Сенат Дубровницкой республики в Далмации также поздравил Петра I с победой в Полтавской битве. В своем ответе Сенату в 1711 г. царь просил позволить постройку православной часовни в саду дубровницкого дома графа Саввы Владиславича, где он смог бы похоронить свою мать. Однако просьба была отклонена, так как Дубровник традиционно являлся оплотом католичества. В 1770-е гг. российской императрице Екатерине II также было отказано в согласии на постройку православного храма, за что Дубровник получил награду от Папы Римского. Лишь в 1790 г. было получено разрешение на открытие скромной часовни при консульстве России в Дубровнике, вне городских стен. Этот храм имели право посещать только российские подданные. Однако постепенно, при попечительстве российского консульства, при храме был создан православный приход из черногорцев и сербов, старанием которого в конце концов в 1877 г. в Дубровнике был воздвигнут великолепный православный храм в сербско-византийском стиле. Из православных архиереев Далмации в России наибольшую известность получил епископ Зарский (с 1809) Никодим (Милаш), магистр Киевской духовной академии; его капитальный труд «Курс православного церковного права» был переведен на русский язык³²³.

Начиная с конца XVII в., целые поколения сербских богословов учились в русских высших (и средних) духовных учебных заведениях (в частности, киевских и московских, а затем и петербургских). На протяжении XVIII, XIX и начала XX вв., бóльшая часть сербской богословской элиты получала образование в российских духовных академиях. С другой стороны, начало организованного высшего богословского образования у сербов связано с русскими профессорами Максимом Суворовым и Михаилом Козачинским, которые в XVIII в., по приглашению Белградско-Карловацких митрополитов, сначала Моисея (Петровича), а затем Викентия (Йовановича), прибыли

---

³²³ См.: Тальберг Н.Д. История христианской Церкви. М., 2008.

в Австрийскую империю. Именно эти профессора помогли учредить первую Сербскую высшую школу в Карловцах, которая в последующие два столетия была очагом сербского образования³²⁴.

В частности, митрополит Моисей (Петрович), занимавший этот пост в 1713–1726 гг., в 1718 г., опасаясь католизации сербского народа, обратился к Петру I с просьбой прислать ему ученых богословов для обучения и подготовки священников. В своем послании к русскому царю он писал: «Мы не просим богатства, а лишь помощи в деле просвещения душ наших, чтобы противостоять тем, которые ополчились на нас... Смилуйся, милостивый государь, ибо ты можешь, если хочешь!.. Будь вторым Моисеем и избавь нас от Египта невежества». Просьбу удовлетворили, и в мае 1724 г. синодальный переводчик Максим Суворов был послан в Белград в качестве учителя латинского и славянского языков. Он привез с собой большое количество книг: 70 славянских грамматик, 10 лексиконов на трех языках и 400 букварей. Вскоре после приезда на сербскую землю М. Суворов основал в Сремских Карловцах Великую школу, которой руководил 11 лет (в дальнейшем он преподавал в Будиме, Нови Саде и в других городах)³²⁵.

Это событие оказало большое влияние на внутреннюю жизнь Сербской церкви: в XVIII в. она поменяла свой богослужебный язык на более руссифицированный вариант церковнославянского языка. Влияние русского языка стало заметным не только в Церкви, но и среди светских сербских писателей (Захарий Орфелин, Иоанн Раич и др.). В тот период сербской истории русский язык стал мощным средством, позволившим сербам сохранить свою культуру и национальное лицо.

Кроме преподавателей, на сербские земли из России приезжали и другие богословы и проповедники. Среди них в 1732 г. в Белград приехал ученый священнослужитель Симеон Христианин, которого митрополит Викентий (Иованович) назначил проповедником всей своей епархии. 1 августа 1736 г. митрополит Карловацкий Арсений IV (Шакабента) отправил из Белграда

---

³²⁴ Пузович В. Русские эмигранты — преподаватели на православном богословском факультете в Белграде (1920–1940) // Православ'я — цивілізаційний стрижень слов'янського світу. Киев, 2011. С. 246–247.

³²⁵ См.: Танин С.Ю. Русский Белград. М., 2009.

письмо царице Анне Иоанновне с просьбой, чтобы Русское государство постоянно содержало 24 сербских ученика в российских духовных академиях. В 1804 г. митрополит Карловацкий Стефан (Стратимирович) написал императору Александру I послание о необходимости освобождения сербского народа и воссоздания Сербского государства.

После упразднения в 1766 г. Печского Патриархата Карловацкая митрополия окончательно получила самостоятельность. Проводившаяся в Австрийской империи униатская пропаганда среди сербов не имела значительного успеха, когда недовольные подобными акциями тысячи сербов стали уезжать в Россию (где возникла так называемая Новая Сербия), императрица Мария-Терезия в 1751 г. особым патентом гарантировала им свободу вероисповедания. В мае 1848 г. на Сербском национальном собрании митрополита Карловацкого Иосифа (Раячича) провозгласили Патриархом. В декабре 1848 г. император Франц-Иосиф утвердил это решение, но потом австрийское правительство отказало владыке Иосифу в титуле Патриарха³²⁶.

В XVIII–XIX вв. Россия оказывала значительный объем помощи не только Карловацкой митрополии, но и относившимся к ней фрушкогорским сербским монастырям. Так, в 1758 г. на Фрушку гору прибыл русский изограф Василий Романович, ставший основателем сремской иконописи. Дворцовым художником митрополита Карловацкого Арсения IV в середине XVIII в. был киевский иконописец Иван Васильевич. В XVIII–XIX вв. некоторые известные сербские иконописцы учились у русских мастеров: Димитрий Бачевич, монах Рафаил (Момчилович) и другие.

Посещение Москвы в начале XIX в. состоявшим при Черногорском митрополите архимандритом Стефаном (Вукотичем) способствовало возрождению запустевшего храма св. Трифона мученика. В соборе г. Котора в Черногории хранилась глава св. мч. Трифона, и, узнав о приезде о. Стефана, московский купец Трифон Добряков пожелал создать для мощей своего небесного покровителя достойную раку. По возвращении на родину архимандрит поведал о желании купца митрополиту Черногорскому Петру (Негошу), который в знак

---

³²⁶ Пузович П. Краткая история Сербской Православной Церкви в бывшей Югославии в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 119; *Ego же*. Kurze Geschichte der Serbischen orthodoxen Kirche. Himmelsthür, 2007.

благодарности прислал в 1803 г. три части мощей от главы мученика Трифона. Т. Добряков уложил их в серебряные вызолоченные ковчезцы и преподнес в 1812 г. императору Александру I, который, в свою очередь, пожертвовал их в 1819 г. Трифоновскому храму. День перенесения мощей 14 сентября стал ежегодным местным праздником, и с него началось возрождение храма. Приезжавшие в Москву черногорские гости непременно посещали Трифоновский храм и прикладывались к мощам.

В 1832 г. Сербская Церковь стала автономной. Первый митрополит в автономной Сербии Петр (Иованович) послал и целую группу молодых людей в Россию для получения высшего богословского образования. Среди них был Милое Иованович, закончивший Киевскую духовную академию и принявший монашеский постриг в Киево-Печерской лавре с именем Михаил, в дальнейшем ставший (в 1859) архиепископом Белградским и митрополитом всей Сербии. Владыка Михаил являлся убежденным русофилом, и многое из того, чему он научился в России, стремился привнести в Сербию, особенно в области церковного просвещения и практики.

В 1873 г. митрополит Михаил обратился с ходатайством в Российский Святейший Синод о разрешении открыть в Москве Сербское подворье. Вскоре для этой цели по высочайшему повелению сербам была дарована церковь свв. Кира и Иоанна на Солянке и находящиеся при ней здания (в 1768 г. постройки). В мае 1874 г. настоятель Горнякского (в Белградской митрополии) монастыря архимандрит Савва прибыл в Москву и вскоре вступил в управление подворьем на Солянке. Тогда же возвели и новый престол, переименовав храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Именно в день этого великого праздника в 1805 г. сербы подняли восстание против турок. 30 ноября 1874 г. церковь и подворье были освящены; на торжестве присутствовали многие видные деятели отечественной культуры, поборники развития сербско-русских связей. Праздником для сербов и сочувствующих москвичей стало и 22 марта 1875 г. — день малого освящения Благовещенского при Сербском подворье храма. Этот храм стал центром сбора денежных и других пожертвований в пользу православных церквей не одной только Сербии, но и Боснии, Герцеговины, Воеводины, Далмации, Хорватии, Словении и других земель. На подворье прихожане многих московских храмов приносили иконы, которые потом пересылались в бедные сербские храмы. В числе первых были

отправлены 26 старьих иконостасных образов из храма подворья в разоренные турками храмы Черногории.

В 1875 г. после жестокого подавления восстания в Боснии и Герцеговине в российских газетах было напечатано воззвание управлявшего подворьем архимандрита Саввы об ужасном положении сербов. После богослужений в московских храмах зачитывалось послание митрополита Сербского Михаила и проводился тарелочный сбор для пострадавших жителей Боснии и Герцеговины. И в дальнейшем Сербское подворье в Москве продолжало существенно влиять на материальное положение всей Сербской Церкви. Благодаря щедрым пожертвованиям в Благовещенский храм многие бедные монастыри и храмы Сербии украсились ценной утварью и облачениями.

В 1883–1889 гг. на подворье проживал изгнанный из Сербии проавстрийской в королевской династией Обреновичей митрополит Михаил, до того как по предложению нового сербского короля Александра I он не возвратился в Белград на митрополичий престол. После его, владыки Михаила, через Московское подворье Сербская Церковь приобретала богослужебные книги, церковные одежды и утварь. В 1894 г. на подворье, рядом с Благовещенским храмом, была сооружена часовня во имя св. Саввы (Сербское подворье упразднили в 1918 г., а храм с часовней снесли в 1933 г.).

Оказывалась со стороны России и другая церковная помощь. Так, в 1862 г. российская императрица Мария Александровна отправила в Скутарский сандажак местным православным жителям (черногорцам, сербам и албанцам) значительную денежную помощь и икону Одигитрия для строившейся в д. Раш церкви. В 1869 г. московские граждане пожертвовали «в ознаменование дня тысячелетней памяти св. Кирилла, просветителя славянских народов... утварь, ризницу, иконы и богослужебные книги для православных церквей Боснии и 4 иконы в киотах и драгоценных ризах» и т.д.³²⁷ Много сделала Россия для защиты Православия в Старой Сербии и оказания сопротивления принятию унии сербами, населявшими территории севернее Савы и Дуная.

---

³²⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1865–1875. Документы. М., 1988. С. 161–162; *Косик В.И.* К истории русской религиозной живописи на Балканах // XI ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы. М., 2001. С. 149–150.

В Сербско-турецкой войне 1876 г. приняло участие около 4 тысяч русских добровольцев — военных, врачей, сестер милосердия; во главе сербской армии встал опытный и храбрый генерал Михаил Григорьевич Черняев, и в ее ряды влились кадровые русские офицеры, приехавшие в страну при содействии Славянского комитета. В том же году Российская Православная Церковь подарила сербской армии знамя — реплику знамени, которым преподобный Сергий Радонежский благословил князя Дмитрия Донского перед Куликовской битвой с татаро-монголами. Знамя было освящено в Троице-Сергиевой лавре и некоторое время перекрывало раку с мощами преподобного Сергия. Походную военную церковь русских добровольцев освятил в Белграде митрополит Сербский Михаил³²⁸.

Константинопольский Патриархат предоставил автокефалию Сербской Церкви в 1879 г. — вскоре после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и провозглашения независимости Сербии. При этом связи с Российской Православной Церковью значительно расширились. Вплоть до конца XIX в. Сербская Церковь пользовалась привезенными из России богослужебными книгами. Существенно увеличилось количество студентов, которые отправлялись на учебу в духовные школы Российской империи. Например, в 1887 г. только в Киевской духовной академии обучалось 11 сербов, а в 1897 г. — 13 сербов и 2 черногорца.

Окончившие российские духовные академии сербы, как правило, возвращались на родину и могли занимать самые высокие церковные посты. Поэтому неудивительно, что, когда в начале XX в. в Сербии обсуждалась перспектива создания высшей богословской школы, то ряд церковных деятелей выступали за создание Духовной академии по образцу Российской Церкви. Однако в ходе напряженной общественной дискуссии все же победила другая точка зрения. Законом «О Белградском университете» от 1905 г. было предусмотрено учреждение традиционного для Западной Европы богословского факультета. При этом 4-й статьей данного закона было предусмотрено, что богословский факультет будет представлять собой «самостоятельную Духовную академию, согласного отдельному закону»³²⁹.

---

³²⁸ Арсеньев А.Б. Русские храмы и монастыри в Югославии. С. 155.

³²⁹ Раковић А., Шичаковић Б. Универзитет и српска теологија. Историјски и просветни контекст оснивања Православног богословског факултета у Београду. Београд, 2010. С. 50.

Правда, из-за недостатка высокообразованного преподавательского состава и многочисленных войн, которые вела Сербия, факультет был основан только через 15 лет после принятия закона. Большой вклад в духовном сближении русского и сербского народов внес первый декан факультета протоиерей профессор Стеван Димитриевич, окончивший в 1898 г. Киевскую духовную академию. Он был убежденным русофилом и активно приглашал для преподавания на факультете русских профессоров.

Следует упомянуть, что в 1863 г. российский император Александр II выделил значительные средства на строительство сербского соборного храма в г. Сараево. Значительную помощь православной церковной жизни оказала Россия на территории Косово и Метохии, где в 1886 г. было открыто российское консульство в Призрене, а в 1892 г. — в г. Косовска-Митровица. Консулы И.С. Ястребов, Г.С. Щербина, Лисевич, Беляев, Ачимович и Тухолка дарили многочисленные книги, порой целые библиотеки, Сербской духовной семинарии в Призрене, оказывали материальную помощь Высоко-Дечанскому монастырю. При этом Г.С. Щербина, как и российский консул в Битоле (Македония) А.А. Ростковский, был убит в 1903 г. на своем посту албанскими арнаутами³³⁰.

Осенью 1893 г. в московском Храме Христа Спасителя были поставлены части мощей великомученика Никиты и преподобного Феоктиста, присланные из Высоко-Дечанского монастыря. Приношения к ним существенно помогли восстановлению древней обители Сербии.

С середины XIX в. также русские обители Афона активно помогали Сербской Православной Церкви и в целом сербскому народу. Во второй половине XIX — начале XX вв. русские иноки играли существенную роль в жизни сербского Хиландарского монастыря, в это время даже существовал нереализованный проект передачи русским насельникам управления этой обителью.

При содействии игуменов Свято-Пантелеимоновского монастыря русские иноки приобрели и восстановили некоторые пришедшие в упадок полуразрушенные келлии Хиландара: были отстроены Иоанно-Златоустовская, свт. Николая Чудотворца («Белозёрка»), Свято-Троицкая и некоторые другие малые обители. Так, например, в 1882 г. по благословению игумена

---

³³⁰ Арсеньев А. Жизнь русских эмигрантов в Сербии // Новый журнал. Нью-Йорк. 2010. Кн. 259. С. 147.

Руссика о. Макария и духовника о. Иеронима в келлии свт. Николая Чудотворца, прозванной «Белозёркой», поселился русский иеросхимонах Антоний. Старший сын о. Антония впоследствии принял постриг на Афоне с именем Петр — и в дальнейшем стал настоятелем келлии. С иеросхимонахом Антонием в эту келлию перешло 12 русских послушников старца. Позднее в келлии были устроены два храма: верхний во имя свт. Николая Чудотворца и нижний в честь Покрова Божией Матери³³¹.

Благотворительная помощь оказывалась и самому Хиландарскому монастырю. Так, осенью 1880 г. игумен Макарий и духовник о. Иероним получили письмо из Хиландара с жалобой на бедственное положение обители, которая при малом числе монашествующих и отсутствии хорошего управления даже не имела средств нанять рабочих для сбора маслин и была вынуждена распродавать овец в метохах. Поэтому сербские иноки решили пригласить в игумены кого-нибудь из братии Свято-Пантелеимоновского монастыря для устройства правильной жизни по общежительному уставу, также надеясь на материальную помощь своей обители. Подобная просьба высказывалась еще ранее митрополитом Сербским Михаилом. Принять такое предложение для русских старцев было непросто: они предвидели значительное сопротивление со стороны греческих святогорцев и Константинопольского Патриарха, кроме того, среди самой сербской братии около трети было противниками введения общежития, наконец, сомнения вызывали огромные расходы, которые требовалось сделать для улучшения состояния Хиландара, его метохов и келлий.

Поэтому отцы Макарий и Иероним склонялись отказать от предложения сербов, но не отказывались полностью от участия в этом деле. 15 октября 1880 г. они писали российскому послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву: «Наше мнение таково, чтобы митрополит прислал сюда одного из своих, понимающего это дело, который бы советовался об управлении обители с русской обителию». В заключение старцы подчеркивали важность оказания помощи Хиландару как славянской обители, которая может быть при дальнейшем нерадении о ней поглощена греками. В дальнейшем, благодаря в том

---

³³¹ Арсеньев А. Жизнь русских эмигрантов в Сербии // Новый журнал. Нью-Йорк. 2010. Кн. 259. С. 216–218.

числе и русской поддержке, монастырь был спасен от разорения и сохранен как национальная святыня сербского народа³³².

В период Балканских войн 1912–1913 гг. только афонское Братство русских обителей (келлий) пожертвовало в пользу раненых и больных воинов-славян 1110 рублей. Кроме того, русские святогорцы отправляли пожертвования пострадавшим от наводнения в Сербии и Черногории³³³.

В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Сербия была оккупирована австро-венгерскими войсками, и возглавлявший Сербскую Церковь с 1905 г. Белградский митрополит Димитрий (Павлович; 1846–1930) вынужден был уехать вместе с королем и членами правительства на греческий остров Корфу через Албанию. В период этой эмиграции он старался сохранять руководство церковной жизнью в Сербии. В течение Первой мировой войны Сербская Церковь потеряла треть своего духовенства, более тысячи священников были убиты или пропали без вести³³⁴. Несмотря на военные тяготы, делегация Сербской Церкви в лице епископа Велешко-Дебарского (позднее Патриарха) Варнавы (Росича) и архимандрита (в дальнейшем епископа Шабачского) Михаила присутствовала на выборах Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона в октябре — ноябре 1917 г.

Уже вскоре после начала Первой мировой войны — в ноябре 1914 г. в Сербию прибыл русский морской артиллерийский отряд под командованием капитана 1-го ранга Миклашевского, который в составе семи батарей (около 600 человек) сражался против австро-венгерских войск, в частности, героически защищал Белградскую крепость. В его составе был и военный священник, а также походная церковь, устроенная на территории Белграда. В первые же месяцы войны и русские святогорцы сформировали и отправили на Австрийско-Сербский фронт монашескую санитарную дружину (отряд) братьев милосердия, а позднее, после разгрома Сербии австро-венгерской армией,

---

³³² Герд Л. А. Русский Афон. 1878–1914 годы. Очерки церковно-политической истории. М., 2010; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 730, оп. 1, д. 3027.

³³³ Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА), оп. 10, д. 180, док. 163, л. 192–193 об.

³³⁴ Пузович П. Краткая история Сербской Православной Церкви в бывшей Югославии в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 121; *Ego же*. Kurze Geschichte der Serbischen orthodoxen Kirche. Himmelsthür, 2007.

они пожертвовали в эту страну много церковной утвари, богословских книг, священнических одежд и т. п.³³⁵

Братство русских обителей (келлий) на Святой Горе Афон не только приняло участие в организации и отправлении в Сербию во второй половине 1914 г. русской санитарной монашеской дружины из 20 человек, но и попыталось послать подобный санитарный отряд в Россию, однако быстрое закрытие Османской империей черноморских проливов не позволило это сделать. Планировалось создать и русскую санитарную монашескую дружину для отправки в Черногорию, но из-за активного вмешательства в дело ее формирования братии келлии свт. Николая Чудотворца (Белозёрки) Хиландарского монастыря этот отряд так и не был сформирован³³⁶.

Необходимо отметить, что сербы и черногорцы очень нуждались в медицинской помощи. Еще в начале войны митрополит Черногорский и Приморский Митрофан сообщил в Россию, что у Черногорского общества Красного Креста нет средств, и просил оказать помощь, которая была оказана. С начала военных действий на Австрийско-Сербском фронте российским Славянским обществом было израсходовано на содержание сербов свыше 100 тысяч рублей и на другие различные нужды еще 25 тысяч. Ярким примером конкретной помощи стало устройство русскими монахами Высоко-Дечанской лавры в Черногории лазарета для раненых и больных воинов. Он действовал до захвата монастыря австро-венгерскими войсками, после чего, как уже говорилось, русские насельники этой обители были арестованы и интернированы. По ходатайству Совета Всероссийского Русско-Черногорского благотворительного общества из России для разоренных захватчиками черногорских храмов были высланы богослужебные книги, священнические облачения, предметы церковной утвари и т.д.³³⁷

В сентябре 1915 г. был открыт частично проходивший по будущей территории Югославии Салоникский (Македонский) фронт, где отступившие сербские части в составе армии Антанты сражались против австро-венгерских и болгарских войск. В марте 1916 г. на Салоникский фронт были перевезены

---

³³⁵ АРПМА, оп. 10, д. 180, док. 163, л. 192–193 об.

³³⁶ Там же, д. 180, док. 163, л. 193–193 об; *Троицкий П.* История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009. С. 67.

³³⁷ *Кудрявцева В.П.* Православные монастыри и Первая мировая война // *Линтула.* Сборник научных статей. Вып. 7. СПб., 2014. С. 88, 93.

из албанского г. Шкодера остатки русского морского артиллерийского отряда под командованием Миклашевского. В июне — июле 1916 г. на Салоникский фронт прибыли 2-я и 4-я особые пехотные бригады Российского экспедиционного корпуса — так называемые бригада св. Михаила и бригада св. Георгия. Они были включены в состав Восточной армии Антанты. Русские бригады участвовали в нескольких наступательных операциях, сражаясь вместе с сербскими частями³³⁸.

Братия русского афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря (Руссика) оказывала различную помощь частям сербской армии, воевавшим на Салоникском фронте. Например, 19 декабря 1916 г. она отправила в Салоники для передачи престолонаследнику королевичу Александру и главному интендантству сербской армии два потира, семь священнических одежд и 60 епитрахилей. 4 января 1917 г. сербский архимандрит Лукиан известил о состоявшейся передаче пожертвований настоятеля подворья Руссика в Салониках иеромонаха Адриана³³⁹. Русские военные священники много сделали для окормления и укрепления боевого духа сражавшихся на Балканах, в том числе за освобождение Сербии, российских войск, внеся вклад в общую победу.

После окончания Первой мировой войны произошло объединение Сербии, Хорватии, Словении, Далмации, Боснии и Герцеговины, Черногории в одно государство, и 1 декабря 1918 г. было провозглашено Королевство сербов, хорватов и словенцев, в 1929 г. переименованное в Королевство Югославия. Возглавил страну Александр I Карагеоргиевич (1888–1934), бывший в годы Первой мировой войны принцем-регентом и главнокомандующим сербской армии. Он получил военное образование в Санкт-Петербурге, где в 1904 г. окончил Пажеский корпус, был крестником императора Александра III, воспитывался при российском дворе и являлся одной из главных фигур русско-сербской интеграции в стране. Александр был провозглашен королем 17 июля 1921 г., после смерти своего отца Петра I Карагеоргиевича (1830–1921).

В состав Королевства сербов, хорватов и словенцев вошли почти все епархии бывшего Печского Патриархата. За ее пределами остались лишь четыре

---

³³⁸ Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М., 2008. С. 215–216.

³³⁹ АРПМА, оп. 10, д. 106, док. 129, л. 43 об.

сербские епархии: Темишоарская в Румынии, Будимская в Венгрии, Задарская (Далматско-Истрийская), тогда принадлежавшая Италии, и Скадарская (Шкодерская) в Албании, а также отдельные сербские приходы в Вене, Триесте, США и Канаде. Состоявшееся в конце 1918 г. в Белграде под председательством митрополита Черногорско-Приморского Митрофана (Бана) заседание Архиерейского Синода приняло решение о подготовке создания единой Сербской Православной Церкви. Так как некоторые епархии, вошедшие в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев, принадлежали к Буковинско-Далматской митрополии и Константинопольскому Патриархату, понадобились длительные сложные переговоры об их вхождении в состав Сербской Церкви, которые были окончательно завершены только 18 марта 1920 г. после получения согласия Священного Синода Вселенского Патриархата³⁴⁰.

В мае 1919 г. собравшиеся в Белграде архиереи провозгласили объединение различных православных епархий страны в единую Сербскую Православную Церковь и обновление упраздненного в 1766 г. Печского Патриархата. 17 июня 1920 г. принц-регент Александр Карагеоргиевич утвердил королевский указ, санкционировавший это решение архиереев. 12 сентября 1920 г., в день Собора сербских святых, в Сремских Карловцах состоялся Архиерейский Собор, который восстановил в Сербской Церкви Патриаршество. В состав восстановленного Патриархата вошли 28 епархий. 28 сентября Архиерейский Синод избрал Сербским Патриархом Белградского митрополита Димитрия (Павловича), однако правительство нового государства не сразу признало это избрание, так как еще не были утверждены соответствующие законодательные акты, в частности «Устав о выборах Патриарха Сербской Православной Церкви». Король полагал, что выборы должны проходить при участии государственных органов³⁴¹.

23 октября 1920 г. правительство Королевства сербов, хорватов и словенцев издало распоряжение об избрании первого Патриарха единой Сербской Православной Церкви и подписало «Устав о выборах Патриарха»,

---

³⁴⁰ Пузович П. Краткая история Сербской Православной Церкви в бывшей Югославии в XX столетии. С. 5.

³⁴¹ Гласник. Службени лист Српске Православне Цркве. Београд. 1962. Април. С. 148.

согласно которому Первосвятитель должен был выбираться специальным Избирательным Собором из трех кандидатур, предложенных, в свою очередь, Священным Архиерейским Собором. В тот же день был обнародован и утвержден и временный «Устав Сербского Патриархата». После принятия этих документов 12 ноября 1920 г. митрополит Димитрий вновь был избран Патриархом с титулом «архиепископ Печский, митрополит Белградско-Карловацкий, Патриарх Сербский» и занимал этот пост вплоть до своей кончины 6 апреля 1930 г.³⁴²

Избрание Предстоятеля утвердил король Александр I. Торжественное на-столонование состоялось 13 ноября 1920 г. в кафедральном соборе г. Белграда. По закону от 28 июня 1921 г. Сербская Православная Церковь была уравнена в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в правах со всеми остальными вероисповеданиями, но Церковь осталась неотделенной от государства³⁴³. Конституция обязывала воспитывать детей в вере родителей, ограничивался переход из одной конфессии в другую. Все религиозные конфессии в королевстве делились на официально признанные (православные, католики, старокатолики, протестанты, мусульмане, иудеи) и непризнанные. Первым предоставлялись значительные права и льготы, в том числе материальная помощь. Все эти конфессии могли владеть недвижимостью и получали ежегодную помощь из государственного бюджета на содержание своей администрации и духовных учебных заведений. Сербская Православная Церковь пользовалась свободой в делах, связанных с заключением и расторжением браков, в ее пользу взимались налоги (епархиальный, церковно-общинный, а с 1931 г. и патриарший), священнослужителям предоставлялись льготы, например право на льготный проезд железнодорожным и речным транспортом³⁴⁴.

Константинопольская Патриархия признала возвышение Сербской Церкви в ранг Патриархата специальным Томосом в 1922 г. Позднее, в 1924 г., святитель Димитрий, по древнему обычаю, был также возведен на Печский Патриарший престол. При этом в июне 1921 г. в Королевстве сербов,

---

³⁴² Епископ Моравичский Антоний (Пангелич) // Православная энциклопедия. Т. XV. М., 2007. С. 65.

³⁴³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 149, л. 145–146.

³⁴⁴ Троицкий С.В. Правовое положение Русской Церкви в Югославии. Белград, 1940. С. 94, 109.

хорватов и словенцев была принята конституция, в которой провозглашалось равноправие православия, католичества и магометанства; государство обещало оказывать им одинаковую материальную помощь. В 1929 г. вступил в действие закон о Сербской Православной Церкви, в это же время велась работа над церковным уложением (уставом)³⁴⁵.

С начала 1920-х гг. часть сербского духовенства выступала за проведение церковных реформ: введение второбрачия священников, женатого епископата, сербского языка за богослужением, переход на новоюлианский календарь, сокращение постов, участие низшего клира в работе Епархиальных собраний и Синода, выборы священников мирянами и епископов духовенством, экспроприация монастырских земель, ношение гражданской одежды священниками вне службы и т.п. На Всеправославном совещании, проходившем с 10 мая по 8 июня 1923 г. в Константинополе, из девяти его участников два представляли Сербскую Церковь, в том числе митрополит Гавриил (Дожич, будущий Патриарх). В результате дискуссии было решено рекомендовать Православным Поместным Церквам временно принять «новоюлианский» календарь сербского астронома профессора М. Миланковича (неподвижные церковные праздники отмечались по григорианскому календарю, а праздники Пасхального цикла — по юлианскому), священникам и диаконам разрешили жениться после рукоположения, а вдовым священникам и диаконам — вступать во второй брак. Эти решения поддержал и владыка Гавриил, однако Сербская Церковь, как и большинство других Православных Поместных Церквей, их не приняла³⁴⁶.

Оставаясь верным церковным традициям, Патриарх Димитрий 21 июня 1923 г. в письме уведомил Константинопольского Патриарха Мелетия, что решение «Всеправославного конгресса» о календарных реформах может быть приемлемо только «при условии, что оно будет применено одновременно во всех Православных Церквах». Пользуясь неустроенностью Сербской Церкви после войны, в начале 1920-х гг., три-четыре священника

---

³⁴⁵ Пузович П. Указ. соч. С. 123.

³⁴⁶ Междуправославная конференция в Константинополе // Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 9; Троицкий С.В. Будем вместе бороться с опасностью // ЖМП. 1950. № 2. С. 37, 46–47; Јеромонах Сава (Јањић). Екуменизам и време апостасије. Призрен, 1995. С. 11; Viscuso P. A quest for reform of the Orthodox Church: the 1923 Pan-Orthodox Congress. Berkeley, 2006. P. 90, 185–195.

даже вступили во второй брак, но вскоре были лишены за это священного сана³⁴⁷.

За время Патриаршества святителя Димитрия было образовано несколько новых епархий. Особенное значение имело создание Американско-Канадской епархии. К началу XX в. в Северной Америке проживало более 20 тысяч сербов, которые входили в Алеутскую и Северо-Американскую епархию Российской Православной Церкви. Первая сербская община в Америке появилась в г. Сан-Франциско в 1868 г., а в 1894 г. в г. Джексоне по инициативе была построена первая сербская церковь св. Саввы на Западном побережье США. В начале XX в. трудами первого сербского миссионера в Америке, выпускника Киевской духовной академии игумена Севастиана (Дабовича, 1863–1940) было возведено еще несколько храмов и создано 75 благотворительных обществ и братств. Определением Святейшего Синода Российской Церкви от 3–17 августа 1905 г. в составе епархии была учреждена Сербская Миссия и начальником ее назначен о. Севастиан с возведением в сан архимандрита. В 1907 г. в г. Маккиспорте прошел Сербский Православный Церковный Собор в Северной Америке, и стал выходить ежемесячный журнал «Гласник Сербской Православной миссии в Америке», к 1910 г. число сербских приходов в США выросло до 19. С началом в 1912 г. Балканских войн о. Севастиан вернулся в Сербию, где служил капелланом сербской армии³⁴⁸.

Следующим руководителем Сербской Миссии в Америке в 1913–1917 гг. служил протоиерей Савва Войводич, а в 1917 г. Святейший Синод Российской Церкви назначил начальником Миссии выпускника Петроградской духовной академии синкелла Мардария (Ускоковича) с возведением в сан архимандрита. 13 сентября 1921 г. на Архиерейском Соборе Сербской Церкви было принято постановление учредить Американско-Канадскую епархию с кафедрой в Чикаго, что означало выход сербских приходов в Америке из-под юрисдикции Российской Церкви. Первоначально организацией жизни новой епархии занимался направленный в Северную Америку делегатом

---

³⁴⁷ Троицкий С.В. Митрополит Сергей и примирение русской диаспоры. Сремски Карловцы, 1937. С. 10.

³⁴⁸ Ефимов А.Б., Ласаева О.В. Алеутская и Северо-Американская епархия при святителе Тихоне. М., 2012. С. 364–406.

от Архиерейского Собора епископ Николай (Велимирович). Однако затем, 5 апреля 1926 г., Патриарх Димитрий рукоположил во епископа Американско-Канадского (Новограчаницкой митрополии) о. Мардария (Ускоковича), который возглавлял епархию до своей кончины 12 декабря 1935 г.³⁴⁹

В 1919 г. начал выходить официальный печатный орган Сербской Церкви — журнал «Гласник», также издавалась газета «Глас Православия». 6 сентября 1920 г. был основан православный богословский факультет в составе Белградского университета (единственное высшее духовное учебное заведение Сербской Церкви). Неблагоприятная для его открытия ситуация изменилась после окончания Первой мировой войны и приезда в страну большого количества бывших профессоров российских духовных академий. 6 сентября 1920 г. состоялось первое заседание ученого совета факультета в помещении ректората Белградского университета, 15 декабря начались занятия, а в конце июня 1921 г. прошла первая экзаменационная сессия. Профессорская корпорация факультета состояла из трех групп: представителей довоенной Сербии, профессоров из бывшей Австро-Венгерской империи — преимущественно преподавателей Черновицкого университета и профессоров российских духовных академий и университетов. Хотя деканом был избран представитель первой группы (выпускник Киевской духовной академии) профессор протоиерей Стефан (Стеван) Димитриевич (с 1936 г. — доктор богословских наук), наибольший вес имели русские богословы: Н.Н. Глубоковский, А.П. Доброклонский, С.В. Троицкий, протоиереи Феодор Титов, Александр Рождественский и др.³⁵⁰

Неслучайно первый декан факультета, доктор богословия протоиерей Стефан Димитриевич в речи, произнесенной по случаю начала обучения 20 декабря 1920 г., отметил: «Нынешнее открытие давно проектированного богословского

---

³⁴⁹ Ефимов А.Б., Ласаева О.В. Алеутская и Северо-Американская епархия при святителе Тихоне. С. 410–432; Епископ Шумадийский Савва. Американско-Канадская епархия Сербской Православной Церкви // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 158–160; Смелов Е.П. Воспоминания о годах обучения в Санкт-Петербургской духовной семинарии (1912–1918). СПб., 2009. С. 133–134.

³⁵⁰ Православни Богословски факультет Српске Православне Цркве 1920–1980. Београд, 1980. С. 2–3; Шестаков А.В. Белградский богословский факультет // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 517–518.

факультета совпадает как раз со временем окончательного соединения Сербской Церкви. Он открывается при содействии русских братьев»³⁵¹.

Первым русским профессором, привлеченным на богословский факультет, был Александр Павлович Доброклонский, который составлял его основное ядро вместе с тремя сербскими профессорами, из которых двое были «русскими воспитанниками»: декан о. Стефан Димитриевич — выпускник Киевской духовной академии и викарный епископ Карловацкой митрополии Иларион (Зеремский), первый профессор Священного Писания Нового Завета — выпускник Московской духовной академии. А.П. Доброклонский был председателем первого заседания ученого совета 6 сентября 1920 г., «в качестве старейшего и по возрасту, и по годам профессорской службы», и автором проекта первого Положения о факультете, которое в окончательном виде было принято на заседании ученого совета от 2 октября 1920 г. Кроме того, А.П. Доброклонский стал первым избранным заместителем декана (с 30 ноября 1920 г.), а затем и первым избранным заместителем декана по учебной работе (продеканом) факультета (с 23 февраля 1921 г.). С июня 1923 по февраль 1924 г., во время отсутствия декана о. С. Димитриевича (который был в России, куда отвез гуманитарную помощь страдающим от голода), А.П. Доброклонский вместе с профессором Драгутином Анастасиевичем исполнял должность декана факультета³⁵².

При этом на факультете существовала и оппозиция деятельности российских профессоров, которая исходила из кругов либерально настроенной сербской интеллигенции. В частности, профессор Чедомир Марьянович (выпускник Киевской духовной академии), в 1933 г. считал, что русские преподаватели, вследствие их консерватизма, присущего российским духовным академиям и проявляющегося как догматизм и схоластика, якобы не дают развиваться современному богословию у сербов³⁵³. Самая известная полемика, в этом контексте, велась между Ч. Марьяновичем, с одной стороны, и профессорами А. Доброклонским и о. Ф. Титовым, с другой, в начале 1930-х гг. на страницах журнала «Правда». Однако сторонников у Марьяновича было очень мало.

---

³⁵¹ *Димитријевић С.* Православни богословски факултет на Универзитету београдском // Весник Српске Цркве. Београд. 1921. Септембар-децембар. С. 31.

³⁵² *Пузович В.* Указ. соч. С. 240–242.

³⁵³ *Марјановић Ч.* Прилике на Теолошком факултету. Г. др Т. Титов као човек и као догматичар // Зборник Архива за правне и друштвене науке. Београд. 1933. №. 56. С. 5.

Российские профессора внесли чрезвычайно большой вклад в сербскую богословскую науку и даже церковную идеологию. Так, например, профессор протоиерей Феодор Титов в 1930-х гг. опубликовал ряд текстов по сербской церковной истории, в которых освещались темы, связанные с деятельностью одного из самых почитаемых в стране святых — свт. Саввы. Данные тексты писались в рамках кампании широкой пропаганды, предпринятой Сербской Церковью, которая стремилась через святосавскую концепцию (учение святосавия, по сербски — светосавлие, т.е. наследие св. Саввы) укрепить национальное единство сербского народа на просторах многонационального Королевства Югославии³⁵⁴. В начале 1930-х гг. было образовано объединение студентов богословского факультета «Светосавлие» («Светосавье»). Сам термин был введен в это же время преподававшим на факультете богословом и философом Дмитрием Найдановичем.

В 1926 г. согласно решению ученого совета от 14 декабря 1925 г. стал выходить научный журнал белградского богословского факультета «Богословие» («Богословье»), главным редактором которого был профессор протопресвитер Димитрий Стефанович. В 1932–1941 гг. также издавался журнал «Светосавлие» («Светосавье») — печатный орган студентов факультета³⁵⁵. На его страницах в основном преобладали панправославные, славянофильские, антизападные и национально-миссианские идеологические концепции. В журнале часто публиковались русские богословы: митрополит Антоний (Храповицкий), протоиерей Сергей Булгаков, Николай Бердяев, Василий Зеньковский и др. Один из основных авторов — профессор-протоиерей Феодор Титов в 1933 г. поместил в одном из номеров программную статью «Светосавлие», в которой писал, что в рамках этого учения должна быть создана интеграционная идеология, чтобы студенты-богословы могли оказывать помощь Патриарху в объединении различных Православных Церквей. В статье также содержалась критика секулярных тенденций внутри Сербской Церкви³⁵⁶.

Постепенно росло число учащихся богословского факультета. В 1938/1939 г. на нем училось уже 340 студентов, в том числе 32 женщины, из них

---

³⁵⁴ Пузович В. Указ. соч. С. 244.

³⁵⁵ Православни Богословки факултет Српске Православне Цркве 1920–1980. С. 3, 165–166.

³⁵⁶ Титов Т. Светосавье // Светосавье. 1933. № 3–5. С. 97–104.

первокурсников 106 человек. Факультетская библиотека к этому времени выросла до 13 тысяч книг и свыше 20 тысяч периодических изданий, многие из которых были привезены из советской России о. С. Дмитриевичем в 1924 г.³⁵⁷

В 1920 г. при активном участии русских эмигрантов был открыт православный богословский факультет в Загребском университете (ректор Владан Максимович). В 1922/23 учебном году из 30 его студентов 17 были русскими и лишь 13 — сербами. Правда, в 1924 г. по финансовым и политическим причинам этот факультет оказался закрыт³⁵⁸.

Кроме того, действовали пять духовных семинарий (богословий) Сербской Церкви: в Цетинье, Призрене, Битоле (с 1922), Сараево и семинария св. Саввы в Сремских Карловцах. Правда, в 1921 г. Министерство по делам религии приняло «Регламент о сербских православных семинариях», согласно которому их должно быть семь, чтобы охватывать всю территорию нового государства (помимо указанных пяти, еще Загребская и Белградская), но по финансовым и политическим причинам этого не произошло. Уже в марте 1927 г. Патриарх Димитрий с сожалением писал в министерство, что в стране имеется 15–16 католических семинарий, а православных только пять, и в идеале нужно, как ранее в России, иметь семинарию в каждой епархии. Однако Первосвятитель понимал, что из-за недостатка финансирования это сделать невозможно³⁵⁹.

Во всех действующих семинариях существенную часть преподавателей составляли русские эмигранты. Кроме того, они нередко были учителями Закона Божия в сербских гимназиях. Так, например, в конце 1930 — начале 1940-х гг. законоучителем VI мужской и V женской гимназий в Белграде работал Федор Федорович Раевский (будущий архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский Савва), законоучителем I реальной гимназии в Белграде — профессор Михаил Булгаков, законоучителем женской гимназии в Сплите — выпускник Московской духовной академии профессор Василий Павлович

---

³⁵⁷ Православни Богословки факультет Српске Православne Цркве 1920–1980. С. 3, 5, 75; Шестаков А.В. Указ. соч. С. 518.

³⁵⁸ *Buchenau K. Auf russischen Spuren. Orthodoxe Antiwestler in Serbien. 1850–1945. Wiesbaden, 2011. S. 276.*

³⁵⁹ АЖ, 69–41–65.

Соколов, законоучителем реальной гимназии в Битоле — профессор Сергей Наумов, законоучителем реальной гимназии в Белой Церкви — профессор (с мая 1942 г.) Владимир Голунский и т.д.³⁶⁰

Хотя Патриарх Димитрий и не принадлежал к ярко выраженным русофилам, он оказывал большую помощь русским беженцам и неоднократно проявлял свою «братскую солидарность» с ними³⁶¹. В феврале 1922 г. Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон написал ответное послание владыке Димитрию, в котором выразил благодарность за гостеприимство и прием, устроенный оказавшимся на чужбине священнослужителям и мирянам Русской Православной Церкви. После своего освобождения из-под ареста и возвращения к управлению Церковью святитель Тихон 14 ноября 1923 г. отправил новое послание владыке Димитрию³⁶². Особенно значительная помощь была оказана русским обителям Афона³⁶³.

В свою очередь русская церковная эмиграция оказала сильное благотворное влияние на Сербскую Православную Церковь. Современные сербские авторы отмечают различные аспекты происшедшего под русским влиянием возрождения и развития православной духовной жизни в Югославии в первой половине XX в.: внедрение монашеского общежития, улучшение богослужebной практики, усвоение традиций русского исихазма, развитие церковной культуры, особенно пения и иконописи, расцвет миссионерства, обновление монастырских храмов и жилых зданий, развитие монастырской экономики и т.д. Правда, по мнению некоторых исследователей, русские эмигранты, с одной стороны, модернизировали сербское Православие, а с другой — одновременно усилили в нем антизападные тенденции. Впрочем, по мнению этих исследователей (в частности, Клауса Бухенау), определяющее значение для сербских православных антизападников имели идеи русских славянофилов XIX в., а также Ф.М. Достоевского³⁶⁴.

---

³⁶⁰ Архив Србије, Београд (АС), Г/3, I-792/1941, I-793/1941, I-794/1941, I-796/1941, I-806/1942.

³⁶¹ Архив Југославије, Београд (АЈ), 69-175-276.

³⁶² Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 186, 302.

³⁶³ АРПМА, оп. 10, д. 170, док. 154, л. 47.

³⁶⁴ Buchenau K., а.а.О., S. 245, 480.

Существенную роль в усилении влияния российской церковной эмиграции сыграло указание министра по делам религии о принятии русских священников на приходскую службу в Сербскую Православную Церковь, данное в мае 1920 г. по предложению епископа Нишского Досифея (Васича). В результате около 250 русских пастырей нашли себе приходские места в сербских храмах. Этим российское духовенство оказало Сербской Церкви значительную помощь, возместив ее потери в священнослужителях, погибших в ходе войны.

Важнейшее значение для возрождения почти исчезнувшего в XVIII–XIX вв. сербского женского монашества имел приезд в Сербию в августе 1920 г. по приглашению епископа Досифея 70 сестер русской Лесненской женской обители с чудотворной Лесненской иконой Божией Матери. В ноябре 1920 г. они разместились в пустовавшем монастыре Хопово на Фрушкой горе, где оставались более 20 лет. И если в 1919 г. женские обители в Сербии вообще отсутствовали, то в 1924 г. их было уже четыре с 70 монахинями и 35 послушницами³⁶⁵.

Управлявший русской Западно-Европейской епархией митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал об этом так: «Дело в том, что сербское женское монашество уже давно умерло. За последние века в Сербии не было ни одного женского монастыря, и сербы стали считать это вполне нормальным явлением. “Наши сербские женщины неспособны к монашеству”, — говорили мне некоторые сербы из мирян. Действительность это суждение опровергла, монашество возникло вновь, лишь только появились женщины, способные к организации монастырей. Монастырь в Хопове, куда направили леснинских монахинь, был отдан им не в собственность, а на правах пользования церковным имуществом; так велось хозяйство и в других монастырях в Новой Сербии... Хопово быстро сделалось центром духовно-религиозной жизни. Монастырь стал привлекать паломников, потянулась к нему сербская и русская, главным образом интеллигентная, молодежь... Мать Екатерина, просвещенная и глубоко религиозная игуменья, всегда умела влиять и воодушевлять молодежь, и к ней тоже потянулись юные души, взыскивающие руководства на путях духовной жизни... Она приняла в Хопово несколько сербок. Создалась сербская группа во главе с сербкой м. Меланией; вследствие разности понятий

---

³⁶⁵ Маевский В.А. Лесна-Хопово-Фурке (Подвижницы любви). Сан-Пауло, 1962. С. 44; Преподобная Екатерина Леснинская, наставница современного женского монашества. С. 137, 141.

и нравов слиться с русским монашеским ядром сербки не смогли, к ним прикнуло несколько русских монахинь, и обособившаяся группа основала новый монастырь “Кувеждин”, сербский. Одновременно стараниями епископа Досифея в Нишской епархии организовались кое-где маленькие сербские монастырьки. В одном из них подвизалась м. Диодора, круглый год ходившая босиком. Отсюда женское монашество перекинулось в другие епархии — словом, погибшее в Сербии женское монашество ожило»³⁶⁶.

Уже в марте 1921 г. добрая слава о русских монахинях, поселившихся в Хопово, дошла до митрополита Черногорско-Приморского Гавриила (Дожича), который писал епископу Темишварскому Георгию (Летичу) о трех сербских богомолках, которых он хотел бы поместить в русскую обитель, и просил узнать, «может ли руководство монастыря в Хопово принять этих наших богомолоч?»³⁶⁷

Упомянувшийся митрополитом Евлогием первый сербский женский монастырь Кувеждин на Фрушкой горе возник в октябре 1923 г., когда туда переселились из Хопово 13 сестер (9 русских и 4 сербки) во главе с сербкой игуменией Меланией (Кривокучин), принявшей постриг в Хопово. Другая упомянутая игумения Диодора (Дохторова) в 1924 г. приняла монашеский постриг в Хопово, а в следующем году возглавила новый русско-сербский женский монастырь свв. мчч. Кирика и Иулиты в Цариброде. Среди наиболее известных хоповских сестер, вставших во главе новых сербских обителей, также были: игумения монастыря Петковица Сидония, игумения монастыря Лешак Михаила, игумения Введенского монастыря в Белграде Ангелина (Грачева), игумения монастыря Дивляне Диодора и игумения Темского монастыря Мелитина (Гоголова). Всего хоповские сестры основали около десяти новых женских монастырей, духовные чада игумении Диодоры создали еще три, и к середине 1930-х гг. число православных женских обителей в Югославии достигло 16³⁶⁸.

В заслугах русских монахинь из Хопово в возрождении сербского женского монашества не сомневался ни один свидетель событий или исследователь его

---

³⁶⁶ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 339–340.

³⁶⁷ Преподобная Екатерина Леснинская, наставница современного женского монашества. С. 139.

³⁶⁸ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 129, л. 264–265, д. 730, л. 113; Преподобная Екатерина Леснинская, наставница современного женского монашества. С. 140–141.

истории. Так, например, протоиерей С. Петкович в 1930 г. писал: «Крупный русский монастырь, который следует рассматривать, как центр, из которого выросли первые сербские женские монастыри после Первой мировой войны был основан... в Лесне... в Холмской епархии»³⁶⁹. В конце 1970-х гг. долго живший в Югославии протоиерей Владимир Родзянко в письме экзарху Московского Патриархата в Западной Европе митрополиту Антонию (Мельникову) отмечал, что, когда Леснинский монастырь приехал в Югославию, у Сербской Церкви не было ни одного женского монастыря, а когда уезжал, их осталось 30, и во многих были русские игуменнии: «Одна из них — настоятельница Введенского монастыря под Белградом только что скончалась. Святейший говорил нам о ней с такой любовью! С такой благодарностью! Мы видели этих монахинь: всё переняли от русских, даже форму внешнего поведения»³⁷⁰.

А еще через несколько лет иеромонах Амфилохий (Радович; с 1991 г. — митрополит Черногорско-Приморский) писал: «В нашем современном монашестве вековой опыт русского монашеского общежития соединился с живыми силами нашего вновь одухотворенного народа; результатом этой благословенной встречи и единения является тот факт, что... до сегодняшнего дня число наших монахинь непрерывно возрастало и возрастает... в стране с атеистическим режимом оно растет!.. Возрождаясь духовно, наши монахини возродили и церковные службы. А вместе с ними обновлялись и храмы, строились новые здания, перестраивались старые... Усердное исполнение всех богослужебных правил в женских монастырях, пользование древним церковнославянским языком способствовали сохранению византийско-славянской культуры... Со вниманием и любовью наши женские монастыри стараются сохранить чистоту, дух смирения и простоты в церковном пении... В последнее время в наших монастырях возродилась и византийско-сербская иконопись»³⁷¹. Патриарх Димитрий всемерно способствовал развитию женского монашества.

После кончины святителя Димитрия его преемником 12 апреля 1930 г. был избран митрополит Скопленский Варнава (в миру Петар Росич). Он родился

---

³⁶⁹ Петкович С., прот. Руски женски манастир у Льесни // Братство. Сараево. 1930. № 9. С. 141.

³⁷⁰ Stanford University Special Collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 6, Folder 2.

³⁷¹ Амфилохий (Радович), иером. Значение сербского женского монашества для духовной жизни и просвещения // Православная Русь. Джорданвилл. 1985. № 89. С. 8–9, 12.

в 1880 г. в Черногории в Плевле, получил среднее образование в богословской учительской школе в Призрене и в 1901–1905 гг. учился в Санкт-Петербургской духовной академии, где на 4-м курсе в 1905 г. принял монашеский постриг от своего учителя — ректора академии епископа Сергия (Страгородского, будущего Патриарха Московского и всея Руси) и был возведен в сан иеродиакона и иеромонаха. В своих воспоминаниях Патриарх Варнава писал: «Еще с детства лично я чувствовал громадное стремление к России и своим детским воображением представлял ее величие в самом ярком свете. Мое тяготение к России сложилось, с одной стороны, под влиянием моих набожных родителей, а в сербской семинарии, где я учился, — через русскую литературу и через повествование о покровительстве России моему родному сербскому народу. Мое заветное желание исполнилось, и Господь привел меня кончить в Петрограде духовную академию... Вскоре, после моего пострижения, я вместе со своим духовным отцом побывал в известном на всю Россию Балаамском монастыре... Там вновь мне пришлось убедиться, насколько русский народ предан Церкви и как он почитает монастыри»³⁷².

Из России о. Варнава поехал в Константинополь, где служил учителем и духовником учащихся сербской начальной школы, а также издавал еженедельную «Константинопольскую газету» для сербов, проживавших в Османской империи. Он хорошо знал греческий и турецкий языки, совершил паломнические поездки в Палестину и на Афон. В 1910 г. Священный Синод Константинопольского Патриархата назначил его (как подданного Османской империи) первым сербом — епископом Велешско-Дебарской епархии в Македонии, хиротония состоялась 10 апреля в Константинополе.

Владыка Варнава возглавлял эту епархию до начала Балканских войн 1912–1913 гг. Во время Первой мировой войны он вместе с сербской армией был эвакуирован на остров Корфу, затем в мае 1916 г., по поручению сербского правительства, приехал в Россию для выполнения церковно-дипломатической миссии — возбуждения среди русского народа братского участия к тяжелому политическому положению и материальной нужде, в которых находилась сербская армия и беженцы. В это время владыка провел большую работу

---

³⁷² Патриарх Варнава. Слово о России и русском народе. Сергиевские чтения. Сергиев Посад, 2005. С. 143–144.

по укреплению русско-сербского духовного и военного братства. В 1917 г. епископ Варнава впервые познакомился с пригласившим его в Харьков будущим Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей митрополитом Антонием (Храповицким), тогда архиепископом Харьковским и Ахтырским. Владыка Варнава также был свидетелем начала работы Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. и сослужил будущему Патриарху Московскому и всея России Тихону на Пасхальной заутрене и литургии³⁷³.

Позднее он напишет в воспоминаниях: «В печальные дни государственного переворота, который принес столь великие потрясения для России, — я был там. Я видел своими глазами, как среди доверчивых русских людей ловко действовали в это время всевозможные враги русского народа и Православной Церкви... Всем известны те печальные события, которые разыгрались в России. Тяжело об этом говорить...»³⁷⁴. Вскоре после Октябрьской революции епископ Варнава уехал в Грецию на Салоникский фронт. После окончания Первой мировой войны владыка управлял несколькими епархиями на юге Сербии и в Македонии, активно поддержал восстановление Сербского Патриархата и в ноябре 1920 г. был назначен Архиерейским Синодом митрополитом Скопленским. За десять лет служения в этом сане владыка восстановил в своей епархии многие монастыри и храмы.

Своему избранию святитель Варнава был во многом обязан политической ситуации в стране, где в октябре 1929 г. была установлена военно-монархическая диктатура Александра I, и, в частности, новому закону «О выборах Патриарха Сербской Православной Церкви», принятому в апреле 1930 г., который предоставлял окончательный выбор королю из трех кандидатов, предложенных составленным в равной степени из духовенства и мирян выборным собранием. При этом закон гарантировал места в собрании премьер-министру, всем православным министрам действующего правительства, председателям государственного совета, кассационного суда, Высшей счетной палаты и ректорам университетов. Согласно этому закону, из трех представленных кандидатов Александр I выбрал митрополита Варнаву. Двумя другими, очень влиятельными среди сербского духовенства, соперниками были

---

³⁷³ Маевский В. А. Сербский Патриарх Варнава и его время. Новый Сад, 1931. С. 122–123.

³⁷⁴ Патриарх Варнава. Указ. соч. С. 145.

епископ Николай (Велимирович) и митрополит Гавриил (Дожич). Король ожидал, что, сменив прежнего престарелого, новый деятельный Патриарх укрепит церковную дисциплину, более ощутимым сделает «национальный дух» православия и поддержит унитаристскую национальную политику королевского правительства³⁷⁵.

В значительной степени эти ожидания оправдались. Внутри страны Святейший Патриарх Варнава, выступая за единство «югославского народа», проявлял толерантность к другим конфессиям. На его официальные выступления во время поездок по стране постоянно приглашали неправославных, правда, католики эти призывы, как правило, игнорировали, в отличие от мусульман и иудеев³⁷⁶.

В годы Патриаршества святителя Варнавы произошло существенное обновление церковной жизни: была завершена работа над «Уставом Сербской Православной Церкви» (официально утвержденным 24 ноября 1931 г.), который объединил и привел к единообразию церковные законы различных епархий, и, кроме того, приняты более 40 церковно-административных документов³⁷⁷. В 1931 г. в Югославии для православных граждан страны был введен так называемый патриарший налог (10% государственного налога). Он коснулся и русских эмигрантов, при этом румыны, проживавшие в Югославии и принадлежавшие к Румынской Православной Церкви, в пользу Сербской Церкви налогов не платили³⁷⁸.

Святейший Патриарх Варнава много занимался издательской деятельностью. Среди богословских периодических изданий того времени следует назвать «Вестник Сербской Православной Церкви» («Гласник Српске Православие Цркве»), «Богословие», «Святосаввие — Наследие св. Саввы» («Светосавље»), «Православие», «Христианская жизнь», «Христианская мысль», «Христианское дело», «Духовная стража», «Христианское единство», «Братство», «Защитник Православия» («Православни браник»)

---

³⁷⁵ Politischen Archiv des Auswärtigen Amts Bonn (AA), VIa, R62189; Radić R. Izbor patrijarha Srpske pravoslavne crkve u 20. veke // Istorija 20. veka. 2009. № 1. S. 20; Маевский В.А. Сербский Патриарх Варнава и его время. С. 320–334.

³⁷⁶ АЈ, 14–30–89.

³⁷⁷ Пузович П. Указ. соч. С. 124–125.

³⁷⁸ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 годов. С. 333.

и «Жичский благовестник». Планировалось издание ежедневной газеты Сербской Патриархии. Было восстановлено и построено много храмов, в Белграде в 1935 г. возведено здание Сербской Патриархии и в том же году начато строительство крупнейшего на Балканах собора св. Саввы (завершенного только в 2010-х гг.), в монастыре Раковица открыта синодальная иконописная школа под руководством известного русского иконописца Пимена Максимовича Софронова. В планы Первосвятителя также входило создание Церковной музыкальной академии³⁷⁹.

Патриарх активно участвовал в жизни русской церковной эмиграции, старался помочь преодолеть разделения в ней, а также примирить Зарубежную Русскую Церковь с Московской Патриархией. Святитель Варнава был почитателем митрополита Антония (Храповицкого). Первоиерарх РПЦЗ, в свою очередь, через несколько месяцев после интронизации подарил ему архиерейский жезл, украшенный государственными символами Российской империи, патриаршее облачение и благодарственный адрес в виде толстой позолоченной книги, в которой изъявили свою благодарность около пяти тысяч русских организаций и отдельных персон³⁸⁰.

Известно, что Сербский Патриарх навещал митрополита Антония в последние дни жизни и отпевал его в 1936 г. С 1920-х гг. владыка Варнава старался окружать себя русскими сотрудниками. Так, в частности, его секретарем и биографом после избрания Патриархом работал историк, библиотекарь Патриаршей библиотеки в Белграде Владислав Альбинович Маевский (1893–1975), написавший и выпустивший в 1931 г. книгу «Сербский Патриарх Варнава и его время». В отличие от других сербских архиереев, владыка Варнава официальную переписку с Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви Заграницей всегда вел на русском языке³⁸¹.

При активном участии Сербских Первосвятителей — Дмитрия, а затем и Варнавы с 1927 г. в Белграде возобновилось строительство собора во имя св. блгв. кн. Александра Невского (на месте русской походной часовни

---

³⁷⁹ Косик В.И., Шестаков А.В. Варнава (Росич), Патриарх Сербский // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 648.

³⁸⁰ Правда. Београд. 20.01.1931.

³⁸¹ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 292.

во время войны 1876–1877 гг.). Оно проходило под руководством сербского архитектора Пере Поповича, который внес некоторые изменения в первоначальный проект, и с участием русского архитектора Василия Михайловича Андросова. 23 ноября 1930 г. Святейший Патриарх Варнава освятил новосооруженный храм в присутствии короля Александра I Карагеоргиевича. Собор был возведен в сербско-византийском стиле, иконы для его иконостаса выполнили в мастерской Бориса Александровича Селянко. Король Александр I подарил мраморный иконостас из церкви св. вмч. Георгия с. Оплеца (изготовленный в России еще до Первой мировой войны) и большую икону св. блгв. кн. Александра Невского работы известного польского живописца Яна Матейко. На стенах были укреплены две мраморные доски: одна с надписью «Петру Великому, королю-освободителю», а другая — «Николаю Второму, Царю-Мученику». В памятке, изданной к освящению, говорилось: «Эта церковь из-за братской любви к России посвящается св. Александру Невскому, сыну князя Ярослава, великому боголюбцу»³⁸².

В своей речи на освящении храма Святейший Патриарх Варнава отметил: «Окончание этого сооружения ожидалось в течение нескольких десятилетий, от того момента, когда наши единоверные и единокровные братья русские двинулись из северного Петрограда, с холодных берегов Невы, чтобы прийти на помощь братьям на юге в самые тяжелые минуты их борьбы за свободу и веру православную. Тогда они, согретые духом св. князя Александра Невского... принесли с собою его св. икону и походную церковь, которая, по Промыслу Божиему, была поставлена на этом месте у берега Дуная, где после и воздвигнут сей великолепный храм, опять-таки в память святого русского князя... Сегодняшнее торжество освящения в нашей столице этого храма святого и благоверного князя Александра Невского есть преклонение всех нас, во главе с нашим обожаемым королем, перед этим святым и наша благодарность великому русскому народу, который всегда был на страже наших интересов, нашей Церкви и нашей нации в годы величайших страданий и рабства, а также в решительный час последней борьбы за освобождение и создание нынешней нашей мощной и великой Югославии»³⁸³. В середине 1930-х гг. в южном

---

³⁸² Царский вестник. Белград. 1930. № 120. С. 3.

³⁸³ См.: *Маевский В.А.* Сербский Патриарх Варнава и его время.

клиросе собора был установлен киот в память убиенных российского императора Николая II и югославского короля Александра I Карагеоргиевича.

Святитель Варнава неоднократно публично выражал свои антикоммунистические убеждения. Уже в его интронизационной речи говорилось о «преследуемом антихристами русском православном народе», об освобождении которого необходимо «усердно молиться». Жесткие антикоммунистические высказывания звучали и в последующих обращениях Патриарха к его пастве, например, в Рождественском послании 1936 г.³⁸⁴ Именно к Сербскому Патриарху и к Римскому Папе обратились в январе 1932 г. с нотой несколько десятков тысяч бежавших в Китай из Сибири от коллективизации и раскулачивания крестьян, прося осудить преступления советской власти в отношении русского крестьянства³⁸⁵. Святитель Варнава был почетным председателем Исторического общества памяти государя императора Николая II и Комитета по сооружению храма-памятника царственным мученикам в Брюсселе (завершенного только в 1977 г.).

При этом Патриарх Варнава считал законным главой Русской Православной Церкви проживавшего в Москве Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) и неоднократно оказывал ему поддержку. Так, в 1932 г., после того как глава русской Западно-Европейской епархии митрополит Евлагий (Георгиевский) перешел в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, Сербский Первосвятитель направил Вселенскому Патриарху Фотию письмо, где возмущался его действиями. Через своих делегатов — епископов Бачского Иринейя и Тимочского Емилиана Патриарх Варнава также сделал представление Константинопольскому Патриарху по поводу его канонически неправомерных деяний, «выразившихся во вмешательстве в дела автокефальной Российской Церкви». В это же время святитель Варнава отказался участвовать в намеченном на Афоне Всеправославном совещании, если на нем не будет представлена «Тихоновская» (необновленческая) Русская Церковь³⁸⁶. В 1933–1936 гг. Святейший Патриарх

---

³⁸⁴ *Buchenau K.*, а.а.О., S. 269; *Тальберг Н.* Истинный друг России // Возрождение. 1936. 28 ноября.

³⁸⁵ *Buchenau K.*, а.а.О., S. 267.

³⁸⁶ П-в Х. И Сръбската православна църква осужда противоканоничните действия на Цариградския патриарх // Църковен вестник. 1932 № 17. С. 194–195; *Кострюков А.А.* Русская Зару-

Варнава активно переписывался с митрополитом Сергием, пытаясь предотвратить запрещение архиереев РПЦЗ, однако, когда это не удалось, не смотря на угрозу разрыва со стороны Московской Патриархии, сохранил каноническое общение с ней³⁸⁷.

Подобную, дружественную по отношению к Русской Православной Церкви Заграницей, позицию занимали и многие другие сербские архиереи, прежде всего учившиеся в российских духовных академиях. Так, например, епископ Нишский (будущий митрополит Загребский) Досифей (Васич) в письме от 16 февраля 1927 г. негативно оценивал разрыв митрополита Евлогия (Георгиевского) с РПЦЗ. Сам Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Антоний с особенной симпатией относился к митрополиту Сараевскому Петру (Зимовичу), епископу Пакрацкому Мирону (Николичу) и епископу Вршацкому Викентию (Вуйичу). В качестве убежденного русофила был известен епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир (Раич) и т.д.³⁸⁸

Ведущими религиозными мыслителями Сербской Церкви в XX в. были два ее святых — епископ Николай (Никола Велимирович; 1880–1956) и архимандрит Юстин (Благое Попович, 1894–1978), при этом взгляды обоих имели ярко выраженную прорусскую и антизападную направленность. Владыка Николай родился в с. Лелич (Западная Сербия) в многодетной крестьянской семье. В детстве он был отдан в школу при монастыре Челие, затем окончил гимназию в г. Валево, Белградскую духовную семинарию, Бернский старокатолический университет (1908), философский факультет Оксфордского университета, Санкт-Петербургскую духовную академию (1914) и защитил пять докторских диссертаций. После выздоровления от туберкулеза Никола Велимирович в 1909 г. принял монашеский постриг в монастыре Раковица. В дальнейшем он преподавал в Белградской семинарии. Санкт-Петербургский митрополит Антоний (Вадковский) выхлопотал у российского правительства бесплатное путешествие для иеромонаха Николая по святым местам России, и с тех пор тот ни об одной другой стране мира не вспоминал с такой теплотой

бежная Церковь в 1925–1938 годах. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 519.

³⁸⁷ АЖ, 37–23–182; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 18, л. 94, 162–165.

³⁸⁸ Buchenau K., а.а.О., S. 269, 271.

и любовью³⁸⁹. В 1932 г. он так писал о России: «Совесть наша заставляет нас плакать, когда русские плачут, и радоваться, когда русские радуются. Велик наш долг России. Может человек быть должен человеку, может и народ — народу. Но долг, которым Россия обязала сербский народ в 1914 г., настолько огромен, что его не могут вернуть ни века, ни поколения. Это долг любви, которая с связанными глазами идет на смерть, спасая своего ближнего»³⁹⁰.

В годы Первой мировой войны о. Николай на боевых позициях исповедовал и причащал сербских солдат, почти все свое жалование иеромонах перечислял на нужды раненых. В 1919 г. он был хиротонисан во епископа Жичского, а в 1920 г. переведен на Охридскую кафедру — древний город в Македонии. Здесь, в колыбели славянской письменности, где проповедовали святые братья Кирилл и Мефодий, владыкой Николаем, к тому времени уже зрелым духовным писателем, были созданы его знаменитые произведения: «Молитвы у озера», «Омилие», «Охридский пролог» и другие. В 1920-е гг. он одним из первых заговорил о необходимости почитания расстрелянной в России царской семьи. С 1931 г. владыка Николай служил епископом Охридским и Битольским, а в 1934 г. вновь занял Жичскую кафедру в центральной Сербии. Он также был известен как издатель «Синаксаря, или Житий святых» на сербском языке.

Понимая опасность сектантской пропаганды, епископ в середине 1920-х гг. возглавил «богомильческое движение», которое было призвано привлечь к Церкви массы простых крестьян. Движение богомильцев в 1936 г. насчитывало уже 200 тысяч организованных членов и к тому времени развернуло беспрецедентную в сербской истории миссионерскую деятельность. При этом для богомильцев, помимо славянофильских, были характерны антизападные, а иногда и антисемитские идеи, что находило отражение на страницах их печатных органов: «Христианское единство» («Hrišćanska zajednica», главный редактор Драголюб Миливоевич) и «Миссионер» («Misionar») ³⁹¹.

---

³⁸⁹ *Илия Лимбергер, свц.* Владыка Николай Жичко-Охридский Никола (Велимирович). Святой, философ, поэт // Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей. Мюнхен. 2005. № 1. С. 20–21.

³⁹⁰ *Приймак И.* Голоса Сербии. СПб., 1993. С. 114.

³⁹¹ *Protić A.* Vladika Nikolaj o Judejcima, neprijateljima hrišćanstva i hrišćana. Navodi iz Ohridski prologa. Beograd, 2002. S. 104–108; Buchenau K., a.a.O., S. 459.

Владыка Николай близко к сердцу принимал страдания любимой им Русской Церкви. Так, в 1920-е гг. он писал одному из русских эмигрантов: «Утешься, братик дорогой, Христос воскрес! И мы с тобой плачем, утешься. Все мы, православные, плачем над Святой Христовой Русью... Не спрашивай, за что Господь испытывает Россию, ибо написано: Господь, кого любит, того наказывает... Не ропщи на безбожников, терзающих русский народ. Раньше были монголы, теперь иные. Но и те и другие — идолопоклонники. Монголы поклонялись идолу из материи, теперешние палачи России поклоняются идолу материи... Настала в России великая жатва душ. В эти дни многострадальный русский народ наполняет рай больше, чем любой другой христианский народ на земле». При этом епископ Николай верил, что гонения на Церковь в России относительно скоро прекратятся и истина веры Христовой восторжествует. В письме неправославному священнику он отмечал: «Ни одна революция не завершилась тем, с чего началась. Этому учит нас прошлое. Часто то, что революция низвергает и разрушает, впоследствии торжествует как истина... И очевидно, что и славянская, и мировая миссия России не в том, что происходит там сейчас, но в том, что грядет после революции. Во всяком случае, сегодня крестные муки русского народа принесут миру непреходящую пользу. А сам русский народ выйдет из огня страданий более сильным, святым и славным, чем был прежде»³⁹². Владыка активно участвовал в проведении праздника св. кн. Владимира в Белграде в 1932 г., назвав в эти дни историю России «тернистым путем к Христу»³⁹³.

Архимандрит Юстин (Иустин, в миру Благое Попович) родился 7 апреля 1894 г. в многодетной семье потомственного священника в г. Вранье, в 1914 г. закончил Белградскую духовную семинарию, в период Первой мировой войны служил санитаром в армии, в 1916 г. принял монашеский постриг и в том же году поступил в Петроградскую духовную академию. Революция 1917 г. в России вынудила его уехать для продолжения обучения в Великобританию, где он в 1919 г. закончил теологический факультет Оксфордского университета. В 1919–1921 гг. о. Юстин работал в Афинах над докторской диссертацией «Учение святого Макария Египетского о тайне человеческой личности

---

³⁹² Николай Сербский, *свт.* Миссионерские письма. М., 2003. С. 41–43, 119–121, 401.

³⁹³ Buchenau K., а.а.О., S. 273–274.

и тайне ее познания», которую защитил в 1926 г. С 1921 г. он в качестве доцента преподавал Новый Завет, догматику и патрологию в Духовной семинарии св. Саввы в Сремских Карловцах, начал издавать журнал «Христианская жизнь», в 1922 г. был рукоположен во иеромонаха, а в следующем году издал свой труд «Философия и религия Ф.М. Достоевского». Затем иеромонах был переведен преподавателем в Призренскую духовную семинарию. Отец Юстин был большим почитателем владыки Антония (Храповицкого) и считал себя его учеником³⁹⁴.

В период работы в Сремских Карловцах иеромонах часто посещал митрополита и других русских эмигрантов. Хотя многие сербские архиереи негативно относились к журналу о. Юстина из-за его критичности, владыка Антоний и работники Синодальной канцелярии Русской Православной Церкви Заграницей читали «Христианскую жизнь» с симпатией и старались помочь редактору. Иеромонах Юстин в свою очередь часто писал в журнале о России и охотно предоставлял его страницы для публикаций русских эмигрантов. В статье 1923 г. о. Юстин даже назвал Русскую «Церковь-Мученицу» богочеловеческим явлением в безбожное время³⁹⁵.

В 1930–1931 гг. иеромонах Юстин в качестве помощника епископа занимался миссионерской деятельностью в Прикарпатской и Пряшевской Руси, где происходило возвращение униатов в лоно православия, был выдвинут кандидатом на Мукачевскую епископскую кафедру, но отказался. Затем — с августа 1932 г. о. Юстин преподавал в Битольской духовной семинарии, а с 1934 г. работал профессором догматики и сравнительного богословия богословского факультета Белградского университета. В это время он опубликовал два тома «Догматика Православной Церкви» («Православная философия истины»), в 1938 г. стал одним из основателей Сербского философского общества.

В этот период архимандрит Юстин продолжал поддерживать тесные связи с русскими эмигрантами. В частности, на богословский факультет он был принят благодаря поддержке заведующего кафедрой церковной истории профессора А. Доброклонского. Отец Юстин также дружил с новым Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей митрополитом Анастасием

---

³⁹⁴ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилл, 1988. С. 231.

³⁹⁵ Hrišćanski život. 1923. 7/8. S. 337.

(Грибановским), протоиереем Алексием Нелюбовым, имел тесные связи и со св. иеромонахом (позднее архиепископом) Иоанном (Масимовичем)³⁹⁶.

В 1930-е и последующие годы о. Юстин, которого его последователи называли «совестью Сербской Церкви», написал целый ряд богословских работ: «Православная Церковь и экуменизм», «Толкование на Евангелие от Матфея», «Толкования на послания Ефесянам», «Жизнь монашеская, по святым отцам», «На богочеловеческом пути», «Достоевский о Европе и славянстве», «Житие и труды св. Григория Паламы», пять томов толкований посланий апостола Павла и многие другие. В конце своей жизни он закончил капитальный труд — перевод на сербский язык 12 томов житий святых. В своих трудах архимандрит остро критиковал западную нехристианскую и нечеловечную цивилизацию, заявляя: «Европа минирована вулканическими противоречиями, которые, если не разрешатся, могут вскоре взорваться завтрашним уничтожением европейской культуры». Как отмечал епископ Николай (Велимирович), о. Юстин не предвещал уничтожения европейской культуры, но рыдал без слез над ее могилой, как и великий Достоевский³⁹⁷.

Отношение же к русской церковной эмиграции правительства и значительной части интеллигенции Югославии было гораздо более прохладным, чем православного духовенства. По свидетельству архиепископа Никона (Рклицкого), сербская интеллигенция, из которой и выходили, в основном, государственные чиновники, «была в своем громадном большинстве европейского воспитания, взирала на европейские центры и европейские государства как на образцы для устройства своей страны, в Православной Церкви она видела только одно из проявлений своей прошлой исторической государственности, а к России и ее представителям относилась хотя и с личной симпатией, но считала их отжившими навсегда, как историческое прошлое»³⁹⁸.

Впрочем, для части сербской элиты присутствие в стране многочисленной и интеллектуально активной русской эмиграции являлось желательной поддержкой. Наиболее позитивно к эмигрантам из России относились сербские

---

³⁹⁶ А], 66–86–254; АС, Г/200, I–139/1934, II–44/1936.

³⁹⁷ *Захумско-Герцеговинский Афанасий, еп.* Преподобный Юстин Новый Челийский — житие и чудеса // Вестник Германской епархии РПЦЗ. 2005. № 4. С. 8–9.

³⁹⁸ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5. Нью-Йорк, 1959. С. 30.

националисты, к которым принадлежал и премьер-министр Королевства сербов, хорватов и словенцев в первой половине 1920-х гг. Никола Пашич. Поскольку Российская империя вступила в Первую мировую войну, защищая Сербию, и в результате войны была разрушена, русофилы в сербской элите рассматривали этот факт как определенное самопожертвование России. Но присутствие русской эмиграции положительно оценивалось не только националистами, но и унитаристами, которые до середины 1930-х гг. доминировали на политической сцене и боролись с сербским сепаратизмом ради упрочения югославского единства. В этом плане им была выгодна пропаганда многими русским эмигрантами, в том числе богословами и священнослужителями, идеи славянской солидарности.

Эти настроения разделял и югославский король Александр I Карагеоргиевич, много сделавший для оказания помощи русской эмиграции. Следует упомянуть, что Александр I в 1919 г. единственный из руководителей европейских государств официально признал белое правительство адмирала Колчака³⁹⁹. С глубоким уважением относился король и к Первоиерарху Русской Православной Церкви Заграницей митрополиту Антонию (Храповицкому). Характерный случай в этой связи произошел в начале 1930-х гг. Гуляя по парку, Патриарх Варнава вез в кресле митрополита и случайно встретил короля, который сначала подошел под благословение владыки Антония, а уже затем Сербского Первосвященителя⁴⁰⁰. Активно помогала русским беженцам и сестра Александра I — княгиня Елена Петровна (1884–1962) — вдова князя Иоанна Константиновича Романова (расстрелянного в 1918 г. в России).

Однако 9 октября 1934 г. король Александр был застрелен в г. Марселе, вместе с министром иностранных дел Франции Луи Барту, болгарским боевиком Величко Димитровым, членом террористической организации, связанной с хорватскими усташами. Организация усташей была создана в декабре 1928 — январе 1929 гг. под руководством председателя Хорватской партии права Анте Павелича и вела нелегальную, главным образом террористическую борьбу за создание независимой Хорватии при активной поддержке

---

³⁹⁹ *Йованович М.* Ось Белград — Омск. Почему король Александр признал Колчака // *Родина*. 2003. № 10. С. 92–94.

⁴⁰⁰ Устное сообщение автору сербским историком В. Пузовичем в Белграде 24 июня 2013 г.

фашистской Италии и нацистской Германии. Убийство короля Александра А. Павелич пафосно охарактеризовал как свержение усташским движением «кровавой белградской диктатуры»⁴⁰¹. В свою очередь, после совершения этого акта, в интервью корреспонденту эмигрантской газеты «Царский вестник» Патриарх Варнава заявил, что русские и сербы имеют общих друзей и врагов, а король Александр был убит общими врагами Сербии и России⁴⁰².

В мае 1935 г. к Святейшему Патриарху Варнаве в г. Сремски Карловцы приезжала делегация Англиканской Церкви во главе с епископом Линкольским Хиксом. Входивший в состав делегации каноник Даглас рассказал Патриарху о посвященном положению религии в СССР собрании в лондонском храме св. Мартина, на котором присутствовал и будущий глава Русской Православной Церкви Заграницей архиепископ Анастасий (Грибановский). Выступавший на этом собрании архиепископ Кентерберийский заявил, «что между советской Россией и Британской империей не может быть истинных и дружеских отношений, прежде чем советская Россия не изменит своего отношения к Русской Церкви», после чего в храме были собраны большие пожертвования в пользу русского духовенства. Это сообщение было очень положительно воспринято Патриархом, но к поднятому на переговорах вопросу сближения Православной и Англиканской Церквей он отнесся с большой осторожностью, считая, что апостольское преемство англиканской иерархии не вполне установлено⁴⁰³.

С осени 1935 г. Сербская Православная Церковь решительно сопротивлялась попыткам правительства подписать с Ватиканом конкордат (соглашение), который давал Римско-Католической Церкви большие права и ставил ее в привилегированное положение по сравнению с другими конфессиями. Однако в июне 1937 г. югославское правительство все-таки заключило с Ватиканом конкордат и представило его на ратификацию в скупщину.

Протесты Сербской Православной Церкви поддержали некоторые политические партии и движения, прежде всего националистическая организация

---

⁴⁰¹ Беляков С.С. Усташское движение в межвоенный период (1929–1941) // *Imagines mundi*: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX веков. № 6. Балканистика. Вып. 1. Екатеринбург, 2008. С. 83–84, 88.

⁴⁰² Беседа со святейшим Патриархом Варнавой // *Царский вестник*. 1936. 29 ноября.

⁴⁰³ Маевский В. Русские в Югославии. 1920–1945 годы. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 298–299.

«Збор» под руководством Димитрия Лётича. 19 июля 1937 г., несмотря на запрещение властей, по улицам Белграда прошел многотысячный крестный ход. Полиция получила приказ разогнать его (министр внутренних дел А. Корошек был словенцем по национальности и католиком по вероисповеданию). Произошли массовые столкновения; в результате так называемой Кровавой литии были избиты архиереи, священники и многие миряне, разорваны хоругви, брошены на землю транспаранты и иконы.

23 июля 1937 г. скупщина (парламент) большинством голосов проголосовала за ратификацию конкордата, однако массовое народное возмущение и непримиримая позиция Сербской Церкви вынудили правительство отказаться от дальнейшего продвижения этого проекта — внесения конкордата на утверждение в Сенат. Патриарх Варнава умер 23 июля 1937 г., в день утверждения конкордата в скупщине, при загадочных обстоятельствах, и, по мнению некоторых сербских исследователей, был отравлен католиками⁴⁰⁴. Первосвященник был погребен в церкви св. Саввы на Врачаре в Белграде, построенной в 1935 г. русским архитектором Виктором Лукомским. А 9 октября того же года ратификация конкордата с Ватиканом была отклонена в сербском Сенате.

21 февраля 1938 г. на Соборе Сербской Православной Церкви новым Патриархом был избран митрополит Черногорско-Приморский Гавриил (в миру Джордже (Георгий) Дождич; 1881–1950), в его хиротонии принял участие Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Анастасий (Грибановский). Будущий Патриарх Гавриил V родился 17 мая 1881 г. в княжестве Черногория, в с. Вруйци (Нижняя Морача), начальную школу закончил при Морачском монастыре, продолжил учебу в Белграде и затем поступил послушником в монастырь Липовац под Алексинацем. Монашество Д. Дождич принял 26 февраля 1900 г. в Сичевском монастыре в Сербии, на следующий день был рукоположен во иеродиакона, а через неделю — во иеромонаха. Духовное образование он получил в Богословско-учительской школе в Высоких Дечанах, где остался преподавать. Из Дечан иеромонах Гавриил перешел в монастырь Йошаницу под Ягодином, в 1904 г. был послан в Константинополь на работу в сербскую школу и для изучения греческого языка, а в 1905 г. поступил на богословский факультет Афинского университета, где

---

⁴⁰⁴ Маевский В. Русские в Югославии. 1920–1945 годы. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 649.

в 1909 г. защитил докторскую диссертацию «Православное христианство в Сербии в XVIII веке». В 1910 г. о. Гавриил был назначен главным секретарем братства Хиландарского монастыря на Афоне, затем его после возведения в сан архимандрита отправили в Константинополь, в качестве представителя Сербской Церкви и директора местной сербской школы. 4 декабря 1911 г. состоялась хиротония о. Гавриила во епископа Рашко-Призренского. В ходе Первой Балканской войны территория его епархии была освобождена от турок, а затем переименована в митрополию и архиепископию Печскую, и в 1913 г. владыка Гавриил был избран митрополитом Печским.

После начала Первой мировой войны владыка в качестве председателя черногорского Красного Креста развернул широкую благотворительную деятельность, в частности по рассылке лекарств и продуктов солдатам-черногорцам. Когда в 1915 г. под ударами превосходящих сил Германии, Австро-Венгрии и Болгарии сербская армия и правительство начали отступать через Черногорию и Албанию к Адриатическому морю, владыка Гавриил остался разделить страдания своей паствы. Оккупанты арестовали его в г. Пече и отправили в белградскую тюрьму, затем интернировали в концлагерь венгерского г. Сегед, где он от тяжелых условий жизни и издевательств тяжело заболел, и в 1917 г. был отправлен в черногорский город Ульцинь на Адриатическом побережье под надзором оккупировавших Черногорию австрийцев. После освобождения страны осенью 1918 г. митрополит Гавриил стал депутатом черногорской Великой народной скупщины в Подгорице, принявшей 18 декабря решение о воссоединении Черногории с Сербией. Владыке Гавриилу было поручено представить это постановление регенту Александру. После смерти черногорского митрополита Митрофана (Бана) Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви 17 ноября 1920 г. избрал владыку Гавриила новым митрополитом Черногорско-Приморским⁴⁰⁵.

Как и святитель Варнава, митрополит Гавриил испытывал теплые чувства к Русской Православной Церкви. В частности, получив письмо митрополита Антония (Храповицкого) от 18 октября 1921 г. о предстоящем открытии в следующем месяце Всезарубежного Русского Церковного Собора, он в ответном послании от 18 ноября писал: «Мы — сербы веками привыкли смотреть на

---

⁴⁰⁵ *Батричевић Ђ.* Патријарх Гаврило Дожић и његово доба. Светигора, Цетиње, 2000. С. 23–31.

могучую Россию как на свою покровительницу и общую мать славянских племен, а на любимый и почитаемый великий русский народ как на нашего старшего брата и нашего защитника... Поэтому существует прирожденная любовь и благодарность нашего народа и нашей Церкви к Святой Руси и братскому русскому народу... Мы с христианским состраданием и искренней болью в нашем братском сердце переживаем тяжелую судьбу Святой Руси и великого русского народа и непрестанно в своих молитвах обращаемся к Господу Богу, прося Его о милости — избавить Святую Православную Россию от грозных испытаний, в которых она находится уже 4 года. Мы имеем непоколебимую надежду на Бога и твердую уверенность в великой душе русского народа... Будьте уверены, что наша Отчизна, которая так тяжело пострадала и столько жертв принесла за свою свободу и независимость, примет Вашу работу с братским сочувствием и симпатией и готова оказать Вашей святой идее мощную поддержку, которая бы способствовала успешной деятельности русских единоплеменников, нашедших на нашей земле братский прием и гостеприимство». Владыка Гавриил выразил сожаление, что не сможет лично участвовать в заседаниях Собора, и пожелал ему успешной работы⁴⁰⁶.

9 февраля 1922 г. митрополит Гавриил написал циркуляр окружным протоиереям и приходским наместникам своей епархии о необходимости осуществить сбор пожертвований братскому русскому народу, который массово умирает от голода в России, «ценя незабываемые заслуги и большую помощь, которую великий и братский русский народ всегда оказывал нашему народу и нашей Церкви». Владыка поручил энергично довести циркуляр до сведения подведомственного духовенства и произвести сборы пожертвований, которые выслать в консисторию в Цетинье для дальнейшей пересылки в Россию⁴⁰⁷.

После восстановления Сербского Патриархата митрополит Гавриил активно содействовал принятию закона и уложения о Сербской Православной Церкви и разработке ее структуры. В качестве представителя Сербской Церкви он участвовал в работе Всеправославного совещания 1923 г. в Константинополе.

---

⁴⁰⁶ *Патријарх Српски Гаврило Дожић*. Живимо у светињ и слободи. Изобрани списи, посланице, беседе, акта, писма и записи. Цетинье — Београд, 2010. С. 555–556.

⁴⁰⁷ Там же. С. 557.

Владыка способствовал исправлению неудовлетворительного финансового положения духовенства, для чего учредил Фонд митрополита Черногорско-Приморского Гавриила для улучшения образования и введения плодотворного пастырского служения в епархии, Фонд епископа Рады для пастырских целей и Фонд помощи нуждающимся студентам богословского факультета из Черногории и Приморья. Уже после избрания владыки Гавриила Патриархом по его инициативе были построены библиотека в Патриаршей резиденции в Сремских Карловцах и в 1940 г. — дом для студентов богословского факультета Белградского университета в квартале Карабурма⁴⁰⁸.

При новом Патриархе продолжало развиваться монашество. В середине 1930-х гг. в Сербской Церкви было 180 мужских монастырей с 400 монахами и послушниками и 16 женских обителей с 260 насельницами, а в начале 1941 г. число мужских монастырей достигло 210 с 797 насельниками, количество же женских обителей составило 27 с 286 монахинями и 111 послушницами⁴⁰⁹. В «Сербском церковном календаре» на 1941 г. приводились и другие количественные данные Сербского Патриархата: 7 555 274 верующих, 3 митрополита, 19 епископов, 3356 приходских священников, 4 157 храмов, 179 часовен, 443 братства и другие церковные организации, 1 богословский факультет, 5 семинарий и 1 монашеская школа⁴¹⁰. При этом сербов в стране насчитывалось 6 173 тысяч человек, и вместе с черногорцами (340 тысяч) они составляли 41, 14% населения Югославии⁴¹¹.

Таким образом, в межвоенный период Сербская Православная Церковь динамично развивалась: заметный подъем переживало духовное образование, после многих десятилетий стагнации начали расти мужские обители, произошло возрождение женского монашества, активно развивались церковная архитектура, иконописание и т.д. В то же время внутри Церкви нарастали противоречия между ортодоксально, антизападно ориентированным епископатом и значительной частью приходского духовенства, стоявшей

---

⁴⁰⁸ Пузович П. Указ. соч. С. 126–127.

⁴⁰⁹ Маевский В.А. Лесна-Хопово-Фурке (Подвижницы любви). С. 44; Преподобная Екатерина Леснинская, наставница современного женского монашества. С. 137, 141.

⁴¹⁰ Православная Русь. Ладомирова. 1941. № 4. С. 6.

⁴¹¹ Цветковић Д. Страдање цивила независне државе хрватске у логору Јасеновац. Београд, 2003. С. 160.

на модернистских реформаторских позициях. При этом экуменические связи Сербского Патриархата постоянно расширялись.

23 марта 1941 г. Святейший Патриарх Гавриил посетил регента князя Павла, категорически высказался против присоединения страны к Тройственному пакту, от имени Синода передал меморандум о негативных последствиях его подписания, и даже, по некоторым сведениям, потребовал, чтобы князь отказался от власти, если он не может сопротивляться требованиям Германии⁴¹². Используя различных политиков, регент пытался склонить Патриарха на свою сторону, но безуспешно. 25 марта, под давлением немцев, Югославия все-таки присоединилась к Тройственному пакту, что было расценено населением как предательство национальных интересов. Многие сербы и черногорцы вышли на улицы, протестуя против профашистского курса правительства Д. Цветковича и князя Павла. Святейший Патриарх Гавриил, епископ Николай (Велимирович) и ряд других православных иерархов поддержали эти протесты.

И уже 27 марта произошел активно поддержанный широкими массами народа и Сербской Церковью государственный военный переворот, в результате которого регент князь Павел был свергнут, и королем провозглашен молодой престолонаследник — 18-летний Петр II Карагеоргиевич, немедленно разорвавший Тройственный пакт. Премьер-министр Д. Цветкович и другие министры его кабинета были арестованы, и во главе нового правительства встал руководитель переворота командующий военно-воздушными силами генерал Душан Симович. Той же ночью регент князь Павел вместе с семьей покинул Югославию и через Грецию бежал в Кению (после Второй мировой войны он переселился в Париж). Белградцы бурно одобрили эти события, некоторые немецкие учреждения были разгромлены и подожжены толпой, ряд сотрудников германского посольства избиты, в адрес посла раздавались угрозы и ругательства.

Святейший Патриарх Гавриил, вероятно, был посвящен в подробности предстоящего переворота и полностью одобрял его. Накануне решающих событий в Белграде было созвано чрезвычайное заседание Архиерейского Собора, причем сербских иерархов приглашали телеграфным путем прибыть в столицу в течение 24 часов. В день переворота 27 марта — в 9 часов утра

---

⁴¹² *Маевский В.* Русские в Югославии. 1920–1945 годы. Т. 2. С. 255–256.

состоялось предварительное заседание Синода, а затем и Архиерейского Собора. Вскоре перед зданием Патриархии появилась толпа демонстрантов, приветствовавшая Первосвятителя, который с балкона благословил их и произнес горячую речь, в которой явно одобрил политические перемены в стране. Затем Святейший Патриарх Гавриил выступил по радио в поддержку участников переворота. 30 марта генерал Д. Симович посетил Первосвятителя, который представил ему членов Архиерейского Собора и от имени всех прибывших в Белград иерархов преподал благословение новому правительству. 2 апреля Патриарх принял военного министра генерала Илича и в тот же день сам нанес визит Симовичу⁴¹³.

5 апреля 1941 г. был подписан договор о дружбе и ненападении Югославии с СССР, но это не смогло предотвратить агрессию Германии и ее союзников (Италии и Венгрии). Уже в день переворота состоялось совещание верховного командования вермахта, на котором Гитлер заявил, что он не собирается ждать заверений лояльности со стороны правительства Симовича, и приказал «провести всю необходимую подготовку к уничтожению Югославии как военной и политической силы, к уничтожению с беспощадной суровостью и молниеносностью»⁴¹⁴. Начавшаяся вскоре война обернулась большими бедствиями для Сербской Православной Церкви.

2. Болгарская Православная Церковь

Принятие христианства в Болгарии произошло около 865 г., в правление св. князя (царя) Бориса (в крещении Михаила). С 870 г. Болгарская Церковь в виде автономной архиепископии находилась в юрисдикции Константинопольского Патриархата. В 919 г. по личному решению царя Симеона Великого она стала называться Патриархатом, а в октябре 927 г. Константинополь официально признал Патриарший титул предстоятеля Болгарской Православной Церкви владыки Дамиана при заключении мирного договора Византией с царем Петром. Завоевание Болгарии Византийской империей в 1018 г. повлекло

---

⁴¹³ Маевский В. Русские в Югославии. 1920–1945 годы. Т. 2. С. 256–257.

⁴¹⁴ Пилько Н.С. Политика нацистской Германии по отношению к немецкому национальному меньшинству в Словении в конце 1930 — начале 1940-х годов. // Славяноведение. 2008. № 1. С. 53.

за собой временную ликвидацию Болгарского Патриархата, но через несколько десятилетий после возникновения в 1187 г. 2-го Болгарского царства, в 1235 г. Болгарский (в то время так называемый Тырновский) Патриархат был восстановлен и признан всеми другими Православными Поместными Церквями. В 1393–1396 гг. болгарские земли завоевала Османская империя, последний Тырновский Патриарх свт. Евфимий в 1404 г. скончался в изгнании, и в 1410-е гг. все болгарские христиане вновь — теперь на несколько столетий попали под духовную юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Уже в конце X–XI вв. возникли тесные связи между Болгарской и Русской Церквями. Об этом, в частности, можно судить по русским спискам XI–XII вв. христианских произведений болгарских ранне- и средневековых школ (Остромирово Евангелие, Учительное Евангелие Константина Преславского, Изборник Святослава, Слово священномученика Ипполита, епископа Римского).

Связи между Болгарской и Русской Церквями полностью не прерывались даже во время османского владычества в Болгарии. С XVI в. Российское государство регулярно посещали болгарские иерархи, настоятели монастырей и другие представители духовенства. Одним из них был Тырновский митрополит Дионисий (Рали), доставивший в Москву решение Константинопольского Собора 1590 г. об учреждении в России Патриаршества. Игумены Рильского, Преображенского, Лясковского, Билинского и ряда других монастырей в XVI–XVIII вв. просили у Московских Патриархов и государей средства на возобновление пострадавших от нападений обителей и защиту от притеснений турок. Во время правления императора Петра I поездки в Россию за пожертвованиями на восстановление своих обителей совершили игумен Преображенского монастыря (1712), архимандрит Лясковского монастыря (1718) и др. Помимо щедрых денежных милостыней на монастыри и храмы из России в Болгарию привозили славянские книги, прежде всего духовного содержания, не дававшие угаснуть церковной жизни и национальному самосознанию болгарского народа⁴¹⁵.

После начала в 1820-е гг. борьбы болгарского духовенства за церковную независимость от Константинопольского Патриархата Россия, относясь

---

⁴¹⁵ Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Болгарская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. V. М., 2002 С. 629.

с сочувствием к болгарскому народному движению, не поддержала эту борьбу, так как в основе российской политики на Ближнем Востоке тогда лежал принцип единства православия. Большинство русских иерархов в первой половине — середине века не принимали идею автокефалии Болгарской Церкви. Лишь архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов) защищал права болгар на восстановление Патриаршества. Митрополит Московский святитель Филарет (Дроздов) считал необходимым, чтобы Константинопольская Патриархия предоставила болгарам возможность свободно молиться Богу на родном языке и «иметь единоплеменное духовенство», но отвергал идею о независимой Болгарской Церкви. В разгар болгарско-греческого противостояния по вопросу о церковной самостоятельности Российский Святейший Синод в послании Константинопольскому Патриарху Григорию от 19 апреля 1869 г. выразил мнение, что до известной степени правы обе стороны — и Константинополь, хранящий церковное единство, и болгары, законно стремящиеся иметь национальную иерархию⁴¹⁶.

Современная история Болгарской Православной Церкви началась 27 февраля 1870 г. — в этот день фирманом турецкого султана Абдул-Азиза она была восстановлена в форме автономного экзархата, устав которого был принят в феврале 1871 г. на I Церковном Народном Соборе в Константинополе. Управление духовно-религиозными делами всецело предоставлялось Болгарскому экзарху, который был наделен и некоторыми светскими обязанностями, как представитель болгар перед султаном и иностранными державами, особенно в том, что касалось духовности и культуры. За исключением 16, перечисленных в 10-й статье фирмана болгарских епархий (Рушук, Силистра, Шумен, Тырнов, София, Вране, Ловча, Видин, Ниш, Пирот, Кюстендил, Самоков, Велес, Преслав, Варна, Пловдив), во всех «смешанных» епархиях с греко-болгарским населением вопрос о будущем устройстве Церкви

---

⁴¹⁶ Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Болгарская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. V. М., 2002. С. 631; Снегаров И. Взаимоотношения Болгарской и Русской Православных Церквей до и после провозглашения схизмы (1872) // Годишник на Духовната Академия. София. 1952. Т. 2 (27). С. 201–207; См.: Василий Верюжский, прот. Болгарская Православная Церковь в XIX веке. Л., 1949–1950. Рукопись; Его же. Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы // ЖМП. 1948. № 7. С. 23–32, № 11. С. 47–59.

подлежал урегулированию на основе местных референдумов с учетом этнической принадлежности большинства населения. Согласно указанной статье фирмана, территории, две трети жителей которых выскажутся против подчинения Константинопольскому Патриарху, после соответствующего расследования должны быть включены в состав Болгарского экзархата (используя эту статью, болгары уже к 1875 г. добились объединения в рамках экзархата почти всех этнически болгарских областей)⁴¹⁷.

Таким образом, оставался открытым вопрос о принадлежности к новой, стремящейся к автокефалии Церкви, ряда епархий, на которые претендовал и Вселенский Патриархат. В результате возник острый конфликт, Константинопольский Патриархат объявил указ недействительным и подал османскому правительству жалобу, которая осталась без результата. Затем Синод и Собор Константинопольского Патриархата 16 сентября 1872 г. принял акт о наложении схизмы на Болгарскую Православную Церковь, что привело к почти полной изоляции экзархата в межцерковных отношениях⁴¹⁸.

Впрочем, действия Вселенского Патриархата не встретили единодушной поддержки в православном мире. Постановление Константинопольского Собора не признал законным Иерусалимский Патриарх Кирилл, большие разногласия это решение вызвало и в Антиохийской Церкви. В определенной степени поддерживали болгар Сербская, Румынская и Российская Православная Церковь, от которых Болгарская Церковь впоследствии получало святое миро⁴¹⁹.

Первым Болгарским экзархом 12 февраля 1872 г. был избран епископ Ловечский Иларион, но из-за политического давления со стороны турок и части болгар ему пришлось через несколько дней подать в отставку. 16 февраля 1872 г. новым экзархом стал митрополит Видинский Анфим I (Чальков;

---

⁴¹⁷ Македония. Сборник документов и материалов. София, 1980. С. 268–272; Лилуашвили К.С. Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978. С. 150–151.

⁴¹⁸ Сабев Т. Болгарская Православная Церковь в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 96.

⁴¹⁹ Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. Т. 1. М., 1994. С. 263; Бойкичева К.-А. Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк. София, 2005. С. 155, 166, 167, 169.

1816–1888). После разгрома антитурецкого Апрельского восстания 1876 г. экзарх Анфим I пытался добиться от османского правительства смягчения репрессий в отношении болгар. В то же время он обратился к главам европейских держав с меморандумом, в котором говорилось о жестокостях турок над побежденными болгарами, и с просьбой к митрополиту Санкт-Петербургскому Исидору — ходатайствовать перед императором Александром II об освобождении болгар. Османское правительство добилось низложения отказавшего опровергнуть свои заявления Анфима I, которое произошло 12 апреля 1877 г. Через несколько месяцев — 17 июля за пророссийскую позицию он был заключен в тюрьму в г. Ангоре (современной Анкаре) и вышел на свободу только в мае 1878 г. в результате Русско-турецкой войны⁴²⁰. 24 апреля 1877 г. экзархом был избран митрополит Ловечский Иосиф I (Йовчев; 1840–1915), возглавлявший Болгарскую Церковь почти сорок лет.

Сразу же после вынесения постановления Константинопольского Собора 1872 г. Болгарский экзарх Анфим I обратился с посланием к предстоятелям Поместных Православных Церквей, в котором не признавал законным и справедливым наложение схизмы, поскольку Болгарская Церковь сохраняла неизменную преданность Православию. Святейший Правительствующий Синод Российской Православной Церкви не ответил на это послание, но и не присоединился и к акту Константинопольского Собора, оставив без ответа послание Вселенского Патриарха Анфима VI о провозглашении схизмы. Против признания отлучения активно выступил преосвященный Макарий (Булгаков), в то время архиепископ Литовский, считавший, что болгары отделились не от Вселенской Православной Церкви, а только от Константинопольского Патриархата, и канонические основания для признания Болгарского экзархата не отличаются от тех, по которым в XVIII в. произошло подчинение Константинополю Охридского и Печского Патриархатов, также узаконенное указом султана. Архиепископ Макарий высказался за сохранение братских отношений Российской Православной Церкви с Константинопольским Патриархатом, что, однако, не обязывало, как он считал, признавать болгар схизматиками⁴²¹.

---

⁴²⁰ Панченко К.А. Анфим I. // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 719–720.

⁴²¹ Снегарев И. Указ. соч. С. 208–210.

Стремясь сохранять нейтрально-примирительную позицию в разгоревшемся конфликте, Российский Святейший Синод предпринял ряд мер, направленных на преодоление изоляции Болгарской Церкви, тем самым считая недостаточными причины для признания ее раскольнической. В то же время в целом отношение Российской Православной Церкви к Болгарскому экзархату до 1917 г. было довольно противоречивым. Святейший Синод не признавал схизму 1872 г., о чем заявил в 1878 г., и с 1880 г. до 1915 г. снабжал Болгарскую Церковь святым миром, но избегал евхаристического общения с ней, официально допускались лишь совместные молебны. При этом во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. российские военные священники многократно совершали богослужения вместе с болгарскими священнослужителями, в связи с чем Константинопольская Патриархия заявила протест. Российский Святейший Синод составил довольно резкий ответ с указанием, что акт о наложении схизмы на Болгарскую Православную Церковь принял не Вселенский Собор, а Собор Константинопольского Патриархата, и поэтому его исполнение не обязательно для других Православных Поместных Церквей. Ответ был отправлен российскому посланнику в Константинополе с рекомендацией самому определить, вручать его Константинопольскому Патриарху или нет, смотря по обстоятельствам. В итоге Послание Святейшего Синода так и не было передано.

В 1902 г. было совершено совместное освящение русскими и болгарскими священнослужителями Рождественского храма-памятника российским воинам на Шипке (в том числе митрополитом Старо-Загорским Мефодием). Кроме того, болгарские духовные лица, являясь учащимися российских духовных академий, по приглашению русских священнослужителей участвовали в совершении литургии соответственно своему духовному сану. Вплоть до 1918 г. болгары получали высшее духовное образование преимущественно в российских академиях, и основная часть высшего болгарского клира была их воспитанниками. Например, только в Киевской духовной академии в 1887 г. обучалось 7, а в 1897 г. — 11 болгар.

Российский император Николай II в 1901 г. отпустил из своих личных средств 3 тысячи рублей золотом на строительство в Софии болгарского храма св. мч. Николая Софийского. Когда болгарские и русские священнослужители при предстоятельстве митрополита Доростоло-Червенского Василия

в ноябре 1914 г. совместно освятили российский посольский храм свт. Николая Чудотворца в Софии, Вселенский Патриарх Герман в письме от 20 января 1915 г. выразил протест Святейшему Синоду, на что вскоре последовал ответ, что Российская Церковь схизму 1872 г. не подписывала и считает себя свободной в своих отношениях с Болгарской Церковью⁴²².

Однако, принимая во внимание позицию Константинопольского Патриархата, Российская Православная Церковь не поддерживала полного канонического общения с Болгарским экзархатом. Так, например, митрополит Московский Макарий (Булгаков), исполняя предписания Святейшего Синода, не допустил к богослужению 15 августа 1879 г. митрополита Видинского Анфима (бывшего экзарха Болгарии) и епископа Браницкого Климента (будущего митрополита Тырновского), прибывших в Россию для выражения признательности болгарского народа за освобождение от турецкого ига. Митрополит Варненский Симеон, прибывший во главе болгарской государственной делегации по случаю восшествия на престол императора Александра III в мае 1883 г., совершил в Санкт-Петербурге панихиду по почившему государю Александру II без участия русского духовенства. В 1895 г. митрополит Тырновский Климент был любезно принят Санкт-Петербургским митрополитом Палладием, но и в этот раз не имел евхаристического общения с русским духовенством⁴²³.

После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., завершившейся освобождением значительной части Болгарии, согласно решениям Берлинского конгресса 13 июля 1878 г., территория Болгарского экзархата была разделена между четырьмя государствами: княжеством Болгария, Турцией, Сербией и Румынией. Однако большинство болгар расценивали границы экзархата как линии, отмечающие территорию их будущего государства. Так Болгарская Православная Церковь стала основным средством сохранения единства болгар (без учета их гражданства) и восстановления значительно более обширных границ страны в рамках Сан-Стефановского мирного договора от 3 марта 1878 г., превратив это в национальную идею.

---

⁴²² Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 697, отд. 1, ст. 1, д. 292; Бойкикева К.-А. Указ. соч. С. 166–167.

⁴²³ Иван Христов, прот. Русско-болгарские церковные отношения в годы болгарской схизмы // ЖМП. 1976. № 8. С. 45–51; Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Указ. соч. С. 633–634.

Данная ситуация нашла отражение и в так называемой Тырновской конституции страны, принятой в апреле 1879 г. на заседании Первого Учредительного Народного Собрания в г. Велико-Тырново; в ней граница болгарской церковной области различались от государственной. Согласно 39-й статье конституции, Болгарская Православная Церковь в княжестве Болгария и в пределах Османской империи сохранялась единой и неделимой. На практике церковное управление в Болгарии и на территории Османской империи было разделено и в значительной степени развивалось независимо друг от друга, поскольку турецкие власти не разрешали архиереям из княжества напрямую участвовать в управлении экзархатом. Лишь в 1908 г. экзарх впервые получил возможность сформировать законный Священный Синод.

Кафедра экзарха и после политического освобождения Болгарии осталась в Константинополе (Стамбуле), где в 1898 г. был освящен «железный» храм св. Стефана. Митрополит Иосиф не хотел потерять влияния на полтора — два миллиона болгар, оставшихся проживать на территории Османской империи. С 1890 г. экзархат издавал в Константинополе собственный журнал «Новины», с 1898 по 1912 г. выходивший под названием «Вести».

До 1912 г. в состав Болгарского экзархата вошли семь епархий во главе с митрополитами, а также девять епархий, управляемых наместниками экзарха: восемь в Македонии — Костурская, Леринская (Могленская), Боденская, Солунская, Поленинская (Кукушская), Серская, Мелникская, Драмская и одна в Восточной Фракии — Одринская. В княжестве Болгария первоначально существовали следующие епархии: Софийская, Самоковская, Кюстендилская, Врачанская, Видинская, Ловчанская, Тырновская, Доростоло-Червенская и Варненско-Преславская. После, в 1885 г., объединения княжества Болгария и Восточной Румелии к ним прибавились Пловдивская и Сливенская епархии, в 1896 г. была учреждена Старо-Загорская епархия, а после Балканских войн 1912–1913 гг. к Болгарии отошла также Неврокопская епархия. В некоторых епархиях княжества Болгария одновременно имелось по два митрополита. Согласно уставу 1871 г., несколько епархий подлежали ликвидации после кончины их митрополитов. Так, к Софийской епархии были присоединены территории упраздненных Кюстендилской (1884) и Самоковской (1907) епархий. Третьей ликвидированной должна была стать Ловчанская епархия, титульным митрополитом которой являлся экзарх Иосиф I, однако

ему удалось добиться разрешения на сохранение этой епархии и после его кончины⁴²⁴.

В Пловдиве, Созополе, Анхиале, Месемврии и Варне наряду с болгарскими иерархами находились греческие митрополиты, подчиненные Константинопольскому Патриархату. Это противоречило 39-й статье Тырновской конституции и вызывало раздражение болгарской паствы, порой приводя к острым конфликтам. Греческие митрополиты оставались в Болгарии до 1906 г., когда местное население, возмущенное жестокими репрессиями греческих властей против славян в Македонии, захватило храмы, где служили эти архиереи, и добилось их выселки⁴²⁵.

На территории княжества Болгария в начале XX в. было 1987 храмов, 1992 клирика (только двое из них имели высшее богословское образование) и 104 монастыря, из которых самыми известными были Рильский (основанный в X в.), Бачковский (XI в.) и Троянский (основанный в XVII в.). Кроме того, в Македонии и Одринской епархии в состав экзархата входили 1600 храмов и часовен, 73 монастыря и 1310 клириков⁴²⁶.

После освобождения страны Болгарская Православная Церковь активно заботилась о развитии учебного дела и подготовке своих будущих пастырей, открывая семинарии и богословско-пастырские курсы. Еще в 1872–1874 гг. в г. Лясковце, в монастыре, было создано духовное училище, преобразованное в дальнейшем в Духовную семинарию свв. апп. Петра и Павла. В 1875–1876 гг. открылась богословская школа в г. Самокове, в 1884 г., по инициативе экзарха Йосифа I, — духовные училища в г. Прилепе в Македонии и в г. Адрианополе (Одрине, Эдирне) во Фракии. С 1852 по 1918 гг. действовала монашеская школа в Рильском монастыре, переведенная в 1919–1920 гг. в Троянский монастырь. В 1906–1920 гг. существовала церковно-певческая, а в 1910–1926 гг. — начальная священническая школа в Бачковском монастыре (в ней изучали богослужебный устав). В 1901 г. при значительной финансовой помощи митрополита Видинского Кирилла был построен внушительный комплекс зданий для созданной на основе переведенной из Самокова богословской

---

⁴²⁴ Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Указ. соч. С. 635.

⁴²⁵ Бойкикева К.-А. Указ. соч. С. 162–163.

⁴²⁶ Сабев Т. Указ. соч. С. 97–98.

школы Софийской духовной семинарии. По уровню своего обучения Софийская семинария св. Иоанна Рильского считалась престижным учебным заведением, в ней обучались и люди со светским уклоном, стремившиеся получить хорошее образование и подготовку.

В 1891 г. в Константинополь из Адрианополя (Эдирне, Одрина) перевели болгарское Духовное училище, которое в 1897 г. усилиями экзарха Иосифа было преобразовано в Цареградскую духовную семинарию свв. Кирилла и Мефодия. Ее первым ректором стал архимандрит Мефодий (Жусев), получивший образование в России. В 1900–1913 гг. Цареградскую семинарию окончили 200 человек, часть выпускников продолжила образование, в основном в российских духовных академиях (она перестала действовать в 1913 г. в связи со Второй Балканской войной и в 1915 г. оказалась переведена из Константинополя в г. Пловдив). Болгарская Православная Церковь неоднократно ставила вопрос перед правительством об открытии богословского факультета при Софийском университете, однако это произошло только в 1923 г. До Крымской войны 1850-х гг. болгары получали высшее духовное образование в основном в Высшей школе Вселенской Патриархии на острове Халки или в Афинах, а после окончания войны начали поступать в русские духовные учебные заведения. И с этого времени, как уже говорилось, болгарских священнослужителей посылали для обучения преимущественно в российские семинарии и академии. К 1910-м гг. основную часть болгарских архиереев уже составляли их выпускники.

В Болгарии активно возводились новые храмы, в том числе были построены кафедральные соборы в нескольких городах. Особенно важным событием в истории Болгарской Церкви в этом плане стало строительство храма-памятника святого благоверного великого князя Александра Невского в Софии, воздвигнутого в память освобождения Болгарии от турецкого ига, и царя-освободителя императора Александра II (в настоящее время Патриаршего кафедрального собора). Храм был построен по волеизъявлению и на средства болгарского народа в знак признательности русскому народу за освобождение в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 13 апреля 1879 г. на заседании Первого Учредительного Народного Собрания в г. Велико-Тырново, выработавшего и принявшего Тырновскую конституцию, видный болгарский общественный и государственный деятель П.С. Каравелов предложил

воздвигнуть храм-памятник в честь освобождения Болгарии и посвятить его русскому святому — великому князю Александру Невскому, небесному покровителю российского императора Александра II. Это предложение было единодушно принято и для его осуществления избран комитет во главе с председателем — епископом Климентом (в миру писатель Васил Друмев, впоследствии митрополит Тырновский). 26 февраля 1881 г. была образована Центральная строительная комиссия с комитетом при ней, который 1 июня 1882 г. обратился с воззванием о сборе средств к болгарскому народу, освобожденному от пятивекового турецкого рабства русскими братьями-славянами, потерявшими в этой войне около 250 тысяч солдат.

19 февраля 1882 г. на самом высоком месте в центре Софии была совершена закладка храма. В 1883 г. для составления проекта и для руководства строительными работами был приглашен российский академик архитектуры из Петербурга И.С. Богомолов. Но ориентированное на Австро-Венгрию и Германию правительство немецких принцев Александра Баттенберга (1879–1886) и Фердинанда I Кобургского (1887–1894) всячески тормозило осуществление проекта. Лишь в 1895 г. дружески настроенное к России правительство К. Стоилова вновь подняло вопрос о постройке храма. К тому времени И.С. Богомолов умер, и вместо него был приглашен другой российский архитектор из Петербурга, профессор Академии художеств А.Н. Померанцев, уже построивший русский храм-памятник Рождества Христова у подножия исторического Шипкинского перевала в Болгарии. А.Н. Померанцеву было предложено переработать проект И.С. Богомолова и воздвигнуть более обширный и величественный храм, который внешним видом отвечал бы своему высокому назначению, а в архитектурном отношении отражал характерные черты древнеболгарского зодчества. Из-за несогласия сторон по некоторым административным и техническим вопросам переговоры затянулись, подписание проекта состоялось лишь 31 марта 1904 г.

Земляные работы были начаты 5 августа 1904 г., а общее строительство собора было закончено в 1912 г., во время Первой Балканской войны. Работами руководили помощники А.Н. Померанцева — российские архитекторы А.А. Яковлев и А.Н. Смирнов. С болгарской стороны в строительстве приняли участие архитекторы П. Момчилов, Ю. Миранов, Я. Шамарджиев, Т. Петров, инженер Г. Лазарев и др. В украшении Александро-Невского собора,

создании иконостаса и написании икон участвовали многие выдающиеся русские и болгарские художники: В.М. Васнецов, П.Е. Мясоедов, В.Е. Савинский, Н.А. Бруни, М. Судковский, А.А. Киселев, А.М. Корин, А.Н. Новоскольцев, В.Т. Перминов, Х. Тачев, А. Митов, Г. Желязков, И. Мрквичка и др. Из-за последующих политических потрясений завершение работ и освящение собора затянулось и состоялось только в 1924 г.⁴²⁷

Помимо возведения новых храмов, в ставшей независимой Болгарии печаталась духовная литература, выходила церковная периодика. С 1901 г. начался синодальный перевод Библии на новоболгарский язык, который был закончен в 1919 г. Церковь также стремилась заниматься духовно-нравственным воспитанием болгарского народа. Особенно активно работали с молодежью следующие митрополиты: Старо-Загорский Мефодий (Кусевич), Видинский Неофит, Скопский Неофит, Охридский Борис и Неврокопский Борис.

При значительной финансовой и политической помощи Болгарии экзархат решал задачи просвещения и укрепления национального самосознания болгар, оставшихся на территории Османской империи. Экзарху Иосифу удалось добиться восстановления школ, закрытых здесь в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Значительную роль играли общество «Просвещение», основанное в 1880 г. в Салониках (Солуни, Фессалониках), и «Училищное попечительство» — созданный в 1882 г. комитет по организации просветительской деятельности, вскоре преобразованный в отдел школ при Болгарском экзархате. В Салониках в 1880–1882 гг. были основаны имевшие большое значение в духовной жизни края болгарские мужская гимназия во имя свв. Кирилла и Мефодия и женская Благовещенская гимназия. Для болгарского населения Восточной Фракии центром просвещения стала открытая в 1891 г. мужская гимназия им. П. Берона в Эдирне (Одрине). До 1913 г. в Македонии и в Адрианопольском (Одринском) вилайете Болгарский экзархат имел 1373 учебных заведения (школ и гимназий) с 2266 учителями и 78 854 учениками⁴²⁸.

---

⁴²⁷ Калиганов И.И., Крашенинникова Н.Н. Александра Невского собор в Софии // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 550–551; Игнатъев А. Патриарший собор св. Александра Невского в Софии // ЖМП. 1964. № 1. С. 34–40; Стоянов Б. Храм-памятник «Святой Александр Невский» и его благовест: К 100-летию освящения // ЖМП. 1974. № 9. С. 50–53.

⁴²⁸ Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Указ. соч. С. 635.

При этом Македония в конце XIX — начале XX вв. была полем борьбы нескольких церковных юрисдикций. Сразу же после образования в 1870 г. Болгарского экзархата начался переход в него из Константинопольского Патриархата значительной части православного населения края. Кроме того, в целях ослабления позиций греков и болгар, в которых османские власти усматривали своих основных противников, они стали поддерживать в Македонии сербское церковное влияние. В результате ее северо-западная часть оказалась «полем борьбы» между сербами и болгарами. Таким образом, православное население края разделилось на патриархистов («грекоманов» и «сербоманов») и экзархистов («болгароманов»). В 1900 г., согласно статистике экзархата, в Македонии проживало 2170 тысяч человек, среди них 1179,5 тысяч болгароязычных жителей (говорящих на местных болгаро-македонских диалектах), подавляющее большинство из которых являлось экзархистами — 817 тысяч, но также имелось 76 736 сербоманов и более 250 тысяч грекоманов (в крае жили и 4 тысячи русских). В это же время в Адрианопольском (Одринском) вилайете проживало 229,2 тысяч болгар-экзархистов и 51 808 болгар-патриархистов⁴²⁹.

Экзарх Иосиф так сформулировал задачи своей деятельности в 1900 г.: «Прибрать под свое ведомство всех болгар в вилайетах Европейской Турции, развить у них сознание и любовь к своей народности и языку и культивировать у них всенародный идеал: все болгары, проникнутые единым духом, едиными стремлениями и единой верой, сплоченные под крылом праотеческой своей Церкви и образующие одно здоровое и упругое тело, способны отстоять и сохранить свою индивидуальность при любом развитии событий в империи»⁴³⁰.

В 1902 г. болгарское правительство, стремясь облегчить получение денежного займа, пошло на уступку, связанную с вопросом о назначении сербского епископа Фирмилиана на пост митрополита в главный македонский г. Скопье (Скопле, Ускюбе) вместо скончавшегося греческого архиерея. Турецкий султан Абдул-Хамид II, проводивший в отношении христианских народов Османской

---

⁴²⁹ *Лабаври Д.О.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 годах: идеология, программа, практика политической борьбы. София, 2008. С. 47–52.

⁴³⁰ *Петров П., Темелски Х.* Църква и църковен живот в Македония. София, 2003. С. 111.

империи политику «разделяй и властвуй», настоял на назначении митрополитом владыки Фирмилиана указом Константинопольской Патриархии⁴³¹.

Существовавшее в Македонии в конце XIX — начале XX вв. болгарское национальное движение было представлено четырьмя самостоятельными институтами — княжеством Болгария, экзархатом, внутренней македонско-одринской революционной организацией (ВМОРО) и верховным македонско-одринским комитетом (ВМОК), координировавшими свою деятельность. При этом с середины 1890-х гг. постепенно происходило снижение роли экзархийского (клерикально-консервативного) крыла, легальной сети церковно-просветительских учреждений и рост влияния радикально-демократического (революционного) крыла в развитии этого движения, что привело к восстанию 1903 г., подавленному турецкими войсками⁴³². Однако влияние Болгарского экзархата в Македонии накануне Балканских войн 1912–1913 гг. все же оставалось очень сильным — к нему в крае принадлежало 1180 церквей⁴³³.

Неспокойная ситуация на территории Османской империи (восстания, репрессии против славянского населения) побуждала многих православных священнослужителей переселяться в Болгарию, оставляя своих пасомых без духовного руководства. Возмущенный этим, экзарх Иосиф I 10 февраля 1912 г. издал окружное послание, запрещавшее митрополитам и управляющим епархиями разрешать подчиненным им священникам покидать свои приходы и переселяться на территорию Болгарии. Сам экзарх, несмотря на возможность переехать в Софию, несколько десятилетий оставался в Константинополе.

При этом светские власти Болгарии постоянно стремились вытеснить Православную Церковь на периферию общественной жизни. Так, в 1880–1881 гг. министр иностранных дел и исповеданий Д. Цанков, не поставив в известность Священный Синод, попытался ввести «Временные правила» духовного управления христианами, мусульманами и евреями, что было расценено архиереями во главе с экзархом Иосифом I как вмешательство светской власти в дела Церкви. Иосиф I был вынужден приехать в Софию, где

---

⁴³¹ Болгария в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. Е.А. Валева. М., 2003. С. 18–19, 22, 28.

⁴³² См.: Арnaudов М. Живот и дейност на екзарх Йосиф. София, 1965; *Экзарх Йосиф. Писма и доклади*. София, 1994.

⁴³³ См.: Болгария в XX веке: Очерки политической истории.

оставался с 18 мая 1881 до 5 сентября 1882 г. В результате 4 февраля 1883 г. вступил в силу «Устав экзархата, приспособленный для княжества», выработанный на основе устава 1871 г. В 1890 и 1891 гг. в него были внесены дополнения, а 13 января 1895 г. был утвержден новый устав, дополненный в 1897 и 1900 гг. Согласно этим законам, Церковью в Болгарском княжестве управлял Священный Синод, состоящий из всех митрополитов (на практике постоянно заседали только четыре архиерея, избиравшиеся на четыре года). Экзарх Иосиф I управлял Церковью в княжестве через своего наместника («делегата») в Софии, который должен был избираться митрополитами княжества с одобрения экзарха. Первым наместником экзарха стал митрополит Доростоло-Червенский Григорий, за которым последовали митрополиты Варненско-Преславский Симеон, Тырновский Климент, Доростоло-Червенский Григорий (повторно), Самоковский Досифей и Доростоло-Червенский Василий. До 1894 г. постоянные заседания Синода не проводились, затем он функционировал регулярно, рассматривая все текущие вопросы, касавшиеся управления Церковью в свободной Болгарии.

Во время правления князя Александра I Баттенберга (1879–1886) органы государственной власти редко вступали в конфликты с Болгарской Церковью. Ситуация изменилась в правление (1887–1918) князя, с 1908 г. царя, Фердинанда I Кобургского, католика по вероисповеданию. Наместник экзарха митрополит Тырновский Климент по указанию премьер-министра С. Стамболова был объявлен проводником крайнего русофильства и в декабре 1887 г. выслан из столицы. Острый конфликт разгорелся в 1888–1889 гг. по вопросу о поминовении за богослужением имени князя как болгарского государя, причем оказались разорваны отношения между правительством и Синодом, а митрополиты Врачанский Кирилл и Тырновский Климент в 1889 г. были привлечены к судебной ответственности. Только в июне 1890 г. архиереи приняли предложенную правительством формулу поминовения Фердинанда I.

В 1892 г. в связи с браком князя правительство предприняло попытку, проигнорировав Синод, изменить 38-ю статью Тырновской конституции таким образом, чтобы и преемник Фердинанда I мог быть неправославным. В ответ печатный орган экзархата газета «Новини» начала публикацию статей с критикой болгарских светских властей. В ответ правительство С. Стамболова

приостановило выделение субсидий на церковные нужды и пригрозило отделением Церкви княжества Болгария от экзархата. Великий визир Османской империи встал на сторону болгарского правительства, и экзарх, поставленный в безвыходное положение, был вынужден прекратить газетную кампанию. Впрочем, вскоре Фердинад I, решивший нормализовать отношения с Россией, приказал освободить Тырновского митрополита Климента и объявил о своем согласии на переход наследника престола князя Бориса (будущего царя Бориса III) в православие. 2 февраля 1896 г. в Софии в кафедральном храме Святой Недели экзарх Иосиф I совершил таинство Миропомазания наследника⁴³⁴.

5 октября 1908 г. в г. Велико-Тырново (столице Второго Болгарского царства) в церкви Святых Сорока Мучеников состоялось провозглашение независимости Болгарии, при этом страна была объявлена царством, а Фердинанд I — «царем болгар». Тырновский митрополит Климент (Друмев) торжественно короновал его царской короной⁴³⁵.

Следует отметить, что в целом после освобождения Болгарии влияние и значение Церкви в государстве постепенно снижались. В политической сфере ее оттеснили на задний план, в сфере культуры и просвещения главную роль стали играть светские государственные институты. Большею частью малограмотное духовенство с трудом могло адаптироваться к новым условиям (в 1905 г. в Болгарии было 1992 священника, из которых всего два имели высшее богословское образование, а очень многие — лишь начальное). В 1906 г. учительские профсоюзы добились от министра просвещения И. Шишманова, чтобы предмет вероучение вели учителя, а не приходские священники или лица с богословским образованием. В 1913–1914 гг. правительство В. Радо-славова посягнуло на финансовую автономию Церкви и т.д.⁴³⁶

В период существования Балканского военного союза 1912 г. и подготовки Первой Балканской войны Вселенская Патриархия несколько смягчила свое отношение к Болгарскому экзархату. На великом входе во время совершения литургии 12 ноября 1912 г., отслуженной в Константинопольском храме

---

⁴³⁴ Косик В.И., *Темелски Хр., Турилов А.А.* Указ. соч. С. 635–636.

⁴³⁵ Болгария в XX веке: Очерки политической истории. С. 32.

⁴³⁶ Бойкикева К.-А. Указ. соч. С. 163–164.

в присутствии болгарского престолонаследника князя Бориса, Вселенский Патриарх впервые помянул болгарского царя и весь царствующий дом. Тогда же впервые осуществлялись тайные посреднические контакты между Константинопольской Патриархией и Болгарским экзархатом⁴³⁷.

Во время двух Балканских войн 1912–1913 гг. некоторые болгарские мусульмане (так называемые помаки) пожелали возвратиться к своей праотеческой христианской вере и принять крещение. Так как в это дело вмешались болгарские военные и политические власти в освобожденных землях, экзархия отнеслась настороженно к быстрому крещению помаков, однако направила в эти области своих миссионеров. В свою очередь Святейший Синод Российской Православной Церкви послал в Болгарию утварь для 150 новых храмов и часовен в освобожденных болгарских землях. Некоторые болгарские помаки на турецкой военной службе тоже пожелали принять крещение. Среди новообращенных были и новомученики. Так, в 1913 г. приняли православную веру и были повешены за это турками братья Борис и Серафим Родопские, 85-летний старик Христо Колюский, женщина Стана, миряне Христо, Стою и другие⁴³⁸.

Поражение Болгарии во Второй Балканской (так называемой Межсоюзнической) войне летом 1913 г., закрепленное текстами Бухарестского (10 августа 1913 г.) и Стамбульского (29 сентября 1913 г.) мирных договоров было воспринято в стране как «первая национальная катастрофа»⁴³⁹. Это поражение привело и к значительному сокращению территории экзархата: Охридская, Битольская, Велесская, Дабарская и Скопленская епархии отошли к юрисдикции Сербской Православной Церкви, Солунская (Фессалоникийская) — Эладской Православной Церкви, а приходы в Южной Добрудже — Румынской Православной Церкви. Во всех этих местах были закрыты болгарские школы, изгнаны архиереи и частично высланы болгарские священники и учителя. В подчинении Болгарского экзархата за пределами Болгарии осталась лишь Маронийская епархия в Западной Фракии (с центром в Гюмюрджине). Экзарх Иосиф I сохранил паству главным образом

---

⁴³⁷ Църковен вестник. 28.01.1912, 25.11.1912.

⁴³⁸ Бойкичева К.-А. Указ. соч. С. 164–165.

⁴³⁹ Болгария в XX веке: Очерки политической истории. С. 43.

в Константинополе, Адрианополе (Одрине, Эдирне) и Лозенграде и в 1913 г. принял решение перенести свою кафедру в Софию, но на берегах Босфора было оставлено наместничество, которым до его ликвидации в 1945 г. управляли болгарские архиереи. Оставшееся в Эгейской Фракии и Македонии болгарское духовенство преследовалось и нередко подвергалось избиениям, а управлявший Солунской епархией в качестве наместника экзархата архимандрит Евлогий был даже 2 июля 1913 г. заколот штыками и сброшен в море греками. Экзарх Иосиф, после своего возвращения в Софию, единственный из всех болгарских общественных деятелей смело высказал царю Фердинанду обвинение в «безумной политике» и заявил о его личной вине за разгром болгарского национального дела⁴⁴⁰.

После поражения 1913 г. болгарское правительство ориентировалось на Австро-Венгрию, в связи с чем начало кампанию за унию с Римско-Католической Церковью. Австро-венгерский посол Паллавичини незадолго до кончины экзарха Иосифа пришел к нему с предложением, чтобы Болгарская Церковь приняла унию. Однако Первоиерарх отослал его со словами: «Какая дерзость!» 19 декабря 1913 г. экзарх Иосиф и Священный Синод обратились с увещательным посланием к болгарскому народу, призывая его не падать духом и не отчаиваться, но с упованием на Господа твердо держаться спасительной православной веры и не поддаваться никаким коварным призывам отказаться от нее. Это было последнее послание и завет болгарскому народу экзарха Иосифа, 3 июля 1915 г. он скончался.

После кончины владыки Иосифа I новый экзарх избран не был, и Болгарская Православная Церковь 30 лет управлялась Священным Синодом во главе с наместниками-председателями — местоблюстителями, которыми, как правило, являлись старейшие по рукоположению архиереи: в 1915–1916 гг. — митрополит Софийский Парфений, в 1919–1920 гг. — митрополит Доростоло-Червенский Василий, в 1920–1927 гг. — митрополит Пловдивский Максим, в 1927–1930 гг. — митрополит Врачанский Климент и в 1930–1944 гг. — митрополит Видинский Неофит. Главной причиной неизбрания экзарха после смерти Иосифа I была неустойчивость правительственного национально-политического курса. Вместе с тем существовали различные

---

⁴⁴⁰ Бойкичева К.-А. Указ. соч. С. 165.

мнения о порядке замещения кафедр экзархата и Софийской митрополии: должно ли их занимать одно лицо или их следует разделить. Таким образом, на протяжении трех десятилетий Болгарская Церковь оставалась лишенной своего Предстоятеля.

Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг., в которую Болгария вступила в 1915 г. на стороне Германии, вместе с болгарскими войсками в Македонию и в Эгейскую Фракию вернулись на свои прежние кафедры и болгарские архиереи, однако после поражения коалиции противников Антанты осенью 1918 г. они вновь были вынуждены покинуть эти епархии. Сотни тысяч беженцев устремились в Болгарию. По договору, подписанному в пригороде Парижа Нёйи-сюр-Сен 27 ноября 1919 г., Болгарская Церковь потеряла большую часть Струмицкой епархии в Македонии и некоторые пограничные округа Софийской епархии, а по Севрскому (1920) и Лозаннскому (1923) договорам — отошедшую к Греции Маронийскую епархию с кафедрой в Гюмюрджине в Западной (Эгейской, Беломорской) Фракии. В результате экзархат сохранил за пределами страны лишь Одринскую (Адрианопольскую) и соседнюю временную Лозенградскую (ныне г. Кыркларели) епархии в турецкой части Восточной Фракии. Томосом 1920 г. Вселенская Патриархия передала епархии в Македонии Сербской Православной Церкви. Взамен Сербская Церковь выплатила Константинопольской Патриархии 1500 тысяч швейцарских франков⁴⁴¹.

Условия договора в Нёйи-сюр-Сен болгарская общественность восприняла как «вторую национальную катастрофу». Крушение национального идеала вызвало глубокий духовный кризис в обществе. Часть интеллигенции увлеклась болгарским вариантом теософии — дыновизмом, получившим название по имени его основателя, недоучившегося врача, сына священника Петра Дынова. В 1919 г. в церковной среде возникло добросамарянство — профанация христианства на хилиастической основе в националистическом духе, имевшее успех среди простого народа. Значительное распространение в стране получили левые, в том числе коммунистические идеи. В мае 1920 — июне 1923 гг. у власти находилось левое правительство Болгарского земледельческого народного союза во главе с А. Стамболийским.

---

⁴⁴¹ Петров П., Темелски Х. Указ. соч. С. 145.

В 1923 г. вспыхнул острый гражданский конфликт, наиболее ярким проявлением которого стал террористический акт в кафедральном соборе Святой Недели в Софии. Храм был взорван коммунистами, при этом погибло 150 человек. Кроме того, страна находилась в экономическом кризисе из-за тяжелых потерь в войнах и наложенных на Болгарию огромных репараций.

В атмосфере общественного смятения, охватившего народ после трех войн — двух Балканских и Первой мировой, Болгарская Православная Церковь старалась поднять религиозный уровень народа через деятельную жизнь приходских или других церковных обществ, развитие монашества и т.п. В частности, подготовкой монахинь — бывших учительниц в качестве проповедниц среди народа активно занимался архимандрит Стефан (Абаджиев) в монастыре св. Иоанна Рильского в дер. Курило Софийской епархии⁴⁴². Создавались христианские общества молодежи, церковные хоры, проводились миссионерские проповеди по всей стране. В 1920–1930-е гг. заметно усилился приток болгарских паломников на Святую Землю, который, по свидетельству иностранных журналистов в Палестине, занял место прекратившегося после начала Первой мировой войны притока русских паломников⁴⁴³.

В эти трудные для нее годы Болгарская Православная Церковь прилагала значительные усилия для развития духовного учебного дела. Она содержала две семинарии: Софийскую и Пловдивскую, организовывала богословско-пастырские курсы для повышения квалификации священников, при этом существовавшая в 1921–1935 гг. в Черепишском монастыре школа переросла в Богословско-пастырский институт, действовавший до 1948 гг. Во время и сразу после окончания Первой мировой войны болгарские богословы в основном обучались в Черновицком университете (Северная Буковина, принадлежавшая до 1918 г. Австро-Венгрии, а затем Румынии), некоторые потом специализировались в Оксфорде, Гейдельберге или в Старокатолическом университете Берна, куда их посылали по протекции Софийского митрополита Стефана. Но в сентябре 1923 г., после многократных ходатайств Священного Синода перед государством, наконец начал работу богословский

---

⁴⁴² См.: *Кръстева О.* Ставропигиално женско монашеско братство «Бял Кръст» // Известия на Държавните архиви. № 79. София, 2001.

⁴⁴³ *Бойкичева К.-А.* Указ. соч. С. 173–174.

факультет Софийского университета, на котором в основном преподавали воспитанники российских духовных академий⁴⁴⁴.

Идея открытия богословского факультета в Болгарии родилась еще перед освобождением Болгарии от турецкого ига, но особенно остро необходимость в высокообразованных богословах и пастырях встала в период образования Болгарского экзархата в 1870 г. В это время обсуждалось предложение по организации Болгарского университета в Константинополе, но отсутствие средств, преподавательских кадров, а также политические события (восстание 1876 г., освободительная Русско-турецкая война 1877–1878 гг.) не позволили ее реализовать. Как уже говорилось, представители Болгарской Церкви получали высшее богословское образование в основном в российских духовных академиях. Первые серьезные шаги в деле открытия богословского факультета в Софии оказались сделаны в 1908 г.: Священный Синод Болгарской Церкви подал прошение в Министерство исповеданий, и после долгой переписки разрешение было получено. Но Первая мировая война не позволила реализовать и это решение. Наконец, в законе о народном просвещении, принятом Болгарским Народным собранием в июле 1921 г., предусматривалось открытие в Софийском университете богословского факультета с 8 кафедрами: Священного Писания Ветхого Завета, Священного Писания Нового Завета, систематического богословия, истории религий и истории христианства, церковной археологии и литургики, пастырского богословия и патристики, церковного права, гомилетики. Законом предусматривалось, что первые три профессора новооткрытого факультета должны быть избраны ученым советом университета⁴⁴⁵.

В ноябре 1922 г. ученый совет назначил профессором кафедры систематического богословия доктора богословия архимандрита Евфимия (Сапунджиева), выпускника Киевской духовной академии, в январе 1923 г. профессором кафедры церковного права — протопресвитера доктора богословия и права Стефана Цанкова, а профессором по кафедре Священного Писания Нового Завета — переехавшего из Белграда протопресвитера Александра Рождественского. Основателем факультета фактически был его первый

---

⁴⁴⁴ Бойкичева К.-А. Указ. соч. С. 172–173.

⁴⁴⁵ Държавен вестник. 21.07.1921.

декан — выпускник Черновицкого и Цюрихского университетов протопресвитер Стефан Цанков — один из крупнейших православных богословов первой половины XX в.⁴⁴⁶

Весной 1923 г. ученый совет факультета сформулировал следующие задачи богословского образования: 1) подготовка достойных священно- и церковнослужителей для Болгарской Православной Церкви; 2) развитие и распространение православной богословской науки; 3) поддержка духовного просвещения в целом. Учебные занятия на богословском факультете начались в сентябре 1923 г.⁴⁴⁷ При этом Болгарская Церковь пригласила преподавать нескольких известных русских богословов: Н.Н. Глубоковского, протопресвитера Александра Рождественского, М.Э. Поснова, протопресвитера Георгия Шавельского. И вскоре богословский факультет Софийского университета стал элитным духовным учебным заведением. Правда, существенное влияние на жизнь факультета оказывали возникшие на Западе церковные течения, прежде всего экуменическое движение. Как преподавательская, так и студенческая среда была разделена на два противоборствующих лагеря: «либералов» («западников»), которых возглавляли декан профессор протопресвитер Стефан Цанков и профессор Д. Дюльгеров, и «консерваторов» («русофилов») во главе с архимандритом Евфимием (Сапунджиевым)⁴⁴⁸.

После окончания войны возобновилось церковное строительство, его вершиной стал освященный 12 сентября 1924 г. митрополитом Пловдивским Максимом храм-памятник святого благоверного великого князя Александра Невского в Софии, воздвигнутый в память освобождения Болгарии от турецкого ига и царя-освободителя императора Александра II. В 1915 г. недоброжелательно настроенный по отношению к России царь Фердинанд воспротивился, чтобы строящийся храм носил имя русского святого, и собор был переименован во имя свв. Кирилла и Мефодия, заменены памятные доски,

---

⁴⁴⁶ *Сухова Н.Ю.* Русские богословские школы за рубежом: сохранение традиции и поиск нового (1920–1940) // XVIII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2008. С. 268.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ *Ефимов А.Б., Ковальская Е.Ю.* Протоиерей Всеволод Шпиллер в Болгарии и его возвращение в Россию (новые биографические материалы) // Люди и судьбы Русского зарубежья. Сборник статей. М., 2011. С. 59.

изменено расположение икон. Однако в 1919 г., после отречения Фердинанда от престола и его отъезда из Болгарии, Священный Синод обратился к правительству с просьбой отменить решение о переименовании собора, и вскоре Народное собрание возвратило храму первоначальное наименование⁴⁴⁹.

В начале 1920-х гг. произошло возвращение к национальным художественным традициям: внимание болгарских художников привлекли древняя иконопись, фресковая живопись, резьба по дереву, народные художественные промыслы. Музейные экспозиции активно пополнялись предметами церковной утвари, с особым вниманием изучались произведения православного искусства Болгарии в основанной в 1921 г. Академии художеств. В 1920–1930-е гг. также активно проводились работы по украшению уже построенных храмов, свидетельствовавшие о возникновении художественной школы, отличительной чертой которой было возвращение к старинным образцам. Среди наиболее известных художников того времени следует назвать Д. Бакальски, Г. Богданова, К. Йорданова, М. Малецки, Н. Ростовцева, Д. Узунова и др.⁴⁵⁰

После окончания Первой мировой войны возникло движение за проведение реформ в Болгарской Церкви, которые позволили бы расширить роль мирян, в том числе женщин, и усовершенствовать соборную систему церковного управления. Среди участников движения были как рядовые священнослужители и миряне, так и часть архиереев, однако некоторые его представители выступали за изменения облачения духовенства, литургического языка (введение болгарского вместо церковнославянского), церковного календаря, образования и тому подобного по западным протестантским образцам.

Полагая, что в новых исторических условиях реформы в Церкви необходимы, Священный Синод 6 ноября 1919 г. принял решение приступить к изменению устава экзархата и уведомил об этом главу находившегося тогда у власти в Болгарии левого правительства А. Стамболийского, одобрявшего эту инициативу. Синодом была назначена специальная комиссия под председательством митрополита Варненско-Преславского Симеона. Однако под влиянием группы богословов во главе с Х. Враговым, П. Черняевым

---

⁴⁴⁹ *Игнатъев А.* Указ. соч. С. 38–40.

⁴⁵⁰ *Филева А.* Болгария. Архитектура и изобразительное искусство после 1878 года. // Православная энциклопедия. Т. V. М., 2002. С. 610.

и архимандритом Стефаном (Абаджиевым) А. Стамболийский, не поставив в известность Священный Синод и комиссию, 15 сентября 1920 г. внес в Народное собрание законопроект об изменении устава экзархата, который был принят и утвержден царским указом. Согласно этому закону, Синод был обязан в двухмесячный срок завершить подготовку устава и созвать Церковный Народный Собор. В ответ болгарские иерархи в декабре 1920 г. собрали Архиерейский Собор, выработавший «Проект изменения закона о созыве Церковного Народного Собора». Возник острый конфликт между Священным Синодом и правительством А. Стамболийского (конфисковавшим к тому же часть церковной собственности). Государственные власти дали распоряжение военным прокурорам привлечь непокорных архиереев к судебной ответственности. Над членами Синода даже нависла угроза их ареста и замены неким «Временным церковным управлением», но этого не произошло⁴⁵¹.

Ценой многих усилий и компромиссов противоречия были несколько сглажены, состоялись выборы делегатов II Церковного Народного Собора, среди которых были и представители Македонии — беженцы-священники и миряне. Собор был открыт в феврале 1921 г. в софийской церкви Святых Седмочисленников в присутствии царя Бориса III и работал около года — до февраля 1922 г. под сильным давлением правительства А. Стамболийского. Согласно разработанному в ходе заседаний новому уставу экзархата, Церковный Народный Собор рассматривался как высший законодательный орган Болгарской Православной Церкви. Устав представлял собой подробное и систематическое изложение болгарского церковного права; высшим принципом церковного управления объявлялось соборное начало, т.е. участие в управлении священников и мирян на всех уровнях при сохранении первенствующего положения архиереев⁴⁵².

Устав был утвержден Архиерейским Собором и 24 января 1923 г. одобрен Народным собранием (болгарским парламентом), но так и остался неутвержденным из-за резкого изменения политической ситуации в стране. После свержения в результате государственного переворота 9 июня 1923 г. правительства А. Стамболийского реформа устава ограничилась законодательными

---

⁴⁵¹ Сабев Т. Указ. соч. С. 100.

⁴⁵² Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Указ. соч. С. 636–637.

распоряжениями, которыми в прежний устав был внесен ряд поправок, в основном о составе Священного Синода и выборах экзарха. В дальнейшем, вплоть до 1939 г., Болгарская Церковь неоднократно предпринимала попытки внести рассмотрение нового церковного устава в повестку дня Народного собрания, однако они не увенчались успехом. При этом Синод сам нарушал действовавший устав, не созывая, как это полагалось, каждые четыре года Церковные Соборы⁴⁵³.

Послевоенные условия давали Болгарской Православной Церкви возможность освободиться от неопределенных обязанностей «гаранта национального единства» и «защитницы национально-религиозного пространства», однако этого не произошло. Одной из причин неудачи переговоров с Константинопольской Патриархией о ликвидации схизмы при посредничестве Иерусалимского Патриарха в 1931 и 1936 гг. был отказ Болгарской Церкви признать подчинение юрисдикции Вселенского и Сербского Патриархатов фактически отошедших от экзархата епархий, а также официально перенести кафедру экзарха из Стамбула в Софию.

Некоторые из членов Болгарского Священного Синода даже предлагали изменить название Болгарская Православная Церковь на Православная Болгарская Церковь, полагая, что это смещение акцента позволит проживавшим в соседних странах этническим болгарам сохранить связи с экзархатом, который стремился защитить их права. Таким образом, национальные приоритеты у болгарских иерархов еще преобладали над каноническими, что способствовало продолжению изоляции экзархата от остальной части православного мира.

Лишь три Православные Церкви к началу Второй мировой войны установили евхаристическое общение с Болгарским экзархатом: в 1923 г. (окончательно в 1933 г.) — Румынская, в 1924 г. — Зарубежная Русская и в 1930 г. — Сербская. Румынская Православная Церковь посланием от 12 декабря 1923 г. уведомила болгарский Священный Синод о том, что она решила войти в полные официальные и богослужебные отношения с Болгарской Православной Церковью. В 1926–1928 гг. Румынская Церковь пыталась быть посредницей в установлении связей между Вселенской Патриархией и Болгарской Православной Церковью, но без особого успеха. С 1922 г. Румынская Церковь

---

⁴⁵³ Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Указ. соч. С. 637–638.

снабжала Болгарский экзархат святым миром, а с 1933 г. вошла в полное евхаристическое общение с ней.

Особенно активно в 1920–1930-е гг. развивались связи с Сербской Православной Церковью. Именно она в лице некоторых своих иерархов первая вступила в богослужebное общение с Болгарским экзархатом. Так, эмигрировавший из Сербии по политическим причинам Белградский митрополит Михаил, проживавший некоторое время в Рильском монастыре, в 1883 г. участвовал в хиротонии болгарского иеродиакона. В 1927 г. сербский делегат на Балканской конференции Церквей Нови-Садский епископ Иринея совершил литургию совместно с болгарским духовенством в храме св. кн. Александра Невского в Софии. В 1937 г. в этом же храме была отслужена литургия тремя сербскими иерархами — митрополитом Нишским Досифеем, митрополитом Охридским Николаем (Велмировичем) и епископом Нови-Садским Иринеем совместно с болгарскими архиереями. Кроме того, в октябре 1939 г. Сербская Православная Церковь отпустила Болгарской экзархии 25 литров святого мира. В том же году два болгарских митрополита участвовали в закладке храма св. Саввы в Белграде, а в апреле 1940 г. Болгарский Синод подарил Сербскому 0,5 кг розового масла для предстоящего мироосвящения⁴⁵⁴.

С благословения Софийского митрополита Парфения 20 и 23 ноября 1911 г. в храме Вознесения Господня (Святого Спаса) в Софии клирик Вселенской Патриархии албанский иеромонах, позднее первый албанский епископ, Фан Ноли отслужил две литургии на албанском языке. При этом на литургии 23 ноября присутствовал владыка Парфений.

Благожелательно относилась к Болгарской Церкви и Иерусалимская Православная Церковь. Иерусалимский Патриарх Дамиан летом 1930 г. предложил свое посредничество в деле примирения Болгарской Церкви с Константинопольским Патриархатом. На Предсоборном присутствии Православных Церквей в Ватопедском монастыре на Афоне в октябре 1930 г. именно Иерусалимская Патриархия была определена посредником между Вселенским Патриархатом и Болгарским экзархатом. При ее посредничестве

---

⁴⁵⁴ См.: *Епископ Макариополски Николай*. Светото Мирно. София, 1956; *Елдров С.* Православието на война. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София, 2004. С. 256.

впервые с 1872 г. возобновилась официальная связь между ними. В апреле 1931 г. в Иерусалиме состоялись переговоры между Синодом Иерусалимской Патриархии и уполномоченным представителем Болгарского Священного Синода епископом Стобийским Борисом (позднее митрополитом Неврокопским) и были выработаны условия примирения между Вселенской Патриархией и Болгарской Церковью, которые позднее — в 1945 г. послужили основанием для снятия схизмы. В 1936 г. переговоры продолжились, однако дальнейшие сложные политические события отложили на девять лет окончательное разрешение болгаро-греческого церковного конфликта⁴⁵⁵.

Многовековые связи Болгарской и Русской Церквей сохранялись и после Октябрьской революции 1917 г. Так, в 1922 г. Болгарский Синод определил внести в ектеньи, произносимые во время совершения литургии, моления о благостоянии Российской Православной Церкви и всего русского народа. В 1920–1930-е гг., несмотря на настоятельные просьбы польских властей, Болгарский Синод решительно отказался признать автокефалию Польской Православной Церкви и сделал это, лишь получив согласие Московской Патриархии в 1948 г.

Следует отметить, что до окончания Первой мировой войны Болгарская Церковь мало занималась благотворительной и просветительской деятельностью, так как главное внимание уделялось поддержанию церковных связей с болгарскими в Македонии и Фракии. Это во многом стало причиной заметного роста в стране числа католиков и протестантов, которые первыми создали церковные благотворительные учреждения. Только с 1930-х гг. Православная Церковь начала обращать внимание на указанную деятельность. Приходские общины стали оказывать значительную помощь бедным, голодающим, сиротам и престарелым, организовывались летние детские лагеря при монастырях и т.д. Весной 1941 г. слушателями основанных в 1940 г. в Пловдиве миссионерских курсов было создано миссионерское общество св. апостола Павла, одной из главных целей которого являлась борьба с сектантской пропагандой. Значительную роль в духовной и просветительской работе играли православные братства⁴⁵⁶.

---

⁴⁵⁵ См.: *Снегаров И.* Отношения между Българската Православна Църква и другите Православни Църкви след провъзгласяването на схизмата // Църковен архив. Кн. III–IV. София, 1929; *Бойкичева К.-А.* Указ. соч. С. 169–170.

⁴⁵⁶ Гласник. Београд. 1941. № 5. С. 117.

Как уже говорилось, с начала XX в. Православная Церковь осуществляла перевод Библии на современный болгарский язык. Часть переводов, в том числе Евангелия, были изданы в 1909 и 1920 гг. Полный текст Библии вышел в 1920 г., а в 1922 г. Священный Синод с помощью Объединенного библейского общества выпустил ее новое, исправленное издание. Переводились и создавались богословские труды, осуществлялись переводы творений святых отцов Церкви, печатались жития святых. Экзархатом, Синодом и епархиальными управлениями издавалось более 50 газет и журналов, самыми старыми и представительными из них были официальный орган Болгарской Церкви газета «Църковен вестник» («Церковный вестник»), журналы «Духовна култура», «Народен страж» и «Народен пастир» («Народный пастырь»). В 1923 г. в Софии был открыт Музей истории и археологии Церкви⁴⁵⁷.

При этом Болгарская Церковь со времени Первой мировой войны находилась в кризисе, вызванным неумением приспособиться к деятельности в границах существенно сократившегося после окончания войны государства. Кроме того, Церковь раздирали глубокие противоречия — последствия борьбы партийных, политических, государственных интересов и междоусобной борьбы духовных элит. Одним из самых громких скандалов была афера с выходом в 1939 г. брошюры митрополита Варненского и Преславского Иосифа «И я сам — коммунист» и проведенным по этому случаю полицейским дознанием⁴⁵⁸.

В 1938 г. паства Болгарской Православной Церкви насчитывала около 4,5 миллиона человек (84% населения страны были православными и 13% — мусульманами), имелось 3000 приходов, которые окормляли 2486 священников, но 600 из них имели незавершенное среднее образование. В стране было лишь четыре духовных учебных заведения: Софийская и Пловдивская духовные семинарии, открытый в 1938 г. богословско-пастырский институт в Черепишском монастыре и богословский факультет Софийского университета имени св. Климента Охридского, на котором обучались 110 студентов. Кроме того, периодически действовали школы для начального образования священников в Рильском, Бачковском и Черепишском монастырях. В болгарских

---

⁴⁵⁷ Сабев Т. Указ. соч. С. 103–105.

⁴⁵⁸ Елдьров С. Указ. соч. С. 228.

школах в обязательном порядке преподавали Закон Божий, а в 1938 г. во всех гимназиях был введен новый курс «Религия и история Болгарской Православной Церкви», хотя законоучителей остро не хватало⁴⁵⁹.

Помимо управлявших епархиями 13 правящих архиереев имелось 5 викариальных епископов. Наместником-председателем Священного Синода, как уже отмечалось, с 1930 г. был митрополит Видинский Неофит (Караабов). Кроме него, в состав Синода входили еще 10 митрополитов: Софийский Стефан, Пловдивский Кирилл, Велико-Тырновский Софроний, Врачанский Паисий, Доростольский и Червенский Михаил, Неврокопский Борис, Варненский и Преславский Иосиф, Сливенский Евлогий, Ловечский Филарет и Старо-Загорский Павел (после смерти которого в ноябре 1940 г. на эту кафедру был избран владыка Климент)⁴⁶⁰.

В целом Болгарской Церковью управляло относительно молодое поколение архиереев, занявшее свои кафедры в 1920-е гг., с полученным за границей высшим богословским образованием (в основном в России) и богатым преподавательским или церковно-административным опытом. Среди них наиболее яркой фигурой был митрополит Стефан (Стоян Поп Георгиев Шоков). Он обучался в Киевской духовной академии, Протестантском университете в Женеве и Католическом университете во Фрибуре, преподавал на богословском факультете Софийского университета, в 1922 г. занял Софийскую кафедру, а в 1926 г. стал членом Священного Синода. Владыка считал себя духовным сыном экзарха Иосифа I и в области международной и внутриболгарской деятельности стремился следовать его заветам. В 1938 г. митрополит Стефан возвратил польскому правительству пожалованные ему в разное время ордена, протестуя, таким образом, против происходившего в то время активного преследования православия в Польше. В том же году он опубликовал воззвание в защиту гонимой в СССР Русской Православной Церкви, содержащее очень теплые слова о Патриаршем Местоблюстителе митрополите Сергии (Страгородском): «Сам возглавитель Патриаршей Церкви, семидесятилетний старец,

---

⁴⁵⁹ Калканджиева Д. Българската православна църква и «народната демокрация» (1944–1953). Силистра, 2002. С. 77, 205; Скурят К.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 241–309; Bryner E. Die Ostkirchen vom 18 bis zum 20. Jahrhundert. Leipzig, 1996. S. 102; BA, R5101/22173, Bl. 36, 66.

⁴⁶⁰ Централен държавен архив — София (ЦДА), ф. 791к, оп. 1, е. х. 65, л. 35.

митрополит Сергей, бывший ректор С.-Петербургской духовной академии, — большой христианин, богослов и аскет и бессребреник, человек высокой души. Он всегда был далек от политики и на свое архиерейское призвание всегда смотрел как на служение свету, правде и любви. Неужели чистая, невинная кровь митрополита Сергея и других, обвиненных вместе с ним иерархов, прольется лишь за то, что они были проповедниками Христовой веры?»⁴⁶¹

С начала 1920-х гг. владыка Стефан являлся постоянным участником ежегодных всемирных церковных конференций, затем стал членом Всемирного союза за мир от Болгарской Церкви, участником работы Международного Красного Креста. В 1930-е гг. он уже был признанным авторитетом в международном христианском миротворческом и экуменическом движениях, в деятельность которых, стремясь «прорвать изоляцию», активно включилась Болгарская Православная Церковь⁴⁶².

Контакты Болгарского экзархата с зарождавшимся экуменическим движением начались еще в 1920 г. В 1925 г. владыка Стефан впервые возглавил делегацию Болгарской Церкви на Всемирной экуменической конференции движения «Жизнь и деятельность», в эту делегацию также входили митрополит Врачанский Паисий и протопресвитер Стефан Цанков. В 1927 г. митрополит Стефан и отец Стефан Цанков представляли Болгарскую Церковь на Лозаннской экуменической конференции. Несмотря на то что в 1924 г. Болгарский Синод осудил основанное в США общество «ИМКА» (Всемирный христианский союз молодых людей) как «антихристианскую организацию», в 1927 г. в Софии состоялось совещание представителей Православных Церквей и национальных движений под руководством генерального секретаря «ИМКА» известного экуменического деятеля американского методиста Джона Мотта. В 1929 г. в Болгарии прошла конференция «ИМКА», при этом митрополит Стефан произнес речь, в которой пожелал религиозного обновления болгарскому народу и обещал «ИМКА» полную поддержку. В том же году в Венгрии состоялась Юго-восточная конференция «Всемирной студенческой

---

⁴⁶¹ Стефан, митр. Нельзя больше молчать // Церковная жизнь. 1938. № 2. С. 26.

⁴⁶² Гришина Р.П. Общественно-политическая деятельность Софийского митрополита Стефана в 20–30-е годы XX века. // Балканские исследования. Вып. 17. Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 300–309; Бълхова М.И. Правда об экзархе Стефане // Церковь в истории России. Сб. 3. М., 1999. С. 195–198.

христианской федерации», в работе которой участвовал протопресвитер Стефан Цанков, возглавивший болгарское отделение «ИМКА».

Присутствовала делегация Болгарской Церкви и на Оксфордской конференции «практического христианства» в июле 1937 г., при этом о. Стефан Цанков принимал участие в составлении проекта устава экуменического движения. В августе того же года в Эдинбурге состоялась конференция по вопросу «объединения Церквей», на которой митрополит Стефан представлял Болгарскую и Сербскую Церкви. На этой конференции была составлена «Декларация православных», в которой выражалось удовлетворение благоприятным развитием экуменического движения. Одним из ее главных редакторов являлся протопресвитер Стефан Цанков, который за выдающиеся заслуги в развитии экуменического движения был удостоен Оксфордским университетом звания доктора⁴⁶³.

Из других христианских конфессий владыка Стефан поддерживал связи главным образом со старокатоликами и англиканами, из-за чего в глазах болгарских властей даже «прослыл английским агентом». Далеко не все члены Священного Синода разделяли подобное увлечение экуменизмом, и порой действия Софийского митрополита в этой области вызывали их открытое неодобрение⁴⁶⁴.

После Первой мировой войны в болгарской армии не было института военного духовенства, но по предложению правительства 6 июля 1939 г. Синод назначил начальником такого духовенства Пловдивского митрополита Кирилла, предоставив ему свободу в определении при себе диакона и прислужника. В ноябре — декабре 1940 г. по настоянию Военного министерства Синод указал специальной комиссии составить программу преподавания вероучения в болгарской армии гарнизонными священниками. Однако заметных усилий в этом деле проявлено не было. Последняя решительная попытка восстановления института военного духовенства произошла 18 ноября 1941 г., когда военный министр Т. Даскалов утвердил «Устав военного духовенства в военное время», согласно которому учреждалась военно-духовная служба в составе начальника этого духовенства, военных священников

---

⁴⁶³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 132, л. 218–224.

⁴⁶⁴ Бойкичева К.-А. Указ. соч. С. 171.

и диаконов. Однако бóльшая часть этого документа осталась на бумаге, Синод интересовали совсем другие вопросы⁴⁶⁵.

Отношения Болгарского экзархата с правительственными органами власти традиционно были достаточно напряженными и нередко конфликтными. Так, 14 ноября 1939 г. при открытии сессии Синода митрополит Неофит сообщил об обескураживающих результатах встречи с премьер-министром Богданом Филовым в связи с утверждением церковного бюджета — Филов не согласился с запрашиваемым увеличением кредита на содержание клира и церковных учреждений. Это дало повод митрополиту Стефану поставить на обсуждение вопрос о существовании «ненормальных отношений» органов власти с Церковью. По мнению владыки, некоторые государственные руководители стремились обезличить Болгарскую Церковь и пагубным образом поставить ее в полную зависимость от Дирекции исповеданий Министерства иностранных и религиозных дел, поэтому именно органы власти стоят за участвовавшими нападками на Церковь в печати⁴⁶⁶.

Следует упомянуть, что Богдан Филов (1883–1945), являвшийся профессором археологии и председателем Болгарской Академии наук (1937–1944) с осени 1939 по сентябрь 1944 гг. занимал пост премьер-министра и одновременно с 11 апреля 1942 г. по 14 сентября 1943 г. был министром иностранных и религиозных дел. Другим главой этого министерства в военный период — с 15 февраля 1940 г. по 11 апреля 1942 г., являлся Иван Попов.

Царь Болгарии Борис III, личный режим власти которого оказался фактически установлен в результате государственного переворота 19 мая 1934 г. и укрепился после ареста руководителей Тайного военного союза в октябре 1935 г., принадлежал к немецкой Сакс-Кобургготской династии, при этом он был православным по крещению (по Тырновской конституции царь должен быть православным). Однако в 1930 г. болгарский царь Борис женился на дочери итальянского короля Виктора-Эммануила III Джованне (Иоанне). Венчание православного монарха произошло 25 октября по католическому обряду в кафедральном храме г. Ассизи в Италии, невеста не перешла в православие, а осталась католичкой. При этом было неясно, что произошло через несколько

---

⁴⁶⁵ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, е. х. 62, л. 245–246, е. х. 64, л. 239, 660; Елдьров С. Указ. соч. С. 222–223.

⁴⁶⁶ Там же, л. 135–142.

дней в Софии в храме св. кн. Александра Невского во время так называемого царского обвенчания правящей четы 31 октября, — «благословение брака», по формулировке, выдуманной митрополитом Софийским Стефаном, или акт действительного таинства венчания, как уверяют присутствовавшие в храме очевидцы.

Кроме того, в брачном договоре обговаривалось вероисповедание детей от брака — только престолонаследник должен был принять православное вероисповедание, а остальные — римо-католическое, что являлось нарушением конституции страны. Правда, в дальнейшем Борис III не выполнил это требование брачного договора, окрестив всех своих детей в православной вере, чем вызвал протесты Ватикана. Сестры же царя — княгини Евдокия и Надежда, остались католичками⁴⁶⁷. Следует отметить, что совершенный с согласия Римского Папы брак Бориса III с католичкой был расценен ортодоксальной частью русской эмиграции как шаг к тотальной католизации Болгарии. В январе 1933 г. выходящая в Белграде русская монархическая газета «Царский вестник» «забила тревогу», опубликовав статью под красноречивым заголовком — «Новый натиск латинской ереси на Православие»⁴⁶⁸.

В Болгарии проживало около 60 тысяч католиков и 5 тысяч униатов, имевших 134 церкви и часовни, 2 монастыря и 48 школ, общее число учащихся католических учебно-воспитательных заведений превышало 8 тысяч. Это вызывало недовольство многих болгарских общественных организаций, и в 1935 г. Министерство просвещения разработало проект ограничения деятельности католических школ, однако он не был осуществлен. Вместо него в 1936 г. между болгарским и французским правительством было заключено соглашение, по которому болгарским детям православного вероисповедания, учащимся в католических школах, Закон Божий должны были преподавать православные вероучителя. Но и это ограничение фактически игнорировалось⁴⁶⁹.

---

⁴⁶⁷ Димитров П. Борис III, Цар на България. София, 1990. С. 138; Димитров И. Българо-италиански политически отношения 1923/1943 г. София, 1976. С. 175–176, 200–201; Груев С. Корона от тръни. София, 1991. С. 212–214, 218–219, 224; Леверсон А. Щрихи към портрета на Царь Борис III. Кн. 1. Пловдив, 1992. С. 104–106.

⁴⁶⁸ Новый натиск латинской ереси на Православие // Царский вестник. 1933. 29 января.

⁴⁶⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 50, л. 305–310.

Не желая мириться с существующей в стране ситуацией, Синод Болгарской Православной Церкви на заседаниях 24, 25 и 27 ноября 1939 г. произвел «полную инвентаризацию» церковно-религиозной жизни, отношений архиереев и проблем в общении с гражданской властью. По мнению (вероятно, несколько преувеличенному) болгарского историка Светлозара Ельдрова, это «трехдневное синодальное заседание осени 1939 г. коренным образом преобразовало жизнь Болгарской Православной Церкви и стало началом наиболее славного, но и наименее изученного периода ее новейшей истории»⁴⁷⁰.

Заседание сопровождалось очень откровенной дискуссией. Тон ей задал митрополит Стефан, заявивший, что после освобождения Болгарии Церковь была сознательно поставлена на задний план и постоянно находилась в конфликте с государством. Владыка призвал добиваться церковной автономии во всей полноте, без компромиссов, и, исходя из этого, коренным образом переработать устав экзархата, провести Церковно-Народный Собор и создать неприкосновенный центральный денежный фонд, на случай возможного отделения Церкви от государства. Несмотря на различие своих позиций, в ходе дискуссии архиереи сошлись во мнении, что Болгарская Церковь является не государственной, а народной и ее сила исходит от народа, а не от благоволения и субсидий государства, и поэтому необходимо участие Церкви во всех сферах общественной жизни. По свидетельству С. Ельдрова: «Так впервые за 30 лет болгарские архиереи снова имели смелость высказать страшную идею отделения Церкви от государства». С целью подготовки отделения Синод начал разрабатывать программу сбора необходимых моральных и материальных ресурсов⁴⁷¹.

На своей сессии в декабре 1939 г. Священный Синод принял новую редакцию устава экзархата (в которой глава Болгарской Церкви уже именовался не экзархом, а Патриархом) и подготовил ее для утверждения органами государственной власти. Работа над основными направлениями программы создания моральных и материальных основ новой миссии Церкви в обществе была завершена летом 1940 г. 27–28 июля две специально созданные комиссии представили свои доклады на обсуждение Синода. Одна из них предлагала ввести

---

⁴⁷⁰ Елдров С. Указ. соч. С. 228.

⁴⁷¹ Там же. С. 234; ЦДА, ф. 791к, оп. 1, е. х. 62, л. 155–159, 181–186.

изучение Закона Божия в качестве основного предмета в средних учебных заведениях. Этот вопрос был частично решен в 1938 г., но Болгарская Церковь дополнительно настаивала на четырехчасовом курсе в неделю, ее участии в подготовке учебной программы и праве выпускников богословского факультета Софийского университета преподавать данный предмет. Все эти предложения были представлены в правительство.

Кроме того, было решено организовать во всех епархиях курсы подготовки регентов детских хоров, разработать общую программу работы с детскими православными содружествами, открыть дома христианской учащейся молодежи (а в перспективе создать Союз христианских содружеств), сиротские приюты, детские дома, клубы, бесплатные трапезные, создавать всевозможные братства, воскресные училища и т.д. На июльской сессии Священного Синода также обсуждались вопросы борьбы с сектантством, реформы монастырской жизни, участия приходского духовенства в кооперации, дисциплины клира и др. Основные идеи докладов комиссий и синодальные решения по ним были изложены в окружном послании епархиальным архиереям от 30 июля 1940 г., и с этого времени начали осуществляться на практике⁴⁷².

Принятые на основе докладов комиссий конкретные решения Синода по существу представляли единую долгосрочную программу работы с различными социальными слоями, нацеленную на возвращение утраченных позиций и престижа Болгарской Церкви. Социальная деятельность и миссионерская работа были поставлены во главу угла деятельности Церкви, целью которой стало завоевание прочных позиций и авторитета во всех сферах общественной жизни.

4 мая 1940 г. в Болгарии вступил в силу «Закон о гражданской мобилизации», и в ноябре того же года митрополита Врачанского Паисия вызвали в Военное министерство, где заявили о необходимости для Болгарской Церкви оказать содействие духовной мобилизации. Выслушав сообщение митрополита об этой беседе, Священный Синод решил использовать ситуацию для укрепления позиции Болгарской Церкви и подготовить доклад о ее нуждах для правительства, а также отправить послание духовенству об усилении

---

⁴⁷² Елдьров С. Указ. соч. С. 234; ЦДА, ф. 791к, оп. 1, е. х. 62, л. 267–278, е. х. 65, л. 3, 11–16; Църковен вестник. 20.09.1940.

деятельности с учетом новых общественных потребностей. Оба документа, в которые вошли основные моменты июльской программы Синода, были приняты в окончательной редакции 29 ноября 1940 г.

Так, в докладе министру иностранных и религиозных дел содержались следующие пункты: 1. Участие государственных служащих в богослужениях. 2. Участие Церкви в воспитании молодежи, в частности, необходимость отвести ей основную роль в проектируемой государственной молодежной организации «Бранник». 3. Законодательное ограничение деятельности сект. 4. Строительство храмов при государственной и общественной поддержке в тех селах, где их нет. 5. Устройство часовен и штатных священников в больницах и тюрьмах. 6. Выделение всем приходам участков земли. 7. Введение гарнизонных священников. 8. Принятие такой программы религиозного обучения, которая создаст «единое целостное религиозно-нравственное мировоззрение в душе ученика». В подобном духе было составлено и послание Синода к пастырям (отпечатанное в 5 тысячах экземпляров), их призывали создать условия для «целостной мобилизации духовных сил нашего народа»⁴⁷³.

В ходе осуществления этой «программы духовной мобилизации» произошла существенная активизация общественной деятельности Болгарской Православной Церкви (во многом вопреки ожиданиям органов гражданской власти). Так, в 1939/40 учебном году только в Софийской епархии имелось 631 активно работавшее детское, ученическое и студенческое христианское содружество. Многие епархиальные издания в несколько раз увеличили свой тираж и т.д.⁴⁷⁴ Укрепление позиций Церкви и сплочение иерархов позволили отстоять ее независимость от государства, и в период Второй мировой войны Болгарский экзархат нередко проводил самостоятельный и несовпадающий с государственным курс внутренней и международной деятельности.

---

⁴⁷³ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, е. х. 62, л. 65–78, е. х. 65, л. 38–40; Църковен вестник. 3.01.1941.

⁴⁷⁴ Елдьров С. Указ. соч. С. 242.

Глава III

Румынская и Албанская Церкви

1. Румынский Патриархат

В отличие от многих других народов, у румын не было единовременного массового крещения. Распространение христианства шло постепенно в течение веков, параллельно с процессом становления румынского этноса, который возник в результате смешения даков с римскими колонистами. По сообщению Ипполита Римского и Евсевия Кесарийского, христианство на территории между Дунаем и Черным морем, заселенные тогда племенами даков, гетов, сарматов и карпов (в Малой Скифии), было в I веке принесено святым апостолом Андреем Первозванным и учениками святого апостола Павла. В 106 г. Дакия была покорена римским императором Траяном и обращена в римскую провинцию, после чего христианство стало активно распространяться к северу от Дуная, прежде всего благодаря торговцам, купцам и римским поселенцам. В IV в. на карпато-дунайских территориях уже существовала церковная организация. Самой древней епископией на территории Румынии является Томисская, а ее первым архиереем был Ефрем. По свидетельству Филострогия, на Первом Вселенском Соборе присутствовал епископ Феофил из Готии, власти которого подчинялись все христиане «Гетской страны», а на Втором, Третьем и Четвертом Вселенских Соборах был епископ из г. Томы (ныне Констанца). До V в. Дакия входила в состав Сирмийской архиепископии, относившейся к юрисдикции Римского Папы. После разрушения Сирмии гуннами во главе с Атилой (V в.) Дакия перешла в ведение Солунского архиепископа, подчинявшегося то Риму, то Константинополю, в VI в. в бывшей римской провинции Малая Скифия было 14 епископских кафедр. С учреждением в VI в. императором Юстинианом I в своем родном городе, первой Юстиниане, центра

церковной администрации, вместе с некоторыми другими провинциями, этому центру была подчинена и Дакия. В VIII в. император Лев Исаврянин окончательно подчинил Дакию канонической власти Константинопольского Патриарха. В 600–602 гг. вся государственная организация на Нижнем Дунае была разрушена в ходе вторжения аварских и славянских племен, и с начала VII в. предки румын постепенно стали утрачивать связи с романскими народами и испытывать сильное славянское культурное влияние.

В конце VIII в. одна из исторических областей Румынии Валахия (или иначе Мунтения) вошла в состав Первого Болгарского царства. В начале X в. влахи (румыны) стали совершать богослужение на церковнославянском языке, который они использовали до XVII в., был заимствован и славянский алфавит, так как к тому времени влахи еще не имели своей письменности. Влахское духовенство подчинилось канонической власти Болгарской Церкви (сначала Охридскому, а затем — Тырновскому Патриархату, упраздненному в 1393 г.) и находилось в управлении пограничных епископов Болгарии (по другим сведениям с XI по XIV в. существовала Валашская епископия в нижнем течении Дуная).

Около 1324 г. Валахия стала самостоятельным государством, и в 1359 г. валашский воевода Николай Александр I добился от Константинопольского Патриарха перехода в его юрисдикцию и возведения церковной организации на территории его государства в ранг митрополии. В 1359 г. Вселенский Патриархат официально признал митрополита Унгро-Валахии, или Мунтении, Сия и его викарного епископа Иакинфа (Критопула), в 1386 г. владыка Сий был также упомянут как Молдавский митрополит. До начала XVIII в. Валашская митрополия пользовалась правами широкой автономии, и ее зависимость от Константинополя была номинальной, хотя с середины XVII в. митрополиты именовались экзархами Константинопольского Патриарха, что было занесено и в их церковно-юридические сборники (например, в Кормчую книгу 1652 г.). Митрополиты избирались комиссией из членов народного собрания, куда входили епископы и представители дворянства, и утверждались князем. Патриарха только ставили об этом в известность и испрашивали у него благословения. Во всех внутренних делах церковного управления валашские митрополиты были совершенно самостоятельны, даже в случае провинности в церковных делах они подлежали суду не Патриарха, а 12 архиереев румынских княжеств.

За нарушение государственных законов их судил смешанный суд, состоящий из 12 архиереев и 12 бояр. Митрополиты оказывали большое влияние на ход гражданских дел, выступая в качестве главных советников своих господарей, в случае отсутствия господаря председательствуя в Государственных советах. Во время решения важнейших судебных и уголовных дел в присутствии самого господаря первый голос подавался митрополитом.

Епархии Валашской митрополии были довольно обширны, поэтому широкое развитие получили вспомогательные органы епархиальной власти по надзору за порядком церковной жизни, так называемые протопопиаты. При каждом архиерее находилась духовная семинария с содержанием воспитанников на казенный счет. Кафедра Валашского митрополита первоначально находилась в Арджеше (ныне г. Куртя-де-Арджеш), потом в Тырговище, а с 1732 г. — в Бухаресте. С начала XV в. Валахия попала в вассальную зависимость от турецкого султана. При этом она не входила в состав Османской империи, а лишь была ее данницей. До XVI в. валашские воеводы избирались высшим духовенством и боярами, а с XVI в. стали назначаться султаном из числа этнических румын. Турецкое завоевание нарушило и нормальное течение церковной жизни в стране⁴⁷⁵.

Иначе сложилась история другой исторической области Румынии — Молдовы. Ее территория, хотя и не входила в провинцию Дакия, тем не менее испытала на себе сильное римское влияние во II–IV вв. С VI в. здесь стали селиться славяне, и в IX в. в междуречье Прута и Днестра проживали славянские племена уличей и тиверцев. С X в. эти земли вошли в сферу влияния Киевской Руси, однако вторжения половцев и печенегов привели к исчезновению здесь славянского населения к концу XII в. В XIII — начале XIV в. Молдова находилась под властью монголо-татар. В первой половине XIV в. татаро-монгольское иго было свергнуто и в 1359 г. возникло независимое Молдавское княжество во главе с воеводой Богданом. В состав этого княжества также вошла Буковина.

---

⁴⁷⁵ Бурега В.В. Румынская Православная Церковь // [www.bestreferat.ru / referat-23286.html](http://www.bestreferat.ru/referat-23286.html) (дата посещения 12 мая 2018 г.); Пэкурариу М. Румынская Православная Церковь в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 161; Его же. Geschichte der Rumänischen orthodoxen Kirche. Erlangen, 1994.

Вплоть до XIV в. молдаване не имели своей церковной организации, и богослужение здесь совершали священники, приходившие из соседних Галицких земель. После основания Молдавского княжества в конце XIV в. была учреждена отдельная Молдавская митрополия в составе Константинопольского Патриархата. В 1393–1394 гг. выдавший себя за Вселенского Патриарха Павел Тагара посвятил для Молдовы в сан епископа иеромонаха Симеона. Когда обман был открыт, Патриарх Антоний сделал распоряжение, чтобы церковными делами в Молдове заведовал о. Симеон, но только в качестве наместника Галицкого митрополита. Этим митрополитом, по просьбе молдаван, были поставлены два епископа, Иосиф и Мелетий, но в то же время Патриарх прислал и своего митрополита Иеремию. Таким образом, в Молдове появились три архиерея, отчего произошли недоразумения, окончившиеся тем, что новый Патриарх Матфий в 1401 г. по просьбе господаря Александра I (1401–1432) официально возвел владыку Иосифа (Мушата) в сан Молдавского митрополита.

В 1456 г. молдавские господа признали вассальную зависимость от турецкого султана. Молдова, как и Валахия, до начала XVI в. сохраняла право выбора своих господарей, однако затем они стали назначаться султаном. Около 1456 г. Молдавская митрополия перешла под власть архиепископа Охридского, но в 1640-е гг. опять возвратилась в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Кафедра Молдавского митрополита до 1589 г. находилась в Сучаве (Сочаве), а затем — в Яссах. Была в Молдове и одна духовная семинария.

Несмотря на зависимость от Османской империи, положение Православной Церкви в Валахии и Молдове было намного лучше, чем в соседних землях, в XV–XVIII вв. она играла важную роль в политической жизни этих княжеств и во многом определяла их культурную и социальную деятельность. Румынские господа защищали православную веру перед лицом турецкого нашествия и непосредственно участвовали в церковной политике того времени. Таким был господарь Стефан Великий, завоевавший часть Трансильвании, и валахский князь Михаил (Михай) Храбрый (1592–1601), на короткое время объединивший Трансильванию, Валахию и Молдову в одно государство, в результате чего в 1599 г. в Трансильвании была учреждена отдельная митрополия. При покровительстве местных господарей в Валахии и Молдове

сохранялась полная свобода богослужения, разрешалось строить новые храмы и основывать монастыри, созывать церковные Соборы; церковная собственность оставалась неприкосновенной. Господари часто сами были основателями церквей, монастырей, а также щедро жертвовали на монастыри, скиты или храмы Афона, Константинополя, горы Синай или Иерусалима. Валашская и Молдавская митрополии помогали другим христианским Церквам в печатании книг на греческом, арабском, грузинском и других языках, особенно тем, которые находились под османским правлением.

Вследствие жестоких гонений со стороны турок многие славяне переселялись на северный берег Дуная. Дружеские отношения между румынскими господарями и сербскими и болгарскими династиями, а также единство веры и общий литургический язык способствовали этой миграции. Вынужденные покинуть родину, беженцы нередко брали с собой свои культурные сокровища: рукописи, облачения, иконы. Так в Валахию и Молдову пришли монахи-славяне со Святой Горы Афон и, при денежной поддержке румынских господарей, основали новые монастыри, ставшие вскоре важными духовными центрами. Один из этих монахов — Никодим, прибыв в Валахию, основал два монастыря: в Водите на Дунае и в Тисмане. Сербское влияние не ограничилось Валахией, некоторые из учеников отца Никодима дошли до Нямца и Бистрицы (Молдавия и Трансильвания), где они основали новые монастыри.

Начиная с господаря Михаила (Михая) Храброго, который передал церковь Михай-Водэ в Бухаресте Афонскому монастырю Симонопетра, румынские правители жаловали зарубежным православным монастырям много поместий, что способствовало сохранению православия в годы османского владычества. Восточные Патриархаты, а также афонские монастыри и сами охотно приобретали в Валахии и Молдове имения, которые были одним из важных источников их дохода. Среди румынских правителей данного периода особое место занимает Няга Бессарабский, который выделялся своей щедростью по отношению к многим восточным православным монастырям, от Святой Горы Афон до Иерусалима. Он построил также монастырь в Куртя-де-Арджеш и стал первым румынским церковным писателем. Его книга, затрагивающая религиозные и политические вопросы, посвященная сыну Теодосию, является одним из важнейших памятников румынской мысли, изложенной

на славянском языке. В Валахии особенно активное церковное строительство пришлось на время правления господаря Матея Басараба (1632–1654), в это время только в Бухаресте было построено и реконструировано более 50 церквей. В правление другого господаря — св. Константина Брынковяну (1688–1714) в Валахии сложился особый стиль церковной архитектуры, названный впоследствии его именем⁴⁷⁶.

Балашская и Молдавская митрополии поддерживали активные связи с другими Православными Церквями. Так, в 1642 г. в Яссах (Молдова) состоялся Собор, в котором участвовали представители греческого, славянского и румынского священства. На нем было принято «Исповедание веры» Киевского митрополита Петра (Могилы). В первой половине XVII в. князь Василий Лупу оплатил все долги Константинопольской Патриархии, в благодарность за что Патриарх Парфений подарил Молдавской митрополии мощи св. Параскевы. В начале XVII в. румынские земли посетил Александрийский Патриарх Кирилл Лукарис. Иерусалимский Патриарх Досифей (1669–1707) основал греческую типографию в монастыре Четэцуя. В конце XVII в. в Валахии побывал Антиохийский Патриарх Иоаким. При Киевском митрополите Петре (Могиле), сыне молдавского господаря, укрепились связи с Православной Церковью на Украине. Заботами этого митрополита были устроены типографии в молдавских городах Кымпулунге, Говоре, Тырговиште и Яссах. Он также способствовал основанию высшего духовного учебного заведения в Яссах, направлял туда профессоров из Киева. В XVII в. начали развиваться и отношения с Русской Православной Церковью, к которой румынские митрополиты неоднократно обращались за помощью, в частности, для них в Москве, Киеве и Чернигове печатались церковные книги⁴⁷⁷.

Приходское духовенство Валахии и Молдовы в XVII–XVIII вв. было обложено ежегодной данью в пользу епископа; так, например, священник платил деньгами около рубля и лисий или куний мех. Официальным каноническим сборником первоначально была «Синтагма» Матвея Властаря в славянском переводе, в середине XVII в. ее заменили канонические сборники

---

⁴⁷⁶ Павлинов П.С. Бухарестская архиепископия // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 402.

⁴⁷⁷ Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. Т. 1. С. 186–187.

на румынском языке. Первым из них был перевод Номоканона Мануила Малакса 1632 г. В 1688 г. в Бухаресте впервые был напечатан полный текст Библии на румынском языке.

В этом процессе активно участвовали некоторые духовные лица: Молдавский митрополит Варлаам, служивший во времена господаря Василия Лупу и напечатавший в 1643 г. румынскую книгу педагогики, или Казанию, и Молдавский митрополит Досифей. Он считается первым великим румынским поэтом (издавшим в 1673 г. «Псалтырь в стихах»), но также был талантливым великим писателем (написавшим «Жизнь и смерть святых» в 4-х томах), первым переводчиком мировых театральных постановок и издателем литургических книг в Молдове. Следует упомянуть и служившего во время правления св. Константина Бранковяну Валашского митрополита Анфима (Ивирянула), цензора типографий в Бухаресте, Брашове, Снагове, Рамнице, где было издано 60 книг на румынском, греческом, славянском и арабском языках. Кроме того, он завершил процесс романизации религиозных служб, был автором хорошо известных Дидахи и основателем монастыря Всех святых в Бухаресте.

В 1711 г. молдавские и валашские господа выступили против турок в союзе с российским императором Петром I во время его Прутского похода. Как свидетельствует румынский летописец XVII–XVIII вв. И. Некульча, для торжественной встречи императора бояре и почетные горожане и все священнослужители во главе с Молдавским митрополитом Гедеоном за г. Яссы, где с великой радостью поклонились Петру I, воздавая хвалу Богу, что наконец настало время освобождения их от турецкого ига. Однако в ходе этой войны русские войска потерпели поражение, после чего отношения румын и молдаван с Османской империей резко ухудшились. Оказавшись победителями, турки жестоко расправились с беззащитными княжествами. Молдавский господарь Д. Кантемир бежал в Россию, валашский князь св. Константин Брынковяну и три его малолетних сына были привезены в Константинополь и в 1714 г. публично обезглавлены. С 1716 г. князьями и воеводами в Валахию и Молдову стали назначать греков-фанариотов.

Их правление, продолжавшееся более столетия, стало одним из труднейших периодов в истории румынского народа. Покупая себе власть над страной, князья-фанариоты стремились с лихвой возместить понесенные затраты;

население подвергалось систематическим поборам, приводившим его к обнищанию; закон был заменен произволом. Стремясь создать взамен павшей Византии своеобразное «греческое царство» из народностей Балканского полуострова, князья-фанариоты старались насадить здесь греческую культуру и подавить национальную. Происходила активная эмиграция греков в Валахию и Молдову.

Начавшийся процесс эллинизации затронул не только государство, но и Православную Церковь. Если прежде зависимость Молдавской и Валашской от Константинопольского Патриархата была номинальной, то теперь архиереями назначали этнических греков, богослужение в городах совершалось на греческом языке и т.п. Низшее духовенство продолжало оставаться национальным, но оно было бесправно, вместе с крестьянством священники должны были нести все государственные повинности, а также платить налоги в казну. Подрывала нормальное течение церковной жизни и развивавшаяся в стране симония. Некоторые епископы-греки, получив назначение на доходное место за деньги, старались возместить свои затраты, направляя на церковные должности всякого, кто мог внести в их казну значительную сумму денег. В результате появилось немало безместных священников, которые бродили по стране, предлагая свои услуги за пропитание и роняя еще ниже и без того невысокий авторитет духовного сана.

Тем не менее во второй половине XVIII в. Валашский митрополит был признан первым по чести среди иерархии Константинопольской Патриархии, а в 1776 г. ему был пожалован сохраняемый до настоящего времени почетный титул Наместника Кесарии Каппадокийской — исторической кафедры, которую возглавлял в IV в. святитель Василий Великий. На это же время приходится деятельность преподобного Паисия Нямецкого (Величковского; 1722–1794), украинца, который признан вторым основателем румынского монашества после святого Никодима Тисманского. В 1992 г. Румынская Церковь причислила преподобного Паисия к лику святых.

В конце XVIII века так называемая группа Объединенных ученых, в которую входили Сумуил Мичу, Георгэ Синчай и Петру Майор, в своих работах стремилась доказать римское происхождение румынского народа и его языка. К этому времени прежде всего, под влиянием «Объединенных ученых» и их школы мысли, произошло завершение романизации литургической службы.

Этот момент имел особое значение в истории Румынской Церкви, так как церковнославянский язык и Православие являлись в течение семи с лишним веков важными составляющими этнической самобытности румын. В 1813 г. Петру Майор издал первую историю религии румын.

Облегчение положения страдающих от османского ига народов Балканского полуострова принесла Россия. В результате Русско-турецких войн второй половины XVIII в. Россия получила право покровительства православным румынам и молдаванам. Уже первая Русско-турецкая война во времена Екатерины II закончилась в 1774 г. благоприятным для них Кучук-Кайнарджийским договором: всем румынам, действовавшим во время войны против турок, объявлялась амнистия; предоставлялась свобода христианского вероисповедания в пределах Османской империи; конфискованные ранее земли возвращались; господарям Молдавии и Валахии разрешалось иметь в Константинополе своих поверенных православного исповедания. Кроме того, Россия оговорила право покровительствовать княжествам в случае их столкновений с турецкими властями. Последовавшая вскоре вторая война России с Турцией (1787–1791) закончилась Ясским трактатом, которым по отношению к дунайским княжествам подтверждались условия прежнего договора и, кроме того, румынам предоставлялась двухлетняя льгота относительно податей.

В 1789 г., во время Русско-турецкой войны, Святейший Синод Российской Православной Церкви учредил Молдо-Влахийскую экзархию, Местоблюстителем которой 22 декабря того же года был назначен бывший архиепископ Екатеринославский и Херсонеса Таврического Арсений (Серебренников). В 1792 г. митрополитом Молдо-Влахийским с титулом экзарха Молдавии, Валахии и Бессарабии стал румын по национальности владыка Гавриил (Банулеску-Бодони). Но уже в следующем, 1793 г., он был переведен на Екатеринославскую кафедру с формальным сохранением за ним титула экзарха⁴⁷⁸.

Во время войны с Османской империей в 1806–1812 гг. русские войска в течение четырех лет (1808–1812) контролировали территорию Молдавского и Валахского княжеств. При этом многие румыны видели возможность избавления от турецкого и фанариотского ига в присоединении к России. Последовательным выразителем этих стремлений являлся Молдавский митрополит

---

⁴⁷⁸ Бурега В.В. Указ. соч.

Вениамин (Костаки). Когда русские войска вошли в Молдову, 27 июня 1807 г. императору Александру I был подан адрес, подписанный в Яссах самим митрополитом и 20 знатными боярами, в котором они просили о присоединении их страны к России: «Истреби несносное правление, дышащее угнетением бедному сему народу. Соедини правление земли сей с богохранимой державой твоей... Да будет одно стадо и один пастырь, и тогда да наименуем: “Сей есть златый век состояния нашего”. Сие есть от вся души общее народа сего моление». Владыка Вениамин энергично противодействовал и влиянию фанариотов на румынский народ. С этой целью он еще в 1804 г. учредил недалеко от г. Яссы, в монастыре Сокол, духовную семинарию, в которой преподавание велось на румынском языке. Кроме того, митрополит заботился об издании книг догматического и религиозно-нравственного содержания на родном языке. Целью своих трудов он ставил повышение умственного и нравственного уровня румын⁴⁷⁹.

В ответ на упомянутое послание по решению Святейшего Синода румынские епархии в марте 1808 г. были временно присоединены к Российской Православной Церкви, и ранее находившегося на покое Киевского митрополита Гавриила (Банулеску-Бодони) вновь назначили экзархом Молдавии, Валахии и Бессарабии. Прибыв туда, владыка констатировал, что «большинство архиереев-греков не посещало храмов, многие священники не знали последование литургии и были попросту малограмотны». За три-четыре года он проделал большую работу по наведению порядка в епархиях. Ориентируясь на Россию, владыка ввел в приходах метрические и приходо-расходные книги, ограничил число священнических поставлений необходимостью, ввел образовательный ценз для лиц, стремящихся к священству, преобразовал духовную семинарию в монастыре Сокол по образцу русских семинарий, с преподаванием в ней русского языка. Митрополит Гавриил также старался всеми средствами улучшить положение духовенства и поднять его авторитет, при нем в дунайских княжествах действовало 407 монастырей⁴⁸⁰.

В 1812 г. по Бухарестскому договору в состав России вошла Бессарабия (земли между реками Прут и Днестр), а на остальной территории Молдовы

---

⁴⁷⁹ Скурат К.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 187–188.

⁴⁸⁰ Вениамин (Гроссу), игум. Памяти Гавриила Банулеску-Бодони // ЖМП. 1971. № 6.

и Валахии были восстановлены османское правление и церковная власть греков-фанариотов. Из православных приходов Бессарабии, оказавшихся на территории Российской империи, была образована Кишиневская епархия. 21 августа 1813 г. ее возглавил упоминавшийся владыка Гавриил (Банулеску-Бодони) с титулом митрополита Кишиневского и Хотинского. Молдо-Влахийская экзархия была окончательно упразднена 30 марта 1821 г.

Во время Морейского восстания греков 1821 г. румыны помогли туркам подавить восставших. В расчете на поддержку в дальнейшем, султан в 1822 г. удовлетворил просьбу молдавских и валашских бояр о восстановлении права избрания румынских господарей. С этого момента политическая зависимость Молдовы и Валахии от Османской империи стала постепенно ослабевать, были учреждены румынские народные школы, в 1836 г. открыты духовные семинарии в Бухаресте и Бузэу, а греческий язык устранен из богослужения. После Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Валахия получила автономию, гарантом которой выступала Россия, и до 1834 г. Валашское княжество фактически находилось под ее прямым управлением. В 1831 г. здесь был введен в действие Органический статут (регламент), составленный русским генералом Киселевым и фактически ставший первой румынской конституцией. В XIX в. много будущих румынских архиереев училось в российских духовных академиях.

Однако воспитанная в Западной Европе новая румынская интеллигенция стала проявлять враждебное отношение к Православной Церкви. Ненависть к фанариотам несправедливо была перенесена и на Православие, теперь оно получило название «фанариотской культуры», «мертвого учреждения», якобы губящего народ, исключаящего возможность прогресса и обрекающего на постепенное умирание. Охладело и отношение румынской интеллигенции к России⁴⁸¹.

В результате поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг. ее протекторат над Молдовой и Валахией был упразднен. В 1859 г. два независимых княжества Валахия и Молдова объединились в одно государство Румынию, при этом единым господарем и князем был избран поддержанный Францией полковник Александр Куза. Организационное слияние двух митрополий произошло путем присвоения митрополиту Бухарестскому титула митрополита-

---

⁴⁸¹ Скурат К.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 189.

примаса всея Румынии. В 1862 г. в Бухаресте было созвано Национальное собрание и создано единое правительство, которое практически сразу же начало активно вмешиваться в церковные дела. Уже в 1863 г. была проведена секуляризация всего монастырского имущества, доходы от которого включены в государственный бюджет, около 30 обителей закрыты. Эта мера была продиктована стремлением правительства окончательно лишить греческих иерархов, имевших в Молдове и Валахии значительную собственность, возможности оказывать влияние на Румынскую Церковь, но на практике привела также к существенному ограничению роли монастырей в культурной и общественной жизни страны. Кроме того, государство постепенно взяло на себя такие, прежде церковные, функции, как образование, правосудие, социальная помощь, акты гражданского состояния⁴⁸².

В 1865 г. под давлением светской власти без предварительных переговоров с Константинополем была провозглашена автокефалия Румынской Церкви. Управление ею было вверено Генеральному Национальному Синоду, в состав которого входили все епископы, а также по три депутата от духовенства и мирян каждой епархии. Синод должен был собираться один раз в два года, и его решения получали силу только после утверждения светской властью. Высшее духовенство: митрополиты и управлявшие епархиями епископы теперь назначались князем по представлению министра исповеданий. Константинопольский Патриарх Софроний не признал акта провозглашения автокефалии и направил протесты в адрес князя Александра Кузы, митрополита Валашского и Местоблюстителя митрополии Молдовы. После их отклонения Патриарх Софроний созвал Архиерейский Собор, постановивший обратиться за советом к другим Православным Церквям, в том числе в Россию. Вскоре было направлено официальное послание к Российскому Святейшему Синоду с призывом оказать духовную помощь в этой ситуации.

По поручению Синода проект ответа составил митрополит Московский Филарет (Дроздов). В нем владыка пришел к выводу, что желание румынского правительства сделать свою Церковь автокефальной законно и естественно, но это желание было заявлено далеко не законным способом. С другой стороны, и Константинопольский Патриарх, выступивший с протестом против

---

⁴⁸² Пэкуруриу М. Указ. соч. С. 163–164.

совершенного румынами, по мнению митрополита Филарета, повел дело не тактично: вместо слов мира и совета рассмотреть дело объявления автокефалии вместе с другими Поместными Церквями, он прибег в своем послании к резким выражениям, способным не успокоить, а еще более раздражить недовольных⁴⁸³.

В официальном ответе Российского Синода Константинопольскому Патриарху было заявлено, что учреждение «Генерального» румынского Синода «превышает меру светской власти и требует рассуждения и утверждения высшего в Церкви Собора, и в особенности Патриарха, к области которого принадлежит Церковь, учреждающая новый Синод». Положение, что «в Синоде председательствует во имя господя Румынский митрополит», признавалось антиканоническим и антиевангельским: «Митрополит и прочие члены Синода присутствуют в нем во имя Христа и апостолов». Назначение епископов одной светской властью, без избрания церковного, также признавалось антиканоническим. В конце послания говорилось, что для прекращения возникших несогласий лучшим средством может послужить слово любви и мира, обращенное к румынам. Румынской Церкви же был указан законный путь к провозглашению церковной самостоятельности: просить благословения и согласия Константинопольского Патриарха и других Поместных Православных Церквей. Однако этот совет был воспринят далеко не сразу⁴⁸⁴.

На волне борьбы с «фанариотским наследием» румынское правительство стало внедрять в церковную жизнь элементы западной культуры: началось распространение григорианского календаря, было разрешено употребление за богослужением органа и пение Символа веры с филиокве, широкую свободу предоставили протестантскому прозелитизму. Были изданы специальные правила, по которым в монахи могли постригаться только 60-летние мужчины и 40-летние женщины; некоторые правительственные чиновники даже предлагали полностью упразднить монашество, а министр-президент М. Когальничано в национальном собрании предложил принять католицизм в качестве

---

⁴⁸³ Филарет (Дроздов), митр. Проект послания от Святейшего Синода Вселенскому Патриарху, Архиепископу Софронию, составленный митрополитом Филаретом // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 5. Ч. 2. М., 1888. С. 806–808.

⁴⁸⁴ Скурат К.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 192.

официальной религии на том основании, что «православие служит единственным препятствием благоденствию румын»⁴⁸⁵.

Подобное вмешательство светской власти в церковные дела вызвало протесты ряда видных румынских иерархов: Молдавского митрополита Софрония, епископов Филарета и Неофита (Скрибанов) и других. Воспитанник Нямецкой лавры, постриженник и ученик митрополита Вениамина (Костаки) митрополит Софроний был отправлен румынским правительством в ссылку, но своей борьбы не прекратил. Другой известный румынской святитель Филарет (Скрибан) окончил Киевскую духовную академию, принял монашество в Киево-Печерской лавре, и после возвращения на родину в течение 20 лет возглавлял Сокольскую Ясскую духовную семинарию, которую поднял на высокий уровень. За свою ученость и глубоко содержательные проповеди он получил в Румынии имя «профессора профессоров». Князь А. Куза предложил епископу Филарету пост митрополита Молдавского, а его брату епископу Неофиту — пост митрополита Валашского, желая таким образом привлечь их на свою сторону. Но оба архиерея решительно отказались принять назначение и вступили в борьбу с церковными реформами князя. Однажды во время заседания Синода в присутствии самого князя епископ Филарет обрушил на него церковное проклятие за закон о конфискации монастырского имущества. Владыка обращался и к Святейшему Синоду Российской Православной Церкви с просьбой оказать содействие в низложении тех епископов, которые были поставлены волей румынских светских властей. Епископ Неофит также на одном из заседаний Синода огласил свой протест правительству за его распоряжения по делам Церкви.

С борьбой против антиканонических мероприятий светских властей братья-архиереи сочетали ученую деятельность. Они написали и перевели (главным образом с русского) на румынский язык большое количество церковных трудов, составили учебники по многим школьным предметам. Перу епископа Неофита принадлежат: «Исторические очерки» (по всеобщей истории), «Краткая история молдавских митрополитов и доказательство автокефальности Молдавской митрополии» (сочинение было использовано для утверждения автокефалии Румынской Церкви) и др. Епископ Филарет написал: «Краткую румынскую церковную историю», «Пространную румынскую

---

⁴⁸⁵ Скурат К.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 190–191; Бурега В.В. Указ. соч.

церковную историю» в шести томах, различные сочинения критического и полемического направления. За свое обличение политики князя Кузы владыки Филарет и Неофит также были отстранены от участия в церковных делах. Протесты Константинопольского Патриарха против этих насилий остались без ответа⁴⁸⁶.

В 1866 г. в результате заговора Александр Куза был арестован и отстранен от власти, и румынским князем стал родственник прусского короля католик Кароль (Карл) I из династии Гогенцоллернов. В 1872 г. был издан «Закон об избрании митрополитов и епархиальных епископов, а также об устройстве Священного Синода Православной Румынской Церкви», который несколько ослабил зависимость Церкви от государства. По закону 1872 г., в основной части действовавшему до 1918 г., во главе управления Румынской Церкви находился состоявший исключительно из иерархов Священный Синод, в состав которого в конце XIX в. входили 16 архиереев: 8 епархиальных и 8 их vikariev. Председательство в Синоде принадлежало Валашскому митрополиту Валахии, примасу Румынской Церкви; в случае его отсутствия председательствовал Молдавский митрополит, в случае отсутствия обоих — старший по хиротонии епископ. Светских чиновников в Синоде не полагалось, все должности исполнялись архиереями. Было отменено наименование Синода «Генеральным, национальным», заимствованное из протестантского церковного устройства, его сессии созывались два раза в год княжеским (затем королевским) указом. В совещаниях Синода может участвовать министр исповеданий с правом совещательного голоса, но обычно он присутствовал только при открытии и закрытии сессии. Министр исповеданий также являлся посредником в сношениях Синода с правительством и с другими Поместными Церквями⁴⁸⁷. Князь Кароль I, выступавший за законное получение автокефалии Румынской Церковью, начал переговоры о ее признании с Константинопольским Патриархатом, однако решение вопроса затянулось.

Вскоре после начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., 9 мая 1877 г., парламент Румынии провозгласил полную независимость страны, которая была признана на Берлинском конгрессе 1878 г. После этого, в ответ

---

⁴⁸⁶ Скурат К.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 193–194.

⁴⁸⁷ Церковный Вестник. СПб. 1895. № 27. С. 864, 1896. № 4. С. 107.

на новую просьбу Румынского Синода, Константинопольский Патриарх Иоаким III в ноябре 1878 г. составил акт о даровании Румынской Церкви автокефалии, однако удержал за собой право освящения святого мира. Румынские церковные власти отказались предоставить Константинополю право мирования и без благословения Патриарха 25 марта 1882 г. совершили чин освящения мира в Бухарестском кафедральном соборе. После этого Патриарх Иоаким III не отправил составленный акт в Бухарест и вновь прервал каноническое общение с Румынской Церковью. Румынский Синод увидел в протесте Константинопольского Патриарха его притязания на вселенское главенство в Церкви и в ответном послании указал, что Миропомазание есть таинство, а Церковь должна владеть всеми средствами к совершению таинства, и искание этого средства в других Церквях означало бы, что данная Церковь не владеет полнотой средств к освящению и спасению; следовательно, освящение мира есть неотъемлемый атрибут всякой автокефальной Церкви⁴⁸⁸.

Только с восшествием на Константинопольский Патриарший престол нового Первосвятителя состоялось окончательное примирение двух Церквей. В связи с интронизацией Патриарха Иоакима IV в 1884 г. митрополит Валашский Каллиник (Миклеску) направил ему приветствие, а вслед за ним послание с просьбой благословить и «признать автокефальную Церковь Румынского Королевства своей во всем единомыслящей и единой сестрой». Этот поступок митрополита ускорил решение проблемы. 23 апреля 1885 г. Патриарх Иоаким IV издал Томос, признавший полную автокефалию Румынской Православной Церкви, который был торжественно зачитан в Бухаресте 13 мая. Предстоятель Церкви, как и раньше, именовался митрополитом-примасом, до своей кончины в 1886 г. им был владыка Каллиник (Миклеску). При этом, когда в 1881 г. Румыния стала королевством, осенью того же года на заседании Священного Синода был впервые поднят вопрос об установлении в Румынской Церкви Патриаршества, но из-за внутренних конфликтов среди румынского епископата данная инициатива не получила развития⁴⁸⁹.

---

⁴⁸⁸ Скурат К.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 195–196; Бурега В.В. Указ. соч.

⁴⁸⁹ Скурат К.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 197–198.

13 декабря 1885 г. был издан новый государственный закон о Церкви, стесняющий ее деятельность. Этот закон запрещал членам Священного Синода участвовать в каких-либо собраниях для обсуждения церковных дел, кроме заседаний Синода, а также выезжать за границу без специального разрешения правительства. Таким образом стремились ограничить деятельность румынских иерархов, чтобы не допустить их совместной с епископами других Православных Церквей борьбы за Православие.

В дальнейшем законы по делам Румынской Церкви принимались Сенатом и палатой депутатов, но предварительно рассматривались в Синоде, который был уполномочен издавать только частные правила деятельности административных и судебных церковных установлений. По закону 1893 г. из ведения Синода было изъято заведование духовными школами, предоставленное министру исповеданий; заведование церковными имуществами передали городским думам и сельским управлениям, под наблюдением того же министра. Синод не имел права цензуры над богословскими сочинениями; его одобрение требовалось только для церковно-богослужебных книг. Однако Синоду принадлежал в церковных делах суд над духовными лицами и он имел право кассации судебных определений Духовных консисторий.

Румынская Церковь до 1918 г. состояла из восьми епархий, из которых две находились под непосредственным управлением митрополитов Валахии и Молдовы, а остальные шесть — под управлением епископов. По закону 1872 г. епископы избирались не Синодом, а особым «собранием избирателей», в котором, кроме архиереев, участвовали все депутаты палаты, за исключением инославных. Избрание подлежало утверждению верховной властью. По закону 1893 г. епископ почти во всех отношениях был ограничен властью министра исповеданий, за ним оставалось только право лишения виновных клириков священного сана. Приходских священников и диаконов епархиальный архиерей назначал по соглашению с министром, рукоположение он мог совершать свободно только над иеромонахами и иеродиаконами, во всех других случаях — с разрешения министра. Тем же законом значительно была ограничена и судебная власть архиерея по отношению к подчиненному ему духовенству. Епархиальные епископы имели помощников в лице так называемых титулярных (викарных) архиереев. При каждом епархиальном архиерее находилась Духовная консистория, члены которой назначались архиереем

с согласия министра исповеданий. Ниже консистории находились *уездные протоиереи* (что являлось административной должностью), а при каждом из них — несколько станowych благочинных⁴⁹⁰.

Число всех приходов в Румынии, по закону 1893 г., составляло 297 городских и 2734 сельских. Только в Бухаресте к 1890 г. было построено 340 румынских православных церквей и 14 греческих православных церквей⁴⁹¹. Новый приход мог быть учрежден лишь в том случае, если создавалась новая община, и только по королевскому указу. Материальное положение румынского духовенства определялось законом 1893 г.: кроме жалованья (несколько большого для лиц с высшим образованием), священники имеют право пользоваться «доходами от епитрахили» (вознаграждение за требоисправление). Никто без согласия Синода и министра исповеданий не мог поступить в монастырь послушником, минимальный возраст для них был определен в 40 лет для мужчин и 30 лет для женщин. Этот фактор, а также бедность лишенных угодий монастырей являлся причиной относительно небольшого числа насельников. Самым значительным румынским монастырем была основанная в XV в. Нямецкая лавра в Молдавских Карпатах, число ее насельников вместе с двумя скитами доходило до 800, в лавре также находились семинария, типография митрополита, приют и большая библиотека.

Согласно закону 1893 г., в Румынии после проведенного сокращения осталось пять семинарий: две с высшими классами в Яссах и Бухаресте, две с низшими классами в Романе и Арджеше и полная восьмиклассная семинария в Бухаресте (основанная в 1803 г.). Вместо упраздненных 4-классных семинарий были учреждены причетнические училища. Высшими духовными учебными заведениями являлись богословские факультеты при Бухарестском (с 1884 г.) и Ясском университетах. Еще один богословский факультет действовал при Черновицком университете, находившемся до 1918 г. на территории Австро-Венгрии. С 1882 г. работала Синодальная типография в Бухаресте, с 1883 г. выходил официальный церковный печатный орган — журнал

---

⁴⁹⁰ *Moraru A. Biserica Ortodoxă Română între anii 1885–2000. Bucarest, 2006; Istoria Bisericii Ortodoxe Române. Iași, 2004–2007; История Православной Церкви в XIX веке. Славянские Церкви. М., 1998.*

⁴⁹¹ *Павлинов П.С. Указ. соч. С. 403.*

«Biserica Ortodoxă Română» («Бисерика Ортодокса Ромына» — «Румынская Православная Церковь»), издавались богословские журналы: «Răze de lumina» («Лучи света»), «Studii teologice» («Богословские исследования»), «Revista teologica» («Богословское обозрение») и др.⁴⁹²

Весной 1907 г. в Румынии произошло крупное крестьянское восстание, в котором участвовали и многие священники. Это побудило Церковь и государство провести ряд церковных реформ. Синодальный закон 1872 г. был пересмотрен в сторону расширения принципа соборности в управлении Церковью и привлечения к руководству церковными делами более широких кругов духовенства. В результате был расширен контингент духовных лиц, из числа которых избирались епархиальные епископы (закон 1872 г. предусматривал избрание их только из числа титулярных), упразднен институт титулярных епископов (не управлявших епархией), создана Высшая церковная консистория, в которую входили не только члены Синода, но и белое духовенство, и миряне. Кроме того, были проведены законодательные и административные мероприятия по улучшению материального положения белого духовенства, повышению его образовательного уровня, а также по упорядочению экономического состояния и дисциплины в монастырях⁴⁹³.

В 1853 г. появился первый румынский приход за пределами страны — в Париже. В 1866 г. бывший господарь Молдовы Михаил Стурдза основал общину в немецком г. Баден-Бадене, в 1906 г. открылся румынский приход в Вене. В Северной Америке румыны сначала пользовались храмами Русской Православной Церкви, но в 1903 г. был построен первый румынский храм в канадском г. Регина Саск, затем — в 1904 г. в американском г. Кливленде (штат Огайо). Значительное число эмигрантов из Румынии поселилось в районе Великих озер, и в марте 1918 г. на собрании представителей румынских общин в Янгстауне (штат Огайо) было решено создать в Северной Америке епископию, подчиненную Бухарестской митрополии, но это решение тогда не осуществилось, и румынская православная епископия США и Канады была создана только в 1934 г.⁴⁹⁴

---

⁴⁹² ВА, R 5101/23173, Bl. 66; *Скурам К.Е.* Указ. соч. Т. 1. С. 227–228; *Bryner E.* Die Ostkirchen vom 18 bis zum 20 Jahrhundert. Leipzig, 1996. S. 95.

⁴⁹³ *Скурам К.Е.* Указ. соч. Т. 1. С. 201.

⁴⁹⁴ *Пэкуруриу М.* Указ. соч. С. 167–168.

В результате Первой мировой войны территория страны увеличилась в два с лишним раза (считая незаконно оккупированную в 1918 г. Бессарабию), и теперь 30% населения Румынии составляли национальные меньшинства, в том числе православные (украинцы, русские, болгары), но их статус не был отражен в государственных законах. Значительный вклад в создание послевоенного государства внесла Румынская Православная Церковь. Она всегда была тесно связана с правительством страны и, как правило, активно поддерживала его, проявляя при этом очень сильную национальную ориентированность, и нередко являясь инструментом румынизации национальных меньшинств. В 1919 г. состоялся Церковный Собор, объединивший митрополии Румынии, Трансильвании и Буковины (включенной в состав страны в ноябре 1918 г.). Таким образом, Румынская Церковь стала второй по величине среди всех Поместных Православных Церквей после Русской.

31 декабря 1919 г. митрополитом-примасом — Первоиерархом Румынской Православной Церкви был избран трансильванец, бывший униат епископ Карансебешский Мирон (Кристя), что символизировало национальное и церковное единство. Он родился 20 июля 1868 г. в Топлице, в крестьянской семье, в 1890 г. окончил семинарию в г. Сибиу и в 1895 г. философский факультет в Будапеште, где получил докторскую степень, в 1902 г. принял монашество, в 1903 г. был рукоположен в иеромонахи, в 1910 г. — хиротонисан во епископа Карансебешского⁴⁹⁵.

С 1920 г. Румынская Православная Церковь активно участвовала в экуменическом движении. Согласно конституции 1923 г., она была признана национальной Церковью страны. 17 декабря 1923 г. в письме Константинопольскому Патриарху митрополит Мирон сообщил, что Румынская Церковь приняла решение «Всеправославного конгресса» об изменении церковного календаря, и оно будет применено на практике в 1924 г.

4 февраля 1925 г. на Соборе Румынская Православная Церковь была провозглашена Патриархатом. Вначале этот акт рассматривался Константинопольской Патриархией как «умаление престижа Вселенского Патриарха в политических целях», но в дальнейшем выяснилось, что между Фанаром

---

⁴⁹⁵ Пэкуруриу М. Указ. соч. С. 164; Suttner E. C. 50 Jahre rumänisches Patriarchat. Seine Geschichte und die Entwicklung seines Kirchenrechts // Ostkirchliche Studien, B. 25. Würzburg, 1976. S. 3–42.

и Бухарестом было достигнуто негласное соглашение о даровании Патриаршества взамен принятия Румынской Церковью новоюлианского календаря⁴⁹⁶.

Законность акта от 4 февраля была подтверждена Томосом Константинопольского Патриарха от 30 июня 1925 г., дарующим Румынской Церкви статус Патриархата. Его учреждение было также одобрено румынским парламентом. Осенью того же года митрополит Мирон (Кристя) принял титул Патриарха всея Румынии, наместника Кесарии Каппадокийской, митрополита Унгро-Влахийского и архиепископа Бухарестского. 1 ноября 1925 г. состоялась интронизация первого Румынского Патриарха, в которой приняли участие несколько Первосвященителей Поместных Православных Церквей⁴⁹⁷. В этом же году вступил в силу устав Румынской Церкви, действовавший до 1948 г.

В первые месяцы своей деятельности Патриарх Мирон высоко отзывался о Русской Православной Церкви, называя ее «нашей старшей сестрой», а бывшую Российскую империю, — «представительницей и покровительницей всего православия в Европе и всех церковных общин христианского православного мира». Патриарх говорил о русских, что его приводит в умиление «их стойкость и мужество, их вера в правоту своего страдания, их патриотизм, их национализм в рассеянии, их самопожертвенность, их объединение около своего храма»⁴⁹⁸. В свою очередь, русские зарубежные иерархи сначала стремились решить целый ряд существовавших конфликтных вопросов с Румынским Первоиерархом в «духе братской любви». Председатель русского Архиерейского Синода за границей митрополит Антоний (Храповицкий) участвовал в торжествах по случаю интронизации Патриарха Мирона, но в результате своей поездки пришел к неутешительным выводам⁴⁹⁹.

Одной из главных причин для этого стали жестокие преследования противников постановления Священного Синода Румынской Церкви о повсеместном переходе на григорианский церковный календарь с 1 октября 1924 г. (кроме праздников Пасхального цикла). Из членов Священного Синода

---

⁴⁹⁶ Глазков К.В. Исторические причины некоторых событий в истории Румынской Православной Церкви до Второй мировой войны // Церковная жизнь. 1996. С. 49.

⁴⁹⁷ Скурат К.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 205, 227.

⁴⁹⁸ Церковные ведомости. Белград. 1925. № 13–14.

⁴⁹⁹ Глазков К.В. Указ. соч. С. 55.

только один — епископ Герасим выступил против введения нового стиля, по требованию других архиереев он был вынужден уехать из страны и в дальнейшем жил в Париже. Из 9 тысяч румынских приходских священников (не считая Бессарабии и Буковины) почти никто не выступил против календарной реформы, однако монастыри внутренней Молдавии, поддерживаемые окружающими крестьянами, стали сильным очагом сопротивления (только из Нямецкой лавры ушли в знак протеста семь насельников). Сначала движение старостильников возглавил клирик митрополичьего собора в Бухаресте архимандрит Галактион (Жордун), ставший в 1955 г. первым архиереем Румынской Православной Старостильной Церкви. В 1926 г. Патриарх Мирон в первый раз попытался ввести в Румынской Церкви западную Пасхалию. Однако среди верующих начались массовые протесты и демонстрации, которые вынудили Патриарха временно отменить свой указ⁵⁰⁰.

Уже в середине 1920-х гг. на сторонников старого стиля обрушивались гонения. Не подчинившиеся реформе монахи были вынуждены уходить из своих обителей, основывать тайные скиты или служить по домам верных прихожан. Так поступал, в частности, иеромонах Гликерий (Тэнасе), — будущий Первоиерарх Румынской Старостильной Церкви в сане митрополита, причисленный ею в 1999 г. к лику святых. В ноябре 1925 г. он вместе со своим сподвижником иеродиаконом Давидом (Бидаску) вынужденно покинул Покровский скит Нямецкой лавры (настоятелем которого был) и переехал в ущелье Корой Равин, где в следующем году построил часовню; за это время к нему присоединились иеромонах Памва и два его брата-монаха, изгнанные из монастыря Сихэстрия. Вскоре о. Гликерий устроил первую старостильную церковь в с. Ванатори. Иеромонах Гликерий был несколько раз арестован по доносам новостильных клириков и подвергался в заключении пыткам и истязаниям. Однако движение подавить не удалось, с 1924 по 1935 гг. старостильные миряне и священнослужители построили 36 своих храмов⁵⁰¹.

В 1929 г. Патриарх Мирон при поддержке премьер-министра Юлия Маниу (униата) предпринял повторную попытку ввести в Румынской Церкви

---

⁵⁰⁰ Мосс В. Указ. соч. С. 180; Православная Русь. 1993. № 2. С. 6–7.

⁵⁰¹ Глазков К.В. Указ. соч. С. 49, 53; Буликану Ф.С. Румынский исповедник // Старый стиль лучше новых двух. Что такое календарная реформа. М., 2004. С. 248–249..

западную Пасхалию, но из-за массового сопротивления духовенства и мирян был вынужден окончательно отказаться от своих планов. В это время ряды румынских старостильников существенно пополнились. Бывшая помощница настоятельницы крупнейшего в Румынии женского монастыря св. Агапии мать Макария покинула его и основала с группой монахинь первый старостильный женский монастырь⁵⁰².

Значительную поддержку старостильники нашли у монахов Святой Горы Афон. Настоятель афонского румынского скита Подром, сохранившего несмотря на неоднократные обращения Патриарха Мирона, верность юлианскому календарю, игумен Иоасаф позднее постриг в великую схиму иеромонаха Гликерия и иеродиакона Давида. Со временем к о. Гликерию присоединились приехавшие в Румынию с Афона иеромонахи Зосима, Варух и Гимнасий. Осенью 1930 г. о. Гликерий отправился через Афон в Иерусалим, где на Пасху 1931 г. сослужил с главой Русской Духовной миссии на Святой Земле архиепископом Кишиневским и Хотинским Анастасием (Грибановским).

К середине 1930-х гг. окрепшее движение румынских старостильников попыталось установить самостоятельный епископат с помощью Русской Православной Церкви Заграницей или греческих архиереев. С этой целью о. Гликерий в 1935 г. посетил Грецию и Югославию. В Афинах он просил старостильных греческих епископов, чтобы они рукоположили во архиереев приехавших вместе с ним о. Гимнасия и афонского иеромонаха-румына, но Первоиерарх греков-старостильников митрополит хризостом в это время был изолирован английскими властями в Палестине, а члены его Синода не смогли без владыки решить этот вопрос. Затем иеромонах Гликерий вел переговоры в Белграде с архиепископом Анастасием (Грибановским), который не дал согласия на архиерейскую хиротонию, а для рукоположения старостильных иереев посоветовал обратиться к епископу Венскому Серафиму (Ляде) и просить последнего приехать с этой целью в Румынию. Но встреча о. Гликерия с этим владыкой по ряду причин не состоялась.

В 1935 г. началась новая, более жестокая, чем прежде, волна гонений на сторонников юлианского календаря. Правительство ввело в стране военное положение, руководители старостильного движения арестовывались и, как

---

⁵⁰² Мосс В. Указ. соч. С. 181.

государственные преступники, подвергались военно-полевому суду и заключению в концлагеря. По указу Патриарха Мирона арестованные осенью 1936 г. монахи-старостильники были заключены в монастырь Езеру, а монахини — в другой, где с ними обращались с большой жестокостью. Некоторые из заключенных приняли мученическую смерть, в том числе основатель старостильного монастыря Добру иеромонах Памва. Все 36 старостильных храмов и несколько скитов и монастырей были разрушены. Во время разрушения монастыря Кукова пять мирян-старостильников были утоплены в монастырском колодце⁵⁰³.

Перед началом Второй мировой войны Румынская Старостильная Церковь была почти полностью уничтожена, — священнослужители арестованы, а все построенные ими храмы разрушены. Старостильников обвиняли в «большевизме» на том основании, что у них был такой же церковный календарь, как у Русской Церкви. Однако в военное время ситуация постепенно начала меняться. В конце 1939 г. из концлагеря Мяркуря Кюч был освобожден арестованный в сентябре 1936 г. иеромонах Гликерий. Он скрылся в лесу вместе с иеродиаконом Давидом (Бидаску) и около семи лет служил там тайно. В это время в горах и лесах различных районов Румынии было создано несколько тайных скитов⁵⁰⁴.

Кроме борьбы со старостильниками Румынской Патриархии приходилось решать и другие сложные проблемы — от конфликтных отношений с Ватиканом до конкуренции с Константинопольским Патриархом за влияние на православную диаспору и другие Поместные Церкви. Так, 10 мая 1927 г. румынское правительство премьер-министра генерала Александра Авареску (1859–1938) заключило конкордат (международную конвенцию) с Ватиканом, обеспечивавший верховную власть последнего над румынскими католиками. Эта конвенция признавала Католическую Церковь в Румынии юридической единицей и предоставляла ей широкие возможности для деятельности⁵⁰⁵.

26 мая 1929 г., несмотря на протесты Патриарха Мирона, румынский парламент ратифицировал конкордат с Ватиканом, и Первосвяtitель как член правительства вынужден был его подписать. Но еще до этого, в 1928 г., после

---

⁵⁰³ Мосс В. Указ. соч. С. 201; Глазков К.В. Указ. соч. С. 54–56.

⁵⁰⁴ Буликану Ф.С. Указ. соч. С. 252–253; Мосс В. Указ. соч. С. 244–245.

⁵⁰⁵ Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991: Собрание документов в 4 т. / Отв. ред., сост. и авт. предисл. В. Пасат. Т. 1. М., 2009. С. 214.

долгого публичного обсуждения, был принят «Генеральный закон о культах», в который оказались включены многие положения конкордата. Этот закон предоставлял свободу действий не только католикам, но и баптистам, евангелистам, адвентистам. Однако в этом же году постановлением министра культов были запрещены секты назарян, миленистов, адвентистов-реформистов, пятидесятников и иннокентьевцев⁵⁰⁶.

Следует упомянуть, что в 1927–1930 гг. Патриарх Мирон был членом «регента» из трех человек, которое управляло Румынией после смерти короля Фердинанда и до интронизации Кароля II. Для оживления благочестия в народе Патриархом были основаны религиозные объединения для мирян: «Oastea Domnului» («Воинство Господне») с центром в Сибиу, «Fratia Ortodoxa Romana» («Румынское православное братство») с центром в Клуже, «Asociatia Preoteselor» («Ассоциация жен священников») и другие⁵⁰⁷.

В 1929 г. на съезде в Детройте произошло объединение румынских православных приходов США и Канады, тогда же было решено просить Румынскую Патриархию учредить в Америке Румынскую православную миссионерскую епархию (решение создать Американскую епископию, подчиненную Бухарестской митрополии, было принято еще в марте 1918 г. на собрании представителей румынских приходов в г. Янгстауне, штат Огайо, но тогда оно не осуществилось). Выполняя прошение 1929 г., Священный Синод в 1934 г., после официального создания румынской миссионерской епархии США и Канады, хиротонисал во епископа Поликарпа (Морушку), который только в 1935 г. прибыл в Детройт, где принял управление над румынскими приходами Северной Америки. К 1939 г. эта епархия включала 33 прихода, 54 филиала, 26 храмов в США и 17 церквей в Канаде, а также приходские школы, молодежные организации и женские ассоциации (после начала в сентябре 1939 г. Второй мировой войны находившемуся тогда в Румынии епископу Поликарпу не удалось вернуться в свою епархию, и она на несколько лет осталась без архиерейского управления)⁵⁰⁸.

---

⁵⁰⁶ Стратулат Н. Православная Церковь в Молдавии в контексте истории молдавско-румынских межцерковных отношений в XX веке // Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. СПб., 2010. С. 63–64.

⁵⁰⁷ Пэкурариу М. Указ. соч. С. 165, 167.

⁵⁰⁸ Там же. С. 168.

В начале 1930 г. в ходе проходившей в афонском Ватопедском монастыре Всеправославной конференции делегация Константинопольской Патриархии отклонила как чуждое православной традиции предложение Румынской Церкви о том, чтобы каждая автокефальная Церковь имела постоянного представителя при Вселенском Патриархе и т.д. В 1936 г. Патриарх Мирон признал благодатность Апостольского преемства иерархии Англиканской Церкви⁵⁰⁹.

В 1934 г. Румынская Церковь насчитывала около 10 тысяч общин, 5 митрополий и 18 епархий (в том числе созданная в 1921 г. «епископия армии»), к ней принадлежало 72% из 16 миллионов жителей страны. В Румынии действовали 3 богословских факультета (при Бухарестском, Черновицком и Кишиневском университетах), 5 духовных академий в Трансильвании и Банате (Клужская, Орадиевская, Карансебешская, Арадская и Сибиуская) и 10 семинарий (в том числе монашеская в Керницком монастыре). Выходил официальный церковный печатный орган — журнал «Biserica Ortodoxă Română» («Бисерика Ортодокса Ромына» — «Румынская Православная Церковь»), издавались богословские журналы: «Răze de lumina» («Лучи света»), «Studii teologice» («Богословские исследования»), «Revista teologica» («Богословское обозрение») и др.⁵¹⁰

10 февраля 1938 г. правивший с 6 июля 1930 г. король Кароль II назначил Патриарха Мирона премьер-министром (с 11 февраля 1938 г. по 6 марта 1939 г. Первосвятытель также являлся регентом страны). Это назначение было сделано в связи с нестабильной политической обстановкой, в Румынии все большее влияние приобретала националистическая антисемитская организация «Железная гвардия», и король запретил деятельность всех политических партий (31 марта 1938 г.), фактически установив свою личную диктатуру. Следует отметить, что «Железная гвардия» имела сильный православный уклон. Пробразом этой организации стал Союз Архангела Михаила, основанный в 1923 г. Корнелием Кодреану, которому якобы в видениях являлся архангел Михаил. В 1930 г. Кодреану создал массовую организацию «Железная гвардия», имевшую свое подразделение для промышленных рабочих — Рабочий

⁵⁰⁹ Буликану Ф.С. Указ. соч. С. 252.

⁵¹⁰ ВА, R 5101/23173, Bl. 66; Скупат К.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 227–228; Bryner E. Die Ostkirchen vom 18 bis zum 20 Jahrhundert. S. 95.

корпус легионеров. В 1938 г., после установления диктатуры короля, К. Кодреану и ряд других арестованных железногардейцев были казнены⁵¹¹.

Новое правительство повело наступление на права национальных меньшинств — был принят специальный закон о проверке гражданства и преимуществах для лиц румынской национальности⁵¹²; кроме того, оно ввело жесткую цензуру и призвало евреев, прибывших в Румынию во время Первой мировой войны, к эмиграции. В числе реформ, проведенных Патриархом Мироном в качестве премьер-министра, было запрещение протестантам собираться на богослужение, если община не превышает 100 человек, таким образом, оказались прекращены службы примерно в 1500 молитвенных домах и часовнях, принадлежавших различным протестантским деноминациям⁵¹³. Несмотря на ноты протеста из многих стран мира, это запрещение было снято только после смерти Первоиерарха.

Патриарх Мирон (Кристя) скончался 7 марта 1939 г., и 30 июня 1939 г. Церковный Собор избрал новым Румынским Патриархом митрополита Ясского Никодима (в миру Николай Мунтяну). Он родился 6 декабря 1865 г. в с. Пипириче Нямецкого уезда (Молдова) в дворянской (по другим сведениям — крестьянской) семье, окончил школу в г. Нямце и в 1895 г. — Киевскую духовную академию, 1 августа 1894 г. принял монашеский постриг, затем был посвящен в сан архидиакона и назначен проповедником при Ясской митрополии. Затем о. Никодим был возведен в сан архимандрита, назначен ректором Галацкой семинарии и хиротонисан в викарного епископа Галацкой епархии. В 1912 г. он был назначен епископом Хушским и в этом сане возглавлял делегацию Румынской Церкви на Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 гг. в Москве.

В 1918–1919 гг. владыка временно управлял Кишиневской епархией, затем возвратился в Хушскую епархию, в 1924 г. ушел на покой и поселился в Нямецкой лавре, где, являясь настоятелем, основал духовную школу, больницу, приют, странноприимницу, восстановил типографию, перевел Библию на молдавский язык и с русского на румынский язык — «Библейскую историю»

---

⁵¹¹ Поспеловский Д. Тоталитаризм и вероисповедание. М., 2003. С. 278–281.

⁵¹² История Румынии 1918–1970. М., 1971. С. 234.

⁵¹³ New York Times. 11.02.1938. P. 1, 13.02.1938. P. 1.

в шести томах, а также «Толковую Библию» в двенадцати томах. В 1936, 1938 и 1944 гг. в новом переводе на румынский, выполненном владыкой Никодимом и профессорами богословия Василе Раду и Гала Галактионом, вышли три «синодальных издания» Библии. В январе 1935 г. Церковный национальный конгресс Румынии избрал владыку Никодима Яским митрополитом⁵¹⁴.

В предвоенные годы за влияние на Румынскую Православную Церковь активно боролись Великобритания и Германия. При этом власти Соединенного королевства действовали в основном через Англиканскую Церковь. В 1935 г. в Бухаресте состоялись румыно-англиканские собеседования, на которых были проведены дискуссии и приняты согласованные решения по вопросам о доктринальном значении 39 членов англиканского исповедания, о таинстве Священства и действительности англиканских хиротоний, св. Евхаристии и других таинствах, Священном Писании и Предании, о спасении. В отношении таинства Священства члены румынской делегации на собеседовании рекомендовали Священному Синоду своей Церкви признать действительность англиканской иерархии.

20 марта 1936 г. Румынский Священный Синод вынес положительную резолюцию по поводу законности англиканских рукоположений. Правда, эта резолюция должна была стать окончательной только когда высшее управление Англиканской Церкви подтвердит заявления своих делегатов относительно таинства Священства и связанных с ним важных пунктов учения Православной Церкви, а также последует согласие по данному вопросу всех Поместных Православных Церквей. Достигнутое в Бухаресте соглашение было принято Англиканской Церковью в 1936 г. на Йоркской и в 1937 г. на Кентерберийской Ассамблеях (Румынский Синод на заседании 6 июня 1966 г. еще раз рассмотрел документы Бухарестского собеседования и вновь их принял)⁵¹⁵.

В дальнейшем межцерковные контакты продолжали активно развиваться. Так, 13 августа 1937 г. германский МИД переслал в Рейхсминистерство церковных дел тревожный доклад немецкого посла в Бухаресте о сближении Англиканской и Румынской Православной Церквей⁵¹⁶. В мае 1940 г. в Бухарест

---

⁵¹⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 70, л. 138–139.

⁵¹⁵ The Christian East. 1936. Vol. XVI. P. 16–19; Скупат К.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 228.

⁵¹⁶ ВА, R 5101/23173, Bl. 31.

приезжала делегация англиканских архиереев и священников под руководством епископа Гибралтарского и т.д.

В свою очередь немецкие ведомства с 1938 г. по линии научных фондов приглашали молодых румынских богословов стипендиатами для учебы и научной работы в Германию, а православных профессоров богословия — для чтения лекций и докладов в немецких университетах. Так, например, осенью 1940 г. рейхсминистерства науки и церковных дел организовали поездку с докладами в университетах Берлина, Вены, Бреслау и Кенигсберга известного профессора-богослова, литератора и публициста из Бухареста Никифора Крайника, бывшего до 22 августа 1940 г. министром пропаганды Румынии, а во второй половине 1920-х гг. — министром культов и искусств (он происходил из болгар и имел настоящую фамилию Добре). В это же время Немецкая Евангелическо-Лютеранская Церковь имела тесные связи с двумя другими румынскими профессорами, а также выплачивала пособия православным священнослужителям и членам их семей, бежавшим из присоединенной к СССР Северной Буковины в Германию. Весной 1941 г. Рейхсминистерство церковных дел даже частично финансировало строительство православной церкви в г. Галаце (на территории Румынии)⁵¹⁷.

Сама же Румынская Церковь до 1941 г. старалась не занимать односторонней позиции. В этой связи следует упомянуть, что в конце 1939–1940 гг. в Бухаресте с разрешения Патриарха проживал бежавший из оккупированной нацистами Польши епископ Гродненский Савва (Советов), который вел активную антинемецкую агитацию, в частности, убедил Константинопольского Патриарха не признавать назначения Берлинского и Германского архиепископа главой Православной Церкви в Польском Генерал-губернаторстве⁵¹⁸. В 1940 — начале 1941 гг. в ответ на обращения немецких военных священников (лютеран и католиков) о разрешении им совершать богослужения в православных храмах, одна часть румынских архиереев отвечала согласием, а другая — отказывала⁵¹⁹.

---

⁵¹⁷ Ebd., Bl. 155, 251, R 5101/23174, Bl. 12, 25, 42, R 5101/23177, Bl. 73, R 5101/23817, Bl. 221, 242, 247, 343.

⁵¹⁸ AA, Inland I-D, 4757.

⁵¹⁹ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, е. х. 67, л. 2.

В середине 1940 г. Румынская Православная Церковь насчитывала 9067 священнослужителей, 4495 из них имели среднее духовное образование (8 классов семинарии), 4527 — высшее богословское образование (они служили, как правило в городах) и 45 были докторами богословия. В это время в 10 духовных семинариях (две из которых находились в Бухаресте) училось 2656 человек, в 5 духовных академиях — 200 студентов и, кроме того, на 3 православных богословских факультетах университетов — 2500 студентов. Эти факультеты до лета 1940 г. существовали в Бухарестском, Кишиневском и Черновицком университетах, но после потери Бессарабии и Северной Буковины богословский факультет из Черновиц был переведен в Сучаву, а из Кишинева — в Яссы⁵²⁰.

В возглавляемый Патриархом Священный Синод входили все правящие архиереи, в том числе пять митрополитов: Молдавии (с резиденцией в Яссах), Буковины (в Черновцах), Бессарабии (в Кишиневе), Олтении (в Крайове) и Трансильвании (в Сибиу). Кроме того, имелись правящие епископы (по одному на два-три уезда): Констанцы, Бузеу, Куртя-де-Арджеша, Галаца, Хуши, Романа, Рэдэуца, Каран-Себеша, Клужа, Орадии, Арада, Хотина и Измаила. Каждый из них, в свою очередь, имел одного заместителя — викарного епископа, существовал и военный епископ для армии. Заседания Синода проходили один-два раза в год в Бухаресте. Все священнослужители оплачивались государством, кроме того, они брали платы за требы от верующих, а в деревнях владели участками земли. В Бухаресте существовали две организации, защищавшие материальные интересы священнослужителей: «Asociația Generală a Clerului» («Генеральная ассоциация клира») и «Помощь». В некоторых приходах были учреждены интернаты для детей священников и нуждающихся учеников, столовые для бедных. Влиятельное православное общество, выпускавшее ежедневную газету «Телеграфул Ромын», действовало в Сибиу. Многие епископы и священники состояли в национал-либеральной партии, некоторые были национал-царанистами, а довольно значительное число молодых священников и монахов были записаны в правонационалистической партии профессора Александра Кузы и «Железной гвардии»⁵²¹. В целом

---

⁵²⁰ Гласник. Службени лист Српске Правословне Цркве. Београд. 1941. № 2. С. 46, № 7. С. 163.

⁵²¹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: в 2-х т. / Сост. Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова. Т. 1. М., 2009. С. 91–92.

в межвоенный период Румынская Православная Церковь существенно выросла, оказавшись второй по численности в православном мире, и повысила свой статус, став Патриархатом.

2. Церковная жизнь Кишиневской епархии

Вскоре после Октябрьского переворота 1917 г. к Румынии была насильственно присоединена Бессарабская губерния России. Через три месяца после того, как в январе 1918 г. румынские войска захватили Бессарабию, Священный Синод Румынской Православной Церкви без согласования с Московской Патриархией распространил свою власть на территорию существовавшей с 21 августа 1813 г. Кишиневской и Хотинской епархии Российской Церкви (преобразовав ее в Бессарабскую архиепископию, а в 1928 г. — в митрополию). По данным 1914 г., эта епархия насчитывала 1021 церковь, 1121 священника, 20 монастырей и около 1000 монашествующих, а к началу румынской оккупации — 1084 прихода, 27 монастырей, 7 скитов и 3 духовные семинарии⁵²².

С 10 декабря 1915 г. епископом Кишиневским, а с 6 мая 1916 г. архиепископом Кишиневским и Хотинским служил будущий Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей владыка Анастасий (Грибановский). Позднее молдавский архимандрит Варлаам (Кирица) в своем очерке 1945 г. «История на глазах. Православная Церковь в Молдавии за последние 28 лет» так охарактеризовал его деятельность: «Архиеп. Анастасий пользовался всеобщим уважением благодаря своей аскетической жизни, беспристрастию в любви к вверенной ему молдавской пастве... незаурядная личность архиеп. Анастасия парировала много незаслуженных ударов, направленных против архиерейской власти и ее авторитета. В исторических бурных заседаниях бессарабского духовенства 1916 и 1917 гг. [т.е. на Епархиальных съездах духовенства, обсуждавших вопросы реформы церковной жизни и образования в Бессарабии] архиеп. Анастасий тактично уступал революционным требованиям

---

⁵²² Пасат В.И. Русская Православная Церковь в Молдавии в 40 — начале 60-х годов XX века // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С. 294; Шорников П.М. Политика румынских властей и кризис Православной Церкви в Бессарабии. 1918–1940 годы. С. 158–159.

духовенства, ничем не умаляя архиерейского достоинства, благодаря личному примеру высоко нравственного жития»⁵²³.

В апреле 1918 г. председатель Румынского Синода митрополит Молдавский и Сучавский Пимен (Джорджеску) лишь телеграммой известил Патриарха Московского и всея России Тихона, что «вследствие состоявшегося политического присоединения Бессарабии к Румынии православное население, живущее в означенном крае, канонически подчиняется юрисдикции Православной Церкви Румынского государства»⁵²⁴.

В это время не менее трети населения Бессарабии составляли русские и украинцы, — так, согласно переписи 1920 г., из 2686 тысяч ее жителей 742 тысяч назвали себя русскими⁵²⁵. Православная Церковь имела большое влияние в многонациональном населении края, и по замыслу захватчиков могла сыграть важную роль в оправдании румынского присутствия в Бессарабии, а затем и в румынизации ее жителей. Однако подобная политика встретила активное сопротивление священнослужителей и мирян.

Уже в начале 1918 г. местное православное духовенство, надеясь на победу Белого движения, участвовало в создании Комитета освобождения Бессарабии, а архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий открыто осудил факт оккупации. Вскоре румынские церковные власти предложили архиепископу Анастасию и его викариям — епископам Аккерманскому Гавриилу (Чепуру) и Измаильскому Дионисию (Сосновскому) отделиться от Российской Церкви, сохранив при этом условия свои кафедры (архиепископу даже предлагали войти в Священный Синод и обещали орден), но они категорически отказались.

Тогда румынские военные власти арестовали временно управлявшего Кишиневской епархией епископа Гавриила, а также епископа Дионисия, и выслали их за Днестр, причем владыка Дионисий был вскоре убит (архиепископ Анастасий в тот момент находился на Всероссийском Поместном Соборе в Москве). 20 июня 1918 г. епископ Гавриил прибыл в Одессу, откуда выслаал доклад о происшедшем Святейшему Патриарху Московскому и всея России

---

⁵²³ Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991: Собрание документов в 4-х т. / Отв. ред., сост. и авт. предисл. В. Пасат. Т. 1. М., 2009. С. 138.

⁵²⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 153.

⁵²⁵ Йованович М. Указ. соч. С. 116.

Тихону, и вскоре получил назначение на Челябинскую кафедру⁵²⁶. Опасаясь расправы, члены Комитета освобождения Бессарабии, в том числе священнослужители, бежали в Одессу. 9 апреля 1918 г. собравшийся в Кишиневе в оцепленном румынскими войсками здании «Совет страны» («Сфатул цэрий») принял решение о присоединении Бессарабии к Румынии на условиях предоставления ей территориальной автономии⁵²⁷.

В октябре 1918 г., с благословения Патриарха Тихона, архиепископ Анастасий выехал из Москвы в Одессу в надежде восстановить прерванные отношения с захваченной румынами Бессарабией. К тому времени он был членом Священного Синода и одновременно Высшего Церковного Совета Российской Православной Церкви. Однако возвращение в Кишинев оказалось для владыки невозможным, на границе Бессарабии его не пропустили румынские власти, верующим же Синод Румынской Церкви заявил, что архиепископ добровольно покинул епархию. Некоторое время владыка Анастасий жил в Одессе, а затем весной 1919 г. вместе с отступавшими белыми войсками уехал в Константинополь (Стамбул).

Постановлением Румынского Синода от 14 июня 1918 г. на Кишиневскую кафедру был назначен выпускник Киевской духовной академии, владевший русским языком и знавший бессарабские условия, епископ Хушский Никодим (Мунтяну, будущий Патриарх), однако многие священники и миряне встретили его враждебно. «Молдаване, — разъяряло выходившее в Кишиневе румынское официальное издание “Ромыния ноуз”, — должны знать, что они виновны в этом, так как не решились отречься от русского архиерея»⁵²⁸. Управлявший епархией до 31 декабря 1919 г. епископ Никодим реорганизовал Епархиальное управление и ввел румынский язык в богослужебную практику многих приходских церквей. Во главе Кишиневской духовной семинарии был поставлен архимандрит Виссарион (Пую), назначены новые преподаватели

---

⁵²⁶ Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. С. 97.

⁵²⁷ История Румынии 1918–1970. М., 1971. С. 23.

⁵²⁸ Владислав Цыпин, прот. История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997. С. 215; Глазков К.В. Исторические причины некоторых событий в истории Румынской Православной Церкви до Второй мировой войны // Церковная жизнь. 1996. С. 46–47.

из Румынии, преподавание переведено на румынский язык. В некоторых монастырях заменили настоятелей из русских и украинцев⁵²⁹.

Упомянувшийся архимандрит Варлаам (Кирица) так писал о деятельности епископа Никодима: «Как представитель румынской власти, он должен был проводить румынизацию Бессарабской Церкви, но тут русские православные традиции слишком глубоко пустили корни и тщетные были его архиерейские румынские усилия. Бессарабцы сразу же усмотрели и в архиерее, и в нескольких лицах, приехавших с ним из Румынии, чужое, неродственное нам по духу, а иногда прямо-таки враждебное. Народ их просто не слушал и называл антихристами. Духовенство, более осторожное, называло их униатами, характеристика, которая вполне оправдалась в дальнейшей судьбе Румынской Церкви, что отразилось отчасти и на Бессарабской Церкви. Трудно охарактеризовать год правления епископа Никодима, настолько он был бесцветный и бесплодный. Тогда установилось взаимное недоверие между представителями Бессарабской Церкви и высшего духовенства и правящих политических кругов Бухареста. Совсем скандальным был уход епископа Никодима с Кишиневской кафедры... он был лишен кафедры, звания архиепископа и сослан в Немецкий монастырь на положении рядового монаха»⁵³⁰.

Святейший Патриарх Тихон 5 июня и в октябре 1918 г. отправил председателю Румынского Синода митрополиту Пимену два послания с протестом против антиканонических действий Румынской Церкви, которая «своим односторонним, предпринятым без согласия Русской Церкви решением не имела права определить судьбу Кишиневской епархии в смысле подчинения ее своей власти, после того как Православная Бессарабия в течение ста лет составляла нераздельную часть русского церковного тела». По словам святителя Тихона, «такой образ действий Румынского Священного Синода противоречит одинаково и духу христианской любви, и исконным каноническим указаниям, и священным обычаям Православной Церкви. Указание на то, что будто политическое единение всегда влечет за собой и единение Церквей, не может в данном случае служить оправданием для румынской церковной власти, во-первых, потому,

---

⁵²⁹ Виталий Беспалко, *свщ.* Бессарабская митрополия // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 724–725.

⁵³⁰ Православие в Молдавии. С. 139.

что оно само не оправдывается историей, и, во-вторых, потому, что такая точка зрения покоится на смешении природы церковной и политической жизни, разнородных по самому своему существу... И к тому же и самый акт присоединения Бессарабии к Румынскому королевству, как мы утверждали это и ранее, далеко еще не является общепризнанным с международной точки зрения и может быть подвергнут пересмотру при окончательном учете результатов мировой войны». Второе послание Первосвященника заканчивалось предупреждением: «... если Румынская Церковь, невзирая на выставленные нами возражения, попытается насильно закрепить за собой положение, мы вынуждены будем прервать всякое братское и каноническое общение с Румынским Синодом и принести настоящее дело на суд других Православных Церквей»⁵³¹.

Румынский Синод не отреагировал на протесты Патриарха Тихона и 1 января 1920 г. поставил на Кишиневскую кафедру уроженца с. Русешты Кишиневского уезда епископа Ботошанского (викария Ясской митрополии) Гурия (в миру Георгия Степановича Гроссу, 1878–1943). Он с 1917 г. примыкал к группе националистов и позднее одно время состоял заместителем министра культов в Бессарабском «Совете страны» («Сфатул цэрий»). По свидетельству митрополита Евлогия (Георгиевского), видевшего архимандрита Гурия в 1919 г. на приеме у митрополита Молдавского Пимена, это был, несмотря на молдавское происхождение и русское образование, воинственный румынский шовинист: «Родом из Бессарабии, он окончил Кишиневскую семинарию; высшее образование получил в Киевской духовной академии. Посвятив себя в монашеском сане учебно-педагогической деятельности, он на этом поприще не преуспел и был отправлен в монастырь; в последние годы он стал настоятелем одного монастыря в Смоленске. Во время беседы за чаем он стал выражать свои румынские националистические чувства: “Как я счастлив, владыка! — сказал он, обращаясь к митрополиту. — Мечта моей жизни осуществилась, — Бессарабия вошла в состав Румынии... Как это хорошо! Как приятно!..” По отношению к нам, русским епископам, эти слова были бестактны»⁵³². После занятия Кишиневской кафедры владыка Гурий был запрещен в священнослужении Русской Православной Церковью, к которой

---

⁵³¹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 134–136, 153–155.

⁵³² Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 314.

ранее принадлежал. 21 февраля 1920 г. он был избран архиепископом Бессарабским, а 28 апреля 1928 г. возведен в сан митрополита.

Через год после данного события — 23 марта 1929 г. Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Антоний (Храповицкий) в своем письме иеросхимонаху Феодосию Афонскому так отзывался об этом архиерее: «Спаси Вас Христос за мудрый и мужественный ответ студному митрополиту Гурию. Подобные ему господа просто не веруют в Бога, как множество современных архиереев и более половины иереев. Их нисколько не интересует догматическая, и каноническая, и историческая и даже научная правда, а только выполнение масонских поручений... Гурий человек безнадежный; он еще в России посмеялся своему монашеству, и если бы не отделение Румынии от нашего отечества, то был бы лишен сана. Посему он так радовался автономии Бессарабии, что не постыдился появиться в облачении на том бесовском празднике, да еще с жезлом в руке...»⁵³³.

Шовинистический курс архиепископа Гурия вносил разлад между верующими молдавского и славянского происхождения. Хотя 17 августа 1918 г. был принят королевский декрет, провозгласивший право «каждой национальности, проживающей в Бессарабии, обучать своих детей на родном языке», 9 декабря 1919 г. Румыния подписала в Париже международный договор о правах национальных меньшинств и затем подписала соглашение Лиги Наций от 30 августа 1921 г. об охране прав национальных меньшинств, эти обещания игнорировались⁵³⁴. Также не соблюдалась и принятая 28 марта 1923 г. конституция румынского королевства, предусматривавшая, что все граждане страны равны перед законом и пользуются одинаковыми гражданскими и политическими правами без различия языка, расы и религии.

Уже в 1920 г. были ликвидированы все русские государственные начальные и средние школы. Русский язык получил статус иностранного и повсеместно заменялся румынским; все школьные библиотеки опечатывались, и школы лишались русских учебников, ввоз которых в страну строго запрещался наряду с любыми периодическими русскими изданиями (в том числе церковными).

---

⁵³³ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилл, 1988. С. 212–213.

⁵³⁴ Сабенникова И.В. Указ. соч. С. 232.

В 1921 г. была проведена «реформа» частной русской школы, а в следующем году — румынизация земских и городских учебных заведений. Таким образом, к 1923 г. русская школа в Бессарабии перестала существовать, и 85 тысяч русских детей школьного возраста были обречены на денационализацию⁵³⁵.

К этому же времени оказалось ликвидировано русское городское и земское самоуправление, политическая жизнь в Бессарабии и Буковине полностью контролировалась сигуранцей (румынской службой государственной безопасности). На основании пояснений к закону о гражданстве от 24 февраля 1924 г. часть населения Бессарабии осталась без всякого гражданства⁵³⁶.

Насильственное ограничение сферы употребления русского языка ярко проявилось и в церковной области. В Кишиневской духовной семинарии и духовных училищах полностью отменили преподавание русского и церковнославянского языков, из храмов изымали книги на этих языках, священникам запрещали совершать богослужения на церковнославянском и проповедовать по-русски. Так, в сентябре 1924 г. командир Бендерской жандармской бригады приказал своим подчиненным добиться неукоснительного исполнения соответствующего распоряжения Министерства по делам религии. В Измаильском уезде, где русские и украинцы составляли 70% населения, командующий румынскими частями с целью контроля приказал священникам не начинать богослужения до прибытия жандармов и совершать его только в их присутствии. Требование совершать службы на румынском языке распространялось и на чисто русские приходы, в начале 1920-х гг. исключения разрешались для епитимьи и одной молитвы на русском языке (позднее и это было запрещено). Одновременно начала проводиться этническая чистка духовенства, — местные священнослужители заменялись на приехавших из Румынии⁵³⁷.

Однако основная часть православных священнослужителей, в том числе молдаван, сопротивлялась румынизации, первоначально они продолжали служить на церковнославянском языке и даже отказывались поминать за богослужением короля и Румынский Синод. Многие верующие до середины 1920-х гг. также бойкотировали богослужения на румынском языке. Так,

---

⁵³⁵ Сабенникова И.В. Указ. соч. С. 232–233.

⁵³⁶ Йованович М. Указ. соч. С. 39.

⁵³⁷ Шорников П.М. Указ. соч. С. 159.

в частности, в 1919 г. полиция Бельцкого уезда сообщала своему начальству, что «молдаване враждебно относятся к румынской администрации, избегают румынского духовенства..., священникам угрожают, когда они упоминают в церкви имя короля»⁵³⁸.

По свидетельству румынского юриста В. Ербичану, работавшего в Бессарабии в 1918–1923 гг., «в церковной сфере... борьба выражалась в явной тенденции клира к независимости Бессарабской Церкви от Румынской, за сохранение славянского языка, церковных обрядов, за сохранение русского языка и русской истории в качестве главных предметов в духовных семинариях, за использование всех богатств епархии лишь в бессарабских интересах»⁵³⁹.

Это сопротивление жестоко подавлялось. Например, в с. Речула монахинь местного монастыря за участие в богослужении на церковнославянском языке румынские жандармы высекли розгами, а пожилого священника с. Горешты, подозреваемого в сочувствии участникам антирумынского выступления, до потери сознания истязали мокрыми веревками; от пережитых мучений священник сошел с ума⁵⁴⁰.

В результате гонений из страны уезжали русские монашеские общины. Так, в августе 1920 г. переехали в Королевство сербов, хорватов и словенцев 62 сестры из разместившейся в 1917 г. по приглашению архиепископа Анастасия на территории Бессарабии общины женского Леснинского Свято-Богородицкого монастыря (эвакуированной в связи с приближением немцев из Седлецкой губернии). Владыка Анастасий предоставил им Жабский Вознесенский монастырь (в с. Жабка Сорокского уезда на севере губернии), но уже в 1918 г. в связи с развалом Румынского фронта эта обитель стала подвергаться нападениям и грабежам, и игумения Екатерина (Ефимовская) приняла решение ехать в Сербию по приглашению короля Александра⁵⁴¹.

---

⁵³⁸ Глазков К.В. Указ. соч. С. 47.

⁵³⁹ Заявление службы коммуникации ОВЦС Московской Патриархии об аргументах представителей Румынской Православной Церкви, оправдывающих решение об учреждении епархий «Бессарабской митрополии» от 25 марта 2008 г. // сайт pravoslavie.ru

⁵⁴⁰ Лунгу В.Н. Политика террора и грабежа в Бессарабии. 1918–1920 годы. Кишинев, 1979. С. 97, 150.

⁵⁴¹ Виктор Потапов, прот. 100-летие Леснинской женской обители Пресвятыя Богородицы // Русское Возрождение. 1985. № 32. С. 166.

И после отъезда леснинских сестер в Жабском монастыре еще оставалось больше 100 русских насельниц, на которых обрушивались всевозможные стеснения и прещения. Румынские власти заставляли сестер этой обители принять румынское подданство, запрещали проводить богослужения на церковнославянском языке, читать русские книги, разговаривать на родном языке, а в начале 1924 г. арестовали рясофорных послушниц Лидию Дохторову и Ксению. Их без всяких оснований подозревали в шпионаже в пользу СССР, несколько месяцев держали под арестом в тюрьмах Бухареста и Кишинева, а в июне 1924 г. выслали в Королевство сербов, хорватов и словенцев. В знак протеста из 150 насельниц Жабского монастыря 20 сестер покинули обитель, некоторое время они проживали в Кишиневе, а летом 1925 г. переехали в Сербию к принявшей монашеский постриг матушке Диодоре (Дохтовой), которая получила в свое управление монастырь свв. Кирика и Иулиты в Цариброде⁵⁴². Постепенно численность славянского населения в Бессарабии сокращалась, так, по официальным данным, в 1930 г. молдаване составляли уже 64% ее населения.

Недоверие к румынским иерархам стало причиной самоорганизации священников и мирян. В июле 1922 г. в Кишиневе был образован многонациональный по составу «Союз православных христиан Бессарабии», к созданию которого оказались причастны русские монархисты. Тогда же возникли объединявшее русскоязычных верующих «Общество Гроба Господня», руководимый священником Павлом Гучужной русско-молдавский «Союз православных клириков Бессарабии» и другие подобные объединения.

Особенно заметную роль играло основанное в Кишиневе еще в 1867 г. и перерегистрированное в 1924 г. Александро-Невское братство, председателем которого был гагауз — священник Николай Лашков (Лашку). Православная церковь на Армянском кладбище, где он служил, стала центром духовной оппозиции. В реферате сигуранцы отмечалось, что эта церковь «посещается известными русофилами и русифицированными лицами... Богослужение ведется только на русском языке [правильно — на церковнославянском], и ответы хора

---

⁵⁴² Гавриил (Динев), архим. Животопис на схиигумения Мария (Дохторова) // Бялата емиграция в България. София, 2001. С. 320–321; Митрополит Вениамин (Федченков). Записки архиепископа. М., 2002. С. 931.

поются на этом же языке»⁵⁴³. Митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих воспоминаниях также отмечал, что в Бессарабии «славянское богослужение сохранилось лишь в одной, кладбищенской, церкви в Кишиневе»⁵⁴⁴.

В октябре 1924 г. Румынская Патриархия попыталась завершить подчинение себе бессарабских общин, введя в крае принятый Румынской Церковью новый календарь (григорианский стиль). Однако это вызвало новую волну сопротивления. «Союз православных христиан Бессарабии» немедленно осудил выполнившего распоряжение Священного Синода архиепископа Гурья и, опираясь на церковные советы, развернул агитацию в защиту старого календаря. Часть бессарабских священников поддержала протест мирян. По свидетельству сигуранцы⁵⁴⁵, проводившиеся по юлианскому стилю службы превращались в политические манифестации. Тысячи верующих собирались в дни церковных праздников у Чуфлинской церкви и храма Александро-Невского братства, где богослужения еще совершались по старому стилю и на церковнославянском языке. В апреле 1926 г. событием общественной жизни стал молебен в память императора Николая II в кишиневской греческой церкви свт. Пантелеимона⁵⁴⁶.

В 1945 г. архимандрит Варлаам (Кирица) так вспоминал об этих событиях: «...если в самой Румынии, где народ несравненно более пассивно относится к вопросам веры, нежели в Бессарабии, создались серьезные затруднения, в Бессарабии эта реформа навсегда оттолкнула бессарабцев от румын, разделила бессарабское духовенство на два враждующих лагеря и отделила верующие массы народа от священников и новостильников, которых более фанатично настроенные считают антихристами... Реакция появилась немедленно. Большинство священников продолжали служить по старому стилю. Новостильники подвергались сильным нареканиям со стороны верующей массы, а старостильники, поддерживаемые народом, подвергались преследованиям духовного начальства и гражданской власти. Были перемещения, аресты, ссылки и даже

---

⁵⁴³ Шорников П.М. Политика румынских властей и кризис Православной Церкви в Бессарабии. 1918–1940 годы. С. 160.

⁵⁴⁴ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 400.

⁵⁴⁵ С и г у р а н ц а (сигуранция) — в 1921–1944 годах тайная политическая полиция в королевской Румынии.

⁵⁴⁶ Шорников П.М. Указ. соч. С. 161.

тюрьмы. Первоначальное недовольство вылилось в долголетнюю упорную, глухую, неравную борьбу. С одной стороны, власть церковная и гражданская, а с другой — верующий народ и лучшие его представители»⁵⁴⁷.

Даже сами румынские власти констатировали наличие в бессарабском обществе прочных традиций русского Православия и видели в этом основную причину массовости протеста. «Царское владычество в Бессарабии, — докладывала сигуранца, — придало Церкви в этой провинции “православный” облик, сохраняемый как ее духом, так и ее обликом. Вера окутана мистицизмом, свойственным славянскому народу, а церкви, за малым исключением, полны икон казанских и донских святых, принадлежащих к “русскому Православию”, с надписями на славянском языке»⁵⁴⁸.

Сторонники старого стиля получили поддержку со стороны Зарубежной Русской Церкви. 30 ноября 1925 г. находившийся в Иерусалиме архиепископ Анастасий (Грибановский) прислал настоятелю Свято-Ольгинской церкви протоиерею Владимиру Георгиевичу Полякову ответ на его письмо, заявив верующим Бессарабии, что он и теперь считает себя каноническим главой Кишиневской епархии и ожидает удобного момента для возвращения на свою кафедру. Письмо владыки было размножено на шапирографе и нелегально распространялось в Кишиневе и других городах и селах края. Кроме того, о. Владимир Поляков вместе с еще тремя священниками составил заключение против исправленного календаря, которое 1 января 1926 г. было нелегально распространено среди верующих Кишинева⁵⁴⁹.

Эта агитация попала на благоприятную почву. Вскоре целая группа священников решила на открытое неповиновение церковным властям, служа, по сообщению полиции, «по старому стилю все праздники в соответствующих церквях перед большим числом верующих русофилов». В Кишиневе попытались построить церковь в юрисдикции Иерусалимского Патриархата, сохранившего верность старому стилю. Согласно заключению полиции, сопротивление церковной реформе оказывало большинство населения Бессарабии, лишь отдельные приходы перешли на новый стиль.

---

⁵⁴⁷ Православие в Молдавии. С. 142.

⁵⁴⁸ Заявление службы коммуникации ОВЦС Московской Патриархии... от 25 марта 2008 г.

⁵⁴⁹ Шорников П.М. Указ. соч. С. 161.

Учитывая это обстоятельство, представители Кишиневской епархии на Соборе в Бухаресте 4 февраля 1926 г. сделали официальное заявление о недовольстве проведенной реформой и потребовали сохранения старой Пасхалии, так как в этом году церковные власти и ее пытались праздновать по григорианскому стилю.

Введя новый календарь, правительство первоначально обещало разрешить отмечать церковные праздники по двум стилям. Однако Румынский Синод выбрал жесткий курс подавления сторонников старого стиля. В 1926 г. в условиях осадного положения в Бессарабии против них начались жестокие репрессии. Любая попытка сохранения русской православной традиции пресекалась самым жестоким образом, вплоть до арестов, высылки и даже применения оружия, ее сторонников называли в румынской прессе «коммунистами». Священников, боровшихся за старый стиль, предали суду или отстранили от службы, часть их была вынуждена эмигрировать. Указом Кишиневского митрополита всем клирикам-старостильникам грозило извержение из сана и изгнание из храмов с конфискацией имущества. В результате репрессий клир Бессарабии в основном был приведен в повиновение⁵⁵⁰.

Однако движение мирян сломить не удалось, — по сведениям полиции, «Союзу православных христиан Бессарабии» платили членские взносы около 80 тысяч верующих. В одном из полицейских сообщений отмечалось: «Когда наступают праздники по старому стилю, крестьяне одеваются в чистые одежды и, хотя в храмах не проводится религиозная служба, собираются на застолья, устраивают танцы и т.п., а в дни праздников по новому стилю идут в поле и работают»⁵⁵¹.

В это время был лишен своего прихода о. Владимир Поляков. Позднее, уже в сане епископа, он вспоминал в своей автобиографии: «... из Таборского монастыря, в Св. Успенской церкви которого я настоятельствовал с 1925 по 1927 гг., я был буквально выбит жандармами, оцепившими монастырь со всех сторон и пытавшимися захватить меня “живьем” в то время, когда 5 января 1927 г. в крещенский сочельник по старому стилю “я совершал великое освящение воды Иордань”, окруженный собравшимися со всех окрестных

---

⁵⁵⁰ Шорников П.М. Указ. соч. С. 161–162.

⁵⁵¹ Глазков К.В. Указ. соч. С. 53.

деревень тысячами верующих людей, вне стен монастыря, у монастырского источника. В ночь на 6 января, тогда же, прорвавшись с большим риском для своей жизни сквозь цепь жандармов, преданные мне люди вывезли меня на санях, в крестьянской одежде, из монастыря и благополучно доставили в Кишинев, где все же я потом был арестован, судим и, по отбытии тюремного наказания, сослан был сначала в Тыргу-Жиу, в отдаленную румынскую провинцию Горж, а потом и совсем был изгнан из страны, как «политический преступник и враг румынского народа и государства»⁵⁵².

Служа настоятелем русской церкви в Югославии, Франции и Италии, о. Владимир и оттуда письмами продолжал воодушевлять сторонников церковной традиции. Также поступали и монахи русских обителей Афона, которые по сведениям румынской полиции с помощью писем, или лично приезжая в Бессарабию, призывали верующих «всем держаться старого стиля, как на Святой Горе... и не переходить на новый, даже если их будут убивать или сжигать заживо»⁵⁵³.

В это время и известный в крае протоиерей Мисаил (Михаил) Владимирович Кирица, «постоянный проповедник законности русской власти в Бессарабии», поднял свой и окрестные приходы и неоднократно от имени верующих требовал у церковных и гражданских властей разрешения совершать службы в церкви по старому стилю. За подобную смелость и настойчивость он был временно запрещен в священнослужении, затем снят с прихода, и, наконец, в начале 1928 г. вынужден покинуть родину и поселиться в Югославии (в г. Белая Церковь), где оставался полгода⁵⁵⁴.

Когда в 1928 г. в Румынии произошла определенная либерализация режима, и осадное положение в Бессарабии оказалось отменено, вновь многие сельские приходы и практически все монастыри возвратились к старому стилю; несмотря на формальный запрет, был даже издан соответствующий церковный календарь на русском и молдавском языках. Активную пропаганду против нового стиля вела газета «Гласул монахилор» («Голос монаха»), редактируемая иеромонахом Дионисием (Лунгу). Новый 1929 г. и Рождество большинство верующих края демонстративно встретило по юлианскому календарю.

---

⁵⁵² Православие в Молдавии. С. 274.

⁵⁵³ Шорников П.М. Указ. соч. С. 162.

⁵⁵⁴ Православие в Молдавии. С. 142–143.

На состоявшемся в декабре 1928 г. общем собрании Союза бессарабского духовенства было решено, что сохранение старой Пасхалии совершенно необходимо и неизбежно, по информации сигуранцы клир «заявил, что порвет с Синодом, если Пасху не будут праздновать по старому календарю». Под давлением своего клира и митрополит Гурий выразил несогласие с намерением Патриарха праздновать Пасху 1929 г. по григорианскому календарю. В этих условиях Румынская Патриархия уступила, и 3 марта митрополит Гурий объявил в кафедральном соборе, что Синод разрешил праздновать в Бессарабии Пасху по старому стилю — 5 мая⁵⁵⁵.

Позднее архимандрит Варлаам (Кирица) отмечал: «Если и были некоторые “успехи” новостильников, то провал был окончательным, когда в 1930 г. правительство... играя на народных страстях, пообещало народу старый стиль (взамен избирательных голосов). В том году Пасху отпраздновали по старому юлианскому календарю, но после Троицы опять отменили это распоряжение. Неудовольствие получилось полнейшее. Народ, видя, что власти играют вопросом, всецело уперся и остался со старым календарем. Так, где священников-старостильников не было, верующие искали их за сотни верст. И даже пытались строить старостильные церкви...»⁵⁵⁶.

Используя временную либерализацию режима, новообразованное Объединение русского меньшинства в Румынии в конце 1929 г. обратилось к Священному Синоду и Министерству народного просвещения и культов с просьбой одобрить открытие в Бессарабии самостоятельной русской церкви, но ни Синод, ни Румынский Патриарх не откликнулись на просьбу, а министр 30 января 1930 г. письменно известил руководителей объединения, что их «просьба не может быть удовлетворена»⁵⁵⁷.

Несмотря на этот ответ, в Кишиневе все-таки была создана самостоятельная русская православная община, и в начале 1930 г. открыта домовая Свято-Серафимовская церковь в помещении Объединение русского меньшинства. Местная гражданская администрация и Кишиневский митрополит Гурий оказывали сильное давление на ее настоятеля протоиерея Бориса Бинецкого,

---

⁵⁵⁵ Шорников П.М. Указ. соч. С. 162–163.

⁵⁵⁶ Православие в Молдавии. С. 143.

⁵⁵⁷ Йованович М. Указ. соч. С. 271.

и, в конце концов, подвергли его духовному суду, который запретил пастыря в священнослужении и временно лишил сана.

Преемником о. Бориса стал протоиерей Владимир Поляков, которому в конце мая 1930 г. удалось с помощью международной общественности добиться отмены высылки из Румынии, возвратился в Бессарабию и, в качестве настоятеля Свято-Серафимовской церкви, по его свидетельству, продолжил «активную борьбу с румынами за права Русской Православной Церкви и родного... русского народа в этой провинции». Хотя о. Владимир был назначен Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви Заграницей, он вновь стал подвергаться гонениям, а летом 1930 г. по настоянию митрополита Гурия румынское правительство повторно приняло решение о высылке о. Владимира из страны. В начале августа его дважды пытались арестовать и выслать, а когда Совецание делегатов русских меньшинств в Женеве обратилось 12 августа 1930 г. к Совету Лиги Наций с просьбой защитить попираемые духовные права русского населения Румынии, власти этой страны через три дня, — 15 августа, временно закрыли русскую церковь в Кишиневе⁵⁵⁸.

17 декабря 1930 г. о. Владимир Поляков был вытасчен жандармами из храма в полном облачении во время совершения литургии в день св. вмц. Варвары. В своей автобиографии автор вспоминал: «При этом, так как ворвавшиеся в церковь вооруженные солдаты встретили сопротивление верующих, пытавшихся помешать моему аресту, и так как вследствие этого вокруг меня завязалась борьба, во время которой меня тянули во все стороны, изодрали ризы, сорвали наперсный крест, академический значок и вообще довели меня до полного изнеможения, то дело приняло неожиданный оборот. Из притвора храма, куда меня, в конце концов, выволокли жандармы, вырвав из рук верующих, и где я от нервного потрясения и жандармских пинков потерял сознание, вместо приготовленной для меня отдаленной ссылки, я попал на больничную койку в одну из городских больниц, откуда, пролежав некоторое время, охраняемый по распоряжению заботливой сигуранции приставленным ко мне бдительным стражем, был освобожден после запроса обо мне в румынском парламенте»⁵⁵⁹.

---

⁵⁵⁸ Йованович М. Указ. соч. С. 271; ГАРФ, ф. 9145, оп. 1, д. 368а, л. 4–6.

⁵⁵⁹ Православие в Молдавии. С. 275–276.

Отца Владимира все-таки предали суду. Согласно его воспоминаниям, пастыря судили военные, гражданские и церковные судебные инстанции в Кишиневе, в Яссах и Бухаресте. Он сидел в военных, уголовных тюрьмах и арестных домах — в Кишиневе, Яссах, Бендерах и в Тыргу-Жиу, в общих и одиночных камерах, как самый тяжелый преступник; к протоиерею применяли строжайший тюремный режим, часто лишая права даже обычной часовой прогулки в тюремном дворе. Отец Владимир четыре раза отбывал тюремное заключение, в общей сложности два с половиной года, три раза был в ссылке, несколько раз подвергался крупным денежным штрафам и постоянно находился под надзором полиции. Дважды он был лишен священнического сана: в первый раз Кишиневским духовным судом под председательством архиепископа Бессарабского Гурия и вторично — Апелляционным митрополичьим судом в Яссах, возглавляемым митрополитом Яским Никодимом. Окончательное лишение о. Владимира священнического сана, которое должно было состояться по решению третьей судебной инстанции, — на сессии Священного Синода в феврале 1933 г., не было доведено до конца из-за вмешательства Западно-Европейского архиепископа РПЦЗ Серафима (Лукьянова), которому протоиерей тогда подчинялся, и протеста Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей митрополита Антония (Храповицкого) на имя Румынского Патриарха Мирона (однако без посылки какого-либо ответа митрополиту Антонию)⁵⁶⁰.

Следует отметить, что в начале 1930-х гг. владыка Антоний, еще пытаясь сохранить лояльные отношения с Румынской Патриархией, не принял в свою юрисдикцию обратившуюся к нему большую группу «старостильников» во главе с протоиереем Борисом Бинецким, тем более что в Бессарабию был послан в качестве представителя РПЦЗ протоиерей Владимир Поляков. Таким образом, в крае произошло создание двух православных групп «старостильников». После получения отказа о. Борис Бинецкий обратился к управлявшему с 1931 г. западно-европейскими приходами Московского Патриархата митрополиту Виленскому и Литовскому Елевферию (Богоявленскому) с просьбой принять его в свое ведение и разрешить служить. Владыка Елевферий отправил запрос Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому), который ответил владыке, что вопрос о принадлежности Бессарабии к Румынии

---

⁵⁶⁰ Косик В.И. Указ. соч. С. 55; Biserica Ortodoxa Romana. 1934. № 1–2. S. 133.

до сих пор не решен и что Россия считает это отторжение временным. Поэтому если Русская Церковь не возражает против «временного» управления Кишиневской епархией румынским митрополитом, то она «вправе ожидать, что временно управляющий не будет требовать, чтобы русские приходы (продолжающие себя считать еще частью Русской Церкви) обязательно усваивали себе все подробности практики и дисциплины Румынской Церкви»⁵⁶¹.

В 1930–1932 гг. в Кишиневе служил еще один известный русский пастырь — архимандрит Феодосий (Алмазов), сосланный в Нарымский край и в августе 1930 г. бежавший из СССР в Румынию. С 7 января по 1 сентября 1931 г. он даже исполнял обязанности настоятеля греческой церкви Кишинева, но в следующем году был вынужден уехать в Болгарию⁵⁶².

Зимой 1930/1931 гг. в Бессарабии вновь ввели осадное положение, возобновились аресты и судебные расправы над оппозицией. Когда в начале 1931 г. группа священников предприняла попытку издавать в Кишиневе русско-румынскую газету «Раза» («Свет»), митрополит Гурий запретил ее выпуск после первого номера. В своей проповеди он заявил, что русские имеют возможность обращаться к Богу на своем языке, «но некоторые элементы из русского населения ведут себя как сектанты», и таких «следует высылать за Днестр». Это скандальное заявление вызвало возмущение в обществе, и Объединение русского меньшинства в Румынии направило протест королю, но он остался без ответа⁵⁶³.

Тем не менее авторитет митрополита Гурия сильно упал. Резкие выпады против него появились даже в румынской печати. Кульминационной точкой был роман «Тайны митрополичьего дома», вышедший в конце 1930 г. в серии издававшейся на русском языке бухарестской газеты «Наша речь», с карикатурой на митрополита и очень прозрачным описанием подробностей. На кишиневском базаре в то время распевали песенку на тему: «Гурий продал старый стиль и купил автомобиль...»⁵⁶⁴.

Однако новая волна изгнания из приходов сторонников старого стиля и замена их присланными из Румынии священниками все же позволила временно

---

⁵⁶¹ Православие в Молдавии. С. 117–118.

⁵⁶² Косик В.И. Указ. соч. С. 361–362.

⁵⁶³ Шорников П.М. Указ. соч. С. 164.

⁵⁶⁴ Православие в Молдавии. С. 143.

слоमितь сопротивление бессарабского клира. Почти все русофильские церковные объединения и союзы почти были ликвидированы. Вместо них, опираясь на государственную администрацию и финансовую помощь правительства, масштабную румынизаторскую деятельность развернуло общество «Астра». Возглавлял его викарный епископ Аккерманский и Измаильский Дионисий (Эрхан), а в число «активистов» общества в селах в обязательном порядке включали священников. Но и в этих условиях сопротивление верующих календарной реформе продолжалось. Летом 1935 г. оно вылилось в массовые крестьянские волнения в Бельцком уезде, только в столкновении с полицией в с. Старый Албинец 19 августа было убито 5 крестьян, около 10 ранено и 120 арестовано. В с. Пятра-Нямце, когда верующие шли на праздник освящения старостиального храма, полиция преградила им дорогу и открыла огонь, в результате один крестьянин был убит⁵⁶⁵.

Позднее священник Николай Климович в письме на имя Н.А. Булганина в 1958 г. так описывал события в с. Старый Албинец: «В 1935 г. по разрешению румынских властей и по просьбе народа я устроился на работу в с. Албинец Фалештского района. Все священники Кишиневской и Бельцкой епархии презирали меня за то, что я не совершаю божественную службу по новому стилю... Священники собрались в г. Бельцы и подкупили жандармского полковника Манцила за 260 000 лей, и полковник Манцила выдал священникам военное обмундирование и винтовки с патронами и 19 августа 1935 г. ночью напали на меня в полном боевом порядке и наделали великое несчастье, убили трех человек... и четвертого человека — вынули у него кишки, и очень многих ранили пулями. Верующие пришли в великий ужас и встали на защиту меня и скрыли меня. Благочинный Фалештского района Стойко Михаил был одет в военную форму капитана, он расстрелял все патроны и стал бить людей прикладом. Люди и большинство женщин стали защищаться холодным оружием, и одна женщина, боевая, не потеряла духа, взяла железные вилы и защищалась от ударов благочинного, и проколола ему ногу, и от этого получилось у него заражение крови — он через три месяца умер»⁵⁶⁶.

---

⁵⁶⁵ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и Бессарабский вопрос. Кишинев, 1974. С. 271–272; Глазков К.В. Указ. соч. С. 56.

⁵⁶⁶ Православие в Молдавии. С. 151–152.

В 1934 г., после кончины священника Николая Лашкова, митрополит Гурий назначил настоятелем церкви Александро-Невского братства соглашательски настроенного священника, но взять ее прихожан под контроль властям не удалось. Храм остался центром духовной жизни, в нем по-прежнему собирались более тысячи жителей Кишинева, по сведениям сигуранцы, «в большинстве своем интеллигентов русского происхождения»⁵⁶⁷.

Угнетение русского населения в аннексированной Бессарабии вызывало сильную тревогу у руководства Русской Православной Церкви Заграницей. 12 июня 1930 г. ее Архиерейский Синод заслушал составленный на основе писем Г.М. Цамутали и архиепископа Богучарского Серафима (Соболева) доклад Первоиерарха митрополита Антония (Храповицкого) о положении церковных дел и духовном окормлении русских в Бессарабии, поручив владыке Серафиму выяснить необходимые вопросы. Под давлением РПЦЗ Кишиневский митрополит Гурий 6 июня 1931 г. даже написал митрополиту Антонию уклончивое письмо по вопросу совершения служб для русских по их обычаям и на церковнославянском⁵⁶⁸.

После нескольких неудачных попыток руководства Русской Православной Церкви Заграницей ходатайствовать перед румынской властью о прекращении преследования православных в Бессарабии и о предоставлении им права самостоятельного управления Архиерейским Синодом РПЦЗ, Архиерейский Собор этой Церкви поручил попечение о православной пастве в Румынии будущему митрополиту Берлинскому и Германскому, а тогда епископу Венскому Серафиму (Ляде).

В июле 1932 г. владыка Серафим в качестве представителя Центрального комитета русского национального меньшинства в Бессарабии участвовал в совещании православных членов VIII Европейского конгресса национальностей для защиты церковных интересов русского населения. Вопрос о положении русских церковных общин в Бессарабии рассматривался на Архиерейских Соборах РПЦЗ 27 августа 1932 и 8 сентября 1936 гг.⁵⁶⁹

---

⁵⁶⁷ Шорников П.М. Указ. соч. С. 165.

⁵⁶⁸ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 107, 111.

⁵⁶⁹ Там же, д. 123.

В середине 1930-х гг. епископ Серафим (Ляде) дважды ездил в Бессарабию по заданию Архиерейского Синода. Владыка посещал православных, не признававших насильственного присоединения к Румынской Церкви Кишиневской епархии и введения новоюлианского стиля, которых по-прежнему подвергали жестоким гонениям. В первую поездку епископ Серафим имел поручение ходатайствовать за них в Бухаресте, но его переговоры не имели успеха. Затем он был послан в Бессарабию к существовавшим тайно старостильным общинам, окрестил там много детей, совершил три священнических хиротонии, снабдил священников (которые подчинялись ему, как своему архиерею) антими́нсами и святым миром. Когда об этой деятельности стало известно румынскому правительству, владыку Серафима выслали из страны⁵⁷⁰.

Позднее Румынский Патриарх Никодим в своем послании Московскому Патриарху Алексию от 20 мая 1945 г., явно искажая реальную картину, так объяснял события 1930-х гг.: «...в очень ограниченных районах, в северной части Молдавии и Бессарабии, вскоре после введения исправленного календаря, было проявлено беспокойство. Наша Церковь поспешила дать разъяснения и успокоить эту низшую часть населения при помощи мирных средств духовного порядка. Когда все уже было готово прийти в порядок, пропагандисты, подкупленные так называемым епископом, имевшим местом своего пребывания Вену, а позднее Германию, смутили наиболее слабые умы и возбудили беспорядки, направленные против государства, но не против Церкви. Когда произошли волнения, государство приняло меры и защитило порядок. Вопрос никоим образом не заключался в религиозных убеждениях, еще менее в календаре, но просто в политических беспорядках»⁵⁷¹.

В докладе на Епархиальном съезде русской Северо-Американской епархии в Бруклине 19 марта 1935 г. архиепископ Виталий (Максименко) с горечью отмечал: «В Бессарабии, попавшей под Румынию, двухмиллионный православный народ тоже лишен прав, переведен на новый стиль и румынское богослужение. Все русское подвергается гонению, русские священники предаются

---

⁵⁷⁰ *Георгий Граббе, протопр.* Церковь и ее учение в жизни. (Собрание сочинений). Т. 2. Монреаль, 1970. С. 164–165.

⁵⁷¹ Православие в Молдавии. С. 126.

суду, сажаются в тюрьмы, с них снимают духовную одежду — рясу и отрезают им бороды и волосы»⁵⁷².

8 июня 1936 г. Архиерейский Синод РПЦЗ заслушал представленный епископом Серафимом проект обращения к Лиге Наций по поводу притеснения русского православного меньшинства в Бессарабии и постановил принять это обращение, дополнив юридическо-каноническим обоснованием права русской церковной власти вступаться за православных русских в Бессарабии⁵⁷³. С 1937 г. между РПЦЗ и Румынской Церковью прекратилось даже взаимное поздравление с церковными праздниками.

Во время правления владыки Гурия, — 10 марта 1923 г., на территории Бессарабии были образованы: входившая в Бессарабскую митрополию Аккерманско-Измаильская епархия (ее возглавил епископ Иустин), а также Хотинская епархия (кафедра в г. Бельцы) Буковинской митрополии во главе с епископом Виссарионом (Пую). При этом последний в особенности зарекомендовал себя как румынизатор края. В его епархии большинство населения составляли украинцы и русские, почти не говорившие по-румынски, и раньше священники, несмотря на давление властей, в основном служили по-церковнославянски. По свидетельству архимандрита Варлаама (Кирицы), «с приходом епископа Виссариона категорически было запрещено священникам править по-русски. Вследствие этого в русских селах церкви буквально пустовали. Непослушные приказу священники переводились и даже лишались мест; один священник в порыве отчаяния удавился, оставив письмо, в котором обвиняет в своей смерти епископа Виссариона». В Аккерманско-Измаильской епархии почти так же настойчиво совершались службы и произносились проповеди на непонятном славянам языке, сжигались богослужебные церковнославянские книги, вычеркивались русские святые из святцев и т. п.⁵⁷⁴

В 1926 г. в Кишиневе был основан находившийся в ведении Ясского университета богословский факультет, а в Измаиле и Единце — 8-классные духовные семинарии. В 1920–1925 гг. священники из Бессарабии принимали участие в разработке и принятии нового Организационного статута

---

⁵⁷² Виталий (Максименко), архиеп. Мотивы моей жизни. Джорданвилл, 1955. С. 31.

⁵⁷³ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 137.

⁵⁷⁴ Православие в Молдавии. С. 141–142.

Румынской Православной Церкви. В 1929 г. в Кишиневе состоялся 2-й, а в 1933 г. — 4-й Миссионерский съезд Румынской Церкви. В межвоенный период на территории Бессарабской митрополии было построено более 100 церквей и столько же отреставрировано. Основывались школы для желающих принять монашеский постриг, в монастыре Добруша была организована школа певчих, в целом число монашествующих возросло до 2400 человек. Выходили официальный орган митрополии журнал «Luminătorul» («Просветитель»), «Газета православной Румынской миссии в Бессарабии» (1929–1940), еженедельник «Луч» (орган Содружества клириков Бессарабии), журналы «Студент», «Наш язык», «Звезда» и другие церковные издания⁵⁷⁵.

В конце 1936 г. сменилось руководство Кишиневской епархии — митрополит Гурий был предан гражданскому суду по обвинению в похищении полутора миллионов лей из кассы Епархиального управления, злоупотреблении своим положением, нарушении закона об организации Румынской Православной Церкви, а также в бесхозяйственности, повлекшей за собой для митрополии убытки на сумму 12 миллионов лей (румынские власти ставили митрополиту в вину и неудачи с введением нового стиля)⁵⁷⁶. Также был арестован его келейник иеромонах Климент (Врабия).

11 ноября владыка Гурий по требованию министра народного просвещения и культов Виктора Яжанджи был отправлен на покой и 14 декабря 1936 г. навсегда покинул Бессарабию. Судебный процесс над ним продолжался до 1942 г., в результате кассационная палата так и не вынесла обвинительного приговора митрополиту, найдя средний термин между обвинением и оправданием — «абсоляре». Митрополиту Гурию назначили пожизненную пенсию, но вскоре — 16 ноября 1943 г. он скончался в Бухарестской больнице и 21 ноября был погребен в монастыре Черника. На церемонии похорон присутствовали Патриарх Никодим и представители государственной власти, при этом «прочувственное слово» произнес новый министр народного просвещения и культов Петрович⁵⁷⁷.

После митрополита Гурия Бессарабской митрополией управляли: с ноября 1936 по июнь 1937 гг. — архиепископ Ясский Никодим (Мунтяну,

⁵⁷⁵ Виталий Беспалко, *свщ.* Указ. соч. С. 725.

⁵⁷⁶ Новое русское слово. 1936. 10 ноября.

⁵⁷⁷ Православие в Молдавии. С. 143–145.

будущий Патриарх), с июня 1937 по февраль 1938 г. — епископ Галацкий (Нижнедунайский) Косьма (Петрович) и с марта 1938 г. — бывший благочинный монастырей Бухарестской епархии и епископ Тигинский Ефрем (Иоанн Енэческу, 1893–1968). Он был командирован в Кишинев в роли викария и наместника (заместителя) правящего архиерея с присвоением титула епископа Бендерского. Владыка Ефрем управлял Кишиневской епархией (с перерывом в июне 1940 — июле 1941 гг.) до августа 1944 г., при этом в январе 1944 г. ему был присвоен титул архиепископа Кишиневского и митрополита Бессарабского. Новые архиереи, так же как и прежние, стремились к румынизации края⁵⁷⁸.

В частности, архимандрит Варлаам (Кирица) так писал о деятельности епископа Ефрема: «Стяжавший себе недоверие и холодность духовенства, он сумел стяжать и насмешку масс, которые окрестили его “Ефрешкой” за неприятую у наших архиереев публичную вольность манер. Как румын, всецело опираясь на поддержку гражданских и военных властей румынских, он навел террор на мирных и благодушных жителей Бессарабии. В монастырях протезировал и выдвигал отъявленных негодяев, попирая честных тружеников, потому что не находил у них поддержки»⁵⁷⁹.

В конце 1930-х гг. румынские власти попытались с помощью новой волны репрессий окончательно покончить с церковной оппозицией в Бессарабии. До этого времени в Кишиневе еще сохранялась домовая русская Свято-Серафимовская церковь, настоятелем которой по-прежнему служил возглавлявший с 1935 г. Объединение русского меньшинства в Румынии протоиерей Владимир Поляков. После очередного закрытия храм возрождался на новом месте. Наконец в сентябре 1937 г. румынские власти решили окончательно ликвидировать перевозившуюся с места на место церковь, которая тогда действовала на Стибиковской ул., д. 1. С этой целью вооруженные полицейские взломали замки на дверях храма и вывезли все церковное имущество, оставив часовых у дверей оскверненной церкви⁵⁸⁰.

---

⁵⁷⁸ Виталий Беспалко, *свиц.* Указ. соч. С. 725; Raza. 21.11.1943. S. 4, 28.11.1943. S. 4; *Протоиерей Владислав Цыпин.* Указ. соч. С. 216.

⁵⁷⁹ Православие в Молдавии. С. 146.

⁵⁸⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 24, л. 5–6.

В октябре 1937 г., во время объявления Бессарабии на осадном положении, протоиереи Борис Бинецкий, Димитрий Стецкевич и Владимир Поляков были осуждены военным судом за службу по старому стилю вопреки запрету Епархиального управления (при этом о. Владимира приговорили к 15 месяцам тюрьмы). Но их последователи продолжали борьбу: весной 1938 г. сигуранца уличила в ведении «панславистской пропаганды» группу бывших прихожан этих священников, в феврале этого же года был схвачен монах Кондрицкого монастыря Леон (Талмазан), который, переодевшись священником, агитировал верующих за старый стиль, и т.д.⁵⁸¹

На Втором Всезарубежном Соборе РПЦЗ в 1938 г. обсуждалась тяжелая ситуация в Румынии: «Началось вскоре преследование всего русского и славянского, особенно усилившееся после перехода Румынской Церкви на новый стиль, так как бессарабское население твердо отстаивает старый стиль. Распоряжением власти были запрещены богослужения на славянском языке и по старому стилю; неповиновавшихся арестовывали»⁵⁸².

Кровавые гонения на старостильные общины продолжались и в дальнейшем. Установление в феврале 1938 г. диктатуры короля Кароля II сопровождалось дальнейшим ужесточением гонений в национальной и церковной сфере. Правительство под руководством премьер-министра Патриарха Мирона провело административную реформу, расчленив Бессарабию, — значительная ее часть была передана в управление румынских областных центров: Галаца, Ясс, Сучавы. На всей территории края было строго запрещено пользование любым языком, кроме румынского, а в октябре 1938 г. введена цензура фильмов с целью изъятия кадров, которые могли бы напомнить населению о времени, когда Бессарабия входила в состав России⁵⁸³.

Священный Синод запретил священникам даже при исповеди разговаривать с прихожанами на любом языке, кроме румынского, что для многих было почти равносильно отлучению от Церкви. Подобные меры вызывали недовольство не только русских и украинцев, но и крестьян-молдаван,

---

⁵⁸¹ Шорников П.М. Указ. соч. С. 165.

⁵⁸² Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей. Белград, 1939. С. 398.

⁵⁸³ История Румынии 1918–1970. С. 334.

в основном сохранивших приверженность старому стилю, считая его частью национальной церковной традиции. В результате большинство населения Бессарабии находилось в оппозиции политике Румынской Патриархии и, так или иначе, вело «глухую войну с ней» вплоть до последних дней румынской оккупации края⁵⁸⁴.

Не сдавались и прихожане русских общин. После того как, отбыв срок заключения, в начале 1939 г. вышел из тюрьмы о. Владимир Поляков, он сразу же устроил небольшую домовую церковь у себя на даче под Кишиневом, на Костюженском шоссе, 45, где тайно совершал службы до 1940 г. Эмигрировавший в 1941 г. архимандрит Димитрий (Биакай) так охарактеризовал этого пастыря: «Ревностный пастырь и проповедник, стяжавший себе общую любовь верующих. После принятия Румынской Церковью нового стиля становится непримиримым борцом против последнего, объединяет вокруг себя старостильников. Терпит жестокие преследования, тюрьму и побои»⁵⁸⁵.

За год до начала Великой Отечественной войны ситуация на присоединенных к Румынии территориях коренным образом изменилась. 28 июня 1940 г. Румыния была вынуждена передать Бессарабию и Северную Буковину (большинство населения которой составляли украинцы) Советскому Союзу, 30 августа 1940 г. (по 2-му Венскому арбитражу) Северную Трансильванию — Венгрии, и в том же месяце Южную Добруджу — Болгарии. На территории Северной Буковины 7 августа была образована Черновицкая область в составе Украинской ССР. После включения Бессарабии в состав СССР ее южная часть отошла к Одесской области (и епархии), а из остальной части, с присоединением прежней левобережной Молдавской АССР (Приднестровья), в августе 1940 г. образована Молдавская ССР. Все три служивших в Бессарабии румынских епископа и часть священников уехали в Румынию. Оставшаяся в Кишиневе группа духовенства во главе с протоиереем Мисаилом Кирицей отправила на имя Московской Патриархии телеграмму с просьбой выслать на овдовевшую Кишиневскую кафедру епископа.

Вскоре на территории республики была учреждена епархия Русской Православной Церкви, и 3 декабря того же года Московская Патриархия

---

⁵⁸⁴ Шорников П.М. Указ. соч. С. 165–166.

⁵⁸⁵ Косик В.И. Указ. соч. С. 56.

командировала в Кишинев епископа Тульского Алексия (в миру Виктора Михайловича Сергеева; 1899–1968) в качестве управляющего православными общинами Кишиневской, Бельской, Измаильской и Черновицкой епархий сроком на 6 месяцев. 12 мая 1941 г. владыку утвердили на Кишиневской кафедре с присвоением титула архиепископа Кишиневского и Бессарабского, оставив в его управлении Измаильскую и Белецкую епархии и временно возложив на него общее попечение о самостоятельной Черновицкой епархии. Титул архиепископа не соответствовал ни дореволюционному — Кишиневский и Хотинский, ни установленному в декабре 1944 г. — Кишиневский и Молдавский. Титул 1941 г. был максимально приближен к привычному по предыдущим двум десятилетиям для слуха местного верующего народа. В начале лета 1941 г. Московской Патриархией был назначен епископ Черновицкий и Хотинский Дамаскин (Малюта)⁵⁸⁶. Но впереди еще были испытания Великой Отечественной войны.

3. Албанская Православная Церковь

История автокефальной Албанской Православной Церкви началась в период между двумя мировыми войнами. Хотя около 70% населения Албании составляли мусульмане, там имелось довольно значительное количество православных верующих, прежде всего в южных, граничащих с Грецией районах страны. Крупные православные общины существовали и в городах центральной части Албании, в том числе в столице — Тиране. После провозглашения в 1912 г. независимости страны от Османской империи возникло движение за самостоятельность албанских православных общин от Константинопольского Патриархата. Решающую роль в этом сыграла албанская диаспора в Америке и Европе и, прежде всего, деятельность состоявшего некоторое время в юрисдикции Русской Православной Церкви митрополита Дурресского Фана Ноли (Феофана Стилиана Ноли).

---

⁵⁸⁶ Галкин А.К. Указы и определения Московской Патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 года. // Вестник церковной истории. Москва. 2008. № 2 (10). С. 58, 75, 102.

В 1908 г. он был рукоположен в Бостоне во иерея русским архиепископом Алеутским и Североамериканским Платоном (Рождественским), а в 1918 г. после монашеского пострига возведен в сан архимандрита и назначен епископом Канадским Александром (Немоловским) администратором Албанской православной миссии в Америке, входившей в состав Русской Православной Церкви. На II Всеамериканском Соборе 25–28 февраля 1919 г. в Кливленде была учреждена Албанская православная епархия в США (в которую вошли приходы штатов Новой Англии и Великих озер), а архимандрит Фан (Феофан Ноли) избран ее епископом. Однако благословения на эту хиротонию Патриарха Московского и всея России Тихона получить не удалось из-за невозможности установить с ним связь в послереволюционные годы⁵⁸⁷.

При активном участии архимандрита Фана 10–12 сентября 1922 г. в Берате состоялся так называемый Великий Албанский православный церковно-народный Собор с участием священнослужителей и мирян, на котором Албанскую Православную Церковь впервые провозгласили автокефальной и приняли ее устав. 18 сентября албанское правительство признало решение Собора, однако Константинопольский Патриарх Мелетий отверг предоставление автокефалии под предлогом того, что православное население составляет в Албании меньшинство, и через два месяца прислал в страну для разрешения вопроса своего экзарха по делам Албанской Церкви епископа Мелитопольского Иерофея⁵⁸⁸.

Помимо православных албанцев и греков на территории Албании проживали около 10 тысяч сербов, духовное попечение о которых несла Сербская Православная Церковь; 18 июня 1922 г. даже состоялась хиротония секретаря черногорского монастыря Дечанская лавра о. Виктора (Михайловича) во викарного епископа Скадарского с последующим поручением ему от имени Сербского Патриарха Димитрия окормлять албанских сербов. Так была образована Скадарская епархия Сербской Православной Церкви на территории Албании. В этой связи Константинопольская Патриархия вела многолетний спор с Сербской Церковью по вопросу юрисдикции в Албании (позднее

---

⁵⁸⁷ Stokoe M., Kishkovsky L. *Orthodox Christians in North Amerika, 1794–1994*. S. I., 1995. P. 48–50.

⁵⁸⁸ Служиенчевић Ђ. Српско-арбанашки односи кроз векове са посебним освртом на новије време. Химелетир, 1983. С. 279–280.

епископ Скадарский Виктор претерпел жестокие гонения со стороны албанских, итальянских властей и Ватикана, от которых 8 сентября 1939 г. его избавила смерть; по желанию владыки он был похоронен в монастыре Дечаны)⁵⁸⁹.

В 1923 г. сторонники албанской церковной автокефалии начали официальные переговоры с Константинопольской Патриархией, причем первоначально они ограничивались просьбой о предоставлении церковной автономии. Патриархия в принципе не возражала против автономии, но потребовала, чтобы богослужбным языком в Албанской Церкви оставался только греческий. Албанцы категорически отказались выполнить это требование, и отношения с Фанаром обострились. 21 ноября 1923 г. греческие архиереи Иерофей и Христофор все же хиротонисали во епископа архимандрита Фана (Ноли). Новопоставленный иерарх был назначен митрополитом Дурресским и одновременно Примасом всей Албании. В июне 1924 г. он возглавил вооруженное восстание против авторитарного режима полковника Ахмета Зогу, фактически правившего страной с декабря 1921 г. После победы митрополит Фан занял пост премьер-министра и министра иностранных дел в сформированном им правительстве⁵⁹⁰.

Однако в декабре 1924 г. бежавший 10 июля в Королевство сербов, хорватов и словенцев А. Зогу с помощью отряда русских эмигрантов из 200 белогвардейских офицеров под командованием полковника Миклашевского восстановил свою власть вооруженным путем. Именно этот отряд занял 24 декабря Тирану и в дальнейшем вошел в состав албанской армии. Приговоренный к смерти митрополит Фан эмигрировал в Италию, затем в Германию, а с 1932 г. до своей кончины в 1965 г. возглавлял Албанскую православную архиепископию в Америке (вошедшую в 1971 г. в состав Американской Православной Церкви, после предоставления ей автокефалии Русской Матерью Церковью). В 1925 г. А. Зогу стал президентом республики, а 1 сентября 1928 г. был провозглашен «королем всех албанцев»⁵⁹¹.

---

⁵⁸⁹ *Слијенчевић Ђ.* Српско-арбанашки односи кроз векове са посебним освртом на новије време. Химелетир, 1983. С. 285; *Перић Д.* Српска православна црква и њена дијаспора // Источник. Лист српске православне епархије Канадске. 1998. № 38.

⁵⁹⁰ *Брунер Е.* Die Ostkirchen vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Leipzig, 1996. S. 105–196.

⁵⁹¹ Синодальный архив Русской Православной Церкви Заграницей в Нью-Йорке (СА), ф. В.К. Абданк-Коссовского, кор. 36, л. 21.

В начале мая 1925 г. избранный первым национальным архиереем еще Бератским Собором 1922 г. архимандрит Виссарион (Виара Джувани) из г. Дураццо был хиротонисан во епископа в монастыре Савина в Боке (Бухте) Которской (Черногория) двумя архиереями Русской Православной Церкви Заграницей: епископом Екатеринославским и Новомосковским Гермогеном (Максимовым) и епископом Самарским Михаилом (Богдановым); по другим сведениям — владыкой Гермогеном и епископом Александровским Михаилом (Космодемьянским). Это произошло с молчаливого согласия Патриарха Сербской Православной Церкви Димитрия (Павловича). Следует отметить, что епископ Гермоген (Максимов) одно время рассматривался как возможный глава Албанской Православной Церкви. В 1926 г. переговоры с Константинопольской Патриархией возобновились, но шли они без особого успеха. В феврале 1929 г. владыка Виссарион вместе с епископом Скадарским Виктором хиротонисал еще трех албанских архиереев без какого-либо согласия Вселенского Патриарха⁵⁹².

В середине февраля 1929 г. из четырех албанских архиереев был образован Священный Синод Албанской Православной Церкви, который избрал владыку Виссариона своим председателем, Драчским митрополитом и архиепископом всей Албании. Вслед за утверждением королем Ахметом Зогу Синода, он 26 февраля 1929 г. еще раз провозгласил Албанскую Церковь автокефальной, о чем известил все Поместные Православные Церкви. Синодом был также принят устав, в котором говорилось: «Официальным языком Албанской Церкви является албанский... Архиепископ, епископы, региональные архиерейские уполномоченные, великий эконо́м — митрофор, главный секретарь Священного Синода, а также клирики — помощники и заместители архиепископа и епископов должны быть по крови и языку албанцами и албанскими подданными... Все упоминаемые в ст. 16 клирики, находящиеся на служении Автокефальной Албанской Церкви, не имеющие перечисленных в вышеназванной статье качеств, с начала вступления в силу настоящего Устава лишаются церковного сана». В том же году проводивший антигреческую политику король

---

⁵⁹² *Слијепчевић Ђ.* Указ. соч. С. 285; *Снегарев И.* Кратък исторически очерк за помесните православни църкви Румунска, Гърчка, Полска, Финландска, Чехословашка и бившите прибалтийски църкви. София, 1948 С. 124.

А. Зогу наградил Сербского Патриарха Димитрия за заслуги по созданию Албанского Синода орденом Скандербегга. В это время в Албании проживали 181 тысяча православных, 563 тысяча мусульман и 88 тысяча католиков⁵⁹³.

Узнав о происшедшем, Константинопольский Патриарх направил королю Албании негодующую телеграмму: «С огромным изумлением Вселенская Патриархия узнала о нечестивых и неправильных рукоположениях епископов, противоречащих соглашению, заключенному в Тиране... Вселенская Патриархия считает эти противоканонические рукоположения недействительными и несуществующими; налагает на провинившихся наказания лишением чинов и прав, а также оставляет за собой полную свободу для защиты и сохранения церковного порядка, священнических институтов и авторитета канонических законов». Патриархия также обратилась с посланием к албанской православной пастве, в котором призывает ее избегать всякого церковного общения с низвергнутыми епископами, чьи действия теперь лишены духовной силы. О своих действиях в отношении Албанской Церкви Патриархия уведомила все Поместные Православные Церкви в надежде, что они поддержат ее позицию. Кроме того, Фанар просил Сербскую Патриархию принять строгие меры против своего епископа Виктора, принявшего участие в «незаконной» хиротонии трех новых архиереев (эта просьба выполнена не была)⁵⁹⁴.

Негативная реакция Фанара привела к тому, что большинство греческих архиереев, представлявших Константинопольского Патриарха, выслали из Албании. Исключение составил будущий глава Албанской Церкви епископ Христофор (Киси). Он родился в 1885 г. в г. Берате, окончил гимназию и богословскую школу в Константинополе и после архиерейской хиротонии в 1923 г. вернулся в Албанию, где возглавил борьбу части православного духовенства, выступавшего против создания автокефальной Православной Церкви. При этом он опирался на поддержку крупных беев Южной Албании, находившихся в оппозиции к А. Зогу. Возглавляемая епископом Христофором группа священников особенно активно выступала против совершения богослужений на

---

⁵⁹³ Слијепчевић Ђ. Указ. соч. С. 285–286; Adrianyi G. Geschichte der Kirche Osteuropas im 20 Jahrhundert. Paderborn, 1992. S. 163.

⁵⁹⁴ См.: Стефан Цанков, *протопр.* Албанская Православная Церковь и ее устройство. София, 1935.

албанском языке. В результате по приказу короля епископ в 1927 г. был сослан в монастырь Арденице, а позже переведен в монастырь св. Авлаши недалеко от Эльбасана, где находился с 1929 по 1934 г.

В 1934 г. заметно выросшая Албанская Православная Церковь уже включала четыре епархии, 438 общин, 27 монастырей и 200 тысяч верующих. Правда, существовали и определенные проблемы: в основном мусульманское по своему составу правительство страны очень настороженно относилось к православию, имелись большие ограничения в области религиозного образования, внутри Церкви были противоречия между греками и албанцами⁵⁹⁵.

Тем не менее Председатель Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Антоний (Храповицкий) первым из зарубежных церковных иерархов, несомненно, с согласия Сербской Патриархии, признал автокефалию Албанской Церкви. Сербский Патриарх официально воздерживался от признания и общения с ее иерархами, однако всячески содействовал представлению автокефалии со стороны Константинопольского Патриарха⁵⁹⁶.

В 1934 г. начались соответствующие длительные переговоры с Фанаром, в том же году епископ Христофор (Киси) был освобожден из ссылки и назначен на Корчинскую кафедру, согласившись вести службу на албанском языке. В мае 1936 г. архиепископ Виссарион ушел на покой, и, наконец, синодальным Томосом Константинопольского Патриархата от 12 апреля 1937 г. была признана автокефалия Албанской Православной Церкви. Почти всю прежнюю иерархию сменили. Архиепископом Тираны и всей Албании в 1937 г. стал бывший член Синода Вселенского Патриархата епископ Христофор (Киси). В Константинополе (Стамбуле) были поставлены епископы и на другие кафедры: Евлогий — на Корчинскую, Агафангел — на Бератскую и Пантелеимон (Котоко) — на Гирокастринскую. Эти архиереи образовали Священный Синод. Албанский архиепископ должен был брать святое миро в Константинополе и туда же обращаться «со всеми вопросами и недоразумениями общецерковного характера, касающимися прав и юрисдикций автокефальных Церквей»⁵⁹⁷.

---

⁵⁹⁵ ВА, R 5101/22173. Вл. 40, 66.

⁵⁹⁶ Снегарев И. Указ. соч. С. 125; Слијепчевић Ђ. Указ. соч. С. 286.

⁵⁹⁷ Димевски С. Историја на Македонската Православна Црква. Скопје, 1989. С. 1002–1003; Скурат К.Е. Указ. соч. Ч. 2. С. 135.

В Тиране с середины 1920-х гг. существовала русская православная церковь, в которой в частности 24 февраля 1939 г. владыка Виссарион (Джувани) отслужил панихиду по русскому полковнику и албанскому капитану Г.Ф. Серину⁵⁹⁸. К этому времени в албанской армии еще служили 19 русских, в том числе четыре офицера: полковник Улагай, поручики Белевский, Сукачев и ротмистр Красенский⁵⁹⁹.

К началу Второй мировой войны в Албанской Православной Церкви насчитывалось 250 тысяч верующих (21% населения), 354 храма и 300 часовен, 370 приходских священников и 28 монастырей; в г. Корчи в 1938 г. была открыта духовная семинария. Высшее духовное образование албанские теологи обычно получали в учебном заведении Константинопольского Патриархата на острове Халки. На албанские язык были переведены лишь служебник и Требник, Минеи же использовались в Церкви на греческом языке; в Северной Албании литургию обычно совершали на церковнославянском языке⁶⁰⁰.

4. Православная Церковь на территории Венгрии

Православие на венгерских землях имеет тысячелетнюю историю. Еще в первой половине X в. венгерские племена обращали в христианство византийские миссионеры. В середине X в. несколько венгерских князей были крещены в Византии. В это время Константинопольский Патриарх Феофилакт (933–956) рукоположил монаха Иерофея во митрополита Турции (византийское название Венгрии). С приходом в конце X в. в Венгрию западных миссионеров в страну проникли их обряды и церковная организация, но еще долгое время там сосуществовали два типа церковной жизни. Первый король объединенной Венгрии Иштван из династии Арпадов известен в Православии под именем святого Стефана (997–1038), однако он выбрал ориентацию на Римского Папу. С ослаблением греческой миссии в Венгрии начали преобладать архиереи латинского обряда, а с углублением церковного конфликта

---

⁵⁹⁸ СА, ф. В.К. Абданк-Коссовского, кор. 36, л. 21.

⁵⁹⁹ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005. С. 44.

⁶⁰⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 141, л. 64, 66.

и дальнейшим разделением митрополия Турции выпала из зоны влияния Константинополя. Восточный обряд на венгерской территории сохранялся на уровне приходской и монастырской жизни, а каноническое управление осуществлялось латинскими епископами. Таким образом, греческая миссионерская митрополия постепенно была преобразована в архиепископию с центром в Калоче, подчиненную Риму.

Национальный состав православных клириков того времени был разнообразен: сначала это были греки, затем славяне и венгры. В середине XI в. зародились церковные связи Венгрии с Киевской Русью. В 1047–1060 гг. в монастырях в Вишеграде и Тихани поселились русские монахи, а в ряде русских монастырей подвизались венгры. Некоторые из них почитаются Русской Православной Церковью как святые: живший в киевских пещерах прп. Моисей Угрин, его старший брат архимандрит Ефрем Новоторжский и младший брат св. Георгий, телохранитель св. князя — страстотерпца Бориса, принявший вместе с ним мученическую кончину⁶⁰¹.

С середины XIII в. на территории Венгрии стали селиться представители разных народов, исповедовавших православие: сначала — карпатороссы (русины) и влахи (румыны), а после поражения от турок в 1389 г. — сербы. Православные венгры, оставшись в меньшинстве, были постепенно ассимилированы этими народами. В Венгерском королевстве православие имело статус не законно признанной религии (*recerpta*), а лишь терпимой (*tollerata*). Православное население было обязано платить десятину в пользу католического духовенства. Православные священнослужители считались обычным податным сословием, которое платило государственные подати, а в случае если приход находился на земле помещика, то и оброки в его пользу. В период завоевания в XVI–XVII вв. венгерских земель Османской империей туда, вслед за турецкими войсками, приехали греческие торговцы. Открывая в различных городах свои торговые компании, они основывали православные приходы, которые стали подчиняться местным епископам по территориальному принципу. Греки жили разрозненно и быстро ассимилировались, но, как правило, сохраняли свой богослужебный язык и память о происхождении.

---

⁶⁰¹ Небольсин Э. Венгрия // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. 563–564.

После завоевания в XVII в. венгерских земель католической империей Габсбургов православие там стало постепенно исчезать. Однако в Австро-Венгрию также входили местности (главным образом, на окраинах страны), где исторически проживали целые народности, исповедовавшие православие: украинцы Галиции и Буковины, сербы Воеводины, влахи (румыны) Трансильвании и др. Некоторые представители этих народностей переселялись вглубь империи⁶⁰². В Венгрии же православные хотя и составляли меньшинство, но довольно значительное по численности и весьма влиятельное.

Большинство сербов, проживавших в Австро-Венгрии, были беженцы, спасавшиеся от турок. Эти переселенцы создавали свои епархии, которые первоначально находились в зависимости от Сербского Патриарха в Пече. По одним сведениям, первая сербская епархия была учреждена в 1479 г. в г. Борошеньё (ныне Инеу, Румыния), по другим — сербские епископы первоначально служили в г. Верёце и монастыре Ремета. В XVI — первой половине XVII вв. были построены многочисленные сербские церкви. Сначала общины этих храмов управлялись архиереями Бачской и Славонской епархий, а затем епископами учрежденной в 1640–1650-х гг. в пригороде Буды — Табана Будимской епархии (с кафедрой в г. Сентендре)⁶⁰³.

В 1690 г. в австрийские владения, спасаясь от турок, переселились около 37 тысяч сербских семей (так называемое Великое переселение) во главе с Печским Патриархом Арсением III (Черноевичем, 1636–1706). Указом от 21 августа того же года император Леопольд I предоставил им право церковно-народной автономии во главе с архиепископом (митрополитом). Первым митрополитом был избран владыка Арсений (Черноевич), носивший и титул Патриарха (до кончины в 1706 г.). 23 июня 1694 г. император Леопольд I согласился с предложением владыки Арсения об учреждении семи епископий. В 1710 г. автономия сербской православной митрополии в империи Габсбургов была признана Патриархом Печским Каллиником I, в дальнейшем она несколько десятилетий зависела от Печского Патриархата, и глава митрополии носил титул «экзарх Печского престола». По расположению резиденции ее главы в Крушедольском монастыре митрополия

---

⁶⁰² Э.Н.С. Австрия // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 196.

⁶⁰³ Будимская епархия // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 318.

именовалась Крушедольской, а после перенесения в 1713 г. резиденции в г. Карловцы (ныне Сремски-Карловци, Сербия) стала именоваться Карловацкой⁶⁰⁴.

По Белградскому мирному договору 1739 г. граница между Австрийской и Османской империями проходила по рекам Сава и Дунай, и сербы, проживавшие севернее нее, оставались гражданами Австро-Венгрии до конца Первой мировой войны (1918). При этом с XVIII в. на всех православных, населявших империю Габсбургов, распространялась юрисдикция сербского Карловацкого митрополита.

После упразднения в 1766 г. Печской Патриархии Карловацкая митрополия окончательно получила самостоятельность. Высшим законодательным и административным органом автономии был Национально-церковный конгресс, членами которого являлись как клирики, так и миряне. Проводившаяся в Австрийской империи униатская пропаганда среди сербов не имела значительного успеха, когда недовольные подобными акциями сербы стали уезжать в Россию, императрица Мария-Терезия в 1751 г. особым патентом гарантировала им свободу вероисповедания, так как была заинтересована в охране ими границ от турок. По закону 1792 г. сербские православные епископы стали членами Венгерского парламента⁶⁰⁵.

В мае 1848 г., во время венгерского восстания против Австрии, не поддержавшие восставших сербы, с согласия австрийского правительства, на Сербском национальном собрании провозгласили Карловацкого митрополита Иосифа (Раячича) Патриархом. В декабре 1848 г. император Франц-Иосиф утвердил это решение, но потом австрийское правительство отказало владыке Иосифу (Раячичу) в титуле Патриарха. Право избрания митрополита и обсуждение важных церковных и народных дел принадлежало Церковно-народному Собору из депутатов от духовенства и народа. Собор собирался один раз в три года с разрешения правительства и в присутствии его чиновника, выбранная кандидатура главы митрополии утверждалась австрийским императором. В 1864–1865 гг. Церковно-народный

---

⁶⁰⁴ Епископ Шумадийский Савва. Арсений III (Черноевич) // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 423.

⁶⁰⁵ Небольсин Э. Указ. соч. С. 564–565.

Собор принял новый устав, который был утвержден в 1868 г. императорским рескриптом⁶⁰⁶.

Православные сербы также издавна жили в Далмации, долгое время находившейся под властью Венецианской республики, вследствие чего многие из них приняли католичество. Оставшиеся православными не имели права иметь своего епископа и потому в церковных делах обращались к сербским и босно-герцеговинским архиереям. Только в 1808 г., когда Наполеон присоединил Далмацию к французским владениям, ее православные жители получили разрешение учредить у себя епископскую кафедру, которая была открыта в 1810 г. В 1815 г. Далмация на Венском конгрессе была передана Австрии, и в 1829 г. ее епархию подчинили Карловацкому митрополиту. Далматинский епископ сначала пребывал в г. Шибенике, а с 1841 г., по просьбе местного населения, — в г. Катаро. В 1873 г. эта кафедра была подчинена Буковинскому митрополиту. В XIX в. еще одна епископская кафедра и высшая богословская семинария были учреждены в далматинском г. Зара. В России известность получил епископ Зарский (с 1809 г.) Никодим (Милаш), магистр Киевской духовной академии; его капитальный труд «Курс православного церковного права» был переведен на русский язык⁶⁰⁷.

Населенная украинцами и румынами Буковина в X–XI вв. была частью Древнерусского государства, в XII — первой половине XIV вв. входила в состав Галицкого (Галицко-Волынского княжества), а с середины XIV в. — в состав Молдавского княжества, находившегося в зависимости от Османской империи. В церковном отношении Буковина была подчинена Галицкой епископии с момента ее образования в XII в., затем с середины XIV в. — Охридской архиепископии, а с начала XV в. — Молдавской митрополии. С этого времени православные жители Буковины имели отдельную Радовецкую епископию (основанную в 1402 г. молдавским князем Александром Добрым) с кафедрой в г. Радовце (Рэдэуци), зависевшую от митрополитов Молдавии. После окончания Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. эта область в 1774 г.

---

⁶⁰⁶ Пузович Предраг. Краткая история Сербской Православной Церкви в бывшей Югославии в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 119; *Ego же*. Kurze Geschichte der Serbischen orthodoxen Kirche. Himmelsthür, 2007.

⁶⁰⁷ См.: Тальберг Н.Д. История христианской Церкви. М., 2008.

была присоединена к Австрийской империи Габсбургов. В 1783 г. Буковинская епархия была подчинена Карловацкому митрополиту, а кафедру в 1784 г. перенесли в г. Черновцы⁶⁰⁸.

Зависимость Буковинских (Черновицких) епископов от Карловацкой митрополии была только формальная, и в церковных делах они пользовались значительной самостоятельностью. Епископа утверждал австрийский император, а Карловацкий митрополит лишь рукополагал его. Буковинский епископ имел право участвовать в заседаниях Синода Карловацкой митрополии, но ввиду неудобств, связанных с длительным путешествием, почти не являлся на них. Членов консистории назначал правящий архиерей по соглашению с местным начальством (с 1849 г. Буковина существовала как отдельная административная единица, в статусе герцогства). Под влиянием Сибиуского митрополита Андрея (Шагуны) в Буковине в середине XIX в. даже началось движение за отделение от Карловацкой митрополии и объединение с Трансильванской Церковью в единую Румынскую митрополию, но это объединение не состоялось. В январе 1873 г. австро-венгерское правительство образовало для православного населения Цислейтанской части Австрии самостоятельную (автокефальную) митрополию, при этом в степень митрополии возвели Буковинскую епископию. Буковинские митрополиты стали автокефальными, и им были подчинены две епископские кафедры в Далмации, поэтому митрополия начала именоваться Буковинско-Далматской или Черновицкой (по месту митрополичьей резиденции). Высшим органом церковной власти стал митрополичий Синод, устав которого был утвержден 21 августа 1884 г. императором Францем-Иосифом⁶⁰⁹.

В 1875 г. в Черновцах был основан университет и при нем греко-восточный (православный) богословский факультет, отметивший в 1900 г. свой двадцатипятилетний юбилей. Кроме того, при факультете имелся пансион, называвшийся

---

⁶⁰⁸ Пашаева Н.М. Буковина // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 334–335; Мординов В.П. Православная церковь в Буковине. СПб., 1874; Иеромонах Гедеон (Губка). Православная Церковь на Буковине в Молдовахский период (1402–1777). Сергиев Посад, 1996.

⁶⁰⁹ Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. Т. 1. М., 1994. С. 203–204; Бурега В.В. Румынская православная церковь; Иеромонах Гедеон (Губка). История Православной Церкви на Буковине в период вхождения Буковины в состав Австрийской империи, 1777–1918. Сергиев Посад, 1996.

семинарией. Буковинско-Далматская митрополия имела три епархии: Буковинско-Далматскую и Черновицкую; Далматско-Истрийскую; Боко-Которскую, Дубровницкую и Спичанскую. До конца XVIII в. в Буковине существовало много православных монастырей, но в результате секуляризационных реформ, проведенных императором Иосифом II в 1780-е гг., подавляющее число их было закрыто — из 28 обителей остались три: Сучевица, Путна и Драгомирна, в которой в 1860 — начале 1870-х гг. 11 лет подвизался святого Паисий (Величковский), оказавший значительное влияние на развитие русского монашества⁶¹⁰.

В конце XVIII — начале XIX вв. в Буковину переселилось много украинцев из Галиции, и в 1900 г. в крае из 500 тысяч православных жителей 270 тысяч насчитывали украинцы и 230 тысяч — румыны. Несмотря на это, Буковинско-Далматская митрополия считалась румынской, и ее архиереи избирались, как правило, из румын. Украинцы добивались введения в богослужение церковнославянского языка, а также предоставления им равноправия в церковном управлении. Однако их стремления, поддержанные австрийским правительством, нередко вызвали взаимное недовольство обеих общин. Тем не менее в начале XX в. богослужения в украинских приходах в основном совершались на церковнославянском языке, в румынских — на румынском, а в смешанных — на обоих языках: на одном клиросе читали и пели по-церковнославянски, а на другом — по-румынски. В 1902 г. в Буковине проживало 512,5 тысяч православных, имелось 12 протопресвитерств (благочиний), 384 православные церкви, 340 священников, 103 монаха и 366 народных школ⁶¹¹. После окончания Первой мировой войны эта область вошла в состав Румынии.

Влахи (румыны) начали переселяться в Венгрию в начале XIII в. и постепенно заселили всю Трансильванию, завоеванную венграми в XI–XII вв. и уже имевшую к тому времени значительное романское население. Унгро-Влахийская (Венгро-Валашская) митрополия была основана в 1359 г. (с кафедрой в г. Арджеше, ныне Куртя-де-Арджеше). Первым румынским архиереем, о котором сохранились достоверные сведения, был епископ Пахомий, игумен

---

⁶¹⁰ Пэжурариу Мирча. Румынская Православная Церковь в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 163; Пашаева Н.М. Указ. Соч. С. 335. Тальберг Н.Д. Указ. соч.

⁶¹¹ Скурат К.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 203.

монастыря св. Михаила в Мармароше (XIV в.). С начала XVI в. в Трансильвании существовали румынские епархии: Ревская и Фельшёсильвашская. В 1599 г. епископ Фельшёсильвашский перенес свою резиденцию в г. Дьюлафехервар (Балград, ныне Алба-Юлия, Румыния).

В 1541 г. было образовано Трансильванское княжество, вышедшее из-под власти Венгрии и признавшее над собой сюзеренитет турецкого султана. Во время правления валашского князя Михаила (Михая) Храброго (1592–1601) Трансильвания, Валахия и Молдова на короткое время объединились в одно государство. В результате в 1599 г. в Трансильвании была учреждена отдельная митрополия, когда князь Михаил, завладев этой областью, добился поставления митрополита Иоанна. Однако вскоре здесь было восстановлено венгерское владычество. Еще в середине XVI в. венгры, проживавшие в Трансильвании, приняли кальвинизм, ставший здесь господствующим вероисповеданием. С 1640 г. православные трансильванские архиереи были вынуждены канонически подчиняться кальвинистскому суперинтенданту. И во второй половине XVII в. князья-кальвинисты активно стремились внедрить в жизнь православных обычаи, сближавшие их с реформатскими Церквями.

В отличие от Молдовы и Валахии, в Трансильвании не было больших монастырей, поскольку не существовало православного дворянства, способного обеспечить все необходимое для их строительства. Тем не менее первые тексты и рукописи на румынском языке были написаны в Трансильвании и датированы XV–XVI вв. (Воронитская Псалтирь, Псалтирь Шиана, Псалтирь Хурмузаки). Во второй половине XVI в. диакон Корези напечатал в Брашове более 20 книг на славянском и румынском языках. Новая типография была открыта в Альбе Юлии в следующем веке, и в 1648 г. здесь был напечатан Новый Завет на румынском языке.

В 1688 г. княжество Трансильвания было завоевано католической империей Габсбургов. Под давлением австрийских властей в 1698 г. Дьюлафехерварский румынский православный епископ Афанасий (Ангел) от имени 2270 священников вынужден был подписать унию с Римско-Католической Церковью. С этого момента Трансильванская православная митрополия юридически перестала существовать. В 1701 г. в Трансильвании была образована греко-католическая епископия с кафедрой в Блаже (с 1737 г.), подчиненная венгерскому примасу и насчитывавшая к середине XIX в. три

епархии. Оставшиеся верными православию румыны, не имея своего епископа, получали священников из Валахии, Молдавии и от сербской епископии на территории Венгрии. По настоянию России православным румынам было разрешено войти в каноническое подчинение сербского Будимского епископа, находившегося в юрисдикции Карловацкого митрополита⁶¹².

Только в 1761 г. австрийские власти разрешили создать первую после подписания унии румынскую православную епархию с кафедрой в г. Брашшо (ныне Брашов), а в 1783 г. в Трансильвании вновь была учреждена отдельная православная епархия в составе сербской Карловацкой митрополии. До 1810 г. епископы в Трансильванию назначались Карловацким митрополитом из числа этнических сербов, затем австрийское правительство даровало трансильванскому духовенству право избирать своих архиереев из числа этнических румын, и в 1811 г. епископом был выбран румын Василий Мога (1811–1846). Сначала резиденция епископа Трансильвании находилась в с. Рэшинари, возле г. Германштадта (по-румынски — Сибиу), а при владыке Василии (Моге) была перенесена в сам Германштадт.

С 1860 г. православные румыны Трансильвании неоднократно ходатайствовали перед австрийским правительством о предоставлении им церковной самостоятельности; наконец, в 1864 г., несмотря на противодействие Карловацкой митрополии, на Сербском Народно-Церковном Соборе была признана независимость румынских православных общин в Австро-Венгрии. 24 декабря 1864 г. императорским указом была учреждена независимая румынская православная митрополия с резиденцией в г. Сибиу, канонической власти которой подчинялись все румыны, проживавшие на территории Австрии. Ее Предстоятель получил титул «Митрополита всего обретающегося в Австрийской державе румынского народа и Архиепископа Германштадтского». В том же году Сибиуский епископ Андрей (Шагун), занимавший кафедру в 1848–1873 гг., был возведен в сан митрополита, после чего он существенно реорганизовал епархию. После создания в 1867 г. двуединой Австро-Венгерской монархии Трансильвания вошла в состав Венгерского королевства⁶¹³.

---

⁶¹² Скурат К.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 202–203; Бурега В.В. Указ. соч.

⁶¹³ Пэкурариу Мирча. Указ. соч. С. 162–163; Его же. Geschichte der Rumänischen orthodoxen Kirche. Erlangen, 1994.

Сибийская (Трансильванская) митрополия достигла своего расцвета при владыке Андрее (Шагуне). Благодаря его трудам в Трансильвании было открыто до 400 церковно-приходских школ, несколько гимназий и лицеев; с 1850 г. в Сибии действовала типография, а с середины XIX в. стала выходить самая старая румынская газета «Telegraful Român» («Телеграфул Ромын»). В числе многих богословских работ по истории Церкви, пастырскому богословию ему принадлежит труд «Каноническое право», который был переведен на русский язык и издан в 1872 г. в Санкт-Петербурге. Митрополит Андрей был известен также своей церковно-административной деятельностью, в частности, именно он созвал Народно-Церковный Собор, на котором был рассмотрен вопрос о церковном объединении всех православных румын в Австрии. В 1869 г. по указу императора Австро-Венгрии был созван румынский Национально-Церковный конгресс, который принял «Устав Православной Румынской Церкви в Венгрии и Трансильвании», получивший название «Органический Статут». Им митрополия, включавшая Арадскую и Карансебешскую епископии в Трансильвании и еще две епархии в Восточном Банате, руководствовалась до 1918 г.⁶¹⁴ После окончания Первой мировой войны вся Трансильвания вошла в состав Румынии.

Официальные основания деятельности Православной Церкви в Австро-Венгрии были признаны только законом 1868 г. Этот закон объявил свободу религиозных отправлений, внутреннюю автономию Церквей, свободу использования языка на всех уровнях церковной администрации, а также в церковных школах и закрепил за православными епископами постоянные мандаты верхней палаты Венгерского парламента. При этом IX статья закона отменяла юрисдикцию Карловацкого митрополита на всей территории империи, хотя и вновь официально возводила его в Патриархи. Закон 1868 г. утвердил существование румынской митрополичьей кафедры в Сибии и ее независимость от сербской юрисдикции. Официальный статус религиозных общин регулировался законом от 20 мая 1874 г.⁶¹⁵

В 1910 г. около 70% населения Австро-Венгрии составляли католики, но при этом имелось 2 980 тысяч православных, из них 1 710 тысяч румын

---

⁶¹⁴ Скурат К.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 203.

⁶¹⁵ Э.Н.С. Австрия. С. 194.

и 1 045 тысяч сербов, входивших в две автономные митрополии (Карловацкую и Буковинскую) и восемь епархий: шесть сербских (Бачковскую, Будимскую, Врацкую, Тимишоарскую, Пакрацкую, Карловацкую) и две румынских (Карансебешскую и Арадскую).

Православные венгероязычные общины греко-македонского происхождения подчинялись сербским или румынским епископам, хотя и пользовались определенной автономией, со временем их приходы превратились в греко-венгерские. Члены таких приходов в конце XVIII — начале XIX вв. активно занимались переводом с греческого на венгерский язык вероучительных и богослужебных книг. В начале XIX в. на территории Венгрии имелось 32 греко-венгерских прихода, но в дальнейшем их число стало сокращаться. Богослужебными языками с 1860-х гг. в них были венгерский и греческий. Самой значительной из этих общин, входивших в основном в сербские епархии, являлся Свято-Успенский приход в г. Будапеште⁶¹⁶.

Храм Успения Пресвятой Богородицы (после Второй мировой войны — собор Венгерского благочиния Московского Патриархата) возводит свою историю к концу XVIII в. В 1791 г. община греков и влахов, проживавших в Пеште, приобрела участок земли в престижном районе города, недалеко от набережной Дуная, и в том же году начала строительство храма. В 1801 г. новая церковь была освящена епископом Будимским Дионисием (Поповичем) — по национальности греком (ранее он носил фамилию Палазоглу), много лет прослужившим до этого в Белграде. В 1870-е гг. один из выдающихся венгерских архитекторов Миклош Ибл переделал фасад и башню Успенского собора. В XIX столетии национальную основу Свято-Успенского прихода составляли венгероязычные греки и влахи, поэтому в общину зачастую направляли двух священников — греческого и влахского происхождения.

Когда в 1868 г. в парламенте обсуждался проект закона, по которому на территории Венгрии признавалась единая Православная Церковь, разделенная на две независимые митрополии — сербскую и румынскую, православные греки обратились к парламенту с просьбой об автономии. В их обращении особо

---

⁶¹⁶ См.: *Seide Gernot*. Ungarische orthodoxe Kirche // *Ungarn Jahrbuch*. 1972. № 4. S. 101–114; Berki Feriz. *He en Ouggaria Orthodoxos Ekklesia*. Fessaloniki, 1964; *Протоиерей Фериц Берки*. Православная Церковь в Венгрии // ЖМП. 1968. № 8–9, 1969. № 4.

отмечалось, что они не требуют национальной автономии, а только церковной, так как считают себя венграми. Парламент предоставил им автономию, присоединив к первоначальному проекту закона § 9, гласивший: «Верующим греко-восточного (православного) вероисповедания, не являющимся ни сербами, ни румынами, оставляются и впредь все те права, которыми они до сих пор пользовались в самостоятельном управлении своими приходами и школьными делами, в свободном употреблении богослужебного языка, как и в руководстве своим приходским имуществом и фондами»⁶¹⁷. Таким образом, признавшие себя венграми православные получили странное наименование — ни сербские и ни румынские верующие греко-восточного (православного) вероисповедания, к тому же в законе шла речь не о приходах, а только о верующих.

Постепенное исчезновение греко-венгерских приходов было связано не только с использованием в основном греческого богослужебного языка, но и с новыми приходскими правилами: в члены прихода автоматически принимались только прямые потомки основателей храма, часто считавшие его своей собственностью; все же прочие — на основании голосования приходского собрания (не менее $\frac{2}{3}$ голосов «за»). Впервые перевод православной литургии на национальный язык венгров был сделан в 1860-е гг. протоиереем Иоанном Поповичем, настоятелем храма святого великомученика Георгия Победоносца в Карцаге. В 1884 г. Константинопольский Патриарх Иоаким IV объявил греко-венгерские общины канонически подчиненными Вселенскому Патриархату, оговаривая при этом их автономию, однако воздействие данного указа было незначительным⁶¹⁸.

В начале 1900-х гг. ряд церковных общин греческого происхождения решением приходских собраний объявили себя венгерскими (в Будапеште, Сентеше и др.), но так как венгерских православных священников не было, богослужения в них совершали, как правило, настоятели ближайших сербских и румынских церквей. С 1916 г. в Будапеште также имелся болгарский церковный приход⁶¹⁹.

---

⁶¹⁷ ЖМП. 1968. № 10. С. 38–39.

⁶¹⁸ Киш Этеле. Православная Церковь в Венгрии в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 204–207; Смирнов А.И. Поездка в Венгрии // ЖМП. 1946. № 9. С. 45–47.

⁶¹⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 69, л. 151.

Кроме того, в начале XX в. в православие перешли несколько русинских (карпаторосских, украинских) униатских (греко-католических общин) в принадлежавшем тогда Австро-Венгрии Закарпатье (Подкарпатской Руси). Следует отметить, что русины изначально принадлежали к Православной Церкви и находились в юрисдикции Галицийских православных епископов. В 1410 г. игумен Мукачевского монастыря получил права архиерейского церковного управления русинами, на основе которого через несколько десятилетий была образована епархия, границы которой постоянно менялись. Под 1491 г. Мукачевский епископ Иоанн впервые упоминается в одной из грамот венгерского короля Уласло II (1490–1516). Мукачевские епископы с самого начала стремились к тому, чтобы распространить свою власть на всю территории проживания русин, в чем их поддерживала светская власть. Епископа, который одновременно был игуменом Мукачевского монастыря, выбирало белое и черное духовенство, часто он сам назначал себе преемника, и лишь после этого проходило голосование.

Русинское население находилось в крепостной зависимости, и постоянно усиливавшаяся униатская пропаганда иезуитов, обещавших православному духовенству в случае заключения унии права и привилегии католических священников, имела успех. Первую унию в 1646 г. подписал иеромонах Парфений от имени 63 русинских священников (в 1655 г. к ней присоединились еще 400 священников и монахов), он же стал первым Мукачевским униатским епископом. Православные русины, проживавшие в Мармароше, сохраняли церковную организацию и подчинялись своему епископу, резиденция которого находилась сначала в Кертвейешском монастыре, после его разрушения в 1664 г. — в Мистицком, а с 1687 г. — в Мармарошском Угольском монастыре. К 1720 г., когда Мармарош попал под власть Габсбургов, переход русинского населения в униатство был завершен⁶²⁰.

Когда в начале XX в. среди русин началось движение за возвращение к своей «исконной вере», они обратились за помощью в подготовке священников к Российской Православной Церкви, однако австро-венгерские власти категорически воспротивились этим церковным связям и попытались подавить движение силой. В 1914 г. на мармарошко-сигетском судебном процессе

---

⁶²⁰ Небольсин Э. Указ. соч. С. 565–566.

около 100 православных русинских крестьян были обвинены в государственной измене в пользу России и приговорены к тюремному заключению⁶²¹.

Первая русская церковь на венгерской земле — Успения Пресвятой Богородицы при Придворной комиссии о покупке вин была устроена в г. Токае (в то время входившем в состав Австрийской империи). Знаменитые токайские сухие вина уже в XVII в. пользовались в России большой популярностью, при императоре Петре Великом интерес к ним существенно вырос. В царствование императрицы Елизаветы Петровны в Токай в 1745 г. была послана особая постоянная Придворная комиссия из 35 человек, которая занялась закупкой местных вин и доставкой их в Санкт-Петербург, к императорскому двору. В Токае был размещен небольшой русский казачий гарнизон. У комиссии имелись свои, разбитые на арендованных землях, виноградники, винные погреба и жилой дом. В этом доме в 1745 г. была устроена походная Успенская церковь, настоятелем которой назначили присланного из России священника Корнилия Романова. Его преемником в 1753–1767 гг. служил иеромонах Иезекииль (Дьяковский). Затем некоторое время священника в Токае не было, и только в 1775 г. его место занял иеромонах Киево-Печерской лавры Иустин (Фиалковский), умерший через четыре года. Причетником в это время был знаменитый украинский философ Г.С. Сковорода. Последним настоятелем церкви в Токае служил иеромонах Киево-Печерской лавры Аарон (Пекалицкий), отозванный осенью 1786 г., когда церковь была закрыта в связи с прекращением работы Придворной комиссии. При этом виноградники подарили австрийскому императору Францу-Иосифу (здание комиссии с церковным залом сохранилось до настоящего времени)⁶²².

Еще одним русским храмом на территории Венгрии была церковь святой мученицы царицы Александры, построенная по проекту известного венгерского архитектора Станислава Хеппе в 1801–1803 г. в г. Ирёме (Ироме) вблизи Будапешта над расположенной в крипте гробницей великой княгини Александры Павловны (1783–1801), старшей дочери российского императора Павла I. Она вышла замуж за венгерского палатина (регента-правителя

---

⁶²¹ Архив Президента Российской Федерации, ф. 3, оп. 60, д. 30, л. 6–7; См.: Mayer Maria. The Rusyns of Hungary: Political and Sozial Developments, 1860–1910. New York, 1997.

⁶²² РГИА, ф. 796, оп. 55, д. 377; Русский вестник. 1875. Сентябрь. С. 188–195.

Венгрии) и эрцгерцога Австрийского Иосифа-Антоня Габсбурга, но сохранила православную веру. Это был династический брак представителей двух правящих императорских фамилий и один из самых благоприятных моментов венгерско-российских отношений. Венгерский народ очень любил юную русскую палатину и связывал с ней надежды на восстановление самостоятельности страны. Однако безвременная кончина Александры Павловны 4 марта 1801 г. при родах в королевском дворце в Буде перечеркнула далеко идущие политические планы⁶²³.

Венгерское название населенного пункта Ugom труднопроизводимо в русской транскрипции; согласно правилам орфографии, в начале XIX в. использовалось написание «Иром», позже, в конце XIX в. и далее — «Ирём». Небольшая (вмещавшая 30 человек) каменная церковь святой мученицы царицы Александры с приделом святого праведного Иосифа Обручника — небесного покровителя эрцгерцога Иосифа Габсбурга была заложена 19 июня 1801 г. протоиереем Андреем Афанасьевичем Самборским в присутствии самого эрцгерцога, российского посла графа И.М. Муравьева-Апостола и гофмаршала австрийского двора графа Сапари. Отец Андрей и освятил возведенный за два года храм 31 августа 1803 г. Существующая до настоящего времени Александринская церковь, в которую в сентябре 1803 г. из капуцинского монастыря в Буде перенесли гроб Александры Павловны, является ценным историческим памятником. Духовенство этого старейшего из сохранившихся не только в Венгрии, но и во всей Европе за пределами бывшей императорской России, православного русского храма (если говорить об отдельно стоящих церковных зданиях), назначалось из Санкт-Петербурга⁶²⁴.

В 1803 г. при Александринской церкви была учреждена Офенская Русская Духовная Миссия, целью существования которой, помимо молитвенного поминовения усопшей царствовавшей особы, было также свидетельство о православии в инославной среде. Офен — австрийское название города Буда, столицы Венгрии, до слияния Буды и Пешта в один город Будапешт⁶²⁵.

---

⁶²³ Русские храмы и обители в Европе. СПб., 2003. С. 41–42.

⁶²⁴ Николай Ким, прот. История Русской Духовной Миссии в Венгрии. Судьба храма в Иреме и преемственность духовенства // Славянский альманах. М., 2009. С. 47–49.

⁶²⁵ Там же. С. 45–47.

Первый, наиболее благоприятный, период истории Офенской Духовной Миссии приходится на 1803–1848 гг. — время правления в Венгрии любящего супруга Александры Павловны палатина Иосифа Габсбурга (в это время Александрийскую церковь охраняла почетная стража). Указанный этап закончился смертью эрцгерцога в 1849 гг. и событиями венгерской революции 1848–1849 гг., в результате которой Миссия почти на два года прекратила свою деятельность. Второй период начался в 1850 г. и завершился в 1914 г., в связи с временным закрытием Александрийской церкви после начала Первой мировой войны.

Вплоть до 1917 г. Офенская Духовная миссия щедро финансировалась Святейшим Правительствующим Синодом, а также, имея статус придворной церкви, пользовалась постоянным покровительством домов Габсбургов и Романовых. В октябре 1816 г. храм посетил император Александр I, 11 сентября 1852 г. в Ирёме побывал цесаревич Александр Николаевич; в 1866 г. — великий князь Константин Николаевич, а восемь лет спустя — его супруга великая княгиня Александра Иосифовна.

В 1883 г. к 100-летию со дня рождения Александры Павловны император Александр III подарил Офенской Миссии резной трехъярусный дубовый иконостас, который стал подлинным украшением церкви и сохранился до наших дней. Земельный участок при храме принадлежал непосредственно правящей династии Габсбургов, но они передали его в бессрочное пользование для богослужебных целей. Кроме того, Габсбурги отписали для причта несколько гектаров виноградников под Ирёмом, арендная плата с которых шла на содержание храма и Миссии.

Священниками Миссии были такие известные церковные деятели, как протоиерей Андрей Афанасьевич Самборский (в 1803–1804 гг.), законоучитель детей императора Павла I и протоиерей Николай Музовский (в 1804–1810 гг.), впоследствии придворный протопресвитер и духовник императора Александра I. В 1850–1870 гг. настоятелем Александринской церкви служил протоиерей Василий Миронович Войтковский, который много писал о судьбах Православия в Австро-Венгрии, а затем (в 1870–1876 гг.) — приват-доцент Санкт-Петербургского университета протоиерей Константин Лукич Кустодиев, известный переводом православной литургии на испанский язык и статьями по богословским и церковно-историческим вопросам.

В дальнейшем почти 40 лет (в 1877–1913 гг.) настоятелем служил протоиерей Феофил Николаевич Кардасевич, тоже посылавший свои статьи в духовную печать. В 1885–1898 гг. он также окормлял общину в южно-тирольском г. Мерано. Хотя в храме св. мц. Александры служил русский причт, состоявший из священника, диакона и трех-четырёх (позднее двух) певчих, богомольцами до начала XX в. являлись в основном жившие в округе сербы⁶²⁶.

Долгое время Офенская Миссия была местом духовного окормления и утешения русских людей, оказавшихся в Венгрии. Миссию неоднократно посещали российские дипломаты, известные представители русской культуры, писатели, политики. Для этого были не только протокольные причины, так как Офенская Духовная Миссия располагала прекрасной библиотекой, высокохудожественной дорогой церковной утварью, храм отличался благолепием убранства, а клир позволял на достойном уровне вести богослужбную жизнь и пастырское окормление православных верующих.

Для всех периодов ее истории характерны миссионерская направленность служения священников, их серьезный научный и богословский уровень, высокий авторитет не только среди прихожан, но и далеко за пределами Ирёма и Будапешта. Непрерывавшееся на протяжении 110 лет молитвенное свидетельство о Православии оказывало благотворное влияние на самые отдаленные уголки империи Габсбургов. Так, например, известно значительное влияние русских священников Офенской Миссии на интеллигенцию Закарпатья. Их деятельность не ограничивалась рамками богослужбной жизни в храме. Священники вели дипломатическую работу, проводили научные исследования, занимались публицистикой, окормляли русские общины по всей Австро-Венгрии и в близлежащих странах, занимались духовным просвещением местного населения.

Вблизи храма св. мц. Александры были выстроены два небольших дома для священника, певчих и сторожа. У южной стороны церковного участка существовало единственное в Венгрии русское православное кладбище с могилами клириков, певчих Александринской церкви и членов их семей. Богослужения

---

⁶²⁶ РГИА, ф. 536, оп. 1, д. 114, ф. 797, оп. 18, д. 41138, оп. 19, д. 43351, л. 3–4, оп. 27 (2 отд. 2 ст.), д. 360; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 19, оп. 11, д. 436, оп. 17, д. 134, 573; Церковный вестник. 1883. № 37. С. 8–9; Русские храмы и обители в Европе. С. 41–42.

в храме временно прекратились после начала Первой мировой войны, в связи с тем, что Австро-Венгрия развернула боевые действия против России, и в августе 1914 г. причт церкви св. мц. Александры выехал на Родину. Церковную утварь взял себе на хранение эрцгерцог Иосиф, который частично передал ее в марте 1923 г. настоятелю русского прихода в Будапеште протоиерею Леониду Розанову⁶²⁷. Таким образом, приходы Российской Православной Церкви существовали на территории Австрии и Венгрии с XVIII в., а сохранившиеся русские храмы — с XIX в., и в дальнейшем они стали основой для развития церковной жизни послереволюционной русской эмиграции.

После поражения в Первой мировой войне и распада Австро-Венгерской империи в границах Венгрии, определенных решением Трианонского мирного договора от 4 июня 1920 г., количество православных снизилось до 50 990, в том числе около 16 тысяч венгров. В пределах нового государства осталась одна сербская Будимская епархия, которую с 1913 г. возглавлял епископ Георгий (Зубкович); в нее, помимо сербских, входили и шесть приходов греко-венгерского происхождения, имевших определенную автономию. Позднее, в 1922 г. территория Венгрии была объявлена Константинопольской Патриархией состоящей в ведении греческого Фиатирского митрополита (с резиденцией в Лондоне), а Томосом от 8 сентября 1924 г. Константинопольский Патриарх Григорий VII Центрально-Европейский экзархат с кафедрой в Вене, куда должно были войти православные общины Венгрии, но фактически лишь один приход в г. Сентеше признал главенство Вселенского Патриарха⁶²⁸. Кроме того, в Венгрии существовало около 20 православных румынских и одна болгарская община. Сильно ассимилированным православным румынам, согласно венгерскому закону 1928 г., было запрещено подчиняться епископам, находившимся на территории Румынии, но на практике это подчинение сохранялось, как и раньше⁶²⁹.

---

⁶²⁷ Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. М., 2007. С. 267; Русские храмы и обители в Европе. С. 41–42; Протоиерей Николай Ким. Русская церковная эмиграция в Венгрии в 1920–1930-е годы // Русская / российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы). М., 2011. С. 129, 131.

⁶²⁸ Небольсин Э. Указ. соч. С. 566–567.

⁶²⁹ Венгрия // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 566–567.

Временно прекратившиеся после начала Первой мировой войны богослужения в храме св. мц. Александры в г. Ирёме (Ироме) возобновились в начале 1920-х гг. В это время настоятелем церкви служил находившийся в юрисдикции Русской Православной Церкви иеромонах Савва (Советов) — будущий епископ Люблинский Польской Православной Церкви. У южной стороны церковного участка сохранилось небольшое кладбище, где погребены члены причта, последним, в феврале 1926 г., здесь был погребен протоиерей Стефан Иаковлевич Колумбов (1842–1926). Он начал служить в Ирёме еще в 1864 г. псаломщиком (с 1891 г. диаконом, с 1910 г. — настоятелем в сане иерея), в 1922–1926 гг. вновь являлся настоятелем храма и был похоронен рядом со своим отцом, состоявшим при Александрийской церкви диаконом. Таким образом, о. Стефан явился как бы связующим звеном между старой и новой церковными структурами Русской Православной Церкви в Венгрии⁶³⁰.

Послереволуционная волна русской эмиграции мало затронуло Венгрию, правительство этой страны согласилось принять лишь несколько сот человек, но, все же, в мае 1923 г. 300 белых солдат и офицеров из галлиполийских лагерей (Турция) прибыло в Венгрию. В 1926 г. в стране проживало 5294, а в 1929 г. — 4764 русских беженца⁶³¹. Поселившиеся в Будапеште русские эмигранты в начале 1920-х гг. устроили домовую Свято-Троицкую церковь и основали приход, который подчинялся митрополиту Евлогию (Георгиевскому) и после перехода этого владыки в 1931 г. в юрисдикцию Вселенского Патриарха оказался в составе Западно-Европейского экзархата Константинопольского Патриархата.

Настоятель «евлогианского» прихода бывший русский военный священник протоиерей Михаил Попов, узнав, что митрополит хочет уволить его, в 1931 г. перешел в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей. Однако бóльшая часть прихожан не последовала за своим пастырем, оставшись в подчинении митрополиту Евлогию. Отец Михаил пытался создать новый «карловацкий» приход, но в апреле 1932 г. был выслан из Венгрии, а после возвращения, через несколько недель — 2 мая подвергся аресту

---

⁶³⁰ Русские храмы и обители в Европе. Авт.-сост. Антонов В.В., Кобак А.В. СПб, 2005. С. 41–42.

⁶³¹ *Сератионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 18–19.

со стороны венгерских властей. Все имущество Свято-Троицкой церкви было возвращено евогианской общине. 30 мая 1932 г. решением Архиерейского Синода о. Михаил был уволен от должности настоятеля прихода и исключен из состава клира Русской Православной Церкви Заграницей. После освобождения протоиерей Михаил Попов окончил университет в г. Дебрецене и, получив докторскую степень, остался преподавать в нем. Община Русской Православной Церкви Заграницей в Будапеште была в 1932–1933 гг. заново организована епископом Венским Серафимом (Ляде), но своего храма она не имела⁶³².

Таким образом, к концу 1930-х гг. около 70% населения Венгрии составляли католики, но при этом имелось несколько десятков тысяч православных, представлявших различные Поместные Церкви. Бóльшая часть их принадлежала к Будимской епархии Сербского Патриархата (около 40 приходов), которую возглавлял епископ Георгий (Зубкович). Помимо сербских, в эту епархию входили имевшие определенную автономию шесть приходов греко-венгерского происхождения. Кроме того, в стране существовали около 20 православных румынских, одна болгарская, одна греческая и три русские общины. В годы Второй мировой войны православие в стране получило дальнейшее развитие.

---

⁶³² СА, д. Протоколы Архиерейского Синода 28 ноября 1940 — 18 сентября 1946; ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 119, 122.

Глава IV

Русская церковная эмиграция в Юго-Восточной Европе

1. Российская церковная эмиграция в Турции

Деятельность Русской Православной Церкви на территории Турции, когда-то принадлежавшей Византийской империи, а затем мусульманской Османской империи, имеет почти трехвековую историю. Только в Константинополе и окрестностях к началу XX в. существовало семь русских храмов, в том числе три — при подворьях русских обитателей Святой Горы Афон.

В пригородном районе столицы Буюк-Дер (на берегах Босфора, в 20 километрах от Константинополя) в начале XVIII в. было открыто первое российское дипломатическое представительство в Османской империи. В 1720-е гг. при посольстве была освящена домовая церковь преподобных Антония и Феодосия Печерских, которая затем несколько раз переносилась из одного наемного здания в другое⁶³³.

Один из настоятелей этой церкви — преподобномученик посольский иеромонах Константин (в миру Кирилл Неаполитанский) в 1742 г. был казнен османскими властями и позднее причислен Константинопольским Патриархатом к лику святых.

В 1818 г. на втором этаже деревянного флигеля посольской канцелярии в Буюк-Дере при посланнике графе Строганове был устроен домовый храм святых равноапостольных царя Константина и царицы Елены. В нем служили присланные из Свято-Троицкой Александро-Невской лавры иеромонахи

---

⁶³³ Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб., 2005. С. 354.

Мельхиседек, иеродиакон Герасим и четыре причетника. В 1867 г. при российском посланнике графе Н.П. Игнатьеве прежний дом, ставший к тому времени загородной летней резиденцией посольства, перестроили и рядом возвели новый небольшой храм, освященный вновь весной того же года. Служил в нем причт посольской церкви в Константинополе, в основном в летние месяцы. Вскоре после освящения за алтарем Константино-Еленинской церкви появилось небольшое русское кладбище⁶³⁴.

Следующая церковь — свт. Николая Чудотворца была устроена при посланнике В.П. Титове и освящена 1 апреля 1845 г. на верхнем (третьем) этаже нового здания российского посольства, построенного в центральном районе Пере в 1838–1844 гг. по проекту архитектора Г. Фоссати. Этот архитектор сам прибыл из Санкт-Петербурга для руководства строительством, образа в иконостасе написал петербургский академик живописи М.И. Скотти⁶³⁵. В мае — июне 1859 г. на богослужениях в храме присутствовал великий князь Константин Николаевич, приехавший в Константинополь с дипломатической миссией и 30 мая побывавший на приеме у Вселенского Патриарха.

С 15 июля 1858 по 23 августа 1860 г. настоятелем посольской церкви служил прежний ректор (с 1857 г.) Киевской духовной семинарии и настоятель Киевского Николо-Пустынного монастыря архимандрит Петр (в миру Платон Алексеевич Троицкий; 1811–1873), будущий епископ Аккерманский, викарий Кишиневской епархии. Он был смещен, так как слишком явно поддерживал греческую сторону в назревавшем греко-болгарском церковном конфликте, что противоречило политической линии российского посольства, поддерживавшего славян. Новым настоятелем Никольского храма был назначен служивший в русской посольской церкви в Афинах архимандрит Антонин (в миру Андрей Иванович Капустин, 1817–1894), ставший впоследствии известным благодаря его выдающимся трудам в Русской Духовной Миссии в Палестине⁶³⁶.

---

⁶³⁴ Нива. Санкт-Петербург. № 24. С. 424, 430; Протоиерей Алексей Мальцев. Берлинский Братский ежегодник. Православные церкви и русские учреждения за границей. СПб., 1906. С. 187.

⁶³⁵ РГИА, ф. 796, оп. 189, д. 5236; ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 17, д. 131, оп. 105, д. 61; Протоиерей Алексей Мальцев. Указ. соч. С. 187.

⁶³⁶ ЦГИА СПб, ф. 834, оп. 1118–1131, д. 4.

Накануне Первой мировой войны, в 1913–1914 гг., состоявший из шести человек клир Никольской посольской церкви возглавлял архимандрит Ювеналий (в миру Виктор Константинович Машковский), бывший ректор Тверской духовной семинарии, его помощником служил протоиерей Николай Васильевич Остроумов. После вступления летом 1914 г. Османской империи в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии российское посольство вместе с членами причта покинуло страну, а посольская церковь была закрыта. В Константинополе остались лишь в качестве представителя правительства России советник Б.С. Серафимов и в качестве сотрудника консульства Деудес⁶³⁷.

При участии русских афонских монахов при российском посольстве в столице Османской империи было создано особое учебное заведение. Так, 30 мая 1897 г. посол в Константинополе А.И. Нелидов известил игумена Свято-Пантелеимоновского монастыря (Руссика) о. Андрея о том, что иеромонах Мисаил передал от его имени 100 турецких лир на устройство при посольстве русского училища (школы) — первого подобного учебного заведения в европейской части Османской империи. В своем письме А.И. Нелидов отмечал, что училище «было основано мною после многих стараний и с одобрения почившего отца игумена святой обители Вашей. От всего сердца радуется меня теперь оказанная Вами помощь, благодаря которой станет возможным в будущем учебном году довершить дело школы при настоящей ее программе открытием высшего класса. Более 70 учеников получают в ней воспитание в духе православия и на русском языке и предохранены от поступления в руки иноверных пропаганд; некоторые из учеников перешли даже в нее из школ, содержимых этими пропагандами. Не сомневаюсь поэтому, что и на будущие годы святая обитель Ваша не оставит без поддержки единственного русского училища, призванного на утверждение святой нашей веры и русского влияния на Востоке»⁶³⁸.

Непосредственно созданием училища занималась жена посла, госпожа Нелидова, обучались в нем в основном православные греки и болгары. Братия Руссика и в дальнейшем оказывала различную помощь этому учебному заведению. Так, например, 25 июня 1899 г. его директор В. Мошков в письме игумену Андрею выразил благодарность за труды регента ученического хора

---

⁶³⁷ АРПМА, оп. 10, д. 170, док. 154, л. 120 об.

⁶³⁸ Там же, д. 106, док. 129, л. 45 об–46.

о. Полихрония, благодаря которому 12 учеников-греков «стали почти настоящими русскими певчими»⁶³⁹. В письме игумену Андрею от 28 июля 1903 г. посол И.А. Зиновьев сообщил, что получил через доверенное лицо монастыря в Константинополе иеромонаха Адриана 12 тысяч рублей, пожертвованных на постройку здания русского училища, и выразил «сердечную признательность за этот щедрый отзыв на мое обращение». Посол также поблагодарил за разрешение участвовать иеромонаху Адриану в хозяйственной комиссии училища в качестве казначея и попросил содействия со стороны опытной в строительном деле братии Свято-Пантелеимоновского монастыря⁶⁴⁰.

В 1875–1876 гг. при содействии российского посла в Османской империи графа Н.П. Игнатьева была построена русская Никольская больница в квартале Панджальди (Харбие), возведенная на большом участке земли, купленном за 5 тысяч лир. Большую часть средств на строительство предоставил афонский Свято-Пантелеимоновский монастырь. В дальнейшем эта больница (имевшая женское отделение) существовала в основном за счет взносов российского посольства и ластового сбора с русских судов, однако некоторые пожертвования по-прежнему вносил Свято-Пантелеимоновский монастырь. В первой половине 1876 г., также во многом на средства Руссика⁶⁴¹, при ней была устроена и 15 июня того же года освящена греческим митрополитом Дерконским Иоакимом пятиглавая церковь свт. Николая Чудотворца в отдельном, довольно большом каменном здании византийского стиля. Она являлась приходским храмом небольшой русской колонии в Константинополе, сложившейся к началу XX в. и состоявшей преимущественно из состоятельных людей. Церковь также посещали проживавшие в городе православные славяне из различных стран⁶⁴².

Последний по времени создания русский православный храм появился в конце XIX в. в местечке Сан-Стефано, в 17 верстах от Константинополя. Именно сюда дошли покрытые славой побед российские войска во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и здесь был подписан судьбоносный для

---

⁶³⁹ АРПМА, оп. 10, д. 106, док. 129, л. 42.

⁶⁴⁰ Там же, л. 46 об.

⁶⁴¹ Там же, док. 359, л. 1.

⁶⁴² Русские храмы и обители в Европе. С. 355–356.

православной Европы Сан-Стефановский мирный договор, по которому Черногория, Сербия, Румыния и Болгария обрели независимость. В 1893 г. в результате переговоров представители Османской империи согласились, чтобы русские воздвигли памятник в Сан-Стефано. Уже вскоре, в 1894–1898 гг., на месте бывшего русского военного лазарета был построен большой каменный храм-памятник св. вмч. Георгия Победоносца в московском стиле XVII в. (по проекту архитектора академика В.В. Сулова). Наблюдал за строительством инициатор возведения церкви военный агент при российском посольстве в Османской империи полковник Н.Н. Пешков. Храм-памятник был выстроен в три яруса, облицован зеленовато-серым гранитом и имел около 46 метров в высоту; венчал здание русский восьмиконечный крест, сделанный из хрустальных стекол в золоченом обрамлении. На первом ярусе размещалась крипта, на втором — небольшая церковь, на третьем — часовня и колокольня с серебряной главкой (на ней было 8 колоколов, причем самый большой из них весил 40 пудов). Небольшой белораморный иконостас и алтарь изготовил итальянский скульптор Паоло Трискорни. Росписи в храме исполнили молодые петербургские живописцы: Г.В. Белощенко, Е.И. Стягов, В.А. Плотников, Д.И. Глущенко, А.Р. Эберлинг. Запрестольным образом был витраж, изображавший Воскресение Христова⁶⁴³.

В крипте погребли пять тысяч русских воинов, отдавших свои жизни за свободу христианских народов на Балканах, еще свыше пяти тысяч солдат и офицеров были позднее похоронены вокруг храма. В стены крипты были вмурованы надгробия с перенесенных могил, в основном братских, и укреплены доски с именами павших офицеров и датами главных сражений. Все пространство крипты занимали склепы, лишь посредине было оставлено место для канунника с Распятием. Здесь после литургии служили панихиду или литию, которую заказывали русские паломники, приезжавшие в Сан-Стефано по пути на Афон или в Иерусалим⁶⁴⁴.

6/18 декабря 1898 г. Георгиевский храм-памятник освятил настоятель российской посольской церкви в Константинополе архимандрит Борис

---

⁶⁴³ Вильковская А. Русский храм-памятник в предместье Константинополя Сан-Стефано. Константинополь, 1910.

⁶⁴⁴ Там же; Протоиерей Алексей Мальцев. Указ. соч. С. 193–195.

(Плотников) в присутствии бывшего Иерусалимского Патриарха Никодима, экзарха Болгарской Православной Церкви митрополита Иосифа, двоюродного брата императора Николая II — великого князя Николая Николаевича-младшего, приехавшей из России делегации от участвовавших в войне полков, делегации Народного собрания Болгарии, членов российского посольства, послов других православных стран в Османской империи и высших турецких сановников. В состоявшемся в день освящения крестном ходе иконы и хоругви несли унтер-офицеры и солдаты — участники Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Хотя при храме имелся церковный дом, постоянного причта при нем не было, в церкви служили приезжавшие из Константинополя русские монахи: с 1900 г. — иеромонах Павел, стажер при Русском археологическом институте, а с 1913 по лето 1914 гг. — архимандрит Иона (Вуколов)⁶⁴⁵.

В 1904 г. главным образом усилиями настоятеля русской афонской келлии свт. Иоанна Златоуста иеросхимонаха Кирилла (в миру Капитона Илларионовича Абрамова, 1845–1915) была открыта трехгодичная церковно-приходская школа в ближайшей к Сан-Стефано греческой деревне Галатария, в нее принимали молодых людей 13–22 лет, умеющих читать и писать по-русски. Первоначально создание этой школы поддержали четыре большие русские келлии Афона (свт. Иоанна Златоуста, Пресвятой Троицы, Воздвижения Креста Господня, свт. Николая Чудотворца), но затем из-за финансовых трудностей три из них отказались. Лишь отец Кирилл, ставший также игуменом Высоко-Дечанской лавры в Сербии, продолжал содержать школу. Недостающие средства стал выделять Священный Синод Российской Православной Церкви. Преподавание в школе велось на русском языке, учащиеся также изучали церковнославянский язык и русский распев; в 1908 г. в ней училось 15 человек (в основном греков)⁶⁴⁶.

К 1908 г. в Сан-Стефано также были открыты двухгодичные курсы для молодых послушников (иноков). По мнению некоторых исследователей истории Афона, к мысли о необходимости создания монашеской школы в Константинополе иеросхимонаха Кирилла привело его активное участие в возрождении Высоко-Дечанской лавры. Школа должна была готовить

---

⁶⁴⁵ Русские храмы и обители в Европе. С. 357–358.

⁶⁴⁶ Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009. С. 141, 231.

богословски грамотных монахов и молодых пастырей, которые могли бы быть миссионерами на Сербской земле. На устройство и содержание этих курсов русские святогорцы затратили 16 193 рубля⁶⁴⁷.

Хор, составленный из учеников церковно-приходской школы в Галатарии, пел за богослужениями в Георгиевском храме. Накануне Первой мировой войны, в 1913–1914 гг., в этой школе преподавал член причта Никольской церкви при российском посольстве в Константинополе протоиерей Николай Васильевич Остроумов (устроитель русской церкви в итальянском городе Сан-Ремо). Около храма имелось небольшое кладбище, где хоронили российских дипломатов и умерших в Константинополе русских паломников. В 1910 г. вокруг здания был разбит большой сад. При храме жили смотритель, сторож и садовник.

До лета 1914 г. о подчиненном Санкт-Петербургскому митрополиту Георгиевском храме-памятнике заботилась особая комиссия из служащих российского посольства. Вскоре после вступления Османской империи в Первую мировую войну против России турки, считавшие русский мемориал напоминанием о своем военном позоре, закрыли храм-памятник и уничтожили его. 14 ноября 1914 г. он был демонстративно взорван на глазах у многочисленной толпы, разрушение церкви запечатлели в кинохронике. По некоторым данным, утварь и иконы из храма предварительно были убраны и переданы русским монахам. Тогда же закрыли и церковно-приходскую школу при храме. На месте уничтоженной Георгиевской церкви была размещена турецкая воинская часть⁶⁴⁸.

Кроме того, в Константинополе в портовом квартале Галата (ныне Каракёй), как уже отмечалось, имелись три церкви при подворьях главных русских афонских обителей: Свято-Пантелеимоновского монастыря, Свято-Андреевского и Свято-Ильинского скитов. Эти обители приобрели в 1870-х гг. земельные участки на соседних улицах в квартале Галата, так как эта часть города была более европеизирована, и к тому же рядом находилась пристань⁶⁴⁹. Подворья создавались с целью помощи русским паломникам, следующим через Константинополь к святым местам — в Иерусалим и на Афон. Место

---

⁶⁴⁷ АРПМА, оп. 10, д. 180, док. 163, л. 192; Русская монашеская школа в Сан-Стефано // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1908. № 40. С. 1976.

⁶⁴⁸ Русские храмы и обители в Европе. С. 357–358.

⁶⁴⁹ Там же, оп. 49, д. 2, док. 4020, л. 819.

расположения подворий делало удобным прием и размещение паломников, прибывавших пароходами из российских черноморских портов. Кроме того, подворья использовались русскими афонитами как перевалочный пункт для доставки различных грузов, прежде всего продовольствия, из России.

Через несколько лет после приобретения участков один за другим были построены представительные многоэтажные здания больших подворий с домовыми храмами, составлявшие единый городской ансамбль. Похожие между собой планы зданий, как правило, создавались самими насельниками обителей, имевшими большой строительный опыт, а их возведение осуществлялось под надзором местных греческих инженеров. Большую часть зданий составляли странноприимницы с комнатами для размещения паломников и общими кухнями на каждом этаже. На верхнем этаже устраивались относительно небольшие церкви, отмеченные снаружи типовыми барабанами с низкими куполами византийской формы, увенчанные русскими восьмиконечными крестами и покрашенные в стиле Свято-Пантелеимоновского монастыря зеленой краской.

Первым — в 1873 г., недалеко от пароходной пристани, было построено капитальное шестиэтажное здание подворья Свято-Пантелеимоновского монастыря, на верхнем этаже которого устроили домовый храм святого великомученика Пантелеимона, окруженный террасой-галереей⁶⁵⁰. Завершение его устройства и освящение было задержано из-за Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. После ее окончания, 2 января 1879 г. Константинопольский Патриарх Иоаким III написал игумену Макарию в ответ на его три письма от 12, 18 и 20 декабря 1878 г. о разрешении совершать богослужения на подворье в Галате⁶⁵¹. Храм святого великомученика Пантелеимона освятили 2 февраля 1879 г. по благословению Патриарха Иоакима III. Зеленый купол церкви с золотым крестом был хорошо виден в городе. Следует отметить, что только в XIX в. в Константинополе было разрешено ставить кресты на христианских храмах и лишь благодаря влиянию православной Российской империи⁶⁵².

---

⁶⁵⁰ АРПМА, оп. 10, д. 180, док. 163, л. 82 об.

⁶⁵¹ Герд Л. А. Русский Афон. 1878–1914 годы. М., 2010. С. 23.

⁶⁵² Тимошенко А., Тимошенко-Оздемир Е. Тепло домового храма. Прошлое и настоящее русско-го прихода в Стамбуле // Вода живая. 2009. № 5. С. 39.

В 1910 — феврале 1914 гг. (с перерывом в 1912–1913 гг.) настоятелем Константинопольского подворья был племянник известных славянофилов братьев Киреевских иеросхимонах Алексей (в миру Владимир Леонидович Киреевский, 1870–1945), а последним настоятелем подворья перед его закрытием в начале Первой мировой войны — с 1 марта по июль 1914 г. служил преподобномученик иеромонах Иона (в миру Иван Андреевич Санков, 1879–1938)⁶⁵³. На подворье обычно жили два иеромонаха, около 20 монахов и послушников, а также множество паломников проездом из России на Афон или в Святую Землю, богослужения в церкви совершались ежедневно⁶⁵⁴.

Рядом с Пантелеимоновским подворьем на верхнем этаже построенного в 1870-х гг. шестиэтажного здания странноприимницы Свято-Ильинского скита в 1879 г. была освящена церковь святого пророка Илии. Казначеем, а затем настоятелем Ильинского подворья в 1878–1885 гг. служил иеромонах Гавриил, избранный в 1887 г. настоятелем самого Свято-Ильинского скита и возведенный в 1891 г. Константинопольским Патриархом Неофитом VIII в сан архимандрита. В 1994 г. схиархимандрит Гавриил был канонизирован решением Священного Синода автономной Украинской Православной Церкви Московского Патриархата⁶⁵⁵. Накануне временного закрытия Ильинского подворья в связи с войной — в 1914 г. его настоятелем служил иеромонах Лукиан.

В 1871 г., выполняя желание первого игумена Свято-Андреевского скита иеросхимонаха Виссариона (Толмачева), его преемник — новый игумен иеросхимонах Феодорит (Крестовников) приобрел в Константинополе большой дом вблизи паровой пристани для размещения паломников из России, отправляющихся на Афон, в Иерусалим и в другие святые места Востока. Там же, в квартале Галата на улице Мухмана было устроено подворье скита, сгоревшее 21 декабря 1887 г. В 1888–1890 гг. на месте сгоревшего здания под руководством иеросхимонаха Феодорита построили новое многоэтажное здание подворья Свято-Андреевского скита, на верхнем этаже которого

---

⁶⁵³ Русский афонский отечник XIX–XX веков. Святая Гора Афон, 2012. С. 461.

⁶⁵⁴ Русский монастырь святого великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской. М., 1995. С. 179–180.

⁶⁵⁵ Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 575–576.

освятили церковь во имя св. апостола Андрея Первозванного (по некоторым сведениям — первоначально — во имя Казанской иконы Божией Матери). Венчал здание, как и другие подворские дома, низкий византийский купол и русский восьмиконечный крест. В 1900–1904 гг. экономом этого подворья, а затем и настоятелем был выпускник известной богословской школы Константинопольского Патриархата на о. Халки иеромонах Иероним (в миру Иван Васильевич Силин; 1866–1920), избранный в 1908 г. игуменом Свято-Андреевского скита⁶⁵⁶.

Русские святогорцы не сразу смогли вступить во владение зданиями подворий: эти строения первоначально приобретались на имя частных лиц, так как обители опасались противодействия мусульман. Интересно отметить, что когда братия Свято-Андреевского скита решила с помощью стамбульских адвокатов вступить во владение своим подворьем, оказалось, что в турецком языке, на котором оформлялся соответствующий султанский фирман (указ), нет слова «скит». «Султан увидит неизвестное ему слово, задумается и бумагу в сторону отложит», — заявили монахам адвокаты. Не желая промедления, игумен скита благословил переводчиков на слово «монастырь», и фирман был подписан⁶⁵⁷.

В 1902 г. четыре большие келлии — свт. Иоанна Златоуста, Воздвиженья Креста Господня, Святой Троицы и свт. Николая Чудотворца (Белозёрка), входившие в состав учрежденного в 1896 г. «Братства русских обителей (келлий) афонских в память священного коронования Государя Императора Николая II» при содействии российских дипломатов основали школу для детей младшего возраста бедных русских и славянских жителей столицы Османской империи, с интернатом на 14 детей. Освящение купленного на деньги святогорцев школьного здания состоялось 19 декабря 1902 г. в присутствии российского посла в Константинополе И.А. Зиновьева и многих других высокопоставленных лиц⁶⁵⁸.

---

⁶⁵⁶ Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. С. 28, 33, 41; Альбом видов Русского Свято-Андреевского скита на Афоне. (Виды обители, церквей, подворий и проч.). Одесса, 1914. С. 30.

⁶⁵⁷ Талалай М. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 126.

⁶⁵⁸ Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 633; АРПМА, оп. 10, д. 180, док. 163, л. 15.

Попечителем школы стал основатель и директор Русского археологического института в Константинополе (в 1894–1914 гг.) Федор Иванович Успенский. Ее создание было очень важным шагом, так как в Османской империи в те годы весьма активно действовали католические и протестантские миссионеры. Расходы на содержание этой школы взяли на себя в основном упомянутые четыре русские афонские келлии. Всего они затратили на покупку дома для школы и ее содержание около 100 тысяч рублей, а на устройство при ней интерната (приюта) еще 3875 рублей⁶⁵⁹.

В последний, 1913/14 учебный год в школе обучалось 88 детей, к этому времени ее закончили 8 человек. Закон Божий сначала преподавал помощник настоятеля посольской церкви протоиерей Николай Остроумов, вместо которого был назначен экононом Свято-Николаевского подворья келлии Белозёрка в Константинополе иеромонах Анатолий. 17 мая 1914 г., в последний учебный день, был проведен литературный утренник, который посетили российский посол М.Н. Гирс с супругой⁶⁶⁰. Вскоре после этого школа была закрыта турецкими властями в связи с началом Первой мировой войны.

Кроме того, в 1900 г. настоятель Крестовоздвиженской келлии Каракальского монастыря иеросхимонах Пантелеимон (в миру Петр Иванович Важенко, 1849–1914), много времени проводивший в Константинополе, основал там небольшое подворье своей келлии, которое, правда, просуществовало недолго. Русские келлиоты Святой Горы также участвовали в постройке и содержании монашеской больницы, выстроенной в начале XX в. по инициативе российского консула А.А. Гирса⁶⁶¹.

На рубеже XIX–XX вв. в Константинополе возникли малые подворья (по-афонски: конаки) еще четырех русских келлий: свт. Иоанна Златоуста, Пресвятой Троицы, свт. Николая Чудотворца (Белозёрка) и Положения Пояса Богородицы. Они представляли собой небольшие странноприимницы для проживания паломников и монахов без церквей. Впоследствии, в период упадка русского Афона, все эти подворья перешли в собственность турок.

---

⁶⁵⁹ АРПМА, оп. 10, д. 180, док. 163, л. 192.

⁶⁶⁰ Там же, л. 197 об, 199 об.

⁶⁶¹ Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. С. 141, 231.

В конце XIX — начале XX вв. через Константинополь ежегодно проезжали 8–10 тысяч паломников, отправлявшихся на Афон или в Святую Землю из черноморских российских портов (в основном из Одессы, где были подворья трех главных русских афонских обителей). В это время богомольцев перевозили десятки судов: «Владимир», «Лазарев», «Олег», «Одесса», «Константин», «Паллада», «Таврида», «Царь», «Цесаревич», «Чихачев» и др. В ожидании парохода на Афон или в Святую Землю русские паломники около недели проводили в городе, проживая и питаясь в зданиях подворий. Кроме паломников, берега Босфора посещало большое количество моряков с российских торговых и военных судов, а также приезжих из других славянских стран. Каждый такой путешественник считал своим долгом поклониться константинопольским православным святыням. В конце XIX — начале XX вв. на подворьях останавливалось много русских богомольцев, ставших в дальнейшем известными церковными деятелями, например, будущий архиепископ священномученик Иларион (Троицкий), в начале 1920-х гг. ближайший помощник Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона, написавший интересные путевые заметки о пребывании в Константинополе. В 1883, 1884 и 1901 гг. трижды на Константинопольском подворье Руссика останавливался будущий председатель Учебного комитета Российской Православной Церкви и митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Арсений (Стадницкий)⁶⁶².

В результате вспыхнувшей летом 1914 г. Первой мировой войны ситуация существенно изменилась — всякий прием паломников на подворьях прекратился. В июле 1914 г. все подворские храмы в Константинополе были закрыты, имущество в основном расхищено (по свидетельству иеромонаха Питирима, подворья «ограбили дочиста»), здания (кроме подворья Свято-Андреевского скита) заняты под казармы — в них обустроили нары и кухни для турецких и австрийских солдат. Некоторых монахов в октябре 1914 г. интернировали или выслали из Константинополя вместе со служащими российского

---

⁶⁶² Христофор (Пулец), митр. Паломничество на Афон начала XX в. По дневникам митрополита Арсения (Стадницкого) // Афонское наследие. Научный альманах. Вып. 1–2. Киев-Чернигов, 2015. С. 163–164; Афонский русский патерик, или Жития русских святых, подвизавшихся на Афоне, и афонских подвижников, просиявших в России. С. 35.

консульства. Экономы подворий получили известие о начале войны в день отъезда посольства и позднее прибыли на Святую Гору через Болгарию, Сербию и Грецию. В их числе был вернувшийся на Афон представитель Свято-Ильинского скита монах Никон; потери только этого скита в результате захвата турками его собственности составили 20 995, 5 рублей (при этом Ильинское подворье сохранилось лучше других)⁶⁶³. В подворье Свято-Андреевского скита турки первоначально разместили военное училище (школу), а затем устроили склад⁶⁶⁴.

Активное развитие русской церковной жизни в Османской империи, прежде всего в Константинополе и окрестностях, было насильственно прекращено осенью 1914 г., сразу после начала Первой мировой войны, но через несколько лет оно пережило чрезвычайно бурный, хотя и кратковременный взлет в связи с послереволюционной волной российской эмиграции.

Уже вскоре после капитуляции Османской империи, осенью 1918 г. реквизированные турецкими властями русские храмы открылись вновь. Сначала этим вопросом занялся временно приехавший в Константинополь российский посланник в Афинах Е.П. Демидов. 5 ноября игумен Свято-Пантелеимоновского монастыря архимандрит Мисаил отправил ему письмо с приложением перечня русских афонских подворий и общей доверенности от монастыря и Свято-Андреевского и Свято-Ильинского скитов, чтобы Демидов мог ознакомиться с делами трех подворий. Также была выписана общая доверенность на всех представителей русских обителей, которые должны были отправиться в Константинополь⁶⁶⁵.

Важная заслуга в открытии русских подворских храмов принадлежит настоятелю Одесского подворья Свято-Андреевского скита иеромонаху Питириму (в миру Потапию Федоровичу Ладыгину, будущему схиепископу Петру; 1866–1957), которого Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон летом 1918 г. направил к Константинопольскому Патриарху с посланием об избрании в России Патриарха. Чтобы выехать из Москвы, понадобилось

---

⁶⁶³ АРПМА, оп. 10, д. 170, док. 154, л. 120 об; Русские храмы и обители в Европе. С. 208–210, 354–356; Варсонофий, епископ Саранский и Мордовский. Сочинения. В 5-ти т. Т. 3: Афон в жизни Русской Православной Церкви в XIX — начале XX веков. Саранск, 1995. С. 119.

⁶⁶⁴ АРПМА, оп. 10, д. 170, док. 154, л. 27.

⁶⁶⁵ Там же, д. 180, док. 5377, л. 128.

разрешение В.И. Ленина, и отец Питирим добился встречи с главой советского государства. Ленин расспросил его о положении на Украине и распорядился выдать необходимые документы. Архимандрит сумел добраться до Константинополя и вручить послание Патриарху⁶⁶⁶.

Хотя этот вопрос был решен быстро, другие проблемы надолго задержали иеромонаха в Константинополе. К украинскому кораблю, на котором прибыл из Одессы о. Питирим, пришли около тысячи российских военнопленных, стремившихся вернуться на родину, которым негде было ночевать и нечего есть. Благодаря активной деятельности иеромонаха, входившего в состав Украинской комиссии по делам военнопленных, все подворья решением правительства 16 ноября 1918 г. официально были возвращены русским монахам, при этом составлены акты, по которым турецкие власти обещали вернуть разграбленное имущество. Стараниями о. Питирима в подворских зданиях временно разместились часть из оказавшихся в турецком плену нескольких тысяч российских военнопленных⁶⁶⁷.

Проживавший в 1919 г. на одном из подворий митрополит Евлогий (Георгиевский) позднее вспоминал о плохом состоянии здания после его возвращения турецкими властями: «Мы остановились на Галате, на подворье Афонского Андреевского монастыря. Заведовал им о. Софроний, чудный старец, который заботливо за нами ухаживал и старался залечить и наши духовные раны. Помещение подворья во время войны отобрали под казармы турецких солдат, они привели его в крайне антисанитарное состояние: вонь, скользкие грязные стены, в щелях клопы, тучи moskitov от сырости, которая развелась вследствие отсутствия за эти годы отопления»⁶⁶⁸.

Когда пребывание российских солдат на подворьях стало затруднительным из-за отсутствия средств и полной недисциплинированности бывших военнопленных, о. Питирим (Ладыгин) попросил разрешения взять с Афона несколько монахов для опеки солдат и с этой целью выехал на Святую Гору. Он посетил Свято-Пантелеимоновский монастырь и свой Свято-Андреевский

---

⁶⁶⁶ Ильинская А. Подвиг схиэпископа Петра // Вятский епархиальный вестник. 1998. № 1. С. 5; Троицкий П. История русских обитателей Афона. С. 93, 107–108.

⁶⁶⁷ АРПМА, оп. 10, д. 170, док. 154, л. 27; Тимошенко А., Тимошенко-Оздемир Е. Указ. соч. С. 39.

⁶⁶⁸ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 315.

скит, где братия уговаривала его остаться и больше не возвращаться в Россию. Но, как позднее писал в своей автобиографии будущий схиепископ Петр (Ладыгин), «...на мне были ответственные дела — подворья в Константинополе и главное поручение от святейшего Патриарха». К началу 1920 г. все военнопленные выехали в Россию, в январе того же года уехал и о. Питирим. Это был последний раз, когда он побывал на Афоне: «7 января пароход подошел к Пантелеимоновскому монастырю. Я со слезами сел и пока он шел, в течение 2 часов не мог удержаться от слез»⁶⁶⁹.

Дальнейшая судьба о. Питирима была очень сложной. Ответное послание Вселенского Патриарха он доставил лично Святейшему Патриарху Тихону. После закрытия летом 1923 г. возглавляемого им подворья архимандрит Питирим оказался выслан из Одессы, в 1925 г. он был тайно хиротонисан в Средней Азии во епископа Уфимского, в 1927 г. принял схиму с именем Петр и стал окормлять большое количество тайных общин. Владыка подвергался неоднократным арестам — в 1926, 1928, 1937, 1945, 1951 гг., нелегально жил в разных местах, в том числе на Тянь-Шане, и скончался 19 февраля 1957 г. в г. Глазове⁶⁷⁰.

В декабре 1918 г. русский афонский Свято-Ильинский скит направил в Константинополь для налаживания работы подворья в качестве эконома иеромонаха Пахомия, для этого ему дали тысячу рублей и три тысячи драхм, а в помощь выделили монаха Рафаила. Через подворье осуществлялись закупки продовольствия в Египте, однако из-за нехватки средств восстановление церкви св. пророка Илии затянулось. Так, в книге записей вопросов и решений Духовного Собора старцев скита 6 июня 1919 г. отмечалось: «На письменную просьбу иеромон. Пахомия возобновить церковь на Константинопольском нашем подворье и написать для иконостаса икону св. пророка Илии мы в письме нашем от 7-го сего июня решили отказать ему на обе эти просьбы, ввиду скудости средств наших в данное время. Если же найдется такой благодетель, который сам на свои средства все это сделает, то тогда произведите это дело; а если не окажется, то непременно надо потерпеть до времени,

---

⁶⁶⁹ Шумило В.В. «Автобиография» схиепископа Петра (Ладыгина) как источник по истории Андреевского скита на Афоне. Чернигов, 2013. Рукопись. С. 11.

⁶⁷⁰ Ильинская А. Указ. соч. С. 5–6; Троицкий П. История русских обителей Афона. С. 107–108.

когда это возможно будет сделать. Все же остающиеся арендные деньги от его необходимых расходов за наем подворья — написали ему, чтобы он таковые присылал бы нам, так как крайне нуждаемся в деньгах». Правда, через два месяца — в августе 1919 г., нашелся благотворитель — болгарин Серафим, который пожертвовал определенные средства, облачения и пять икон, в том числе образ св. пророка Илии⁶⁷¹.

Благодаря своему географическому положению, Турция стала главной страной первоначального прибежища русских эмигрантов. В результате пяти массовых эвакуаций: из Одессы — в апреле 1919 г. и январе — феврале 1920 г., из Новороссийска — в марте 1920 г., с Крымского полуострова — в ноябре 1920 г. и из Батуми — весной 1921 г. (после падения меньшевистского режима в Грузии) в зоне черноморских проливов сложился крупнейший за рубежом район концентрации русских эмигрантов. В начале 1920-х гг. только в Константинополе и окрестностях было сосредоточено около 200 тысяч беженцев из России, а на всей оккупированной войсками Антанты турецкой территории, включая полуостров Галлиполи (Гелиболу), побережье и острова Мраморного моря, по подсчетам некоторых историков, — до 250 тысяч⁶⁷².

На основании решений Севрского мирного договора 1920 г. Турция потеряла контроль над своей бывшей столицей, и она несколько лет находилась под международным протекторатом в качестве «вольного города». Поэтому пребывавшие в Анкаре официальные турецкие власти первоначально не занимались делами русских беженцев.

В середине ноября 1920 г. в Константинополь приплыли из Крыма на 132 кораблях, по данным командующего армией генерала П.Н. Врангеля, 145 693 человека (без экипажей судов), из них около 40 тысяч составляли гражданские лица; по британским данным, прибыли 148 678 человек, а по сведениям советской разведки — 86 тысяч военных и 60 тысяч гражданских

---

⁶⁷¹ Феннелл Н., Троицкий П., Талалай М. Ильинский скит на Афоне. М., 2011. С. 62, 243, 247–248, 251.

⁶⁷² Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 42; Раев М. Россия за рубежом. История русской эмиграции. 1917–1919. М., 1994. С.30; Бутузов А.Г. О географии русских на Балканах в XX веке // Славяноведение. 2004. № 5. С. 77–78.

лиц. В конце 1920 г. Главное регистрационное бюро в Константинополе зарегистрировало в своей картотеке 190 тысяч имен беженцев⁶⁷³.

Обстановка среди беженцев была сложная, и в этих условиях особую роль в смягчении накала горестных страстей сыграла Православная Церковь. Один из очевидцев этих событий писал: «На баке, недалеко от галльона, сбоку, в невзрачном месте — церковь. Маленькая, как будто недоделанная. Служит епископ Вениамин со стареньким священником, красиво и просто. Поет хор нестройно и невнятно — большинство певчих не знают слов... Церковь полна разношерстной толпой... Все идет нехитро, по-походному, наспех, как тележка по кочкам скачет, но... так хочется молиться, так жадно вслушиваешься в обрывки слов, и как эти слова... волнуют, перехватывают горло, слезы текут ручьями, и не стыдно их»⁶⁷⁴.

По требованию англичан, видевших в русских войсках потенциальную угрозу своему господству над проливами, армейские части вскоре были удалены из самого Константинополя и размещены в конце ноября — декабре в трех основных местах: 1-й армейский корпус генерала А.П. Кутепова численностью 29 тысяч человек — в двух лагерях в районе г. Галлиполи; Донской корпус генерала Ф.Ф. Абрамова численностью 22 тысячи — в четырех лагерях в районе Чатаджи; Кубанский казачий корпус генерала М.А. Фостикова численностью около 20 тысяч — в лагерях на острове Лемносе и в г. Мудросе. Наиболее известными стали галлиполийские лагеря, в которых в начале 1921 г. проживали 25 тысяч военных и 8 тысяч гражданских лиц⁶⁷⁵.

Здесь поддерживалась строгая военная дисциплина, и при этом существовала активная церковная жизнь. Бывшие галлиполийцы позднее вспоминали: «Церковная жизнь в Галлиполи протекала по определенному руслу как-то сама собою. Без всяких внешних побудительных причин, наоборот, среди непреодолимых, казалось, препятствий наметилась и форма, и содержание ее. Начало и дальнейшее развитие работы Церкви было лишь удовлетворением требований духа прибывших сюда чинов армии... Сохранение прежней организации

---

⁶⁷³ Врангель П.Н. Воспоминания Т. 2. М., 1992. С. 433; Спасов А. Врангеловата армия в България 1919–1923. София, 1999. С. 63–65; Иванович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. С. 116.

⁶⁷⁴ История русской эскадры в Северной Африке. Церковь и флот. СПб., 2009. С. 6.

⁶⁷⁵ ГАРФ, ф. 9145, оп. 1, д. 1067, л. 5–6.

помогло устройству внешнего порядка жизни: верность укладу, традициям и верованиям народа дали успокоение духу и силы примириться с совершившимся, и начать новую жизнь... Вступив на твердую землю, русский человек, прежде всего, стал искать храм Божий. Выброшенный на чужой берег, голодный, раздетый, с истерзанной душой, с невыносимой тоской в сердце за покинутое, в полной неизвестности за следующий день, — русский воин пошел в храм Божий в уверенности, что все остальное, по завету Христа, приложится. Это было движение души народной... Думается, что вера спасла душу человека от отчаяния, а Церковь всем строем своего служения много облегчила Русской армии доблестное несение безмерно тяжелого галлиполийского креста»⁶⁷⁶.

Сразу же после размещения прибывшее со своими частями военное духовенство испросило у местного православного митрополита разрешения совершить русскую службу в храме г. Галлиполи после окончания греческой. Храм был переполнен молящимися офицерами и солдатами, за богослужением пел лучший в 1-й армейском корпусе хор Корниловского полка. Митрополит Галлиполийский Константин после греческой литургии обратился к своей пастве с глубоко прочувственным словом. Описав скорбь народа русского и отметив, что большевизм противен духу христианского учения, он призвал молящихся покрыть свою любовь прибывших русских братьев-единоверцев и оказать им помощь. При этом владыка указал на пятисотлетние страдания греческого народа под игом турок, напомнив о той роли, какую играла Россия в деле освобождения Греции, и помощи, которую всегда имели греки от русского народа в более поздние времена. Эта проповедь оказала благоприятное воздействие, галлиполийский храм был предоставлен русским военнослужащим для молитвы, кроме того, отвели общежитие для военного духовенства. 25 ноября 1920 г. в храме отмечалась столетняя годовщина Михайловского артиллерийского училища. Накануне были отслужены всенощная и панихида по павшим и умершим питомцам этой школы, а на другой день, после литургии — молебен.

Начиная постройку «полотняного города» в долине, каждая отдельная часть в районе своего расположения создавала церковь, выделяя для этого

---

⁶⁷⁶ См.: Русские в Галлиполи. Сборник статей, посвященных пребыванию 1-го армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. Берлин, 1923.

палатку или, при ее отсутствии, создавая из отдельных полотнищ защиту для алтаря. Всего было устроено более 10 храмов-палаток, прежде всего полковые и корпусная походные церкви, в пяти из них имелись живописные иконостасы.

Значительную трудность представляло внутреннее оборудование храмов. В воспоминаниях сохранились подробности этой работы: «Дощечки от ящиков — единственный материал для устройства тела иконостаса, престола, жертвенника, подсвечников, аналоев. Жесть от консервных банок и вежеталина, противогазовые коробки, валявшиеся в углах городских складов, гильзы и колпачки от снарядов — все это было с успехом использовано для устройства необходимых предметов церковного обихода. Главным материалом при устройстве иконостасов послужили одеяла: их набивали на рамы, нашивали на них иконы, писанные на полотне; на них же вырисовывались рамы для икон и заменяющие резьбу украшения. Из одеял шились и облачения.

В деле устройства храмов необыкновенно ярко сказалась вся религиозность русского человека. Каждый с любовью делает, что может. Вот генерал по собственному рисунку вырезает из жести лампаду и напрестольный деревянный крест, а полковник и офицеры неделями убирают на передней линии Божницу, тщательно по рисунку укладывая пред ней узорчатый ковер из раковин и цветных камней, собранных на берегу. Кто и не думал никогда — оказался мастером церковных вещей. Художники пишут иконы сперва углем и карандашом, так как всякий материал, стоящий хотя бы 2–3 драхмы, был совершенно недоступен. Они же составляют рисунки для сосудов, царских врат, Божниц, пишут в иконостас местные иконы и выносные для праздников.

Мастера всех цехов приложили свои усилия, чтобы создать из этого подручного материала не только необходимый предмет, но и вещь, которая видом и красотой соответствовала бы святости своего назначения. По рисункам устраивались иконостасы, делались сосуды, ковчеги из меди, кропотливо украшенные резьбой и чеканкой, дарохранительницы, кадила. Резные люстры, паникадила и лампы, запрестольные семисвечники, хоругви, большие и малые выносные подсвечники, церковные столики и аналои, одетые по установленной форме, постепенно наполняли храмы. В марте месяце в одном из храмов лагеря появился небольшой колокол — пуда в два. В других местах

устроили целую звонницу путем подбора рельсов узкоколейки, стали делать колокола из гильз больших снарядов»⁶⁷⁷.

Епископ Севастопольский Вениамин (Федченков) в начале 1921 г. так описывал свои впечатления от этих храмов: «Вот палатка. Входишь и сердце радуется. Все в зелени, смотришь: тут и иконостас, и люстры, и подсвечники, и всевозможные украшения! И все буквально — из ничего: в одной церкви иконостас из деревянных дощечек в чисто русском стиле, — как в картинах русские избушечки (Доп. Технич. Полк); в другой — из камыша; в третьей — из одеял или иной материи, пожертвованных специально для этой цели французами или американцами; там — из жестяных банок... А иконы! Почти везде рисовали их сочувственные художники из офицеров... А в одном месте не было красок: так нарисовали все черным карандашом и углем... Причем замечательно стремление писать все в старорусском строгом византийском стиле... И здесь поворот к Руси Святой»⁶⁷⁸. Подобные впечатления имел и П.Е. Ковалевский: так «была устроена галлиполийская церковь, художественно украшенная изделиями из самых простых материалов, включая консервные банки, превращенные в изящные орнаменты»⁶⁷⁹.

Оригинальной по своему внешнему виду была церковь гвардейской батареи: восьмигранный алтарь, купол над алтарем, главку и весь иконостас сделали из годовых погонов земляничного дерева с листьями, а когда листья высохли и почернели — постройка сжалась. Таким образом, в лагерном городке получился уголок старой Руси XVII в. Все храмы богато убрали зеленью, а летом — и цветами.

Много внимания уделялось порядку богослужения. Каждая часть, имевшая храм, выделяла отдельную певческую команду, что дало возможность организовать прекрасные мужские хоры, исполнявшие лучшие произведения русских церковных композиторов. Нот почти не было: большинство песнопений восстанавливалось регентами по памяти. Богослужебных книг полностью

---

⁶⁷⁷ См.: Русские в Галлиполи. Сборник статей, посвященных пребыванию 1-го армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. Берлин, 1923.

⁶⁷⁸ Церковная жизнь русской эмиграции на начальном этапе // Троицкое наследие. Джорданвилл. 2010. № 2 (28). С. 17.

⁶⁷⁹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1970. С. 302.

ни у кого не было, а некоторые книги оказались в одном экземпляре для всего корпуса. Но все необходимое священники переписывали в тетради, и богослужение везде совершалось по чину и положенному уставу.

С 1-м армейским корпусом прибыло священников больше, чем было сформировано частей в Галлиполи. Поэтому первоначально все иереи не смогли получить штатное место, оставшиеся заняли места церковнослужителей. Впоследствии, когда развернули госпитали и начали свою деятельность военные училища, всем священникам нашлась соответствующая служба, даже приехавшим из Константинополя спустя некоторое время. В самом г. Галлиполи отдельные храмы-палатки имели гимназия имени генерала П.Н. Врангеля и Кавалерийское военное училище. Одно из военных училищ занимало турецкую мечеть, там же был устроен и храм. При четырех военных училищах и в одном госпитале из одеял сделали заграждения для алтаря, где совершались все богослужения.

Центром русской религиозной и просветительной деятельности в Галлиполи являлся получивший название «гарнизонного» греческий храм, совершавшиеся здесь церковные службы были наиболее торжественными и полными. Греческое духовенство служило в нем по праздникам, а в будни очень редко, и заканчивало к 9 часам утра. Остальное время храм находился в распоряжении русского духовенства, служившего ежедневно. Вечером совершалось всенощное бдение, на котором пять дней в неделю читались акафисты, по средам еженедельно после литургии служился общий молебен с водоосвящением за спасение армии, а по субботам — панихида по павшим воинам Руси. Акафисты читались Спасителю, Божией Матери, прп. Серафиму Саровскому, свт. Николаю и вмц. Варваре; таким образом, обычный недельный круг богослужений дополнялся особым молением. Так как в Галлиполи были расположены все военно-учебные заведения, гимназия, госпитали и некоторые из частей, то большинство духовенства служило здесь. Это дало возможность хорошо поставить церковные службы в гарнизонном храме. На акафисты и литию выходили всегда не менее 4–5 иереев с корпусным священником во главе, праздничные службы совершались собором не менее 5–7 иереев. По праздникам пел хор какой-либо части, по назначению корпусного священника, а в будни — хор церковнослужителей.

В большие церковные праздники иногда устраивалось богослужение совместно с греческим духовенством и митрополитом Константином во

главе. В таких случаях всегда пел лучший полковой хор, исполняя большинство песнопений по-гречески. Митрополит, в свою очередь, произносил важнейшие возгласы на церковнославянском языке. Постоянное проповедничество пастырей оживляло и усиливало полноту церковных служб. На литургии в воскресные и праздничные дни было обязательным слово на тему Евангелия или по содержанию праздника, накануне, на всенощном бдении — так же. В субботнем слове, главным образом, раскрывался догмат о Воскресении Христовом как основном положении всего христианства. По пятницам, на вечернем богослужении, велись поучения катехизического характера, разбирались ход и строй богослужения в его содержании и символическом значении; заповеди блаженств и Символ веры. Катехизические поучения всегда вел корпусной священник, и в этом отношении гарнизонная церковь имела преимущество перед другими храмами. Установленный строй службы удерживался неизменным до последних дней пребывания в Галлиполи.

Помимо богослужений устраивались крестные ходы — Крещенский и 1 августа, крестный ход с плащаницей, совершавшийся 15 священниками в сопровождении церковных хоров и военных оркестров. Большое стечение народа всегда привлекали молебны на площадях перед парадами войск. Пасхальная заутреня 1921 г. собрала не менее 12 тысяч молящихся и зрителей из местного греческого и турецкого населения. Для Страстной и Пасхальной недель церковь-палатка Кавалерийского военного училища была поставлена на большой площади (футбольном поле) и использовалась в эти дни как гарнизонный храм.

Галлиполийцы позднее вспоминали: «Русская Пасха и на чужбине стала светлым, радостным днем. Красоту праздника и здесь составила ночная пасхальная заутреня. Как в городе, так и в лагере весь народ собрался в эту ночь к храмам. Тысячи молящихся. Подъем необыкновенный. Под темным небесным сводом, в тесном кругу родных братьев, в эту Святую Великую ночь, горячо любимую на Святой Руси, ночь любви и братства, всепрощения, под ликующие звуки пасхальных песнопений так близко чувствовалась Родина! Сердце полно было надежды, и горечь разлуки с милыми, далекими, любимыми растворялась в тихую, хотя и мучительную, но все же сладостную грусть. В эту дивную, единственную, неповторяемую в году ночь мелочи собственной

жизни ступевались, сознание изгнанничества как будто умолкло, дышалось легко и свободно»⁶⁸⁰.

На праздник Пасхи 1921 г. корпус посетил епископ Вениамин (Федченков). В своих речах он много и любовно говорил о России. Солдаты и офицеры приветствовали владыку торжественным вручением ему епископского жезла собственного изготовления. Всего епископ Вениамин два раза посетил Галлиполи. Им были рукоположены в гарнизонном храме в священный сан четверо церковнослужителей: двое во иеромонахи и двое во диаконы. Важнейшие события в истории России и память о выдающихся соотечественниках отмечались соответствующим служением и проповедями. 13 августа, в день Ангела Патриарха Московского и всея России Тихона, приказом по корпусу отменили занятия и работы в частях. Во всех храмах прошли торжественные богослужения; так была освещена, с точки зрения церковных традиций, важность акта избрания Патриарха в переживаемый момент истории Русского государства.

Очень активной была внебогослужебная деятельность духовенства. В первые же дни прибытия частей в Галлиполи в армянском храме организовали вечерние чтения, лекции и беседы на разнообразные темы, с участием церковных хоров. Вначале выступало лишь духовенство, затем стали принимать участие и светские лица. После организации различных кружков началась более планомерная просветительная работа. В ведении каждого священника была небольшая библиотечка — до 40–50 книг. Они использовались для групповых чтений, что особенно практиковалось в лагерях. При некоторых полках были открыты «повторительные» школы для солдат, где священники являлись не только законоучителями, но и преподавателями истории, географии и других предметов.

При почти полном отсутствии учебников, пособий и руководств сложным вопросом оказалось дело окормления воспитанников военно-учебных заведений. Хотя со временем была выработана особая программа по преподаванию Закона Божия, но провести ее полностью в жизнь не удалось. В большинстве случаев уроки носили характер пастырских бесед, применительно к обычной программе военных училищ и общему уровню развития юнкеров.

---

⁶⁸⁰ См.: Русские в Галлиполи.

В общей проповеднической работе духовенства в Галлиполи ее участники выделяли следующие направления: «Вера в Премудрость и Благодать Творца, посылающего нам всевозможные испытания для нашего же блага, и необходимость доверия к Нему; общенародные бедствия, подобные переживаемым нами сейчас, являются неизбежным результатом нарушения людьми законов жизни и отступления от высшей правды, лежащей в основе сохранения и дальнейшего развития жизни человечества; эта правда — Правда Христова: любовь и братское взаимное служение в отношениях личных, общественных и общечеловеческих, что чудесно раскрывается во всех ветхозаветных пророчествах; сейчас человечество стало на ложный путь, угасив в себе дух веры, ослабив чувство любви и поспешив отменить некоторые нормы жизни, без которых нельзя обойтись на известной ступени общего нравственного развития; материализм, при самых совершенных социальных нормах, должен привести человечество к уничтожению жизни, – такова природа человека и законы жизни; испытания кончатся, когда человечество, пересмотрев свои духовные ценности, станет на новый путь одухотворения жизни и насыщения содержания ее истинной Христовой любовью; тогда социальные нормы выработаются легко и для всех безболезненно»⁶⁸¹. Духовенство также призывало солдат и офицеров оставаться верными духу и заветам великих русских святителей и преподобных.

Доброжелательные отношения, которые установились у русского духовенства с греческим с первого дня прибытия в Галлиполи 1-го армейского корпуса, оставались такими до конца. Корпусной священник со своей канцелярией до своего отъезда проживал в доме митрополита. В дни собраний духовенства корпуса им всегда предоставляли зал. Галлиполийский митрополит Константин проявлял большой интерес к религиозной жизни русских частей: посещал их храмы, совершал крещенское водоосвящение в лагере, присутствовал при освящении памятника на русском кладбище, постоянно интересовался настроениями в корпусе и его религиозными нуждами, оказывая необходимую помощь.

8 сентября 1921 г. русское, греческое и армянское духовенство чествовало митрополита Константина. После совместного богослужения, на которое владыка был приведен в храм «со славою», митрополит «с глубоким

---

⁶⁸¹ См.: Русские в Галлиполи.

убеждением сказал, что Царица Небесная не может оставить без помощи такой глубоко верующий и так чтущий Сына Ее русский народ, а это почитание он имеет возможность в течение года наблюдать непосредственно. Поэтому есть несомненная надежда на скорое прекращение страданий и восстановление прежней, еще более великой и славной Святой Руси»⁶⁸².

Такие же доброжелательные отношения существовали и с местным армянским духовенством. Оно так же, как и греческое, передало свою школу под госпиталь, предоставило храм для чтения и бесед. По призыву армянского священника среди его прихожан был организован кружок, оказывавший помощь русским военнослужащим — армянам, которая была особенно важна в первые сложные дни пребывания корпуса в Галлиполи.

16 июля 1921 г. на русском военном кладбище вблизи Галлиполи, где было погребено около 500 воинов и членов их семей, состоялось освящение и открытие памятника, возведенного самими галлиполийцами по проекту подпоручика Н.Н. Акатьева. На его сооружение ушло около 20 тысяч камней (по призыву генерала А.П. Кутепова каждый солдат принес по одному камню), которые сложили в виде увенчанного мраморным крестом шатрового каменного сооружения, напоминавшего шапку Мономаха или древний курган «в римско-сирийском стиле». На фронте памятника была закреплена белая мраморная доска с надписью: «Упокой, Господи, душу усопших. 1-й корпус Русской армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь Родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920–21 годах и в 1845–55 годах, и памяти своих предков-запорожцев, умерших в турецком плену»⁶⁸³.

В дальнейшем под усиленным давлением французов и англичан в течение полутора лет части Белой армии были переведены в Болгарию и Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославию), последние 120 галлиполийцев оставили свой лагерь в мае 1923 г.⁶⁸⁴

Помимо центра русской военной эмиграции Константинополь и зона проливов некоторое время играли роль центра русской церковной эмиграции. Еще весной 1919 г. сюда приехали из Одессы митрополит Одесский

---

⁶⁸² См.: Русские в Галлиполи.

⁶⁸³ Черкашин Н., Лобьцын В. Русский курган в Дарданеллах // Родина. 2008. № 3. С. 111.

⁶⁸⁴ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 2. М., 1998. С. 303–306.

и Херсонский Платон (Рождественский), сначала проживавший на подворье Андреевского скита, а затем — в здании Болгарской экзархии, архиепископ Минский и Туровский Георгий (Ярошевский) и архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий (Грибановский), поселившиеся на подворье Пантелеимоновского монастыря. Именно владыка Анастасий с января 1920 г. возглавлял созданное в Константинополе Русское церковное совещание, отвечавшее за организационные вопросы работы русских храмов, а 15 октября 1920 г. Временное Высшее церковное управление Юго-Востока России (образованное в Ставрополе 6 апреля 1919 г.) назначило его управляющим русских приходов Константинопольского округа на правах епархиального архиерея. В 1919–1921 гг. архиепископ Анастасий также был настоятелем храмов свт. Николая Чудотворца и свв. Константина и Елены при российском посольстве и представителем Русской Церкви при Вселенской Патриархии⁶⁸⁵.

В ноябре 1920 г. вместе с армией Врангеля и гражданскими беженцами в Константинополь прибыло возглавляемое митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким) Временное Высшее церковное управление (ВВЦУ) Юго-Востока России в составе четырех архиереев, одного клирика и одного мирянина, которые разместились на подворьях русских афонских обителей. Как раз 20 ноября Патриарх Тихон, Священный Синод и Высший Церковный Совет приняли указ № 362 о создании церковных управлений (автономных митрополичьих округов) под руководством старшего иерарха на территориях, оторванных от центрального церковного управления⁶⁸⁶. Он стал ключевым документом, на основании которого ВВЦУ продолжило свою деятельность за границей.

Правда, решение об этом само Управление по предложению епископа Севастопольского Вениамина (Федченкова) приняло 6/19 ноября на состоявшемся в константинопольском порту, на пароходе «Великий князь Александр Михайлович» первом своем заседании за пределами России, в котором участвовали митрополиты Антоний (Храповицкий), Платон (Рождественский), архиепископ Феофан (Быстров), епископ Вениамин и протоиерей Георгий

---

⁶⁸⁵ ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 128, л. 26.

⁶⁸⁶ *Георгий Митрофанов, прот.* Православная Церковь в России и эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995. С. 86.

Спасский (владыка Антоний первоначально был против, считая, что попечение о духовном устроении русских людей должны взять на себя Константинопольская и другие Поместные Православные Церкви).

На этом заседании было решено: «Ввиду сосредоточения огромного количества беженцев в различных государствах и частях света, не имеющих общения с советской Россией и не могущих сноситься с Высшим Церковным Управлением при Святейшем Патриархе, а также вследствие необходимости попечения о русской армии, выехавшей из Крыма: а) продолжить полномочия членов Высшего Церковного Управления с обслуживанием всех сторон церковной жизни беженцев и армии во всех государствах, не имеющих сношения со Святейшим Патриархом; б) местом действия Управления избрать г. Константинополь как наиболее центральный пункт; в) снестись с Константинопольской Патриархией для выяснения канонического взаимоотношения; г) определить состав членов Управления из наличных епископов его, ввиду отсутствия других членов — протоиерея о. С. Булгакова и А.А. Апраксина, выехавшего в Сербию, и протоиерея о. Георгия Спасского, отправляющегося с флотом во французские порты, и неудобства в настоящее время организации Управления иными способами; д) уведомить всеми возможными путями о сих постановлениях Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона, а также и все церковные центры, подлежащие попечению Русского Церковного Управления в г. Константинополе; е) обратиться с просьбой к главнокомандующему генералу Врангелю, передавшему через епископа Вениамина о своем желании и соображениях о необходимости иметь Высший орган Церковного Управления по делам церковной жизни беженцев и армии, об обращении с его стороны к Наместнику Святейшего Патриарха Константинопольского Митрополиту Брусскому Дорофею по вопросу об организации Управления в Константинополе; ж) назначить продолжение заседания Церковного Управления в городе на 9 ноября»⁶⁸⁷.

На этом заседании было также подтверждено постановление ВВЦУ от 15 октября 1920 г. о назначении архиепископа Евлогия (Георгиевского) управляющим русским церквами в Западной Европе, включая Болгарию

---

⁶⁸⁷ Понов А.В. Российское православное зарубежье: история и источники. М., 2005. С. 237–238.

и Румынию (за собой ВВЦУ оставляло управление русскими приходами в Турции, Греции и Королевстве сербов, хорватов и словенцев)⁶⁸⁸.

Вопрос отношений с Константинопольской Патриархией обсуждался также на втором (22 ноября) и третьем (29 ноября) заседаниях ВВЦУ, где помимо четырех указанных архиереев присутствовал включенный 22 ноября в состав Управления архиепископ Анастасий (Грибановский). В результате митрополиту Антонию (Храповицкому) и епископу Вениамину (Федченкову) было поручено выяснить вопрос о каноническом взаимоотношении с Константинопольской Патриархией и передать Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Прусскому (Прусскийскому) Дорофею письмо главного командующего Русской армией по этому вопросу⁶⁸⁹.

Русские иерархи обратились к Местоблюстителю Вселенского Патриархата митрополиту Дорофею с просьбой позволить им окормлять русских воинов на землях, находившихся под его попечительством. 2 декабря при личной встрече владыка Дорофей сообщил митрополиту Антонию, что Патриархия, хорошо зная его как ревнителя святых канонов, дает согласие, чтобы русские архиереи окормляли свой народ, оставивший Родину, на канонической территории Вселенского Патриархата. Указом № 9084 от 2 декабря (по другим данным от 22 декабря) 1920 г. Константинопольский Синод предоставил русским архиереям определенные полномочия для регулирования церковных дел эмигрантов в области своей юрисдикции (судебные прерогативы при разводах Константинопольская Патриархия сохраняла за собой): «Вы будете озабочены посылкою им иереев, антиминсов, проповедников и всего необходимого, будете посещать их лично, рассеивая увещаниями возникающие сомнения, прекращая распри, будете делать вообще все потребное, что вменяется Церковью и религией в целях утешения и ободрения упомянутых православных русских христиан». Митрополит Антоний и четыре других

---

⁶⁸⁸ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007. С. 40–41, 47; Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 321; Архиепископ Никон (Рклицкий). Жизнеописание блаженнейшего митрополита Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5. Нью-Йорк, 1959. С. 7.

⁶⁸⁹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. С. 47; Архиепископ Никон (Рклицкий). Указ. соч. С. 8.

архиерея получили разрешение образовать «для пастырского обслуживания упомянутого населения временную церковную комиссию [«Эпитропию»] под высшим управлением Вселенской Патриархии для надзора и руководства общецерковной жизнью русских колоний в пределах православных стран, а также для русских воинов и беженцев, которые живут отдельно от остальных православных по городам и селам, лагерям и особым зданиям»⁶⁹⁰.

29 декабря митрополит Дорофей писал владыке Антонию (Храповицкому): «Под вашим руководством Константинопольская Вселенская Патриархия разрешает всякое начинание, ибо Патриархии ведомо, что Ваше Высокопреосвященство не совершит ничего неканонического»⁶⁹¹. Хотя представители Константинопольской Патриархии никогда не присутствовали на заседаниях Высшего Церковного Управления, оно все-таки информировало Вселенскую Патриархию о своей деятельности в течение всего периода пребывания в Константинополе. При этом порой возникали трения при решении бракоразводных вопросов⁶⁹².

Среди некоторых эмигрантов, в том числе у российского посланника А.А. Нератова (назначенного в Константинополь в апреле 1920 г. правительством А.И. Деникина), указанное обращение русских архиереев вызвало определенное недоумение с точки зрения канонического права. Но, как позднее (21 мая 1921 г.) в письме Нератову объяснял архиепископ Феофан (Быстров), речь шла о непонимании того, что после переезда в Константинополь ВВЦУ оказалось на территории Вселенского Патриархата и поступило «согласно каноническим правилам и законам межцерковных отношений», так как, «естественно, было обявано просить о благословении Вселенской Патриархии, что и было сделано»⁶⁹³.

Следует отметить, что митрополит Антоний (Храповицкий), согласно приведенным в обвинительном заключении следственного дела показаниям на допросе в ГПУ 30 января 1923 г. Патриарха Тихона, получил согласие на

---

⁶⁹⁰ К делу о Всеаграничном Высшем Русском Церковном Управлении. Константинополь, 1924. С. 6–7.

⁶⁹¹ *Нафанаил (Львов), архиеп.* Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. Т. 5. Нью-Йорк, 1995. С. 32.

⁶⁹² *Никон (Рклицкий), архиеп.* Указ. соч. С. 8–9.

⁶⁹³ ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 109, л. 78–79.

деятельность ВВЦУ за границей и от Первосвятителя Российской Церкви: «В этом же показании гр. Беллавин признал, что дал свое благословение Высшему Церковному Управлению, организованному Антонием в Константинополе»⁶⁹⁴.

В конце ноября 1920 г. на берегах Босфора с благословения Вселенского Патриарха состоялся первый заграничный Архиерейский Собор, который переименовал Временное Высшее церковное управление Юга России в Высшее Русское Церковное Управление за границей (ВРЦУ). Оно избрало Архиерейский Синод во главе с митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким), который являлся исполнительным органом Собора в период между его созывами. В декабре был утвержден состав ВРЦУ: председатель — митрополит Антоний, члены — митрополит Одесский и Херсонский Платон, архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий (избранный заместителем председателя), архиепископ Полтавский и Переяславский Феофан и епископ Севастопольский Вениамин. Также были определены границы их деятельности: забота о религиозных потребностях беженцев, забота об окормлении православного духовенства, которое вынужденно оставило Россию, руководство русскими церквями и Духовными Миссиями в эмиграции в качестве легитимного представителя Священного Синода и Патриарха; обеспечение материальных интересов Русской Церкви и установление нормальных связей с Патриархом Тихоном⁶⁹⁵.

ВРЦУ также издало по всем заграничным приходам указ с сообщением, что оно продолжает быть «правопреемником Высшего Церковного Управления на Юге России» и «представляет собой высшую церковную власть для всех русских заграничных причтов, приходов и мирян, впредь до установления правильных и свободных почтовых сношений со Святейшим Патриархом Московским», ныне «находясь под покровительством Вселенского Патриарха»⁶⁹⁶.

После окончания карантина эвакуированные из Крыма архиереи переехали жить с парохода «Великий князь Александр Михайлович» в Константинополь. Митрополит Антоний (Храповицкий) поселился у архиепископа Анастасия,

---

⁶⁹⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 261.

⁶⁹⁵ ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 109, л., л. 81; *Йованович М.* Указ. соч. С. 262.

⁶⁹⁶ Церковная жизнь русской эмиграции на начальном этапе. С. 6–7.

который имел две небольшие комнаты в чердачном помещении здания посольства России. Здесь владыка Антоний прожил около трех месяцев — до своего отъезда в Королевство сербов, хорватов и словенцев⁶⁹⁷.

На заседании ВРЦУ 19–21 апреля 1921 г. было решено «организовать Собрание представителей Русской Православной Церкви Заграницей для объединения, урегулирования и оживления церковной деятельности»⁶⁹⁸. Для разработки вопроса церковной политики была образована комиссия под председательством епископа Вениамина (Федченкова). Благословение на проведение этого собрания дал Местоблюститель Константинопольского Патриаршего Престола митрополит Кесарийский Николай. В дальнейшем подобные собрания прошли в Константинопольском, Сербском, Болгарском и Западно-Европейском русских церковных округах (однако Всезаграничный Русский Церковный Собор состоялся уже в другой стране). В апреле 1921 г. с одобрения ВРЦУ в Константинополе были организованы Высшие богословские курсы под руководством архиепископа Анастасия (Грибановского)⁶⁹⁹, которые, правда, фактически не смогли развернуть свою работу.

Вскоре ВРЦУ решило изменить место своего пребывания. Исходя из того: «что самым мощным центром по плотности и по количеству русских людей является безусловно Сербия, что эта страна занимает центральное географическое положение на Балканах, чем облегчаются сношения, что в Сербии же находится наибольшее число русских иерархов, что там же сосредоточены по преимуществу русские просвещенные силы, что Русская армия, центральные органы управления и главнокомандующий переходят туда же и перевозка уже начата и закончится в течение месяца, что здесь, в Константинополе, в связи с малоазиатской Турецкой войной создается весьма неопределенное и непрочное положение для наших учреждений, что непрочность этого положения усугубляется общим отношением к русским со стороны иностранцев западноевропейских держав, изменяющимся в худшую

---

⁶⁹⁷ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 82.

⁶⁹⁸ Заграничное русское церковное собрание. Материалы подготовительной комиссии. Вып. 1. Константинополь, 1921. С. 1.

⁶⁹⁹ *Васса (Ларина), инокия*. «Русскость» Русской Зарубежной Церкви в период 1920–1945 годов в аспекте церковной икономии // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2004 г. М., 2005. С. 314.

сторону, что, наконец, в Сербии Высшее Русское Церковное Управление соеденится со своим Председателем владыкой митрополитом Антонием, отсутствие авторитетного голоса которого часто заставляет медлить с решением важных вопросов, требующих предварительного письменного с Его Высокопреосвященством сношения — Высшее Русское Церковное Управление Заграницей постановило: перевести свое местопребывание в Сербию, если со стороны владыки митрополита Антония последует на то согласие, и в положительном случае просить Его Высокопреосвященство выяснить этот вопрос у Святейшего Патриарха Сербского, дабы осуществить переезд в ближайшее время, о чем и послать Высокопреосвященному митрополиту Антонию доклад»⁷⁰⁰.

29 апреля / 12 мая 1921 г. состоялось последнее заседание ВРЦУ в Константинополе, и в том же месяце оно переехало в г. Сремски Карловцы (Королевство сербов, хорватов и словенцев)⁷⁰¹.

В это время в Константинополе и окрестностях 27 русских храмов обслуживали свыше 100 тысяч беженцев (самый крупный гражданский лагерь находился в Кабажде у г. Чаталджи — 22 тысячи человек). Все они, в том числе храмы афонских обитателей, входили в особый русский Константинопольский церковный округ. Лишь шесть из них действовали до Первой мировой войны, остальные были устроены самими эмигрантами при русских учебных заведениях, военных лагерях, общежитиях, больницах и т.п. Один из очевидцев этих событий писал: «Церкви устраивались на скорую руку, часто из сшитых простыней, из жестяных керосиновых коробок, обклеенных иконками из бумаги, иногда в палатках, иногда просто в каком-нибудь закоулке»⁷⁰². В ряде случаев общины возникли при греческих храмах, где русским священникам позволяли периодически совершать богослужения: в некоторых церквях Константинополя, в Кадикее и других пригородах, а также на Принцевых островах. К октябрю 1921 г. количество русских храмов вследствие закрытия военных лагерей и отъезда беженцев уменьшилось до 19⁷⁰³.

---

⁷⁰⁰ Попов А.В. Указ. соч. С. 239–240.

⁷⁰¹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. С. 41, 49, 54.

⁷⁰² Талалай М. Русский Афон. С. 129.

⁷⁰³ ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 128, л. 19–20; Йованович М. Указ. соч. С. 266.

Тем не менее число российских эмигрантов в Константинополе оставалось значительным. Часть из них по-прежнему проживала в подворьях русских афонских обитателей. Один из беженцев так описывал свое пребывание на Андреевском подворье: «Здесь не пресекалось православное уставное богослужение, чинное, благоговейное, странно спокойное на фоне всеобщего разрушения, при пении не многолюдного, но дивного хора... Здесь — старая Россия, даже этот запах трапезы в часы стола, эта старая афонская, такая вдумчивая, такая любвеобильная и смиренная вежливость. Пусть дуб рухнул — побег есть — это символ возрождения»⁷⁰⁴.

При этом помогать эмигрантам русским афонитам из-за своих материальных проблем было очень нелегко. Так, в книге записей вопросов и решений Духовного Собора старцев Свято-Ильинского скита 19 декабря 1921 г. отмечалось: «Решено ответить г. Тукалке, члену Комиссии беженцев в Константинополе, что великой ради нужды братии скита бесплатных квартир не можем отпустить в подворье, потому что у нас около 150 душ братии, из коих больше половины к труду неспособна. И только и надежды, что на извлекаемую сумму подворья, а здесь на Афоне мы сами ходим по чужим работам за ничтожную плату, которая пропитать всех братьев не в состоянии»⁷⁰⁵. С 1922 г., когда турки начали массовое уничтожение малоазиатских греков, русские подворья в Константинополе стали принимать и этих беженцев.

Очень активной была церковная жизнь в русских учебных заведениях. В 1921–1922 гг. Всероссийские союзы земств и городов содержали в Константинополе 3 гимназии (свыше 900 учащихся), 3 училища, 10 начальных школ, 9 детских садов, площадок, яслей и 2 детских дома; своя гимназия (имени барона П.Н. Врангеля) была и в Галлиполи (около 200 учащихся). Всего же на территории Турции, по некоторым сведениям, было создано 11 русских гимназий и прогимназий, а также 12 начальных и подготовительных школ. При многих из них, в частности, при 1-й Константинопольской гимназии, гимназии свт. Николая Чудотворца в Харбие и основанной в июне 1920 г. женой русского посланника В.В. Нератовой Крестовоздвиженской гимназии, имелись домовые храмы. Главным воспитателем одной из русских гимназий

---

⁷⁰⁴ Талалай М. Русский Афон. С. 129.

⁷⁰⁵ Феннелл Н., Троицкий П., Талалай М. Указ. соч. С. 273.

в 1920–1921 гг. работал Ф.Ф. Раевский — будущий архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский в юрисдикции РПЦЗ Савва. Определенную помощь в создании русских учебных заведений оказали представители других христианских конфессий. Так, например, католический священник восточного обряда Александр Сипягин (племянник министра внутренних дел Российской империи) создал в Константинополе школу-интернат для русских детей-сирот, директором которой он был в 1921–1923 гг.⁷⁰⁶

В дальнейшем, довольно быстро, в течение двух лет почти все школьные учреждения были переведены из Турции в другие страны. В конце 1923 г. в Константинополе и окрестностях осталась только три русские школы — одна начальная имени баронессы Ольги Михайловны Врангель (32 учащихся) и две средние: школа для мальчиков в летней резиденции российского посла Нератова Буюк-Дере (180 учащихся), имевшая небольшую церковь, устроенную личными стараниями воспитанников, и школа для девочек на одном из Принцевых островов — Протии (60 учащихся)⁷⁰⁷.

Все русские общины находились в ведении назначенного ВРЦУ «для Востока» попечителем о русских церковных интересах и представителями перед местными Патриархами архиепископа Анастасия (Грибановского), который, правда, периодически покидал Константинополь⁷⁰⁸. Так, летом 1921 г. он, согласно решению ВРЦУ от 13 апреля, посетил Афон и Палестину с целью ознакомления с положением афонских русских обителей и Русской Духовной миссии в Иерусалиме после войны. В ноябре 1921 г. владыка в качестве управляющего русскими общинами Константинопольского округа принял участие в состоявшемся в Сремских Карловцах I Всеаграничном Церковном Соборе и возглавил на нем отдел духовного возрождения.

Накопившиеся проблемы и нерешенные вопросы канонической принадлежности стали причиной того, что после переезда ВРЦУ в Сремски Карловцы временно заменивший архиепископа Анастасия настоятель посольской церкви свт. Николая епископ Севастопольский Вениамин (Федченков) решил созвать Цареградское Русское церковное совещание. С этой

---

⁷⁰⁶ Колупаев В.Е. Русские в Магрибе. История русских общин в Африке в XX веке. М., 2009. С. 163, 259.

⁷⁰⁷ Дети русской эмиграции / Сост. Л.И. Петрушева. М., 1997. С. 10–11.

⁷⁰⁸ Церковная жизнь русской эмиграции на начальном этапе. С. 8.

целью были образованы две комиссии: подготовительная и просветительская (для разработки проектов о религиозном просвещении детей, подростков и взрослых, в том числе подготовки кандидатов в священники). Собрание созывалось на основе положения Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг. об епархиальных собраниях. Кроме епископа Вениамина, в его состав вошли все утвержденные церковной властью клирики, настоятели Афонских подворий в Константинополе, члены комиссий, представители наиболее важных общественных организаций и избранные от местных общин миряне, в том числе по пять священников и девять мирян от русских военных частей в Галлиполи и на о. Лемносе. В ходе подготовки на подворье Афонского Свято-Андреевского скита были напечатаны: докладная записка о задачах совещания, приходской устав, принятый Всероссийским Поместным собором 1917–1918 гг. и подготовленный Обществом православных приходов Петрограда и губернии Православный церковный календарь на 1921 г. (с приложением о церковной жизни русской эмиграции, написанным, вероятно, епископом Вениамином)⁷⁰⁹.

Подготовительная комиссия также подготовила подписанный ее председателем епископом Вениамином, протоиереями В. Руденко, А Спасским и секретарем комиссии священником И. Церетели доклад, в котором были намечены пути для деятельности ВРЦУ и обоснована необходимость его существования. В докладе обращалось внимание на то, что в сложившейся ситуации необходимо взять на себя решение проблем русских беженцев, а также решение национальных проблем, при этом высказывались идеи русского мессианства — решения «сверхнациональных» и «сверхславянских задач». По мнению авторов доклада, Россия со временем исцелится от революционных страстей, возрастет духовно, осознает свою миссию и в будущем «сама будет давать приют и физический, а еще более душевный и... религиозно-духовный». И именно русская эмиграция должна подготовить к этому инославный мир⁷¹⁰.

---

⁷⁰⁹ Церковная жизнь русской эмиграции на начальном этапе. С. 10–12.

⁷¹⁰ Кострюков А.А. Взгляд Русской Зарубежной Церкви на государственное устройство России в довоенный период // XXII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 1. М., 2012. С. 137; Заграничное русское церковное собрание. Материалы подготовительной комиссии. Вып. 1. С. 15, 26–28.

Отметив, что национальные вопросы — дело мирских людей, комиссия заявила, что и Церковь не может находиться в стороне от дела спасения Святой Руси, однако высказалось против проповеди церковной эмиграцией каких-либо политических идей. Члены комиссии подчеркнули, что задача русской эмиграции — осуществлять «процесс “собирания души русской”, слияния всего народа, всех классов в единое целое»⁷¹¹.

Цареградское совещание начало продолжавшуюся около двух недель работу 22 июня 1921 г. и приняло ряд определений о перестройке церковной жизни в новых условиях. На открытии совещания присутствовал генерал П.Н. Врангель, и в его работе участвовали три архиерея, помимо владыки Вениамина, епископ Царицынский Дамиан (Говоров) и представитель Константинопольского Патриархата епископ Неокесарийский Поликарп⁷¹². Присутствовавший на этом собрании известный русский религиозный деятель Н.М. Зернов впоследствии писал, что «на нем царил дух подлинной церковности». Владыка Вениамин (Федченков) также позднее вспоминал, что совещание прошло очень мирно, а попытки провести политические резолюции были сразу же пресечены⁷¹³.

На собрании было отмечено, что трагедия русского народа состоит в его утрате за 200 лет синодального строя духа соборности, что привело к упадку национального самосознания. Теперь же миряне и клирики должны стать помощниками архиереев — и своей инициативой и проведением в жизнь соборных решений. Совещание не высказалось относительно того, какими должны быть церковно-государственные отношения в будущем в России, акцент был сделан на то, что основой идеологии русского государства должна стать православная Христова вера⁷¹⁴.

---

⁷¹¹ Заграничное русское церковное собрание. Материалы подготовительной комиссии. Вып. 1. С. 21, 25.

⁷¹² Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 326.

⁷¹³ Там же. С. 327; Кострюков А.А. Взгляд Русской Зарубежной Церкви на государственное устройство России в довоенный период. С. 136.

⁷¹⁴ Заграничное русское церковное собрание. Материалы подготовительной комиссии. Вып. 1. С. 23–24; Кострюков А.А. Взгляд Русской Зарубежной Церкви на государственное устройство России в довоенный период. С. 138.

Участники совещания решили вовлечь в свою деятельность представителя российской дипломатической миссии, чтобы предотвратить возможное вмешательство Вселенской Патриархии в русские церковные дела; образовать Епископский совет, включив в него священников и мирян, для управления русскими храмами, решения повседневных вопросов и подготовки бракоразводных дел, которые затем высылались ВРЦУ для окончательного решения. Последний вопрос и ранее вызывал затруднения, так как Вселенская Патриархия считала, что русские церковные власти не имеют права на разрешение разводов, поскольку этим вмешиваются в область ее компетенции.

Самым важным определением совещания было решение образовать церковные приходы при каждом русском храме и даже при тех греческих церквях, где русские священники получили возможность совершать свои богослужения по определенным дням. Несмотря на сопротивление посланника А.А. Нератова, который опасался, что создание русских приходов на территориях, где уже существуют греческие общины, позволит Вселенской Патриархии вмешиваться в русскую церковную жизнь, епископ Вениамин сразу же начал формировать приходы. При этом, однако, было принято предложение российского посольства о том, чтобы название «приход» было заменено словом «община», что в большей степени соответствовало сложившейся ситуации. К осени 1921 г. при двух посольских храмах, Никольской больничной церкви и десятке домовых храмов при школах, общежитиях и лагерях были сформированы советы церковных общин, в которые вошли по одному представителю российского посольства⁷¹⁵.

Одну из таких общин, а также церковную благотворительную организацию и братство Патриарха Николая Кесарийского (21 июня 1921 г.) основал епископ Царицынский Дамиан (Говоров)⁷¹⁶. Владыка Дамиана прибыл в Константинополь из Севастополя на транспорте «Рион» в ноябре 1920 г. вместе со многими членами возглавляемого им тогда Всероссийского Свято-Владимирского братства, деятельность которого в учебно-воспитательной области выразилась в создании в Крыму смешанной гимназии для детей беженцев.

---

⁷¹⁵ ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 128, л. 12, 17–20, 22, 26–27; *Йованович М.* Указ. соч. С. 266–267.

⁷¹⁶ *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно). Т. 3. Эрланген, 1982. С. 19.

В Константинополе братство хотело продолжать религиозно-просветительскую деятельность, но это стремление не было поддержано предстоятелями Зарубежной Русской Церкви⁷¹⁷.

В своем дневнике епископ Дамиан так описывал первые впечатления от города: «После недельного плавания “Риона” беженцы увидели Царьград с возвышающейся Айя-Софией... Для русских людей видеть Св. Софию, побывать в центре христианства, в колыбели православия, было заветной мечтой... Нас, епископов, приняли любезно в Болгарской экзархии. Наши взоры и желания, прежде всего, направлены были к Св. Софии, и мы неоднократно ее осматривали. Здесь мы увидели, что к ней стекаются племена и народы (кроме греков, которым турки возбраняли вход). Желательными посетителями здесь были русские и особенно русское духовенство... В разговорах образованные и необразованные турки прямо высказывались: “Нам не удержаться в Константинополе, нам жаль Айя-Софии, но если отдавать кому, то только русским, потому что русские хороший народ и хороший наш сосед”. Мое пребывание в Болгарской экзархии продолжалось 5 месяцев»⁷¹⁸.

Первоначально епископ был полон энтузиазма от пребывания в Константинополе и выражал идеи русского мессианства. «Христианское сознание говорило нам, писал он, что все совершившееся наяву — не случайное явление. Движение российское и движение мировое привело нас к центру православия для какой-то великой цели, ибо все пережитое русским человеком за это время — дело большого масштаба»⁷¹⁹.

В апреле 1921 г. владыка Дамиан арендовал 36 комнат в так называемом Русском доме на Татовне, где планировал сосредоточить деятельность своего братства и разместить различные культурно-просветительные учреждения, в том числе создать Богословско-пастырское училище. С помощью Американского комитета спасения и воспитания русских детей епископу удалось отремонтировать комнаты и открыть в доме интернат для русских детей и юношей

---

⁷¹⁷ Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. С. 119.

⁷¹⁸ Из воспоминаний Юрия Словачевского, потомка архиепископа Дамиана // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. София, 2009. С. 229.

⁷¹⁹ Дневник архиепископа Царицынского Дамиана 1919–1922 годов / Публ. З. Тининой // Мир Православия. Вып. 4. Волгоград, 2002. С. 285, 287.

на 50 человек. Для добывания материальных средств братство устроило здесь прачечную, однако русское Богословско-пастырское училище открыть в Константинополе не удалось. В связи с этим владыка Дамиан в 1922 г. переехал в Болгарию. В своем дневнике он так описывал причину переезда: «Константинопольский период нашего беженства ничем хорошим не ознаменовался и не дал никакого опыта для деятельности в будущей России... Поле деятельности для Русской Церкви постепенно суживалось, и жизнь здесь, наконец, приостановилась с большими осложнениями, запрещениями священнослужения патриархом архиепископу Анастасию... Так как в Константинополе ничего нельзя было делать на поприще религиозно-просветительном, то свои мысли я стал направлять к Славянским землям»⁷²⁰.

Также в Болгарию со временем уехали архиепископ Полтавский и Переяславский Феофан (Быстров), до 1922 г. служивший на подворьях русских афонских обителей в Константинополе, и епископ Лубенский Серафим (Соболев), некоторое время преподававший догматическое богословие в известной Высшей духовной школе Константинопольского Патриархата на острове Халки. Когда в этот период один из священнослужителей сказал владыке Серафиму: «Вот и попали мы, Ваше Преосвященство, в хорошую сторонушку!», то услышал в ответ: «Постой, здесь же турки, мусульмане, какая же это хорошая сторонушка! Погоди, даст Бог, увидим еще хорошую сторонушку». И 19 мая 1921 г. епископ Серафим вместе со своим братом иеромонахом Сергием (Соболевым) уехал в Болгарию⁷²¹.

В конце 1921–1922 гг. русская церковная эмиграция через Константинополь оказывала помощь голодающим в России. 31 августа 1921 г. ВРЦУ постановило образовать соответствующий комитет, причем собранные верующими «пожертвования денежные... направлять в Белград в ВЦУ, а снаряженные вагоны и пароходы — на имя Всероссийского Патриарха Тихона в пограничные города или в Константинополь». Подобная помощь осуществлялась больше года. Так, на заседании ВРЦУ от 15 августа 1922 г. отмечалось: «Устроено дело посылки из Константинополя посылок с продуктами

---

⁷²⁰ Из воспоминаний Юрия Словачевского, потомка архиепископа Дамиана. С. 299–230.

⁷²¹ Кострюков А.А. Архиепископ Серафим (Соболев). Жизнь, служение, идеология. М., 2011. С. 51, 53.

в Россию (голодающим)», а архиепископу Анастасию выдано для организации этого дела 120 тысяч динар⁷²².

Согласно указу Местоблюстителя Вселенского Патриархата от 2 декабря 1920 г., русские общины на территории Турции имели автономный статус, и до 1924 г. состоявший из них русский Константинопольский церковный округ фактически существовал в виде самостоятельной епархии, которой руководили архиепископ Анастасий и Епископский совет. Владыке Анастасию подчинялись и общины в русских военных лагерях на греческих островах Лемнос и Лесбос; 24 апреля 1922 г. он был избран председателем объединявшего 34 общественные организации Русского комитета в Турции. В 1923 г. архиепископу нанес официальный визит Гибралтарский епископ Англиканской Церкви⁷²³.

В мае — июне 1923 г. владыка Анастасий принял участие в проходившем в Стамбуле Всеправославном совещании, где выступил в качестве руководителя оппозиции против предложенных Вселенским Патриархом «противоречивших православной традиции» реформ. Данный конфликт резко ухудшил отношения русских общин с Константинопольским Патриархатом. После завершения Всеправославного совещания Патриарх Мелетий указал архиепископу Анастасию, что он в будущем должен поминать за богослужением только Вселенского Патриарха. Это требование оказалось неприемлемым для архиепископа, и выполнено не было⁷²⁴.

На отношение к русским приходам повлияла и лояльная к советскому правительству политика Константинополя. 29 марта 1924 г. владыка Анастасий получил грамоту Вселенской Патриархии, в которой русским клирикам на территории Патриархата предписывалось избегать «проявлений политического свойства, равно как возношения имен и особ, указывающих на политические упования и предпочтения и потому могущих причинить серьезный вред и в частности, и вообще». Разъясняя содержание этой грамоты, секретарь Константинопольского Синода писал, что здесь «запрещается касаться

---

⁷²² *Васса (Ларина), инокиня.* Указ. соч. С. 315.

⁷²³ *Радић Р.* Држава и верске заједнице 1945–1970. Д. 1. Београд, 2002. С. 367.

⁷²⁴ *Seide G.* Verantwortung in der Diaspora, die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland, München 1989. S. 90–91.

большевизма со всех точек зрения, даже как ярко выраженного антирелигиозного и антиморального начала, так как это могло бы набросить тень на советскую власть, признанную законной всем русским народом и Патриархом Тихоном»⁷²⁵.

Кроме того, в связи с признанием Константинопольской Патриархией обновленческого Синода в СССР, русским архиереям в Стамбуле было строго запрещено возносить имя Патриарха Тихона за богослужением и помянуть зарубежный Русский Архиерейский Синод. Архиепископы Анастасий (Грибановский) и Александр (Немоловский) отказались повиноваться этому указу. В результате Патриарх Григорий VII 31 марта назначил особую следственную комиссию из трех митрополитов по делу русских архиереев, которые, по его мнению, незаконно вторглись в область компетенции Вселенского Патриархата по окормлению эмигрантов из России, и обратился к Сербскому Патриарху Димитрию с предложением упразднить Зарубежный Русский Синод, но сочувствия не нашел. 30 апреля, ввиду отказа пребывавших в Стамбуле русских архиереев прекратить поминовение Патриарха Тихона и признать советскую власть, Константинопольский Синод запретил в служении архиепископов Анастасия Кишиневского и Александра Алеутского и Северо-Американского. В этот же день Патриарх Григорий VII заявил о неканоничности Русского Архиерейского Синода за границей: «Существование и деятельность Русского Синода в чужой церковной области... никакой канонической силы иметь не может, и... он должен как можно скорее прекратить свое существование согласно... постановлению Патриарха Тихона»⁷²⁶.

8 мая 1924 г. Синодальная следственная комиссия направила владыке Анастасию угрожающее письмо: «Постановление о Вас о немедленном пресечении священнодействия и церковнодействия здесь принято... не просто на основании только что поданных против вас жалоб, но также и главным образом вследствие данных, существующих уже давно, о том, что, к сожалению, Ваше Высокопреосвященство и отчасти и Высокопреосвященнейший Архиепископ Северо-Американский Александр в церковной деятельности

---

⁷²⁵ *Георгий Граббе, протопр.* Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом. Джорданвилл, 1961. С. 198.

⁷²⁶ *Постеловский Д.В.* Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. С. 234.

Вашей здесь, в архиепископии Константинопольской, превышает нормы, указанные в грамоте Патриархии от 2 декабря 1920 г. за № 9084, возможной церковной деятельности Вашей здесь, как беженцев и гостящих в чужой епархии архиереев.

Существует уже достаточно данных, свидетельствующих, что Ваше Высокопреосвященство, вопреки вышеупомянутой грамоте и воспрещению общего Патриаршего и Синодального циркуляра об архиереях-беженцах, который и Вы в свое время получили к сведению, действуете здесь с превышением своих прав, поступая как архиереи правящие и имеющие права власти церковной административной и судебной, что, конечно, не может быть допущено канонически, как несовместимое с вашим положением архиереев-беженцев, гостящих в чужой епархии. Известно также, что Вами или через Вас произведено много хиротоний, пострижений в монашество и т.п. Также из многократных данных удостоверено использование Вами Церкви при служениях и в проповедях для политических выступлений, несовместимых с церковным характером и по другим соображениям весьма неуместных здесь.

По этим причинам, а не просто из-за поданных только что жалоб Священный Синод считает необходимым пресечь немедленно данное ранее Вам разрешение священнодействовать и вообще исполнять какую бы то ни было церковно-административную власть здесь, до представления вами удовлетворительного ответа по всем пунктам обвинений, предъявленных Вам... В заключение комиссия замечает вам, что поднятый неуместно шум для извращения сущности вопроса может составить новые элементы ответственности». В результате владыка Анастасий после Пасхи 1924 г. был вынужден покинуть Стамбул и через Францию выехал в Болгарию, где участвовал в освящении Александровского собора в Софии, а потом переехал в Сремски Карловцы для участия в очередном Архиерейском Соборе. По поручению последнего архиепископ был направлен в Иерусалим (прибыл туда в декабре 1924 г.), и до 1935 г. наблюдал за деятельностью Русской Духовной Миссии в Палестине⁷²⁷.

Интересно отметить, что митрополит Евлогий (Георгиевский) в 1924 г., в связи с ущемлением прав архиепископа Анастасия Вселенским Патриархом,

---

⁷²⁷ Владислав Цыпин, прот. Митрополит Анастасий (Грибановский) // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 238.

посылал в Константинополь письма, где защищал законность Зарубежной Русской Церкви⁷²⁸. Однако в 1930-е гг. владыка Евлогий, видимо, пытаясь обелить Константинопольский Патриархат (в юрисдикции которого он тогда находился), трактовал события 1924 г. уже другим образом: «Епископа Анастасия только что выслали из Константинополя. Там он произносил зажигательные политические речи на Афонском подворье. Константинопольский Патриарх предостерегал его, советовал учитывать обстановку, помнить, что пользуется гостеприимством турецкой державы, но владыка Анастасий с этим предостережением не посчитался, и потому ему запретили священнослужение. Он уехал из Константинополя»⁷²⁹.

Таким образом, в середине 1920-х гг. еще сохранившимся в Турции русским общинам пришлось признать юрисдикцию Вселенского Патриархата. После отъезда Владыки Анастасия Константинопольский Патриарх в 1924 г. назначил управляющим русскими общинами в Стамбуле архиепископа Александра (Немоловского), который занимал эту должность до 1928 г. Однако затем он был уволен от должности управляющего и выселен из страны по решению турецких властей. Владыка Александр сначала уехал на Афон, а в декабре 1928 г. переехал по приглашению митрополита Евлогия (Георгиевского) в Брюссель, где в дальнейшем служил более десяти лет⁷³⁰.

Бедственное материальное и жилищное положение беженцев, прекращение французскими оккупационными властями продовольственной помощи и ультиматум турецких властей о поголовной депортации военных спровоцировали отъезд русских из зоны черноморских проливов, — в основном в Королевство сербов, хорватов и словенцев и Болгарию. Осенью 1921 г. в Константинополе осталось 30 тысяч русских, а в сентябре 1922 г. — 18 тысяч. При этом в городе все еще было много православного духовенства, так, на 26 октября 1921 г. из 30 тысяч беженцев — 150 являлись священнослужителями⁷³¹.

---

⁷²⁸ Церковные ведомости. 1926. № 15/16. С. 14–16.

⁷²⁹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 399.

⁷³⁰ *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. М., 2007. С. 56.

⁷³¹ Русские в Галлиполи. С. 252; *Йованович М.* Указ. соч. С. 145; *Раев М.* Указ. соч. С. 39.

Укрепление в Турции власти светского правительства генерала Мустафы Кемаля (Ататюрка) и его сближение с советской Россией существенно сказались на положении эмигрантов. По Лозаннскому договору 1923 г. между Турцией и европейскими государствами был урегулирован вопрос Константинополя и проливов. Они оказались демилитаризованы, а город вскоре возвращен под управление турецких властей. К началу 1924 г. в Стамбуле и его окрестностях осталось около 10 тысяч русских эмигрантов. В дальнейшем их число неуклонно сокращалось: в 1926 г. — 5 тысяч, 1928 г. — 1747, 1934 г. — 1695, а в 1937 г. — 1200⁷³².

Это во многом было связано с постепенным ужесточением турецкой политики в отношении русских беженцев. Летом 1925 г. правительство приняло несколько декретов, на основании которых иностранцы не имели права заниматься целым рядом ремесел и профессий. Кроме того, от русских эмигрантов потребовали принятия к 1 января 1927 г. советского или турецкого гражданства⁷³³.

В справке о положении русских беженцев в Турции, подготовленной представителем Всероссийского земского союза в Стамбуле А.А. Глазовым для председателя Совета российских послов М.Н. Гирса, от 2 апреля 1926 г. говорилось: «Общее число русских беженцев в Турции не превышает ныне 4 000–5 000 человек. Не менее 90% этого числа проживает в Константинополе, а остальные 10% рассеяны по различным местностям Анатолии, причем в последнее время эти проживающие в провинции беженцы постепенно лишаются своих мест и заработка и высылаются на жительство в Константинополь. Как и в других местах расселения, русские беженцы в Константинополе в подавляющем числе зарабатывают средства к существованию наемным и поденным трудом. Более или менее крупных предприятий, организованных русскими и дающих постоянный заработок своим соотечественникам, в Константинополе почти не осталось. Одной из характерных особенностей русской беженской колонии в Константинополе является довольно значительное число инвалидов и нетрудового элемента: последовательные эвакуации сначала в Балканские страны, затем в Соединенные Штаты и в последние два года

---

⁷³² *Йованович М.* Указ. соч. С. 118, 121, 122.

⁷³³ *Там же.* С. 41–42, 102.

во Францию в значительной мере выкачали из Константинополя молодежь и вообще энергичных и способных к физическому труду людей...

До лета прошлого, 1925 г., русские беженцы не были стеснены в праве приложения своего труда и знаний в самых разнообразных отраслях местной экономической жизни. Единственное правовое ограничение, строго соблюдавшееся турками, заключалось в отказе выехавшим за границу белым русским в обратных визах на въезд в Турцию. Весьма неохотно давалось турками и разрешение на въезд в Анатолию, но при известной протекции и хлопотах эти разрешения можно было получить. В общем же русским беженцам до лета прошлого года жилось в Турции сравнительно спокойно и хорошо, особой безработицы среди них не наблюдалось, и имелись уже кое-какие перспективы в отношении устройства значительного числа русских специалистов на ряд крупных государственных и муниципальных предприятий.

Но вот начиная с осени 1925 г. в связи с неудачными для Турции переговорами по Мосульскому вопросу, политика турецкого правительства в отношении иностранцев, а в том числе и русских беженцев, резко меняется и принимает определенно агрессивный характер. Основываясь на неопределенно отредактированной ст. 4-й Лозаннского договора, турецкое правительство под видом защиты интересов турок от конкуренции иностранного труда начинает издавать последовательно ряд декретов, лишаящих иностранных подданных права заниматься известными ремеслами и промыслами, а также состоять служащими в целом ряде предприятий, не только государственных и общественных, но и частных. В первую очередь и наиболее болезненно отразилось это на русских беженцах, лишенных и консульской, и иной авторитетной защиты и потому предоставленных всецело самим себе. Хотя путем различных ходатайств, а порою и взяток полицейским властям и удавалось в некоторых случаях и отсрочивать применение упомянутых декретов, но все же положение создалось невыносимое и безработица среди беженцев резко увеличилась...

О том, в каком угнетенном положении находится сейчас русская колония в Константинополе, говорить не приходится — это понятно само собою; необходимо поэтому принять самые срочные меры к возможному усилению эвакуации русских из Константинополя... Заканчивая этим свою записку, считаю долгом отметить те конкретные меры, которые необходимо срочно предпринять в отношении русской беженской колонии в Турции, дабы

не поставить ее в ближайшем будущем перед совершенно безвыходным положением. 1. Принять все возможные меры в Международном Бюро Труда, чтобы добиться от турецкого правительства отмены или смягчения в отношении русских беженцев всех тех ограничительных распоряжений относительно применения труда, кои установлены в последнее время для иностранцев. 2. Добиться присылки для русских в Константинополь возможно большего числа контрактных виз во Францию... 3. Обратить самое настойчивое внимание иностранных правительств на создавшееся для русских беженцев в Константинополе безвыходное положение и ходатайствовать перед этими правительствами о предоставлении, вне правил, возможного числа виз для тех из беженцев, которые по своему возрасту и состоянию здоровья неспособны к тяжелой физической работе»⁷³⁴.

Протесты и вмешательство международной общественности привели лишь к продлению срока выполнения требования о принятии советского или турецкого гражданства до августа 1927 г. Все это способствовало выезду русских эмигрантов из страны. Только в мае 1928 г. из-за обострившейся политической ситуации из Стамбула в Югославию переселилось 440 бывших граждан России⁷³⁵.

К этому времени были ликвидированы последние русские школы. В 1923 г. в среднюю школу для русских мальчиков в Буюк-Дере перевели из Египта учащихся младших классов расформированного Новочеркасского кадетского корпуса имени императора Александра III. Эта школа содержалась на средства Англиканской Церкви и Лиги Наций и имела небольшой православный храм, настоятелем которого служил законоучитель священник Иоанн Церетели (бывший полковник). Вскоре после установления дипломатических отношений Турции с советской Россией — в марте 1924 г., школе пришлось переехать в пустующие бараки, построенные для беженцев-армян в Эренкее (дачном поселке на берегу Мраморного моря). Весной 1924 г. была закрыта и средняя школа для русских девочек на острове Протии, а ее учащихся также перевели в Эренкее, объединив с мальчиками. Здесь в одном из барачных зданиях воспитанников была устроена церковь, в которой по-прежнему служил

---

⁷³⁴ ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 70, л. 39–41.

⁷³⁵ *Иванович М.* Указ. соч. С. 102.

о. Иоанн Церетели. На Пасху он привозил прислуживавших в храме учащих-ся на прием к Вселенскому Патриарху в Константинопольскую Патриархию. В 1926 г. школа в Эренкее была закрыта из-за нехватки средств, старшие воспитанники вместе с о. Иоанном Церетели уехали во Францию, а младшие в Болгарию: мальчики — в Шуменскую гимназию, а девочки в Варненскую⁷³⁶.

Быстро уменьшилось и количество церквей — сначала до прежних шести, а потом до трех — при подворьях русских афонских обителей. После установления в 1923 г. дипломатических отношений Турции с советской Россией все здания российского представительства заняли советские дипломаты, которые сразу же закрыли посольские церкви свт. Николая Чудотворца и свв. Константина и Елены. В 1923 г. турецкие власти передали советской России и здание русской Никольской больницы вместе с церковью. Первые месяцы с разрешения новых владельцев богослужения продолжались, однако в феврале 1924 г. храм был закрыт. Впоследствии больница и Никольская церковь при ней оказались проданы и позднее снесены турками⁷³⁷.

В 1923–1925 гг. советское правительство пыталось овладеть и подворьями русских афонских обителей, но, так как они официально находились в юрисдикции Вселенского Патриарха и никогда не принадлежали российскому государству, успеха не добились. После утверждения в России советского строя и принятия в 1924 г. на Святой Горе нового канонизма (устава) все русские святогорцы как на Афоне, так и в Турции приняли греческое гражданство. Монахи по-прежнему предоставляли в своих зданиях приют беженцам, и постепенно при подворьях образовались большие общины, считавшие себя принадлежащими к Русской Православной Церкви Заграницей.

Восстановленную церковь Константинопольского подворья Свято-Пантелеимоновского монастыря 23 июня 1919 г. освятил архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий (Грибановский)⁷³⁸. В начале 1921 г., в связи с материальными трудностями обители, впервые был поднят вопрос о продаже подворья, однако решительным противником этого выступил духовник

---

⁷³⁶ Олег Болдырев, *прот. Моя биография и воспоминания* / Публ. Д. Поспеловского // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 166–167.

⁷³⁷ Русские храмы и обители в Европе. С. 355–356.

⁷³⁸ АРПМА, оп. 10, д. 170, док. № 154, л. 39.

Руссика схиархимандрит Кирик (Максимов). 25 февраля 1921 г. он написал справку «К вопросу о предполагаемой продаже Константинопольского подворья», в которой выразил уверенность в возобновлении в будущем русского паломничества через Константинополь на Афон и в Иерусалим. Отец Кирик указал, что вопрос продажи в любом случае является чрезвычайно важным, касается всей братии монастыря и должен решаться в единодушии. Справка понравилась игумену Мисаилу, и он оставил ее у себя «для сведения другим советникам»⁷³⁹.

В Пантелеимоновском храме почти весь XX в. в основном служили монахи Свято-Пантелеимоновского монастыря. В 1919–1920 гг. доверенным лицом Руссика в Константинополе являлся монах Митрофан. В декабре 1920 г. настоятелем подворья был назначен бывший главный духовник Российского экспедиционного корпуса на Салоникском фронте архимандрит Серафим (в миру Дмитрий Дмитриевич Булатов; 1856–1924). Четыре года он провел в Константинополе, духовно окормляя русских беженцев, которые в 1920–1930-е гг. частично проживали в здании Пантелеимоновского подворья и защищали монастырское имущество от притязаний турецких властей. В конце 1923 г. о. Серафим серьезно заболел и 5 января 1924 г. скончался, приняв перед смертью постриг в схиму с именем Симеон⁷⁴⁰. 23 января вместо него старцы Руссика направили в Константинополь иеромонаха Даниила и монаха Митрофана, однако турецкие власти не разрешили их пребывание в городе⁷⁴¹.

Вскоре Пантелеимоновский храм стал приходской церковью для русской эмигрантской общины города. После закрытия Никольской больничной церкви она около двух месяцев пребывала в греческой церкви свв. Константина и Елены, при этом архиепископ Анастасий обратился к игуменам Свято-Андреевского и Свято-Ильинского скитов о предоставлении общине в пользование подворских храмов, но получил отказ, и лишь настоятель Руссика игумен Мисаил ответил согласием. 24 апреля 1924 г. состоялось первое богослужение в Пантелеимоновском храме священнослужителей общины в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей. В состав причта этого прихода,

---

⁷³⁹ АРПМА, оп. 10, д. 192, док. № 4404, л. 1–3.

⁷⁴⁰ Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 393–394.

⁷⁴¹ АРПМА, оп. 10, д. 170, док. № 154, л. 88.

который назначил владыка Анастасий перед своим отъездом из Константинополя, входили: настоятель — протоиерей Михаил Васильев, второй священник — протоиерей Евгений Бассанский, иеродиакон Никон (Прытков) и псаломщик Дмитрий Ватис. Бессменным церковным старостой (ктитором) около 15 лет был Николай Федорович Квасков⁷⁴².

После кончины о. Симеона (Булатова) несколько лет доверенным лицом Руссика в Константинополе был настоятель Андреевского подворья архимандрит Софроний (Баринов), но с августа 1923 г. на Пантелеимоновском подворье жил и с января 1924 г. фактически распоряжался им посланный из Руссика монах Кронид (в миру Григорий Иванович Болтенко; 1884–1949)⁷⁴³. Он продавал остатки икон и книг монастырской лавки и покупал на эти деньги выигрышные билеты и процентные бумаги, желая таким образом добыть средства для монастыря. Играл на бирже и архимандрит Софроний, но, в конце концов, оба потеряли все вложенные средства. Вскоре о. Софроний отказался от управления Пантелеимоновским подворьем и вместо него доверенным лицом был назначен бывший монастырский комиссионер в Одессе Л.Е. Симоненко, но он через несколько месяцев скоропостижно умер. Следующим доверенным лицом Руссика (с конца 1924 по июль 1927 гг.) был настоятель Ильинского подворья иеромонах Иувиналий. К этому времени продолжавший управлять русским приходом РПЦЗ в Константинополе архиепископ Анастасий согласовал с игуменом Мисаилом пользование церкви св. Пантелеимона и комнаты при ней за ежемесячную плату 15 лир⁷⁴⁴.

Пантелеимоновский храм был известен также своим прекрасным хором, основанным в 1925 г. музыкантом Б.Б. Разумовским. Регентом хора долгое время служил художник-иконописец Н.К. Перов, украсивший в 1920-е гг. стены церкви росписями и написавший для нее ряд икон, в том числе Покрова Пресвятой Богородицы. Умерших в Стамбуле российских эмигрантов хоронили на русском участке православного греческого кладбища в северном квартале города — Шили, где была построена небольшая каменная расписанная

---

⁷⁴² АРПМА, оп. 10, д. 201, док. № 4659, л. 1.

⁷⁴³ Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2013. С. 334.

⁷⁴⁴ АРПМА, оп. 10, д. 201, док. № 4659, л. 1 об–2.

снаружи часовня с характерной маковкой на высоком барабане. Значительное число русских захоронений появилось и на болгарском кладбище Стамбула⁷⁴⁵.

21 июля 1927 г. из Свято-Пантелеимоновского монастыря был отправлен в Константинополь заведующим подворья монах Спиридон (в миру Семен Гордеевич Майданченко, 1879–1957). Сообщая об этом в письме Вселенскому Патриарху Василию, игумен Мисаил просил его оказать о. Спиридону покровительство и помощь в сношении с турецкими и советскими властями, а также рукоположить монаха во диакона⁷⁴⁶.

19 сентября 1927 г. о. Спиридон был с благословения Константинопольской Патриархии рукоположен во иеродиакона архиепископом Александром (Немоловским). В это время турецкие власти создавали разнообразные препятствия для нормального функционирования подворья, принуждая монастырь продать его здание. Поэтому нужна была сильная личность, которая смогла бы противостоять этому давлению, и о. Спиридон справился с этой задачей. При этом о. Спиридону приходилось отстаивать подворье и от некоторых представителей Свято-Пантелеимоновского монастыря, являвшихся сторонниками продажи, что нашло отражение в переписке с игуменом Мисаилом⁷⁴⁷.

Вскоре произошли перемены в составе причта церкви св. вмч. Пантелеимона: в 1927 г. после смерти Д. Ватиса псаломщиком был назначен монах Кронид, затем умер протоиерей Евгений Бассанский и его сменил иеромонах Савватий (из русской афонской келлии свт. Николая Чудотворца), наконец, в конце января 1934 г. уехал на Афон иеродиакон Никон (Прытков), и его место занял иеродиакон Спиридон (Майданченко), который служил также в Ильинской церкви. Кроме того, из Руссика прибыл на подворье еще один монах. Материальное положение подворья было сложным, так, 10 ноября 1928 г. в своем письме церковному старосте Н.Д. Кваскову игумен Мисаил сообщал о необходимости уплатить турецким властям огромные налоги и просил в скором времени внести плату за пользование храмом⁷⁴⁸.

---

⁷⁴⁵ Русские храмы и обители в Европе. С. 209–210, 355–356.

⁷⁴⁶ АРПМА, оп. 10, д. 200, док. № 4651, л. 50

⁷⁴⁷ Там же, док. № 857, 946, 950.

⁷⁴⁸ Там же, оп. 10, д. 214, док. № 4692, л. 1–2.

В 1929 г. произошел первый конфликт о. Спиридона с приходской общиной РПЦЗ. После его сообщения игумену о неправильном внесении прихожанами арендной платы архимандрит Мисаил в июне написал об этом архиепископу Анастасию, указав, что турецкие власти, помимо уплаты коммунальных расходов, берут с монастыря в год за подворье налог в 60 лир, а приход за год на хор певчих тратит 1500 лир. 3 октября владыка указал настоятелю о. М. Васильеву разобраться, но к этому времени — 28 июня староста Н.Ф. Квасков отправил игумену письмо, в котором сообщил об ошибочности претензий, и 7 июля архимандрит Мисаил написал ктитору, что недоразумение разъяснилось. В конце 1929 г. иеродиакон Спиридон попытался провести ремонт фасадов здания подворья, но не получил разрешение турецких властей⁷⁴⁹.

Довольно многочисленной и активной была община при церкви св. прор. Илии. До конца лета 1922 г. экономом подворья Свято-Ильинского скита служил иеромонах Пахомий, 23 января 1922 г. на подворье также послали певчим и для выполнения различных хозяйственных дел иеродиакона Иессея. 22 августа о. Пахомия (ставшего в дальнейшем наместником скита) в качестве эконома (заведующего) подворья сменил иеромонах Иувиналий. В 1923 г. в Ильинскую общину вошли прихожане закрытой посольской церкви свт. Николая Чудотворца. В марте 1924 г. архиепископ Александр (Немоловский) написал братии скита о награждении о. Иувиналия золотым крестом, а о. Иессея саном архидиакона, на что 25 марта было дано благословение. 28 декабря 1924 г. Духовный Собор отцов Свято-Ильинского скита, заслушав сообщение о. Иувиналия о том, что Константинопольская Патриархия принуждает принять новый стиль, постановил не принимать его. С конца 1920-х гг. вместе с иеромонахом Иувиналием на подворье до 1931 г. служили иеродиакон Стефан и монах Иаков. В 1939 г. иеромонаха Иувиналия заменил иеромонах Иессей, служивший на подворье до весны 1961 г.⁷⁵⁰

Настоятелем Ильинской церкви в конце 1920-х–1940-е гг. был архимандрит Серафим (Палайда). Он родился и вырос на Западной Украине (в Галиции), но был русским патриотом и, когда попал в австрийскую армию во время Первой мировой войны, то в первом же бою сдался в плен итальянцам,

---

⁷⁴⁹ АРПМА, оп. 10, д. 201, док. № 4659, л. 4–5.

⁷⁵⁰ Феннелл Н., Троицкий П., Талалай М. Указ. соч. С. 62, 275, 277, 280–281, 309–349.

чтобы не воевать против союзников России, и вскоре вступил добровольцем в итальянскую армию. После окончания войны будущий архимандрит отправился в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославию), поступил на богословский факультет Белградского университета и принял монашеский постриг. Его службу на приходе в Стамбуле описал в своих паломнических записках будущий архиепископ Серафим (Иванов): «Живет по-спартански в маленькой комнатке при храме, без самых элементарных удобств, сам себе что-то варит, но твердо стоит на своем очень важном и ответственном посту. Много раз Фанар (греческая Патриархия), требовал от архимандрита Серафима прекратить подчинение Архиерейскому Заграничному Синоду и перейти вместе с приходом в греческую юрисдикцию. О. Серафим всегда твердо и решительно отклонял подобные домогательства. Ему пытались грозить церковными и административными прещениями, но он их не испугался. В конце концов о. Серафима оставили в покое и перешли на мирное сожительство»⁷⁵¹.

Настоятелем Андреевского храма с конца XIX в. по 1934 г. (с перерывом на Первую мировую войну и закрытие церкви турками в 1929–1934 гг.) служил иеромонах, а затем архимандрит Софроний (в миру Семен Иванович Баринов; 1853–1934), который имел богатую библиотеку и был любителем древностей. Он скончался в Стамбуле 22 июня 1934 г., был отпет в Ильинской церкви⁷⁵², и настоятелем Андреевского храма с 1935 г. стал служить иеромонах Мелетий, а с 1940 г. — иеромонах Никон. В 1928–1929 гг. настенные росписи церкви в «нестеровском стиле» выполнил местный эмигрант художник Николай Перов, работавший также сценографом. Лестницу в храм он украсил изображением афонского Свято-Андреевского скита, на плафоне изобразил собор русских и афонских святых. Кроме того, Н.К. Перов написал восемь образов в иконостасе⁷⁵³.

В конце 1929 г. турецкие власти, пытаясь возместить ущерб, нанесенный национализацией собственности турецких граждан в СССР, реквизировали все три подворья, а также дома, принадлежавшие Братству русских келлий,

---

⁷⁵¹ Русский Стамбул: храм под угрозой // Нескучный сад. 2013. 29 мая.

⁷⁵² АРПМА, док. № 854, 858.

⁷⁵³ Русские храмы и обители в Европе. С. 209.

в качестве достояния «старого русского императорского правительства» и попытались опечатать их храмы. Подворья заняли турецкие учреждения и квартиросъемщики, причем Андреевская церковь была закрыта и частично разорена. Русские афониты пытались отстоять свои права и в обращении к правительству Турецкой республики писали: «Мы не являемся ни красными, ни белыми русскими, мы просто монахи Святой Горы Афонской, живущей на основе наших прав и преданий, юридически признанных державами, в том числе и Турцией»⁷⁵⁴. Однако это обращение результата не имело. Новой ситуацией попыталось воспользоваться советское правительство, которое в 1932 г. предприняло очередную попытку завладеть подворским имуществом, правда, опять без успеха.

Хотя Пантелеимоновское подворье также было реквизировано и в конце концов перешло к арендатору купцу Абдулле, но русской приходской общине удалось отстоять церковь, и богослужения в ней продолжились. Старосте Н.Ф. Кваскову сдали на хранение все церковное имущество, и он платил туркам деньги за аренду церкви, комнаты при ней, помещений, где жили монахи, а также за коммунальные услуги, используемые бедными русскими эмигрантами-постояльцами. Одного из монахов Руссика выслали на Афон, но отцы Спиридон и Кронид остались.

В январе 1934 г. в Константинополь приехал из Эстонии русский епископ Печерский Иоанн (Булин), пробывший на берегах Босфора до 19 марта, а затем еще с начала августа до 5 сентября 1934 г. В это время владыка посещал все службы в Пантелеимоновской церкви, но совершать богослужения в ней Константинопольская Патриархия не разрешила. Официальной причиной были визиты на Пасху и Рождество настоятеля храма протоиерея Михаила Васильева к болгарскому митрополиту в Константинополе, с которым они однажды вместе служили (Константинопольская Патриархия до 1945 г. считала Болгарскую Православную Церковь пребывавшей в схизме). Епископ Иоанн лишь изредка совершал богослужения в храме Ильинского подворья, которое перешло к русскому арендатору, сохранившему церковь действующей⁷⁵⁵.

---

⁷⁵⁴ Талалай М. Русский Афон. С. 130.

⁷⁵⁵ АРПМА, оп. 10, д. 220, док. № 4669, л. 143, 147.

После реквизиции подворий иеродиакон Спиридон (Майданченко) сумел объединить усилия всех российских эмигрантов, пребывавших тогда в Константинополе, в деле отстаивания прав на русское церковное имущество в этом городе, в частности, активно сотрудничал с архимандритом Софронием (Бариновым). Ктитор Н.Ф. Квасков передал о. Спиридону деньги для ведения судебного процесса, но первый суд был проигран. После этого о. Софроний, распродав церковное имущество Андреевского подворья, временно уехал на Афон⁷⁵⁶.

Только в июле 1934 г., благодаря заступничеству Вселенского Патриарха и помощи созданной в то время Европейской комиссии по урегулированию имущественных споров между Турцией и Грецией, новый суд принял решение вернуть русским монахам их здания. В октябре о. Спиридон переслал игумену Мисаилу три подлинных, заверенных экземпляра решения Европейской комиссии (два из них для передачи в Свято-Андреевский и Свято-Ильинский скиты). Правда, полностью опасность захвата не была устранена. 6 октября 1935 г. архиепископ Дамиан (Говоров) писал Архиерейскому Собору в Сремских Карловцах, что в Константинополе русские церкви не ограждены от большевиков, и необходима апелляция по делу их имущества к стамбульским властям Свято-Владимирского братства⁷⁵⁷.

С русской стороны основную роль в успехе процесса сыграли врач Николай Николаевич Усов, нашедший адвоката, и отцы Спиридон и Софроний, взявшие в долг большие суммы для ведения дел. Помогли также русский секретарь Европейской комиссии Огневич, собравший много документов, убедивших турецкие власти, а также югославский консул в Константинополе. В знак признательности за помощь игумен Мисаил прислал председателю Европейской комиссии Андерсену (который ранее был в Руссике) благодарственный адрес и икону, а Н.Н. Усову — благодарственное письмо, икону св. вмч. Пантелеимо-на с дарственной табличкой, житие святого и акафисты⁷⁵⁸.

Подворья были официально возвращены русским обителям 1 октября 1934 г. с требованием уплаты налогов за все время реквизиции зданий, но

---

⁷⁵⁶ АРПМА, оп. 10, д. 201, док. № 4659, л. 3.

⁷⁵⁷ The Archives of the Orthodox Church in America, Syosset (OCA Archives). Box 1. P. 19.

⁷⁵⁸ АРПМА, оп. 10, д. 220, док. № 4669, л. 38, 78.

с помощью адвокатов эти претензии турецких властей удалось отклонить. При этом сами судебные затраты оказались очень велики. Первоначально планировалось, что они ставят 5 тысяч лир, при этом Андреевское подворье внесет 2, 2 тысячи, Пантелеимоновское — 1850 и Ильинское — 950. Но затем судебные издержки выросли до 9 тысяч лир, без учета расходов за возвращение домов келлиотов. В конечном итоге о. Спиридону пришлось занять в общей сложности 4, 5 тысячи лир под 14% годовых, а находившийся в тяжелом материальном положении Руссик почти ничем помочь ему не мог. Игумен Мисаил лишь вернул Свято-Андреевскому скиту и Братству русских келлий 400 лир, которые были одолжены ими о. Спиридону на ремонт подворья в ноябре 1934 г.⁷⁵⁹

Заняв у русских святогорцев в общей сложности 600 лир, иеродиакон с помощью о. Артемия из Свято-Андреевского скита быстро провел ремонт 45 квартир Пантелеимоновского подворья и сдал их в аренду, получая ежемесячный доход около 200 лир. При этом ежегодный налог составлял 192 лиры. Отец Спиридон (как и другие русские настоятели) рассчитывал покрыть свой многотысячный долг, получив компенсацию за понесенные подворьем при реквизиции убытки, и с этой целью в начале сентября 1936 г. был отправлен адвокат в Грецию, но решение вопроса затянулось. Заведовавший имуществом русских келлиотов в Константинополе иеромонах Савватий из келлии свт. Николая Чудотворца (Белозёрка) даже продал возвращенные по суду здание бывшей русской школы за 4,5 тысячи лир и маленький дом рядом с ним за 800 лир, чтобы рассчитаться с долгами⁷⁶⁰. Однако о. Спиридон сберег всю собственность Руссика.

Возвращенный Андреевский храм был освящен в декабре 1934 г. — в праздник св. ап. Андрея Первозванного, и богослужения в нем возобновились (при этом исчезнувшую церковную утварь вернуть не удалось). На этом торжестве присутствовала вся русская братия константинопольских подворий. Следует упомянуть также, что настоятели других русских подворий ежегодно в декабре совершали молебен в Пантелеимоновской церкви в день Ангела игумена Мисаила⁷⁶¹. Все настоятели русских подворий, при участии игумена

⁷⁵⁹ АРПМА, оп. 10, д. 220, док. № 4669, л. 137.

⁷⁶⁰ Там же, л. 20, 57.

⁷⁶¹ Там же, л. 12, 35 об, 80 об.

Мисаила, совместно пытались получить разрешение турецких властей о свободном проезде святогорцев с Афона в Константинополь и обратно, однако этого добиться не удалось. Лишь в отдельных случаях удавалось получить разрешение, так в феврале 1935 г. в Константинополь приехал настоятель русской афонской келлии Положения пояса Пресвятой Богородицы архимандрит Петр, в апреле — иеродиакон Флавиан из Свято-Андреевского скита и в июне 1935 г. — иеродиакон Никодим из Свято-Ильинского скита.

В конце 1934 г. в турецких газетах написали о предстоящем запрещении звонить в колокола и ходить духовным лицам по городу в рясах и с длинными волосами, согласно новым законам того периода. 6 марта 1935 г. о. Спиридон написал игумену Мисаилу, что другие русские настоятели подворий, возмущаясь этими требованиями, не согласны снимать монашескую одежду и стричь волосы, в связи с чем даже хотят сдать подворья в аренду и уехать на Афон. Иеродиакон просил совета, как поступить ему, и 8 марта игумен ответил, что придется подчиниться требованиям правительства. В конце мая Константинопольская Патриархия выдала всему своему духовенству, в том числе проживавшим в Стамбуле русским афонским монахам, пиджаки, жилеты и брюки. С 13 июня 1935 г. иеродиакону Спиридону и монаху Крониду, как и другим инокам, пришлось остричься и ходить по городу в светской одежде, при этом бороды разрешили оставить⁷⁶².

Определенный удар по Пантелеимоновской общине нанесла высылка в декабре 1935 г. 80 семей русских эмигрантов (около 140 человек) в Грецию. После возвращения подворья на иеродиакона Спиридона одно время «наседала» Константинопольская Патриархия, требуя изгнать общину РПЦЗ и даже в связи с ее существованием закрыть церковь, но настоятель подворья, по свидетельству иеромонаха Мелетия, от этого «оттолкнулся»⁷⁶³.

И все же необходимость погашения значительных долгов постепенно привела к серьезному конфликту о. Спиридона с приходской общиной РПЦЗ. 16 августа 1936 г. умер помощник старосты Петр Михайлович Ольховский, 12 лет живший в комнате при церкви, и на эту должность был назначен русский эмигрант — генерал Кац, однако заведующий подворьем не позволил

---

⁷⁶² АРПМА, оп. 10, д. 220, док. № 4669, л. 60, 68, 71.

⁷⁶³ Там же, л. 35 об, 92.

ему занять комнату, отобрав ее у прихода. Летом 1937 г. умер настоятель церкви протоиерей Михаил Васильев, и новым настоятелем стал архимандрит Петр (из афонской кельи Положения пояса Пресвятой Богородицы), с которым у о. Спиридона отношения не сложились. В конце августа заведующий забрал себе ключи от храма, 13 сентября отстранил монаха Кронида от исполнения обязанностей псаломщика и назначил на его место проживавшего на подворье инока Андрея, хотя формально менять членов причта мог только владыка Анастасий⁷⁶⁴.

Во второй половине сентября 1937 г. дело дошло до угрозы прекращения богослужений для членов прихода, и староста Н.Ф. Квасков отправил письма ставшему Первоиерархом РПЦЗ митрополиту Анастасию и игумену Мисаилу с просьбой урегулировать ситуацию. При этом он отмечал, что прихожан «будурует» Н.Н. Усов, агитировавший за переход общины в юрисдикцию Константинопольского Патриархата и также желавший создать приход при храме Андреевского подворья⁷⁶⁵. В дальнейшем руководимому Н.Ф. Квасковым приходу РПЦЗ пришлось оставить Пантелеимоновский храм, и в 1939 г. при нем была создана новая русская община, по-видимому, в юрисдикции Константинопольского Патриархата. 28 августа 1939 г. о. Спиридон был рукоположен во иеромонаха и послан из Константинополя антипросопом в Карею, где он пробыл два года. 17 июля 1940 г. вернулся в Руссик и монах Кронид (Болтенко), где он служил экклезиархом⁷⁶⁶. Таким образом, к началу Второй мировой войны в Константинополе (Стамбуле) оставалось три русских храма.

2. Служение Русской Православной Церкви Заграницей в Югославии

Первые русские храмы и обители в Сербии появились в конце XIX — начале XX вв. Сербская Православная Церковь традиционно имела тесные связи с русскими святогорцами, что особенно ярко проявилось в этот период.

---

⁷⁶⁴ АРПМА, оп. 10, д. 201, док. № 4659, л. 7–9.

⁷⁶⁵ Там же, л. 10–11.

⁷⁶⁶ Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. С. 21, 334.

В январе 1903 г. сербский митрополит Михаил (Иоаннович) по предложению епископа Рашко-Призренского Никифора (Перича) передал мужской монастырь Дечаны во имя Христа Пантократора (Высоко-Дечанская лавра), находившийся тогда на турецкой территории в Косово и считавшийся одной из главных сербских святынь (так как там хранились мощи св. кн. Стефана), под опеку расположенной на Афоне русской келлии свт. Иоанна Златоуста Хиландарского монастыря.

Уже в начале 1902 г. епископ Никифор обратился к настоятелю этой келлии иеросхимонаху Кириллу (Абрамову) с просьбой прислать ему хорошего монаха, которого он мог бы назначить игуменом Дечанского монастыря. При этом владыка указал на заместителя келлии иеромонаха Арсения, известного ему по совместной службе в Белграде. Целью такого шага было не только устройство монашеской жизни в Дечанах на должном уровне, но и улучшение материального положения обители, пришедшей в полное запустение. Получив письмо, о. Кирилл, согласно сообщению российского вице-консула А.М. Петряева, «немедленно написал в Константинополь Арсению о том, чтобы тот отправился сейчас же в Призрен. Причем он дал ему инструкцию вступить с митрополитом в особое соглашение о присылке также других афонских монахов, главным образом из русских, в числе, потребном для составления братии Дечанского монастыря. При этом митрополит должен им даровать устройство по афонскому образцу, с правом выбирать настоятеля из братии». Прибывший 27 июля 1902 г. в Призрен о. Арсений обратился за содействием к вице-консулу А.М. Петряеву и получил его. В своем донесении в российское Министерство иностранных дел от 28 июля Петряев писал об упадке, в который пришли сербские монастыри из-за отсутствия братии и деятельных настоятелей, и полностью поддержал инициативу русских монахов⁷⁶⁷.

Формальная передача обители епископом Никифором о. Кириллу состоялась 14 января 1903 г., при этом предложение о присылке других русских афонитов было принято. 29 мая 1903 г. российский посол в Константинополе обратился в МИД с депешей по вопросу о передаче лавры в ведение настоятеля келлии свт. Иоанна Златоуста иеросхимонаха Кирилла с братией и об оказании

---

⁷⁶⁷ Батакович Д.Т. Дечанско питање. Београд, 1988; РГИА, ф. 797, оп. 72, 2 отд., 3 ст., д. 26, л. 61–62 об.

им денежной поддержки из остатков от доходов с бессарабских имений заграничных монастырей. 18 апреля 1903 г. министр иностранных дел В.Н. Ламздорф попросил заключения по этому вопросу у Святейшего Синода. В ответе на запрос Министерства иностранных дел от 28 августа 1904 г. обер-прокурор К.П. Победоносцев писал, что он «находил не только желательным, но и необходимым оказать возможную поддержку делу возрождения знаменитой сербской святыни, так как оставление ее на неопределенное время в полуразрушенном состоянии не только задержало бы ее благотворную деятельность в крае, но и не отвечало бы достоинству России». По представлению Синода, Министерство иностранных дел 4 февраля 1905 г. получило соизволение императора на ежегодную выдачу о. Кириллу на время пребывания его в Дечанах ежегодной субсидии в 10 тысяч рублей. Взамен МИД потребовал от сербского правительства содействия в признании келлии свт. Иоанна Златоуста скитом со стороны Хиландарского монастыря (это требование выполнено не было)⁷⁶⁸.

В 1903–1904 гг. в Дечаны прибыли 28 русских святогорцев. Таким образом, в Лавре сербские насельники составили менее одной десятой части — всего два-три человека. Благодаря опытному русскому братству, пребывавший ранее в запусении монастырь через короткое время начал развиваться. Однако водворение русских монахов было сопряжено как с большими трудностями материального характера, так и сопротивлением со стороны местных властей и населения (прежде всего албанцев-мусульман). Желая наладить отношения с местными жителями, русские монахи старались оказывать сербам материальную помощь. Так, в мае 1905 г. о. Кирилл ссудил сербам с. Лочане 155 лир, чтобы они могли откупиться от долгов албанцам (арнаутам). 7 июля 1905 г. российский вице-консул в Призрене Тухолка докладывал в Министерство иностранных дел: «Хотя агитация против русских монахов в Ипеке уже давно утихла, но теперь немногие противники афонцев злорадно указывают сербскому народу на беспомощность русских иноков помочь ему. Арнауцы со своей стороны особенно преследуют сербов, преданных нашим монахам. Иные сербы бежали из Ипека в Дечаны и живут там. Арнауцы, живущие вокруг монастыря, также с каждым днем становятся все дерзче по отношению к о. Кириллу,

---

⁷⁶⁸ Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009. С. 195; РГИА, ф. 797, оп. 80, 2 отд., 3 ст., д. 164, л. 1–4 об.

и иные уже начали требовать от него денег. Выходить за монастырскую стену — небезопасно». Несмотря на неблагоприятные условия, о Кирилл занимался ремонтом монастыря, в том же 1905 г. он получил от владыки Никифора разрешение посвятить четырех послушников в мантийные монахи⁷⁶⁹.

Отношение к русским монахам со стороны светских сербских властей и части местного населения оставалось достаточно негативным и в дальнейшем, что было не в интересах российского Министерства иностранных дел. Особенно остро встал этот вопрос во время боснийского кризиса 1908–1909 гг., который вызвал в Сербии резкое недовольство против России, не сумевшей помешать аннексии Боснии и Герцеговины со стороны Австро-Венгрии. В документах Российского Синода отмечалось: «Было бы бесполезно ныне доискиваться причин такого результата деятельности русских иноков в Дечанах; достаточно констатировать, что настоящее положение Дечанского вопроса создает для императорского правительства такую обстановку, которая совершенно недопустима по политическим его отношениям в Сербии». В результате 24 июля / 25 августа 1910 г. последовало решение Святейшего Синода об отозвании русских монахов из Дечанского монастыря, так как дальнейшее их пребывание было расценено как вредное для интересов России и православия⁷⁷⁰.

И все же русские иноки из Дечан не уехали, более того, они продолжили свою активную деятельность. Усилиями игумена Арсения был построен новый корпус келлий, названный «русски конак». Но в 1914 г. началась Первая мировая война, и после отступления сербских войск на остров Корфу австрийские власти интернировали всех русских монахов лавры. После окончания войны и образования Королевства сербов, хорватов и словенцев, вернувшихся из плена монахов разослали по разным обителям страны⁷⁷¹.

Первый русский храм — св. блгв. кн. Александра Невского появился в Сербии еще в 1876 г. Его история связана с событиями Сербско-турецкой

---

⁷⁶⁹ Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. С. 195–196; РГИА, ф. 797, оп. 80, 2 отд., 3 ст., д. 164, л. 2–2 об, оп. 75, 2 отд., 3 ст., д. 126, л. 10–10 об.

⁷⁷⁰ РГИА, ф. 797, оп. 80, 2 отд., 3 ст., д. 164, л. 2–2 об, 11.

⁷⁷¹ АРПМА, оп. 10, д. 180, док. 163, л. 15; Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. С. 198; Пагануцци П.Н. Высоко-Дечанская лавра на Косовом поле. Джорданвилл, 1976; Батакович Д.Т. Указ. соч.

войны 1876–1877 гг. и участием в ней русских добровольцев, которые прибыли в Сербию с шатром-часовней во имя св. блгв. кн. Александра Невского. Доставленный со штабом генерала Михаила Григорьевича Черняева в Белград, переносной храм был установлен 19 сентября 1876 г. на лужайке в центральной части города, возле здания университета, и освящен митрополитом Сербским Михаилом (Йовановичем). Вместе с отрядом русских воинов эту часовню перевезли в район боевых действий, и со второй половины сентября 1876 г. она находилась на Делиградском поле, затем — после окончания войны — вновь оказалась в Белграде.

Несколько раз часовня меняла свое местоположение, затем была продана с аукциона, а утварь перенесена в белградский собор. Однако история храма на этом не прекратилась, вскоре его утварь была передана новопостроенному собору, возведенному по благословию митрополита Михаила и освященному владыкой 1 октября 1877 г. в честь св. блгв. кн. Александра Невского. Правда, спустя 14 лет храм был разрушен, несмотря на протесты прихожан и самого митрополита Михаила. Такое решение официально объяснялось тем, что собор якобы нарушал целостность планировки города и ближайших улиц. В действительности, видимо, причины были чисто политические, обусловленные проавстрийской ориентацией правящей династии Обреновичей. На месте собора построили школу, в которой временно оборудовали домовую часовню во имя св. блгв. кн. Александра Невского, позднее часовню перевели в Дом св. Саввы Сербского, где тогда располагался культурный и религиозный центр Белграда.

В 1894 г. было освящено место для закладки нового собора св. блгв. кн. Александра Невского, но из-за неустойчивости грунта строительство приостановилось, а затем и полностью прекратилось. Освящение фундамента собора на улице Царя Душана было совершено 12 мая 1912 г. митрополитом Димитрием (Павловичем, будущим Патриархом) в присутствии престолонаследника Александра Карагеоргиевича. Однако активно начатое строительство по проекту сербского архитектора Елизаветы Начич вскоре было прекращено по причине Балканских и Первой мировой войн и завершено лишь в 1927–1930 гг.⁷⁷²

---

⁷⁷² Чарота И.А. Александра Невского собор в Белграде // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 547.

В 1903 г. стараниями семьи Раевских была построена и освящена церковь Пресвятой Троицы в с. Горный Адровац (Горњи Андровац) Нишской епархии, вблизи г. Алексинаца, — храм-памятник русско-сербского боевого братства. В этом селении 20 августа / 2 сентября 1876 г. принял последний неравный бой с турецким войском и героически погиб русско-сербский добровольческий отряд под командованием отставного гусарского полковника графа Николая Николаевича Раевского (послужившего Л.Н. Толстому прототипом образа графа Алексея Вронского в романе «Анна Каренина»).

Полковник Н.Н. Раевский был внуком генерала от кавалерии, известного участника Отечественной войны 1812 г., окончил Московский университет и, поступив в армию, отличился в Туркестане. 4 августа 1876 г. он прибыл в Сербию и уже через два дня попал на фронт, где погиб в бою с турками на склоне высоты Голо Брдо у Горного Адроваца, в 4 километрах от города Алексинаца, расположенного севернее Ниша. Тело павшего героя было сперва перенесено в соседний мужской монастырь св. Романа, откуда его приехавшей в Сербию матерью Анной Михайловной Раевской переправлено через Белград, по Дунаю, в родовое имение Еразмовка в Киевской губернии, где в середине октября 1876 г. предано земле. Однако вынутое сердце героя все же оставили в монастыре, где оно покоится и сейчас.

Строительство храма-памятника на месте героической гибели Н.Н. Раевского — на холме Голо Брдо было начато в 1902 г. благодаря хлопотам золовки (жены брата) Марии Николаевны, урожденной княжны Гагариной, которая выполняла волю покойной свекрови, завещавшей на это 50 тысяч рублей. 60 золотых франков внесла сербская королева Наталия. В феврале 1901 г. состоялись переговоры с сербским посланником в Санкт-Петербурге, оказавшим активное содействие задуманному проекту, который исполнил русский архитектор. В самой Сербии осуществлению проекта помог епископ Нишский Никанор. Летом того же года он посетил Горный Адровац и приобрел у крестьян участок для постройки храма (значительную часть денег для покупки пожертвовала королева Наталия Обренович). 15 декабря 1901 г. были объявлены торги на строительные работы, которые выиграл итальянский подрядчик Джакомо Колларо⁷⁷³.

---

⁷⁷³ Шемякин А.А. Смерть графа Вронского. М., 2002; Русский вестник. 2001. № 11–13. С. 10; Родина. 2001. № 1–2. С. 125–130.

Владыка Никанор заложил церковь 3 марта 1902 г. при огромном стечении народа и участии сербского военного министра, адъютанта короля, первого секретаря российской миссии в Белграде, представителей столичных и местных властей. Семью Раевских представлял Михаил Михайлович Раевский, корнет лейб-гвардии гусарского полка, племянник героя. Он участвовал в закладке вместе с епископом. Во время панихиды был произведен артиллерийский салют.

Здание в византийском стиле было возведено за два года и освящено 20 августа / 2 сентября 1903 г. — в 27-ю годовщину гибели героя. На северной стене храма установили мраморную плиту с надписью по-русски об истории постройки. Освящение здания совершил епископ Никанор в присутствии российского консула в Нише, М.М. Раевского и его брата — П.М. Раевского, будущего издателя многотомного «Архива Раевских». Владыка «совершил троекратный крестный ход вокруг освященной церкви, причем в это время гремели орудия с соседних холмов»⁷⁷⁴.

16 икон в иконостасе, по заказу М.Н. Раевской, написал в Санкт-Петербурге известный столичный художник — академик Н.А. Бруни. Эскизы настенных росписей сделал один из крупнейших русских художников начала XX в. В.М. Васнецов, сами росписи исполнил местный живописец Душан Обренович. На одной стене церкви была написана сцена Крещения Руси, а на другой — Косовская битва и сербское войско во главе с царем Лазарем. Известный сербский живописец Стеван Тодорович также написал на стене портрет погибшего полковника Н.Н. Раевского, изобразив его в синей гусарской форме. Среди изображенных на фресках святых были св. кн. Александр Невский и свт. Савва Сербский.

Храм получил статус приходского и настоятелем был назначен священник Светислав Жуевич, прослуживший в нем до 1943 г. (неподалеку от поворота на монастырь св. Романа и сейчас существует указатель к «Русской церкви»). На содержание церкви М.Г. Раевская положила в белградский банк 5600 рублей. Вокруг здания были посажены деревья, превратившие голую высоту в цветущий сад. Из Российской империи в Горный Адровац доставили саженцы лип; семья Раевских, зная, что сердце их родственника осталось в Сербии,

---

⁷⁷⁴ Русские храмы и обители в Европе. С. 203–204.

послала эти деревья, чтобы те напоминали о России и символизировали жизнь, рождающуюся из трагедии. На средства семьи Раевских в память героя, по соседству с церковью, была также построена начальная школа и установлен мраморный памятник с крестом на месте гибели предка. В соседнем городе Алексинац, который защищал от турецких атак отряд Н.Н. Раевского, был воздвигнут обелиск — памятник русским добровольцам — участникам Сербско-турецкой войны 1876 года⁷⁷⁵.

Во время Первой мировой войны край был оккупирован болгарскими войсками, которые разграбили церковь Пресвятой Троицы. После окончания войны осенью 1918 г. средств, собранных российской дипломатической миссией в Белграде, хватило только на срочный ремонт. Хотя деньги, положенные в банк, пропали, а Раевские после революции стали неимущими беженцами, местной Нишской епархии удалось в конце концов привести здание в порядок. Богослужения в нем продолжались до прихода в 1945 г. к власти в Югославии коммунистов, после чего церковь долгое время стояла в запустении⁷⁷⁶.

Немного раньше, чем церковь Пресвятой Троицы, — в конце 1890–1900 гг. на российские средства в черногорском городе Никшиче был построен храм св. Василия Острожского, в память о черногорцах и герцеговинцах, павших в боях с турками в 1875–1878 гг. Монументальный храм в византийском стиле был возведен по проекту известного петербургского архитектора Михаила Михайловича Преображенского и освящен в 1900 г. Деньги на его постройку и многие ценные предметы церковной утвари пожертвовал российский император Николай II⁷⁷⁷.

События революции 1917 г. и Гражданской войны вызвали эмиграцию более двух миллионов жителей России, главным образом православного исповедания. С ними за рубеж уехали сотни пастырей и несколько десятков архипастырей. Первоначально крупнейшим перевалочным пунктом русской эмиграции стал Константинополь (Стамбул), 19 ноября 1920 г. в этом городе высадились почти 150 тысяч беженцев из Крыма во главе с генерал-

---

⁷⁷⁵ Кучмаева И. Новый центр Паломничества в Горнем Адровце // Православный Паломник. Москва. 2001. № 2. С. 22–25; Кравченко А. Паломничество к сербским святыням // Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей. 2012. № 5–6. С. 29–30.

⁷⁷⁶ Русские храмы и обители в Европе. С. 204.

⁷⁷⁷ Арсеньев А.Б. Русские храмы и монастыри в Югославии. С. 156.

лейтенантом П.Н. Врангелем. Среди них была и группа архиереев Русской Православной Церкви, возглавляемая Киевским и Галицким митрополитом Антонием (в миру Алексеем Павловичем Храповицким, 1863–1936). 19 ноября она приняла решение о продолжении деятельности прежнего Временного Высшего Церковного Управления на Юге России уже за границей.

В мае 1921 г. Высшее Русское Церковное Управление за границей (ВРЦУ) по приглашению Сербского Патриарха Димитрия (Павловича) переехало из Константинополя на территорию Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевства Югославии), где к русским эмигрантам отнеслись с особым гостеприимством в благодарность России за защиту и помощь Сербии в годы Первой мировой войны. Этот переезд подготовил архиепископ Евлогий (Георгиевский), уехавший в январе 1920 г. из Новороссийска на Балканы.

Первые пять русских архиереев-беженцев: владыка Евлогий, а также епископы Сумский Митрофан (Абрамов), Минский Георгий (Ярошевский), Челябинский Гавриил (Чепур) и Рыльский Аполлинарий (Кошевой) приехали в Белград еще 5 февраля 1920 г. На вокзале они были встречены сербским епископом Нишским Досифеем, который обратился к ним со словами: «Приветствую вас, владыки, с любовью... Мы рады оказать вам гостеприимство за все то, что русские для нас сделали. И это не фразы...» Такой же радушный прием был оказан русским архиереям Первосвятителем Сербской Церкви и принцем-регентом Александром, иерархам вручили единовременное пособие в 1 тысячу динар и разместили в сербских монастырях на полном пансионе. Архиепископ Евлогий проживал в стране больше года — до апреля 1921 г.⁷⁷⁸

16 февраля 1921 г. переехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев митрополит Антоний (Храповицкий). И через два месяца, в апреле, Высшее Русское Церковное Управление за границей постановило «перевести свое местопребывание в Сербию», исходя из того, «что самым мощным центром по плотности и по количеству русских людей является, безусловно, Сербия, что эта страна занимает центральное географическое положение на Балканах, чем облегчаются сношения, что в Сербии же находится наибольшее

---

⁷⁷⁸ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. С. 343; Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 22.

число русских иерархов, что там же сосредоточены по преимуществу русские просвещенные силы, что Русская армия, центральные органы управления и главнокомандующий переходят туда же, и перевозка уже начата и закончится в течение месяца... что, наконец, в Сербии Высшее Русское Церковное Управление соединится со своим Председателем владыкой митрополитом Антонием...»⁷⁷⁹.

Первое заседание Высшего Русского Церковного Управления за границей в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (в Сремских Карловцах) состоялось 22 июля 1921 г. под председательством митрополита Антония. На нем было принято решение «О созыве Заграничного Собрания Российских Церквей»⁷⁸⁰. 30 июля митрополит Антоний направил Сербскому Патриарху Димитрию обращение, в котором указал, что Патриарх Московский и всея Руси Тихон одобрил деятельность Высшего Русского Церковного Управления за границей⁷⁸¹.

Документом, на основании которого был урегулирован статус и деятельность Высшего Русского Церковного Управления за границей на канонической территории Сербского Патриархата в период между двумя мировыми войнами, является постановление № 31 Священного Архиерейского Собора Сербской Церкви от 31 августа 1921 г. Архиерейский Собор вынес постановление, руководствуясь докладом выпускника Московской духовной академии епископа Жичского Ефрема (Боевича), относительно известия митрополита Антония (Храповицкого) о переезде ВРЦУ из Константинополя в Королевство сербов, хорватов и словенцев. В этом постановлении Собор подчеркнул готовность оказать максимальную помощь пребывающим в изгнании русским архиереям и народу.

Архиерейский Собор также постановил принять под свою защиту Высшее Русское Церковное Управление за границей с сохранением его самостоятельной

---

⁷⁷⁹ Попов А.В. Российское православное зарубежье: история и источники. М., 2005. С. 239–240.

⁷⁸⁰ Там же. С. 240; Заграничное русское церковное собрание. Материалы подготовительной комиссии. Вып. 1. Константинополь, 1921. С. 1–4.

⁷⁸¹ Пузович В. Отношение Сербской Православной Церкви к каноническому и юридическому положению Русской Православной Церкви Заграницей (1920–1930) // Христианское чтение. 2012. № 3. С. 165.

юрисдикции. Таким образом, фактически Русской Церкви были предоставлены автокефальные права на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев. В компетенцию управления (принявшего в июле 1921 г. устав, где говорилось о подчинении ВРЦУ Святейшему Патриарху Московскому и всея России Тихону), согласно постановлению Собора, включались следующие дела: «1. Юрисдикция над русским духовенством вне нашего государства и над русским духовенством, не состоящим на приходской и государственной учебной службе, как и над военным духовенством в Русской армии, которое не находится на сербской церковной службе. 2. Бракоразводные споры русских беженцев»⁷⁸².

Очень важное значение имел второй пункт, так как на Балканах только в Королевстве сербов, хорватов и словенцев русские церковные власти получили возможность и право урегулировать бракоразводные процессы своих соотечественников. Таким образом, согласно постановлению от 31 августа 1921 г., статус и уровень полномочия ВРЦУ были определены Сербской Православной Церковью, и данное управление имело юрисдикцию как над русскими священниками в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (не состоящими на службе в Сербской Церкви), так и над русским духовенством в изгнании, пребывающим в других странах. Такое решение ставило Сербскую Церковь в положение покровителя юрисдикции ВРЦУ над всеми российскими беженцами во всем мире, включая территории других Поместных Православных Церквей. Осознавая каноническую ущербность такого решения, сербские церковные власти позднее, ссылаясь на упомянутое постановление, опускали слова «вне нашего государства» (т.е. за пределами Королевства сербов, хорватов и словенцев)⁷⁸³.

На основании постановления Архиерейского Собора управление русскими общинами в королевстве, с благословения Сербского Патриарха Димитрия, 3 октября 1921 г. взял на себя митрополит Антоний (Храповицкий).

---

⁷⁸² Текст постановления: Архив Светог Архијерејског Синода Српске Православне Цркве (Београд), Рад Светог Архијерејског Сабора Српске Патријаршије 1920–1936 — записници, одлука Бр. 31; *Троицкий С.В.* История самочинной карловацкой организации // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 23; *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е годы XX века). М., 2000. С. 27–28.

⁷⁸³ *Пузович В.* Указ. соч. С. 164.

Кроме того, было обещано, что перешедшим по их желанию в сербскую юрисдикцию архиереям, священникам и монахам будут предоставлены места для служения. По свидетельству митрополита Литовского Елевферия (Богоявленского), покровительство Святейшего Патриарха Димитрия простиралось так далеко, что он в частных разговорах назвал владыку Антония «заграничным русским Патриархом»⁷⁸⁴. А профессор Белградского университета С.В. Троицкий, несколько «сгущая краски», писал, что Русская Церковь в Королевстве сербов, хорватов и словенцев «фактически... заняла положение как бы некоторого филиала Церкви Сербской»⁷⁸⁵. В знак особого расположения русским архиереям передали для размещения нижний этаж Патриаршего дворца в г. Сремски Карловцы.

Во многом благодаря помощи и поддержке Сербской Церкви, уже в начале 1920-х гг. Королевство сербов, хорватов и словенцев стало главным центром русской церковной эмиграции, находившейся в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей, которая окончательно оформилась в качестве самоуправляемой церковной организации в 1927–1928 гг. Новое государство на Балканах представляло собой воплощение реализации идеи южнославянского единства, о котором в особенности мечтали сербы, веками разбеденные на этих территориях. Предоставляя приют русским беженцам, сербы также отдавали дань признательности России за ее союзническую поддержку в Первой мировой войне.

Если в конце 1918 — начале 1919 гг. на территории страны проживали лишь 4–5 тысяч бывших российских военнопленных и солдат, воевавших на Салоникском фронте, то затем число русских стало быстро расти. Прибывшие в начале мая — конце ноября 1919 г. около 1600 человек были беженцами так называемой первой французской эвакуации из Одессы. С мая 1919 г. в распределительном пункте в Белграде о них заботился Русско-Югославянский комитет, имевший свои филиалы по всей стране. Второй поток, «англо-французская» эвакуация из Одессы (январь 1920 г.) и «английская» (или

---

⁷⁸⁴ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 годы. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 330–331.

⁷⁸⁵ Троицкий С.В. Правовое положение Русской Церкви в Югославии // Записки Русского научного института в Белграде. 1940. № 17. С. 106.

«сербская») эвакуация из Новороссийска (март 1920 г.) составил 7–8 тысяч беженцев, прибывавших партиями по железной дороге из Салоник или Софии. С 24 февраля 1920 г. в Белграде действовал Государственный комитет по устройству русских беженцев. После напряженных переговоров и подписания протокола с Англией (11 октября 1920 г.) в страну прибыла третья волна с греческого острова Лемнос (27 октября — 17 ноября 1920 г.), всего 2053 человека⁷⁸⁶.

С четвертой эмиграционной волной (25 ноября — 23 декабря 1920 г.) в Королевстве сербов, хорватов и словенцев появилась самая многочисленная, «крымская», эвакуация. На берега Адриатического моря высадились 21 343 беженца, военных и штатских. Пятую волну (1 июня — 17 ноября 1921 г.; февраль 1922 г.; 5 мая 1923 г.) составляли новые эшелоны воинских подразделений Русской армии генерала П.Н. Врангеля — всего 11 750 человек⁷⁸⁷. Таким образом, в начале 1920-х гг. в стране поселилось более 70 тысяч русских беженцев. По данным директора отделения статистики Государственной комиссии по делам русских беженцев Королевства сербов, хорватов и словенцев Д.Н. Иванцова, к 1922 г. в страну прибыло 73 431 человек: 40 200 военных и 33 231 гражданский беженец.

Уже к 16 февраля 1921 г. на территории королевства имелось 215 колоний русских эмигрантов, а всего через год — в феврале 1922 г. их число выросло до 323, при этом к 1931 г. в Югославии было создано 47 казачьих станиц (в основном в Метохии и Воеводине). Из 17 905 опрошенных в 1922 г. беженцев из России 215 (1,2%) являлись священнослужителями, из них 8 — архиереями. Всего же в Королевство сербов, хорватов и словенцев приехали более 500 русских священнослужителей. Специальные государственные комиссии, международные филиалы Красного Креста и местные благотворительные общества прилагали усилия, чтобы пришельцы были равномерно распределены по всей территории страны. Но все-таки подавляющее большинство эмигрантов осело в ее восточной, православной части — Сербии, хотя она была наиболее бедной, отсталой и пострадала от войны сильнее всего. При этом довольно скоро значительная часть русских беженцев переехала во Францию,

---

⁷⁸⁶ Арсеньев А. Жизнь русских эмигрантов в Сербии. С. 111–112.

⁷⁸⁷ Там же. С. 112.

Бельгию и другие европейские страны или вернулась на родину и к середине 1920-х гг. число бывших подданных Российской империи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев сократилось до 41–44 тысяч, из них около 10 тысяч проживало в Белграде и окрестностях. Сокращение численности русских эмигрантов в стране продолжалось и в дальнейшем, но уже не столь существенно: в 1926 г. их было 38 тысяч, по переписи 1931 г. — 32,8 тысячи (в том числе 6 тысяч принявших югославское гражданство), в 1934 г. — 27,5 тысяч, в 1937 г. — 27,2 тысячи и к весне 1941 г. — 25 тысяч⁷⁸⁸.

В июне 1920 г. в Королевстве сербов, хорватов и словенцев была создана Государственная комиссия по приему и устройству русских беженцев, которую возглавил Любомир Йованович. Он принадлежал к народной партии премьер-министра Николы Пашича, занимавшей наиболее русофильскую позицию. Сам Н. Пашич был председателем фонда по созданию памятника императору Николаю II. После кончины премьер-министра вдова Пашича продолжила проведение гуманитарных акций помощи нуждавшимся русским эмигрантам⁷⁸⁹.

Важную роль в помощи эмигрантам играл российский посланник в Сербии Василий Николаевич Штрандтман, занимавший эту должность с 1914 г. и сохранивший ее при белых правительствах Колчака, Деникина и Врангеля. Российская дипломатическая миссия официально прекратила деятельность в марте 1924 г., но фактически была лишь переименована в Делегацию по защите интересов русских беженцев Королевства сербов, хорватов и словенцев, которую вновь возглавил В.Н. Штрандтман (Югославия признала СССР последней из европейских государств — только в июне 1940 г.)⁷⁹⁰. Правительственным уполномоченным для русских беженцев в Королевстве сербов,

---

⁷⁸⁸ Димич Л. Русские школы в королевстве Югославии 1920–1941 // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 132–133; Сибинович М. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века — границы и перспективы исследования // Русская эмиграция в Югославии. С. 7, 24; Серационова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 18–19; Танин С.Ю. Русский Белград. М., 2009. С. 126, 152.

⁷⁸⁹ АЈ, 37–23–196, 197, 199.

⁷⁹⁰ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. С. 33; Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002. С. 216.

хорватов и словенцев был бывший государственный советник Российской империи Сергей Палеолог.

В межвоенный период в Югославии было зарегистрировано более тысячи русских организаций. В вузах страны преподавали около 120 российских профессоров, в том числе в Белградском университете — свыше 70 (из них 45 — в 1920-е гг.), в Люблянском университете — 11, Загребском — 9, а всего в Югославии работали более 600 русских учителей и преподавателей. В научных учреждениях страны трудились 97 российских ученых, причем 15 из них были действительными членами Сербской Академии наук и искусств, в частности, выдающийся византолог Г.А. Острогорский, который стал основателем и директором Византологического института Сербской академии.

В 1922 г. в Белграде был основан Русский народный университет, а в 1928 г. — Русский научный институт (со своим издательством), действовавший до немецкого вторжения в Югославию в 1941 г. В Русском научном институте читали лекции известные религиозные философы И.А. Ильин, В.В. Зеньковский, С.А. Франк, Н.О. Лосский, протоиерей Георгий Флоровский и др. Руководил институтом бывший ректор Киевского университета святого князя Владимира Е.В. Спекторский, к 1941 г. вышло 17 выпусков «Записок Русского научного института в Белграде». Известный историк-славист, профессор Белградского университета А.А. Погодин основал Русское археологическое общество. Кроме того, в Белграде появились: Русский военно-научный институт, Институт изучения России, а в 1939 г. в столицу Югославии переехал из Праги Институт имени академика Н.П. Кондакова (знаменитого византолога)⁷⁹¹.

Уже в начале 1920-х гг. возникла целая сеть русских учебных заведений, многие из которых имели свои домовые храмы. Так, в 1923–1924 гг. в королевстве действовали 24 русские начальные и средние школы с обязательным преподаванием Закона Божия, в которых обучалось около 3 тысяч детей. Общее же количество русских детей и подростков в стране на начало 1921 г. составляло 5658 человек, при этом пять крупных учебных заведений были полностью вывезены из России. Таким образом, Югославия занимала первое место в числе стран русской эмиграции по количеству учащихся, числу

---

⁷⁹¹ *Йованович М.* Указ. соч. С. 323–330.

учебных заведений и по воспитанию молодого поколения русского зарубежья в целом⁷⁹².

В декабре 1920 г. в Королевство сербов, хорватов и словенцев прибыли три кадетских корпуса: 1-й Русский имени великого князя Константина Константиновича (300 кадетов) до 1929 г. работал в г. Сараево, а затем до сентября 1944 г. — в г. Белая Церковь; 2-й Донской имени императора Александра III (320 кадетов) первоначально находился в Малой Билече (Герцеговина), а позднее (до 1933 г.) — в г. Горажде; Крымский (600 кадетов) сначала размещался в бывшем лагере военнопленных на хуторе Стрниште вблизи г. Птуя, затем (до 1929 г.) — в г. Белая Церковь. В г. Новый Бечей до закрытия в 1933 г. действовал Харьковский девичий институт имени императрицы Марии Федоровны (280 воспитанниц), в Белой Церкви до немецкой оккупации Югославии весной 1941 г. — Донской Мариинский девичий институт (250 воспитанниц), а в г. Великая Кикинда в 1921–1933 гг. работала 1-я русско-сербская девичья гимназия с общежитием (180 учениц). С октября 1920 до 1944 г. в Белграде действовала 1-я русско-сербская гимназия (150 учащихся), кроме того, имелись реальная гимназия Всероссийского союза городов в имении Поновичи вблизи словенского г. Лития (до 1931 г.), русские реальные гимназии в Панчево (138 учеников), Нове Саде, Загребе, Земуне и Храстовце, прогимназия Всероссийского союза городов в Белграде, Николаевское кавалерийское училище в Белой Церкви, разнообразные учебные курсы и т.д.⁷⁹³

Все они имели преподавателей Закона Божия в священном сане, а зачастую и домовые церкви и часовни. Изучение Закона Божия имело целью усвоение «истины веры и нравственности христианской в духе Православной Церкви». Многие преподаватели учебных заведений в Югославии использовали оригинальные образовательные идеи известного православного философа Василия Васильевича Зеньковского, позднее принявшего священный сан⁷⁹⁴.

---

⁷⁹² Степанов Н.Ю. Православные основы образования русских детей в эмиграции в Югославии // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 45–47; Сабенникова И.В. Указ. соч. С. 217.

⁷⁹³ Йованович М. Указ. соч. С. 315–316; Димич Л. Указ. соч. С. 122–127.

⁷⁹⁴ Степанов Н.Ю. Указ. соч. С. 49.

В 1921 г. в Королевстве сербов, хорватов и словенцев был создан «Союз русских студентов», и в следующем году его членами являлись около 450 человек только в Белграде. Вскоре в Белградском университете были образованы профессиональные объединения русских студентов на всех факультетах, в том числе — на богословском. В начале 1920 гг., помимо Белграда, в четырех вузах Загреба учились 595 русских студентов, в Люблянском университете — 137, на юридическом факультете в Субботице — 40 и еще несколько человек в других институтах. В 1924–1925 гг. число русских учащихся в вузах страны несколько снизилось, но и тогда оно составляло более 15% всех студентов королевства — 849 из 5645⁷⁹⁵.

Идея славянской солидарности играла значительную роль для Русского педагогического общества, председателем которого был известный богослов профессор Александр Павлович Доброклонский. Так, 31 января 1931 г. он писал в Министерство образования, что члены общества стремятся «посредством связей с югославскими профессорскими и преподавательскими объединениями создать прочную базу для идеи славянской и коллегиальной солидарности»⁷⁹⁶.

Широкое распространение в среде эмигрантов получила благотворительность, в том числе церковная. Были открыты 8 русских амбулаторий и здравниц, 6 домов престарелых и приютов для инвалидов, 14 детских домов-интернатов и приютов, общежития, более 10 детских садов (в программу которых входили беседы о Законе Божиим), частично при храмах и монастырях. Подавляющее число эмигрантов были верующими, так, согласно материалам государственной переписи населения страны, в марте 1931 г. из 26 790 не принявших югославского гражданства русских беженцев 24 214 (90,4%) назвали себя православными⁷⁹⁷.

Это способствовала активному развитию церковной жизни. Как писал Н.М. Зернов, — религия и Церковь несли русским людям в изгнании «образ

---

⁷⁹⁵ Жданов Д.Н. Студенческие организации в европейских центрах русской эмиграции и адаптация русского студенчества (1920-е годы) // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (XIX–XX века). М., 1999. С. 157.

⁷⁹⁶ АЖ, 66–453–716.

⁷⁹⁷ Йованович М. Указ. соч. С. 140.

России, который не могла уничтожить революция»⁷⁹⁸. Уже 7 февраля 1921 г. по инициативе известного славянофила А.В. Васильева было создано «Общество попечения о духовных нуждах православных русских в Королевстве сербов, хорватов и словенцев». В марте его устав утвердил Святейший Патриарх Димитрий, а в апреле 1921 г. — министр по делам религии М. Йованович. В 1923 г. в устав общества были внесены существенные изменения и дополнения, утвержденные русскими и сербскими церковными властями⁷⁹⁹. На этой правовой основе начали создаваться русские церковные общины практически на всей территории страны.

Эмигранты из России построили в Югославии три церкви и три часовни, образовали сначала 8, а к 1941 г. — 12 русских приходов (в Белграде, Земуне, Панчево, Белой Церкви, Великой Кикинде, Новом Бечее, Великом Бечкереке, Нови Саде, Загребе, Сараево, Сремских Карловцах, Цриквенице) и несколько десятков общин при домовых храмах, духовные братства — преподобного Серафима Саровского, Чудотворца, в память отца Иоанна Кронштадтского, Святого Креста, Святой Руси, имени святого равноапостольного князя Владимира, святителя Иоанна Златоуста, Благовещенское и др., церковные сестричества. Именно в Сербии возникло первое русское церковное сестричество в эмиграции — Мариинское Покровское. Оно было основано 30 декабря 1921 г. по желанию императрицы Марии Федоровны и инициативе княгини Марии Александровны Святополк-Мирской, которая стала старшей сестрой в нем. Объединявшее свыше 200 сестер Мариинское сестричество занималось благотворительной деятельностью и сбором средств на постройки русских церквей и часовен. В Белграде также действовали богословский кружок имени святого Анастасия и святого апостола Иоанна Богослова, православный студенческий кружок имени преподобного Серафима Саровского, союз преподобного Сергия Радонежского, а в г. Белая Церковь (Бела Црква) — православно-миссионерское издательство⁸⁰⁰.

---

⁷⁹⁸ Зернов Н.М. Закатные годы: эпилог хроники Зерновых. Париж, 1981. С. 10.

⁷⁹⁹ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е годы XX века). С. 69.

⁸⁰⁰ Там же. С. 68; Арсеньев А. У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 34.

Важное значение имело указание министра исповеданий о принятии русских священников на приходскую службу в Сербскую Православную Церковь, данное в мае 1920 г. по предложению епископа Нишского Досифея (Васича). В результате около 250 русских пастырей нашли себе приходские места в сербских храмах, в основном в отдаленных бедных сельских общинах. Этим российское духовенство оказало Сербской Церкви значительную помощь, возместив ее потери в священнослужителях, погибших в ходе войны, превысившие тысячу человек. В 1920-х гг. русские священники составляли свыше 10% всего клира Сербского Патриархата. Церковнославянский богослужебный язык и практически идентичные церковные обряды позволили им легко и быстро освоиться в новой среде⁸⁰¹.

Чрезвычайно существенную роль сыграли русские монахи и монахини в развитии сербских обителей и распространении монашеских идеалов. Берлинская газета «Кройц-Цайтунг» в 1933 г. справедливо отмечала: «Сербские монастыри большей частью пустые, но значительная часть их [имеющихся] насельников состоит из русских. Не преувеличивая, можно сказать, что угроза Православной Церкви от западного вольнодумства сербов только там перестает существовать для религиозной жизни, где русские привнесли пыл своей мистики и веры»⁸⁰².

Помимо эмигрантов времен Гражданской войны, около 40 русских монахов прибыли в Сербию во второй половине 1920-х гг. из знаменитого Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, оказавшегося после 1918 г. на территории Финляндии. Монашествующие из России проживали во многих сербских монастырях, например во фрушкогорских обителях Беочин, Врдник, Гргетег, Язак, Шишатовач, Хопово, Привина-Глава, а в целом ряде случаев назначались настоятелями: игумен Сергей — монастыря Манасия, архимандрит Кирилл — монастыря св. Прохора Пчинского, епископ Сумский Митрофан (Абрамов) — монастырей Раковица и Дечаны, игумен Вениамин — обители св. Наума в Охриде, архимандрит Варнава — монастыря св. Стефана (вблизи г. Алексинаца) и Суковской обители, игумен Иулий —

---

⁸⁰¹ *Buchenau K. Auf russischen Spuren. Orthodoxe Antiwestler in Serbien. 1850–1945. Wiesbaden, 2011. S. 281; AJ, 69–170–266, 69–171–267.*

⁸⁰² *Kreuz-Zeitung. Berlin. 13.06.1933.*

Карпинского монастыря и т.д. Целый ряд русских монахов были духовниками сербских обитателей. Так, например, епископ Николай (Велимирович) в 1938 г. назначил духовником женского монастыря Йованье иеромонаха Серафима (Попова). Иеромонах Герман, впоследствии схиигумен Сергей (Кошманов), до 1950 г. был духовником Сичевского женского монастыря в Сербии. Другой бывший валаамский насельник — иеромонах Феофил (Семяков) служил духовником женского монастыря Кувежин на Фрушкой Горе⁸⁰³.

В октябре 1931 г. в Югославию приехал духовник русского афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря схиархимандрит Кирик (в миру Константин Никифорович Максимов, 1864–1938). Как опытного старца, по совету митрополита Антония (Храповицкого) и многочисленным просьбам видных представителей русской эмиграции, Патриарх Варнава пригласил его в качестве духовника для всего православного духовенства Югославии⁸⁰⁴.

Схиархимандрит не только более семи лет духовно наставлял сербских и русских священнослужителей, почти ежедневно служил в храме и исповедовал сотни людей, но и составил немало духовных книг, которые пользовались большой популярностью среди русских эмигрантов. Отец Кирик был глубоко убежден в грядущем возрождении России. В одном из своих писем, отправленном в феврале 1932 г., он, полностью разделяя приведенные слова Патриарха, сообщал: «На днях мне пришлось служить со Святейшим Патриархом Варнавой в русской церкви в качестве первого священника, а затем был обед у настоятеля храма протоиерея Петра Беловидова. Там обедали и митрополит Антоний, и еще два архиерея, которые служили вместе с Патриархом. Патриарх говорил очень сильную речь, так что все русские люди, бывшие в святом храме, плакали. Он уверял, что Россия и Церковь Российская не пропали и не пропадут, но восстанут с бóльшим величием. За обедом он сказал буквально следующее: “Вы не думайте, что Церковь Российская пропала — нет, Бог даст, и Россия, и Церковь вновь будут в большем величии, чем прежде”»⁸⁰⁵. Скончался о. Кирик в русском лазарете в Панчево 2 декабря

---

⁸⁰³ Всеволод (Филиппев), инок. Святोरусское откровение миру. Избранные статьи. Джорданвилл-М., 2005. С. 228, 236; Церковное обозрение. 1943. № 9. С. 3.

⁸⁰⁴ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 194.

⁸⁰⁵ Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 429–430.

1938 г. и был погребен около Иверской часовни на русском участке Нового кладбища в Белграде⁸⁰⁶.

В 1922–1923 и несколько месяцев в 1924 гг. настоятелем монастыря Петковица (во имя св. Параскевы Пятницы) вблизи сербского г. Шабаца служил епископ Севастопольский Вениамин (Федченков), собравший там в тот период до 30 русских монахов и послушников, в том числе принявших монашеский постриг бывших солдат и офицеров Белой армии. Среди них был скончавшийся в Петковице в середине 1920-х гг., перешедший в православие в эмиграции еврей Савелий Константинович Эфрон, один из составителей известной энциклопедии Брокгауза и Эфрона⁸⁰⁷. В первой половине 1920-х гг. в Петковице проживал и архиепископ Полтавский Феофан (Быстров), позднее переехавший в Болгарию.

В монастыре Гргетег в 1921 г. поселился высланный из Польши бывший руководитель типографии Почаевской лавры архимандрит Виталий (Максименко). Постановлением Сербского Синода он был назначен директором монастырской типографии, но это назначение оказалось лишь номинальным. Поселившись в Гргетеге, о. Виталий обратился к Святейшему Патриарху Димитрию с прошением разрешить открыть в монастыре хотя бы малую типографию для издания «Церковных ведомостей» и обслуживания других потребностей Высшего Русского Церковного Управления Заграницей. Через протосингела Дамаскина Патриарх Димитрий дал свое благословение, но с условием, чтобы в типографии работал лишь один архимандрит Виталий. ВРЦУ выделило 15 тысяч динар, на которые были приобретены малая печатная машина и русский шрифт. Однако вскоре архимандрит переехал в Чехословакию, где основал монастырь прп. Иова Почаевского; приобретенную типографию он передал Петковскому монастырю⁸⁰⁸.

В середине 1920-х гг. в монастыре Гргетег существовало русское монашеское братство, возглавляемое иеромонахом Амвросием (Кургановым). В той же обители пребывали член Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей епископ Александровский и Ставропольский Михаил

---

⁸⁰⁶ Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 429–430.

⁸⁰⁷ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 161.

⁸⁰⁸ См.: Виталий (Максименко), архиеп. Мотивы моей жизни. Джорданвилл, 1955.

(в миру Михаил Иванович Космодемьянский), умерший 9/22 сентября 1925 г., и архиепископ Челябинский и Троицкий Гавриил (Чепур). В монастыре Привина-Глава проживал епископ Черноморский и Новороссийский Сергей (в миру Степан Алексеевич Петров), возведенный 13 мая 1930 г. в сан архиепископа и скончавшийся в этой сербской обители 11/24 января 1935 г.

Очень большой вклад внесли русские монахи в церковную жизнь Македонии. Настоятель македонского монастыря св. Николая Чудотворца в Марново игумен Николай (Трайковский) в своей недавней работе отмечал: «Благодаря особому вкладу русской церковной эмиграции, представители которой в течение целых семи десятилетий (1920–1990) жили и работали в нашей стране, сегодня можно говорить о влиянии русской православной культуры в Македонии. Русское священство и монашество, жившее в духе библейско-святоотеческого Предания, невзирая на всю тяжесть своего проживания в изгнании, принимало активное участие в возрождении духовной жизни в Македонии... Изгнанные из собственного Отечества после революции 1917 г. и побуждаемые идеей соборного покаяния русского народа как единственного пути воскресения Святой Руси, иммигранты поначалу видели в Македонии лишь временное прибежище и проживали в замкнутых сообществах соотечественников. По прошествии лет, проведенных в примирении с происходящим и приспособлении к новым условиям жизни, представители русского духовенства стали здесь строить свою вторую родину, а в здешнем народе Божиим узрели свою паству. Верующие во многих из них распознали истинных пастырей, от которых воспринимали новое знание о подвиге и молитве, о понимании литургической жизни, отношении к причащению и т.д. В этот период народ оказывал русским священникам сердечный прием в македонских приходах. Во многих городских и сельских храмах заметными были литургическая деятельность русских пастырей, укоренение культа новых российских святителей и мученически пострадавшего царского семейства, выраженная идея возвращения к святоотеческому духовному наследию и т.д. Русское монашество в Македонии имеет для нас неоценимое значение в смысле сохранения духовной жизни, живого предания преподобного жителства и подвиголюбия в самые тяжелые времена»⁸⁰⁹.

---

⁸⁰⁹ Николай (Трайковский), игум. Русские монахи в Македонии. Скопье, 2012. С. 71–78.

После окончания Первой мировой войны большинство македонских монастырей находилось в запустении, и возродить их позволило прибытие четырех больших групп русских монахов и монахинь: в начале 1920-х гг. представителей белой эмиграции, в 1926 г. — изгнанных с Валаама (тогда Финляндия) монахов-старостильников, в 1930-е гг. — насельников русских обителей Афона, по разным причинам покинувших Святую Гору и в 1937 г. — общины русских сестер из Сербии во главе с игуменией Диодорой (всего более 130 человек). В некоторых македонских монастырях число русских насельников было настолько многочисленным, что монастырская жизнь там протекала почти так же, как в России: в монастыре св. Наума Охридской епархии проживало более 20 русских насельников во главе с настоятелем — игуменом Вениамином, в Лешокском монастыре св. Афанасия вблизи г. Тетово первоначально поселилось 35 монахов с Валаама, в Кичевском монастыре Благовещения Пресвятой Богородицы вблизи г. Кичево пребывало около 30 русских сестер, в монастыре Пресвятой Богородицы у с. Побожьена Скопленской Црна-Горе подвизалось примерно 15 русских монахинь. В большинстве же македонских монастырей проживало от одного до пяти русских насельников. Кроме того, в обителях принимали десятки беженцев — инвалидов из России. Так, в 1926 г. по решению Битольского епархиального управления в монастырях разместили шесть таких инвалидов. В 1936 г. епископ Охридско-Битольский Николай (Велимирович) выделил русским эмигрантам во временное пользование имущество, в основном земельные участки монастырей и т.д.⁸¹⁰

К 1926 г. настоятелями большинства монастырей Скопленской епархии уже были русские, но в ноябре этого года митрополит Варнава (Росич) решил принять в своей епархии всех 35 изгнанных с Валаама насельников, выделив им самый большой и самый богатый монастырь — св. Афанасия в с. Лешок. Оттуда через неполных два года братство группами по 2–3 человека расселилось по другим монастырям епархии, зачастую став там духовниками, настоятелями, заместителями и т.д. Так, иеромонах Аристоклий служил заместителем монастыря св. Пантелеимона в г. Штип, иеромонах Аггей — духовником в монастыре св. Андрея в каньоне Матка, игумен Иов — настоятелем в нескольких монастырях Скопленской епархии, иеромонах Хрисанф — духовником

---

⁸¹⁰ Николай (Трайковский), *игум.* Русские монахи в Македонии. Скопье, 2012. С. 14–16.

монастыря в с. Баняни, иеромонах Мардарий (Антилоинен) — духовником Ветерского монастыря, иеромонах Феодорит (откопавший в 1927 г. древнюю церковь св. Афанасия в Лешокской обители) — духовником монастыря в с. Согле, иеромонах, впоследствии схиигумен Сергей (в миру Гавриил Кошманов) в 1938–1944 г. был настоятелем, а затем до 1950 г. — духовником Сичевского женского монастыря и др.⁸¹¹

Монах Геласий (в миру Герасим Тихомиров) после изгнания с Валаама в 1927 г. в одиночестве подвизался в маленьком монастыре около г. Скопле и принял мученическую кончину от рук неизвестных в октябре 1929 г. Монах Орест пребывал в монастыре св. Прохора Пчинского, где и умер в январе 1930 г. Монах Иларион подвизался в монастыре Зуришки, где скончался в 1930 г. Бывший валаамец старец схимонах Панкратий (в миру Петр Саков) сначала проживал в уединении на горе, а затем пребывал в монастыре св. вмч. Никиты вблизи г. Скопле, где скончался и был погребен в начале 1940-х гг., и т.д.⁸¹²

Из русских афонских монахов, переселившихся в Македонию в 1921–1930-х гг., наибольшую известность имели: духовник женского монастыря св. Иоакима Осоговского игумен Ананий (Герасимов), духовник женского монастыря Пресвятой Богородицы у с. Побожье игумен Варсонофий (Колыванов), насельник монастыря свт. Николая Чудотворца в с. Любанци старец монах Серафим и монах Савватий (Воздюхин). Кроме валаамцев и святогорцев, известны имена еще 28 русских монахов, поселившихся в начале 1920-х гг. в македонских монастырях: настоятель монастыря св. Наума игумен Вениамин, настоятель Карпинского монастыря игумен Иулий, настоятель монастыря в с. Забел иеромонах Алексей, известный иконописец схимонах Зосима из монастыря в с. Люботен, духовник монастыря в с. Монастырец иеромонах Иннокентий, архимандрит Кесарий из монастыря св. Иоакима Осоговского, игумен Вениамин из Буковского монастыря и т.д.

В некоторых обителях проживали целые группы русских насельников: в Спасо-Преображенском монастыре вблизи с. Зрзе — архимандрит

---

⁸¹¹ Николай (Трайковский), игум. Русские монахи в Македонии. Скопье, 2012. С. 28–34.

⁸¹² Всеволод (Филиппев), инок. Святорусское откровение миру. Избранные статьи. Джорданвилл-М., 2005. С. 241–242, 244.

Григорий, игумен Серафим, иеромонахи Иоаким, Феолог и Савватий; в монастыре св. Прохора Пчинского — архимандрит Кирилл (настоятель), иеромонахи Варфоломей и Досифей; в монастыре Успения Пресвятой Богородицы с. Трескавец — игумен Василий, игумен Симон, монах Макарий (Коледа); в Бигорском монастыре Иоанна Крестителя — игумены Каллистрат и Вениамин, в Лесновском Михаило-Архангельском монастыре — игумен Виталий и монах Павел и др.⁸¹³

Не меньший вклад в развитие монастырской жизни в Македонии внесли русские монахини и послушницы. Большинство из них жило в Македонии уединенно или в небольших общинах по две-три насельницы, за исключением общины в Кичевском монастыре Благовещения Пресвятой Богородицы, где пребывало около 30 русских сестер, и общины в монастыре Пресвятой Богородицы у с. Побожье, где подвизалось 15 русских монахинь. Самой известной была Кичевская община. В 1925 г. игуменья Диодора (в миру Лидия Николаевна Дохторова) получила от сербских церковных властей в свое управление древний монастырь XV в. св. Димитрия вблизи г. Бела Паланка, а затем вскоре — пустовавший монастырь свв. Кирика и Иулиты около г. Цариброда, куда она пригласила около 20 русских монахинь и послушниц из Жабковского монастыря в Бессарабии, в дальнейшем там поселилось и несколько сербских сестер. Монахини материально помогали школе для детей-сирот, оказывали помощь больным, занимались написанием икон под руководством сестры Евпраксии⁸¹⁴.

Поскольку обитель свв. Кирика и Иулиты была очень мала, а община постоянно росла, она перешла сначала в монастырь у с. Дивляне, а в 1936 г. — в македонский Кичевский монастырь Благовещения Пресвятой Богородицы (расположенный на склоне горы, в 12 километрах от г. Кичево). Здесь проживало уже около 40 насельниц (вместе с сербками и македонками) и два русских священника — духовника. В 1937 г. митрополит Скопленский Иосиф постриг несколько послушниц в монахини. В монастыре соблюдался

---

⁸¹³ Николай (Трайковский), игум. Указ. соч. С. 41–46.

⁸¹⁴ Гавриил (Динев), архим. Животопис на схигуменья Мария (Дохторова) // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 320–322; Арсенев А. Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. С. 77; Маевский В.А. Русские в Югославии. 1920–1945 годы. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 30–31.

устав св. Кирилла Белозерского, несколько лет игуменья Диодора (позднее принявшая схиму с именем Мария) провела в полном молчании, нося на себе вериги. Бóльшая часть сестер пребывала в Кичево до 1945 г., после чего во главе с матерью Диодорой перешли в Благовещенский монастырь в Овчарско-Кабларском ущелье Белградской митрополии (эта община просуществовала в Югославии до 1950 г.), при этом семь русских монахинь остались в Кичевском монастыре.

Русская община в монастыре Пресвятой Богородицы у с. Побожье просуществовала также около десяти лет — до 1945 г. В нее входили схимонахиня, 10 монахинь и несколько послушниц, в том числе из местных жительниц. Обитель славилась углубленной духовной жизнью, богослужебным порядком и гостеприимством, сестры заботились о десятке сирот. Кроме того, известны русская монахиня Екатерина из Михаило-Архангельского монастыря в Вароше (г. Прилеп), монахиня Марина из монастыря св. Илии Пророка в с. Мирковицы, схиигуменья Ирина (Косицкая) и послушница Параскева из Спасо-Преображенского монастыря в с. Зрзе. Так как женское монашество в Македонии к началу XX в. почти полностью исчезло, именно русские сестры внесли важнейший вклад в его возрождение и развитие⁸¹⁵.

Кроме уже упомянутых общин, были образованы два самостоятельных русских монастыря — мужской в Мильково и женский в Хопово (на Фрушкой Горе) с 70 монахинями бывшего Леснинского монастыря, переселившись в 1920 г. в Сербию⁸¹⁶.

С 1921 г. более 15 лет центром деятельности руководящих органов Зарубежной Русской Православной Церкви был небольшой городок Сремски Карловцы вблизи г. Нови Сад (ныне сербский край Воеводина), в котором до второй половины 1930-х гг. размещались Высшее Русское Церковное Управление за границей и его председатель — митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий) со своей канцелярией. В Сремских Карловцах с 21 ноября по 3 декабря 1921 г. проходил Первый Русский Всеаграничный

---

⁸¹⁵ Николай (Трайковский), игум. Указ. соч. С. 52–53, 70.

⁸¹⁶ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 346; Арсеньев А. У излуцины Дуная. С. 33–34; *Его же*. Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. С. 77; Маевский В.А. Русские в Югославии. 1920–1945 годы. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 30–31; Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е годы XX века). С. 70–71.

Церковный Собор. Скончался владыка Антоний 10 августа 1936 г. в Сремских Карловцах и был похоронен в крипте русской Иверской часовни на Новом кладбище Белграда⁸¹⁷.

Вскоре после его смерти съехавшиеся по этому поводу на проходивший 22–24 сентября 1936 г. Собор архиереи единогласно избрали на пост председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей митрополита Анастасия (Грибановского), который с 1934 г. постоянно пребывал в Сремских Карловцах в качестве помощника находившегося в болезненном состоянии владыки Антония. С 14 по 24 августа 1938 г. в Сремских Карловцах прошел Второй Русский Всезарубежный Церковный Собор с участием представителей всех 24 епархий Православной Церкви Заграницей от Америки до Дальнего Востока⁸¹⁸.

10 ноября 1938 г. Архиерейский Синод принял постановление о переводе своей канцелярии и редакции журнала «Церковная жизнь» из Сремских Карловцев в Белград. Сначала они находились по адресу: ул. Добриньска, 7, затем — ул. Молерова, 57 и, наконец, ул. Крунская, 20⁸¹⁹. С перемещением Архиерейского Синода в Белград переехал и его председатель митрополит Анастасий, управлявший одновременно на правах епархиального архиерея русскими приходскими общинами в Югославии. На Крунской улице, неподалеку от русской Свято-Троицкой церкви, являвшейся фактически его кафедральным собором, митрополит провел и первые годы войны.

* * *

В межвоенный период русские эмигранты создали в стране более десяти своих приходов и несколько монастырей, существовали и другие многочисленные формы их церковной жизни. Важнейшим храмом русской эмиграции в Югославии была церковь Пресвятой Троицы в Белграде (где проживало около 10 тысяч выходцев из России). Основателем русской церковной общины в столице страны был приехавший из Новороссийска протоиерей Петр Беловидов, еще в марте 1920 г. получивший благословение на проведение

---

⁸¹⁷ Там же. С. 117, 129–131.

⁸¹⁸ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 20, л. 8 об.

⁸¹⁹ Арсеньев А. Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци, 2013. С. 108.

богослужений от Белградского митрополита Димитрия. Первую литургию для российских беженцев в столице Королевства сербов, хорватов и словенцев протоиерей отслужил 20 сентября 1920 г. в помещении столовой Русского общества взаимопомощи на улице Короля Петра. 16 октября начались регулярные богослужения, но, после уничтожившего столовую 4 ноября пожара, службы на короткое время перенесли в здание школы на Богоявленской улице.

Между тем весной 1920 г., находясь в беженском поезде на юге Сербии (вблизи г. Парачина), о. Петр познакомился с выдающимся педагогом, будущим основателем и директором русской гимназии в Белграде Владимиром Плетневым, и пообещал ему принять участие в составлении программы для русских школ и преподавании Закона Божия. Благодаря покровительству Королевского Дома и усилиям многих сербских друзей России (прежде всего, академика Александра Белича), удалось сравнительно быстро преодолеть многочисленные препятствия и осенью того же года основать 1-ю русско-сербскую гимназию в Белграде, занявшую часть помещений 3-й сербской мужской гимназии на Негушевой улице. Торжественное открытие началось с молебна, который был отслужен протоиереем Петром Беловидовым в актовом зале гимназии на Покров Пресвятой Богородицы 14 октября 1920 г. А через месяц, 13 ноября, с разрешения директора 3-й сербской мужской гимназии, была отслужена первая всенощная, а на следующий день и первая Божественная литургия в том же зале. Этот день некоторые исследователи считают датой основания русского прихода в Белграде и началом регулярных богослужений⁸²⁰.

Основателем церковного хора и первым регентом был сам протоиерей Петр Беловидов. Ноты он писал по памяти, лично их переписывал в нескольких экземплярах. Отец Петр не только отличался благолепным совершением служб, без какой-либо излишней вычурности, но и был ревнителем церковной старины. С первых же лет существования русского прихода в Белграде он ввел строгую уставность богослужений, настаивал на обиходных знаменных распевах, запретив употребление упрощенных напевов.

С 1921 г. под храм использовалось помещение русской столовой на улице Короля Милана. С мая 1922 г. богослужения продолжались в полковой поход-

---

⁸²⁰ Андрей Тарасьев, иподиак. Русские церковные хоры и регенты в Белграде. 1920–1970 // Новый журнал. 2010. № 259. С. 470.

ной церкви, устроенной в деревянном покойничком бараке, а также в кладбищенской часовне на холме Ташмайдан, вблизи сербской церкви св. ап. Марка. Именно здесь, на месте барака в 1924–1925 гг. и была построена русская каменная церковь Пресвятой Троицы, по проекту и под наблюдением военного инженера Валерия Владимировича Шашевского⁸²¹.

Закладку храма 21 сентября 1924 г. произвели митрополит Антоний (Храповицкий) и Сербский Патриарх Димитрий (хотя он и не одобрял строительство особых русских церквей, считая, что эмигранты могут молиться в сербских). Председатель Совета министров Королевства сербов, хорватов и словенцев русофил Никола Пашич отпустил из казны 40 тысяч динар (его жена Джурджина Пашич подарила Свято-Троицкой церкви колокол), два кирпичных завода пожертвовали кирпичи, часть денег на строительство храма была собрана среди русских эмигрантов. Скромная однопрестольная церковь (на 300–400 человек) в псковском стиле XV в. была построена всего за три месяца и освящена малым освящением 4 января 1925 г.⁸²², а 5 июля 1930 г. ее освятил новый Сербский Патриарх Варнава (Росич).

Двухъярусный дубовый иконостас был сделан трудами полковника А.П. Редькина и других художников по дереву. 48 икон в иконостасе в стиле новгородского письма XV в. были написаны по предварительно разработанным эскизам. Над их созданием трудились князь М.С. Путятин, М.Д. Пыжов, В.В. Сергеев, В.Э. Крашенинников, П.А. Федоров, В.Л. Морозов, Е.И. Конопатский, В.Я. Предаевич и князь Дорджадзе. Некоторые образа для храма написали будущий архиепископ Женевский и Западно-Европейский Антоний (Бартошевич), а также известный иконописец Пимен Максимович Софронов: св. Георгия Победоносца, Покрова Пресвятой Богородицы и Аксайскую икону Божией Матери — к 50-летию священства архиепископа Екатеринославского Гермогена (Максимова)⁸²³.

---

⁸²¹ ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 127, л. 1–2, 4–8; *Протоиерей Владислав Неклюдов*. Церковная жизнь русских в Югославии // Часовой. 5 июня 1939. № 236–237. С. 10–12; *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е годы XX века). С. 69; *Маевский В.* Русские в Югославии. 1920–1945 годы. Взаимоотношения России и Сербии. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 23–29.

⁸²² Свято-Троицкий храм подворья Русской Православной Церкви в Белграде. Белград, 2007. С. 3–6.

⁸²³ Русские храмы и обители в Европе. С. 199–200.

В 1933 г. Свято-Троицкой церкви русскими монахами с Афона был подарен серебряный мощевик с частицами мощей свт. Иоанна Крестителя, св. апостола Андрея Первозванного и св. апостола Луки, св. великомученика Пантелеимона, св. мученика Маманта, свт. Григория Богослова и святых мучеников бессребреников Космы и Дамиана. Позднее в этот мощевик были помещены частицы мощей св. апостола Иакова, брата Господня, св. епископа Амвросия Медиоланского, св. Патриарха Константинопольского Тарасия, священномученика Ермолая Никомидийского и свт. Тихона Воронежского.

Из русских обитателей Афона в знак благословения в храм также были присланы икона Божией Матери «Знамение» и образ св. великомученика Пантелеимона, помещенные в резные деревянные киоты. В память адмирала Александра Колчака был устроен киот с иконой св. кн. Александра Невского, еще один киот — в память генерала А.Г. Корнилова, а в память генерала М.К. Дитерихса установлена привезенная с Дальнего Востока мраморная доска. В 1941–1942 гг. барон Н.Б. Мейендорф написал большую фреску Христа Пантократора в купольной части (утраченную при восстановлении и реконструкции храма в начале 2000-х гг.), а также некоторые настенные росписи⁸²⁴.

25 апреля 1928 г. в Брюсселе скончался вождь Белого движения генерал-лейтенант Петр Николаевич Врангель, завещавший похоронить себя в Белграде, в русской церкви, под сенью русских штандартов. Его воля была выполнена не сразу из-за сложностей с сербскими властями. 8 мая 1928 г. митрополит Антоний (Храповицкий) так писал об этой ситуации личному секретарю генерала Н.М. Котляревскому: «...я постараюсь повидать больного Патриарха Димитрия и попытаться просить его о погребении незабвенного Петра Николаевича в Белграде, хотя жители Карловцев очень пристают, чтобы погребение состоялось здесь в фамильном склепе. Вам, конечно, известно, что Патриарх Димитрий очень недоволен построением церкви русской в Белграде и так и не позволяет устроить полное освящение ее, а только разрешил нам служить на походном антиминсе. Надеюсь, что разрешение будет дано Королем, и тогда Патриарх не будет противоречить. Конечно, со своей стороны я употребляю всяческие старания, чтобы осуществить желание покойника.

---

⁸²⁴ Русские храмы и обители в Европе. С. 200; Арсеньев А.Б. Русские храмы и монастыри в Югославии. С. 162.

Опасения свои сообщают только на всякий случай. Патриарх желает, чтобы русская церковь была передана в Марковский сербский приход после отбытия беженцев в Россию, чего, по-видимому, нам не дождаться, т.е. нашему поколению. По существу дела, это и могло бы помешать погребению здесь Петра Николаевича, а мы будем стараться, чтобы оно исполнилось»⁸²⁵.

Эти старания увенчались успехом, П.Н. Врангель был погребен 6 октября 1929 г. в правом притворе Свято-Троицкого храма. В грандиозной церемонии похорон участвовали Святейший Патриарх Димитрий, митрополит Антоний, сонм сербского и русского духовенства, 129 представителей гражданских эмигрантских организаций, 125 представителей военных и казачьих объединений и частей и 72 представителя русских колоний королевства⁸²⁶.

До сентября 1944 г. в церкви пребывали Одигитрия русского рассеяния — чудотворная Курско-Коренная икона «Знамение» Божией Матери, вывезенная из России архиепископом Курским и Оболяньским Феофаном (Гавриловым), а также около 240 штандартов и знамен императорской и Белой армии, среди которых были знамена времени царя Алексея Михайловича, 19 штандартов кавалерийских полков (по некоторым сведениям, знамена вывезли в русский храм в Дрездене, где они погибли при англо-американской бомбардировке города).

В межвоенные годы при Свято-Троицкой церкви действовало благотворительное общество о. Иоанна Кронштадтского, в работе которого принимал участие игумен Иоанн (Максимович) — будущий святитель, архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский. Общество содержало приют для безработных и общежитие для студенток; приход издавал брошюры и периодический журнал «Странник». Окормление многотысячного прихода шло довольно успешно, так, в 1930 г. было совершено свыше 200 литургий, общее же количество богослужений приближалось к 500. В храме совершались многочисленные епископские хиротонии, в богослужениях часто участвовало до 12 архиереев — русских и сербских⁸²⁷.

---

⁸²⁵ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 210.

⁸²⁶ Перенесение праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г. Белград, 1929. С. 5–82.

⁸²⁷ Царский вестник. 1930. № 82. С. 4.

Архиепископ Харбинский и Маньчжурский Нестор (Анисимов) в своих впечатлениях от путешествия по Югославии в 1934 г. записал: «Прекрасно богослужение в русском храме Белграда. Когда накануне праздничного дня, во время всенощной в храме, переполненном молящимися, отверзаются царские врата и духовенство выходит на середину храма, когда на два хора стройно и строго звучат церковные песнопения с канонархом в старинных церковных знаменных распевах, тогда ясно сознает и сердце и ум, что это великая любовь к церкви, к церковному уставу и глубокое понимание его создали эту поразительную духовную стройность при таких скромных условиях. В Белграде в русском храме знают богослужение, понимают и любят его не только священнослужители, но и сами богомольцы, глубоко понимающие каждый момент, каждое значение священнодействия»⁸²⁸.

В Свято-Троицкой церкви неоднократно служили и произносили проповеди Сербские Патриархи Димитрий, Варнава и Гавриил. Так, например, Святитель Варнава 22 июля 1930 г. в своем слове сказал: «Люблю вас не только как русских людей, живущих в моей Патриархии, но еще сильнее люблю вас, как представителей великого русского народа, опоры Вселенской Церкви, народа, который принимал всех в свое сердце, особенно же южных славян, среди которых были и мы, сербы... Мы плачем о том, что в вашем Отечестве вселилась вражья сила, отрицающая Бога, убивающая верных Его слуг: иерархов, пастырей и верных сынов Церкви... Только русский народ, великий по своей душе, народ, из которого вышли великие святые, мученики исповедники, украшающие Церковь, может перенести такое испытание, и вот мы радуемся, когда слышим, как стоят за Церковь русские мученики. Такое испытание было только в первые века христианства, но и тогда не было такого большого количества мучеников, которых дала теперь Русская Церковь... Я, как Сербский Патриарх, как ваш родной брат, горячо молюсь Богу, чтобы он соединил русских людей, находящихся за границей, в единое целое, чтобы восстала Россия такую, какою она была: во главе с православным самодержавным царем, и от имени Господа Иисуса Христа и всех Его святых благословляю всех вас благословением Патриаршим»⁸²⁹.

---

⁸²⁸ Нестор (Анисимов), архиеп. Очерки Югославии: Впечатления путешествия. Харбин, 1935. С. 5.

⁸²⁹ Православная Русь. 1977. № 14. С. 7.

После смерти в 1937 г. Святейшего Патриарха Варнавы по инициативе его секретаря и биографа В.А. Маевского в благодарную память о святителе прихожане Свято-Троицкой церкви установили у левого клироса икону св. апостола Варнавы (работы художника В.Я. Предаевича). Помимо Сербских Патриархов, храм также часто посещали югославский король Александр I Карагеоргиевич, королева Мария, члены королевской семьи, министры и иностранные дипломаты.

Так, например, король Александр I 12 января 1929 г. присутствовал в церкви на панихиде по скончавшемуся великому князю Николаю Николаевичу, которую совершил о. Петр Беловидов. Через три недели, 3 февраля, король вновь присутствовал в храме на литургии митрополита Антония (Храповицкого), который после окончания богослужения обратился к Александру I словами благодарности за помощь, оказанную русским беженцам⁸³⁰.

При этом причт Свято-Троицкой церкви (три-четыре священника) находился в определенной оппозиции Архиерейскому Синоду, считал себя «хозяйном храма», а русских епископов «беженцами, живущими из милости в Сербской Патриархии, и поэтому лишь терпел, что они служили в Белградской церкви». Причт платил взносы в Сербскую Патриархию, а в Синод лишь делал нерегулярные отчисления. Дело дошло до того, что белградский приход отказался вносить деньги на содержание Архиерейского Синода в тот момент, когда в югославской правительственной прессе началась инспирированная русскими общественными кругами во Франции и США кампания против Синода⁸³¹.

Первым настоятелем Свято-Троицкого храма около 15 лет служил протоиерей (в дальнейшем протопресвитер) Петр Беловидов (16.12.1869–27.04.1940). Он происходил из духовной казачьей семьи, окончил Ставропольскую духовную семинарию, священнический сан принял в 1893 г., состоял настоятелем кафедрального собора в Карее, законоучителем в Майкопе, Карее и Новороссийске. Отец Петр был одинок, так как его жена осталась в советской России, а два сына погибли в рядах Белой армии, и жил в семье своего секретаря Александра Рудько.

---

⁸³⁰ Церковные ведомости. 1929. № 13–24 (176–187). С. 25.

⁸³¹ Никон (Рклицкий), архиеп. Указ. соч. Т. 5. С. 99–100.

В воспоминаниях о пастыре говорилось: «Главная забота о. Петра была обращена к созданию церковного хора. Обладая прекрасными музыкальными знаниями и регентскими способностями, он целые ночи просиживал за столом, по памяти восстанавливая и записывая церковные песнопения, чтобы днем, после уроков в школе и треб в приходе, разучивать их с певчими. Хор русского храма в Белграде скоро стал известным настолько, что в 1924 г. был приглашен для постоянного пения в Королевском придворном храме... Богослужение в белградском русском храме отличалось особым характером, пожалуй, единственным за рубежом. Оно было строго уставно. Благодаря о. Петру, при сочувственной поддержке со стороны митрополита Антония, был подобран кадровый состав сотрудников, и о. Петр вдохнул в них любовь к истовой уставности. Был создан богослужebный дух и уклад, который дышал седой стариной — и в то же время живым молитвенным горением»⁸³².

После постройки Свято-Троицкого храма о. Петр передал управление хором профессиональным регентам. Одно время им являлся Борис Михайлович Добровольский, преподававший пение в русской гимназии и руководивший там школьным и гимназическим хорами. Он был вынужден уйти с должности регента, так как руководил и работой хора сербско-еврейского общества и, таким образом, по мнению церковных властей, нарушил каноны. В результате в начале 1930-х гг. в Свято-Троицком храме появился хор Павла Григорьевича Проскурникова, состоявший из певчих профессионалов. После окончания в 1934 г. строительства в Дединье королевского дворца с церковью св. ап. Андрея Первозванного, П.Г. Проскурников со своим хором перешел туда, где и оставался до начала немецкой оккупации Сербии в апреле 1941 г. В дальнейшем он с семьей переехал в Швейцарию, где был рукоположен во иерея митрополитом Анастасием (Грибановским) в Женеве в 1946 г. После смерти жены о. Павел, приняв монашество с именем Петр, был возведен в сан архимандрита. В связи с уходом П.Г. Проскурникова в Свято-Троицкую церковь был приглашен известный регент Евгений Прохорович Маслов со своим хором, певшим до того времени в сербском Успенском храме в г. Земуне.

---

⁸³² Неклюдов В. Церковная жизнь русских в Югославии // Часовой. 1939. № 236–237. С. 11–12; Кончина протопресвитера о. Петра Беловидова // Православная Русь. 1940. № 9 (287).

В составе хора Маслова было много замечательных певчих: Вера Банина, Павел Шевелев, Мирославский и др.⁸³³

Помимо профессиональных хоров, в Свято-Троицкой церкви был и любительский — так называемый левый клирос, который на протяжении многих лет славился своим составом — будущими архиереями, священниками, преподавателями богословия. Профессиональные хоры церкви исполняли далеко не все песнопения разных богослужений, особенно во время всенощной. Тогда «левый» клирос пел и литургии и полностью всенощные. Особо торжественно отмечался день памяти св. ап. Иоанна Богослова 9 октября, так как большинство членов хора были студентами-богословами или уже законоучителями и преподавателями в семинариях. Руководил этим хором о. Петр Беловидов или псаломщик Леонид Иванович Маслич, выдающийся знаток знаменного пения, типикона и других богословских наук (одно время бывший преподавателем Битольской семинарии). Здесь «обучались» уставу и напевам Александр Синкевич (будущий архиепископ Лос-Анджелесский Антоний), Лев Бартошевич (будущий епископ Женевский Леонтий), иподиакон Никодим Ефимов (будущий архимандрит Спиридон), Душан Веселинович (будущий иеромонах Амвросий), иеромонах Макарий (будущий епископ Сремский), иеромонах Андрей (Фрушич, будущий епископ Баня-Лукский), профессор Степан Гушин, псаломщик Виталий Тарасьев, священники Борис Волобуев и Алексий Моргуль, протоиерей Алексей Крыжко и многие другие⁸³⁴.

Отец Петр Беловидов скончался 27 апреля 1940 г., в Великую субботу, до последней минуты жизни, в постели совершая службы: в Великий четверг — «Двенадцать евангелий», а в Великую пятницу — выноса плащаницы и последования Плача Богородицы (о чем свидетельствовала инспектриса русско-сербской женской гимназии и псаломщица Варвара Николаевна Лучинская, певшая и читавшая ему на этих последних службах)⁸³⁵.

В память протопресвитера благодарные прихожане установили в церкви киот с иконой свт. Петра, митрополита Киевского. В апреле 1940 г. почившего

---

⁸³³ Андрей Тарасьев, иподиак. Указ. соч. С. 470–471.

⁸³⁴ Там же. С. 476–477.

⁸³⁵ Там же. С. 471.

о. Петра сменил протоиерей Иоанн Сокаль (будущий епископ), оставшийся настоятелем церкви до отъезда в СССР в январе 1950 г. Построенная как временная, Свято-Троицкая церковь так и осталась постоянной. Планы создания в Белграде большого русского храма оказались нереализованными⁸³⁶.

В 1930–1931 гг. на русском участке Нового кладбища в Белграде была построена Иверская часовня, воздвигнутая после того, как советские власти в 1929 г. уничтожили одноименную часовню XVII в. у Воскресенских ворот перед Красной площадью в Москве. К этому времени на Новом кладбище уже были погребены некоторые известные российские деятели. Так, например, в апреле 1920 г. здесь оказался похоронен Верховный главнокомандующий российской армии в годы Первой мировой войны, инициатор создания Добровольческой армии, генерал от инфантерии М.В. Алексеев. Он скончался еще 8 октября 1918 г., но гроб с телом генерала был увезен в эмиграцию. В похоронах Алексеева участвовали члены правительства королевства и Белградский митрополит Димитрий⁸³⁷.

Большую часть хлопот по организации сбора средств для постройки часовни взяла на себя председатель Мариинского сестричества княгиня Мария Александровна Святополк-Мирская. Деньги пожертвовали югославский король Александр I, принц Павел, принцесса Ольга, русские и сербские церковные общины, а также большое количество зачастую очень бедных русских эмигрантов из многих стран мира. 22 апреля 1930 г. митрополит Антоний (Храповицкий) заложил здание Иверской часовни, в фундамент которой была положена горсть русской земли. 5 июля 1931 г. построенную военным инженером Валерием Владимировичем Шашевским часовню освятили Сербский Патриарх Варнава и митрополит Антоний. На ее стенах с внешней стороны в особых нишах были помещены два больших образа: свт. Николая Чудотворца — в память императора Николая II и свт. Алексия — в память цесаревича Алексея. В часовне были собраны святыни главных городов России: в память Москвы — Иверская икона Божией Матери (привезенный с Афона иноками русского Свято-Пантелеимоновского монастыря список),

---

⁸³⁶ Никон (Рклицкий), архиеп. Указ. соч. Т. 5. С. 98.

⁸³⁷ Иванович М. Указ. соч. С. 446.

в память Киева — икона Успения Божией Матери (из Иерусалима) и в память Петрограда — список образа Нерукотворного Спаса, бывшего в домике Петра Великого⁸³⁸.

Часовня не являлась точной копией московской, так как было решено строить ее с алтарем и освящать по полному чину, давая, таким образом, возможность русским эмигрантам посещать богослужения в еще одном «своем» храме. Поэтому Иверская часовня периодически служила вторым приходским храмом Белграда. В крипте были помещены саркофаги с костями русских воинов, павших на Салоникском фронте, а также в составе двух русских батарей, защищавших Белград в 1915 г., на полу разложены артиллерийские снаряды, винтовки, медали и ордена погибших солдат. Две иконы для крипты позднее написал будущий архиепископ Антоний (Бартошевич): «Сошествие в ад» и св. ап. Иоанна Богослова. В этой усыпальнице были погребены скончавшийся 10 августа в 1936 г. Первоиерарх Зарубежной Русской Церкви митрополит Антоний (Храповицкий) и его келейник архимандрит Феодосий (Мельник). Слева от входа в часовню похоронили умершего 28 сентября 1932 г. епископа Лондонского Николая (Карпова) и скончавшегося в 1940 г. протопресвитера Петра Беловидова. В 1944 г. у ее стен был погребен архиепископ Курский и Обоянский Феофан (Гаврилов).

В Иверской часовне попеременно служили, неся однедельную «череду», приходские священники белградской Свято-Троицкой церкви (кроме настоятеля). В храме-часовне был сооружен деревянный иконостас работы выдающегося русского художника-иконописца Гринкевича-Судника, плащаницу прислал со Святой Земли Елеонский монастырь. После злодейского убийства в 1934 г. югославского короля Александра I в часовне была помещена икона св. кн. Александра Невского в память великого друга и защитника русских беженцев в Сербии.

Сразу после создания часовни там был организован хор, который возглавил Григорий Иванович Кривоуццкий. Малые размеры часовни определили и небольшую численность хора. Это был квартет, который иногда пополнялся певчими, приходившими на могилы своих близких: Марина Круг (сопрано), Екатерина Алексеева (альт), Григорий Баранников (тенор), Феодор

---

⁸³⁸ Маевский В. Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и Белграде. Белград, 1932. С. 30–59.

Богдановский и сам Григорий Иванович — басы. После смерти мужа с ними пела генеральша Анна Никаноровна Полтавцева, а также по церковным праздникам — жена священника Людмила Борисовна Тарасьева, муж Екатерины Алексеевой — Виктор и псаломщик русских храмов в Белграде Филипп Дмитриевич Загребельный. Он удачно замещал всех регентов в Иверской часовне и Свято-Троицкой церкви, но в 1944 г. покинул Белград.

Вскоре после освящения Иверской часовни полковник Михаил Федорович Скородумов, георгиевский кавалер, раненый на войне 11 раз, выступил с идеей установки рядом с ней памятника русским воинам, павшим в годы Первой мировой войны. Он же организовал сбор необходимых средств, каждый камень, пошедший на строительство памятника, был оценен в 300 динаров, а на нем выбивалась фамилия дарителя. Сам Скородумов писал позже в своих воспоминаниях: «Дабы остановить развивавшиеся симпатии сербов к Совдепии и вернуть их к царской России, я затеял постройку памятника русским воинам и переноску останков русских офицеров и солдат с Салоникского фронта в Белград. Казалось бы, что это в интересах всех русских эмигрантов, предлог объединиться и устроить обще-Югославянско-Русскую манифестацию в честь национальной России»⁸³⁹.

Величественный памятник павшим русским воинам был спроектирован известным скульптором и архитектором Романом Николаевичем Верховским (создателем ряда зданий и скульптурных композиций в Белграде и в США, в частности русского Свято-Троицкого собора в Джорданвилле, штат Нью-Йорк). Непосредственные работы по возведению выполнял военный инженер В.В. Сташевский. Памятник был установлен напротив Иверской часовни и открыт в присутствии короля Александра I 9 апреля 1933 г. Высокий монумент был выполнен из серого камня в форме артиллерийского снаряда с пятиметровой фигурой Архангела Михаила, покровителя воинства, на вершине. На лицевой стороне памятника по-русски написано: «Вечная память Императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны», а на противоположной стороне, по-сербски: «Храбро павшим братьям русским на Солунском фронте. 1914–1918 гг.», тут же значатся имена вождей Белого движения, названия воинских союзов и объединений, имена жертвователей

---

⁸³⁹ Маевский В. Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и Белграде. Белград, 1932. С. 30–59.

на постройку памятника. У подножия полулежит на знамени фигура русского офицера с шашкой.

В небольшой часовне-склепе под монументом, сделанным на средства Патриарха Варнавы, были погребены перевезенные из разных мест останки 623 русских воинов, погибших в Первую мировую войны на территории Сербии: в составе двух русских батарей оборонявших Белград и экспедиционного корпуса на Салоникском фронте. Над входом в склеп, украшенным мраморным порталом, написано «Спите орлы боевые», а на сделанном из рельсов кресте в часовне — «Русские герои, жизнь свою положившие за свободу Сербии»⁸⁴⁰.

Всего на Салоникском фронте погибло более 6 тысяч русских воинов, но лишь десятую часть из них смогли перезахоронить в склеп памятника. Одна из таких церемоний — торжественное захоронение 8 офицеров и 379 солдат — состоялась в 1935 г. в день славянских просветителей свв. Кирилла и Мефодия в присутствии множества русских и сербов. В своем надгробном слове Патриарх Варнава сказал: «Мы давно ожидали дня, когда всенародно и торжественно сможем принести им нашу благодарность и засвидетельствовать перед всей нашей страной и перед всем человечеством, что ничто не может угасить наших чувств любви и благодарности к царской России и к великому русскому народу... В истории мира не было страны, подобной России: эта страна — бездонный океан святых чувств православной, христианской любви!.. И все мы хорошо знаем, как наши северные братья, русские, вместе с нами боролись и гибли в битвах на полях Сербии и своею кровью, своею смертью подтвердили свою любовь к нам, меньшим братьям своим»⁸⁴¹.

Еще одна — небольшая домовая церковь Покрова Пресвятой Богородицы была устроена в Русском доме памяти императора Николая II. Этот дом оказался возведен благодаря поддержке короля Александра I, его двоюродного брата принца Павла (чья мать была из рода Демидовых Сан-Донатто), Святейшего Патриарха Сербского Варнавы, академика Александра Белича и других покровителей русских беженцев в Югославии. В качестве места для

---

⁸⁴⁰ Маевский В. Русские в Югославии. 1920–1945 годы. Т. 2. С. 40–41; Русские храмы и обители в Европе. С. 201–202.

⁸⁴¹ Там же. С. 42–44.

строительства была выбрана нижняя часть сада при бывшем посольстве императорской России в Королевстве Сербия, на центральной улице Короля Милана. Большой сад спускался до улицы Королевы (Кралицы) Наталии, на которую и выходил главный фасад нового здания (д. 33). Несмотря на проведенные сборы средств среди беженцев, Русский дом был построен в основном на деньги, перечисленные многими сербскими благодетелями и жертвователями, в частности лично королем Александром I. Создание проекта поручили выдающемуся российскому архитектору Василию Баумгартену, подрядчиком был инженер Юрий Владимирович Бартошевич.

В 1931 г. состоялась закладка и освящение фундамента. 9 апреля 1933 г. Русский дом памяти императора Николая II был торжественно освящен протопресвитером Петром Беловидовым в присутствии членов королевской семьи: королевы Марии, принца Павла, его супруги Ольги и многих других известных государственных и общественных деятелей. В этом просторном здании размещались: Государственная комиссия по делам русских беженцев, Русский научный институт, насчитывавшая 100 тысяч книг Публичная библиотека, Музей русской кавалерии, Музей, посвященный императору Николаю II, военно-научные курсы, театр, мужская и женская русско-сербские гимназии, начальная русская школа, музыкальное общество, Союз художников и множество других русских общественных организаций⁸⁴².

В доме был прекрасный концертный зал на 1200 человек, почти весь нижний этаж занимал просторный гимнастический зал («соколана»), имелось много классов и разных служебных помещений. По воскресным и праздничным дням гимнастический зал использовался в качестве церкви, одно из его боковых помещений было преобразовано в алтарь, который в будние дни закрывался деревянными щитами. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы была освящена в том же 1933 г. архиепископом Анастасием (Грибановским), в ней совершались службы по воскресным дням, большим церковным праздникам, в Великий пост — ежедневно (великопостные часы), а литургии Преждеосвященных Даров (по средам и пятницам) — на той седмице, когда говели ученики начальной школы или гимназий.

---

⁸⁴² Ураков М.А. Шестьдесят лет Русскому дому в Белграде // Славяноведение. 1994. № 4. С. 59.

При церкви был создан смешанный гимназический хор, который пел литургии дважды в месяц по воскресеньям: один раз для женской гимназии, другой раз — для мужской. В третье воскресенье служба совершалась для учеников начальной школы, а в четвертое церковь была открыта для всех. Служили священники — законоучителя, а хором руководили преподаватели пения. В женской гимназии это был Борис Михайлович Добровольский, а в мужской — Андрей Николаевич Кузьменко и Илья Ильич Слатин. В воскресенье, когда ученики были свободны, пел мужской октет под управлением А.Н. Кузьменко. Посещение богослужений было обязательным, ученики стояли выстроеными по классам. Участие в хоре также было обязательным. Все три регента были высокообразованными музыкантами, и гимназический хор пел очень слаженно. Он часто выступал на различных юбилейных торжествах (например, посвященных А.С. Пушкину в 1937 г., ежегодно в «Дни русской славы», т.е. в день святого князя Владимира, и др.), устраивал концерты русских песен, участвовал в выпускных ежегодных школьных актах. В начальной школе пение преподавал один из наиболее известных регентов Югославии Алексей Васильевич Гриньков, бывший также регентом школьного хора⁸⁴³.

Позднее небольшая домовая церковь была создана и в русском доме престарелых на Вождовце (район Белграда Сеняк). В 1942–1944 гг. ее настоятелем служил священник Даниил Думский, а после его отъезда в сентябре 1944 г. из Югославии в Германию — протоиерей Сергей Ноаров. Активная церковная жизнь шла в существовавшей с октября 1920 г. 1-й русско-сербской гимназии Белграда, в которой преподавали многие известные пастыри: в 1920–1931 и 1936–1939 гг. — протоиерей (позднее протопресвитер) Петр Беловидов, в 1927–1944 гг. — священник Владислав Неклюдов (кадровый военный, участник Первой мировой и Гражданской войн, окончивший богословский факультет Белградского университета) и в 1940–1944 гг. — протоиерей Георгий Флоровский⁸⁴⁴.

Вторым по значению центром русской эмиграции в Югославии после Белграда был город Бела Церковь (Бела Црква), расположенный вблизи

⁸⁴³ Андрей Тарасьев, иподиак. Указ. соч. С. 477–478.

⁸⁴⁴ Зарубежная русская школа, 1920–1924. Париж, 1924. С. 36–37; Степанов Н.Ю. Указ. соч. С. 52–54; Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е годы XX века). С. 80–82.

дунайской границы с Румынией. В межвоенный период здесь размещались: Крымский кадетский корпус (в 1921–1929 гг.), 1-й Русский имени великого князя Константина Константиновича кадетский корпус (в 1929–1944 гг.), Донской Мариинский девичий институт (в 1921–1941 гг.), Николаевское кавалерийское училище (в 1921–1924 гг.), приют русских военных инвалидов и детский приют под покровительством княгини Елены Петровны, сестры короля Югославии и вдовы князя Иоанна Константиновича Романова. В Крымском, 1-м Русском корпусах, Донском Мариинском институте и Николаевском училище существовали свои домовые храмы, настоятели и церковные хоры.

Так, настоятелем институтской церкви служили о. Павел Образцов (до 1926 г.) и затем много лет — протоиерей Василий Боцановский (1872–1961), автор книги «Жизнь во Христе. Уроки по христианскому православному нравовучению для старших классов» (Белград, 1932), наделенный замечательным даром проповедования. Бессменным регентом церковного хора воспитанниц была Е.В. Говорова. В 1938 г. в Белой Церкви с большим размахом прошло совместное выступление хора кадетов и воспитанниц Донского института на праздновании 750-летия Крещения Руси⁸⁴⁵.

В актовом зале Крымского кадетского корпуса (занимавшего здание бывших австро-венгерских казарм) был устроен храм св. кн. Александра Невского. Его настоятелями служили работавшие в корпусе законоучителями протоиерей Василий Боцановский, о. Александр Ефимов (в дальнейшем архимандрит Феодосий), епископ Вениамин (Федченков), иеромонах Иоанн (Шаховской) и иеромонах Тимолай (Пастухов). В сентябре 1929 г. в том же здании был размещен прибывший из Сараево 1-й Русский имени великого князя Константина Константиновича кадетский корпус, к которому присоединили воспитанников Крымского. В прежнем зале устроили церковь свв. равноапостольных Константина и Елены. Из Сараево прибыл законоучитель и настоятель корпусного храма протоиерей Сергей Троицкий, которого в 1931 г. сменил протоиерей Нил Софинский, а затем — протоиерей Флор Жолткевич, Иоанн Федоров, Георгий Флоровский, Иоанн Гондурин и иеромонах Антоний (Бартошевич; 1910–1993), будущий архиепископ Женевский и Западно-Европей-

---

⁸⁴⁵ *Бегидов А.М.* Военное образование в зарубежной России, 1920–1945. М., 2001. С. 81.

ский. Регентом кадетского церковного хора в 1930-е гг. состоял полковник А.Н. Пограничный⁸⁴⁶.

Кроме того, в начале 1920-х гг. в зале старого одноэтажного дома на улице Гете, д. 80, была устроена русская приходская церковь св. Георгия Победоносца для жителей города, в дальнейшем переведенная в д. 49 на Главной улице. Первоначально в этой церкви служили священники Михаил Корица и Николай Базбай, в 1923–1925 гг. ее настоятелем являлся протоиерей Петр Голубятников, бывший также законоучителем Крымского кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища (до его закрытия). В 1926–1929 гг. в Георгиевской церкви часто служил работавший в это время законоучителем Крымского кадетского корпуса и возглавлявший небольшие пастырско-богословские курсы епископ Севастопольский Вениамин (Федченков)⁸⁴⁷.

В начале 1927 г. этот владыка пригласил в Белую Церковь молодого монаха Иоанна (в миру князя Дмитрия Алексеевича Шаховского, будущего архиепископа Сан-Францисского; 1902–1989), 21 февраля / 6 марта 1927 г. рукоположил его во иеромонаха и назначил настоятелем Георгиевского храма и наставником пастырских курсов. Позднее архиепископ Иоанн так вспоминал об этих курсах: «Вакансии пастырские в сербских приходах тогда были открыты в значительном числе. Сербская Церковь охотно предоставляла пастырский труд русским священникам... Чтобы не заставлять пожилых людей проходить полного семинарского курса... и был устроен ускоренный выпуск кандидатов в пастыри»⁸⁴⁸. Сохранились и воспоминания владыки о Георгиевском храме и жизни в Белой Церкви: «В алтаре прислуживала престарелая, преданная Церкви раба Божия Евдокия... По праздникам прислуживали в алтаре кадеты, сыновья старосты, полковника и преподавателя русской литературы П.С. Савченко... Русские ходили по городу в своих военных одеждах; институтки гуляли парами, в белых пелеринках, и кадеты проходили

---

⁸⁴⁶ Арсеньев А.Б. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1950-е годы) // Антоний (Храповицкий), митр. Архипастырь русского рассеяния. Материалы конференции. М., 2014. С. 390–391.

⁸⁴⁷ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 340.

⁸⁴⁸ Иоанн (Шаховской), архиеп. Вера и достоверность: Первое служение. Париж, 1982. С. 30.

по городу строем с оркестром, игравшим марш... Белая Церковь была чертой под Белой Россией»⁸⁴⁹.

Вскоре после приезда в Белую Церковь иеромонах Иоанн открыл в приходе издательство «Борьба за Церковь» (Православное русское зарубежное миссионерское подворье), которое выпускало газету «Борьба за Церковь», миссионерские «Белоцерковские листки», духовные книги и брошюры: сборник статей о. Иоанна «Церковь и мир», «200 глав прп. Иоанна Лествичника», «Пламень вещей» прп. Исаака Сирина, «Сборник для сознательно-го участия мирянина в богослужении», «Моя первая Священная история», «Из дневника о. Иоанна Кронштадтского» и др. Он же стал инициатором постройки на собранные по всей Сербии пожертвования отдельного каменного храма св. ап. Иоанна Богослова. «Жена одного из... русских офицеров, Г.И. Балицкая, с подписным от Церкви листом, пошла пешком по стране, по сербским деревням, со сбором на этот храм. Таков был ее подвиг»⁸⁵⁰.

Церковь была построена в псковском стиле по проекту архитектора Андрея Павловича Шевцова (1890–1944) в 1930–1932 гг. и освящена 9 октября 1932 г. епископом Курским и Обоянским Феофаном (Гавриловым). Над входом возвышалась псковская двухарочная звонница с одним колоколом, украшенная главкой, черепичную крышу венчал высокий барабан с куполом; с южной стороны, в шпиге, под главкой, была помещена икона благословляющего Спаса. В одноярусном белом деревянном иконостасе (его вырезал церковный староста Петр Севастьянович Савченко), украшенном балясинами, находилось восемь образов с полуциркульными завершениями. Их написали в академической манере художники Иван Павлович Трофимов и Евгения Лукинская. На стенах были развешены подносные иконы, вывезенные из России эмигрантами или переданные из существовавших в городе русских учебных заведений⁸⁵¹.

Вспоминая свое пастырское служение в конце 1920 — начале 1930-х гг. в Белой Церкви, архиепископ Иоанн (Шаховской) отмечал: «Оставаясь единой в своих корнях и в своем цветении, церковная жизнь русских за рубежом

---

⁸⁴⁹ Иоанн (Шаховской), архиеп. Избранное. Петрозаводск, 1992. С. 63–89.

⁸⁵⁰ Там же.

⁸⁵¹ Русские храмы и обители в Европе. С. 206–207.

расслаивалась... Для одних она стала новой радостью свободы и очищением от всех, не только прошлых неправд, но и от второстепенных ценностей сего мира. Для других церковная жизнь еще детски определилась памятью о родине, ее обычаях, воспоминаниями детства»⁸⁵².

Отец Иоанн служил настоятелем прихода в Белой Церкви до 9 апреля 1931 г., а затем перешел из Русской Православной Церкви Заграницей в Западно-Европейский экзархат митрополита Евлогия и уехал во Францию (в 1932 г. в Германию), опубликовав острую брошюру «Почему я ушел из юрисдикции митрополита Антония?». После этого издательство «Борьба за Церковь» прекратило существование⁸⁵³.

В письме графу Г.П. Граббе от 14 апреля 1931 г. митрополит Антоний (Храповицкий) так описал свое потрясение от ухода о. Иоанна: «А теперь у нас горе по Белой Церкви. Печатные предсказания об Иоанне Шаховском оправдались в полной мере. Ни с того ни с сего, без всякого выступления с моей стороны, он мне под самую ночь Воскресения Христова прислал дерзкое вызывающее письмо, укоряя меня за окружное послание против М. (итр.) Евлогия, и заявил, что он выходит из моей юрисдикции и переходит в Сербскую. Точно бомба взорвалась подо мною... Теперь он уже хлопочет о визе для переезда в Париж. Конечно, скатертью дорога, но он должен прежде сдать церковь прот. Бошановскому, и тут опять пойдет затяжка и мученичество...»⁸⁵⁴.

В дальнейшем настоятелем Ионно-Богословского храма служили архимандрит Мелитон, протоиерей Василий Бошановский, с 1939 г. — протоиерей Борис Молчанов, награжденный решением Архиерейского Синода от 21 июня 1941 г. палицей, а с декабря 1942 по май 1949 гг. — пожилой священник Никон Веселовский⁸⁵⁵. В разное время в храме служили также протоиереи Иоанн Федоров, Владимир Корецкий, Виталий Тарасьев и Лев Шепель. Долгое время законоучителем в реальной гимназии Белой Церкви работал протоиерей Владимир Голунский, к маю 1942 г. уже имевший звание профессора⁸⁵⁶. В 1921 г. в городе проживало 394 русских эмигранта, а в 1939 г. — около 600.

---

⁸⁵² Иоанн (Шаховской), архиеп. Вера и достоверность: Первое служение. С. 32.

⁸⁵³ Русские храмы и обители в Европе. С. 206–207.

⁸⁵⁴ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 241.

⁸⁵⁵ СА, д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 — 28.10/10.11.1950 гг.

⁸⁵⁶ АС, Г/3, 1–806/1942.

Чтецами в период немецкой оккупации Белой Церкви были Петр Алексеевич Шевцов и военный инвалид Павел Иванович Погодин (1882–1951, он же староста), псаломщиком — Ефрем Гордеев. С 1924 г. в храме пел смешанный хор под управлением регента Ивана Алексеевича Гусева, в 1938 г. его сменил Поликарп Емельянович Скриль, а в 1948 г. — Павел Михайлович Поршнев. Церковь св. ап. Иоанна Богослова оставалась русской до середины 1950-х гг.⁸⁵⁷

По личной инициативе Александры Павловны Гартвиг — вдовы бывшего российского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига (скоропостижно скончавшегося в июле 1914 г. в кабинете австро-венгерского посла в Белграде, в дни перед оглашением венского ультиматума Сербии) в г. Цриквеница, на побережье Адриатического моря (в Далмации, вблизи г. Риека), в 1926 г. была возведена небольшая русская церковь свт. Николая Чудотворца. Строилась эта одноэтажная каменная церковь в русском стиле с главкой и отдельно стоящей колокольной по проекту архитектора Сергея Петровича Биркина. Осветили ее в 1926 г. Настоятелем общины в Цриквенице (ныне Хорватия) в 1920-е гг. служил священник Митрофан Виноградов⁸⁵⁸.

На городском кладбище Мирогой главного хорватского города Загреба был создан русский участок, где в 1928 г. построили православную каменную часовню Воскресения Христова — храм-памятник «Их императорским высочествам императору Николаю II Мученику, Его царской семье и с ними вместе убиенными». Часовня была возведена в стиле знаменитого владимирского храма Покрова-на-Нерли с одной главкой на высоком барабане по проекту архитектора Андрея Павловича Шевцова и на средства, собранные возглавившим инициативную группу вице-адмиралом Федором Алексеевичем Вяткиным. На мраморных плитах, установленных на ее стенах, выгравированы имена захороненных на кладбище русских эмигрантов (так как деревянные кресты через 30 лет сгнивали)⁸⁵⁹.

При часовне существовала довольно большая русская церковная община. В 1926 г. в Загребе проживали 2137 русских эмигрантов, а в 1941 г. — 1324.

---

⁸⁵⁷ Арсеньев А.Б. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1950-е годы). С. 389–390.

⁸⁵⁸ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 149, л. 12.

⁸⁵⁹ Арсеньев А.Б. Русские храмы и монастыри в Югославии. С. 169–170.

По мере адаптации к новой жизни они основывали столовые, больницы, дома престарелых, русские школы и детские сады. Так, в Загребе, кроме детского сада и начальной школы, в 1921 г. Комитетом русских беженцев была открыта первая русская гимназия с преподаванием Закона Божия, а в 1922 г. основан первый русский детский дом. В дальнейшем был открыт общий «очаг» для различных эмигрантских организаций — Русский дом с библиотекой и Русской драматической студией.

4 ноября 1928 г. храм-часовню Воскресения Христова освятил ее протоиерей Александр Константинович Волковский (22.04.1858 — не ранее 10.1944). Он родился в Самаре в семье священника, в 1883 г. был рукоположен в сан диакона и почти сразу же — в сан священника. Сначала о. Александр служил в церкви Самары, затем — помощником инспектора Духовной семинарии в Мариуполе, в 1909 г. был возведен в сан протоиерея. В Югославии он служил священником в с. Блия (Хорватия) и был частым гостем русской колонии в Загребе, где в Обществе попечения о духовных нуждах православных русских ежемесячно проводил беседы с желающими услышать слово Божие. После освящения храма-часовни Воскресения Христова он до 1941 г. был ее настоятелем, продолжая службу и в с. Блия. В своем священническом доме о. Александр принимал летом на отдых детей из бедных русских семей. В 1942 г. он перешел в Хорватскую Православную Церковь, окормлял паству в Хопово, Ириге, Ривице. Место и дата кончины о. Александра неизвестны.

В 1936 г. в Загребе митрополитом Досифеем (Васичем) был основан сербский православный монастырь св. Параскевы (Svete Petke), в котором, с момента его создания и до начала Второй мировой войны, пребывали русские монахини: игуменья Таисия (Прокопюк), бывшая ранее преподавателем философии, монахини Сава (Е.Н. Войнович), Леонида (Иванова), Евдокия, Саватия и Милева (Живкович). В другом сербском монастыре в Хорватии — Липавине на средства, пожертвованные в 1885 г. русским меценатом Тимофеем Степановым, в 1931 г. была возведена часовня свт. Тихона Задонского. Останки ктитора после его смерти захоронены на территории монастыря.

В Словении появилась русская часовня св. равноап. кн. Владимира на высокогорном перевале Вршич в Юлийских Альпах — на северо-западе края, вблизи г. Краньска Гора (Ruska kapela na Vršiču). Часовня была построена российскими военнопленными в последние годы Первой мировой войны. В июле

1915 г. у Краньской Горы (на стыке современных границ Словении, Австрии и Италии) был организован лагерь для нескольких тысяч военнопленных, которые строили стратегическую дорогу через перевал Вршич, соединившую центральные районы Словении с западными. Большинство из них были православными русскими солдатами, так как Австро-Венгерская империя, в состав которой тогда входила Словения, воевала в основном с Россией. 12 марта 1916 г. одну из групп военнопленных, расчищавших от снежных заносов дорогу на перевале Вршич, завалила лавина, которая унесла жизни более 300 человек. Местные жители-словенцы, с сочувствием относившиеся к братьям-славянам из России, захоронили погибших в братской могиле.

В 1916–1917 гг., в память о погибших, русские военнопленные вблизи своих барачных корпусов, расположенных в сосновом лесу на склонах Южных Альп, построили из бревен и толстых веток небольшую деревянную часовню. Она была выстроена в местном словенском стиле с двумя увенчанными куполами башнями. Всего с 1915 по 1917 гг., за время существования австро-венгерского лагеря для русских военнопленных, строивших дорогу на перевале Вршич, в условиях тяжелого климата на высоте более тысячи метров, от тяжелого труда, голода и холода погибли не менее пяти тысяч человек. После окончания Первой мировой войны за часовней ухаживали несколько словенских семей.

В конце 1918–1919 гг. почти все российские военнопленные вернулись на родину, но уже в августе — сентябре 1920 г. в Словению приехали первые 476 русских эмигрантов. В январе 1921 г. их число выросло до 1630, уменьшившись в 1931 г. до 1352, а в 1941 г. — до 588. Многие из русских эмигрантов каждый год в конце июля стали собираться у часовни св. кн. Владимира, чтобы почтить память своих погибших соотечественников. В 1920-е гг. останки русских военнопленных, погибших на перевале Вршич, были собраны и перезахоронены вблизи часовни в братской могиле, над которой был установлен небольшой пирамидальный обелиск с надписью «Сынам России». К тому времени дорога, которую строили русские пленные, потеряла былое значение. На картах ее обозначали как «дорогу через Вршич», а местные жители дали ей название «Русская цеста» (в переводе со словенского — «Русская дорога»)⁸⁶⁰.

---

⁸⁶⁰ См.: Зупанич-Славец З. Русская часовня под перевалом Вршич. Любляна, 2007.

Из созданных эмигрантами в Словении учреждений наибольшую известность приобрел санаторий Русского Красного Креста в замке Вурберг, действовавший с 31 мая 1921 г. до закрытия немецкими оккупантами 6 июня 1941 г., и имевший свой домовый храм-часовню⁸⁶¹.

В г. Сараево в 1920–1929 гг. находился Первый русский кадетский корпус имени великого князя Константина Константиновича. Сначала храмом для его преподавателей и учащихся стал сербский соборный храм, на строительство которого в 1863 г. значительные средства выделил российский император Александр II. В марте 1921 г. специально для корпуса в здании бывших австро-венгерских военных казарм была устроена домовая церковь св. кн. Александра Невского (ее настоятелем служил законоучитель корпуса), вскоре появился русский участок на военном кладбище. Многие преподаватели Русского корпуса проявили себя как неплохие иконописцы, написав для Александро-Невской церкви иконы, иконостас также был создан силами самих преподавателей и кадетов. Хор корпуса очень ценили в Сараево, кадеты пели на молебнах в дни славы Королевского Дома, в военном госпитале, некоторых общественных организациях и в местном православном соборе. Первым корпусным священником и преподавателем Закона Божия был священник Сергей Троицкий, потом его сменяли отцы Нил Софинский, Фрол Жолткевич, Василий Боцановский, Иоанн Федоров, Борис Молчанов, Георгий Фроловский и Антоний (Бартошевич). Духовником корпуса некоторое время был епископ Вениамин (Федченков)⁸⁶². В 1925 г. в Сараево из Шанхая прибыли 34 воспитанника Сибирского кадетского корпуса имени императора Александра I. Они привезли с собой весь инвентарь духового оркестра и церковное имущество Сибирского и Хабаровского корпусов, которое украсило храм.

В г. Сараево также находились русские детский сад и начальная школа. Окончивший их будущий известный деятель Национально-трудового союза и Псковской Православной Духовной Миссии Р.В. Полчанинов вспоминал: «Законом Божьим занимались с нами учительницы, так как корпусной батюшка у нас в школе не преподавал. В детском саду мы разучивали молитвы.

---

⁸⁶¹ Пулко Р. Санаторий в Вурберге // Новый журнал. 2010. № 259. С. 229–236.

⁸⁶² Бегидов А.М. Указ. соч. С. 81; Косик В.И. Русская Церковь в Югославии в XX веке // Троицкое наследие. 2010. № 4. С. 27; Степанов Н.Ю. Указ. соч. С. 51.

Одними из первых были молитвы до и после уроков, которые читались каждый день хором всей школой. В церковь нас всей школой не водили. В городе были две сербские церкви и одна русская — корпусная. Я ходил в корпусную церковь, но школьников там бывало очень мало. Только во время Великого поста нас водили всей школой в корпусную церковь исповедаться и причащаться. По достижении семи лет каждый из нас должен был выучить молитву перед причащением, хотя, конечно, читалась она не учениками, а батюшкой. Мы должны были не только ее выучить, но и уметь объяснить значение слов и смысла всей молитвы. Помню, что эта молитва произвела на меня тогда глубокое впечатление»⁸⁶³.

После того как 5 сентября 1929 г. Русский кадетский корпус из Сараево был переведен в другой город (Белую Церковь), закрылся и Александро-Невский храм, но уже 1 марта 1930 г. в городскую больницу был назначен священник Алексей Федотович Крыжко (30.03.1885–26.07.1974), служивший также законоучителем русского начального училища в Сараево до его закрытия в апреле 1941 г. Он возродил русский приход, который в августе 1932 г. снял в центре города пустовавшее помещение бывшей мастерской на ул. Деспича, д. 6 (после 1944 г. — ул. Одиена Прице), где и была устроена новая домовая церковь. В это время в Сараево проживало 616 русских, но в приходе состояло около 100 семей. В 1934 г. при храме открылась воскресная школа, в создании которой главную роль сыграло сестричество во главе с Е.Н. Пелипец, регентом прекрасного церковного хора была К.П. Камат, казначеем — А.Н. Богатырев, а церковным старостой — Б.П. Викентьев⁸⁶⁴.

В сентябре 1933 г. русский храм посетил Сербский Патриарх Варнава, а летом 1938 г. — Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Анастасий (Грибановский). В связи с убийством в 1934 г. югославского короля Александра I Карагеоргиевича в церкви были устроены киот, увенчанный гербами России, Югославии и вензелем короля (в период оккупации югославский герб и вензель укрыли за широкой траурной черной

---

⁸⁶³ Полчанинов Р.В. Мы, сараевцы // Новый журнал. 2010. № 259. С. 321.

⁸⁶⁴ Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 3 (2), д. 144 (личное дело прот. Алексия Крыжко), л. 3, 23; Полчанинов Р.В. Русский православный приход в Сараево // Православная Русь. 2002. № 20. С. 5–7.

тесью), и сень с иконами свт. Николая Чудотворца и св. кн. Александра Невского, сделанная в память убиенных государей: императора Николая II и короля Александра. 7 июля 1937 г. о. Алексей Крыжко был возведен в сан протоиерея, а 22 августа 1941 г. награжден золотым наперсным крестом с украшениями⁸⁶⁵.

В г. Великом Бечкереке (Петровграде, ныне Зреняине) богослужения с 1920 г. проводились в одном из помещений кофейни Кригер, где был устроен переносной алтарь, а с 1922 г. — перед походным алтарем в гимнастическом зале средней гражданской школы. По субботним, воскресным и праздничным дням в зале устанавливался складной иконостас, балкон использовался для хора. Первый русский церковный совет составляли: Иван Смирнский, Борис Дубяго, Мария Кларэ, Всеволод Лихачевский, Варвара Любимова, Семен Павлов, Валентина Ремер, Александра Степанова, Ольга Смирнская, Афанасий Шелоумов и серб Милан Голубичич. До 1926 г. настоятелем русской общины здесь служил священник Владимир Мельников, которого сменил известный церковный писатель и проповедник протоиерей Владимир Игнатьевич Востоков (1868–1957).

В 1929 г. местный муниципалитет по просьбе общины эмигрантов во главе с о. Владимиром Востоковым разрешил перестроить под храм подвал Русского дома, размещенного в бывшей турецкой тюрьме Мункач. Здесь, в переоборудованном (по проекту инженеров Альфреда Кларэ и Константина Кроля) подвальном тюремном каземате и была устроена русская церковь св. Архангела Михаила, первое богослужение в ней состоялось 7 декабря 1929 г.⁸⁶⁶ Посетивший ее в 1930-е гг. архиепископ Нестор (Анисимов) писал, что «низкие своды, узенькие решетчатые окна, каменный пол и толстые стены свидетельствуют о недавнем прошлом этого храма, и кажется, что тени замученных здесь исповедников имени Христова постоянно соприсутствуют в этом храме»⁸⁶⁷.

Алтарные иконы для церкви св. Архангела Михаила создал местный изограф Афанасий Иванович Шелоумов, икону Тайной Вечери написал генерал

---

⁸⁶⁵ Там же.

⁸⁶⁶ Владислав Неклюдов, *прот.* Указ. соч. С. 12; Йованович М. Указ. соч. С. 279.

⁸⁶⁷ Нестор (Анисимов), *архиеп.* Очерки Югославии (Впечатления путешественника). Харбин, 1935. С. 58.

Алексей Шестаков, немало потрудился для украшения храма и Сергей Иванович Шереметинский, соорудивший полиелей. Следует упомянуть, что о. Владимир Востоков, ранее бывший делегатом Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. и Учредительного собрания, духовником в армии генерала П.Н. Врангеля в Крыму и членом Высшего Русского Церковного Управления за границей, прибыл в Белград в январе 1921 г. и в 1925 г. был назначен митрополитом Антонием (Храповицким) разъездным священником-миссионером по Королевству сербов, хорватов и словенцев. В 1926–1940 гг. он служил настоятелем русского храма св. Архангела Михаила в Великом Бечкереке, где в начале 1941 г. его сменил протоиерей Владимир Ульянов (ставший вскоре священником в Русском охранном корпусе)⁸⁶⁸, а затем с 28 октября 1941 г. — священник Александр Терентьевич Мирошниченко, служивший в храме до своей высылки из Югославии в 1949 г.⁸⁶⁹

Русским церковным хором в Великом Бечкереке в межвоенные годы управлял известный регент Всеволод Николаевич Лихачевский, выступавший с широкой концертной программой на гастролях и по Белградскому радио. Церковный хор под его руководством также часто давал духовные концерты и ездил по окрестным деревням и городам Воеводины (Нови-Бечей, Конак, Элемир, Бегей, Свети-Джурадж, Меленци, Кумане и др.). По утрам он обычно пел на литургии в местном храме, а вечером давал концерт, состоявший из духовных песнопений и русских народных песен, участники хора выступали в русских национальных костюмах. Особенно выделялись солисты Ксения Ивановна Павлова и Иван Васильевич Ляшко. По поводу 10-летия этого хора рецензент газеты города Суботица отмечал: «Русский хор в Велика-Бечкереке качественно настолько вырос, что ему тесны стали стены храма. Люди требовали от них выступать в концертных залах. Хор поставил себе в обязанность знакомить местное население с русской музыкой, желая согреть их души»⁸⁷⁰.

В период Второй мировой войны в храме св. Архангела Михаила пели два хора: один под управлением В.Н. Лихачевского (после его смерти регентом

---

⁸⁶⁸ СА, д. 18/41.

⁸⁶⁹ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии в XX веке. С. 26.

⁸⁷⁰ Арсеньев А.Б. Вклад беженцев в хоровое искусство и церковное пение в Сербии // Новый журнал. 2010. № 259. С. 454.

этого хора была Лидия Николаевна Мирандова), а второй — под управлением Анатолия Козлова. Преподавателями Закона Божия в сербских средних учебных заведениях Великого Бечкерека работали священник Сергей Федоровский и Николай Соколов. В 1921 г. в городе проживало 302 русских эмигранта, а в 1939 г. — 349⁸⁷¹.

В г. Земуне (ныне часть Белграда) эмигранты из России в 1920 г. получили в свое пользование небольшой сербский храм свв. Архангелов Гавриила и Михаила в городском парке. В первые годы настоятелями служили протоиереи Иоанн Гончаревский и Феодор Синькевич. Псаломщиком и регентом этой церкви с октября 1921 по май 1926 гг. служил бывший офицер Белой армии Алексей Федотович Крыжко. 22 мая 1926 г. он был рукоположен митрополитом Антонием (Храповицким) во диакона, а на следующий день — во иерея. С этого времени и до 1 марта 1930 г. о. Алексей был настоятелем храма свв. Архангелов Гавриила и Михаила⁸⁷². Позднее в земунской церкви служили священник Фрол Жолткевич (в 1932–1937 гг.), протоиерей Петр Голубятников (в 1937–1938 гг.), протоиерей Константин Гладкий, протоиерей Виталий Лепоринский (в 1944–1945 гг.), иеромонах Иларион (Скляр) и протоиерей Михаил Котляревский (до 1972 г.)⁸⁷³.

В 1931 г. литургию в храме свв. Архангелов Гавриила и Михаила совершил Сербский Патриарх Варнава, произнесший после ее окончания надолго запомнившуюся прихожанам речь: «Дорогие мои братья, Русские!.. Первый раз я служил у вас еще будучи митрополитом, а сегодня, по Божией милости, служу как Патриарх. Мал ваш храм по размерам, но велик по духу, велик по своему значению. Этот храм останется историческим на все времена, пока будет существовать наше государство и наш народ. Этот храм будет памятником того, что в самые трудные времена в жизни русского народа здесь нашли себе приют верные сыны этого народа и горячо молились в нем о спасении своей великой Родины. Храм этот будет свидетельствовать также о том, что в годы наших бедствий вы не оставались одни, но мы, ваши братья, были вместе с вами...»⁸⁷⁴.

⁸⁷¹ Арсеньев А.Б. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1950-е годы). С. 388.

⁸⁷² Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 3 (2), л. 144, л. 2–3 об.

⁸⁷³ СА, д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 — 28.10/10.11.1950 гг.

⁸⁷⁴ См.: Маевский В.А. Сербский Патриарх Варнава и его время. Нови Сад, 1931.

В 1930-е гг. псаломщиком русского храма в Земуне был сын архиепископа Гермогена (Максимова) С.Г. Максимов, а церковным старостой — И.Я. Лопатин. В период Второй мировой войны в храме служил диакон Алексей Борисов. Хор русской церкви в Земуне под управлением регента Алексея Ивановича Гринькова был одним из лучших в стране, наряду с хором сербского земунского храма Рождества Пресвятой Богородицы под управлением полковника Евгения Прохоровича Маслова. В 1921 г. в городе проживало 672 русских эмигранта, а в 1939 г. — 646⁸⁷⁵.

В г. Сремски Карловцы (вблизи Нови Сада) русская колония была небольшой — около 250 человек (на 1921 г.), но выдающейся по своему составу: офицеры штаба главнокомандующего Русской армией генерала П.Н. Врангеля (который проживал здесь с марта 1922 по октябрь 1926 г.), преподаватели Карловацкой гимназии и семинарии, а также архиереи Русской Церкви и служащие Архиерейского Синода. Среди первой группы русских архиереев, которые еще в феврале 1920 г. были расселены по фрушкогорским монастырям вблизи Сремских Карловац, был архиепископ Евлогий (Георгиевский)⁸⁷⁶.

В Сремских Карловцах с марта 1921 г. до своего роспуска в сентябре 1922 г. находилось Высшее Русское Церковное Управление за границей, секретарями которого были: юрист Ексакустодиан Иванович Махаробладзе (в конце 1920-х гг. состоявший председателем карловацкой русской колонии) и полковник Тихон Александрович Аметистов. В Сремских Карловцах проходили ежегодные Архиерейские Соборы Русской Православной Церкви Заграницей и до ноября 1938 г. находился ее руководящий орган — Архиерейский Синод во главе с митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким), а после его смерти 10 августа 1936 г. (в Патриаршем дворце Сремских Карловацев), — во главе с митрополитом Кишиневским и Хотинским Анастасием (Грибановским). 20 ноября–3 декабря 1921 и 14–24 августа 1938 г. в городе прошли Первый и Второй Всезарубежные Церковные Соборы. Последний Архиерейский Собор состоялся в Сремских Карловцах 11–18 сентября 1939 г.

---

⁸⁷⁵ Арсеньев А.Б. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1950-е годы). С. 395–396.

⁸⁷⁶ *Его же.* Жизнь русских эмигрантов в Сербии. С. 127.

Преподаватель сербской гимназии в Нови Саде Д.В. Скрынченко в своем дневнике так описал атмосферу одного из подобных Соборов: «14/27 августа 1932 г. в Сремских Карловцах открылись заседания Архиерейского Собора. К открытию Собора кроме блаженнейшего митрополита Антония прибыли архиепископы: Анастасий Кишиневский и Хотинский, наблюдающий над делами Русской миссии в Иерусалиме, Серафим Финляндский и Выборгский, управляющий Русскими православными приходами в Западной Европе, Гермоген Екатеринославский и Новомосковский, Гавриил Челябинский и Троицкий, Феофан Курский и Обоянский, Тихон Берлинский и Германский, епископы: Дамиан Царицынский, Серафим Богучарский, Николай Лондонский и архимандрит Виктор, прибывший из Китая в качестве представителя архиепископа Китайского и Пекинского. Позднее прибыли епископы Сан-Францисский Тихон и Венский Серафим. Епископы, не имевшие возможности прибыть, прислали свои отзывы по вопросам, стоявшим на повестке.

Перед началом Собора в 9,5 часов утра 14/27 августа в домовая церковь Патриаршего дворца в Сремских Карловцах был отслужен молебен с призыванием Святого Духа. Молебен служил блаженнейший митрополит Антоний в сослужении архимандрита Виктора и игумена Феодосия. Затем все иерархи перешли в зал для заседаний, где были оглашены многочисленные приветствия Собору. Особенно обратили на себя внимание приветствия белградского Братства имени преп. Серафима Саровского и общества «Русское согласие», с большим подъемом прочитанные П.С. Лопухиным и генералом Н.В. Ногаевым. От имени Собора была послана приветственная телеграмма Его Величеству Королю Александру, на которую получен Милостивый ответ. К Святейшему патриарху Варнаве от Собора ездили Преосвященные епископы Богучарский Серафим и Берлинский Тихон. Они передали Его Святейшеству приветствия от имени Собора и благодарили за гостеприимство, которые он оказывает русским иерархам, прибывшим из всех стран мира... Архиерейский Собор интенсивно работал в течение недели и вынес много важных постановлений, направленных на упорядочение церковной жизни в разных епархиях... Заседания Собора проходили в спокойной деловой обстановке. Собор как начался молитвой, так и окончился»⁸⁷⁷.

---

⁸⁷⁷ Арсеньев А.Б. Русская эмиграция в Сремских Карловцах. С. 55–56.

Важную роль в руководстве РПЦЗ имела Синодальная канцелярия, первым начальником (управляющим делами) которой был Ексакустодиан Иванович Махароблидзе («Кустя»), а с 12 августа 1931 г. — граф Георгий (Юрий) Павлович Граббе, некоторое время являвшийся и личным секретарем митрополита Антония (Храповицкого). Уже в 1941 г. Синодальная канцелярия так объясняла это изменение: «...увольнение Е.И. Махароблидзе произошло... вследствие крайне небрежного ведения им делопроизводства и синодальной денежной отчетности (чем создавались большие затруднения для работы Архиерейского Синода и нанесен был ему большой материальный ущерб), а также вследствие непредставления им отчета по изданию “Церковных ведомостей”...»⁸⁷⁸.

Библиотекарь сербской Патриаршей библиотеки и историк Владислав Альбинович Маевский в своей книге так характеризует начальников Синодальной канцелярии: «Неустройство ее не вызывалось бедностью, а только лишь небрежением. Эта канцелярия писала и получала бумаги со всего зарубежья, мирно почившие — вместе со старыми газетами и журналами — на запыленных полках запущенного архива, в котором трудно было разобраться. За двадцать пять лет эмиграции не организовала справочного бюро; живой связи с рассеянием не наладила и никакой информации дать не могла. После ухода в 1931 г. образованного, многоопытного и способного правителя канцелярии Махароблидзе во главе ее стал совсем молодой человек, без житейского и административного опыта...

Махароблидзе небрежно обращался с архиереями, неохотно шел навстречу их денежным требованиям и, в конце концов, был устранен, когда представился случай обвинить его в бесхозяйственности. Заменить его было некому. В Белграде в это время проживал старый граф Граббе, который собирался с семьей уезжать в Польшу (на Волинь), где ему было возвращено имение. При нем находился единственный сын, поступивший на богословский факультет Белградского университета. Семья Граббе находилась в родственных отношениях с Хомяковыми, и старый граф почитал себя в некотором роде идейным наследником Алексея Степановича Хомякова, известного светского богослова. Поэтому и он в свободное время занимался богословскими вопросами, был

---

⁸⁷⁸ Церковная жизнь. 1941. № 3–12. С. 34.

членом Московского Собора 1918 года и близко знал митрополита Антония. Его сына Юрия митрополит временно и пригласил на службу в Ср. Карловцы...

Этот молодой человек считал себя носителем ортодоксальной православной мысли; был он строгим легитимистом, признавал великого князя Кирилла Владимировича императором и главной своей деятельностью считал борьбу с митрополитом Евлогием. Всему этому митрополит Антоний не придавал особого значения, равнодушно слушая, что ему докладывал молодой граф, и так же равнодушно подписывая все, что ему подносил на подпись... Возле графа Ю.П. Граббе неизменно находился его духовный руководитель, Лопухин, имевший большое влияние и на архимандрита Феодосия, который по своему разумению вел личную переписку митрополита. Лопухин принадлежал к семье, занимавшей высокое чиновное положение; человек не глупый, владевший пером, достаточно лицемерный и смиренномудрый»⁸⁷⁹.

Многолетним сотрудником Синаодальной канцелярии также был Василий Иванович Огородников. Секретарем Епископского совета при управляющем русскими приходами в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии) в 1921–1941 гг. состоял полковник Александр Павлович Юденич (1867–1942), ближайший сотрудник митрополита Антония (Храповицкого) по организации церковной жизни русских беженцев.

Для размещения русских архиереев и служащих синодальных учреждений Сербский Патриарх Димитрий предоставил помещения в правом корпусе своего монументального «нового» Патриаршего дворца в центре Сремских Карловац. Здесь же располагались малочисленные редакции официальных периодических органов Русской Православной Церкви Заграницей — журналов «Церковные ведомости» (май 1922 — октябрь 1930; редактор Е.И. Махароблидзе) и «Церковная жизнь» (октябрь 1933 — ноябрь 1938, затем в Белграде; редактор Г.П. Граббе). Постоянным сотрудником обоих изданий был Петр Сергеевич Лопухин.

Русские преподаватели Карловацкой семинарии активно публиковали свои исследования в местной периодике, служили в храмах, участвовали в общественной и научной жизни. Так, Ф.Ф. Балабанов состоял чиновником Священного Синода Сербской Православной Церкви, В.Н. Халаев был одним

---

⁸⁷⁹ *Маевский В.А.* Русские в Югославии. 1920–1945 годы. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 148–153.

из основателей Русского археологического общества в Югославии, В.А. Розов — членом Института изучения России в Белграде и т.д.

Карловацкий русский домовый храм Рождества Пресвятой Богородицы первоначально (с 1921 г.) размещался в помещении на втором этаже расположенного на центральной площади здания «Благодеяние», предоставленного городскими властями для общественных организаций русских беженцев, а с 1936 г. — в подвале старого здания Сербской Патриархии. Первоначально настоятелем храма был священник штаба главнокомандующего митрофорный протоиерей Василий Виноградов, а после его отъезда в 1926 г. в Брюссель — протоиерей Нил Софинский, которого в 1933 г. сменил протоиерей Борис Волобуев. В 1933–1936 гг. настоятелем Рождественской церкви служил келейник митрополита Антония (Храповицкого) архимандрит Феодосий (в миру Федор Мельник, 1890–1957), позднее настоятель Высоко-Дечанского монастыря. В 1936 г. пост настоятеля занял иеромонах Платон (Бондарь), протодиакон был Димитрий Иванович Попов, периодически в храме также служили протоиерей Борис Селивановский (с декабря 1933 г.). Старостой Рождественской церкви в 1930-е гг. был граф Г.П. Граббе⁸⁸⁰. После своего возвращения из России в 1924 г. русскому приходу активно помогали сербский протоиерей Душан Якшич и его жена Сусанна Наркисовна Якшич, убиравшая храм и певшая в церковном хоре (овдовев, она приняла монашеский постриг).

О церковной жизни русских эмигрантов в Сремских Карловцах местное население вспоминало так: «В сербских храмах они чувствовали себя неловко, настаивали, чтобы им дали помещение для их, русской, молельни. Им пошли навстречу — отвели погреб старого дворца, плеснивый и влажный, в котором патриаршие экономы хранили картофель. Очень скоро русские его превратили в храм, а многочисленные лампочки и свечи осветили его особой одухотворенной красотой. Наподобие гонимой религиозной секты русские регулярно собирались в этом митрополичьем погребе, наполняя его мистикой, а прежде всего — печалью по утраченной родине»⁸⁸¹.

Метрические книги русского храма в Сремских Карловцах частично сохранились (за период 1922–1942 гг.). В это время здесь было крещено 8 детей, отпето

---

⁸⁸⁰ Арсеньев А. Русские храмы и монастыри в Югославии. С. 161.

⁸⁸¹ Медаковић Д. Ефемерис: Хроника једне породице. 1. Нови Сад, 1998. С. 219.

19 русских эмигрантов и совершено 155 венчаний (около 40% составили смешанные браки с гражданами Югославии). К весне 1941 г. в Сремских Карловцах осталось лишь 32 русских жителя, скончалось же 60 человек. Почти все они были погребены на Верхнем православном кладбище «Черат», в том числе отец генерала П.Н. Врангеля барон Николай Георгиевич Врангель (1847–1923)⁸⁸².

Метрические книги свидетельствуют, что священники русского карловацкого прихода окормляли и эмигрантов, проживавших в других городах и селах Воеводины: Стара-Каньжа, Црвенка, Бачка-Топола, Сента, Деронье, Пригревица-Свети-Иван и др. Русский приход в Сремских Карловцах прервал свое существование в 1942 г., в период оккупации города проводившими антиправославную политику хорватскими усташами, когда он временно переименовали в Хрватски-Карловци⁸⁸³.

Свой домовый храм имел 2-й Донской имени императора Александра III кадетский корпус, первоначально находившийся в Малой Билече, а позднее — в г. Горажде. Его настоятелем и законоучителем в корпусе в 1920–1930-е гг. был выпускник Санкт-Петербургской духовной академии кандидат богословия иеромонах Иоасаф (в миру Иван Васильевич Скородумов), будущий архиепископ Аргентинский и Парагвайский. Он оставил о себе очень добрую память, заменив многим учащимся отца⁸⁸⁴.

В г. Нови Саде, где поселилось до полутора тысяч эмигрантов из России, еще весной 1920 г. был создан Комитет по оказанию помощи русским беженцам, а затем Русско-сербское благотворительное общество под почетным председательством епископа Бачского Иринея (Чирича), возникло несколько эмигрантских культурно-просветительных, общественных и политических организаций. В городе существовало пять сербских храмов, и первоначально беженцы посещали церковь свт. Николая Чудотворца, но в феврале 1922 г. епископ Иринея предоставил русской общине свою крестовую домовую церковь свт. Василия Великого на втором этаже Епархиального дворца в центре города, которая была для этих целей увеличена в размерах. Художники-эмигранты

---

⁸⁸² Арсеньев А. Жизнь русских эмигрантов в Сербии. С. 130–132.

⁸⁸³ Его же. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1950). С. 381.

⁸⁸⁴ Степанов Н.Ю. Указ. соч. С. 54; Косик В.И. Русская Церковь в Югославии в XX веке. С. 81, 259.

Николай Васильевич Иванов и Владимир Семенович Курочкин написали для нее настенные иконы с изображениями святителей: царя Константина и царицы Елены, князей Владимира, Бориса и Глеба, Александра Невского, прп. Сергия Радонежского и прп. Серафима Саровского.

Вскоре было создано «Общество попечения о духовных нуждах русских беженцев в Новом Саду», председателем которого стал служивший настоятелем русского прихода в 1922–1925 гг. выпускник Киевской духовной академии протоиерей Феодор Синькевич (1876–1945), первый в эмиграции священник, получивший сан митрофорного протоиерея. С июля 1925 г. до своей кончины в 1934 г. настоятелем прихода был бывший доцент Петроградской духовной академии, профессор Духовной семинарии в Сремских Карловцах протоиерей Нил Малахов (1884–1934), его сменил протоиерей Сергей Самсониевский (1898–1944), скончавшийся после продолжительной болезни летом 1944 г. — незадолго до конца Второй мировой войны⁸⁸⁵.

Помимо настоятелей в приходе служили священники и протоиереи Борис Селивановский, Сергей Ноаров, Иоанн Сокаль, Петр Беловидов, Иоанн Святославский, Сергей Селивановский, Владимир Ульянов, Василий Колюбаев, Владимир Родзянко, Николай Чистяков, иеромонахи Феодосий (Мельник), Тимолай (Пастухов), диаконы Андрей Милославский, Григорий Слетов и Иаков Федорович Решетников (в 1925–1934 гг.). В период 1922–1955 гг. церковными старостами были врач Геронтий Гаврилович Харченко, Илья Георгиевич Огииндо (с 1936 г.), полковник Михаил Михайлович Бузинов, инженер-полковник Георгий Борисович Броневский и адвокат Сергей Петрович Метельский. Все межвоенные годы регентом новисадского русского церковного хора был уроженец Екатеринодара, войсковой старшина Кубанского казачьего войска Василий Федорович Григорьев (1884–1970), которого сменила Екатерина Федоровна Мазараки (1888–1965).

Согласно метрическим книгам прихода, в 1922–1941 гг. было крещено 124 ребенка, зарегистрировано 226 церковных браков (из них 40% смешанных) и отпето 225 русских эмигрантов (за февраль 1922 — июнь 1955 гг. отпето 385 человек, из них 70% мужчины). В русской церкви в православную веру

---

⁸⁸⁵ Арсеньев А. У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 35–36.

перешли 55 католиков, 5 лютеран и по одному человеку реформатского, евангелистского, греко-католического и иудейского исповеданий. Всего в Нови Саде скончалось около 850 беженцев из России, похороненных в основном на русском участке Успенского кладбища⁸⁸⁶.

Сербская общественность не всегда понимала желание российских эмигрантов иметь свой храм. Так, в 1922 г. в местной газете была опубликована следующая заметка: «Русские в Осиеке в одном бараке устроили себе свой храм, в котором будут совершаться богослужения. Митрополит Антоний ездил туда освящать их храм. Говорят, что и русские в Новом Саде желают оборудовать себе храм, при наличии в городе четырех православных храмов! К чему этот сепаратизм? Разве сербское православие, веками мужественно сопротивлявшееся всем атакам Рима и австрийского двора, не является достаточно православным для русских братьев?!»⁸⁸⁷

Согласно сохранившимся воспоминаниям, первоначально «местных сербов возмущало стремление русских основать собственную приходскую церковь. Регулярное посещение русскими их длительных церковных служб, особенно субботних всенощных бдений, удивляло сербов, но вскоре они стали восторженно говорить о пении и атмосфере, царившей в русском храме. Благодаря русским регентам, русские церковные песнопения привились в сербских приходах. Встречая перед воскресной литургией знакомых, новосадцы спрашивались, в каком храме сегодня будет петь русский хор, и шли туда». Существуют воспоминания и о церковном влиянии на быт поселившихся в городе эмигрантов: «Русские привезли с собой семейные или венчальные иконы в окладах, киоты. Их вешали с лампадой в красный угол, на фоне вышитого белого полотенца. У постелей и детских кроваток висели нательные иконки святителей и ладанки. У пожилых вдов стены комнат могли быть увешены десятками дешевых иконок, которые попадали к ним от умерших подруг»⁸⁸⁸.

В Нови Саде существовало русское приходское Благовещенское братство, и в 1935 г. при покровительстве Сербского Патриарха Варнавы и Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей митрополита Анастасия

---

⁸⁸⁶ Арсеньев А. Жизнь русских эмигрантов в Сербии. С. 135.

⁸⁸⁷ Застава. 9.05.1922.

⁸⁸⁸ Арсеньев А. Жизнь русских эмигрантов в Сербии. С. 156–158.

был основан Русско-сербский комитет для постройки в городе каменного русского храма в память двум убитым государям — российскому Николаю II и югославскому Александру I Карагеоргиевичу. К весне 1941 г. на пожертвования удалось приобрести земельный участок, разработать проект храма во владимирско-суздальском стиле (автор — местный сербский архитектор Джордже Табакович) и собрать средства на строительство, однако вспыхнувшая война помешала осуществлению этого плана⁸⁸⁹.

В 1921 г. в городе проживало около 900 русских эмигрантов, а в 1939 г. — 1 158. Некоторые русские жители Нови Сада совершали требы в местных сербских храмах и православной военной часовне Введения во храм Пресвятой Богородицы в Петроварадине (предместье Нови Сада). На военном кладбище в Петроварадине были похоронены российские военнопленные Первой мировой войны, которым был установлен памятник, освященный митрополитом Антонием (Храповицким) 13 октября 1929 г.⁸⁹⁰

В г. Панчево эмигранты устроили домовый храм свт. Николая Чудотворца при госпитале-санатории Российского общества Красного Креста, открытом в марте 1920 г. в здании бывшей австро-венгерской больницы и работавшем до октября 1944 г. (в конце 1930-х гг. он получил название «Русский санаторий Красного Креста короля-витязя Александра I Объединителя в городе Панчево»). Церковь была устроена российскими беженцами в самом просторном зале здания на свои средства, заботился о ней особый комитет во главе с доктором Белоусовым, старостой стал врач-хирург Владимир Александрович Левицкий, а первым псаломщиком — Константин Григорьевич Лавров (1883–1942)⁸⁹¹.

В 1920–1922 гг. настоятелем храма служил протоиерей Константин Дашкевич, в 1922–1925 гг. — протоиерей Владимир Востоков, а в 1925–1937 гг. — протоиерей Петр Голубятников (бывший военный священник Корниловского полка). Благодаря вдохновенному служению отца Петра церковь была украшена новыми ценными иконами, а его службы привлекали многих людей,

---

⁸⁸⁹ Арсеньев А. Русский православный приход в Новом Саду. 1922–1955 год. // Православная Русь. 1998. № 17. С. 5–6.

⁸⁹⁰ Его же. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1950). С. 379, 386–387.

⁸⁹¹ Панчевский госпиталь-санаторий: Р.О.К.К. в Королевстве Югославия: 1920–1930. Панчево, 1930. С. 13.

в том числе сербов. В 1937 г. о. Петр был назначен приходским священником в г. Земун, а его место в Панчево занял протоиерей Виталий Лепоринский. Отец Петр Голубятников скончался 1 февраля 1938 г. в Белграде и был отпет в русской церкви Пресв. Троицы, где при отпевании пел и хор панчевского санатория, с усопшим приехал попрощаться и настоятель сербской церкви Панчево. В марте — июле 1927 и феврале — октябре 1937 гг. в храме свт. Николая Чудотворца также служил священник Виталий Сперанский⁸⁹².

3 мая 1921 г., на второй день Пасхи, в Панчево приехали митрополит Антоний (Храповицкий) и епископ Феофан (Гаврилов), который привез чудотворную Курскую Коренную икону Божией Матери «Знамение». Владыки совершили литургии в сербском Успенском соборе и русской церкви города. 14 марта 1933 г. в русской больнице Панчево скончался архиепископ Челябинский и Троицкий Гавриил (Чепур), похороненный на старом православном кладбище города. Его отпевание совершил митрополит Антоний (Храповицкий) с архиепископами Гермогеном (Максимовым) и Феофаном (Гавриловым), архимандритом Феоodosием (Мельником), протоиереями Петром Беловидовым, Петром Голубятниковым, Флором Жолткевичем, П. Максимым, Милорадом Димитриевичем, протодиаконом Иваном Байздренковым и диаконом Алексием Борисовым. На могиле владыки сохранилась надпись: «Идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 29:19). 23 декабря 1934 г. в город приезжал архиепископ Анастасий (Грибановский). В этот день он совершил литургию в русской церкви и панихиду на могиле владыки Гавриила⁸⁹³.

Многие русские из различных городов Югославии провели последние дни своей жизни в панчевском русском госпитале-санатории, и почти все, кто здесь скончался, были похоронены на местном православном кладбище. Согласно книгам записи актов гражданского состояния Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей, всего в Панчево, в период с 1920 до 1957 гг., умерло около 1060 русских эмигрантов. На городском старом православном кладбище их похоронено примерно 1100, а до сегодняшнего дня сохранилось всего около 50 памятников.

---

⁸⁹² Палибрк-Сукич Н. Русские памятник в Панчево // Новый журнал. 2010. № 259. С. 222.

⁸⁹³ Там же. С. 222–223, 227.

В Панчево было погребено около 300 русских офицеров, в том числе 46 генералов российской царской армии, около 50 донских и кубанских казаков, много врачей, чиновников, судей, студентов, инженеров, несколько сестер милосердия из русской больницы, а также большое количество русских священнослужителей: священник в селе Слатина Заечарского уезда Иосиф Антонович Васютин, монах монастыря Суково под городом Пирот Петр (Дорошов), священник Александр Йевецкий, архимандрит монастыря Витовница Иннокентий (Годунов), иеромонах Елеазар (Мужецкий), монах монастыря св. Благовести Варсанофий (Меньшиков), протоиерей Александр Александрович Писарчик, священник Митрофан Дмитриевич Попов, монахиня Анастасия Скакун (Кремно), бывший настоятель Киевского Военного Николаевского собора протоиерей Сергей Алексеевич Троицкий, бывший насельник Киево-Троицкого монастыря иеромонах Вениамин (Шокотко), священник Николай Базбай, протоиерей Милентий Аркадьевич Шаравский, учитель Закона Божия в русской женской гимназии в Великой Кикинде и др.⁸⁹⁴

В связи с тем, что в Панчево существовала довольно большая русская церковная община, и на городском кладбище были похоронены сотни эмигрантов из России, в начале 1930-х гг. возникла инициатива возвести отдельный русский храм. Вскоре был создан комитет для постройки русской мемориальной часовни-памятника царю-мученику Николаю II. Покровителем этого комитета был Святейший Патриарх Сербский Варнава, а почетным членом — митрополит Антоний (Храповицкий). Проект здания храма-часовни в 1934 г. разработал русский архитектор Иван Афанасьевич Рык (эскизы сохранились), однако необходимые средства до начала Второй мировой войны собрать не удалось. В 1934 г. комитет по строительству часовни издал русско-югославский альманах, который был подготовлен доктором наук Владимиром Мошинным «в надежде, что каждый его экземпляр станет кирпичом для постройки этого храма»⁸⁹⁵. Но часовня построена так и не была. В 1921 г. в городе проживало 497 русских эмигрантов, а в 1939 г. почти столько же — 495.

После протоиерея Виталия Лепоринского настоятелем домового храма свт. Николая Чудотворца был архимандрит Макарий (Матвеевко), а с 8 октября

---

⁸⁹⁴ Палибрк-Сукич Н. Русские памятник в Панчево // Новый журнал. 2010. № 259. С. 223–224.

⁸⁹⁵ Русско-югословенски алманах / редио Др. Владимир Мошин. Панчево, 1934. С. 3.

1938 по октябрь 1954 гг. — архимандрит Мелитон⁸⁹⁶. В течение 1942 г. в храме также служил священник Арсений Шедко. 23 июня 1943 г. в русской панчевской больнице скончался от туберкулеза известный военный священник в годы Первой мировой и Гражданской войн о. Николай Базбай, в период оккупации Югославии служивший настоятелем русского храма в Белой Церкви⁸⁹⁷.

Вскоре после освобождения Панчево от немецких оккупантов в октябре 1944 г. госпиталь-санаторий перестал существовать как русская больница и был переименован в больницу для легкораненых, а храм было приказано выселить. По просьбе настоятеля архимандрита Мелитона в адрес Сербской Православной Церкви русской общине 26 февраля 1945 г. выделили помещение в здании приходской школы при сербской Успенской церкви, куда и был перенесен домовый храм свт. Николая Чудотворца (действовавший до 1967 г.)⁸⁹⁸.

Довольно активной была русская церковная жизнь в македонском городе Битоле, где со временем у эмигрантов появился свой храм. Русская колония в Битоле из примерно 500 человек начала оформляться еще в конце 1916 г., когда произошел прорыв на Салоникском фронте и некоторые из сражавшихся там военнослужащих российского Балканского корпуса решили остаться в этом городе. Через четыре-пять лет в край пришла волна представителей белой эмиграции. Они концентрировались в Скопле (ныне Скопье) и Битоле, но также жили в Штипе, Велесе и других городах, где организовывали колонии, создавали свои церкви, школы и культурные общества. По свидетельству современников, в семьях русских эмигрантов в Македонии было много икон и книг с христианской тематикой, и пустующие македонские монастыри постепенно заполнялись русскими монахами⁸⁹⁹.

С начала 1920-х гг. русофильски настроенный митрополит Скопленский Варнава (Росич) активно назначал русских священников на вакантные места в приходах своей епархии (по некоторым сведениям, всего около 100),

---

⁸⁹⁶ СА, д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 — 28.10/10.11.1950 гг.

⁸⁹⁷ Церковное обозрение. 1943. № 9. С. 3.

⁸⁹⁸ Палибрк-Сукич Н. Указ. соч. С. 223.

⁸⁹⁹ Косик В.И. Без Отечества: быт(ие) русских в югославской провинции (от времени короля Александра до власти маршала Тито) // Славяноведение. 2006. № 4. С. 32.

а также в частной жизни окружил себя русскими⁹⁰⁰. Архиепископ Серафим (Иванов) через несколько десятилетий в своих воспоминаниях писал, что во время пребывания владыки Варнавы в Скопле в «кафедральном Богородичном соборе были заведены торжественные богослужения по русскому церковному чину, привлекавшие своим благочинием массу народа. Регент хора был русский, протодиакон тоже русский... Я был очень счастлив, когда мне удалось, при помощи тоже великого серба, протоиерея Стефана Димитриевиича, получить по окончании богословского факультета вакансию преподавателя Закона Божьего в Скопле... Через год я принял постриг в монашество на Афоне и, по возвращении, митрополит рукоположил меня в иеродиакона и иеромонаха и предложил поселиться у него в здании митрополии, назначив вдобавок секретарем по русским делам... В самой митрополии русские принимались как свои. Почти весь личный персонал при митрополите состоял из русских: эконо́м, повар, шофер, келейник были русские»⁹⁰¹. Иеромонах Серафим (Иванов) преподавал Закон Божий в гимназии и был глубоко почитаемым духовником многих верующих в Скопле в 1926–1928 гг., до своего отъезда в русский монастырь прп. Иова Почаевского в Словакии.

Весной 1926 г. битольские власти решили удовлетворить просьбу русских эмигрантов о предоставлении им двух деревянных барачков под церковь и библиотеку «за заслуги русского народа ко всем славянам». Однако был выделен только один барачок, который в мае того же года после некоторой переделки превратили в церковь, освященную 20 июня 1926 г. в честь Пресвятой Троицы. Инициатором ее устройства был преподававший тогда в Битольской семинарии святитель о. Иоанн (Максимович), будущий архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский. В 1927 г. алтарную часть храма украсили иконами работы известного иконописца-эмигранта Ивана Иустиновича Мельникова. Троицкий храм в Битоле, действовавший в качестве русского до 1960-х гг., был также известен своим замечательным церковным хором⁹⁰².

---

⁹⁰⁰ *Buchenau K. Auf russischen Spuren. S. 266.*

⁹⁰¹ *Православная Русь. 1977. № 14. С. 6–7.*

⁹⁰² *Косик В.И. Русская Церковь в Югославии в XX веке // Троицкое наследие. Джорданвилл. 2010. № 4. С. 25.*

Следует упомянуть, что с 1931 г. по 1944 г. в различных приходах Македонии служил участник Первой мировой и гражданской войн протоиерей (будущий протопресвитер) Георгий Трунов (1888–1985). Он занимался миссионерской деятельностью, активно участвовал в сборе средств на постройку в Белграде памятника российским воинам, павшим в годы Первой мировой войны, и во время своего настоятельства в с. Баница Велешского района выстроил каменный храм во имя Вознесения Господня.

В г. Нови Бечее русские эмигранты в начале 1920-х гг. возобновили богослужения в переданном им в пользование старинной (начала XVI в.) монастырской церкви Успения Божией Матери. Она была полностью восстановлена после 200 лет запустения. В 1935 г. литургию в этом храме, переполненном верующими, отслужил архиепископ Харбинский и Маньчжурский Нестор (Анисимов). Сильное впечатление на него произвели два набожных мальчика в алтаре: внук последнего председателя Государственной думы Михаила Владимировича Родзянко и правнук знаменитого писателя графа Льва Николаевича Толстого⁹⁰³.

В этом же городе в 1920–1933 г. действовал домовый храм при Харьковском девичьем институте (существовавшем в Нови Бечее с 4 марта 1920 г. по 1932 г.), строителем и первым настоятелем которого был протоиерей Фрол Жолткевич (1884–1975), также преподававший Закон Божий. Затем законоучителем в Харьковском институте служили протоиереи Сергей Ноаров, Георгий Прозоров и архиепископ Челябинский и Троицкий Гавриил (Чепур). Владыка Гавриил являлся известным духовно-музыкальным деятелем, церковным композитором и ученым литургистом, состоял членом Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей. Проживая в монастыре Гргетег, он нередко приезжал в Белград, где читал лекции для членов братства прп. Серафима Саровского. Скончался владыка Гавриил после тяжелой болезни 14 марта 1933 г.⁹⁰⁴ В 1921 г. в Нови Бечее проживало 332 русских эмигранта, а в 1939 г. — около 200.

---

⁹⁰³ Арсеньев А.Б. Русские храмы и монастыри в Югославии. С. 167–168.

⁹⁰⁴ Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. С. 97–98; Ледковская М. Архиепископ Гавриил (Чепур) — выдающийся литургист и церковный композитор // Русский пастырь. Сан-Франциско. 2003. № 42. С. 22–32.

Архиепископ Гавриил (Чепур) также преподавал Закон Божий в Первой русско-сербской девичьей гимназии в г. Великая Кикинда (действовавшей в 1921–1931 гг. в здании бывшей венгерской гимназии), где имелась своя церковь. Ее настоятелями служили протоиереи Владимир Востоков, Иоанн Князев, Вениамин Коробов, иеромонах Иоанн (Максимович) и духовный писатель священник Василий Шустин. Законоучителем в гимназии также был протоиерей Милентий Аркадьевич Шаравский.

С 1929 г. имелась в Великой Кикинде и домовая церковь во имя свв. Кирилла и Мефодия при приюте для престарелых Российского общества Красного Креста в Югославии (существовавшем в 1929–1952 гг.). Первоначально обитателей приюта окормлял священник Василий Шустин. До своего закрытия русский приют несколько раз переезжал из одного здания города в другое. Последнее освящение храма на новом месте состоялось 29 октября 1939 г. при чинодействии Первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского), протопресвитера Петра Беловидова и настоятеля Кирилло-Мефодиевской церкви архимандрита Никона (Ордовского-Танаевского, 1863–1950), бывшего Тобольского губернатора в 1915–1917 гг. В первой половине 1940-х гг. настоятелем храма служил священник Лев Шепель⁹⁰⁵.

Церковь свв. Кирилла и Мефодия была приходской для всей русской колонии города. В 1920-е гг. преподавателем Закона Божия в сербской гимназии Великой Кикинды работал протоиерей Михаил Булгаков. В 1921 г. в городе проживало 207 русских эмигрантов, а в 1939 г. — 326. В городском архиве сохранилась часть документов русского приюта и несколько метрических книг прихода свв. Кирилла и Мефодия за 1931–1936 и 1942–1946 гг.⁹⁰⁶

В г. Вршаце Банатской епархии группа семей русских офицеров основала церковную общину и братство свт. Иоанна Златоуста. Еще в июле 1920 г. в этом городе разместились эвакуированная из Кишинева санитарная походная больница Гербовецкой общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста, позднее ставшая основой для создания городской больницы. С 1921 по 1932 гг. русская домовая церковь во имя свт. Иоанна Златоуста

---

⁹⁰⁵ СА, д. 18/41.

⁹⁰⁶ Арсеньев А.Б. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1950). С. 392.

располагалась на квартире полковника Михаила Степановича Стахова (церковного старосты). Алтарные иконы для нее написал известный живописец Георгий Александрович Самонов и сам полковник М.С. Стахов. В 1932 г. вступивший на учрежденную тогда Банатскую кафедру Сербской Церкви епископ Георгий (Летич) предоставил в пользование русскому приходу старый храм Всех Святых у ворот городского православного кладбища⁹⁰⁷.

Настоятелями этих русских храмов служили отец Зосима, архимандрит Мелитон, в 1935–1937 гг. — игумен Никон (Ордовский-Танаевский), а в 1937–1944 гг. служил упоминавшийся протоиерей Владимир Востоков, награжденный решением Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей от 21 июня 1941 г. золотым наперсным крестом⁹⁰⁸. Перед освобождением Вршаца от немецкой оккупации в сентябре 1944 г. о. Владимир покинул Югославию, и богослужения в русской церкви прекратились. Весь период ее существования постоянными членами церковного хора были Сергей Григорьевич и Глафира Ипполитовна Балицкие, Нина Александровна Лукина, Антонина Ивановна Рогаткина и Михаил Степанович Стахов. Следует также упомянуть, что до середины 1930-х гг. хором в сербском соборном храме Вршаца управлял русский регент Владимир Курагин, а в 1936–1941 гг. регентом собора и сербского певческого общества состоял иеродиакон Иоанн (в миру Иван Федорович Котов; 1904–1941), обладавший голосом редкой красоты (тенор). Протоиерей Владимир Голунский и иеродиакон Иоанн (Котов) работали преподавателями Закона Божия в сербских гимназиях Вршаца⁹⁰⁹. В 1921 г. в городе проживало 142 русских эмигранта, а в 1939 г. — 256.

В курортном городке Врнячка-Баня в 1921 г. поселились 414 российских эмигрантов, была открыта русская начальная школа. До своего назначения в Русскую Духовную Миссию в Палестине в местном сербском храме Пресвятой Богородицы службы для русской общины совершал епископ Белгородский Аполлинарий (Кошевой; 1874–1933)⁹¹⁰.

---

⁹⁰⁷ Арсеньев А.Б. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1950). С. 391.

⁹⁰⁸ СА, д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 — 28.10/10.11.1950 гг.

⁹⁰⁹ Арсеньев А.Б. Указ. соч. С. 391–392.

⁹¹⁰ *Его же*. Жизнь русских эмигрантов в Сербии. С. 143–144.

В г. Суботица русская община свт. Николая Чудотворца получила в свое пользование храм-часовню на православном кладбище. Ее настоятелем в 1930-е гг. был священник Александр Цуглевич. До начала Второй мировой войны общину также окормляли священники Арсений Филиппович и Александр Беликов (скончавшийся в Суботице в 1973 г.). До своего переезда в 1930 г. в Нови Сад регентом хора в сербском храме Суботицы был русский эмигрант Петр Моисеевич Таран. В 1921 г. в городе проживали 404 русских эмигранта, а в 1939 г. — 685. В период венгерской оккупации Суботицы настоятелем русской церкви служил священник Владимир Родзянко, но в 1944 г. она была разрушена бомбой.

В г. Сомборе русская община также имела в своем пользовании храм-часовню на местном православном кладбище. Эмигранты создали в нем новый иконостас, для которого написали иконы. Русского священника в городе не было, и настоятелем общины служил сербский архимандрит Стефан (Иллич), выпускник Киевской духовной академии, хорошо говоривший по-русски. В 1920–1930-е гг. регентами хора в сербском храме св. Георгия Победоносца в Сомборе были юрист Хрисанф Хрисанфович Зенкевич и Николай Капустин, который также управлял хорами местных сербского певческого общества ремесленников и сербского крестьянского певческого общества. Н. Капустин, священник Сергей Федоровский и Николай Соколов работали преподавателями Закона Божия в сербских средних учебных заведениях Сомбора⁹¹¹. В 1921 г. в городе проживали 137 русских эмигрантов, а в 1939 г. — 192.

Кроме упомянутых, были образованы русские церковные общины в Нише, Крагуеваце, Дубровнике, Любляне, Осиеке, Заечаре и некоторых других городах. В местах, где действовали трудовые отряды бывших военнослужащих Белой армии, существовали переносные церкви. В тех же русских колониях, где не имелось храмов, в дни церковных праздников эмигранты приглашали священников из других городов (таким образом, появилась особая категория разъездных батюшек). Там же, где не было и этой возможности, организовывались русские духовные хоры, певшие за богослужением в сербских церквях⁹¹².

---

⁹¹¹ Арсеньев А.Б. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1950). С. 396.

⁹¹² Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е годы XX века). С. 63, 69–70; Владислав Неклюдов, прот. Указ. соч. С. 12–13.

* * *

В Королевстве сербов, хорватов и словенцев были образованы два самостоятельных русских монастыря: мужской в Мильково и женский в Хопово с 70 монахинями бывшего Леснинского монастыря, переселившихся в 1920 г. в Сербию⁹¹³.

Пустовавший древний общежительный монастырь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Мильково на Фрушкой горе (вблизи г. Лапово), основанный в начале XV в. св. деспотом Стефаном Высоким, 17 февраля 1926 г. оказался передан русским монахам во главе с бывшим послушником Оптиной пустыни, выпускником Пензенской духовной семинарии и Варшавского университета, воевавшим в Добровольческой армии, иеромонахом Амвросием (в миру Владимиром Зиновьевичем Кургановым, 1894–1933). Монашеский постриг он принял в сербском монастыре Петковица 22 марта 1923 г., в том же году был посвящен в сан иеродиакона, 14 октября 1923 г. — во иеромонаха, в 1928 г. возведен в сан игумена, а в 1932 г. — архимандрита. За короткий срок он превратил обитель в центр русской духовной жизни, хотя формально она находилась в ведении Сербской Патриархии⁹¹⁴.

Отец Амвросий не без успеха стремился возродить дух Оптиной пустыни за пределами России. Если в начале 1926 г. в Мильковском монастыре было лишь 6 насельников: иеромонах и 5 послушников, то летом 1930 г. — 19 человек братии: игумен, 4 иеромонаха, 4 иеродиакона, 6 монахов и 4 послушника, в их числе бывшие валаамские братья: иеромонахи Савватий (Крылов), Феодосий (Волков) и монах Варсава (Теплиничев). В 1933 г. в обители проживало уже 27 насельников, в основном выпускников богословского факультета Белградского университета, в том числе 5 сербов. Многие из них в дальнейшем стали известными деятелями Русской Православной Церкви Заграницей: архиепископ Сан-Францисский святитель Иоанн (Максимович), архиепископы Антоний (Бартошевич), Антоний (Синькевич), Никодим (Нечаев), Антоний (Медведев), епископы Леонтий (Бартошевич),

---

⁹¹³ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 346; Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 33–34; Его же. Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. С. 77; Маевский В.А. Русские в Югославии. 1920–1945 годы. Т. 2. С. 30–31; Косик В.И. Указ. соч. С. 70–71.

⁹¹⁴ Амвросије (Курганов), схиархим. Приредно Ж. Туцић. Београд, 2003. С. 5, 123.

Филипп (Гарднер), архимандриты Киприан (Керн), Савва (Струве), Никандр (Беляков), Феофан (Шишманов), Зосима (Валуев), игумен Лука (Родионов) и др.

В числе иноков обители также были будущий архиепископ Польской Православной Церкви Савва (Советов) и епископ Американской Православной Церкви Тихон. Духовником в монастыре служил схииеромонах Марк. Митрополит Антоний (Храповицкий) относился к о. Амвросию как к своему ученику и вел постоянную переписку с ним. Владыка Антоний неоднократно приезжал в Мильковский монастырь, последний раз в 1935 г.⁹¹⁵

Архимандрит Амвросий стремился передать оптинскую традицию и сербам, поэтому охотно принимал в Мильковский монастырь сербских молодых людей, прежде всего окончивших богословский факультет Белградского университета. Мильково было и местом притяжения для участников движения богомильцев, активно посещавших его в летние месяцы, а также жителей окрестных деревень. В одной из этих деревень — Гложане была устроена странноприимница для приема паломников, так как не все могли найти приют в монастыре. Богомильцы считали о. Амвросия, принявшего в апреле 1933 г. постриг в схиму, «живым святым» или, по меньшей мере, праведником. Сразу после кончины схиархимандрита, последовавшей 30 мая 1933 г., один из сербских монахов написал его житие, а другой — икону⁹¹⁶.

Новым настоятелем монастыря стал духовный сын о. Амвросия игумен Лука (в миру Виктор Вячеславович Родионов). Отец Лука не только возглавлял Мильковскую обитель, но и был духовником женской общины Святого Креста, а позднее основал вблизи Джердапского ущелья преимущественно сербский женский монастырь Нимник⁹¹⁷. Правда, после смерти схиархимандрита Амвросия постепенно начались конфликты с местным сербским населением, вызванные нерешенностью споров о правах на землю, занимаемую обителью, в результате чего в 1936 г. братия Мильковской обители была

---

⁹¹⁵ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 157–161, 280.

⁹¹⁶ Антоний (Медведев), архиеп. Схиархимандрит Амвросий (Курганов). Белград, 2003. С. 33–42, 48, 59, 74, 92–94, 124–129, 137.

⁹¹⁷ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е годы XX века). С. 83–84.

вынуждена переселиться в старинный сербский монастырь Туман, расположенный у Джердапского ущелья и местечка Голубац, вблизи югославо-румынской границы (Браничевская епархия)⁹¹⁸.

Ко времени появления русских иноков в Югославии многие монастыри там пустовали или имели двух-трех насельников, поэтому принимавшие сербов русские обители стали важным фактором распространения воспитанного в лучших православных традициях монашества. Так, например, иеромонах Тадей (Штрбулович (1914–2003), самая значительная аскетическая фигура в Сербской Церкви социалистического и постсоциалистического периода, получил свое монашеское воспитание в Мильково.

Главной русской обителью в Югославии был широко известный в России Свято-Богородицкий Леснинский женский монастырь, основанный определением Святейшего Синода от 25 апреля 1884 г. в посаде Лесно Седлецкой губернии (Холмская Русь) в качестве монашеской общины, преобразованной в июле 1889 г. в монастырь. В 1915 г. значительная часть насельниц обители ввиду приближения немецких войск эвакуировалась в Петроград, в 1916–1917 гг. переехали в Жабкинский монастырь Бессарабии. В августе 1920 г. сестры Леснинского монастыря переехали по приглашению принца-регента Александра I при содействии митрополита Евлогия (Георгиевского) и епископа Нишского Досифея (Васича) из занятой румынами Бессарабии в Королевство сербов, хорватов и словенцев. 70 монахинь во главе с основательницей монастыря игуменией Екатериной (в миру графиней Евгенией Борисовной Ефимовской, 1850–1925), которую после ее смерти — 15/28 октября 1925 г. сменила игумения Нина (в миру Наталья Григорьевна Косаковская), сначала поселились в монастыре Кувежин, а затем — в предоставленном им по решению Священного Архиерейского Синода в ноябре 1920 г. пустовавшем сербском монастыре во имя свт. Николая Чудотворца в Хопово, на Фрушской горе, в области Срем.

Из переписки ряда министерств Королевства сербов, хорватов и словенцев видно, что их привлекла возможность использовать леснинских сестер для социальной деятельности, прежде всего для окормления сирот. Впрочем, министр социальной политики писал 1 июля 1920 г. в Министерство по делам

---

⁹¹⁸ Buchenau K., а.а.О., S. 285; Архиепископ Антоний (Медведев). Указ. соч. С. 129.

религии, что помимо ухода за детьми, монахини «также будут прилежно работать над духовным обновлением нашего народа»⁹¹⁹.

В основанном в 1496 г. святым владыкой Максимом Бранковичем Хоповском монастыре хранилась рака с мощами убитого в 306 г., во время гонений на христиан, святого великомученика Феодора Тирона. Инокнии привезли в Хопово чудотворную Леснинскую икону Божией Матери и часть мощей преподобного Афанасия Брестского (XVIII в.). На попечении сестер находился большой детский приют, где к 1941 г. воспитывалось 35 детей от трех до десяти лет (часть сирот из-за нехватки места разместили в соседнем женском монастыре Кувежин). Приют существовал на средства государственной Комиссии по делам русской эмиграции, выделявшиеся через специальный комитет княгини Елены Петровны. Всего за 20 с лишним лет через хоповский приют прошло, по разным сведениям, от 500 до 1500 сирот, сербов и русских⁹²⁰.

Настоятелем старинного (XVI в.) монастырского храма свт. Николая Чудотворца (у входа в который 19 октября 1925 г. похоронили игуменью Екатерину) служил один из самых выдающихся пастырей русского зарубежья, друживший с архимандритом Юстином (Поповичем), протоиерей Алексей Нелюбов (1879–1937), духовниками с 1933 г. — изгнанные с Валаама в 1926 г. за приверженность старому стилю иеромонахи Никандр (Беляков) и Тимолай (Пастухов). Влияние Хоповского монастыря еще более усилилось в начале 1930-х гг., когда его духовником некоторое время был русский афонский старец схиархимандрит Кирик (Максимов). Отец Кирик (просивший югославского короля Александра взять под свое покровительство русские обители Афона) подолгу жил в Хоповском монастыре, который под его влиянием получил определенные афонские черты⁹²¹.

Сербским наместником обители и экономом был о. Паисий, который распределял монастырские доходы так, что подавляющая их часть шла в казну Патриархии. Значительную помощь монастырю оказывали югославский король Александр I Карагеоргиевич и бывший российский посланник

---

⁹¹⁹ АЖ, 69–175–276.

⁹²⁰ Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. М., 2005. С. 35.

⁹²¹ Buchenau K., а.а.О., S. 288.

в Сербии Василий Николаевич Штрандтман, неоднократно приезжавшие в Хопово⁹²².

В монастырь также часто приезжали русские студенты и молодые интеллигенты. Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал об этом так: «Отец Алексей Нелюбов, священник обители (мой земляк-туляк), пастырь прекрасной духовной жизни, привлекал в Хопово многих и вскоре стал любимым духовником... молодых интеллигентных паломников и паломниц. Мать Екатерина, просвещенная и глубоко религиозная игуменья, всегда умела влиять на молодежь и воодушевлять ее. К ней тоже потянулись юные души, взыскующие руководства на путях духовной жизни»⁹²³.

В сентябре 1925 г. в Хоповском монастыре состоялся III съезд Русского христианского студенческого движения при участии Первоиерарха РПЦЗ митрополита Антония (Храповицкого, почетного председателя съезда), профессоров Свято-Сергиевского института в Париже и богословского факультета Белградского университета: протоиерея Сергия Булгакова, С.Л. Франка, В.В. Зеньковского, А.А. Зандера, С.В. Троицкого, Г.Г. Кульмана и других известных церковных деятелей, в том числе профессора Н.Н. Глубоковского⁹²⁴.

Хоповский монастырь находился в ведении сербского викарного епископа Сербской Патриархии, но сестры сохранили традиции Леснинской обители. Они содействовали возрождению после более чем двухвекового перерыва женского православного монашества в Сербии. В значительной степени благодаря прибытию из России изгнанных из своих обителей насельниц, в Югославии к 1941 г. появились 27 женских монастырей (вместе с сестричествами — 32), и настоятельницами многих из них стали русские монахини⁹²⁵. Так, например, в октябре 1923 г. из Хопова в старинную обитель Кувеждин переселились 19 русских монахинь, которые вместе с сербскими сестрами,

---

⁹²² Преподобная Екатерина Леснинская, наставница современного женского монашества. Провемон, 2010. С. 142–143.

⁹²³ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 340.

⁹²⁴ Арсеньев А. У излуцины Дуная. С. 33.

⁹²⁵ Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. Мадрид, 1973. С. 50–58; Арсеньев А. Русская интеллигенция в Воеводине // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 77; Йованович М. Указ. соч. С. 276.

во главе с игуменией Меланией (Кривокучиной) возродили этот монастырь, а в преобразованном в 1930 г. из мужского в женский монастыре Петковица (Шабачская епархия) поселились 22 русские и 12 сербских насельниц во главе с русской игуменией Сидонией, из бывших хоповских сестер⁹²⁶.

* * *

Трудно переоценить вклад русских эмигрантов в развитие богословских наук и духовного образования Сербской Православной Церкви. Так, основание богословского факультета Белградского университета было предусмотрено уже законом об университете 1905 г., но в то время оно не произошло из-за недостатка профессоров. Прибытие в Сербию русских богословов, прежде всего профессоров российских духовных академий, коренным образом изменило ситуацию. В сентябре 1920 г. богословский факультет был создан, и в число его первых профессоров по контракту приняли шесть русских: известного патролога и церковного историка Александра Павловича Доброклонского, выдающегося библеиста Николая Никаноровича Глубоковского (бывшего профессора Санкт-Петербургской духовной академии, 1 октября 1923 г. подавшего в отставку в связи с переходом на работу в Софийский университет), известного церковного историка доктора богословия протоиерея Феодора Ивановича Титова (бывшего профессора Киевской духовной академии), богослова Валентина Лауданского, бывшего профессора Петроградской духовной академии протоиерея Александра Петровича Рождественского (с 10 февраля 1921 г.) и бывшего профессора историко-филологического факультета Петроградского университета гебраиста Михаила Алексеевича Георгиевского, преподававшего древнееврейский язык (с 30 октября 1920 г.). В разные годы на факультете работали также В.В. Зеньковский, К.М. Смирнов, М. Зеремский, В.Ф. Фрадинский, С.В. Троицкий, С.М. Кульбакин и др. В 1922/23 учебном году русские эмигранты составляли 25% преподавателей богословского факультета. Следует отметить, что в первые годы даже некоторые учебные дисциплины преподавали на русском языке. Значительная часть факультетской библиотеки (к 1930 г. — 30 тысяч книг) также состояла из русских книг, прежде всего

---

⁹²⁶ Амвросије (Курганов), *схиархим.* С. 5.

привезенных ректором протоиереем Стефаном Дмитриевичем из его поездки в Москву в 1923 г.⁹²⁷

Первым русским профессором, привлеченным на богословский факультет, стал бывший декан историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе А.П. Доброклонский, избранный ординарным профессором решением ученого совета Белградского университета, подтвержденным указом короля от 9 июля 1920 г. Он был председателем первого заседания ученого совета богословского факультета, состоявшегося 6 сентября 1920 г., «в качестве старейшего и по возрасту и по годам профессорской службы», и автором проекта первого Положения о факультете, принятом 2 октября 1920 г. Наряду с должностью заведующего кафедрой общей истории Церкви А.П. Доброклонский был первым избранным заместителем декана (с 30 ноября 1920 г.), а затем и первым избранным заместителем декана по учебной работе (продеканом) факультета (с 23 февраля 1921 г.). С июня 1923 по февраль 1924 г., во время отсутствия уезжавшего в советскую Россию декана протоиерея Стефана Дмитриевича, А.П. Доброклонский исполнял должность декана факультета⁹²⁸.

В июне 1923 г. А.П. Доброклонский вместе с профессором Н.Н. Глубоковским написал «Мнение богословского факультета по вопросу подлинности хиротонии Англиканской Церкви» — официальный ответ факультета на запрос Сербского Синода представить экспертное мнение по данному вопросу, в связи с переговорами, которые велись тогда между Православной и Англиканской Церквями. Важно упомянуть и инициативу А.П. Доброклонского по признанию степеней кандидатов и магистров российских духовных академий «в качестве формальной квалификации при выборе преподавателей факультета», которая была принята ученым советом факультета 6 апреля 1925 г. С 1931 г. до своей смерти в 1937 г. профессор возглавлял Русский научный институт в Белграде. Перед кончиной А.П. Доброклонский завещал богословскому факультету все свои сбережения (15 тысяч динар), из которых

---

⁹²⁷ *Buchenau K.*, а.а.О., S. 290–291; АЖ, 66–591–979.

⁹²⁸ *Пузович В.* Русские эмигранты — преподаватели на православном богословском факультете в Белграде (1920–1940) // *Православ'я — цивілізаційний стрижень слов'янського світу.* Киев, 2011. С. 240–242.

на протяжении многих лет награждались лучшие святосаввские студенческие работы в области общей истории Церкви, для чего был создан «Фонд профессора Александра Доброклонского и его супруги Марии»⁹²⁹.

Глубокий след в истории богословского факультета оставил и профессор-протоиерей Феодор Титов. До конца своей жизни (20 декабря 1935 г.) он исполнял должность сначала контрактального (избран 30 октября 1920 г.), а затем ординарного профессора (избран 8 марта 1926 г.). Отец Феодор Титов преподавал библейскую историю с библейской археологией, а с 1924 г. и догматическое богословие. По просьбе русских студентов (которую поддерживали и сербы), он с 1922 г. также преподавал в качестве факультативного предмета историю Российской Церкви. Из его работ, опубликованных в сербских журналах, выделяется ряд текстов по сербской церковной истории, опубликованных в 1930-е гг., в которых о. Феодор Титов исследует темы, связанные с деятельностью св. Саввы. Эти тексты были написаны в рамках кампании широкой пропаганды, предпринятой Сербской Церковью, которая стремилась через святосаввскую концепцию (учение святосаввия) укрепить национальное единство сербского народа на территории многонациональной Югославии⁹³⁰.

Своими многочисленными научными работами русские ученые существенно обогатили сербскую богословскую науку. Особенно важное значение имела их публикаторская деятельность в издававшемся с 1926 г. научном журнале белградского богословского факультета «Богословие». В течение первого десятилетия практически в каждом его номере выходили статьи русских ученых. В области систематического богословия выделялся объемный труд профессора о. Феодора Титова «Догматика и наука», который вышел в шести частях (в 1926–1927 гг.). В 12 частях была опубликована докторская диссертация Федора Раевского (будущего архиепископа Саввы) «Символические книги Англиканской епископальной Церкви с точки зрения православной догматики» (в 1934–1935 и 1937–1939 гг.). В трех частях вышел научный труд выдающегося русского ученого Владимира Алексеевича

---

⁹²⁹ Пузович В. Русские эмигранты... С. 242–243.

⁹³⁰ Кастратовић-Ристић В. Руски професори на Београдском универзитету 1919–1925 // Идеје и покрети на Београдском универзитету од оснивања до данас. Т. II. Београд, 1989. С. 51–55.

Мошина «Иоахимизм и восточное богословие». По патрологии была опубликована в 11 частях докторская диссертация Викентия Флориановича Фрадинского «Жизнь, литературная деятельность и нравственно-аскетическое учение святого Нила Синайского» (в 1931–1934, 1936 и 1938 гг.).

По литургике одна работа принадлежала известному филологу профессору Владимиру Алексеевичу Розову: «Служба и канон святому Николаю Новому Софийскому» (1930). Иеромонах Иоанн (Максимович), ставший позднее архиепископом и святителем, опубликовал статью «Рядовое и праздничное зачало» (1933). Особого внимания заслуживают две работы архимандрита Киприана (Керна): «Эпиклеза в александрийских литургиях» (1932) и «Эпиклеза в ранних христианских литургиях» (1933). Именно они представляют собой основу литургически-богословского подхода литургики в Сербии, заменившего историко-археологический и ритуалистический подход, который до тех пор доминировал в Сербской Церкви. В «Богословии» печатались также исторические труды профессоров А.П. Доброклонского, М.А. Георгиевского, В.Ф. Фрадинского, В.А. Мошина, работы профессора С.В. Троицкого по каноническому праву. Помимо авторских статей, русские ученые опубликовали в «Богословии» более 30 рецензий на самые значимые книги сербских, русских, а также и западноевропейских богословов⁹³¹. При этом российские эмигранты обогатили сербское богословие не только публикациями в журнале белградского богословского факультета, но и своими многочисленными трудами в других сербских церковных журналах. Самое большое число статей опубликовали профессор о. Феодор Титов (свыше 30) и С.В. Троицкий (около 100)⁹³². А.П. Доброклонский был автором одного из первых учебников «Общей истории Церкви» на сербском языке, учебник по истории Христианской Церкви написал Борис Волобуев и т.д.

Очень велико было число русских студентов богословского факультета, особенно в первые годы его существования. Так, в 1922 г. их насчитывалось 51 человек, что составляло около половины всех учащихся. В первом выпуске

⁹³¹ См.: *Гардашевић Б.* Богословље — орган Богословског факултета у Београду. 60 година издажења и библиографија // *Богословље*. 1986. № 1–2. С. 177–219; *Милићевић В., Поповић М.* Библиографија српске теологије. Библиографија часописа «Богословље» (1926–1940, 1957–2006) и «Зборника Православног богословског факултета» (1950–1952). Београд, 2009.

⁹³² *Гардашевић. Б.* Др Сергије Викторович Троицки // *Богословље*. 1980. № 1–2. С. 178–188.

1925 г. из 11 дипломантов пятеро были русскими⁹³³. В 1923–1927 гг. доля русских студентов на факультете колебалась между 40 и 50%, затем начала постепенно снижаться: в 1928 г. — 25%, в 1929 г. — 19%, в 1930 г. — 14%, а в 1931–1939 гг. колебалась между 6 и 10%⁹³⁴. Русские студенты активно готовились к служению своей Церкви, первыми двумя женщинами выпускницами были русские: Мария Зернова (сестра Н.М. Зернова) и Елена Смирнова, и в дальнейшем на богословский факультет поступали все желающие без ограничений⁹³⁵.

Совместными усилиями преподавательской, студенческой корпораций и русской церковной диаспоры на факультете постепенно сформировалась определенная система образования и воспитания. Ее отличительными особенностями были: особый акцент на самостоятельной научно-познавательной деятельности студентов в виде кружков и обществ, регулярная церковно-богослужебная жизнь и духовное окормление, пастырские беседы, постоянные контакты с православными архиереями и известными богословами различных христианских конфессий. Студенты богословского факультета активно участвовали в жизни русского прихода в Белграде (в чтении и пении на клиросе, пастырской и миссионерской работе), регулярно совершали паломничества в Хоповский монастырь, поддерживали связи с афонскими подвижниками⁹³⁶.

Некоторые русские выпускники Белградского университета стали в дальнейшем архиереями или известными церковными деятелями: архиепископы Серафим (Ива́нов), Антоний (Бартошевич), Савва (Советов), Антоний (Синкевич), Савва (Раевский) и святитель Иоанн (Максимович), епископы Василий (Родзянко), Филипп (Гарднер), Леонтий (Бартошевич), Митрофан (Зноско-Боровский) и Григорий (Граббе), архимандрит Киприан (Керн), профессор протопресвитер Николай Афанасьев, доктор богословия

---

⁹³³ Драшкович Ч. Четрдесет година Богословског факултета у Београду // Богословље, Београд, 1961. № 1–2. С. 20.

⁹³⁴ Vuchenaу К., а.а.О., S. 291; АЈ, 66–591–978; АС, Г/200, 1–120/1938, 1–91/1939.

⁹³⁵ Драшкович Ч. Указ. соч. С. 23.

⁹³⁶ Сухова Н.Ю. Русские богословские школы за рубежом: сохранение традиции и поиск нового (1920–1940) // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2008. С. 266–267.

профессор Викентий Флорианович Фрадинский, богослов и церковный историк, первый редактор «Вестника Русского студенческого христианского движения», профессор Оксфордского университета Николай Михайлович Зернов и др.

Накануне начала Второй мировой войны — в 1939 г. на богословском факультете Белградского университета обучались 23 русских студента и преподавали три русских профессора: Степан Михайлович Кульбакин, Сергей Викторович Троицкий и Викентий Флорианович Фрадинский. Бывший профессор Харьковского университета и член-корреспондент Российской академии наук, ставший действительным членом Сербской академии наук, филолог-славист С.М. Кульбакин был 30 июня 1924 г. избран внештатным профессором церковнославянского языка и работал на факультете до его временного закрытия и своей кончины в 1941 г.⁹³⁷

Известный юрист и каноник С.В. Троицкий работал на факультете внештатным профессором церковного права с 1936 г. В качестве эксперта по каноническим вопросам Сербского Синода он активно участвовал в создании наиболее важных официальных церковных документов (Закона о Сербской Церкви, ее устава и брачных правил). С.В. Троицкий внес и значительный научный вклад в области канонического права: истории канона, устройства Православной Церкви, вопросов ее юрисдикции, брачного права⁹³⁸. Однако со священноначалием Русской Православной Церкви Заграницей он далеко не всегда имел хорошие отношения. Так, митрополит Антоний (Храповицкий) считал его активным врагом Архиерейского Синода, и в связи с этим один сербский епископ в 1929 г. даже назвал С.В. Троицкого «Иудой Искаротским»⁹³⁹.

Последним русским ученым, преподававшим на факультете, был В.Ф. Фрадинский — участник Первой мировой и Гражданской войн. Он стал единственным русским выпускником богословского факультета (1926), защитившим там докторскую диссертацию (6 марта 1939 г., тема «Святой Нил Синайский, его жизнь, литературная работа и морально-аскетическое

---

⁹³⁷ *Кастратовић-Ристић В.* Указ. соч. С. 51–55.

⁹³⁸ *Гардашевић. Б.* Др Сергије Викторович Троицки. С. 176.

⁹³⁹ Архив Германской епархии РПЦЗ в Мюнхене, д. Разная переписка. Военные годы.

учение») и ставшим в его стенах профессором. С 3 мая 1924 г. В.Ф. Фрадинский работал ассистентом-библиотекарем, с 30 мая 1939 г. — доцентом на кафедре общей истории Церкви, которую возглавлял в звании профессора с конца 1939 по 1961 г. (до своей смерти), с перерывом на годы войны (1941–1945)⁹⁴⁰.

При всем значительном русском влиянии на деятельность богословского факультета, руководство Русской Православной Церкви Заграницей никогда не пыталось вмешиваться в его внутреннюю жизнь. В частности, когда летом 1938 г. русский студенческий кружок факультета обратился с ходатайством об установлении для выпускников — членов кружка нагрудного знака, Архиепископский Собор РПЦЗ на заседании 29 августа постановил: «Ввиду того что Белградский богословский факультет является сербским учреждением, просителям о том надлежит обратиться к сербским церковным властям, что им и сообщить»⁹⁴¹.

В 1920 г. при активном участии русских эмигрантов был открыт православный богословский факультет в Загребском университете (ректор Владан Максимович). В 1922/23 учебном году из 30 его студентов 17 были русскими и лишь 13 — сербами. Правда, в 1924 г. по финансовым и политическим причинам этот факультет оказался закрыт⁹⁴².

На открытом в 1920 г. философском факультете (филиале Белградского университета) в г. Скопле (Скопье) в 1920–1941 гг. работало восемь российских преподавателей, в том числе известный ученый — доцент кафедры византиноведения, будущий академик Македонской академии наук и протоиерей Владимир Алексеевич Мошин (1894–1987), преподававший историю Византии и Римской империи⁹⁴³, историк культуры Петр Михайлович Бицилли, историк литературы Евгений Васильевич Аничков и др. Выпускник Московской духовной академии кандидат богословия Сергей Наумов до 1941 г. работал профессором реальной гимназии в Битоле, Виктор Петров был

---

⁹⁴⁰ Драшкович Ч. Указ. соч. С. 11.

⁹⁴¹ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 18, л. 17 об.

⁹⁴² Vuchetani K., а.а.О., S. 276.

⁹⁴³ Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. С. 352.

профессором скопленской гимназии, а Михаил Оленин до весны 1941 г. работал наставником в Великом медресе имени короля Александра I в Скопле⁹⁴⁴.

Еще в большем количестве, чем на богословских факультетах университетов, русские эмигранты преподавали во всех пяти существовавших до начала Второй мировой войны сербских духовных семинариях, например в Карловацкой семинарии св. Саввы в разные годы 14 человек: Николай Георгиевич Дориомедов (преподавал греческий и латинский языки), Федор Федорович Балабанов (Священное Писание, патрология, философия, церковнославянский язык), Владимир Николаевич Халаев (русский, французский языки), Николай Александрович Акаемов (греческий и латинский языки), Сергей Матвеевич Муратов (церковное пение, теория музыки), Владимир Алексеевич Розов (общая история), Владимир Смолянинов, протоиерей Иоанн Сокаль (моральное богословие), Василий Виноградов (Ветхий Завет), Тихон Троицкий, Борис Георгиевич Волобуев (история Христианской Церкви, общая история, нотное и церковное пение), Нил Софинский, Нил Малахов (моральное богословие, апологетика, философия, логика с психологией, педагогика, церковнославянский язык) и Борис Селивановский (Священное Писание, библейская история, церковнославянский язык)⁹⁴⁵.

В целом русские в 1920-е гг. составляли от трети до четверти преподавателей духовных семинарий, но в отдельных случаях даже подавляющее большинство. Так, многие известные русские церковные деятели преподавали в открывшейся в 1922 г. Битольской духовной семинарии св. ап. Иоанна Богослова. В сентябре 1921 г. епископ Битольский Иосиф (Цвийович) и епископ Охридский Николай (Велимирович) обратились к министру по делам религии с меморандумом, предлагая вновь учредить в Битоле семинарию (существовавшую там в 1897–1912 гг. при Болгарском экзархате), с целью подготовки для этого региона лояльного белградским властям национального духовенства и вытеснения, таким образом, болгарского и греческого влияния. Семинария начала свою работу уже в феврале 1922 г., и само ее существование было бы невозможно без русских эмигрантов, так как в первый год из пяти преподавателей, считая епископа Иосифа, четыре были русскими:

---

⁹⁴⁴ АС, Г/3 Министерство просвете и вера, 1–792/1941, 1–796/1941.

⁹⁴⁵ Арсеньев А. Русская диаспора в Югославии. С. 76; *Его же*. У излуцины Дуная. С. 33.

иеромонах (будущий епископ Лондонский) Николай (Карпов), священник Иоанн Сокаль, Владимир Тимофеев и Сергей Михайлович Наумов. При этом о. Иоанн Сокаль, бывший в 1912–1919 гг. инспектором параллельных классов Курской духовной семинарии, в 1922–1931 гг. служил инспектором Битольской семинарии⁹⁴⁶.

В дальнейшем в ней в разные годы преподавали еще семь русских эмигрантов: Николай Шуба, священник Алексей Моргуль, иеромонах Иннокентий (Анисимов), профессор Виктор Квачадзе, профессор Виктор Волобуев, святитель о. Иоанн (Максимович), будущий архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский, а также известный богослов архимандрит Киприан (Керн), первый русский эмигрант, закончивший в 1925 г. богословский факультет Белградского университета⁹⁴⁷.

Начав преподавать в Битольской семинарии, Константин Эдуардович Керн 30 января 1927 г. принял монашеский постриг с именем Киприан, 17 апреля того же года был рукоположен митрополитом Антонием (Храповицким) во иеродиакона и 21 апреля — во иерея. За годы преподавательской работы в Битоле (1925–1928 и 1931–1936) о. Киприан, возведенный 7 июля 1928 г. в сан архимандрита, опубликовал несколько статей в сербских богословских журналах, в 1928 г. частично напечатал свои лекции по литургике в книге «Крины молитвенные» и начал изучать наследие свт. Григория Паламы. В этот период он дважды отказался от архиерейской хиротонии — вначале от предложения митрополита Антония (Храповицкого), а затем, в 1933 г. от предложения Сербского Патриарха Варнавы⁹⁴⁸.

Сербский протоиерей Урош Максимович писал в статье «Святой наших дней» о святителе Иоанне (Максимовиче, по происхождению русском дворянине с сербскими корнями), начавшем преподавать в семинарии в 1928 г. церковную историю и пастырское богословие и на следующий год рукоположенном во иеромонаха: «Без сомнения, по Божиему Промыслу, он был необходим в то время Битольской семинарии, которая в своем интернате имела

---

⁹⁴⁶ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 149, л. 1–5.

⁹⁴⁷ *Vuchepai K.*, а.а.О., S. 323–327.

⁹⁴⁸ Елена (Хиловская), мон. Архимандрит Киприан (Керн) и его «Путеводитель по русским переводам патристических текстов» // Вестник церковной истории. 2010. № 1–2. С. 282–285.

от 400 до 500 учеников. Многие стипендиаты жили в интернате до 4-го класса гимназии, пока им была дана возможность выбора или кончать семинарию, или идти в какую-нибудь другую школу, оставаясь стипендиатом. Таким образом, было много учеников разных школ, а всех больше — семинаристов. Было много албанцев, меньше русских и чехов. С утра до вечера гудело, как в улье. Среди этих юношей и мальчиков стал работать этот святой человек, который подвигом, молитвами и теплотой христианской любви творил новых людей... Охридский епископ Николай (Велимирович) часто заезжал в семинарию и разговаривал с преподавателями и учениками... Один раз при расставании обратился к небольшой группе учеников... с такими словами: “Дети, слушайте о. Иоанна, он — ангел Божий в человеческом облике”. Мы сами уверились, что это правильная его характеристика. Его жизнь была ангельской... Он питался только тем количеством пищи, сколько необходимо было для поддержания тела. Одежда его была скромная, а в постели он не нуждался. Комната его находилась в подвальном этаже, была с одним окном, без занавески, выходящим вглубь двора. В комнате был обыкновенный стол со стулом и кровать, на которую он никогда не ложился. На столе всегда лежало св. Евангелие, а на полке стояли богослужебные книги. Это было все. Во всякое время ночи можно было видеть его за столом, читающим Библию... Он желал привлечь учеников, чтобы больше всего обращали внимание на св. Евангелие как источник всего богословского знания. Какие прекрасные объяснения он давал по предмету пастырского богословия и истории христианской Церкви!.. Он был среди нас как посланник Божий, которому определено работать на широкой ниве Его. Он честно совершил эту свою миссию в моем понимании»⁹⁴⁹.

По другим свидетельствам, епископ Охридский Николай (Велимирович) в конце 1920-х гг. давал такую характеристику иеромонаху Иоанну (Максимовичу): «Если хотите видеть живого святого, идите в Битоль к о. Иоанну»⁹⁵⁰. Святитель Иоанн работал преподавателем и воспитателем в Битольской

---

⁹⁴⁹ Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. С. 179–180; Православная Русь. 1986. № 15. С. 1–2.

⁹⁵⁰ Кравченко А. Паломничество к сербским святыням // Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей. 2012. № 5–6. С. 28.

семинарии около шести лет — до 1934 г., оставив самую добрую память у сербских и русских воспитанников.

В находившейся в древней столице Черногории г. Цетинье Духовной семинарии св. Петра Цетинского преподавали иеромонах Филипп (Иван Алексеевич Гарднер), Иннокентий Анисимов, Владимир Стадницкий, Иван Якубов, Владимир Николаевич Халаев и профессор Николай Георгиевич Дориомедов. В Призренской духовной семинарии в разное время читали лекции русские эмигранты: игумен Иоанн (Кухтин), протоиерей Иоанн Сокаль, священник Тихон Троицкий, профессор Василий Круликовский, библиист Федор Федорович Балабанов, филолог Пантелеймон Хапланов, историк Иван Чернявский, филолог и заведующий семинарской библиотекой Иван Якубов, а также преподаватели церковного пения Василий Анисенко и Степан Георгиевич Гущин. Они преподавали не только основные богословские предметы и церковное пение, но и латынь, церковнославянский, древнегреческий и русский языки. В Сараевской духовной семинарии преподавали: бывший чиновник Российского Святейшего Синода, один из ближайших сотрудников обер-прокурора К.П. Победоносцева профессор Василий Скворцов (скончался и похоронен в Сараево в мае 1932 г.) и с 1938 г. священник Борис Константинович Селивановский⁹⁵¹.

В сербских духовных семинариях, так же как и в Белградском университете, было много русских студентов. При этом важное значение имело то, что они привнесли с собой в семинарии традицию студенческих кружков. Так, например, протоиерей Нил Малахов в 1928 г. основал в Карловацкой семинарии религиозно-философское общество, к которому принадлежали все профессора и учащиеся двух последних классов⁹⁵².

Русские преподаватели были создателями и руководителями целого ряда других кружков и обществ в духовных семинариях. Много эмигрантов из России работали преподавателями Закона Божия в сербских гимназиях и других средних учебных заведениях: протоиерей Михаил Булгаков — в Великой Кикинде, протоиерей Владимир Голунский — в Белой Церкви и Вршаце, священник Сергей Федоровский — в Великом Бечкереке

---

⁹⁵¹ АЖ, 66–1105–1434, 66–1094–1414, 66–1096–1419, 69–41–65.

⁹⁵² Там же, 66–1094–1414.

и Сомборе, иеродиакон Иоанн (Котов) — в Вршаце, Николай Капустин — в Сомборе, Николай Соколов — в Великом Бечкереке и Сомборе и др.

В Королевстве сербов, хорватов и словенцев зародилось русское студенческое христианское движение (РСХД), распространившееся затем по всему зарубежью. Его начало было связано с деятельностью возникшего осенью 1921 г. по инициативе Н.М. Зернова и Н.Н. Афанасьева небольшого религиозно-философского кружка св. ап. Иоанна Богослова русских студентов богословского факультета Белградского университета. С самого начала в кружке сложилось два течения, «одно интересовалось вопросами аскетики и молитвы, другое было обращено на строительство православной культуры и на миссионерские задачи христианства»⁹⁵³.

В кружок св. ап. Иоанна Богослова входили будущие известные деятели русского церковного зарубежья: свт. архиепископ Иоанн (Максимович), архиепископ Серафим (Иванов), архиепископ Леонтий (Барташевич), епископ Кассиан (Безобразов), архимандрит Киприан (Керн), епископ Григорий (Граббе), священномученик иерей Николай Клепинин, архимандрит Савва (Шимкевич), протоиерей Иоанн Троянов, церковный историк П.С. Лопухин, будущая монахиня Покровского монастыря под Парижем А.В. Оболенская и многие другие. На собраниях кружка обсуждались научно-богословские, религиозно-философские, церковно-практические и духовно-нравственные проблемы. На этих заседаниях бывал митрополит Антоний (Храповицкий), ставший духовным руководителем многих членов кружка, выступали с докладами архиепископ Полтавский Феофан (Быстров), епископ Челябинский Гавриил (Чепур), профессора В.В. Зеньковский, Н.Н. Глубоковский, знаменитый сербский богослов епископ Николай (Велимирович). Вскоре у участников кружка возникли связи с представителями международной Христианской студенческой федерации, богословами Англиканской Церкви (епископ Чарльз Гор и др.)⁹⁵⁴.

Одним из самых деятельных участников кружка был преподаватель философии В.В. Зеньковский. Члены кружка так вспоминали о нем: «Скорее не-

---

⁹⁵³ Зернов Н.М. О Белградском кружке // За рубежом: Белград-Париж-Оксфорд (хроника семьи Зерновых) (1921–1972) / Под ред. И.М. и М.В. Зерновых. Париж, 1973. С. 23–30.

⁹⁵⁴ Там же. С. 28.

красивый, в золотых очках из-за большой близорукости, он излучал теплую уютность и благожелательность. Он был готов терпеливо выслушать каждого и легко соглашался с собеседником, находя искренне положительные стороны в различных мнениях по спорным вопросам. Но это не делало его аморфным, он знал, как руководить другими, и пользовался авторитетом в церковно-общественных кругах. У него был подлинный интерес и симпатия к людям, с ним было легко делиться своей жизнью. Он мог объединять, примирять и вдохновлять»⁹⁵⁵. Знакомство с белградским кружком будущий протоиерей Василий Зеньковский связывал с началом нового периода в своей жизни, отмечая: «Я на всю жизнь полюбил молодежь и религиозную работу с ней»⁹⁵⁶.

Члены кружка св. ап. Иоанна Богослова публиковали журнал «Странник». Почти сразу в деятельности кружка возникло два течения: одни больше интересовались вопросами аскетики и молитвы, другие — православной культурой и миссионерскими задачами. Эта разносторонность была полезной, так как давала участникам материал для дискуссий и обмена идей⁹⁵⁷. И в целом этот кружок оказал благоприятное воздействие как на сохранение русских богословских и духовных традиций в новой среде, так и на взаимопроникновение этих традиций и сербской духовной культуры. Кроме того, действовал русский религиозно-философский кружок в Земуне, где проживали многие преподаватели и студенты богословского факультета Белградского университета.

10–17 сентября 1925 г. в Королевстве сербов, хорватов и словенцев прошел упоминавшийся 3-й съезд РСХД, участие в котором принял митрополит Антоний (Храповицкий), так написавший об этом съезде 18 сентября иеромонаху Амвросию (Курганову): «Последнюю седмицу от четверга 28 авг. до четверга 4 сент. [по старому стилю] я провел в Хоповском женском монастыре на студенческой конференции, на которую съехалось 100 слушателей и 6 профессоров. Заседали и слушали рефераты целыми днями и ежедневно служили литургию и всенощную; юношество поразило меня своим умилением

---

⁹⁵⁵ См.: Вестник Русского студенческого христианского движения. Париж. 1962. № 66–67.

⁹⁵⁶ Урядова А.В. Личность протоиерея Василия Зеньковского (1881–1962) // Люди и судьбы русского зарубежья. Сборник статей. М., 2001. С. 71–72.

⁹⁵⁷ Гуревич А.А. История деятельности РСХД: 1923–1939 гг. М., 2003. С. 46–49.

и благоговением. Можно ли было ожидать таких картин после революции? А ведь были все выборные от русских студенческих кружков с целой Европы. Напоследок все исповедовались и причащались. Глубоковский прибыл на последние 2 дня из Швеции и тоже в восторге от всего виденного и слышанного; на последние 3–4 дня привезли Курскую чудотворную икону, и тогда религиозный восторг молодых людей соединился с радостными слезами»⁹⁵⁸. Помимо Н.Н. Глубоковского в съезде участвовали и другие известные русские богословы: протоиерей Сергей Булгаков, С.Л. Франк, В.В. Зенбковский, Л.А. Зандер, С.В. Троицкий, Г.Г. Кульман.

Впоследствии активная поддержка митрополитом Антонием РСХД, связанного с обществом ИМКА — Христианским союзом молодых людей (YMCA — Yong Men's Christian Association) — межконфессиональной (преимущественно протестантской) организацией с центром в США, привела к острому конфликту между Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей и архиепископом Полтавским Феофаном (Быстровым). В конце 1925 г. кружок студентов богословского факультета Белградского университета был преобразован в Свято-Серафимовское общество, в котором возникло два течения. Представители одного больше интересовались вопросами аскетичности и молитвы, а сторонники другого — православной культурой и миссионерскими задачами христианства. Однако центр русского христианского студенческого движения к тому времени уже переместился в Париж.

30 июня 1926 г. Архиерейский Собор Зарубежной Русской Церкви, заслушав доклад архиепископа Феофана (Быстрова) об Американском союзе христианской молодежи, постановил: «1) относительно американских интерконфессиональных организаций YMCA и YWCA (Союз христианской молодежи и Всемирная христианская студенческая федерация) подтвердить постановление Русского Всеаграничного Церковного Собора 1921 г. в Сремских Карловцах: признать эти организации явно масонскими и антихристианскими, и потому 2) не разрешать членам Православной Церкви организовываться в кружки под руководством этих и подобных им неправославных и нецерковных организаций и быть в среде их влияния». Впрочем, обсудив в тот же день обращение Съезда бюро РСХД в Западной Европе на имя Собора

---

⁹⁵⁸ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 166–167.

с выражением преданности и просьбой о духовном руководительстве движением, Архиерейский Собор постановил: «Благословить и взять под свое покровительство и руководство все православные студенческие кружки, которые в своем уставе официально и определенно называют себя православными, устраивают свою внутреннюю и внешнюю жизнь в полном согласии с началами Святой Православной Церкви, находятся в неперемнной зависимости и под руководством Православной иерархии или лиц, облеченных ее доверием, и без ее благословения ничего существенного и значительного не делают»⁹⁵⁹.

Через месяц, 22 июля, митрополит Антоний отправил секретарю РСХД диакону Л. Липеровскому объяснительное письмо по поводу решения Архиерейского Собора о запрещении своим чадам находиться в организации ИМКА: «...областной православный Собор, объединяющий лично и через письменные отзывы 32 архиереев в трех частях света, не мог дать официально своего благословения никакому учреждению, кроме тех, которые именуют себя православными; но он не воспретил своим пасомым состоять членами общества УМСА, а не одобрил только их пребывания под его духовным руководством, как учреждения, хотя и христианского, но интерконфессионального; но службы же в этом обществе в качестве его чиновников Собор не воспретил, как не воспретил участия в его издательствах, в коих и я принимал участие, так как никакой противоправославной пропаганды я не встречал за последние 4–5 лет ни в изданиях Общества, ни в субсидируемом им Парижском богословском институте, ни в отношении его к русским молодым людям... Что касается до отзыва Собора о самом обществе УМСА, то естественно оно явилось повторением отзыва такого же Собора 1921 г.; с тех пор произошла значительная эволюция в Обществе, но Собору настолько малоизвестная, что я, зная о последней, не мог навязать своего убеждения собратьям-архиереям, к Собору коих Вы обратились с запросом о благословении; надеюсь, что Ваша разрастающаяся и врастающая в жизнь Православной Церкви деятельность ко времени дальнейших Соборов расположит их к полному доверию и сочувствию Вашему движению»⁹⁶⁰.

---

⁹⁵⁹ Возрождение. Париж. 1926. № 465. 10 сентября. С. 2.

⁹⁶⁰ Там же.

Публикация этого письма в газете «Возрождение» вызвала протест архиепископа Феофана, которому вскоре пришлось уйти из Архиерейского Синода. Однако большого развития в Югославии русское христианское студенческое движение все-таки не получило. В сентябре 1927 г. братство прп. Серафима Саровского известило руководство РСХД о своем решении выйти из движения⁹⁶¹.

Из более чем 70 работавших в Югославии русских архитекторов очень многие (Г.И. Самойлов, В.М. Андросов, В.В. Сташевский, В.В. Лукомский, Н.П. Краснов, П.Д. Анагности, И.А. Рык, Р.Н. Верховский, Холменко, А. Клепинин и др.) возводили по своим проектам храмы для сербов. Только проживавший в г. Косовска-Митровица Василий Михайлович Андросов (1873–1944) построил около 60 церквей в различных городах и селах Югославии: кафедральный храм Пресвятой Троицы в г. Лесковаце, церкви св. Параскевы-Пятницы в Кумарево, свв. апостолов Петра и Павла в Донья-Лакошнице и др.

В 1934–1936 гг. Святейший Патриарх Варнава доверил постройку здания Сербской Патриархии в центре Белграда русскому архитектору Виктору Викторовичу Лукомскому (1884–1947) вместе с профессором Воиславом Заднином. По проектам В.В. Лукомского также были возведены храм св. Саввы на Врачаре и придворная церковь св. ап. Андрея на Дединье.

Архитектор Николай Петрович Краснов (1864–1939) в 1924 г. (совместно с Н. Виноградовым) произвел реконструкцию церкви Ружице в центре Белграда — крепости Калемегдан и в 1923–1925 гг. возвел вместо разрушенной австро-венгерскими войсками новую часовню, посвященную черногорскому государю и владыке Петру II Негошу (1813–1851), с саркофагом правителя на вершине горы Ловчен⁹⁶². Профессор Александр Дерок и архитектор Петр Дмитриевич Анагности совместно построили епархиальный комплекс в г. Нише⁹⁶³.

---

⁹⁶¹ Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. С. 118.

⁹⁶² Николай Краснов — русский зодчий Сербии 1864–1939. К 150-летию со дня рождения. Каталог выставки. Декабрь 2014, Москва — январь 2015, Белград. М., 2015. С. 104, 108–109.

⁹⁶³ Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. С. 70–71.

Григорий Иванович Самойлов (1904–1989) прославился тем, что проведя в 1941–1945 гг. четыре года в нацистском концлагере Сталаг IX-C вблизи Бухенвальда, построил там, выменивая продуктовые посылки Красного Креста на материалы и инструменты, «самую красивую часовню в тогдашних немецких лагерях военнопленных» (сейчас ее иконостас в сербско-византийском стиле находится в часовне на Центральном кладбище Белграда). Этот архитектор также участвовал в проектировании и строительстве церкви св. Иоанна Крестителя в с. Вучья (он также расписал ее иконостас), церкви св. Архангела Гавриила в Белграде и храма в г. Баня Лука (уничтоженного во время Второй мировой войны)⁹⁶⁴.

Инженер Сергей Николаевич Смирнов (1877–1958) возглавлял работы по созданию интерьеров церкви св. Георгия — храма-мавзолея королевской династии Карагеоргиевичей в Опленце. Эта церковь была освящена еще 23 сентября 1912 г., здесь был погребен скончавшийся 16 августа 1921 г. король Петр I Карагеоргиевич, но внутренне убранство храма создавалось в 1920–1930-е гг. С.Н. Смирнов также руководил оформлением интерьеров строившейся в 1924–1936 гг. дворцовой церкви св. ап. Андрея Первозванного в королевской резиденции на Дедине, и вместе с архитектором Н.П. Красновым возводил часовню, посвященную черногорскому государю и владыке Петру II Негошу. Проживавший в г. Косовска-Митровица инженер-строитель Николай Федорович Денисенко осуществил реставрацию многих древних храмов и монастырей: Высоко-Дечанского, Богородицы Левишка и др.

Широкую известность в Югославии приобрело русское иконописное искусство, оказавшее большое влияние на сербов. Из церковных художников выделялись Иван Петрович Дикой, Владимир Яковлевич Предаевич, барон Николай Богданович Мейендорф, Б.И. Образков и В.Н. Шевцов, которые участвовали в украшении упоминавшегося храма-мавзолея св. Георгия в Опленце и церкви св. ап. Андрея Первозванного на Дедине. Николай Мейендорф по благословению епископа Жичского свт. Николая (Велимировича) в 1937 г. написал в храме св. Саввы монастыря Жича

---

⁹⁶⁴ Милованович М. Архитектор Григорий Самойлов // Русская эмиграция в Югославии. С. 280.

фрески с изображением российского императора Николая II и св. Серафима Саровского⁹⁶⁵. И.П. Дикой также расписал фресками храм св. Иоанна Предтечи в Грделице. Художник В.Я. Предаевич, профессор Академии прикладных искусств в Белграде, выполнил роспись придворного храма (фрески и иконы) прп. Симеона Немани, родоначальника династии Неманичей. Родословная Предаевича восходила к тем сербам, которые в середине XVIII в. переселились в Россию.

Следует отметить также изографов: Николая Толмачева, Николая Малышкина, Андрея Биценко, Бориса Селянко, Василия Пирожкова, Георгия Зигерн-Корна (написавшего фрески в 15 церквях), Владимира Курочкина, Марианну Малахову (писавшую иконы для духовной семинарии в Сремских Карловцах), генерала Бориса Литвинова, Ольгу Богорадову, Андрея Быченко (расписавшего в 1927 г. иконостас для храма монастыря св. Романа), учеников И.Е. Репина Степана Колесникова и Елену Киселеву и др.⁹⁶⁶ В частности, Андрей Васильевич Биценко и Василий Пирожков украсили своими фресками и иконами кафедральный храм Пресвятой Троицы в г. Лесковаце, Петр Сухарев расписал фресками стены церкви св. Иоанна Крестителя в с. Вучья, Евгения Долгова — храм свт. Николая Чудотворца в Црна-Траве.

Особую признательность сербов заслужило творчество знаменитого иконописца и реставратора Пимена Максимовича Софронова (1898–1973), ученика известнейшего в России реставратора-иконописца Гаврила Ефимовича Фролова. В 1934–1937 гг. П.М. Софронов руководил Синодальной иконописной школой в монастыре Раковица вблизи Белграда, открытой по инициативе Святейшего Патриарха Варнавы и прекратившей существование после кончины Первосвятителя⁹⁶⁷. Среди его учеников в этой школе были: епископ Иоанн (Булин), игумен Тадей (Штрбулович), известный позднее в Болгарии иконописец Николай Шелихов и многие другие. П.М. Софронов написал и отреставрировал множество икон для русских, сербских, украинских,

---

⁹⁶⁵ *Кравченко А.* Паломничество к сербским святыням // Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей. 2012. № 5–6. С. 28.

⁹⁶⁶ *Арсеньев А.* У излучины Дуная. С. 56, 185; *Косик В.И.* К истории русской религиозной живописи на Балканах // XI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы. М., 2001. С. 152–155.

⁹⁶⁷ *Йованович М.* Указ. соч. С. 340.

болгарских и греческих церквей, работал он и в Ватикане. В статье, написанной к пятилетию кончины иконописца, отмечалось: «Софронов стал как бы посредником между религиозной живописью России, Сербии, Болгарии. Он как бы скрещивал многовековые традиции религиозного искусства этих народов, поставив себе целью возрождение византийских и старославянских традиций в новых временах»⁹⁶⁸.

Бывший студент Российской академии художеств Иван Иустинович Мельников написал более семи тысяч икон и фресок, главным образом в Македонии, благодаря покровительству епископа Битольского Иосифа (Цвийовича) и епископа Охридского свт. Николая (Велимировича). В частности, владыка Николай обеспечил ему свободу посещения всех монастырей епархии и поделился своими знаниями в области православной иконографии. Свой первый иконостас И.И. Мельников создал в 1921 г. для церкви свт. Николая Чудотворца в с. Наколец на Преспанском озере, затем написал иконостасы в церкви свт. Николая в Струге, церкви св. Анастасии в монастыре св. Наума, церкви св. Петки в Битоли, церкви св. Феодора Тирона в с. Српци около Битоли, три иконостаса в монастыре Манастирац вблизи Дебра, фрески в монастыре Калиште, в королевской часовне монастыря св. Наума, церквах Пресвятой Богородицы, св. Недели и русском храме Пресвятой Троицы в Битоли, церкви свт. Николая в с. Сопотницы, церкви св. Илии в с. Жванье и др. В других регионах Югославии он создал иконостасы в церквах св. Проккопия и св. Георгия вблизи Чачака, в овчарском монастыре Преображения Господня, церкви Пресвятой Богородицы в Чайниче, церкви Вознесения Господня в с. Осечине, перламутровый иконостас для храма св. Саввы в монастыре Жича. В мастерской И.И. Мельникова прошли курс обучения более 50 учеников — русских и сербов.

Еще один русский эмигрант — участник Белого движения Сергей Иванович Обрезков с благословения Святейшего Патриарха Варнавы в 1930-е гг. внес большой вклад в реставрацию средневековых фресок и икон в македонских монастырях. Известным художником-реставратором живописи в сербских монастырях и храмах была также Елена Владимировна Вандровская,

---

⁹⁶⁸ Завалишин В. Лучший иконописец нашего времени (К пятилетию со дня кончины Пимена Софронова) // Русское возрождение. 1980. № 12. С. 177–187.

работавшая старшим реставратором в музее Воеводины и занимавшаяся, в частности, реставрацией фресок XI в. в соборе св. Софии в Охриде⁹⁶⁹.

Высоко ценилось в Югославии и русское церковное хоровое пение. Среди российских эмигрантов было значительное количество хористов, регентов и солистов разных хоровых ансамблей, в том числе церковных хоров, а также просто штатских и военных лиц с музыкальным образованием. Более сотни из них устроились преподавателями пения и регентами в средних учебных заведениях, а еще несколько десятков — регентами хоров при храмах и культурно-общественных коллективах. Вклад русских эмигрантов в церковное пение в Югославии прослеживается в следующих видах их деятельности: 1) основание и дирижирование хорами в сербских храмах; дирижирование любительскими хорами в провинции — крестьянскими, молодежными, национальных меньшинств, ремесленников, Сокольских организаций; основание и дирижирование хорами учеников средних учебных заведений; 2) гармонизация сербских духовных песнопений и их адаптация для исполнения в местных условиях и при возможностях хора; 3) ознакомление местного населения с русскими духовными сочинениями; 4) составление, упорядочение и пополнение нототек при сербских церковных приходах и гражданских певческих обществах; 5) преподавание предметов церковное пение, хоровое пение и теория музыки и дирижирование хорами в сербских духовных семинариях; 6) изучение православного пения, публикация исследований и рецензий на концерты духовной музыки⁹⁷⁰.

Деятельность русских регентов, преподавателей музыки и композиторов духовных песнопений была чрезвычайно плодотворной. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии) во всех русских церковных приходах существовали свои хоры, а иногда и несколько одновременно. Духовный очаг на чужбине и не мыслился иначе, как с хором, все равно, из скольких певчих он состоял. Однако русские хоры создавались и при сербских храмах. До приезда эмигрантов из России в уездном сербском городе церковный хор мог

---

⁹⁶⁹ Косик В.И. К истории русской религиозной живописи на Балканах // XI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы. М., 2001. С. 154–155.

⁹⁷⁰ Арсеньев А. Вклад беженцев в хоровое искусство и церковное пение в Сербии // Новый журнал. 2010. № 259. С. 439–440.

существовать лишь при одном из храмов. Поэтому уже в начале 1920-х гг. беженцы создали свои, «русские» хоры, которые, получив на то благословение от сербских епископов, пели на богослужениях в местных храмах. Если в римо-католической и мусульманской частях страны существовали православные храмы или монастыри, русские эмигранты ходили туда и также создавали свои хоры — в Дубровнике, Сплите, Загребе, Любляне, Баня Луке, Мостаре и других городах.

Русские церковные хоры нередко возникали спонтанно. Вот как это описал в своих воспоминаниях академик протоиерей Владимир Мошин: «Как и вся русская интеллигенция, которую остроумный Степанов в своих мемуарах метко охарактеризовал как “поющую, вопиющую, взывающую и глаголящую”, наша русская колония не оказалась без талантов. Все пели, все играли, декламировали, танцевали. Вероятно, уже через месяц-два по приезде в г. Копривницу был устроен первый “русский вечер” с концертным отделением, где Оля [супруга Мошина] с Веселовским блестяще исполнили на рояле в четыре руки увертюру к вагнеровскому “Тангейзеру”, княгиня Тохтамышева, хорошая балерина, удивила публику классическими балетными номерами, маленький хор исполнил в декорациях популярную “Волга, Волга”... Зал был переполнен, успех потрясающий!.. В том же, первом, году нашего пребывания в Копривнице мы основали и хор в местной православной церкви с участием местных певцов-сербов, которым первое время руководил мой брат [Сергей Мошин], а после его отъезда в Белград принял управление я, и управляя им 12 лет до нашего отъезда из Копривницы»⁹⁷¹.

Регентов из России было так много, что нередко они пропагандировали себя в местной прессе. Так, например, в одном из католических регионов страны русский регент дал следующее объявление в сербской газете: «В деревнях Сонта и Гомбош (Бачка) имеется русский хор, который состоит из 15 певчих. Он готов стать постоянным хором в любом православном храме, так как такового в этих деревнях нет». Другой русский регент — Василий Гаврилов, в 1922 г. проживавший в г. Винковци, предлагал свои услуги, дав объявление в газете сербской церкви. Объявление в 1929 г. давал и Павел Овсянников,

---

⁹⁷¹ Андрей Тарасьев, иподиак. Указ. соч. С. 469.

«бывший регент певческих обществ в Приедоре и Шабаче, ученик Архангельского и Глазунова»⁹⁷².

Хоровое церковное пение в большинстве провинциальных сербских храмов было новшеством, и его появление вызвало большой интерес у местного населения. В городах, где существовало несколько православных храмов, верующие узнавали, в каком из храмов сегодня будет петь русский хор, и шли туда. В 1920-е гг. эти хоры часто принимали участие в благотворительных концертах, устраивавшихся русской колонией для оказания помощи нуждающимся, сиротам, вдовам или инвалидам. Хор выступал с местными или гастролирующими русскими артистами и вокальными солистами, исполнял и популярные русские народные песни. Постепенно, спевшись и приобретя ноты, русские хоры расширяли свой репертуар и давали вечерние духовные концерты, в программах которых звучали сочинения Архангельского, Бортнянского, Веделя, Гречанинова, Львова, Чеснокова. Если в их городе возникал русский церковный приход, эти хоры с регентом продолжали свое существование в русской церкви или хор делился на два. Историк-краевед многонационального города Битоля записал бытовавшую там в межвоенный период поговорку: «Двое македонцев — партия, двое русских — хор»⁹⁷³.

При сербских храмах нередко пели смешанные сербско-русские хоры, которыми управляли русские регенты. Эти энтузиасты и глубоко верующие люди были выпускниками российских духовных семинарий и провинциальных приходских школ, сыновьями священников, монахами, людьми военного звания, преподавателями, казаками. Они обладали необходимыми познаниями в церковном пении, так как еще в России чаще, чем это было принято у сербов, посещали богослужения и заказывали требы. Песнопения и их чередование запоминались ими с раннего возраста. Для многих эмигрантов желание стать регентом было не только душевной потребностью, но и возможностью получить от Сербской Церкви скромное вознаграждение, что позволяло выжить на чужбине.

В журнале «Русский хоровой вестник», издаваемом пражским Общественным русским хором имени А.А. Архангельского, в 1928 г. были приведены

---

⁹⁷² Застава. Нови Сад. 22.03.1922; Гласник. Службени лист Српске Православне Цркве. 1922. № 9; Гласник Музичког друштва «Станковић». Београд. 1929. № 9. С. 175.

⁹⁷³ Стерјовски А. Битола — руската колонија. Битола, 2003. С. 96.

следующие сведения о некоторых русских хорах в Югославии: «Смешанный церковно-светский хор в Новом Саде (дирижер — И.Г. Григорьев⁹⁷⁴); хор имеет богатую нотную библиотеку и ведет работу по снабжению нотами других хоров; хоры в Загребе, Сараево, Которе. Русский церковно-светский хор в Земуне (Югославия); смешанный, состав — 20 человек; регент А.В. Гриньков. Хор постоянно поет в русской земунской церкви, устраивая, кроме того, самостоятельные концерты.

Хор Кубанской казачьей дивизии (Белище, Югославия). Основан на острове Лемносе в 1921 г. Переехав в Сербию, хор, находясь все время на работах (железнодорожные мастерские, постройка шоссе и т.п.), не только не забывает хоровых занятий, но, наоборот успешно выступает с духовным и светским репертуаром. Состав хора — 24 человека; регент — полковник В. Рудько. При хоре же организован струнный оркестр местных народных инструментов. Русский хор в г. Которе (Далмация); основан в 1927 году, смешанный, 12 человек, регент И.И. Моисеенко. В Земуне и Панчево с успехом прошел духовный концерт хора Сербской соборной церкви Земуна — под управлением Е.П. Маслова. В День русской культуры в Земуне объединенными хорами «Михаил Глинка» и «Хора русской земунской церкви» под управлением И. Слатина и А. Гринькова был дан исторический духовный концерт. Состав хора — 80 человек. Концерт вызвал большой интерес местного общества»⁹⁷⁵.

Большую культурно-воспитательную роль в сербских школах вели русские преподаватели музыки и пения. В качестве регентов они прививали ученикам любовь к православному церковному пению и русской песне. Выпускники этих школ позднее тепло вспоминали русских педагогов. Например, профессор Бориша Вукович с большим уважением писал о Дмитрие Сергеевиче Перегордиеве, кубанском казаке, который в гимназии в Сремских Карловцах преподавал русский язык, пение и был регентом ученического хора: «У него была характерная короткая прическа, впереди было совсем мало волос. По Карловцам он всегда передвигался на велосипеде, прямо, выпрямившись на нем, как при верховой езде. Прекрасный регент. От хористов

---

⁹⁷⁴ Правильно — В.Ф. Григорьев.

⁹⁷⁵ Русский хоровой вестник. Прага, 1928. № 1, 2, 3, 5–6.

требовал абсолютную дисциплину, начиная с построения по высоте, кончая полным подчинением регенту. Был он по-казацки строгим, а если кто проявлял неповиновение, угрожал: Выгоню, запишу, накажу! Однако в душе был добрым и благородным. Под его палочкой мы успешно справлялись с богатым репертуаром сербских, а в особенности русских песен. У него была особая манера дирижирования — сильно акцентированный постепенный переход с *fortissimo* на *piano* и наоборот. Исполнить это было нелегко, но получалось эффектно»⁹⁷⁶.

В 1920-е гг. русских преподавателей-регентов в школах было больше, чем в 1930-е. В связи с увеличением в стране учеников и провинциальных средних учебных заведений, ограниченное в средствах Министерство просвещения упраздняло преподавание музыки и хорового пения и первыми увольняло русских преподавателей, людей без подданства, нанимаемых по контракту на год или на гонорарную работу. Однако преподавание пения и ученические хоры все же сохранялись в некоторых школах уездных городов и гимназиях, известных своими историей и традициями (Сремски Карловцы, Крагуевац, Нови Сад, Вальево). Хроника ежегодных отчетов средних учебных заведений показывает, какую роль в первые годы после войны играли школы в культурном воспитании населения отсталых районов Королевства сербов, хорватов и словенцев. Несколько раз в учебном году в школах устраивались торжественные концерты с лекциями, чтением патриотических стихотворений, выступлением ученического хора, а иногда и оркестра. Помимо исполнения государственного гимна, регулярно звучали духовные песнопения. По большим церковным праздникам ученики с русским регентом пели на литургии в местном храме. Лишь в конце 1920-х гг. в репертуаре школьных хоров стали преобладать светские песни⁹⁷⁷.

Среди российских эмигрантов глубокими знатоками церковного пения были: архиепископ Гавриил (Чепур), епископ Митрофан (Абрамов), И.А. Гарднер (будущий епископ Филипп), протоиерей Петр Беловидов, священник Владимир Мошин, В. Анисенко, Ю.И. Арбатский, С.Г. Гуцин,

---

⁹⁷⁶ Милосављевић З. Руси у Сремским Карловцима: Трагови који не бледе // Дневник. Нови Сад. 23.11.2007.

⁹⁷⁷ Арсеньев А. Вклад беженцев в хоровое искусство и церковное пение в Сербии. С. 452–453.

Е.П. Маслов, А.В. Гриньков, П.Г. Проскурников, Л.И. Маслич, Н.В. Капустин, А.Н. Кузьменко, П.А. Фигуровский, В.Х. Щербаков и др. О некоторых из них следует рассказать подробнее.

Известным церковным композитором, ученым литургистом и большим знатоком русского церковного пения был архиепископ Челябинский и Троицкий Гавриил (в миру Григорий Маркелович Чепур; 1874–1933). Он окончил Киевскую духовную академию, состоял ректором Полтавской и Вифанской духовных семинарий, настоятелем церкви свв. Двенадцати апостолов в Московском Кремле, Синодальным ризничим и членом Высшего Церковного Управления на юге России (1919–1920).

Свидетельство о выдающихся способностях владыки имеется в воспоминаниях архимандрита Киприана (Керна): «Один из священников, уезжавших в годы Гражданской войны из России, попал при эвакуации из Новороссийска на тот же пароход, что и епископ Гавриил и еще несколько епископов из бывшего Высшего Церковного Управления на юге России. В море их застал праздник Сретения. Священников ехало довольно много, да еще несколько владык, были облачения, некоторые архиереи успели, слава Богу, вывезти ценные вещи из своих ризниц и тем спасти их от поругания и расхищения безбожников коммунистов. Были, конечно, и сосуды, и св. антимины, так что можно было служить, даже и литургию на паровой палубе или в трюме. Больше того, Курский епископ Феофан вез с собою чудотворную икону Курской Божией Матери «Знамение», нашу Заступницу и Утешительницу в годы изгнания и скитания. Решили служить всенощную под Сретение. Но оказалось, что нет богослужебных книг, или, во всяком случае, они были где-то не на этом пароходе, а на каком-то другом транспорте. Как быть?.. Решили, что придется службу отменить или просто ограничиться пением тропаря и кондака, а наутро уже совершить литургию, которую, конечно, все знали наизусть. Но вот всех спас преосвященный Гавриил, который предложил провести всю службу безо всяких книг и нот. И действительно, он один пропел всю службу праздника, да еще с разными особенными напевами и подобными. Такова была феноменальная память епископа Гавриила в богослужебных песнопениях и музыке»⁹⁷⁸.

---

⁹⁷⁸ Киприан (Керн), архим. Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). М., 2002. С. 146–147.

В первые годы эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев владыка Гавриил проживал в монастырях Бешеново и Гргетег, в которых занимался гармонизацией сербских церковных напевов. Несколько лет он состоял законоучителем и регентом в Харьковском девичьем институте (Нови Бечей) и русско-сербской девичьей гимназии (Великая Кикинда), где в 1926–1928 гг. написал ряд гармонизаций для женского хора. Являясь специалистом по истории православной литургики, богослужебному уставу, владыка изучал церковное пение и писал духовные сочинения. Он часто чинодействовал в русском храме Пресв. Троицы в Белграде. Вокруг себя архиепископ объединил группу студентов богословского факультета, составлявших ядро левого клироса данного храма. Этот кружок певчих, в который входили Л.И. Маслич, А.Ф. Синькевич, В.В. Тарасьев и И.А. Гарднер, архиерей приобщил и обучил пению Киево-Печерской лавры и Московского Синодального хора. Владыка Гавриил состоял членом Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей и 13 мая 1930 г. был возведен в сан архиепископа. В последние годы он жил на покое в монастыре Шишатовац на Фрушской Горе⁹⁷⁹.

Другой духовно-музыкальный деятель — епископ Сумский Митрофан (в миру Николай Иванович Абрамов; 1876–1944), окончил Казанскую духовную академию, служил епархиальным миссионером Волынской епархии (1904–1915) и после принятия монашеского пострига был хиротонисан во епископа (1916). Сначала он эмигрировал в Болгарию, но вскоре был принят в клир Сербской Православной Церкви (1922). Владыка служил настоятелем сербских монастырей св. Стефана и св. Романа, а затем — монастыря Раковица вблизи Белграда (1922–1933). Являясь знатоком церковного устава и пения, он создал при монастыре Раковица школу церковного пения. Позднее владыка Митрофан был назначен настоятелем известного сербского Высоко-Дечанского монастыря и являлся там начальником Духовного училища («Монашка школа»). В 1937 г. его наградили югославским орденом Св. Саввы 2-й степени.

Выдающимся знатоком церковного пения был Иван Алексеевич Гарднер (в монашестве Филипп, 1898–1984). Посещая русские монастыри, он с раннего

---

⁹⁷⁹ См.: *Филипп (Гарднер), иером.* Духовно-музыкальная деятельность архиепископа Гавриила в эмиграции // *Церковная жизнь.* 1934. № 4.

детства проявил любовь и интерес к древним церковным распевам. Еще будучи студентом Московского императорского лицея, И.А. Гарднер изучал богослужбное пение у старообрядцев и в московских храмах, сохранивших традицию исполнения старых песнопений, собирал ноты. Осенью 1920 г. он эмигрировал из Крыма, в дальнейшем окончил богословский факультет Белградского университета (1928) и Высшее музыкальное училище по классу сербского церковного композитора и музыковеда К. Манойловича, повышал свои знания в литургике и церковном пении у архиепископа Гавриила (Чепура). В 1927–1931 гг. Иван Алексеевич был преподавателем и регентом в Цетиньской духовной семинарии, где перевел на церковнославянский язык литургию апостола Иакова и написал руководство к ее служению. В 1931 г. И.А. Гарднер принял монашеский постриг, покинул Югославию и отправился в Карпатскую Русь, а с 1934 г. — на Святую Землю. В 1937 г. иеромонах Филипп возвратился в Европу, в 1942 г. был хиротонисан во епископа Потсдамского, но в 1946 г. — лишен сана. В дальнейшем он преподавал историю церковного пения в Мюнхенском университете (с 1954 г.), защитил докторскую диссертацию по демественному пению (1966)⁹⁸⁰. И.А. Гарднер был духовным композитором, автором трудов о церковном пении и богослужении⁹⁸¹.

Музыковед, композитор, церковный регент Юрий Иванович Арбатский (1911–1963) учился в консерваториях Праги и Лейпцига. После прибытия в Югославию он в 1933–1935 гг. состоял регентом хоров в городах Лесковац и Сремски Митровицы, преподавателем в музыкальной школе «Станкович» (Белград), а с 1935 г. был регентом и органистом католического костела в Белграде и регентом знаменитого Первого белградского певческого общества. Основной его деятельностью было соби́рание, фонографическая и нотная запись фольклора балканских народов. С 1942 г. Ю.И. Арбатский являлся сотрудником Славянского института в Праге, в котором изучал музыкальную

---

⁹⁸⁰ Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе 1920–1995: Биографический справочник. М.-Париж, 2007. С. 144–145; Борис Даниленко, прот. Материалы к творческой биографии И.А. Гарднера (1898–1984). М.-Мюнхен, 2008.

⁹⁸¹ Важнейшие исследования И.А. Гарднера: «Das Problem des altrussischen demestischen Kirchengesanges und seiner linienlesen Notation» (München, 1967); Богослужбное пение Русской Православной Церкви (в 2-х т. Джорданвилл, 1981/1982; М., 2004).

часть архива, защитил докторскую диссертацию по музыковедению. С 1950 г. он был «церковным музыкантом» и управляющим фольклорной коллекцией библиотеки Ньюбэрри в Чикаго, с 1961 г. — профессором славистики в Ютика колледж университета в Сиракузах. Ю.И. Арбатский был автором ряда симфонических и камерно-инструментальных сочинений, а также книги «Этюды по истории русской музыки». В 1930-е гг. его музыковедческие работы публиковались в югославской периодике⁹⁸².

Одним из самых выдающихся русских регентов в Югославии был Евгений Прохорович Маслов (?–1953), профессиональный музыкант с большим опытом, накопленным еще в России. Он возглавлял хор сербской церкви Успения Пресвятой Богородицы в г. Земуне. Позднее М.М. Родзянко так охарактеризовал его личность и творческое кредо: «Евгений Прохорович около 60 лет славил Господа в песнопениях, которым искусно и со вкусом придавал необыкновенную гармонию. Он говорил, что служба Божия — это дивная симфония, где все должно гармонировать, и возгласы священнослужителя, и пение хора. Эта симфония поднимает молитвенное настроение, молящийся своими мыслями уходит ввысь к Богу, и всякое ныне житейское отложим попечение — претворяется в действительность. Евгений Прохорович удивительно умел придать хору ту музыкальность, которая эту симфонию создает. Его хор в Белграде был самый лучший. Концерты, на которых он выступал, собирали громадное количество слушателей и пользовались большим успехом. В торжественные дни Масловский хор приглашался всегда Сербским Патриархом, который его очень ценил. Одной из отличительных черт в хоровом пении у Евгения Прохоровича было, что все слова молитвенных песнопений были отчетливо слышны с правильной фразировкой и ударением. Особое внимание он обращал всегда на старинные русские напевы, и многое из обиходного пения исполнялось знаменным распевом с самой тщательной отделкой»⁹⁸³.

Именно этот хор Успенской церкви под руководством Е.П. Маслова отпел убитого в 1934 г. югославского короля Александра I и провожал его в последний путь в храм-усыпальницу в Опленце⁹⁸⁴. В середине 1930-х гг. Евгений

---

⁹⁸² См.: *Leksikon jugoslavske muzike*. I. Zagreb, 1984. S. 19–20.

⁹⁸³ Родзянко М. Памяти Е.П. Маслова // *Православная Русь*. 1968. № 12. С. 13.

⁹⁸⁴ Косик В.И. *Русская Церковь в Югославии (20–40-е годы XX века)*. С. 73–74.

Прохорович вместе с хором был приглашен в русскую Свято-Троицкую церковь, где оставался регентом до 1944 г. Еще работая в сербских храмах, Маслов со своим хором выезжал на гастроли в другие города, часто давал концерты в Белграде и Земуне. Во всех трио он лично пел партию второго тенора.

Хормейстер, преподаватель музыки и духовный композитор Алексей Васильевич Гриньков (1893–1966) с 1912 г. учился в Московской консерватории, но не закончил ее из-за начавшейся войны. Он проявлял особый интерес к православному духовному пению, был приверженцем новой московской композиторской «школы Синодального училища» и считал себя учеником А.Т. Гречанинова. В начале 1920 г. А.В. Гриньков эвакуировался из России, в марте — мае 1920 г. управлял русским мужским хором в Салониках (Греция), а с ноября 1920 по октябрь 1921 гг. — мужским хором в русском лагере Тузла (Турция), с октября 1921 г. по апрель 1923 г. состоял регентом русского посольского храма в Буюк-Дере (вблизи Константинополя). С апреля 1923 г. по июль 1925 гг. он преподавал пение и музыку в английском колледже на турецком острове Протии, в 1925 г. переехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев и поселился в г. Земуне. С 1925 по 1929 гг. А.В. Гриньков работал преподавателем по классу теории музыки в частном земунском музыкальном училище Антонины Хростицкой, одновременно состоял регентом хора местной русской церкви свв. Архангелов Михаила и Гавриила. Очень скоро смешанный церковный хор под его управлением достиг высокого исполнительского уровня и стал считаться одним из лучших русских хоров в Сербии, давая духовные концерты в столице и других городах.

С марта 1929 г. Алексей Васильевич являлся регентом русского хора при сербском храме Вознесения Господня в Белграде — одного из лучших в стране, который он назвал «Славянский». С этим хором он принимал участие в торжественных богослужениях: перезахоронении останков генерала П.Н. Врангеля (1929), погребении убиенного короля Александра I Карагеоргиевича (1934), почивших Первоиерарха РПЦЗ митрополита Антония (Храповицкого) (1936), Святейшего Патриарха Сербского Варнавы (1937) и даже выезжал на гастроли за границу. Одновременно А.В. Гриньков состоял регентом хорватского певческого общества «Томислав» в Земуне (1930–1944) и дирижером украинского художественно-драматического общества в Белграде (до 1941). В 1935/36 и 1937/38 учебных годах он преподавал

пение в белградской русско-сербской мужской гимназии. Обладая абсолютным слухом, Алексей Васильевич подрабатывал и как настройщик роялей в Белградской опере (1937–1940). А.В. Гриньков занимался не только аранжировками, но и сочинением собственных духовных песнопений⁹⁸⁵.

Говоря о выдающихся русских регентах духовной музыки в Белграде, нельзя не упомянуть профессионального музыканта и блестящего руководителя многих хоровых коллективов Александра Артемьевича Залиева (1898–?), который, правда, больше внимания посвящал педагогической работе в консерватории и музыкальных училищах, чем практической работе с церковными хорами. Дольше всего он управлял хором в соборном храме св. Архангела Михаила («Первое белградское певческое общество») и в храме Покрова Пресвятой Богородицы. Самое любимое его детище, которому он отдал почти 20 лет жизни, был огромный хор художественной самодеятельности почтовых служб «Джока Павлович», который он поднял на высокий профессиональный уровень, так что хор мог выезжать на гастролы и по Югославии, и за границу.

Регент Виктор Харитонович Щербаков руководил одним из первых русских хоров — при сербском храме св. ап. Марка в центре Белграда, в который входили солисты: Сусанна Белубекова, Татьяна Мазыкина, Ольга Ольдекоп, Сергей Опоков и Николай Денисенко. Когда во время Второй мировой войны храм св. Марка сгорел, В.Х. Щербаков перешел в церковь Покрова Пресвятой Богородицы, где до него были регентами Леонид Базилевич, Степан Гущин и Александр Залиев. Хор Щербакова и дальше по высокому уровню исполнения был среди лучших в белградских храмах, но из русских эмигрантов в нем остались только Вадим Босанько и Александр Масевро, так что Виктор Харитонович в день храмового праздника и для духовных концертов приглашал певчих из хора русского Свято-Троицкого храма. Последний хор В.Х. Щербаков был в белградской церкви св. Лазаря⁹⁸⁶.

---

⁹⁸⁵ См.: Русская эмиграция 1920–1931. Вып. 2. Белград, 1931. С. 54–56; Перенесение праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г. Белград, 1929. С. 26; Православная Русь. 1939. № 23 (277); Первая русско-сербская гимназия, Белград 1920–1944: Памятка. Нью-Йорк — Вашингтон — Сан-Франциско — Каракас — Буэнос-Айрес, 1986. С. 79.

⁹⁸⁶ Андрей Тарасьев, *иподиак*. Указ. соч. С. 481–482.

Николай Владимирович Капустин (1876–1930) был первым регентом Сербского крестьянского певческого общества в Сомборе. В характеристиках этого русского эмигранта отмечалось: «Благодаря его деятельности Общество достигло большого успеха и, укрепив свой фундамент, поднялось на высокий уровень исполнительства. Ни одно из подобных Обществ не было с ним на равных. Свои достижения оно подтвердило на слетах певческих обществ в Сомборе, в 1926 и 1930 гг. С кончиной господина Капустина, не отыскав ему достойную замену, Общество было вынуждено прекратить свое существование... Свой самый плодотворный период работы Сомборское певческое общество ремесленников (возникшее в 1892 г.) относит к первым годам после мировой войны. Так продолжалось до 1930 г., когда его постиг удар — кончина энергичного, прилежного, способного регента, Николая Капустина, создавшего и богатое собрание нот. Смешанный хор, состоявший из 60 певчих, регулярно пел в местных православных храмах»⁹⁸⁷. Н.В. Капустин скончался в Сомборе, где и был похоронен.

Музыкальный педагог и композитор Павел Никифорович Чекалов, окончивший одну из российских консерваторий, в 1921 г. поселился в Белой Церкви, где в 1921–1932 гг. преподавал в гимназии музыку — хоровое пение, пение по нотам и игру на инструментах, был регентом хора и дирижером оркестра. С 1921 г. он также состоял регентом Сербского певческого общества, с которым ездил и давал концерты по многим городам, был одним из основателей и регентов Русского певческого общества (1921), регентом и дирижером духового оркестра при Русском кадетском корпусе (1921–1928), регентом немецкого Gewerbe Gesang Verein (1921–1924), основателем частной музыкальной школы (существовавшей в 1921–1931 гг.). П.Н. Чекалов сочинил несколько вокальных и инструментальных сочинений, в том числе симфонию на мотивы сербских народных песен. В 1932 г. он переехал в Мостар, где также работал регентом.

Музыку и пение в Белой Церкви также преподавал бывший полковник русской армии Василий Александрович Тимофеев. Он был преподавателем музыки, регентом хора и дирижером духового оркестра при Русском кадетском корпусе (1923–1929), регентом хора при немецком Musikverein (1924–1928),

---

⁹⁸⁷ Арсеньев А. Вклад беженцев в хоровое искусство и церковное пение в Сербии. С. 450.

преподавателем теории музыки, регентом хора и дирижером камерного оркестра в сербской гимназии (1932–1936). До 1936 г. В.А. Тимофеев часто устраивал концерты со своими коллективами.

Среди русских эмигрантов, которые в 1918–1945 гг. внесли заметный вклад в популяризацию православной церковной хоровой музыки в Югославии, был Павел Александрович Фигуровский (1889–1959), сын священника, выпускник Московского коммерческого училища и есаул Кубанского казачьего войска. Поселившись в Нови Саде, этот знаток православных духовных песнопений состоял регентом ряда местных церковных хоров. На протяжении 15 лет П.А. Фигуровский был регентом Новосадского певческого общества ремесленников «Невен» (1921–1936), художественным руководителем церковно-хорового отдела Музыкального общества, вторым регентом церковного хора кафедрального собора св. Георгия Победоносца. Он также собрал значительную коллекцию нот церковных сочинений, благодаря которой существенно обогатился репертуар новисадских церковных и светских хоровых коллективов. На торжествах 200-летия новисадского Успенского храма (1936) его хору «Невен» поручили петь на богослужении, что свидетельствовало о высоком художественном уровне, достигнутом этим русским регентом. В конце 1920-х–1930-х гг. П.А. Фигуровский считался самым крупным специалистом в области церковного хорового пения в Нови Саде⁹⁸⁸.

В пяти сербских духовных семинариях были регентами русские эмигранты: Василий Анисенко — в Призрене (1920–1921); Борис Волобуев — в Сремских Карловцах (1920–1938); Иван Гарднер — в Цетинье (1927–1931); Степан Гущин — в Призрене (1921–1941) и Белграде (1941–1944); Сергей Муратов — в Сремских Карловцах (1932–1941); Сергей Наумов — в Битоле (1931–1941). Все они преподавали церковное пение, хоровое пение, пение по нотам или теорию музыки и управляли хором семинаристов. Эти хоры не только пели на богослужениях в местных храмах, но и готовили концертные программы, с которыми выступали на торжественных и юбилейных мероприятиях, при визитах в город церковных иерархов и государственных деятелей. Особенно ответственными для регента и хористов были выступления в день празднования св. Саввы, первого сербского архиепископа

---

⁹⁸⁸ Арсеньев А. Вклад беженцев в хоровое искусство и церковное пение в Сербии. С. 450–451.

и просветителя (27 января н. ст.). Помимо государственного гимна и гимна этому святителю, хор обычно исполнял сербские песнопения и духовные концерты русских авторов⁹⁸⁹.

Василий Анисенко (?–1921) одним из первых русских педагогов был принят в Призренскую духовную семинарию. Как преподаватель церковного пения, он сразу приступил к созданию в городе смешанного церковного хора. В очень короткий срок певчие разучили песнопения св. литургии. Встреча новоизбранного епископа Михаила (первого сербского иерарха, избранного после включения этих районов в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев) прошла особенно торжественно. Однако уже в июне 1921 г., после выпускных экзаменов, В. Анисенко скончался в Призрене. Его искренне оплакивали горожане и ученики всех учебных заведений, выражая свою благодарность первому регенту церковного хора⁹⁹⁰.

Степан Георгиевич Гуцин (1888–1970) окончил историко-филологический факультет Киевского университета (1912) и Киевскую консерваторию (1915). В 1920 г. он эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев и поселился в г. Панчево, где стал регентом Панчевского певческого общества и возникшего там хора русских беженцев. По личному желанию и распоряжению сербского епископа Михаила, С.Г. Гуцин с сентября 1921 г. был преподавателем и регентом в Призренской семинарии и в дальнейшем 20 лет преподавал там пение и русский язык. Одновременно он был многолетним регентом церковного хора и Призренского певческого общества «Царь Урош». В первые дни оккупации в 1941 г. Призрена итальянцами его укрывал у себя местный турок, помогший бежать в Белград. Все военные годы Степан Георгиевич преподавал пение в Духовной семинарии св. Саввы, являлся регентом Первого белградского певческого общества и церковного певческого общества «Покров Пресвятой Богородицы» при Покровском храме⁹⁹¹.

Борис Георгиевич Волобуев (1890–1980) окончил Киевскую духовную академию (1915) и с 1920 г. проживал в Королевстве сербов, хорватов

---

⁹⁸⁹ Арсеньев А. Вклад беженцев в хоровое искусство и церковное пение в Сербии. С. 443–444.

⁹⁹⁰ См.: Споменница педесетогодишњег верско-националног и културно-просветног рада Богословско-литерарне дружине «Растко» у Призрену 1889–1939. Скопле, 1940. С. 120.

⁹⁹¹ Арсеньев А. Вклад беженцев в хоровое искусство и церковное пение в Сербии. С. 444.

и словенцев. В Карловацкой духовной семинарии он преподавал историю Христианской Церкви, общую историю, церковное пение и пение по нотам, состоял регентом хора семинаристов. Этот хор регулярно пел на богослужениях в кафедральном храме свт. Николая Чудотворца. Бывшие семинаристы и карловчане долго помнили замечательные духовные концерты под управлением Бориса Волобуева, на которых исполнялись не только сложные музыкальные сочинения сербской и русской церковной классики, но и популярные русские народные песни. Один из бывших семинаристов вспоминал: «Говорили, что хор семинарии св. Саввы в Сремски Карловцы в 1927–1933 гг. был лучшим мужским хором на Балканах! Он состоял из более чем 80 молодых хористов. Мы исполняли замечательные сочинения русских композиторов — Бортнянского, Ломакина, Алябьева, Кабанова, Туренкова, Дудника, Мясникова и многих других, а из наших — Мокраяца, Боберича, Биничкого, Котура, Станковича, Топаловича»⁹⁹². В 1933 г. Б.Г. Волобуев принял священнический сан. В октябре 1938 г. он был переведен в Битоляскую духовную семинарию, где до ее закрытия с началом войны (1941) преподавал Новый Завет. В тяжелые для Сербской Церкви послевоенные годы, уже находясь на покое в сане протоиерея, о. Борис служил настоятелем прихода в деревне Умка, близ Белграда.

Сергей Матвеевич Муратов (1893–1945?) по назначению Министерства просвещения и вероисповедания прибыл из Суботицы в Сремски Карловцы в 1932 г. На новом месте он не только совмещал преподавательские должности в двух учебных заведениях: сербской православной великой гимназии, в которой преподавал теорию музыки и хоровое пение, и Духовной семинарии св. Саввы (преподавал церковное пение и теорию музыки), но и состоял регентом хоров гимназистов и семинаристов. Сергей Матвеевич был женат на венгерке, бывшей оперной певице. После освобождения Сремских Карловцев от оккупантов, в октябре 1944 г., во время пребывания там отряда советской армии, С.М. Муратов исчез. Существует версия, что он был арестован органами НКВД и расстрелян⁹⁹³.

---

⁹⁹² Босанац Б. Моје успомене на Лубисава Војиновића // Епископ Хризостом. Живот и рад. Београд, 1990. С. 283.

⁹⁹³ Арсеньев А. Вклад беженцев в хоровое искусство и церковное пение в Сербии. С. 446.

Сергей Михайлович Наумов с 1931 г. преподавал в Битольской духовной семинарии не только церковное пение и теорию музыки, но и еще целый ряд предметов: педагогику, психологию и логику, моральное богословие, греческий и русский языки, историю философии, общую историю. Одновременно он состоял регентом хора семинаристов, детского хора при семинарии, русского церковного хора (совместно с Григорием Кошевым), несколько лет был библиотекарем местной русской библиотеки. В летописи семинарии отмечены два концерта, состоявшиеся в актовом зале: «День русской славы», 28 июля 1935 г., в праздник святого равноапостольного князя Владимира, когда с русским репертуаром выступило три хора: русский церковный, югославно-русский и хор певческого общества «Каймакчалан», и второй духовный концерт, состоявшийся 25 января 1938 г. В этот день, помимо других произведений, хор семинаристов и детский хор исполнили сочинения композитора А. Гречанинова и самого регента, С.М. Наумова, — «Воспрями, душа» и «Царице Небесная»⁹⁹⁴.

Среди русских беженцев, поселившихся в Югославии, было много выдающихся, талантливых композиторов, дирижеров, регентов и теоретиков русского церковного хорового и певческого искусства. Все они свято хранили лучшие традиции русского церковного музыкального искусства и передавали эту эстафету своим ученикам и последователям. Огромная работа, проделанная такими знатоками, как архиепископ Гавриил (Чепур), И.А. Гарднер, Б.М. Ледковский, А. Афонский, Спасский, Евец и многими другими, позволила сохранить для последующих поколений бесценное богатство русской духовной музыкальной культуры, указала на то высокое место, которое по праву занимает это культурное наследие России в мировых масштабах.

В Югославии и других братских славянских странах все это духовное богатство впитывалось, часто воспринимаясь как свое, оплодотворяло местную музыку и, таким образом, осталось навсегда. Можно с полным правом сказать, что русские церковные регенты и певчие достойно выполнили в Югославии свою миссию и внесли большой духовный вклад в развитие благолепия богослужений в сербских храмах⁹⁹⁵.

---

⁹⁹⁴ Арсеньев А. Вклад беженцев в хоровое искусство и церковное пение в Сербии. С. 445–446.

⁹⁹⁵ Андрей Тарасьев, иподиак. Указ. соч. С. 483–484.

О русском церковном пении и духовных концертах в Белграде писали: Константин Яковлевич Шумлевич, Алексей Васильевич Гриньков, Юрий Иванович Арбатский, М. Иванов, В. Рязанский, В.Д. Садко, граф Д.А. Олсуфьев, епископ Гавриил (Чепур), Александр Александрович Никольский (1864–1942), сотрудник белградских русских газет «Новое время» (1921–1930) и «Русский голос» (1931–1941). На страницах «Нового времени» было опубликовано и несколько статей Ивана Алексеевича Гарднера за подписью «Православный». В Загребе на хорватском языке статьи писал Борис Викторович Комаревский, регент хора свв. Кирилла и Мефодия, сотрудник журнала «Cirilo-metodski vjesnik»⁹⁹⁶.

Довольно активной была издательская деятельность Русской Православной Церкви Заграницей в Югославии. Так, с 28 марта 1922 г. по 14 октября 1930 г. в Сремских Карловцах при Архиерейском Синоде издавался его официальный печатный орган — двухнедельный журнал «Церковные ведомости», под редакцией Ексакустодиана Ивановича Махароблидзе. В редакционной статье первого номера подчеркивалось, что издание является в условиях зарубежья своеобразным продолжением дореволюционного журнала «Церковные ведомости», выходившего при Святейшем Синоде⁹⁹⁷. В этом печатном органе публиковались, прежде всего, указы и распоряжения высшей церковной власти. Редакция журнала находилась в помещении Синодальной канцелярии. После устранения Е.И. Махароблидзе, при Архиерейском Синоде с января 1933 по 1944 гг. издавался ежемесячный журнал «Церковная жизнь» под редакцией Георгия (Юрия) Павловича Граббе (впоследствии епископа Григория), являвшегося также издателем-редактором выходившей в Белграде газеты «Голос верноподданного». До ноября 1938 г. «Церковная жизнь» выпускалась в Сремских Карловцах, а затем — до сентября 1944 г. — в Белграде.

Кроме того, в Белграде выходили: в 1928–1940 гг. монархическая газета «Царский вестник» под редакцией Николая Павловича Рклицкого (будущего архиепископа Никона), регулярно печатавшая статьи на церковно-общественную тематику, и в 1937–1944 гг. — частный журнал «Церковное обозрение», представлявший себя как «ежемесячный независимый орган

⁹⁹⁶ Арсеньев А. Вклад беженцев в хоровое искусство и церковное пение в Сербии. С. 442–443.

⁹⁹⁷ От редакции // Церковные ведомости. 1922. № 1. С. 1.

свободной церковно-религиозной мысли», под редакцией Е.И. Махароблидзе, а позднее А.С. Залесского (в основном находившийся в оппозиции Архиерейскому Синоду). Основанная в 1924 г. в Любляне национально-культурная организация «Русская Матица» (председатель Александр Дмитриевич Билимович) в 1925 г. с благословения митрополита Антония (Храповицкого) начала выпускать журнал «Благовест»⁹⁹⁸. С июля 1923 г. в Сремских Карловцах выходил журнал «Христианская жизнь» на сербском языке, но печатались в нем в основном русские авторы — богословы: Н.Н. Глубоковский, Г.В. Флоровский, С.В. Троицкий, В.В. Зеньковский, Е.В. Спекторский, М.А. Георгиевский и др.

С 1921 по 1937 гг. только в Карловацкой монастырской типографии было напечатано на русском языке около 40 книг и брошюр духовного содержания: труды митрополитов Антония (Храповицкого) — 16 изданий и Анастасия (Грибановского), архиепископов Курского Феофана (Гаврилова) и Челябинского Гавриила (Чепура), архимандрита Феодосия (Мельника) переводы работ свт. епископа Николая (Велимировича), церковные исследования историков С.В. Троицкого, П.С. Лопухина, В.А. Маевского, врача-миссионера Михаила Аркадьева (М.А. Сопощко-Сырокомля) — 5 изданий и др. Многочисленные труды митрополита Антония (Храповицкого) выходили не только в Сремских Карловцах, но и в Белграде, и Нови Саде. Общее количество изданий на русском языке духовно-нравственного содержания, вышедших в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии) в 1920–1940-х гг. составляет несколько сотен.

Правовое положение Зарубежной Русской Православной Церкви в Югославии изучали русские и сербские юристы и богословы: К.Н. Николаев, С.В. Троицкий, Н.З. Рыбинский, Милан Бартош и др. Таким образом, церковная жизнь русской эмиграции на сербской земле в межвоенный период была чрезвычайно активной и плодотворной.

К началу сентября 1939 г. Второй мировой войны численность русской эмиграции в Югославии сократилась до 26–30 тысяч человек (в том числе

---

⁹⁹⁸ ВА, 62 Di1/85, Bl. 52; *Глигориевич Б.* Русская Православная Церковь в период между двумя мировыми войнами // *Русская эмиграция в Югославии.* С. 111–113; *Бондарева Е.* Под сенью Святой Троицы. История Русской Церкви в Белграде // *ЖМП.* 1999. № 7. С. 24.

около 10 тысяч проживали в Белграде), однако эта страна продолжала оставаться центром деятельности Русской Православной Церкви Заграницей, руководящим органам которой вскоре пришлось испытать на себе особенности и изменения религиозной политики нацистской Германии.

3. Русское благочиние в Болгарии

Значительную роль в истории Болгарской Православной Церкви и Болгарии в целом в 1920–1940-е гг. играла многотысячная русская послереволюционная эмиграция, среди которой заметную часть составляли священнослужители, преподаватели богословия и церковные активисты — миряне. При этом их деятельность развернулась не на пустом месте, православные русские храмы и священнослужители имелись в Болгарии и до 1917 г.

Первая русская церковь открылась в этой стране еще в период ее пребывания в составе Османской империи. В 1861 г. с разрешения Вселенского Патриарха, в юрисдикции которого находилась тогда Болгария, при российском вице-консульстве в г. Варне, в наемном доме, была освящена церковь свт. Николая Чудотворца, с целью «доставить болгарам возможность слушать богослужение на славянском языке, совершать постоянные поминания о наших воинах, павших в войну 1828–1829 гг.» с турками, когда русские войска дошли до Стамбула. Этой домовою церкви известная петербургская благотворительница Т.Б. Потемкина пожертвовала иконостас, а графиня Блудова и графиня Протасова — церковные принадлежности. 1500 рублей серебром на содержание церкви ежегодно отпускала графиня Е.К. Воронцова, жена наместника на Кавказе; 800 рублей давал Российский Святейший Синод. Дело поддерживал митрополит Московский Филарет (Дроздов) в целях противодействия католической и протестантской пропаганде в Болгарии.

Когда российское вице-консульство закрыли, церковь свт. Николая Чудотворца перенесли в дом матери настоятеля — архимандрита Филарета. В 1876 г. настоятель умер, и встал вопрос о закрытии церкви, так как в Варне уже действовал болгарский православный храм, однако император Александр II с этим не согласился. В марте 1880 г. Святейший Синод решил не упразднить церковь до освящения в Варне болгарского Успенского

собора, после чего перенести ее туда, в отдельный Никольский придел. В год на содержание церкви Синод стал отпускать 2 700 рублей. В 1887 г. убранство церкви было перенесено в южный придел еще не отделанного собора. Десять лет спустя на украшение этого придела было отпущено около 5 тысяч рублей⁹⁹⁹. Никольский придел и сейчас существует в главном храме Варны. В XX в. этот город стал одним из центров русской эмиграции в Болгарии.

В 1879 г., вскоре после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., на одном из мест боев — в 14 километрах от г. Ямбол — у с. Черган по приказу знаменитого «белого генерала» Скобелева был построен каменный храм св. кн. Александра Невского (в память о спасении императора Александра II при покушении на него Д.В. Каракозова). Церковь на 200 человек была заложена 12 мая 1879 г. благочинным 30-й русской пехотной дивизии протоиереем Алексием Кузнецовым вместе с ее командиром генералом Шнитниковым и построена на территории древнего византийского монастыря V в., разоренного турками в только что закончившуюся войну. Неподалеку от храма, на горе Бакаджик, стояла почитаемая местными жителями деревянная Вознесенская часовня. В 1902 г. на русские деньги, вместо деревянного, было построено каменное здание часовни, освященное 30 августа того же года митрополитом Сливенским Гервасием.

В 1880-е гг. при храме св. кн. Александра Невского возник русский мужской монастырь Святого Спаса, состоявший в управлении Санкт-Петербургского митрополита (хотя и числился в Херсонской епархии). В 1902 г. в монастыре была возведена каменная гостиница для паломников, на его территории также находились два двухэтажных дома для братии и хозяйственные постройки. Монастырь владел полями, скотом, пасекой и большим виноградником. До 1900 г. настоятелем обители служил бывший полковник иеромонах Парфений (Павлов), а в 1900–1915 гг. — иеромонах Ювеналий (в миру Иулиан Данилович Загоруйко), очень уважаемый местным населением. После вступления Болгарии в октябре 1915 г. в Первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии отец Ювеналий был интернирован

---

⁹⁹⁹ РГИА, ф. 565, оп. 8, д. 30208, ф. 797, оп. 46 (2 отд. 3 ст.), д. 38, ф. 799, оп. 4, д. 137; Русские храмы и обители в Европе. С. 335.

в г. Котел, где в 1916 г. скончался. Основное имущество монастыря оказалось опечатано, а управлять обителью назначили болгарского иеромонаха Кассиана. Вновь русские насельники появились в монастыре Святого Спаса в 1919–1921 гг.¹⁰⁰⁰

В 1919 г. в монастырь Святого Спаса вернулся один из его прежних русских насельников, который стал управлять хозяйством, а в 1921 г. в Ямбольской обители нашли приют несколько монахов разоренного в годы Гражданской войны Григоро-Бизюковского монастыря Херсонской епархии, которым была передана Александро-Невская церковь. В начале 1930-х гг. в обители Святого Спаса имелось два храма и 12 насельников¹⁰⁰¹.

Подобную судьбу имели еще два русских храма на болгарской земле. В 1897–1902 гг. возле деревни Шипка, у подножия Балканских гор (между Орлиным гнездом, где было остановлено наступление турецких войск и селом Шейново, где происходил победный парад после сдачи в плен турок) был построен по проекту петербургских архитекторов академика А.О. Томишко и профессора А.Н. Померанцева в русском стиле XVII в. храм-памятник Рождества Христова с приделами свт. Николая Чудотворца и св. кн. Александра Невского. Средства на его строительство с 1879 г. собирались по всей России, первое пожертвование сделал император Александр II, много денег внесли русские солдаты и офицеры, 50 золотых наполеондоров дал болгарский правящий князь. 25 апреля 1880 г. «с соизволения» императора Александра II в Санкт-Петербурге был образован «Комитет по сооружению православного храма у подножия Балкан в Южной Болгарии для вечного поминовения воинов, павших в войну 1877–1878 гг.», действовавший до 27 мая 1903 г. Сохранившийся в Российском государственном историческом архиве фонд комитета (155 дел) содержит обширное собрание материалов, отложившихся в результате его деятельности: отчеты и протоколы заседаний комитета, планы и чертежи, переписку о сооружении храма, устройстве Шипкинского музея, событиях в Болгарии и т.д.¹⁰⁰²

---

¹⁰⁰⁰ Русские храмы и обители в Европе. С. 335–336; Руската църква Св. Николай Чудотворец в София. София, 1995. С. 14–16.

¹⁰⁰¹ Там же. С. 15–16.

¹⁰⁰² РГИА, ф. 819.

Закладка Рождественского храма состоялась в 1886 г., но из-за политических осложнений деятельность строительного комитета прекратилась, и активные работы начались только в 1897 г. Руководство строительством было возложено на профессора архитектуры А.Н. Померанцева, наблюдал за работами российский архитектор А.Н. Смирнов. 19 августа 1901 г. на колокольню подняли 17 отлитых в России колоколов. Торжественное освящение храма-памятника состоялось 15 сентября 1902 г., в дни празднования 25-летия героической обороны Шипки. Освящали храм митрополит Старо-Загорский Мефодий и протопресвитер российской армии и флота Александр Желобовский в присутствии великого князя Николая Николаевича, военного министра А.Н. Куропаткина, графа Н.П. Игнатьева, болгарского князя Фердинанда, многих участников легендарных боев на Шипкинском перевале, делегации от 24 российских воинских частей и 10 тысяч местных жителей и гостей. После освящения войска воспроизвели на высотах Шипки историческое сражение, а на горе свт. Николая отслужили панихиду. В честь памятного события была выбита бронзовая медаль с видом храма.

На церковных стенах и в наружных галереях Рождественской церкви укрепили 34 мраморные доски с именами погибших в сражениях русских и болгарских воинов. В крипте храма в 1914 г. по проекту К. Петкова установили 17 надгробий с останками погибших при освобождении болгарской земли в 1877–1878 гг. русских воинов (прежде всего при героической обороне осенью 1877 г. Шипкинского перевала). В конце того же года состоялось освящение крипты-усыпальницы в честь Всех святых, просиявших в Русской и Болгарской Церквях. 83 иконы на кипарисных досках безвозмездно написали и пожертвовали для иконостаса храма монахи русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне. На 16 из них изображены святые, соименные наиболее видным полководцам российской армии, а на 26 — особенно чтимые святые Болгарской Православной Церкви. Рядом с храмом Рождества Христова в 1900-е гг. были построены трехэтажное здание духовной семинарии для болгар, которую так и не открыли по церковно-политическим причинам, дом причта, больница и хозяйственные постройки, высажен фруктовый сад. Храм имел статус монастыря и подчинялся непосредственно Российскому Святейшему Синоду, причт (состоявший из одного иеромонаха и трех псаломщиков) присылали сначала из Александро-Невской лавры, а с 1904 г. —

из Троице-Сергиевой лавры. Десять лет (1904–1914) настоятелем храма служил энергичный иеромонах Ферапонт. Последний довоенный настоятель — иеромонах Максим уехал осенью 1915 г., а оставшиеся охранять церковное имущество два послушника были арестованы болгарскими властями в 1918 г. Когда через год они вернулись в обитель, то нашли ее разграбленной, но в храме вновь начались богослужения¹⁰⁰³.

Самая известная русская церковь в Болгарии — свт. Николая Чудотворца (в честь небесного покровителя императора Николая II) была построена в Софии. Первые планы ее возведения появились еще в конце 1870-х гг., когда в болгарской столице поселились военные и гражданские чиновники, которые в качестве экспертов оказывали помощь болгарскому правительству, а также российская дипломатическая миссия. Поскольку Болгарская Церковь находилась в состоянии схизмы, для российских дипломатов, чиновников и членов их семей был необходим храм, который они могли бы посещать, не нарушая каноны. С этой целью был образован комитет, приступивший к сбору средств, главным образом среди русских, проживавших в Болгарии. Позднее в число жертвователей вошел император Николай II. Устроители полагали, что «весь смысл постройки русского храма... заключается именно в том, чтобы представить образец русского церковного зодчества и истинно православного благочестия... в духе теплоты религиозного чувства, соответствия храмовой обстановки со смыслом и характером нашего богослужения»¹⁰⁰⁴.

В 1882 г. городские власти предоставили под храм участок в 1400 м² в центре Софии на месте разрушенной в том же году турецкой мечети «Сарай Джамия», примыкавший к Российской дипломатической миссии. Однако из-за различных политических осложнений начало строительство задержалось на 25 лет, и российские дипломаты были вынуждены молиться в одном из залов здания миссии. Большой вклад в осуществление замысла внес Д.К. Сементовский-Курило, ставший вскоре после провозглашения независимости Болгарского царства в 1908 г. первым послом Российской империи.

---

¹⁰⁰³ ТРГИА, ф. 796, оп. 181, д. 3089, оп. 195, д. 998, ф. 799, оп. 5, д. 278, ф. 819, оп. 1, д. 3, 21, 114, 121, 124; Русские храмы и обители в Европе. С. 33–36; См.: Цанов Э. Храм-памятник на Шипке. София, 1967; Христов И. Памятники Шипки: Путеводитель. София, 1987.

¹⁰⁰⁴ Русские храмы и обители в Европе. С. 29.

Никольская церковь была заложена 2 сентября 1907 г. на ранее выделенном участке, неподалеку от установленного в конце августа того же года памятника царю-освободителю Александру II. В закладке храма участвовали: сын императора Александра II великий князь Владимир Александрович, Софийский митрополит Парфений, настоятель русского храма-памятника Рождества Христова на Шипке иеромонах Ферапонт и болгарский князь Фердинанд с наследником престола Борисом. Проект храма разработал известный петербургский архитектор Михаил Трофимович Преображенский (1854–1930), автор второго проекта кафедрального собора св. кн. Александра Невского в Софии¹⁰⁰⁵.

Церковь свт. Николая Чудотворца была построена в 1907–1914 гг. в московско-ярославском стиле XVI–XVII вв. Строительную комиссию возглавлял российский посланник А.В. Некаюдов, работами руководил опытный российский архитектор А.Н. Смирнов, а подрядчиком был болгарин Иван Наумов. Роспись храма в традиционном московском стиле выполнил коллектив художников под руководством профессора В.Т. Перминова из Варшавы (позднее в северном нефе появилась композиция «Воскресение Христово», сделанная русским художником-эмигрантом Николаем Ростовцевым. К 1911 г. строительство было в основном закончено, однако отделка и роспись храма продолжалась еще более двух лет. В красивом майоликовом иконостасе, сделанном в мастерской П.К. Ваулина в Петербурге, находились иконы Спасителя и св. кн. Александра Невского — копии работ художника В.М. Васнецова в Киевском Владимирском соборе. Храмовый образ свт. Николая был списком с находящейся в том же соборе иконы кисти В.М. Нестерова. Вся богослужебная утварь, мебель и облачения были выполнены в России в московском стиле XVII в., колокола отлили на заводе П.Н. Финляндского в Москве, а болгарские мастера выполнили гранитную отделку и железную ограду¹⁰⁰⁶.

Освящение Никольской церкви 10–11 ноября 1914 г. совершил в сослужении с русским духовенством митрополит Доростоло-Червенский Василий,

---

¹⁰⁰⁵ Киосева Ц. Русская посольская церковь // Новый журнал. Нью-Йорк. 2006. Кн. 243. С. 299.

¹⁰⁰⁶ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 104, д. 48, РГИА, ф. 796, оп. 182, д. 3985, оп. 193, д. 1393, л. 3, ф. 797, оп. 82 (2 отд. 3 ст.), д. 76, ф. 799, оп. 25, д. 888; Русские храмы и обители в Европе. С. 29–30.

замещавший тяжело заболевшего болгарского экзарха Иосифа I, который ранее выражал горячее желание принять участие в этой церемонии. В то время Российская империя уже участвовала в Первой мировой войне, а Болгария еще не вступила в нее, поэтому российские дипломаты придавали освящению храма в Софии важное политическое значение. Россия стремилась привлечь Болгарию на свою сторону, используя для этого и традиционные церковные связи. На освящении присутствовали все члены российской дипломатической миссии, премьер-министр Болгарии, члены Болгарского Священного Синода митрополиты Василий и Борис, епископы Максим, Климент, Варлаам и множество жителей Софии. От имени болгарского экзарха и Синода архимандрит Стефан (Шоков, будущий экзарх) произнес речь на русском языке, в которой подчеркнул, что освящение русской церкви в Софии имеет огромное значение «как шаг к восстановлению братского общения между Русской и Болгарской Православными Церквями»¹⁰⁰⁷.

Первым настоятелем Никольской церкви после ее освящения служил протоиерей Петр Григорьевич Преображенский, ученик знаменитого петербургского богослова В.В. Болотова и сам патролог. В октябре 1915 г. Болгария вступила в Первую мировую войну на стороне стран «оси» и дипломатические отношения между ней и Россией были прерваны. В следующем месяце российская миссия и русское духовенство Никольского храма были эвакуированы из Болгарии на родину, и богослужения в нем прекратились более чем на четыре года¹⁰⁰⁸.

1 января 1920 г. Никольская церковь была торжественно открыта новым настоятелем архимандритом Тихоном (Лященко), будущим архиепископом Берлинским и Германским. В это же время Совет послов в Париже выдвинул идею создания при ней самостоятельного русского прихода. Она не вызвала особого сопротивления у болгарских церковных и гражданских властей. Правда, посланник антибольшевистского правительства Юга России в январе 1920 г. выражал опасения, что встреча представителей различных политических групп на учредительном собрании прихода может привести к негативному кипению

---

¹⁰⁰⁷ Киосева Ц.Указ. соч. С. 299–300.

¹⁰⁰⁸ Иннокентий (Павлов), игум. Русский храм в Софии // Славяноведение. 1994. № 4. С. 64–66; Руската църква Св. Николай Чудотворец в София. С. 2–12.

политических страстей в русской колонии. При этом он считал, что в случае признания Болгарией советской России гораздо надежнее, если храм будет находиться под управлением Красного Креста, а не приходского совета¹⁰⁰⁹. Осенью 1921 г. при Никольской церкви все же был образован самостоятельный приход, и она стала центром русской церковной жизни в Болгарии.

Следует отметить, что на болгарской земле еще с дореволюционного времени проживали две общины русских старообрядцев: в основанном в 1800 г. квартале Татарица села Айдемир (вблизи г. Силистра) и в образованном в 1905 г. селе Казашко на берегу Варненского озера. В Татарице проживали поповцы Белокрыницкого согласия, называвшие себя «липованами» (около 600 человек), а в Казашко — беспоповцы, называвшие себя «некрасовцами» (около 400 человек). В 1933 г. в Казашко была построена действующая и сейчас каменная церковь Покрова Пресвятой Богородицы¹⁰¹⁰.

Когда в результате гражданской войны часть русских архиереев оказалась в эмиграции в Стамбуле, их приютила в своей константинопольской резиденции Болгарская экзархия. 2 января 1920 г. в Софию прибыла возглавляемая А.М. Петряевым русская дипломатическая миссия белого правительства Юга России (генерала А.И. Деникина), на которую возлагалась защита интересов российских беженцев и Русской Церкви в Болгарии. В 1919 г. в стране находилось до 12 тысяч бывших русских военнопленных, правда, к началу 1921 г. их число в результате возвращения в Россию снизилось до 4 тысяч, но вскоре началось массовое прибытие белоэмигрантов. По данным Беженского комитета в Стамбуле, на 1 февраля 1921 г. в Болгарии уже находилось 6855 русских беженцев¹⁰¹¹, а летом 1922 г. их число достигло максимальной цифры — по подсчетам болгарских исследователей — от 34 до 40 тысяч¹⁰¹². Ряд историков

---

¹⁰⁰⁹ ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 116, л. 1–3.

¹⁰¹⁰ Анастасова Е. Русские староверы в Болгарии // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. София, 2009. С. 16–17.

¹⁰¹¹ Колосова В.О. Роль российского общества Красного Креста в обустройстве русских беженцев в Европе в 1918–1922 годах // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. Материалы 2003 г. М., 2003. С. 343, 345.

¹⁰¹² Киосева Ц. Указ соч. С. 300; Бойкикева К.-А. Указ соч. С. 167; Бялата эмиграция в България. Материалы от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 52, 87; Даскалов Д. Бялата эмиграция в България. София, 1997. С. 13–24.

Русской Православной Церкви называют цифру в 50 тысяч¹⁰¹³, но она, скорее всего, завышена.

Уже в начале 1920-х гг. в Болгарии стали возникать многочисленные русские общества (в их числе в январе 1921 г. был основан религиозно-философский кружок), культурные, учебные, благотворительные заведения; действовали три госпиталя Российского общества Красного Креста (Шипкинский в Софии, Донской в Старой Загоре и 4-й госпиталь в Банках); выходили почти 100 русских газет и журналов: «Бюллетень» (издание Российского общевойскового союза — РОВС); «Вестник общества галиполийцев», «Вольный Дон», «Галиполийский бюллетень», «За Россию», «За рубежом», «Зарубежный клич» и многие другие; существовали издательства: «Златолира», «Русская трудовая артель», «Русская библиотека», «Балканский журнал», «Зарницы» и др.; художники-эмигранты писали иконы и фрески в самых известных болгарских храмах и т.д.¹⁰¹⁴

Так, например, больших успехов в области церковной живописи достиг Н.Е. Ростовцев, в качестве проектировщика и реставратора он участвовал в восстановлении и устройстве 28 храмов по всей стране. В 1930 г. Николай Ростовцев выиграл конкурс Болгарского Священного Синода, а в 1938 г. получил разрешение Синода «нанимать рабочих и руководить росписью церквей». Наиболее известными его работами в этой области в довоенный и военный период стали фрески в храмах Пресв. Троицы в Калотине (1935), св. Архангела в Дыло Поле (1938), св. Марины в Велико-Тырново (1942), св. Феодора Тирона в Старо-Загоре (1944) и алтарь церкви Духовного училища в Софии (1944). Другой русский художник И. Лазаренко уже в 1922–1923 гг. создал монументальную библейскую композицию в Клисурском монастыре. Художник М.М. Малецкий в начале 1930 г. выиграл Международный конкурс на создание икон православных святых и в 1930–1936 гг. написал 26 образов, с которых были сделаны массовым тиражом типографские отпечатки, распространявшиеся в православных храмах по всему миру. Благодаря им, М.М. Малецкий приобрел международную известность и в 1938 г. получил

---

¹⁰¹³ Никон (Рклицкий), еп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. V. Нью-Йорк, 1959. С. 31; Seide G. Verantwortung in der Diaspora. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München, 1989. S. 270; Русские храмы и обители в Европе. С. 31.

¹⁰¹⁴ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005. С. 339.

от Болгарского Синода право самостоятельно писать иконы и руководить росписью церквей, внес он существенный вклад и в реставрацию пострадавших от бомбардировок фресок русской церкви свт. Николая Чудотворца в Софии после Второй мировой войны (в 1944–1946 гг.)¹⁰¹⁵.

В 1920 г. 55% населения страны было неграмотно, и русская интеллигенция (насчитывавшая около 7 тысяч человек) играла большую роль в интеллектуальной жизни Болгарии. Следует отметить, что в 1920–1930-е гг. профессора в Софийском университете имели право читать лекции на русском языке, а студенты — сдавать на нем экзамены. Всего в университет было принято около 2 тысяч русских студентов, учившихся в основном на агрономическом, филологическом и медицинском факультетах¹⁰¹⁶. С 1920 по 1948 г. в Софийском университете читали лекции 36 русских преподавателей (среди них 26 профессоров), они работали на четырех из семи факультетов: на историко-филологическом — 10, юридическом — 6, медицинском — 16 и богословском — 4¹⁰¹⁷. Русские преподаватели с 1920 по 1953 г. опубликовали 26 учебников и учебных пособий, в том числе Н.Н. Глубоковский и М.Э. Поснов были авторами трудов, связанных с историей христианства.

Русские получали высшее образование и в основанном в 1921 г. Высшем торговом училище в Варне, созданной в 1924 г. в Софии Высшей кооперативной школе, Высшем экономическом институте в Свиштове, Балканском ближневосточном университете, переименованном позднее в Свободный университет. С 1921 г. в стране существовала Русская академическая группа. Имелись у эмигрантов и планы создания своей высшей школы, однако им помешало отсутствие необходимых средств. Удалось открыть лишь Русский народный университет (3 апреля 1927 г.), но он просуществовал недолго, последнее упоминание о работе этого университета относится к августу 1931 г.¹⁰¹⁸

---

¹⁰¹⁵ Кьосева Ц. Русские художники-эмигранты в Болгарии // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. С. 89–95.

¹⁰¹⁶ Матвеева И.В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах. 2003. М., 2004. С. 511, 514.

¹⁰¹⁷ Велева М. Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. София, 2004. С. 21–22, 28–30.

¹⁰¹⁸ Бирман М. Русская эмиграция в Болгарии (в науке, культуре и просвещении) // Новый журнал. 2000. Кн. 218. С. 173; Горяинов А.Н. Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии (20–30-е годы) // Славянский альманах 1997. М., 1998. С. 192–193.

Значительный вклад в развитие болгарского духовного образования внесли русские богословы. Среди них наиболее заметной фигурой был член-корреспондент Российской академии наук, бывший член Предсоборного присутствия при Святейшем Синоде, заслуженный ординарный профессор Петроградской духовной академии знаменитый экзегет, патролог и историк Церкви Николай Никанорович Глубоковский (1863–1937).

Накануне официального закрытия духовной академии (в сентябре 1918 г.) Н.Н. Глубоковский приложил много усилий для ее спасения путем присоединения к Петроградскому университету. Однако, несмотря на положительное решение совета профессоров университета, советские власти не допустили такого объединения. Для Николая Никаноровича началась пора скитальчества, духовных и материальных невзгод. В сентябре — декабре 1918 г. по приглашению проканцлера Упсальского университета архиепископа Натана Сёдерблома он посетил Швецию и Финляндию, где читал экуменические лекции о соединении Церквей¹⁰¹⁹. Пользуясь пребыванием в Упсале, Н.Н. Глубоковский составил описание славяно-русских книг и рукописей, хранившихся в университетской библиотеке; в том же году он был членом Исполнительного комитета по созыву Международного исторического съезда в Петрограде. После возвращения из Швеции Николай Никанорович 20 декабря 1918 г. был приглашен преподавать в Петроградский университет и 29 ноября 1919 г. утвержден в звании профессора кафедры истории религий в Передней Азии факультета общественных наук, где работал до отъезда за границу в августе 1921 г. В этот период Николай Никанорович также состоял членом Совета Российского Палестинского общества, с 15 марта 1919 по 1921 г. работал сотрудником 2-го отделения 4-й секции Единого государственного архивного фонда (в бывшем Синодальном архиве) и с января 1920 г. более полутора лет был профессором кафедры Священного Писания Нового Завета Петроградского богословского института¹⁰²⁰.

Принципиальное решение покинуть советскую Россию он принял в начале 1919 г., после закрытия Петроградской духовной академии, к тому же в декабре

---

¹⁰¹⁹ Den ortodoxa kyrkan och fragan am sammansluthing mellan de Kristna kyrkorna. Stockholm-Ypsala, 1921.

¹⁰²⁰ См.: *Игнатъев А.* Памяти Н.Н. Глубоковского // Журнал Московской Патриархии. 1966. № 8. С. 57–59; 35-летие ученой деятельности Н.Н. Глубоковского. София, 1925.

1918 г. друзья предупредили его о возможности ареста и тюремного заключения. Н.Н. Глубоковский не хотел жить в антирелигиозном советском государстве, и, в частности, писал, что, если бы «достались мне все блага мира и утвердился теперешний безбожный насильнически-социалистический строй, — для меня невозможно будет жить при нем, и я обязательно уйду умирать в другое место. Такова для меня моральная необходимость»¹⁰²¹. Кроме того, Николай Никанорович не исключал для себя повторения участи расстрелянного большевиками в г. Уральске в июне 1919 г. старшего брата Александра (преподавателя Уральского духовного училища), обстоятельства его смерти стали сильнейшим потрясением для ученого. В это страшное время пропал без вести и родной племянник профессора.

Испробовав различные пути деятельности в советской России и убедившись в полной невозможности продолжать работу в церковно-богословской области, Н.Н. Глубоковский окончательно решил покинуть родину. Выезд из России был сопряжен с чрезвычайными трудностями, и ученому удалось добиться разрешения лишь благодаря содействию его бывших учеников по духовной академии — подданных Финляндии, которые приложили большие усилия для организации отъезда Н.Н. Глубоковского. Через посольство Швеции в Петрограде профессор вел длительную нелегальную переписку, обращаясь за содействием к официальным лицам Финляндской республики. Он добился получения заграничной командировки от Российской академии наук для исследования славяно-русских рукописей¹⁰²².

29 августа 1921 г. он вместе с женой Анастасией Васильевной (вдовой профессора А.П. Лебедева, урожденной Нечаевой) окончательно покинул родину и 13 сентября поселился в финляндском г. Выборге при содействии своего ученика по духовной академии Константина Репо (секретаря православного Финляндского Церковного Управления). Профессор оставался в Финляндии до мая 1922 г., активно включившись в жизнь Финляндской Православной Церкви. Свои впечатления от пребывания в стране и о русских беженцах он запечатлел под псевдонимом Н. Проворов в статье «Кому живется весело, счастливо на Руси?»¹⁰²³.

---

¹⁰²¹ Петербургский филиал архива Российской академии наук, ф. 800, оп. 3, д. 250, л. 13.

¹⁰²² Архив Санкт-Петербургского университета, д. 723а, л. 40–56.

¹⁰²³ Проворов Н. «Кому живется весело, счастливо на Руси?» // Двуглавый орел. 1921. № 21. 1 (14) декабря.

С первых месяцев пребывания Н.Н. Глубоковского за границей в русской и иностранной печати стали появляться его статьи о трагическом положении Православной Церкви в советской России. Страдания русского народа он считал бедствием общехристианским. Ученый подчеркивал, что опасность эта «не частная и временная, а универсальная и принципиальная», поэтому необходимо объединить всех христиан в общем историческом подвиге, чтобы защитить мир «от антихристианского нашествия» и обеспечить «благодатно-живоносное христианское влияние», так как отсутствие христианской солидарности усугубляет мировую катастрофу (война и социалистический погром в России)¹⁰²⁴.

В мае 1922 г. Н.Н. Глубоковский прибыл в Германию, а 14 июня прибыл в Прагу, где состоял профессором Русского университета и членом Учебной коллегии по обеспечению образования русских студентов в Чехословакии. 3 августа 1922 г. он переехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев, где был избран профессором Белградского университета. В июне 1923 г. ученый вместе с профессором А.П. Доброклонским написал «Мнение богословского факультета по вопросу подлинности хиротонии Англиканской Церкви» — официальный ответ факультета на запрос Сербского Синода представить экспертное мнение по данному вопросу, в связи с переговорами, которые велись тогда между Православной и Англиканской Церквями. Из-за тяжелых условий жизни в Белграде Н.Н. Глубоковский собирался переехать в Польшу, куда его приглашал митрополит Георгий (Ярошевский), однако убийство владыки 8 февраля 1923 г. помешало этим планам¹⁰²⁵.

В дальнейшем Н.Н. Глубоковский стал одним из создателей богословского факультета Софийского университета им. Климента Охридского и основателем новозаветного богословия в Болгарии. В мае 1923 г. он принял приглашение Софийского университета занять должность ординарного профессора. Ученый приехал в Софию из Белграда 11 июля 1923 г. (1 октября подал в отставку в Белградском университете) и с этого времени до своей кончины возглавлял кафедру Священного Писания Нового Завета. Вместе с ним в Софии

---

¹⁰²⁴ Богданова Т.А., Клементьев А.К. Глубоковский Н.Н. // Православная энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 607.

¹⁰²⁵ Там же.

работали и многие его бывшие ученики по Петроградской духовной академии, в том числе четыре митрополита.

В период эмигрантской деятельности Н.Н. Глубоковский опубликовал свыше 100 научных книг, статей и заметок, вышедших в Софии, Белграде, Праге, Стокгольме, Париже, Варшаве, Берлине, Женеве, Токио, Сремских Карловцах¹⁰²⁶. В основном его работы издавались в «Ежегоднике богословского факультета Софийского университета», «Православной мысли», «Пути» (Париж) и различных других периодических изданиях. Среди научных трудов Н.Н. Глубоковского, изданных в эмиграции, следует отметить: «Tract on Orthodox Church and the Reunion of Christians» (1924); «Православната църква и християнското църковно единение» (София, 1924); «Die Kirchengemeinschaft» (Берлин, 1925); «Грамматика на гречкия библиейски език Ветхи и Нови Завет» (София, 1927); «Бог-Слово» (Париж, 1928); «Русская богословская наука и ее историческое развитие и новейшем состоянии» (Варшава, 1928); «Christentum und Kirche» (Берлин, 1929); «Евангелия и их благовестие о Христе Спасителе и Его искупительном деле» (София, 1932); «Св. апостол Лука, евангелист и дееписатель» (София, 1932); «Славянская Библия» (1933); «Дидакалия и Апостольские постановления по их происхождению, взаимоотношению и значению» (София, 1935); «Благовестие християнской свободы в послании св. Апостола Павла к Галатам» (София, 1935); «Петербургская академия во время студенчества Патриарха Варнавы» (Сремски Карловцы, 1936); «Послание к евреям и историческое предание о нем» (София, 1937) и др. В 1933 г. Николай Никанорович завершил насчитывавший более 2500 страниц и так и не изданный «Объяснительный библиейский словарь», над составлением которого трудился с 1905 г.¹⁰²⁷

Н.Н. Глубоковский активно интересовался вопросами, касающимися церковной истории Болгарии. В частности, по этой тематике им была написана целая серия статей в Богословской энциклопедии: «Йоан, екзарх Болгарский», «Йоан Рыльский», «Йосиф Первый, екзарх Болгарский», «Кирилица

---

¹⁰²⁶ *Игнатъев А.* Указ. соч. С. 57–77.

¹⁰²⁷ См.: Русские писатели-богословы. Историки Церкви. Исследователи и толкователи Священного Писания. Биобиблиографический указатель. М., 2001. С. 272–273; *Платонов А.* Глубоковский Николай Никанорович // Русская философия. Энциклопедический словарь. М., 2003.

и глаголица. О древнеболгарской письменности», «Св. Кирилл Философ», «Климент Словенский», «Климент, митрополит Тырновский» и другие.

14 июня 1925 г. в Софии состоялось публичное заседание Русской академической группы в Болгарии, посвященное 35-летию научной деятельности Н.Н. Глубоковского. Почетным председателем собрания был ректор Софийского университета профессор В.Н. Златарски. В своем обращении, посвященном научной деятельности юбиляра, протопресвитер Георгий Шавельский отметил, что все экзегетические труды Николая Никаноровича имеют историко-генетический и филологически-истолковательный характер, они основаны на познания подлинного текста тех или иных священных писаний, в результате чего выясняется их место в историческом процессе и их идейная ценность. Отец Георгий также подчеркнул, что все труды ученого по Новому Завету отличаются огромной широтой исследования и детальности проработки, точностью и проверенностью выводов, новизной мысли и охватом всей литературы, делающим каждый его труд своего рода энциклопедией по трактуемому вопросу; и в России, и в Болгарии в области новозаветной экзегетики труды Н.Н. Глубоковского создали целую эпоху, а в мировом богословии они дали автору почетнейшее место¹⁰²⁸.

К своему юбилею ученый получил более 200 приветствий от различных организаций, священнослужителей, ученых и общественных деятелей. Официальный печатный орган Архиерейского Синода Зарубежной Русской Церкви журнал «Церковные ведомости» отмечал, что празднование 35-летия научной деятельности юбиляра «превратилось во всеславянское торжество, нашедшее отзвук во всех концах мира»¹⁰²⁹. 40-летию научной и церковно-общественной деятельности Н.Н. Глубоковского был посвящен специальный юбилейный номер журнала «Православная мысль» (1930. Вып. 2)¹⁰³⁰.

В 1929 г. ученый был избран дописным членом (членом-корреспондентом) Болгарской академии наук. Николай Никанорович пользовался исключительным авторитетом в церковных, научных и общественных кругах, поражая

---

¹⁰²⁸ Патриарх православного богословия в Болгарии // Русская газета. София. 2004. 14 октября.

¹⁰²⁹ Церковные ведомости. 1925. № 13–14. С. 9.

¹⁰³⁰ Богданова Т.А., Клементьев А.К. Указ. соч. С. 608.

современников широтой научных интересов, всесторонним образованием, блестящим владением языков — как классических (иврит, греческий, латинский и церковнославянский), так и новых (немецкий, французский, английский и болгарский), поразительной эрудицией и огромной работоспособностью. Многие известные иерархи Болгарской, Сербской и некоторых других Православных Церквей были его учениками.

Он в значительной степени влиял на церковную политику Болгарии — как внутреннюю, так и международную, выступая официальным представителем непризнанной автокефальной Болгарской Церкви и ходатаем за Болгарское государство перед знакомыми ему зарубежными политическими деятелями и организациями. Во многом благодаря усилиям Н.Н. Глубоковского удалось спасти от закрытия богословский факультет Софийского университета при сокращении государственных ассигнований на образование в первой половине 1930-х гг.

В эмиграции Н.Н. Глубоковский сотрудничал как с Русской Православной Церковью за границей (РПЦЗ), так и с отделившимся от нее Западно-Европейским экзархатом митрополита Евлогия (Георгиевского), но с середины 1920-х гг. относил себя к юрисдикции Болгарской Православной Церкви. При этом он проявлял интерес ко всем событиям в жизни русского церковного зарубежья. Так, например, в 1929 г. Николай Никанорович опубликовал в Софии брошюру «“Война и мир” в Финляндской Православной Церкви». Работа представляет собой своеобразную рецензию на книгу будущего настоятеля Валаамского монастыря иеромонаха Харитона (Дунаева) «Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви и причины нестроений в монастырях. Аренсбург, 1927.». Это была первая попытка дать каноническую и богословскую оценку церковно-исторической ситуации в Финляндии, причастным к которой оказался и сам профессор. В своей брошюре 1929 г. Н.Н. Глубоковский, не оправдывая обособленческих тенденций финляндского клира, тем не менее считал, что руководители «молодой Финляндской Церкви», перейдя на григорианский календарь, действовали в рамках канонической законности, и советовал валаамскому монашеству в вопросе о календаре держаться разумного подчинения местному церковноначалию и признавать его законность¹⁰³¹.

---

¹⁰³¹ Шевченко Т.И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). М., 2012. С. 32.

Большое внимание Н.Н. Глубоковский уделял подготовке нового поколения русских священнослужителей. В сентябре 1925 г. он участвовал в III Съезде Русского христианского студенческого движения (РСХД) в Хоповском монастыре (Королевство сербов, хорватов и словенцев), состоял куратором этого студенческого движения в Болгарии, а в дальнейшем сотрудничал как со Свято-Сергиевским богословским институтом в Париже, так и с Ученым комитетом, учрежденным в Сремских Карловцах при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви Заграницей (в 1934 г. он стал его членом). В основанном митрополитом Евлогием Свято-Сергиевском институте ученый неоднократно читал лекции (летом 1925, осенью — зимой 1928–1929 гг.), а в 1935 г. был избран его почетным членом. Н.Н. Глубоковский поддерживал личную переписку с Первоиерархом РПЦЗ митрополитом Антонием (Храповицким), по приглашению Сербского Патриарха Варнавы (Росича), его бывшего ученика, в первой половине 1930-х гг. регулярно посещал Сремски Карловцы¹⁰³². Ученый комитет при Архиерейском Синоде РПЦЗ возглавлял председатель — митрополит Антоний (Храповицкий), а в его состав помимо Н.Н. Глубоковского входили архиепископ Берлинский и Германский Тихон (Лященко), профессора М.В. Зызыкин, А.П. Доброклонский, С.В. Троицкий и Н.С. Арсеньев, большинство из которых некоторое время проживали и работали в Болгарии.

В число первых четырех избранных профессоров богословского факультета Софийского университета, кроме Николая Никаноровича Глубоковского, входил также бывший профессор Петроградской духовной академии и законоучитель дочерей императора Николая II протопресвитер Александр Петрович Рождественский (1864–1930), возглавлявший кафедру Священного Писания Ветхого Завета. С 5 сентября 1924 г. до своей кончины профессорскую кафедру истории Древней Церкви богословского факультета занимал бывший профессор Киевской духовной академии Михаил Эммануилович Поснов (1873–1931). С 1924 г. доцентом кафедры Священного Писания и Ветхого Завета (позднее профессором) являлся бывший протопресвитер российского военного и морского духовенства (в 1911–1917 гг.), член Святейшего Синода (в 1915–1917 гг.),

---

¹⁰³² Клементьев А.К. «...человек без лицемерия» // Новый журнал. 2007. Кн. 249. С. 327–328.

товарищ председателя Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. и член Высшего Церковного Совета при Патриархе (в 1917–1918 гг.) Георгий Иванович Шавельский (1871–1951). Преподавали на богословском факультете Софийского университета также архимандрит Тихон из Киевской духовной академии, профессор М.В. Зызыкин, профессор А.П. Доброклонский и доцент С.В. Троицкий из Новороссийского университета. Последним русским профессором Софийского университета (до 1971 г.) был Н. Дилевский. Один из современных болгарских историков отмечал, что «среди богословской профессорской коллегии в первые годы преобладали белоэмигранты»¹⁰³³.

При Софийском университете была создана Русская академическая группа, объединившая русских профессоров и предоставившая, кроме организационно-материальной поддержки, возможность обсуждений научных проблем и вопросов современной церковной жизни в России и в диаспоре. Через эту группу возникли активные связи русских профессоров, в частности богословов, с представителями других христианских конфессий. Эти связи, выражавшиеся и в личной переписке ученых, и в чтении лекций, и в конференциях, были характерной чертой русской богословской науки в диаспоре. Возобновилось существовавшее до революции 1917 г. обсуждение проблем воссоединения Русской и Англиканской Церквей. Одним из участников переговоров был Н.Н. Глубоковский. В 1925 г. он присутствовал в Англии на торжестве, посвященном 1600-летию Первого Вселенского Собора, затем издал ряд статей по вопросу желательности и условий христианского единения¹⁰³⁴.

С англиканской стороны энтузиастом переговоров о воссоединении выступал епископ Чарльз Гор, в частности, была переведена на русский язык и издана брошюра о предварительных условиях воссоединения с его

---

¹⁰³³ Димитров И. Професор Николай Никанорович Глубоковский — основател на новозаветного богословие в България // Бялата емиграция в България. С. 366–367.

¹⁰³⁴ Глубоковский Н.Н. На Никейских торжествах в Англии и на Всемирной Христианской конференции в Стокгольме летом 1925 года. Впечатления наблюдения участника (как члена делегата их обоих) // Воскресное чтение (Варшава). 1926. № 35. С. 546–550, № 36. С. 562–565, № 37. С. 580–583, № 38. С. 596; *Его же*. Христианское единение и богословское просвещение в православной перспективе // Путь. 1926. № 4 (июнь — июль). С. 139–144.

предисловием¹⁰³⁵. В августе 1927 г. русские богословы, в том числе Н.Н. Глубоковский, участвовали в экуменической Лозаннской конференции «Вера и церковное устройство», хотя Русская Православная Церковь официально не была на ней представлена¹⁰³⁶. В 1929 г. они приняли участие в первой конференции восточных и западных богословов в городе Нови Сад (Югославия), а в 1930 г. — во второй подобной конференции, проходившей в Берне¹⁰³⁷.

Приветствуя межцерковные конференции, Н.Н. Глубоковский утверждал, что подозрения против них «совершенно ошибочны или злонамеренны», ибо конференции не скрывают и не затушевывают конфессиональных разногласий, открыто исповедуя, что «без единства веры не может быть междуцерковного единения», их задача — «взаимное непосредственное ознакомление и свойственное ему сближение», в результате которого устраняются существующие взаимные недоразумения и соблазны¹⁰³⁸.

В Пловдивской духовной семинарии преподавали шесть русских эмигрантов: Н. Никитюков, профессор М. Поснов, священник Михаил Шишкин (возведенный 10 мая 1936 г. в сан протоиерея), М. Калнев, И. Чаусов и В. Иваницкий, причем два первых из них преподавали также в Софийской семинарии (вместе с филологом Ф.Г. Александровым), а два последних — в Бачковском священническом училище и т.д.¹⁰³⁹

С помощью Болгарского государства уже в 1921–1923 гг. были открыты семь русских гимназий: две в Софии и по одной в Шумене (действовала до 1934 г.), Варне, Пештере (она, по имени школьной иконы, носила название «Крестовоздвиженской»), Пловдиве (позднее в г. Тырново-Сеймене) и Петропавловском монастыре (вблизи г. Горна Ореховица), в общей сложности с 1000 учащихся (при этом три гимназии перевели из Константинополя).

---

¹⁰³⁵ См.: Основы взаимоотношения (предлагаемые как базис для обсуждения) между Англиканской Церковью, — а также Церквями, находящимися с ней в общении — и Восточной Православной Церковью. Лондон, 1925.

¹⁰³⁶ *Арсеньев Н.* Лозаннская конференция // Путь. 1928. № 10.

¹⁰³⁷ *Сухова Н.Ю.* Указ. соч. С. 268–269.

¹⁰³⁸ *Богданова Т.А., Клементьев А.К.* Указ соч. С. 607–608; «Возлюбим друг друга» // Православен пастир. София, 1930. Апрель. С. 321–326; *Misionarul.* Кишинев, 1930. Январь. С. 7–14.

¹⁰³⁹ *Евлогий, еп. Адрианопольский.* Учители белоэмигранты в Пловдивската Духовна Семинария // Бялата емиграция в България. С. 375–376.

Во всех гимназиях в обязательном порядке священники преподавали Закон Божий, при некоторых из них существовали детские сады¹⁰⁴⁰.

Кроме того, действовали: сельскохозяйственная школа-колония вблизи Велико-Тырново (для которой власти отвели соседние заброшенные здания Капиновского и Плаковского монастырей) и семь военных училищ: Константиновское в г. Горня Джумая, Александровское, Корниловское и Донское атаманское в Ямболе, Сергеевское артиллерийское в Ново-Загоре, Николаевское инженерное в с. Княжево и Кубанское Алексеевское в г. Тырново-Сеймене, в которых обучалось около 2500 человек. Также в 1920-е гг. были созданы 14 русских начальных и подготовительных школ, 6 детских домов и интернатов — в Софии (два), Варне, Бургасе, Пернике, Велико-Тырново, инвалидные дома в Шумене, Казанлыке, Цареброе, с. Шипка, с. Княжево под Софией и в других местах¹⁰⁴¹.

Эти учебные заведения до установления в мае 1934 г. советско-богарских отношений пользовались материальной и моральной поддержкой правительства Болгарии. В частности, премьер-министр профессор Александр Цанков во время разговора с протопресвитером Георгием Шавельским летом 1923 г. заявил: «Наша задача не денационализировать русскую школу, а, напротив, всеми силами помочь ей сохранить национальную особенность, чтобы она могла воспитать настоящих русских людей»¹⁰⁴².

Огромное значение в русских учебных заведениях придавалось преподаванию Закона Божьего. По этому предмету, который в русской Софийской гимназии свт. Николая Мирликийского изучали во всех восьми классах, «нельзя было получить отметку ниже “пятерки”. При “четверке” шла проработка в присутствии классного наставника... При “тройке” вызывались родители, и разговор уже шел с намеком: а не вероотступники ли сами родители. При “двойке” разговоров не было: ставили вопрос о твоём исключении из гимназии, и долго потом приходилось упрашивать педсовет, чтобы тебя

---

¹⁰⁴⁰ Йованович М. Указ. соч. С. 315–317.

¹⁰⁴¹ ЦДА, ф. 166к, оп. 3, е. х. 1; Шавельский Г. Русская школа в Болгарии // Труды V Съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1. София, 1932. С. 3; Горяинов А.Н. Указ. соч. С. 182, 188–189; Матвеева И.В. Указ. соч. С. 511.

¹⁰⁴² Кьюсева Ц. Русские школы в Болгарии (20–40-е годы XX века) // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. С. 65.

оставили хотя бы на второй год»¹⁰⁴³. До своей кончины в 1928 г., Закон Божий в первом — третьем классах и подготовительных группах этой гимназии преподавал протоиерей Василий Флоровский, а затем во всех классах вел протопресвитер Георгий Шавельский. 19 декабря гимназия ежегодно праздновала день своего покровителя святителя Николая Мирликийского.

Сохранились воспоминания некоторых выпускников русских гимназий Болгарии об их церковной жизни. Так, например, учившейся в Галлиполийской гимназии имени генерала П.Н. Врангеля, до середины 1926 г. существовавшей в г. Тырново-Сеймене, С.Р. Жуков позднее вспоминал: «...самым радостным праздником были дни Светлого Христова Воскресения. Посещение великопостных служб, общее говение по классам, потом пасхальная заутреня, литургия, общие розговены. В храм шли строем. Стояли все время в положении “смирно”, подражая нашим кумирам-офицерам... Настоятелем храма и преподавателем Закона Божия был протоиерей Димитрий Трухманов. Был он человеком совершенно особенным!.. Проповеди его были полны пламенных слов, которые прямо зажигали нас верою в Бога, верою в светлое будущее России»¹⁰⁴⁴.

Не только гимназия имени П.Н. Врангеля, но и некоторые другие русские учебные и благотворительные учреждения имели домовые церкви или часовни, например, созданное в г. Ямболе военное училище Войска Донского, русский инвалидный дом в Шумене, русская смешанная гимназия новых языков В.П. Кузминой в Софии (законоучителем гимназии и настоятелем ее домового храма служил протоиерей Георгий Голубцов), русская гимназия в Шумене (законоучителем гимназии и настоятелем ее домового храма в 1926–1934 гг. служил протоиерей Димитрий Трухманов). В Ямболе появились и два русских воинских кладбища, на одном из которых в 1921 г. воздвигли памятник погибшим воинам. В 1929 г. была устроена часовня-памятник на русских могилах Велико-Тырновского кладбища. Русские домовые храмы возникли также в Руссе, Пловдиве, Варне, Княжево, Пернике и некоторых других местах.

---

¹⁰⁴³ Тинин И. Бытие. Исход. Второзаконие: (История глазами очевидца): Династия Тининых и ниже с ними: Воспоминания. Волгоград, 2001. С. 52–53.

¹⁰⁴⁴ Жуков С.Р. Русские среднеучебные заведения в Болгарии в период первых лет эмиграции — от 1921 по 1928 год. // Русское Возрождение. 1982. № 20. С. 170–171.

5 марта 1920 г. Славянское общество Болгарии провело первую Славянскую культурную встречу, на которой выступили русские профессора Софийского университета: Н.П. Кондаков, М.Г. Попруженко, В.В. Завьялов и А.Д. Агура. С начала 1924 г. такие встречи стали регулярными. На многих из них выступали церковные деятели. Так, например, в 1924 г. в обсуждении доклада болгарина П. Ценова о русском крестьянстве активно участвовал протопресвитер Георгий Шавельский, в 1925 г. на двух встречах профессор богословия М.Э. Поснов говорил о деятельности Петра I в связи с 200-летием его кончины, в том же году режиссер П.М. Ярцев поделился воспоминаниями о монастыре Оптина пустынь и т.д. Всего, до февраля 1933 г., было проведено 97 Славянских встреч¹⁰⁴⁵.

Духовным центром русской эмиграции в Болгарии была Церковь, при храмах возникали братства, сестричества, молодежные и детские группы, которые активно занимались просветительской, культурной и благотворительной деятельностью. Болгарская Православная Церковь сильно страдала от нехватки священников, особенно образованных, и ее Священный Синод охотно назначал русских священнослужителей настоятелями болгарских приходов или преподавателями духовных учебных заведений. Согласно православным канонам, все русское духовенство в Болгарии требовалось зачислить в ведомство Болгарского экзархата, однако по «братской церковной благосклонности» (как выразился протопресвитер Стефан Цанков), правда, без принятия специального письменного решения, Священный Синод позволил создание и самостоятельных в юрисдикционном отношении общин и монастырей, вошедших позднее в состав Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ)¹⁰⁴⁶. А 30 декабря 1921 г. были даже признаны права Зарубежной Русской Церкви на существование самостоятельной епископии в Болгарии¹⁰⁴⁷.

---

¹⁰⁴⁵ Горяинов А.Н. Славянская идея и русская эмиграция в Болгарии (по материалам журнала «Славянски глас», 1920–1933 гг.) // Славянский альманах 1998. М., 1999. С. 138–139; Славянски глас. София. 1924. Кн. 2. С. 34, 1925. Кн. 1. С. 29, Кн. 2. С. 42.

¹⁰⁴⁶ Цанков С. Българската православна църква от Освобождението до настояще време. София, 1939. С. 191.

¹⁰⁴⁷ Киосева Ц. Документи о белой эмиграции в болгарских архивах // Вестник архивиста. 2004. № 3–4. С. 255.

К этому времени в стране уже служил русский архиерей. В начале весны 1921 г. (на второй неделе Великого поста) архимандрит Тихон (Лященко) был переведен в Берлин и проживавший в Болгарии российский дипломат А.М. Петряев обратился к управлявшему русскими приходами в Западной Европе архиепископу Евлогию (Георгиевскому) с просьбой назначить в посольскую Никольскую церковь в Софии нового настоятеля, рекомендовав протопресвитера Георгия Шавельского. Однако мнения прихожан разделилась и архиепископ выбрал вторую кандидатуру — епископа Серафима (Соболева). Сам владыка Евлогий позднее высказывал сожаления об этом выборе, в частности, в своих воспоминаниях он отмечал: «Одна часть прихожан просила меня... назначить протопресвитера Георгия Шавельского; другая — епископа Серафима (Лубенского), который проживал в Константинополе и был не у дел. Я назначил епископа Серафима. Назначение не из удачных. Епископ Серафим создал в приходе неприятную атмосферу нездорового мистицизма — пророческих вещаний, видений...»¹⁰⁴⁸. Впрочем, митрополит Евлогий высказывал это субъективное мнение уже после разрыва с Русской Православной Церковью Заграницей и соответственно с оставшимся верным РПЦЗ владыкой Серафимом, который, несомненно, являлся выдающимся архиереем и богословом.

В начале мае 1921 г. постановлением Высшего Русского Церковного Управления за границей (ВРЦУ) епископ Серафим был определен настоятелем храма свт. Николая в Софии и русского Ямбольского Александро-Невского монастыря. 11 мая возглавлявший ВРЦУ митрополит Антоний (Храповицкий) сообщил об этом Патриарху Московскому и всея Руси Тихону. 31 августа того же года новым постановлением ВРЦУ епископ Серафим был назначен управляющим всеми русскими общинами и монастырями в Болгарии с правами епархиального архиерея и оставлением за ним должности настоятеля Никольского храма. В качестве административного и финансового органа при владыке был образован Епископский совет. 20 ноября 1921 г. и Патриарх Тихон назначил владыку Серафима управляющим русскими приходами в Болгарии с титулом епископ Богучарский¹⁰⁴⁹.

---

¹⁰⁴⁸ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. С. 401.

¹⁰⁴⁹ Церковные ведомости. Сремские Карловцы. 1922. № 3. С. 7–8; Краткое жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). Джорданвилл, 1951. С. 18–20; Следственное дело Пат-

Владыка Серафим (в миру Николай Борисович Соболев) родился 1 декабря 1881 г. в Рязани, в 1907 г. принял монашеский постриг, окончил Рязанскую духовную семинарию и в 1908 г. Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия, служил инспектором Калужской и Костромской духовных семинарий, ректором Воронежской (с 1912 г.) и Симферопольской семинарий, а 14 октября 1920 г. в Симферополе был хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. Вскоре после хиротонии — 4 ноября 1920 г. владыка Серафим с частями Белой армии ушел из Севастополя в Константинополь, преподавал догматическое богословие в Высшей духовной школе Константинопольского Патриархата на о. Халки, а 19 мая 1921 г. вместе со своим братом иеромонахом Сергием переехал из Турции в Болгарию¹⁰⁵⁰.

21 сентября 1921 г. состоялось учредительное собрание Свято-Никольского прихода при церкви Российской миссии в Софии. Эта община была создана по приказу Высшего Церковного Управления Русской Церкви за границей на принципах приходского устава 1918 г. Членами приходского совета оказались избраны 12 мирян и четыре тогдашних члена причта: протопресвитеры Георгий Шавельский и Александр Рождественский (участник Всероссийского Собора 1917/18 гг.), протоиерей Василий Флоровский и иеромонах Сергий (Соболев). Председателем общины был выбран настоятель Никольского храма и управляющий русскими православными общинами в стране епископ Серафим¹⁰⁵¹.

Владыка Серафим был духовным сыном оптинского старца Анатолия (Потапова) и неоднократно встречался со св. прав. о. Иоанном Кронштадтским, от которого получил благословение на монашеский путь. Об этих встречах епископ сказал в своем слове, произнесенном 19 февраля 1921 г. в софийском храме свт. Николая: «Мы сами наблюдали благодатную радость и силу, которыми исполнялся о. Иоанн после Святого Причастия»¹⁰⁵².

риарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 681.

¹⁰⁵⁰ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 345.

¹⁰⁵¹ ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 116, л. 12–13.

¹⁰⁵² Серафим (Соболев), архиеп. Проповеди. София, 1997. С. 2.

Решением Архиерейского Синода РПЦЗ от 31 декабря 1929 г. титул епископа Серафима по его просьбе, в соответствии с указом Патриарха Тихона 1921 г., был изменен с Лубенского на Богучарский¹⁰⁵³. В этом же 1929 г. епископ Серафим снял с себя обязанности настоятеля софийской Никольской церкви, сосредоточившись на архипастырско-богословской деятельности. В конце августа 1934 г. решением Архиерейского Собора владыка Серафим был возведен в сан архиепископа Богучарского. В своем слове к собравшимся Первоиерарх РПЦЗ митрополит Антоний (Храповицкий) сказал: «Преосвященного Серафима нельзя поставить рядом с другими архиереями. Он трудится больше всех нас. Он истинно православный архиерей, который ставит Священное Писание выше своей карьеры»¹⁰⁵⁴.

Архиепископ Серафим объезжал все подведомственные ему приходы, посещал русские учебные заведения в Болгарии, а в Пещерской Крестовоздвиженской гимназии был попечителем и принимал участие в изыскании средств для ее существования. Живя в тяжелых материальных условиях и лишениях и имея на руках больного брата, владыка Серафим постоянно заботился о бедных и больных русских беженцах, добившись у МВД разрешения на проведение специальных тарелочных сборов на улицах Софии. Он также создал Комитет для сбора помощи голодающим русским инокам на Афоне и призывал в своих проповедях прихожан поддерживать православных братьев на Святой Горе, не дать погибнуть афонской святыне. Кроме того, архиепископ организовал сбор пожертвований на строительство новых православных храмов в Болгарии и за границей, часть своих личных средств он внес на строительство в Брюсселе храма «в память царя-мученика Николая II и всех русских людей, богоборческой властью в смуте убиенных». До сих пор владыка числится почетным членом Союза русских инвалидов в Болгарии¹⁰⁵⁵.

Правда, со многими болгарскими архиереями и болгарским правительством отношения у него не сложились; недружественные и даже порой враждебные отношения были у архиепископа Серафима и с двумя другими видными

---

¹⁰⁵³ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 103, л. 1; Краткое жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). С. 18–21.

¹⁰⁵⁴ Решетникова О.Н. Предисловие // Кострюков А.А. Архиепископ Серафим (Соболев): жизнь, служение, идеология. М., 2011. С. 10.

¹⁰⁵⁵ Решетникова О.Н. Указ. соч. С. 9–10.

представителями русской церковной эмиграции в стране — протопресвитером Георгием Шавельским и архиепископом Дамианом¹⁰⁵⁶.

Владыка Дамиан (в миру Дмитрий Григорьевич Говоров; 1855–1936) в 1878 г. окончил Екатеринославскую духовную семинарию, затем преподавал в Симферопольском духовном училище. В 1881 г. был рукоположен во священника и в 1899 г. возведен в сан протоиерея. В 1911 г. он окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия, в том же году был пострижен в монашество, затем возведен в сан архимандрита и назначен ректором Кишиневской духовной семинарии. В 1916 г. о. Дамиан был хиротонисан во епископа Эриванского, викария Тифлисской епархии, в 1917 г. назначен епископом Петровским, викарием Саратовской епархии и в следующем году переименован в епископа Царицынского, викария той же епархии. В 1919 г. владыка уехал с отступавшими белыми частями в Ставрополь, а в ноябре 1920 г. покинул Крым вместе с армией генерала П.Н. Врангеля и эмигрировал в Константинополь. По свидетельству эмигрантского церковного писателя В. Маевского преосвященный Дамиан «был исключительно мудрым, достойным и благостным архипастырем». В 1920–1930-е гг. владыка являлся членом Архиерейского Синода РПЦЗ, возведенный уже в Болгарии 13 мая 1930 г. в сан архиепископа Царицынского, он много сделал для установления хороших отношений между Православной и Англиканской Церквями и был известен своими богословскими работами и духовно-образовательной деятельностью¹⁰⁵⁷.

Следует отметить, что в России к 1917 г. было сформулировано положение о желательности устройства специальных пастырских школ, с полноценной богословской и церковно-практической подготовкой и достаточным для священнического служения общим образованием. Это положение было утверждено на Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 гг., но реализовать его успели лишь отчасти. В эмиграции, когда проблема подготовки пастырства встала особенно остро, епископ Дамиан предложил вариант создания такой школы. Еще находясь в России, он предпринимал попытки реализовать

---

¹⁰⁵⁶ Маевский В. Русские в Югославии. 1920–1945 годы. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 140–141.

¹⁰⁵⁷ Там же. С. 141; Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные архиереи периода с 1893 по 1965 годы (включительно). Т. 3. Эрланген, 1984. С. 19.

соборное положение о пастырских школах, учредил в 1919 г. пастырское училище в Ставрополе, но просуществовало оно всего два месяца, так как город пришлось оставить из-за приближения Красной армии¹⁰⁵⁸.

Оказавшись в Константинополе, епископ Дамиан летом 1921 г. подал во Временное Русское Церковное Управление (ВРЦУ) прошение о разрешении ему открыть пастырские курсы, но получил отказ, так как с апреля уже действовали Высшие богословские курсы при Управлении русскими православными общинами в Константинополе, устроенные архиепископом Анастасием (Грибановским)¹⁰⁵⁹. В ноябре того же года владыка Дамиан предложил ВРЦУ учредить четырехклассное Пастырско-богословское училище и, получив принципиальное разрешение, разработал проект устройства училища, учебного плана и штатов. Однако этот проект был реализован уже в другой стране. 17 января 1922 г. ВРЦУ утвердило проект о создании Пастырско-богословского училища под руководством епископа Дамиана в Болгарии¹⁰⁶⁰.

В начале февраля 1922 г. епископ Дамиан переехал из Константинополя в Софию и 21 февраля был назначен делегатом Болгарского Священного Синода в ставропигиальном Бачковском монастыре «для духовного руководства братией, училищем и паломниками». Однако владыка мечтал создать именно русское Богословско-пастырское училище. Поселившись в Болгарии, архипастырь первоначально предлагал открыть училище на Шипке, превратив находившийся здесь Рождественский храм-памятник, а также прилегающие здания в русский духовно-просветительский центр. Однако просьба о передаче этих зданий не была одобрена зарубежным Архиерейским Синодом, так как они использовались в качестве инвалидного и детского дома для русских беженцев¹⁰⁶¹.

Епископ Дамиан дважды — в январе и июне 1922 г. обращался с прошениями в Болгарский Синод о предоставлении ему с целью организации

---

¹⁰⁵⁸ Сухова Н.Ю. Указ. соч. С. 270.

¹⁰⁵⁹ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 222, л. 3.

¹⁰⁶⁰ СА. Протокол ВРЦУ от 4/17 января 1922 г.

¹⁰⁶¹ Кострюков А.А. Архиепископ Царицынский Дамиан (Говоров) и его просветительская деятельность в эмиграции // Церковно-исторический вестник. 2009/2010. № 16–17. С. 83; ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 84, л. 1, д. 98, л. 1.

богословского учебного заведения одного из монастырей, отмечая, «что пастырское училище в центре славянства может сыграть великую роль в смысле воспитания молодых людей в традициях славянских, в духе единения и закрепления связей славянских народов, что входило в план духовно-просветительного дела Русской Церкви... что русское училище, если оно откроется в болгарском монастыре, будет великим памятником участливого братского отношения болгарских иерархов и народа к русскому народу, потерявшему тысячи пастырей в злосчастное время и не имеющему возможностей пополнить их недостаток по закрытию духовных учебных заведений в России»¹⁰⁶².

Второе прошение епископа увенчалось успехом и 24 июля 1922 г. он был назначен настоятелем монастыря свв. Кирика и Иулитты в с. Горни Воден Станимакского (с 1934 г. Асеновградского) округа Пловдивской митрополии, одновременно переданного русским насельникам в безвозмездное пользование¹⁰⁶³. Именно епископ Дамиан в сентябре 1923 г. основал при монастыре одно из старейших образовательных богословских учреждений русской эмиграции — единственное Богословско-пастырское училище РПЦЗ в Европе. 29 сентября 1922 г. русский Зарубежный Архиерейский Синод в Сремских Карловцах постановил разрешить епископу Дамиану создать училище при монастыре свв. Кирика и Иулитты¹⁰⁶⁴. Болгарский Синод также в конце 1922 г. специальным решением позволил открыть Богословско-пастырское училище, с тем чтобы его учащиеся готовились в качестве священников и для Болгарской Православной Церкви.

Со стороны значительной части русской церковной эмиграции в Болгарии отношение к новому начинанию первоначально было скептическое. Так, профессор М.Э. Поснов считал, что дело епископа Дамиана не может иметь успеха за отсутствием средств, преподавателей и книг. Такого мнения поначалу придерживался и управляющий русскими приходами в Болгарии епископ Серафим (Соболев). Болгарские архиереи также смотрели на

---

¹⁰⁶² Из воспоминаний Юрия Словачевского, потомка архиепископа Дамиана // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. С. 230–231.

¹⁰⁶³ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 222, л. 14–15 об.

¹⁰⁶⁴ Церковные ведомости. 1922. № 18–19. С. 4–5, 1923. № 3–4; Из воспоминаний Юрия Словачевского, потомка архиепископа Дамиана. С. 231.

дело с недоверием. Действительно, училище заработало в полную силу не сразу. Хотя оно планировалось четырехгодичным, первый состав учащихся был принят сразу на второй курс. Епископ Дамиан объяснял это тем, что все поступившие имели среднее образование, а в училище на первом курсе предполагалось изучать общеобразовательные предметы. В течение первых полутора лет новое учебное заведение испытывало острый кадровый голод, и некоторое время владыка Дамиан читал лекции один, поскольку не мог найти преподавателей¹⁰⁶⁵.

Однако эта проблема постепенно была решена. 28 декабря 1923 г. русский Архиерейский Синод в Сремских Карловцах утвердил педагогический персонал в составе епископа Дамиана, выпускников Казанской духовной академии кандидатов богословия Б.В. Остроумова (читавшего курс по церковной истории и основному богословию) и И.Я. Чаусова (преподававшего курс по Священному Писанию), выпускника Московского синодального училища учителя пения А.В. Яковлева и кандидата богословия архимандрита Кирилла (последний не смог приехать в Болгарию)¹⁰⁶⁶.

В стенах монастыря свв. Кирика и Иулитты обучались не только жители Болгарии, русские студенты из других стран Европы, Северной и Южной Америки, но и представители других национальностей, например немцы. Среди учащихся были также те, кто перешел в православие из католичества и лютеранства, преподавателями же были старые русские богословы (в том числе первоначально несколько месяцев и епископ Лубенский Серафим), а начальником училища — сам архиепископ Дамиан. Одним из основных преподавателей с 10 января 1924 по 1930 г. работал выпускник Санкт-Петербургской духовной академии кандидат богословия иеромонах Кирилл (в миру Константин Николаевич Селивановский); в дальнейшем — в 1930–1938 гг. он служил наместником Ямбольского Александро-Невского монастыря, а в 1938–1944 г. в сане игумена — настоятелем русской общины в Варне. Кроме того, преподавателями училища были: известный исследователь русского сектантства — выпускник Киевской духовной академии и опытный епархиальный

---

¹⁰⁶⁵ Кострюков А.А. Архиепископ Царицынский Дамиан (Говоров) и его просветительская деятельность в эмиграции. С. 84.

¹⁰⁶⁶ См.: Церковные ведомости. 1923. № 3–4.

миссионер М.А. Кальнев, выпускник архитектурного отделения Академии художеств монах Василий (Белоус, преподавал иконописание), выпускник Военно-юридической академии и юридического факультета Московского университета генерал-майор В.И. Лазарев, священник Михаил Шишкин, В.И. Иваницкий, а с 15 октября 1932 г. некоторое время — бывший узник Соловецкого лагеря, бежавший в августе 1930 г. из СССР в Румынию архимандрит Феодосий (Алмазов)¹⁰⁶⁷.

Пастырско-богословское училище представляло собой уникальное учебное заведение как по организации, так и по учебно-воспитательному процессу. Оно состояло в подчинении Архиерейскому Синоду РПЦЗ (о чем свидетельствовали регулярные отчеты, ревизии, присутствие представителя Синода на выпускных экзаменах и т.п.), но действовало по благословию Священного Синода Болгарской Церкви, хотя и без официальной учебной аккредитации. Обучение проводилось по программе дореволюционных русских духовных семинарий, хотя и с сильно сокращенной общеобразовательной составляющей, продолжалось три-четыре года, поступали же преимущественно лица со средним образованием. Изначально училище ставило перед собой задачу пастырской подготовки, но со временем стало осуществлять по мере сил и другие просветительские функции, а отдельные его выпускники поступали на богословский факультет Софийского университета. При монастыре было создано Свято-Владимирское братство, которое занималось не только сбором средств для училища, но также издательской деятельностью, и ставило особый акцент на сохранении и развитии русской духовной культуры и общеславянской культурной миссии. Следует упомянуть, что изначально Свято-Владимирское братство было учреждено епископом Дамианом в Крыму, по просьбе представителей Крымской администрации, с целью объединения православных беженцев и духовенства, и его открытие состоялось у купели св. Владимира в Херсонесе (примером служили старорусские Львовское и Иленское братства XVII в.). В Болгарии братство было возобновлено с несколько иными задачами¹⁰⁶⁸.

---

¹⁰⁶⁷ Сухова Н.Ю. Указ. соч. С. 272; Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. С. 361–362.

¹⁰⁶⁸ Сухова Н.Ю. Указ. соч. С. 271.

Владыка Дамиан считал, что его детище — единственный пример реализованного постановления Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг.¹⁰⁶⁹ В учебный план училища, представленный епископом в Архиерейский Синод в 1923 г., входили богословские дисциплины (введение в книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, само Священное Писание обоих Заветов, творения святых отцов Церкви, общая и русская история Церкви с церковной географией, основное богословие, догматическое богословие с разбором основных уклонений, нравственное богословие); церковно-пастырские (церковный устав и литургика, церковное красноречие, пастырское богословие, церковное право применительно к приходскому служению, история и обличение русского старообрядчества и сектантства, церковное чтение, церковное пение и регентство), а также небольшой общеобразовательный курс (русский язык и литература, гражданская история, психология, логика, начала философии и дидактика). Однако этот учебный план никогда не выдерживался в полной мере: с одной стороны, состав предметов определялся наличными преподавательскими силами, с другой стороны, в первые же годы деятельности училища в курс были введены церковно-христианское искусство (причем со специализацией для способных студентов в области иконописи, церковной архитектуры и церковной утвари), практическое миссионерство, педагогика, в дальнейшем — новые и древние языки¹⁰⁷⁰. Все учебные программы представлялись епископом Дамианом в Архиерейский Синод, некоторые из них прочитывались лично Первоиерархом РПЦЗ митрополитом Антонием и получали его одобрение, в частности, владыка Антоний лично рецензировал программу по Пастырскому богословию¹⁰⁷¹.

Постепенно учебный процесс налажился. Будущий Первоиерарх РПЦЗ архиепископ Анастасий (Грибановский), посетивший экзаменационную сессию в 1924 г., оставил об училище положительный отзыв и отметил, что все учащиеся прекрасно осознают свой выбор служить Церкви. Большое внимание уделялось богослужению, все воспитанники должны были

---

¹⁰⁶⁹ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 222, л. 315–318.

¹⁰⁷⁰ Там же, л. 8–8 об, 40–41 об, 121–124, 161, 318.

¹⁰⁷¹ Там же, л. 202–205.

присутствовать на нем ежедневно. Осенью 1925 г. училище сделало первый выпуск — 10 человек. Епископ Серафим (Соболев), приехавший в монастырь свв. Кирика и Иулитты в октябре 1925 г., отмечал, что знания у воспитанников были в целом на высоком уровне. И хотя официально Болгарским Синодом училище не вполне признавалось, на практике все те, кто окончил его курс и был рукоположен владыкой Дамианом, принимались на приходскую службу в Болгарскую Церковь. При этом жалованье выпускникам училища платили такое же, как священникам, окончившим болгарские духовные учебные заведения¹⁰⁷².

Владыка Дамиан видел в училище огромную пользу. В 1930 г. он отмечал: «Православным богословием на Западе мало интересовались, а в массе народной знали только два вероисповедания — католическое и протестантское, православие было совершенно неведомо, и только во время эмиграции религиозно настроенные люди познакомились с церковной обрядностью и почувствовали тяготение к нему. Русская Зарубежная Церковь идет навстречу этому тяготению. Пастырско-богословское училище в Болгарии, единственное в эмиграции духовное учебное заведение, устраняющее всякое формальное препятствие в приобретении богословских истин людям всякого возраста, положения, национальности». Епископ Серафим (Соболев) в свою очередь высоко оценивал образовательную деятельность владыки Дамиана: «Я полагаю, что дело епископа Дамиана надо признать полезным для Церкви Божией, а потому заслуживающим поддержки»¹⁰⁷³.

Основатели и преподаватели Богословско-пастырского училища разделяли идею «миссии русской эмиграции» — представления об эмигрантах из России как хранителях прежних, дореволюционных национальных ценностей и единственной силе, которая в будущем может восстановить эти ценности и Родину в целом. В своеобразном отчете о деятельности училища, опубликованном в 1932 г., говорилось: «За время русского изгнания среди эмигрантов ясно стала чувствоваться необходимость дать образование подрастающему поколению и тем подготовить его к будущему служению и строительству на

---

¹⁰⁷² ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 222, л. 328; Кострюков А.А. Архиепископ Царицынский Дамиан (Говоров) и его просветительская деятельность в эмиграции. С. 84.

¹⁰⁷³ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 222, л. 211, 319 об.

Родине, когда она, стряхнув с себя красное иго, особенно будет нуждаться в разного рода работниках-специалистах»¹⁰⁷⁴.

Несмотря на постоянную нехватку средств, училище за 15 лет существования подготовило около 50 священнослужителей и преподавателей Закона Божия, из них 25 приняли священный сан (19 русских и 6 болгар); из 20 его выпускников до 1930 г. пять были пострижены в монашество. Некоторые из выпускников продолжили учебу в других духовных учебных заведениях, например в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Выпускники училища в священном сане служили на приходах Болгарии, Франции, Югославии, Великобритании; не имеющие священного сана преподавали в высших и средних духовных школах Болгарии, Франции и Литвы. Кроме руководства училищем, владыка Дамиан с разрешения Архиерейского Синода периодически устраивал летние богословско-педагогические курсы, а в 1928 г. открыл при монастыре свв. Кирика и Иулитты курсы заочного обучения по программе училища и программе Высших богословско-педагогических курсов. Лекционные материалы рассылались заочникам, проживавшим в Болгарии, Чехословакии, Югославии, Франции, Германии, Северной и Южной Америке, а от них принимали сочинения и контрольные (в 1930–1931 гг. заочно обучалось 12–14 студентов). В 1928 г. владыка издал в Софии «Руководство по предмету пастырского богословия», болгарский царь Борис III удостоил его ордена «За гражданские заслуги». 13 мая 1930 г. епископ Дамиан был возведен в сан архиепископа Архиерейским Собором РПЦЗ¹⁰⁷⁵.

Далеко не все, что планировал архиепископ Дамиан, удалось сделать. Изначально он считал, что монастырь свв. Кирика и Иулитты будет приносить большую прибыль, и даже обещал отчислять Болгарскому Синоду 35% дохода. Училище, по мнению архипастыря, не должно было бедствовать, однако монастырь не приносил большого дохода и не покрывал расходов училища. Епископу Дамиану приходилось выискивать новые средства. В середине 1920-х гг. удалось добиться субсидии от болгарского правительства (60 тысяч левов в год),

---

¹⁰⁷⁴ Историческая записка о Пастыро-богословском училище в монастыре «Св. Кирика» в Болгарии. София, 1932. С. 3.

¹⁰⁷⁵ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 222, л. 288–290 об., 328–329 об, д. 106–109, 136; ЦДА, ф. 791к, оп. 1, е. х. 65, л. 43; Seide G., а.а.О., S. 270.

доход приносила и сдача в аренду монастырской земли (50 тысяч левов в год). К концу 1920-х гг. выплата пособия от правительства прекратилась. Не оказывал помощи училищу и Болгарский Синод, и оно выживало в основном за счет благотворителей (Епископский совет ежегодно выделял лишь 2400 левов). Так, 50 тысяч левов в год платило Свято-Владимирское братство, 48 тысяч левов в год — Русско-болгарский комитет. Преподаватели были вынуждены работать за небольшие деньги, что, в принципе, не являлось чем-то исключительным для русской эмиграции. После окончания Первой мировой войны в Болгарии была очень тяжелая экономическая ситуация, и именно из-за нее некоторые эмигранты на подручных средствах вплавь убежали из Болгарии в СССР¹⁰⁷⁶.

Монастырь из-за своей бедности не мог предоставить преподавателям жилье, и они были вынуждены приезжать для лекций издалека, порой два — четыре раза в месяц. По словам владыки Дамиана, училище «существует только благодаря интенсивному хозяйству, усиленному труду учащихся... и частично благотворителям». Архипастырь был вынужден ограничить число воспитанников, так как монастырь мог прокормить только 18 человек. Существовал острый недостаток учебных пособий и богословской литературы — к 1931 г. в библиотеке имелось лишь 356 книг 245 наименований¹⁰⁷⁷. Несмотря на бедность, неимущим студентам выплачивали небольшую стипендию из специальных фондов русского Берлинского епископа, Лондонского комитета помощи русским клирикам и Покровского сестричества в Берлине. Труд был постоянной обязанностью учащихся. Обязанности по хозяйству и уборке лежали исключительно на воспитанниках, кроме того, все они обучались различным ремеслам. Монастырь имел виноградники, за которыми ухаживали воспитанники. Они же производили на продажу вино и ракию. Епископ Серафим (Соболев) писал, что училище сдает в аренду $\frac{2}{3}$ своей земли, а остальную обрабатывает самостоятельно: «Это обстоятельство заставляет учеников значительную часть учебного времени, продолжающегося круглый год, посвящать физическому труду для своего пропитания»¹⁰⁷⁸.

---

¹⁰⁷⁶ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 222, л. 210; ЦДА, ф. 791к, оп. 1, е. х. 65, л. 43; Болгария, беженцы и Чичерин // Последние новости. 1926. 17 июля. С. 1.

¹⁰⁷⁷ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 222, л. 330.

¹⁰⁷⁸ Костриков А.А. Архиепископ Царицынский Дамиан (Говоров) и его просветительская деятельность в эмиграции. С. 85–86.

Студенты жили по монастырскому режиму; выпускники училища, пребывавшие в монастыре в священном сане, ездили служить и проповедовать на окрестные приходы по просьбе болгарских церковных властей. Многие значила система послушаний: в этом была и воспитательная, и практическая необходимость. При училище действовало подготовительное отделение (его оканчивали абитуриенты, не имеющие среднего образования), причем преподавали там наиболее способные студенты старших курсов.

Архиепископ Анастасий (Грибановский) в 1924 г. так писал об учащихся: «Трудясь неустанно с утра до вечера они, однако, не обеспечены всем необходимым. Часто, ложась спать, они не знают, будут ли иметь пропитание на будущий день. Особенно они нуждаются в одежде, чтобы приобрести ее, они вынуждены по временам прерывать занятия и идти на заработки по окрестным селениям. Вообще, бедность — это главная болезнь школы, благодаря ей последняя не может шире развернуть свою деятельность и привлечь к себе полный комплект учащихся и необходимый состав преподавателей. Весь годовой доход школы едва ли превышает 20 000 левов»¹⁰⁷⁹.

Как уже говорилось, у архиепископа Дамиана были напряженные отношения с архиепископом Серафимом (Соболевым). Упомянув об этом конфликте, секретарь Сербского Патриарха Варнавы В.А. Маевский возлагал большую часть ответственности на архиепископа Серафима¹⁰⁸⁰, хотя, по справедливому заключению российского историка А.А. Кострюкова, «имеющиеся документы не дают оснований для столь категоричных заявлений»¹⁰⁸¹. Ситуация во взаимоотношениях между иерархами изначально была довольно двусмысленная. Хотя владыка Дамиан проживал в Болгарии, он подчинялся не архиепископу Серафиму, а непосредственно Архиерейскому Синоду.

Рассчитывая на доходы от монастыря свв. Кирика и Иулитты, первоначально епископ Дамиан не предполагал, что в скором времени будет нуждаться в дополнительных средствах. Затем, в середине 1920-х гг., чтобы поправить финансовое положение, он пытался получить в свое ведение русский

---

¹⁰⁷⁹ Кострюков А.А. Архиепископ Царицынский Дамиан (Говоров) и его просветительская деятельность в эмиграции. С. 86.

¹⁰⁸⁰ Маевский В. Указ. соч. Т. 2. С. 141.

¹⁰⁸¹ Кострюков А.А. Архиепископ Царицынский Дамиан (Говоров) и его просветительская деятельность в эмиграции. С. 86–87.

Александро-Невский (Спасский) Ямбольский монастырь, находившийся в подчинении епископа Серафима, который увидел в этом вмешательство в дела своей епархии. Вопрос о принадлежности Ямбольского монастыря неоднократно обсуждался на заседаниях Архиерейского Синода РПЦЗ. В 1924 г. Синод принял решение оставить монастырь в ведении епископа Серафима, такое же решение вынес и Архиерейский Собор в июне 1926 г.¹⁰⁸²

Чтобы оказать финансовую помощь Богословско-пастырскому училищу, Архиерейский Синод поручил епископу Серафиму перечислять часть доходов от Ямбольского монастыря для учебных целей. Однако этот монастырь практически не давал никакой прибыли и долгое время находился на грани закрытия. Владыка Серафим писал, что может держать в обители только шесть человек (настоятеля, двух послушников и трех рабочих), и отмечал: «Больше принимать никого не буду, ибо каждый новый человек потребует на себя 1000 л[ево] в расхода в месяц и не будет в прибыль для монастыря». Чтобы избежать закрытия монастыря, епископ Серафим добивался у министра внутренних дел Болгарии Русева разрешения на проведение денежных сборов. Поэтому средства на училище перечислялись владыкой неаккуратно; Архиерейскому Синоду неоднократно приходилось разбирать соответствующие жалобы епископа Дамиана и давать предписания владыке Серафиму погасить задолженности¹⁰⁸³.

Отношения между епископами Серафимом и Дамианом особенно ухудшились в 1926 г., в связи с разрывом между Архиерейским Синодом РПЦЗ и митрополитом Евлогием (Георгиевским), управлявшим русскими приходами в Западной Европе. Хотя епископ Дамиан остался в юрисдикции РПЦЗ, он фактически поддержал митрополита Евлогия, расценив случившееся как катастрофу. Большое недовольство у владыки Дамиана вызвало и обвинение митрополита Евлогия в связях с молодежной религиозной организацией ИМКА (Христианской ассоциацией молодых людей), которую в Синоде РПЦЗ считали масонской. В свою очередь епископ Серафим в 1926 г. безоговорочно поддержал Архиерейский Синод и резко выступил против

---

¹⁰⁸² Церковные ведомости. 1926. № 15–16. С. 3–4; Тинина З.П. Дневник архиепископа Царицынского Дамиана 1919–1922 гг. // Мир Православия. Сборник научных статей. Вып. 4. Волгоград, 2002. С. 312.

¹⁰⁸³ Кострюков А.А. Архиепископ Царицынский Дамиан (Говоров) и его просветительская деятельность в эмиграции. С. 87.

митрополита Евлогия. В своем письме митрополиту Антонию (Храповицкому) от 18 октября 1926 г. епископ Дамиан отрицательно отзывался как о действиях Архиерейского Синода, так и о позиции епископа Серафима по «евлогиевскому» вопросу¹⁰⁸⁴.

Ситуацию обострил спор иерархов о миссионерском стане, открытом епископом Дамианом в 1926 г. при монастыре свв. Кирика и Иулиты и ставшим своеобразной базой для поездок владыки по русским приходам в Болгарии. Епископ Серафим выступил против этой инициативы, видя в ней нарушение канонов и вмешательство в чужую юрисдикцию. Архиерейский Синод неоднократно пытался примирить архиереев. При этом если в вопросе юрисдикции над Ямбольским монастырем он занял сторону епископа Серафима, то в вопросе о посещении приходов поддержал епископа Дамиана. Так, в октябре 1926 г. Синод в ответ на жалобы епископа Дамиана попросил епископа Серафима дать ему благословение на посещение русских приходов в Болгарии. Однако и впоследствии Синоду неоднократно приходилось разбирать границы полномочий этих архиереев¹⁰⁸⁵.

В 1930-е гг., в частности, на Архиерейском Соборе РПЦЗ, проходившем в сентябре 1934 г., владыка Дамиан по-прежнему активно выступал за скорейшее примирение и объединение с митрополитом Евлогием. В это время он фактически стал связующим звеном между Собором и внешним миром. По свидетельству архимандрита Феодосия (Мельника), «а[рхи]епископ Дамиан после каждого заседания... подробно докладывал, кто говорил и на что возражал и т.д.». В это время позиция владыки Серафима (Соболева) в данном вопросе также несколько смягчилась. В частности, в 1936–1937 гг. он находил официальный разрыв общения с митрополитом Евлогием нелогичным и невыгодным, так как с главой Западно-Европейского экзархата и его духовенством сослужили представители дружественных РПЦЗ Сербской и Болгарской Церквей. При этом, по мнению, архиепископа Серафима, нужно было на практике избегать сослужения¹⁰⁸⁶.

---

¹⁰⁸⁴ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 222, л. 236 об.

¹⁰⁸⁵ В.Л. Деятельность миссионерского стана // Русь. 1926. 8 октября; Кострюков А.А. Архиепископ Царицынский Дамиан (Говоров) и его просветительская деятельность в эмиграции. С. 88.

¹⁰⁸⁶ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 годах: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 253, 422.

Примирение между владыками Серафимом и Дамианом состоялось лишь незадолго до смерти последнего. За несколько месяцев до своей кончины архиепископ Дамиан был помещен в софийский госпиталь. Здесь его дважды — на Рождество и на Пасху, — посетил архиепископ Серафим. В своем письме митрополиту Антонию (Храповицкому) от 19 апреля 1936 г. владыка Серафим сообщал: «Во время пребывания архиепископа Дамиана в русском госпитале Доктора Березина я два раза посетил архиепископа Дамиана: 7 января и на 2-й день Пасхи, т.е. за 5 дней до смерти. В первое мое посещение я вручил владыке Дамиану небольшую сумму денег из своих на лечение и испросил у него себе прощение за все причиненные ему мною огорчения. В ответ он мне сказал: “Никаких огорчений Вы мне не делали. Я хорошо к Вам относился. Я только шел напролом”. Во второе свое посещение я также из своих вручил ему небольшую сумму денег»¹⁰⁸⁷.

Скончался архиепископ Дамиан 19 апреля 1936 г. в упоминавшемся госпитале, был отпет архиепископом Серафимом и протопресвитером Георгием Шавельским в русской церкви свт. Николая и похоронен на русском участке Софийского кладбища. После смерти владыки Дамиана Архиерейский Синод РПЦЗ по представлению архиепископа Серафима (Соболева) 26 мая 1936 г. назначил начальником Богословско-пастырского училища выпускника богословского факультета Софийского университета иеромонаха Николая (Зданевича), но с кончиной основателя деятельность училища постепенно стала замирать¹⁰⁸⁸.

Архиепископ Серафим так объяснял неудачу с сохранением Богословско-пастырского училища: «Считаю своим долгом сказать, что Болгарский Синод и Правительство отрицательно относились к этой школе и не раз мне заявляли, что эта школа Болгарской Церкви не нужна. У меня есть бумага от Болгарского Синода, запрещающая мне посвящать окончивших пастырскую школу во священники для болгарских приходов». 24 апреля 1936 г. управляющий Пловдивской митрополией епископ Харитон написал архиепископу Серафиму: «В монастыре св. Кирика дела будут идти согласно Вашему письменному желанию. Продолжение же пастырско-богословского курса после

---

¹⁰⁸⁷ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 222, л. 363.

¹⁰⁸⁸ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, е. х. 65, л. 43; Seide G., a.a.O., S. 270.

смерти архиепископа Дамиана оказывается невозможным в этом монастыре, как и пребывание там немонашествующих лиц»¹⁰⁸⁹.

Архиерейскому Синоду Русской Православной Церкви Заграницей, безрезультатно обращавшемуся за помощью к Сербскому Патриарху Варнаве, в этой ситуации удалось добиться только того, чтобы студентам разрешили сдать экзаменационную сессию. Дальнейшие попытки спасти училище предпринимал Архиерейский Собор РПЦЗ 1936 г., но его ходатайства перед Болгарской Церковью о продолжении работы училища в каком-нибудь другом монастыре фактически не дали результата. Руководство Экзархата, не возражая в принципе против существования училища, поставило условие, что обучаться в нем могут только русские с последующей иерейской хиротонией в РПЦЗ, но для ее приходов в Болгарии большого количества священников не требовалось. Окончательное решение о закрытии Богословско-пастырского училища Архиерейский Синод РПЦЗ принял в начале 1938 г.¹⁰⁹⁰

Так же в 1938 г. перестал быть русской обителью и монастырь свв. Кирика и Иулитты. Его насельники в основном перешли в различные болгарские монастыри. Так, например, иеромонах Авксентий (Приходько) в 1925–1938 гг. был насельником обители свв. Кирика и Иулитты, а затем перешел в болгарский монастырь свв. апостолов Петра и Павла в местечке Бяла Черква¹⁰⁹¹.

15 ноября 1940 г. Болгарский Священный Синод заслушал доклад синодального секретаря об итогах работы, учебной программе русского Богословско-пастырского училища и постановил приравнять аттестаты его выпускников к аттестатам Бачковского и Черепишского священнических училищ, а также выплачивать одинаковую зарплату священникам, закончившим одно из этих трех училищ¹⁰⁹².

Помимо владык Серафима и Дамиана, в 1925–1931 гг. в Болгарии также проживал имевший много духовных детей архиепископ Полтавский

---

¹⁰⁸⁹ Кострюков А. А. Архиепископ Царицынский Дамиан (Говоров) и его просветительская деятельность в эмиграции. С. 88–89.

¹⁰⁹⁰ Там же. С. 89; ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 15, л. 5, д. 144, л. 1 об–2; Seide G., a.a.O., S. 270.

¹⁰⁹¹ Паралингов Э. Русские священники-эмигранты, служившие в Пловдивской епархии после 1920 года (по документам архива и библиотеки Пловдивской митрополии) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II. 2006. Вып. 4 (21). С. 59.

¹⁰⁹² ЦДА, ф. 791к, оп. 1, е. х. 65, л. 87.

и Переяславский Феофан (в миру Василий Дмитриевич Быстров, 1873–1940), входивший первое время после эмиграции из России в состав Высшего Церковного Управления за границей (в 1920–1922 гг.), а позднее — Архиерейского Синода РПЦЗ (со 2 сентября 1922 по 1925 гг. был заместителем председателя Синода). Он приехал в страну из сербского монастыря Петковице по приглашению Болгарского Синода, некоторые члены которого были его учениками по Санкт-Петербургской духовной академии, ректором которой в 1909–1910 гг. служил владыка Феофан. Архиепископ поселился в здании Синодальной палаты в Софии, а летом проживал на даче в Варне (которую ему предоставил митрополит Варненский Симеон); при этом он часто служил в русской варненской церкви св. Афанасия Александрийского. У архиепископа Феофана были дружеские отношения с епископом Серафимом (Соболевым), которого он когда-то рукоположил во епископа Лубенского — викария своей епархии.

27 ноября 1925 г., когда в Архиерейском Синоде обсуждался вопрос о даровании автокефалии Польской Православной Церкви, владыки Феофан и Серафим отправили в Синод довольно резкое письмо, в котором говорилось: «Мы почитаем единственно компетентной властью признавать и благословлять автокефалию... Высшую церковную власть Русской Поместной Церкви в лице Московского Патриарха и Всероссийского Поместного Собора. Решать же такой коренной вопрос, касающийся всей Русской Церкви, некомпетентна Высшая церковная власть за границей даже в лице Заграничного Собора епископов, как власть временная, вызванная к жизни лишь чрезвычайными обстоятельствами для неотложных текущих церковных нужд. Всякое постановление Высшей церковной русской заграничной власти, превышающее ее естественную компетенцию, а тем более идущее вразрез с ясно выраженной волей Московского Патриарха, свидетельствовало бы о непризнании ею высшей власти Московского Патриарха, каковое положение мы не могли бы ни принять, ни признать юридически действительным»¹⁰⁹³.

Архипастыри также подвергли критике совместное служение литургии митрополитом Антонием (Храповицким) и главой Польской Церкви митро-

---

¹⁰⁹³ Кострюков А.А. Преодолевший разделение. К жизнеописанию архиепископа Серафима (Соболева) // Церковь и время. 2006. № 3 (36). С. 107–108.

политом Дионисием (Валединским) в Румынии в ноябре 1925 г. Заслушав это письмо, Архиерейский Синод в соответствующем решении указал, что «не собирается благословлять автокефалию Православной Церкви в Польше», но запрещения о сослужении с польскими архиереями не вынес¹⁰⁹⁴. А в 1927 г. епископ Серафим (Соболев) во время посещения Болгарии митрополитом Дионисием (Валединским) обсуждал с ним вопрос об условиях возвращения на кафедры русских архиереев, изгнанных польским правительством¹⁰⁹⁵.

В апреле 1926 г. владыки Феофан и Серафим вместе решительно выступили против учения митрополита Антония (Храповицкого) о догмате искупления (так называемого лжеучения об искупительной жертве Христа). Они подали в Русский Зарубежный Архиерейский Собор заявление о недопустимости решения Архиерейского Синода от 9 апреля 1926 г. о замене «Пространного Катехизиса» митрополита Московского Филарета «Опытном Катехизиса» митрополита Антония в качестве учебного пособия в русских школах за границей. 15 апреля владыки также выслали членам Синода свои богословские работы, объяснявшие их позицию. Главный труд «Об Искуплении» (в понимании митрополита Антония): 1. Гефсиманское моление. 2. Голгофская жертва. 3. О гневе Божиим» (объемом 62 страницы) написал архиепископ Феофан. Владыка Серафим послал девятистраничную работу «О клятве»¹⁰⁹⁶. Благодаря, прежде всего, усилиям владык Феофана и Серафима, катехизис митрополита Антония, в конце концов, так и не был принят Русской Православной Церковью Заграницей в качестве официального. Вскоре после этого конфликта, в письме афонскому иеросхимонаху Феодосию от 26 мая 1926 г., владыка Антоний назвал епископа Серафима (Соболева) «адъютантом» «впавшего в прелесть» архиепископа Феофана¹⁰⁹⁷.

В августе 1926 г. именно владыки Феофан и Серафим обратились в Москву к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) с письмом, в котором просили высказать мнение относительно

---

¹⁰⁹⁴ Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 годы. С. 63–65.

¹⁰⁹⁵ Церковные ведомости. 1927. № 21/22. С. 5.

¹⁰⁹⁶ Бэттс Р. (Ф.), Марченко В. Духовник царской семьи. Святитель Феофан Полтавский (1874–1940). М., 1994. С. 77–81, 104–105.

¹⁰⁹⁷ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 169, 171.

разделения в Зарубежной Русской Церкви и поддержать Архиерейский Синод в его конфликте с митрополитами Евлогием (Георгиевским) и Платоном (Рождественским). Ответом было известное письмо митрополита Сергея от 12 сентября «Дорогие мои святители...» с указанием, что Московская Патриархия из-за отсутствия информации не может заниматься вопросами зарубежной церковной жизни, и советом создать новый авторитетный «центральный орган церковного управления»¹⁰⁹⁸.

Вскоре епископ Серафим (Соболев) отправил письмо Архиерейскому Синоду, в котором обосновывал необходимость самых жестких мер в отношении митрополита Евлогия и его сторонника берлинского протоиерея Григория Прозорова, вплоть до лишения сана¹⁰⁹⁹. 26 января 1927 г. Архиерейский Синод временно запретил митрополита Евлогия в священнослужении. По сообщению парижской газеты «Возрождение», архиепископ Феофан отнесся к этому запрещению отрицательно, заявил, что такие меры могут быть приняты только после соборного обсуждения обстоятельств дела, и в знак протеста решил выйти из состава Синода¹¹⁰⁰. Правда, «Церковные ведомости», со слов владыки Феофана, вскоре сообщили, что сообщение газеты является клеветой и злонамеренной ложью¹¹⁰¹. Однако протопресвитер Г. Шавельский свидетельствовал, что в частном разговоре с ним архиепископ Феофан высказывал большое недовольство всем происходящим в Архиерейском Синоде¹¹⁰². И в 1927 г. владыка действительно вышел из состава Синода. Следует отметить, что к советской власти он относился резко негативно и, по утверждению архимандрита Амвросия (Коновалова), считал Сталина предтечей антихриста¹¹⁰³.

Архиепископ Феофан жил в Болгарии до 29 апреля 1931 г., а затем по приглашению своего старого друга генерала Ф.В. Прохорова уехал во Францию, —

---

¹⁰⁹⁸ Положение Православной Церкви в России // Церковные ведомости. 1927. № 9–10. С. 112; Вестник Российского студенческого христианского движения (Вестник РСХД). Париж. 1927. Март. С. 29.

¹⁰⁹⁹ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 92, л. 8.

¹¹⁰⁰ Возрождение. 1927. № 660.

¹¹⁰¹ Церковные ведомости. 1927. № 5/6. С. 5.

¹¹⁰² Письма протопресвитера Г. Шавельского к митрополиту Евлогию // Вестник Русского христианского движения. 2006. № 191. С. 109.

¹¹⁰³ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 годах. С. 397.

в г. Кламар под Парижем, где оставался до 1936 г. В последнее десятилетие своей жизни владыка отошел от всякой церковно-общественной деятельности и посвятил себя молитве и аскетическим подвигам. В 1936–1939 гг. архиепископ Феофан проживал в городке Моун-сюр-Луар, скончался он 19 февраля 1940 г. в местечке Лимерэ-сюр-Луар вблизи г. Амбуаза, где жил затворником в пещере и был похоронен¹¹⁰⁴.

В период между 1933 и 1937 гг. периодически проживал в Болгарии еще один русский архиерей — епископ Печерский (в миру Николай Александрович Булин). Он родился в 1893 г., окончил Рижскую духовную семинарию, учился в Санкт-Петербургской духовной академии, но с началом Первой мировой войны перешел в школу прапорщиков и затем воевал на фронте в качестве офицера. В 1918 г. о. Иоанн принял монашеский постриг и был рукоположен во иеромонаха. В 1919 г. он, спасаясь от ареста, эмигрировал в Эстонию, где в 1920–1932 гг. служил настоятелем Псково-Печерского монастыря. В 1926 г. был рукоположен во епископа Печерского, с 1932 г. владыка управлял Нарвской епархией автономной Эстонской Православной Церкви, но в связи с негативным отношением к ее переходу из юрисдикции Русской Церкви в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, в 1933 г. был уволен на покой и на несколько лет изгнан из Эстонии. В это время владыка Иоанн фактически входил в РПЦЗ, сослужа с ее архиереями. В 1937 г. он вернулся в Эстонию, после присоединения этой страны в 1940 г. к СССР был признан в качестве епископа Печерского Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), но вскоре арестован НКВД и расстрелян летом 1941 г. в Ленинградской области¹¹⁰⁵.

Заметной фигурой не только в Болгарии, но и во всей русской церковной эмиграции являлся бывший глава российского военного и морского духовенства протопресвитер Георгий Иванович Шавельский, еще до революции 1917 г. ярко проявивший себя как талантливый администратор, церковный писатель, поэт и историк. Он стоял у истоков Зарубежной Русской Церкви как один из организаторов и товарищ председателя Ставропольского

---

¹¹⁰⁴ Бэттс Р. (Ф.), Марченко В. Указ. соч. С. 105–112; Митрополит Мануил (Лемешевский). Указ. соч. Т. 6. Эрланген, 1989. С. 376–377.

¹¹⁰⁵ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 годах. С. 269–270, 596–597.

Церковного Собора 18–24 мая 1919 г., член учрежденного 23 мая 1919 г. Временного Высшего Церковного Управления на Юге России и редактор его журнала «Церковные ведомости».

После поражения войск А.И. Деникина о. Георгий был заменен на должности протопресвитера военного и морского духовенства Добровольческой армии епископом Вениамином (Федченковым), и по приказу генерала П.Н. Врангеля от 28 марта 1920 г. командирован за границу «для изучения духовного быта и устройства этой стороны жизни наших беженцев»¹¹⁰⁶. В конце апреля 1920 г. о. Георгий Шавельский покинул Севастополь и ненадолго прибыл в Константинополь, уже 19 мая он выехал в сербскую столицу Белград, решив по дороге заехать в Софию. Здесь 21 мая он получил предложение заняться преподавательской деятельностью в намеченной к открытию духовной академии. Священный Синод Болгарской Церкви назначил протопресвитера на профессорскую кафедру и разрешил ему поселиться в Софийской духовной семинарии. Однако к концу 1920 г. Болгарский Синод из-за финансовых и административных проблем оставил мысль об открытии академии (в дальнейшем ее заменил открытый в 1923 г. богословский факультет Софийского университета), и о. Георгию было предложено заняться преподаванием в пастырском училище, размещавшемся в Бачковском монастыре, в 50 километрах от г. Пловдива. Это предложение пастырь не принял и затем получил преподавательскую должность в Софийской духовной семинарии, где работал три года¹¹⁰⁷.

Отец Георгий также служил священником в русской софийской церкви свт. Николая и после отъезда в 1921 г. архимандрита Тихона (Лященко) хотел занять пост ее настоятеля. Назначение на эту должность епископа Серафима (Соболева) протопресвитер воспринял как проявление недоброжелательного отношения к нему управлявшего Западно-Европейской епархией архиепископа (в дальнейшем митрополита) Евлогия. В своих воспоминаниях о. Георгий писал: «Евлогий не мог забыть наших недоразумений по Галицийскому униатскому вопросу и назначил “молодого и энергичного”, как он сообщал,

---

¹¹⁰⁶ ГАРФ, ф. 1486, оп. 1, д. 1, л. 2 об–3.

¹¹⁰⁷ *Илия Соловьев, свщ.* Протопресвитер Георгий Шавельский и его литературное наследство // Протопресвитер Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протепресвитера русской армии и флота. М., 2010. С. 30–31.

еп. Серафима»¹¹⁰⁸. Обиженный протопресвитер отказался принять участие во встрече владыки Серафима на Софийском вокзале; его отношение к архипастырю не изменилось и после того, как епископ первый пришел к нему для знакомства¹¹⁰⁹.

В дальнейшем приходская служба о. Георгия складывалась не слишком благополучно. Епископ Серафим (Соболев), бывший строгим монахом, не нашел, однако, общего языка со своими сослуживцами по Никольской церкви. По воспоминаниям о. Георгия, между преосвященным Серафимом и клиром скоро начались трения. Протопресвитер, вероятно, «сгущая краски», писал, что академическая наука (владыка Серафим окончил курс Санкт-Петербургской духовной академии) «не отражалась на суждениях и действиях» епископа, который, при произнесении длинных проповедей, базировался в них не столько на евангельском и апостольском учении, сколько, «на разных сказаниях из житий святых и даже на снах и видениях разных “благочестивых” женщин, которые окружали его». Получалось, что своими суждениями преосвященный, по словам о. Георгия, напоминал «полуграмотную сельскую женщину, верившую во все сны, приметы и вещания разных кликуш и чрево вещательниц»¹¹¹⁰. Обладавший ясным церковным сознанием, протопресвитер не мог не смущаться этой стороной деятельности настоятеля храма.

Первоначально о. Георгий хотел участвовать в работе Высшего Церковного Управления за границей, и епископ Серафим 21 сентября 1921 г. ходатайствовал о предоставлении протопресвитеру визы в Королевство сербов, хорватов и словенцев и права бесплатного проезда в г. Сремски Карловцы. Однако эти попытки оказались безуспешными, визу о. Георгий не получил, а на Первом Русском Всезарубежном Церковном Соборе, проходившем в Сремских Карловцах осенью 1921 г., против о. Георгия Шавельского прозвучал ряд обвинений. В частности, на заседании военно-церковного отдела протопресвитера обвинили в том, что именно его паства совершила революцию. После этого о. Георгий перестал пытаться влиять на деятельность Зарубежной Русской Церкви¹¹¹¹.

---

¹¹⁰⁸ ГАРФ, ф. 1486, оп. 1, д. 8, л. 628.

¹¹⁰⁹ Кострюков А.А. Преодолевший разделение. С. 102–103.

¹¹¹⁰ Илия Соловьев, *свщ.* Указ. соч. С. 32–33; ГАРФ, ф. 1486, оп. 1, д. 8, л. 645.

¹¹¹¹ Кострюков А.А. Преодолевший разделение. С. 103.

Помимо личных негативных отношений с главой Высшего Церковного Управления за границей митрополита Антония (Храповицкого) причинами данного конфликта были широта богословских взглядов и либерализм о. Георгия. Многие его идеи вызвали настороженное и даже негативное отношение со стороны консервативных архиереев РПЦЗ. В частности, протопресвитер считал, что инославные миряне могут причащаться и исповедоваться у православных священников, выступал за совместную молитву с инославными, открыто сочувствовал экуменическому движению и русскому христианскому студенческому движению, считал переход к григорианскому церковному стилю (в том числе западной Пасхалии) полезным и неизбежным, проявлял неприязнь к институту ученого монашества, в отличие от Архиерейского Синода не считал опасными труды протоиерея Сергия Булгакова о Софии, Премудрости Божией¹¹¹², а также оправдывал некоторых знакомых ему деятелей обновленческого раскола, которым открыто симпатизировал. Настороженное отношение к о. Георгию подкреплялось слухами о его принадлежности к масонству (не имевшими никакой почвы), а также отказом подобающим образом встретить в 1915 г. в Ставке чудотворную Песчанскую икону Божией Матери. В 1927 г. группой русских эмигрантов, вероятно, близких к князю Н. Жевахову, была даже выпущена листовка, где говорилось, что протопресвитер проявил «преступную небрежность к святыне», и «церковных злодеев, подобных бывшему протопресвитеру Шавельскому, достанет в свое время Рука Божия, ибо “Мне отмщение и Аз воздам”»¹¹¹³.

Разногласия между протопресвитером и русскими зарубежными архиереями постепенно углублялись. В 1922 г., когда Высшее Церковное Управление за границей было упразднено указом Патриарха Тихона № 348 от 5 мая, о. Георгий Шавельский поддержал сторонников выполнения этого указа и выступил за передачу митрополиту Евлогию (Георгиевскому) управления всеми европейскими приходами. Позднее протопресвитер считал, что нерешительность владыки Евлогия, его нежелание взять власть в свои руки после патриаршего указа № 348 стала одной из главных причин образования

---

¹¹¹² См.: Энеева Н.Т. Спор о софиологии в русском Зарубежье. 1920–1930 годы. М., 2001.

¹¹¹³ Кострюков А.А. Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий Синод // Церковь и время. 2006. № 1 (34). С. 135–143; Жевахов Н. Воспоминания. М., 1993. С. 36–37, 44–46.

Архиерейского Синода вместо упраздненного Высшего Церковного Управления¹¹¹⁴.

Обстановка обострилась в 1926 г., когда протопресвитер выступил против разрыва Архиерейского Синода с митрополитом Евлогием и Северо-Американским митрополитом Платоном (Рождественским). Об этом событии Федор Бокач вспоминал так: «...когда пришли официальные известия, о. Георгий буквально не спал ночами, ходил по своему кабинету и все время повторял: “Это — безумие! И какой позор!» Ознакомившись со всем делом, о. Георгий обратился к трем митрополитам (Антонию, Платону и Евлогию), призывал не выносить “сор из избы” и приложить все усилия к ликвидации столь позорного для Церкви разногласия. Учитывая тот высокий авторитет, которым пользовался великий князь Николай Николаевич, о. Георгий обратился к последнему с просьбой принять участие в общерусском церковном горе. Великий князь ответил о. Георгию обстоятельным собственноручным письмом, но от участия в церковном споре уклонился»¹¹¹⁵.

Протопресвитер встал на сторону митрополита Евлогия (несмотря на то что их отношения осложнились еще в дореволюционное время в связи с вопросом о присоединении униатов к Российской Православной Церкви в Галиции в 1914 г.) и вскоре предложил ему создать альтернативное Архиерейскому Синоду Высшее Церковное Управление. Отец Георгий считал, что этот владыка вместе с викариями имеет все основания учредить такой орган и устроить параллельную «Русскую Зарубежную Церковь»¹¹¹⁶. Однако митрополит Евлогий не воспользовался советом о. Георгия.

Недоброжелательное отношение Архиерейского Синода не осталось без ответа со стороны протопресвитера. Обиду на отвергших его архипастырей отец Георгий пронес через всю жизнь, отметив в своих воспоминаниях: «...малоценен был этот Синод, составленный из архиереев небольшого калибра, возглавлявшийся совершенно одряхлевшим, а в последние годы выжившим из ума м. Антонием, совершенно потерявшим способность и движения

---

¹¹¹⁴ Кострюков А.А. Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий Синод. С. 146–147.

¹¹¹⁵ Бокач Ф. Протопресвитер Георгий Шавельский // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 103.

¹¹¹⁶ Письма протопресвитера Г. Шавельского к митрополиту Евлогию. С. 104, 107.

и размышления. А между тем своим живым участием в крайне правой политике, своим рабским преклонением перед вождями крайне правых партий, как и церковной смутой, им порожденной и им раздутой, он не только огорчил, смутил, сбил с толку множество беженских русских душ, но и принес много огорчений и страданий Патриаршей Церкви, отвечавшей перед советской властью за все его грехи»¹¹¹⁷.

Нелестными и часто совершенно необъективными были отзывы протопресвитера и о других архиереях Зарубежной Русской Церкви. Так, например, в будущем Первоиерархе РПЦЗ архиепископе Анастасии (Грибановском) он отмечал «угодничество перед высокопоставленными особами». Отец Георгий пытался найти отрицательные черты даже в практически безупречных архиереях. Об архиепископе Феофане (Быстрове) протопресвитер снисходительно писал: «Большой аскет, доводивший свой аскетизм до самоистязания, монах до мозга и костей... маленького роста, худенький и невзрачный, сторонившийся от людей... проповедовавший, что для студентов важно благочестие, а не богословская наука». Не находя ничего негативного в характере архиепископа Серафима (Соболева) и даже признавая его праведность, протопресвитер обращал внимание на отдельные изъяны в хозяйственной и административной деятельности владыки, а также неодобрительно отзывался о его богословии, говоря, что своими рассуждениями архиепископ напоминал «благочестивую женщину». Так, о книге архиепископа Серафима «Новое учение о Софии, Премудрости Божией» о. Георгий несправедливо писал, что это «труд старообрядческого начетчика, а не православного богослова, представляющий набор отдельных выражений из творений святых отцов и учителей Церкви»¹¹¹⁸.

Протопресвитер также писал не только об «огромном влиянии, которым пользовался епископ Серафим в Карловацком Синоде», но и о том, что владыка, якобы, «заправлял» деятельностью Синода и постоянно влиял на Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей митрополита Антония (Храповицкого). По словам о. Георгия, архиепископ Серафим «в своих

---

¹¹¹⁷ ГАРФ, ф. 1486, оп. 1, д. 8, л. 651.

¹¹¹⁸ Кострюков А.А. Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий Синод. С. 141, 144–145.

выступлениях с церковной кафедры вещал, что советская власть — бесовская, что м[итрополит] Сергей лишился святительского права, что совершаемые им священнодействия — не священнодействия, таинства — не таинства, бескровная жертва — не Божественная, а бесовская жертва и прочие “безумные глаголы”»¹¹¹⁹.

Однако, как справедливо отмечал историк А.А. Кострюков, сохранившиеся архивные документы и другие источники, «дают все основания относиться к словам протопресвитера Г. Шавельского с известной осторожностью», и сведения о резких высказываниях владыки Серафима относительно Московской Патриархии, а также о его влиянии на Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей и лично митрополита Антония, вероятно, сильно преувеличены¹¹²⁰. С некоторыми иерархами Московской Патриархии архиепископ Серафим продолжал поддерживать отношения, а его влияние на дела руководства Русской Православной Церкви Заграницей, согласно документам, было не очень большим. Так, например, в конце 1935 г. он активно выступал против участия наравне с архиереями в планируемом Всезарубежном Соборе клириков и мирян, однако остался в меньшинстве. Поняв это, владыка Серафим стал добиваться, чтобы собрание с участием мирян было названо не Собором, а съездом, и окончательное решение по всем вопросам принимал бы Собор архиереев, однако и это предложение не нашло поддержки у руководства Русской Православной Церкви Заграницей¹¹²¹.

С 21 октября 1921 по 4 декабря 1926 гг. о. Георгий Шавельский был членом Епископского совета при управляющем русскими приходами в Болгарии, но в конце года узнал о прещениях, которые готовит ему Архиерейский Синод. Отец Георгий в спешном порядке подал прошение епископу Серафиму об увольнении из юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей, где так и не смог прижиться, и в декабре 1926 г. перешел в Болгарскую Православную Церковь. Сам он писал об этом в своих мемуарах так: «Я не стеснялся открыто высказывать свой взгляд. Это озлобило карловчан против меня. А.И. Пильц предупредил меня, что мне следует отказаться от дальнейшего

---

¹¹¹⁹ ГАРФ, ф. 1486, оп. 1, д. 8, л. 649, 651.

¹¹²⁰ Кострюков А.А. Преодолевший разделение. С. 103–105.

¹¹²¹ Его же. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 годы. С. 436, 438–439.

служения в Посольской церкви и вообще поскорее выйти из-под Карловацкого начала, так как Карловцы собираются учинить мне какую-то ужасную неприятность. Не раздумывая ни минуты, я подал заявление епископу Серафиму об уходе, а Софийский митрополит Стефан тотчас принял меня в свою епархию, определив к служению к церкви Святых Седмочисленников...»¹¹²².

При этом протопресвитер сохранил связи с митрополитом Евлогием (Георгиевским). Так, в 1927 г. он по приглашению владыки приезжал в Париж для участия в комиссии, составившей ответ Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому), и посетил Клермонский съезд Русского студенческого христианского движения, которому горячо сочувствовал, а позднее неоднократно получал от митрополита приглашения для консультаций и трижды — «почетные предложения» переехать служить во Францию (последний раз в 1937 г.)¹¹²³.

В 1930 г. о. Георгий определенно встал на сторону митрополита Евлогия в его конфликте с возглавлявшим Московскую Патриархию Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). Конфликт произошел из-за того, что митрополит Сергей сначала потребовал от заграничного духовенства подписку о лояльности к советской власти, а затем, после того как митрополит Евлогий в Лондоне молился о гонимых в России христианах, обвинил его в политиканстве и запретил в служении¹¹²⁴.

Выдающиеся организаторские способности, яркий проповеднический и педагогический талант протопресвитера уже вскоре были высоко оценены руководством Болгарского экзархата. Софийский митрополит Стефан (Шоков) предложил о. Георгию Шавельскому место почетного священника в столичном храме Святых Седмочисленников (равноапостольных Кирилла, Мефодия и пяти их учеников), где пастырь служил до своей кончины.

Близко знавший о. Георгия Шавельского по совместной жизни в Болгарии, Федор Бокач в своих воспоминаниях много писал о том всеобщем уважении,

---

¹¹²² *Илия Соловьев, свец.* Указ. соч. С. 33–34; ГАРФ, ф. 1486, оп. 1, д. 8, л. 646–647.

¹¹²³ *Кострюков А.А.* Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий Синод. С. 147–148; *Бокач Ф.* Указ. соч. С. 103.

¹¹²⁴ *Илия Соловьев, свец.* Указ. соч. С. 34.

которым пользовался протопресвитер среди болгар: «Могу сказать, не обинуясь, что такой популярности, какую пользовался о. Георгий, я больше в своей жизни не встречал нигде и никогда. В один из своих заездов в Софию, на прогулке, я даже спросил, не болит ли у него рука от столь частого снятия шляпы в ответ на приветствия встречающих. Кланялись ему не только русские, но еще больше болгары. Последние мне часто с восхищением говорили: “Той не прост поп, той като владика”. Св. Синод Болгарской Церкви не раз обращался к о. Георгию за советами. Помню случай, когда в Синоде между митрополитами возникло разногласие по какому-то маловажному для Церкви вопросу. Как водится в таких случаях, газеты не преминули поднять шум, и незначительный инцидент раздулся в целых скандал... И вот однажды у парадных дверей квартиры о. Георгия раздался звонок. Я открыл и удивился: передо мною стояли три старейших синодальных митрополита. Один из них прямо и сказал: “О. Георгий, мы к вам за советом. Рассудите нас, у вас большой опыт”. Отец Георгий дал совет, митрополиты приняли его во внимание, и через 2–3 дня в газете “Мир” появилось сообщение, что синодальные митрополиты сговорились... Когда преосвященный Тихон Берлинский, при посещении им Софии, отозвался об о. Георгии не совсем почтительно за то, что последний высказался в пользу митр. Евлогия, Болгарский Синод устами Старозагорского митр. Павла заявил еп. Тихону протест; а когда еп. Тихон пожелал дать объяснения председателю Синода, этот его не принял, а о. Георгию прислал трогательное сочувствие от имени всего Синода. Большинство митрополитов при встрече с о. Георгием, из почтения к нему, после благословения не давали целовать руку, ограничиваясь взаимным лобызанием. В храме Святых Седмочисленников, где был всегда штат священников из шести человек, о. Георгий занимал особое положение и считался “почетным священнослужителем”. Столичное духовенство при всяком появлении о. Георгия в его среде оказывало ему исключительное внимание; его советы принимались как нечто бесспорное и обязательное.

Огромнейшей популярностью пользовался о. Георгий среди студенчества богословского факультета и, особенно, среди молодых священников, которые, отправляясь в свои приходы, усердно просили о. Георгия их посетить и послужить. Идя навстречу этим просьбам, о. Георгий однажды предложил мне проехать с ним в один из таких приходов и посмотреть, каким должен

быть священник. Дали знать о приезде. Подъезжая к маленькому городку, где священствовал ученик о. Георгия (кажется, поп Михайлов), я обратил внимание на какую-то процессию, шедшую нам навстречу, и сказал, что, вероятно, мы попали на похороны. Но это были не похороны. Это ученик вышел встречать своего любимого учителя чуть ли не в составе целого прихода. Отец Михайлов обратился к о. Георгию с речью, в которой выразил благодарность за практические уроки, которые он теперь применяет к жизни, и высказал радость видеть его, своего учителя, там, где эти уроки воплощаются. Затем он снял свою камилавку и благоговейно поцеловал руку о. Георгия. Я впервые видел, как о. Георгий растерялся. После взаимных приветствий и представлений, после утомительного “банкета”, затянувшегося до позднего часа, о. Георгий взмолился и попросил отдыха ...»¹¹²⁵.

Как уже говорилось, протопресвитер с 1924 г. служил доцентом на богословском факультете Софийского университета. Здесь он, помимо других предметов, читал лекции по пастырскому богословию, которые нравились студентам и впоследствии легли в основу ставшей широко известной книги о. Георгия Шавельского «Православное пастырство», вышедшей в 1928 г. на болгарском и в 1930 г. на русском языках. Эта книга получила самые высокие отзывы со стороны православной иерархии и клира разных стран. Так, например, архиепископ Рижский и Латвийский Иоанн (Поммер) в своем письме из Эстонии от 6 сентября 1930 г. высоко отзывался об этой книге, отмечая, что она «дает ответы на самые животрепещущие вопросы пастырства и поэтому необходима каждому пастырю. Пастырским съездом Нарвской епархии здесь она рекомендована всем приходам и им предложено ее приобрести»¹¹²⁶. Митрополит Таллинский и Эстонский Александр (Паулулс) в письме к о. Георгию от 20 июля 1930 г. писал, что «в нынешнее время, когда Православная Церковь находится в весьма стесненном положении и не в состоянии в полной мере развивать свою деятельность по отношению к богословской науке, Ваш труд представляет весьма отрадное явление, почему желательно самое широкое распространение Вашей книги»¹¹²⁷.

---

¹¹²⁵ Бокач Ф. Указ. соч. С. 104–105.

¹¹²⁶ Илия Соловьев, свщ. Указ. соч. С. 31–32; ГАРФ, ф. 1486, оп. 1, д. 27, л. 1.

¹¹²⁷ Там же. С. 32; ГАРФ, ф. 1486, оп. 1, д. 19, л. 1.

Все названные священнослужители внесли свой вклад в развитие русской церковной жизни в Болгарии. К середине 1930-х гг. в стране существовали два русских мужских монастыря: Ямбольский Александро-Невский (Святого Спаса) и Асеновградский свв. Кирика и Иулитты. Летом 1924 г. настоятельство в Александро-Невском монастыре принял приехавший по приглашению владык Серафима (Соболева) и Феофана (Быстрова) из Королевства сербов, хорватов и словенцев иеромонах Амвросий (Курганов), позднее известный в русском зарубежье подвижник в сане схиархимандрита. В это время председатель Зарубежного Архиерейского Синода митрополит Антоний (Храповицкий) писал о. Амвросию: «И вот ты сам с своею восторженною душою и умением исполнять Божию службу, будешь одним из главных носителей иноческого духа, и ты некогда утвердишь братию свою... Вообще же, друг, не скорби. Огонь, который горит в твоей душе, не останется без материала для горения и на будущее время... Господь да благословит начало Вашего настоятельского послушания, как благословил Своих учеников, возносясь на небо»¹¹²⁸. Братия монастыря тогда состояла из пяти человек. Однако уже в 1925 г. «человеческая клевета изгнала» о. Амвросия из Болгарии, и он вернулся в Королевство сербов, хорватов и словенцев, где основал известную в дальнейшем Мильковскую русскую монашескую общину¹¹²⁹.

После иеромонаха Амвросия настоятелем Александро-Невского монастыря служил архимандрит Сергей (Соболев), а наместником — иеромонах Кирилл, настоятелем же Асеновградской обители свв. Кирика и Иулитты был архиепископ Дамиан (Говоров). Кроме того, в Болгарии имелось девять русских приходов. В Софии при храме свт. Николая Чудотворца настоятелем до середины 1920-х гг. служил епископ Серафим (Соболев), затем — до своей кончины в конце 1928 г., протоиерей Василий Флоровский, а с 1929 г. — протоиерей Николай Владимирский. До революции о. Николай был настоятелем придворной церкви в императорском Ливадийском дворце в Крыму и Александро-Невского собора в Ялте, осенью 1920 г. покинул Крым с войсками генерала П.Н. Врангеля, через Константинополь приехал в Болгарию,

---

¹¹²⁸ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 161.

¹¹²⁹ Там же. С. 159.

с начала 1920-х гг. служил в Никольской церкви Софии и состоял членом Епископского совета при управляющем русскими приходами в Болгарии¹¹³⁰.

В храме свт. Николая пел замечательный хор — один из лучших в стране, которому в 1931 г. митрополит Антоний (Храповицкий) присвоил имя архиерейского, и в 1921 г. было образовано многочисленное церковное братство, занимавшееся главным образом церковно-просветительной и благотворительной деятельностью. Особенно активно оно заботилось о материальном обеспечении нетрудоспособных прихожан: обеспечивало большим эмигрантам бесплатные койки в больнице Русского Красного Креста и других клиниках, проводило специальный тарелочный сбор на бедных и т.д.¹¹³¹

В Пловдиве русскому приходу предоставили в пользование болгарскую церковь свт. Димитрия Солунского (настоятелем служил протоиерей Александр Недельский). В Варне, где русская колония состояла из 7 тысяч человек, она также использовала переданный ей болгарский храм (настоятелем служил протоиерей Иоанн Слюпин). Продолжал действовать знаменитый русский храм Рождества Христова на Шипке, настоятелем которого был иеромонах Сергей (Чернов). В г. Пернике русская община в определенные дни использовала болгарскую церковь (настоятелем служил протоиерей Адриан Мышаков). В городах Пестере (Пещере) и г. Цареброде (вблизи г. Шумена) ситуация была похожей (в Цареброде община состояла из инвалидов русского дома призрения). В г. Руса (Рушук) русский приход также в определенные дни использовал болгарскую церковь. Наконец, в с. Княжево, в пригороде Софии, имелся свой храм св. вмч. Пантелеимона при русском инвалидном доме. Сначала инвалидам передали там уже существующее здание, затем был возведен еще один корпус, а со временем построили и церковь¹¹³².

Члены Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей были первыми иерархами Поместных Православных Церквей, которые вступили в евхаристическое общение с Болгарским Экзархатом и этим совершили прорыв в его изоляции от православного мира. Для участия в Первом

---

¹¹³⁰ Православная Русь. 1944. № 9–10. С. 15

¹¹³¹ Говорухин В. Русский Свято-Николаевский храм в Софии // Русский Свято-Николаевский храм в Софии. София, 1995. С. 15–17.

¹¹³² ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 113.

Русском Всезарубежном Соборе 21 ноября — 3 декабря 1921 г. в г. Сремски Карловцы решением Высшего Русского Церковного Управления за границей была приглашена и Болгарская Церковь, которую на Соборе представлял епископ Маркианопольский Стефан (Шоков, будущий экзарх). Это вызвало недовольствие Сербского Патриарха Димитрия, в результате отказавшегося посетить заседания, и владыка Стефан, узнав об этом, покинул Собор, оставив приветствие от Болгарского Синода. Участники Собора ответили на него благодарностью за прием в Болгарии российских беженцев¹¹³³.

Управлявший русскими православными общинами в Болгарии епископ Сегафим (Соболев) доложил Собору о своем крайне тяжелом положении из-за схизмы и невозможности сослужения с болгарским духовенством. Архиереи всесторонне обсудили этот вопрос и заявили, что они желали бы восстановить общение с Болгарской Церковью, но не могут превышать свои канонические правомочия без участия других Поместных Церквей и в частности Константинопольской. Несмотря на это, продолжая практику Русской Церкви и основываясь на правилах (№ 71, 81, 88, 122 Карфагенского Собора и № 122 по нумерации в Кормчей), члены Собора в одном из своих определений разрешили русским священникам и диаконам совершать все виды богослужений и таинств с епископами и клиром Болгарской Церкви, как и русским епископам с болгарскими священниками. Однако между архиереями обеих Церквей разрешалось только совместное служение молебнов, панихид и прочее, но «никак не совершение Божественной литургии и других св. таинств Православной Церкви»¹¹³⁴.

В конце декабря 1921 г. председатель Совета послов в Париже М.Н. Гирс обратился к архиепископу Евлогию (Георгиевскому) с просьбой попытаться урегулировать церковные отношения русских и болгарских священнослужителей в ситуации схизмы. В ответе владыки от 11 января 1922 г. говорилось, что речь идет о крайне сложном вопросе, который, несмотря на то, что русские иерей всячески пытались улучшить взаимоотношения, не может быть окончательно решен без согласия Константинопольского Патриарха¹¹³⁵.

---

¹¹³³ Аркадий Маковецкий, прот. Белая Церковь: вдали от атеистического террора. СПб., 2009. С. 29–30.

¹¹³⁴ Церковные ведомости. 1922. № 16–17. С. 2–3.

¹¹³⁵ ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 116, л. 14–14 об.

В то же время митрополит Антоний (Храповицкий), в ответ на неоднократные обращения епископа Серафима (Соболева), 19 декабря 1921 г. благословил русским зарубежным иерархам сослужить с болгарскими архиереями¹¹³⁶.

И вскоре — в 1922–1923 гг. в различных городах Болгарии состоялось несколько совместных богослужений епископов Серафима (Соболева), Дамиана (Говорова) и Североамериканского архиепископа Александра (Немоловского) с болгарскими архиереями. Днем начала евхаристического общения между Зарубежной Русской и Болгарской Церквями стало 9 января 1922 г., когда епископ Серафим сослужил болгарским архиереям в русской Никольской церкви Софии. 5 марта того же года митрополит Пловдивский Максим служил вместе с епископом Дамианом, 9 июля 1922 г. Софийский митрополит Стефан совершил с владыкой Серафимом литургию в кафедральном соборе Святой Недели, а 9 января 1923 г. — в храме свт. Николая, 8 октября 1922 г. митрополит Варненский Симеон служил вместе с архиепископом Александром и т.д.¹¹³⁷

В 1923 г. епископ Лубенский даже участвовал в хиротонии Знепольского епископа Паисия (будущего митрополита Врачанского). После этого владыка Серафим настойчиво просил Архиерейский Синод РПЦЗ об официальном разрешении вопроса о взаимном молитвенном и богослужбном общении Русской и Болгарской Церквей¹¹³⁸. Протопресвитер Георгий Шавельский в 1922 г. в газетной статье «Русско-болгарские церковные отношения» также писал, что Болгарская Церковь «и в схизме сохранила всю неприкосновенность православной догматики, нравственности и обряда. Никто не сможет обличить ее в чем-либо неправославном»¹¹³⁹.

В результате, 22 октября 1924 г. Архиерейский Собор в Сремских Карловцах разрешил русским архиереям совершать литургию совместно с болгарскими иерархами, приняв следующее постановление: «Не решая принци-

---

¹¹³⁶ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь и преодоление «болгарской схизмы» // Троицкое наследие. Джорданвилл. 2010. № 1. С. 15.

¹¹³⁷ Там же. С. 15–16; Бойкикева К.-А. Указ соч. С. 168; Църковен вестник. София. 1922. № 2. С. 7, № 19–20. С. 13, 1926. № 13. С. 130.

¹¹³⁸ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 192.

¹¹³⁹ Свободная речь. София. 1922. 12 января.

пиального вопроса о болгарской схизме, но принимая во внимание, что сами греческие священнослужители во время войны служили и болгарскими, разрешить русским епископам служить с болгарскими епископами»¹¹⁴⁰.

С этого времени сослужения русских и болгарских архиереев стали постоянными. Наглядным проявлением окончательного восстановления евхаристического общения стало совместное торжественное освящение архиереями двух церквей, в том числе будущим Первоиерархом РПЦЗ архиепископом Анастасием (Грибановским) и епископом Дамианом (Говоровым), кафедрального собора св. кн. Александра Невского в Софии 12–13 сентября 1924 г. В 1927–1929 гг. часто сослужил с болгарскими архиереями в храме св. кн. Александра Невского архиепископ Полтавский Феофан (Быстров), а в 1935 г. он служил в кафедральном соборе г. Варны вместе с Варненско-Преславским митрополитом Симеоном литургию по поводу переноса русской национальной святыни — чудотворной Курско-Коренной иконы Божией Матери из Софии в Варну. Следует отметить, что и управляющий западноевропейскими приходами Русской Церкви митрополит Евлогий (Георгиевский), находившийся тогда в юрисдикции Московского Патриархата, 29 апреля 1928 г. служил литургию в соборе св. кн. Александра Невского вместе с Софийским митрополитом Стефаном. А в 1938 г. митрополиту Стефану сослужил епископ Сергей (Королев), подчинявшийся митрополиту Евлогию, уже перешедшему в Константинопольский Патриархат¹¹⁴¹.

Болгарская Православная Церковь с самого начала оказывала большую помощь русским эмигрантам. Будущий Софийский митрополит Стефан — тогда архимандрит, протосингел Священного Синода, 19 января 1920 г. участвовал в создании Русско-болгарского культурно-благотворительного комитета — первой значительной общественной организации, которая помогала беженцам, и 4 апреля 1920 г. был избран ее постоянным председателем. В мае 1920 г. Священный Синод вместе с Болгарским Красным Крестом, Славянским содружеством и другими болгарскими и русскими организациями предложил основать единый объединенный Комитет помощи русским беженцам,

---

¹¹⁴⁰ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 2, л. 51–51 об; Църковен вестник. 1928. № 18. С. 218.

¹¹⁴¹ *Бойкичева К.-А.* Указ соч. С. 167–168; *Едъров С.* Указ соч. С. 265; *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь и преодоление «болгарской схизмы». С. 17.

председателем которого был снова избран архимандрит Стефан. Окружным посланием Синод указал организовать епархиальные комиссии по сбору помощи русским беженцам. Своими выступлениями о Стефан способствовал получению Болгарией так называемого беженского займа, что должно было значительно облегчить положение вынужденных переселенцев¹¹⁴².

12 декабря 1920 г. состоялось первое заседание Совещания представителей общественных благотворительных организаций в Софии, на котором от Священного Синода присутствовал архимандрит Стефан, а от Русского православного братства — протопресвитер Александр Рождественский и А.Г. Покровский. Вскоре после своей хиротонии 7 марта 1921 г. во епископа Маркианопольского, викария Софийской епархии, владыка Стефан 20 мая был назначен национальным комиссаром по вопросам русских беженцев и болгарским представителем в Верховном комиссариате Лиги Наций в Женеве, председателем которого был Ф. Нансен. В первом докладе по этому поводу премьер-министру Александру Стамболийскому епископ Стефан настаивал, чтобы Болгария приняла возможно большее число русских беженцев. По его словам, «жертвы, которая принесла и еще необходимо принести Болгарии для русских, возвратятся стократно завтрашней, возрожденной Россией, единственным естественным союзником и чистосердечным покровителем Болгарии». А 14 сентября 1922 г. владыка в докладе Совету министров писал: «Русскому изгнанию по его трагичности нет равных в мировой истории, а описать его просто невозможно»¹¹⁴³.

В 1921 г. начала формироваться и государственная система помощи русским беженцам, с этого года руководство данной деятельностью все более перемещается в ведение Министерства иностранных дел и исповеданий. Постановлением Совета Министров от 23 ноября 1921 г. был выделен кредит в 2 млн. левов для оказания помощи в переселении и устройстве 3 тысяч русских эмигрантов из Турции, а 30 ноября принято решение о создании Комитета по делам русских беженцев в Болгарии при отделе исповеданий Министерства иностранных дел. Именно этот орган стал главным государственным

---

¹¹⁴² Лазов Д. Екзарх Стефан I, живот, апостолство и държавата. 1944–1953. София, 1997. С. 98, 102.

¹¹⁴³ Къосева Ц. Руската емиграция в България 20-те — 50-те години на XX в. София, 2002. С. 56–58, 67; Колосова В.О. Указ. соч. С. 344; Йованович М. Указ. соч. С. 161.

учреждением в стране, занимавшимся проблемами русской эмиграции, в том числе церковной, до февраля 1945 г.

Он распределял средства между Союзом русских инвалидов, Российским Красным Крестом, Союзом российских городов, Земско-городским комитетом, Комитетом русского учебного дела, Комитетом общественной помощи и другими русскими общественными организациями (которых в 1920-е гг. в Болгарии насчитывалось около 80). Первоначально председателем Комитета по делам русских беженцев также был назначен епископ Стефан. Именно в этом качестве владыка в ноябре 1921 г. был направлен Болгарским Синодом в Сремски Карловцы для представления интересов комитета на Первом Всезарубежном Русском Церковном Соборе. Епископ Стефан развил энергичную деятельность в стране и за рубежом, которая зачастую не совпадала с интересами и целями болгарского правительства. В результате владыка был отстранен от руководства государственным комитетом, который с 15 января 1923 г. возглавлял Т. Кунев, а с 14 июня 1923 г. — генерал А. Пападанов¹¹⁴⁴.

На отставку епископа Стефана повлияло и то обстоятельство, что в 1922 г. отношения русских эмигрантов с болгарским правительством А. Стамболийского резко ухудшилось. Ориентируясь на советскую Россию, оно не пожелало дальше терпеть в Болгарии Русскую дипломатическую миссию, и об этом было прямо заявлено ее главе А.М. Петряеву. Чтобы не дожидаться официального предложения об оставлении пределов страны, Петряев принял решение о ликвидации миссии, публично заявив об этом 16 декабря 1922 г. в беседе с епископом Серафимом (Соболевым) и представителями русских общественных организаций в Софии. Дипломатическая миссия была закрыта в начале 1923 г., а ее имущество и архив переданы болгарскому государственному надзирателю за Русской миссией в Софии К. Сарикову, в ведение которого, таким образом, перешло и имущество Русской Церкви в Болгарии. Только в марте 1933 г. Сариков был освобожден от своей должности, и Министерство иностранных дел и исповеданий 30 марта передало все церковное имущество и архив настоятелю русского храма свт. Николая в Софии протоиерею Николаю Владимировскому. Болгарское правительство

---

¹¹⁴⁴ ЦДА, ф. 166к, оп. 3, е. х. 1; Елдьров С. Указ. соч. С. 165.

также отвергло проект устройства смешанного русско-болгарского Комитета по русским делам¹¹⁴⁵.

После отстранения от председательства в Комитете по делам русских беженцев владыка Стефан продолжил помогать русским беженцам, уже в качестве Софийского митрополита (избран 26 марта 1922 г.). Особенное внимание митрополита Стефана и Священного Синода в целом уделялось русским священникам, части которых выплачивали субсидии. 22 ноября 1934 г. впервые была выделена помощь в 5 тысяч левов лично архиепископу Серафиму (Соболеву), а с 1 января 1935 г. Болгарский Синод выплачивал ему ежемесячные субсидии в размере 3 тысяч левов из фонда «Общецерковные нужды». Решением Синода от 9 июля 1942 г. ежемесячные субсидии владыке были увеличены до 5 тысяч левов, а затем и до 10 тысяч¹¹⁴⁶.

Болгарский Синод также выделял стипендии русской молодежи для учебы в болгарских духовных семинариях, в 1925 г. направил 10 тысяч левов на создание русского Богословского института в Париже, в 1928 г. — 20 тысяч левов на постройку русской церкви в Берлине, в 1938 г. оказал материальную помощь русскому монастырю Святого Спаса по просьбе архиепископа Серафима (Соболева) и выплатил 10 тысяч левов на миссию архиепископа Камчатского и Петропавловского Нестора в Индии «с целью обращения в истинную веру местных язычников». С начала 1920-х гг. и Министерство иностранных дел и исповеданий выделяло на помощь русским посольским храмам в столицах европейских государств по 10 тысяч левов ежегодно¹¹⁴⁷.

Особо следует отметить активную помощь русским эмигрантам выдающегося богослова митрополита Варненского и Преславского Симеона (1840–1937). По его инициативе еще в июле 1919 г. в Варне был организован благотворительный комитет — первая болгарская организация, созданная специально для помощи русским беженцам. Для религиозных нужд русской общины в Варне владыка передал храм св. Анастасии, а стоявший рядом церковный дом — для первой в Болгарии русской гимназии, возникшей в 1920 г.

---

¹¹⁴⁵ Колосова В.О. Указ. соч. С. 345–346; ГАРФ, ф. 9145, оп. 1, д. 1031, л. 5–9; Киосева Ц. Указ. соч. С. 300.

¹¹⁴⁶ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, е. х. 53, л. 620, 796, е. х. 8, л. 78.

¹¹⁴⁷ Там же, е. х. 40, л. 5–6, е. х. 43, л. 671, е. х. 60, л. 150, оп. 2, е. х. 186, л. 1, ф. 166к, оп. 1, е. х. 499, л. 201, 239.

по инициативе ее будущего директора С.Н. Кононовича. Это здание получило название «Русский дом» и стало центром культурно-просветительной деятельности эмигрантов в Варне. С благословения митрополита Симеона был устроен сиротский приют и организован русский детский сад, владыка и лично постоянно оказывал нуждавшимся эмигрантам материальную помощь. Настоятель храма св. Анастасии протоиерей Иоанн Слюнин так выразил владыке чувства благодарности своих прихожан: «Для нас — русских, в Болгарии родной нашедших себе братский приют в гонениях наших, ангелом-утешителем, защитником, покровителем и благодетелем, — милосердием и волей Господней, являетесь Вы, Ваше Высокопреосвященство»¹¹⁴⁸.

17 июня 1922 г. Болгарский Синод распорядился возносить за богослужениями молитвы за русский народ и Русскую Православную Церковь, а в 1923 г. отправил болгарскому правительству и ряду влиятельных международных организаций послание с просьбой содействовать прекращению гонений на христиан в советской России и освобождению Патриарха Тихона из-под ареста¹¹⁴⁹.

Вскоре после начала новой волны гонений на Русскую Православную Церковь в СССР, 9 марта 1930 г. в Софии состоялся митинг протеста. Утром во всех храмах города прошли богослужения, литургии, панихиды о замученных и молебствования о спасении России; митрополит Софийский Стефан служил и проповедовал в кафедральном Александро-Невском соборе. Затем в театре «Рояль» прошел митинг, в котором приняли участие священнослужители, представители болгарской общественности, политических партий, национально-патриотических организаций: «Родна защита, Союз офицеров запаса, «Кубрат», «Юнаки» и др. Русская колония активно участвовала в митинге во главе с епископом Серафимом (Соболевым) и председателем Святорусского братства князем Ухтомским. Участники митинга отметили массовые гонения на Церковь и верующих, разрушения храмов в СССР и призвали правительства и глав Церквей прекратить сношения с советской властью. Также было решено создать в Болгарии Комитет по борьбе

---

¹¹⁴⁸ Димитров Э. Русская эмиграция в Варне // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. С. 122.

¹¹⁴⁹ Елджров С. Указ. соч. С. 265.

с религиозными преследованиями (правда, о его деятельности практически ничего не известно)¹¹⁵⁰.

В 1934 г. Болгарская Православная Церковь помогла русским общинам и монастырям в стране пережить очень тяжелое потрясение. Пришедшее к власти 19 мая 1934 г. так называемое беспартийное правительство Кимона Георгиева решило установить дипломатические отношения с СССР, однако в ходе предварительных конфиденциальных переговоров советская сторона потребовала передать ей все русское церковное имущество в Болгарии. Прогнозируя такую возможность, Болгарский Синод еще 30 марта 1934 г. по просьбе архиепископа Серафима (Соболева) назначил специальную комиссию, которая занялась юридическим положением этого имущества. Высказанные владыкой Серафимом Синоду опасения о возможности закрытия русских церквей после передачи их зданий СССР были небезосновательны, так как после установления дипломатических отношений Австрии с Советским Союзом русская церковь в Вене была превращена в Музей атеизма. Чтобы эта судьба не постигла русские храмы в Болгарии, Синод обратился за содействием в Министерство иностранных и религиозных дел (по просьбе владыки Серафима от 22 июня 1934 г.), к болгарскому правительству также поступили соответствующие письменные обращения Софийского митрополита Стефана и Союза ветеранов Освободительной Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и самого архиепископа Серафима (Соболева). Под давлением церковной общественности болгарское правительство выдвинуло одним из условий нормализации отношений с СССР сохранение прежнего статуса русского церковного имущества в стране, что вызвало своеобразный шок у членов советского правительства.

В результате долгих и трудных переговоров было достигнуто компромиссное решение, зафиксированное в протоколе от 5 августа 1934 г. (уже после установления 23 июля дипломатических отношений): храм-памятник на Шипке и Александро-Невский Ямбольский монастырь будут подарены болгарскому народу при условии, что там будет осуществляться исключительно болгарское управление, без всякого участия русских эмигрантов; софийская же церковь свт. Николая временно останется в ведении дипломатического

---

¹¹⁵⁰ Царский вестник. Белград. 1930. 16 марта.

представительства СССР, пока советский посол не решит практические вопросы, связанные с отделением здания церкви от представительства и обеспечением безопасности советских дипломатов.

По предложению Советского Союза эта часть протокола была засекречена до установления дипломатических отношений СССР с Югославией, так как советское правительство не отказалось от претензий на русские церкви на территории Югославии. 15 сентября 1934 г. Никольский посольский храм был передан советским полпредом Ф.Ф. Раскольниковым во временное пользование болгарскому государству в лице Министерства иностранных дел, а 18 декабря того же года министерство передало церковь со всем ее имуществом Софийской митрополии. С этого момента храм на 12 лет перестал быть русским. 6 июля 1940 г. был составлен протокол о предоставлении Никольской церкви во временное пользование болгарскому правительству на 15 лет, и в конце того же года ее передали Софийскому университету св. Климента Охридского в качестве университетского храма¹¹⁵¹.

Архиепископ Серафим был выселен из квартиры при посольстве и в последующие годы снимал небольшую квартиру по адресу: ул. Велико Тырново, д. 30. При этом владыка еще почти год управлял храмом Рождества Христова на Шипке и Александро-Невским Ямбольским монастырем. Только летом 1935 г. Ф.Ф. Раскольников выступил против того, что архиепископ продолжает служить в этом храме и в монастыре, нарушая договор. Хотя Болгарский Синод не возражал против подобного служения русского духовенства, бороться против заключенных правительством договоренностей он не мог¹¹⁵².

Идея болгарских дипломатов о передаче русских храмов в ведение болгарских церковных властей была крайне негативно встречена русской эмиграцией в целом и духовенством в частности. Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Антоний (Храповицкий) и Архиерейский Синод РПЦЗ в своих письмах к болгарским церковным и гражданским властям (от 12 ноября 1934 г. и др.) пытались доказать, что речь идет о церковной, а не о государственной собственности¹¹⁵³. Архиепископ Серафим,

---

¹¹⁵¹ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, е. х. 53, л. 169; *Киосева Ц.* Указ. соч. С. 300–305.

¹¹⁵² *Кострюков А.А.* Архиепископ Серафим (Соболев): жизнь, служение, идеология. С. 70.

¹¹⁵³ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 221, л. 9–14, 27–27 об, 20–30 об.

который с трудом пережил тяжелый внутренний кризис, обратился в Болгарский Синод с просьбой о заступничестве, но ничего сделать уже было нельзя. Архиепископ Дамиан также болезненно воспринял случившееся — 6 октября 1935 г. он с возмущением писал Архиерейскому Собору РПЦЗ, что в Болгарии не приняты меры «к сохранению русского достоинства за народом и Церковью»¹¹⁵⁴.

Болгарская Церковь смогла лишь смягчить последствия случившегося. Митрополит Стефан предоставил русской общине Софии древний болгарский Никольский храм на ул. Царя Калояна (в самом центре города), куда перешел причт посольской церкви: протоиереи Николай Владимирский, Георгий Голубцов, один из ближайших помощников владыки Серафима, ранее служивший в Белой армии протоиерей князь Андрей Ливен (его бывшие имения находились в окрестностях подмосковного г. Воскресенска), а также упомянутые замечательный хор и многочисленное церковное братство. Уже в новом храме община в 1935 г. торжественно встретила прибывшую из Югославии чудотворную Курско-Коренную икону Божией Матери «Знамение»¹¹⁵⁵.

Весной 1936 г. русским монахам из Ямбольского монастыря митрополит Стефан предоставил в пользование здание Какалянского монастыря св. Архангела Михаила вблизи Софии, здесь поселилось 10 насельников, а настоятелем до 1944 г. служил архимандрит Серафим (Соболев). Передавая этот монастырь, Болгарский Синод выдвинул условие, что в обитель будут принимать не только русских, но и болгар «с целью иметь их как рассадник истинного иночества для болгарских монастырей». Вместо храма Рождества Христова на Шипке Священный Синод в 1935 г. официально передал русской общине в Варне в пользование древний византийский храм св. Афанасия Великого¹¹⁵⁶. В 1937 г. в Варне начали действовать курсы по борьбе с безбожием, которые возглавил протоиерей Иоанн Слюнин.

К этому времени численность русской эмиграции в Болгарии в результате возвращения на Родину (в первой половине 1920-х гг. в СССР вернулось около 11 тысяч), переезда в другие страны и естественной убыли заметно сократилась:

---

¹¹⁵⁴ The Archives of the Orthodox Church in America — Syosset. Box 1.

¹¹⁵⁵ Русские храмы и обители в Европе. С. 30–31.

¹¹⁵⁶ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 12, л. 11 об, д. 136, л. 1–2; Киосева Ц. Указ. соч. С. 292–299.

в 1926 г. их насчитывалось 28 340, в 1928 г. — 25 942, в 1929 г. — 24 513, а в 1938–1939 гг., по данным различных болгарских историков, — от 15 500 до 18 200. Правда, в письме Министерства иностранных дел и исповеданий от 23 августа 1934 г. военному министру говорилось, что из 35 тысяч русских беженцев (в начале 1920-х гг.) в стране осталось еще 25 тысяч. А в 1940 г., по официальной статистике, в Болгарии проживало 18 397 русских¹¹⁵⁷.

Несмотря на уменьшение паствы, церковная жизнь не замирала. Более 100 русских священников и диаконов служили в приходах Болгарского Экзархата, только в Пловдивской епархии их до 1944 г. было около 35, и подавляющее большинство высоко оценивалось в рапортах архиерейских наместников¹¹⁵⁸. Свидетельством достойного служения русских священников в Болгарии было их частое награждение Архиерейским Синодом РПЦЗ. Так, 12 июня 1930 г. Архиерейский Синод по представлению владыки Серафима (с согласия Болгарского Синода) наградил золотым наперсным крестом болгарского протоиерея Тодора Петрова «за исключительную любовь и постоянную заботу о русских беженцах, проживающих в его приходе», а 22 июня наградил золотым наперсным крестом с украшениями русского протоиерея Константина Чирко, по ходатайству Велико-Тырновского митрополита Филиппа от 16 июля 1930 г.¹¹⁵⁹

Иногда болгарские архиереи даже рукополагали священников для расположенных за пределами Болгарии епархий Русской Православной Церкви Заграницей. Так, в 1940 г. митрополит Пловдивский Кирилл рукоположил во иерея православного немца Павла (Пауля) Хёке для русского Воскресенского собора в Берлине. Вероятно, это объясняется тем, что владыка был духовником П. Хёке во время учебы последнего на богословском факультете Софийского университета в 1930–1934 гг.

Руководство Болгарской Церкви осознавало, что богатый богослужебный опыт и традиции Русской Церкви могут быть востребованы. Во многом благодаря русским эмигрантам практиковавшееся ранее отсутствие обязательной

---

¹¹⁵⁷ Бялата емиграция в България. С. 52, 87, 433; *Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 18–19; ЦДА, ф. 166к, оп. 3, е. х. 175.

¹¹⁵⁸ *Паралингов Э.* Указ. соч. С. 54–59.

¹¹⁵⁹ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 107, л. 3, д. 108, л. 2.

исповеди перед причастием стало исчезать, и исповедь возвращалась в болгарские храмы. С 1940 г. по договоренности между митрополитом Софийским Стефаном и архиепископом Серафимом (Соболевым) Болгарский Синод стал направлять в русский храм молодых диаконов для прохождения практики и приобретения навыков богослужения¹¹⁶⁰.

В середине 1930-х гг. начал свое служение в храмах Болгарии протоиерей Всеволод Дмитриевич Шпиллер, широко известный церковный и общественный деятель, замечательный проповедник, духовник и богослов, родной брат солистки Большого театра, народной артистки РСФСР Н.Д. Шпиллер. Он родился 1 июля 1902 г. в Киеве в дворянской семье, окончил Владимирский кадетский корпус, в 1918–1920 гг. воевал в составе белой Добровольческой армии (имел несколько ранений), из Крыма вместе с войсками П.Н. Врангеля в ноябре 1920 г. эмигрировал в Константинополь, затем — с 10 декабря около года пребывал в русском военном лагере в Галлиполи, а в декабря 1921 г. переехал в Болгарию. Там, как и многие русские беженцы, Всеволод Дмитриевич оказался в бедственном положении и нанялся на работы по подъему с затопленных в Черном море во время войны транспортных кораблей снарядов, их обезвреживанию и отправке на переработку. Первоначально эта работа была очень опасной, но В.Д. Шпиллеру удалось придумать автоматическое устройство для разряжения боеголовок. Он оформил патент и начал получать от ведущей эти работы английской концессии средства, достаточные для получения высшего образования¹¹⁶¹.

В начале 1920-х гг. В.Д. Шпиллер познакомился с епископом Серафимом (Соболевым). Свидание с владыкой определило всю дальнейшую судьбу Всеволода Дмитриевича — он стал одним из его ближайших духовных детей и учеников. Вскоре В.Д. Шпиллер стал материально поддерживать епископа Серафима и проживавшего в Болгарии в 1925–1931 гг. архиепископа Феофана (Быстрова). Владыка Серафим благословил Всеволода Дмитриевича оставить работу в английской концессии и поступить в 1927 г. на богословский

---

¹¹⁶⁰ Кострюков А.А. Партия консерваторов в Болгарской Церкви и коммунистическая власть (к разоблачению одного укоренившегося мифа) // Троицкое наследие. 2010. № 2. С. 23.

¹¹⁶¹ Ефимов А.Б., Ковальская Е.Ю. Протоиерей Всеволод Шпиллер в Болгарии и его возвращение в Россию (новые биографические материалы) // Люди и судьбы русского зарубежья. Сборник статей. М., 2011. С. 57.

факультет Софийского университета св. Климента Охридского. На втором курсе В.Д. Шпиллер приступил к научной работе. Сферой его интересов стали взаимоотношения государства и Церкви, правовое положение Церкви в государстве и обществе и разделение сфер внутрицерковного и церковно-общественного в жизни Церкви¹¹⁶².

После окончания 3-го курса, летом 1930 г., по благословению епископа Серафима Всеволод Дмитриевич поступил послушником в Рильский монастырь. Там он попал на послушание к святому старцу Евлогию, жившему в обители с шести лет. Отец Евлогий учил Всеволода, как отвергнуть себя, взять крест и следовать за Христом. Так, когда старец узнал, что В.Д. Шпиллеру было очень тяжело видеть кровь, он дал ему послушание трудиться на скотобойне, нося на себе окровавленные туши. Благодаря послушанию, через смирение и молитву спустя полгода у Всеволода Дмитриевича, по его свидетельству началась «духовная жизнь»¹¹⁶³.

Осенью 1931 г. владыка Серафим вернул В.Д. Шпиллера в мир, сказав ему: «Все, что нужно в монастыре, ты уже получил, теперь женись, становись священником и иди на болгарский приход, а со временем поедешь в Россию». Возвратившись в Софию, Всеволод Дмитриевич окончил университет, некоторое время он учился и в русском Богословско-пастырском училище при монастыре свв. Кирика и Иудиты. 6 мая 1934 г. В.Д. Шпиллер женился на Людмиле Сергеевне Исаковой. 20 июня того же года архиепископ Серафим рукоположил Всеволода Дмитриевича во диакона, а на следующий день — в иерея. В связи с «отсутствием тогда свободных вакансий в ведении управляющего русскими православными общинами»¹¹⁶⁴ по соглашению владыки Серафима с болгарскими церковными властями о. Всеволод в августе 1934 г. был назначен приходским священником болгарской церкви Успения Божией Матери в г. Пазарджике Пловдивской епархии, где прослужил около десяти лет. Местные жители, в основном занятые сельским хозяйством, в церковь ходили по праздникам, и о. Всеволоду часто приходилось служить в полупустом

---

¹¹⁶² Владимир Воробьев, прот. К сорокалетию со дня рождения протоиерея Всеволода Шпиллера // ЖМП. 2002. № 7. С. 65–66.

¹¹⁶³ Ефимов А.Б., Ковальская Е.Ю. Указ. соч. С. 59.

¹¹⁶⁴ См.: ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 418, л. 187–202.

храме. Он также преподавал в гимназии и сельскохозяйственном институте различные предметы: Закон Божий, логику, психологию, русскую литературу, пропедевтику, историю и другие предметы, был членом, а потом и председателем церковного суда¹¹⁶⁵.

Кроме того, о. Всеволод исполнял обязанности тюремного священника, причем за время его службы в тюрьме г. Пазарджика ни один смертный приговор не был приведен в исполнение. В Болгарии существовала традиция: пока священник не исповедует приговоренного к смертной казни, его не казнят. И когда о. Всеволоду необходимо было исповедовать подобных преступников, обстоятельства «складывались» так, что ему приходилось либо уезжать из города, либо он заболел. Священник также отказывался ставить свою подпись под смертными приговорами. В Пазарджике в семье Шпиллеров родился сын Иван (нареченный в честь преподобного Иоанна Рильского)¹¹⁶⁶.

Священник поддерживал тесные связи со своим родственником — архимандритом Пантелеимоном (Старицким), а также протоиереем Андреем Ливеном, автором жизнеописания св. о. Иоанна Кронштадского архимандритом Мефодием (Жеревым) и талантливым иконописцем иеродиаконом (позднее иеромонахом) Николаем (в миру Георгием Николаевичем Шелеховым)¹¹⁶⁷, регулярно общался с Пловдивским митрополитом Кириллом (будущим Патриархом). Но самые близкие отношения о. Всеволод имел со своим духовным отцом — архиепископом Серафимом. В письме своей жене Людмиле Сергеевне из Софии от 2 июня 1934 г. о. Всеволод Шпиллер сообщал: «Работаю с владыкой часами у него по его труду; и это маленькое участие в огромной его богословской работе — совершенно святоотеческой — дает мне массу. Только сидеть с ним у него в комнате — это уже так бесконечно много. А работать с ним — это такое большое счастье»¹¹⁶⁸. Проезжая через Пазарджик, архиепископ Серафим всегда останавливался в квартире Шпиллеров на несколько дней.

---

¹¹⁶⁵ Владимир Воробьев, прот. Указ. соч. С. 66–67.

¹¹⁶⁶ Отец Всеволод Шпиллер. Страницы жизни в сохранившихся письмах. Иван Шпиллер. Воспоминания об отце. Красноярск, 2002. С. 29.

¹¹⁶⁷ См.: Владимир Воробьев, прот. К 100-летию со дня рождения протоиерея Всеволода Шпиллера // Журнал Министерства просвещения. 2002. № 7.

¹¹⁶⁸ Шпиллер И.В. Воспоминания об о. Всеволоде Шпиллере. М., 1995. С. 26.

Очень активную преподавательскую, научную и церковно-общественную деятельность, несмотря на преклонный возраст, во второй половине 1930–1940-х гг. вел протопресвитер Георгий Шавельский. В частности, 19 декабря 1938 г. он писал редактору выходившего в Белграде частного журнала «Церковное обозрение» Е.И. Махароблидзе о том, что были изданы его книги: «О Боге и Его правде» (София, 1938), о монастырях (часть будущего труда «Русская Церковь перед революцией») и вызвавший восторженные отзывы курс лекций «Православное пастырство» (на русском и болгарском языках), по которому учатся на богословском факультете Софийского университета. В это время о. Георгий заканчивал еще одну книгу — беседа деда с внуком «О молитве Господней, или О том, что нужно человеку» (вышла в Софии в 1939 г. под названием «Молитва Господня»), а затем планировал написать большую статью на болгарском языке «Юдаистический национализм в свете учения ветхозаветных пророков» для академического журнала.

Кроме того, протопресвитер служил в храме, читал лекции в Софийском университете, вел 15 уроков в неделю в Софийской русской гимназии (директором которой он являлся в 1932–1934 гг.) и председательствовал в трех обществах: Софийской Академической группе (с 1926 г.), Союзе учителей и Обществе почитателей императора Николая II. Создал пастырь и отдельное братство св. Николая для помощи нуждавшимся русским беженцам, которое, правда, прекратило существование после его ухода из русской Никольской церкви. В октябре 1939 г. о. Георгию Шавельскому указали, что «по предельному возрасту» (68 лет) он должен завершить чтение лекций в Софийском университете. Но протопресвитер продолжил преподавание в русской гимназии, где работал в общей сложности более 20 лет¹¹⁶⁹.

В другом письме Е.И. Махароблидзе от 11 января 1941 г. о. Георгий сообщал, что ему, вероятно, вскоре удастся написать на болгарском языке еще две книги: «Литургия» и «Жить — служить». При этом протопресвитер, для которого была характерна большая скромность в личной жизни, категорически не хотел праздновать предстоящее 50-летие своего служения в священном сане¹¹⁷⁰.

---

¹¹⁶⁹ Илия Соловьев, *свщ.* Указ. соч. С. 33.

¹¹⁷⁰ Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей в Мюнхене (АГЕ), д. Разная переписка. Военные годы, л. 1, 23.

Следует упомянуть также, что в Софии в 1924 г. вышла книга о Георгия «Свети Атанасий Великий», а в 1934 г. — книга «Толстовское учение о непротивлении злу».

Как уже говорилось, почти ко всем иерархам, входившим в Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей, о. Георгий испытывал неприязнь, что во многом объясняется свойствами его личного характера. Так, 23 апреля 1940 г. он писал Е.И. Махароблидзе: «Да, страшное время переживает Православная Церковь... Епископат наш зарубежный... обидней всего, когда слышишь, с какой сдержанностью отзываются о нем архиереи других славянских стран. Постепенно мы дошли до этого позорного состояния. Вспоминаю дни древние. Как-то великий князь Николай Николаевич спросил меня: “А с чего Вы начали бы реформу Церкви?” Я ответил: “Прежде всего я уволил бы всех до одного архиереев и выбрал бы новых”... Вашего [Первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия] я отлично знаю. При многих способностях, которыми наделил его Господь, ничего крупного он не сделал и не может сделать вследствие постоянного низкопоклонства пред сильными, постоянного лавирования и боязни взять на себя какую бы то ни было ответственность. С такими добродетелями в большой работе далеко не уедешь. А это ведь лучший... О худших “срамно есть и глаголати”... И все же верю я, что Господь не только спасет, но и возвеличит нашу Церковь»¹¹⁷¹.

Очень болезненно о. Георгий Шавельский переживал опубликование в газетах письма митрополита Анастасия Адольфу Гитлеру от 12 июня 1938 г. с благодарностью за постройку русского собора Воскресения Христова в Берлине. По воспоминаниям Ф. Бокача, протопресвитера «никак не мог понять, как этот уважаемый им иерарх мог дойти до такого унижения Православной Церкви. Этот акт о. Георгий считал столь же позорным, как и раскол Зарубежной Церкви»¹¹⁷².

18 марта 1937 г. русское богословие в Болгарии понесло тяжелую утрату — скончался Н.Н. Глубоковский. Знаменитый богослов скоропостижно

---

¹¹⁷¹ Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей в Мюнхене (АГЕ), д. Разная переписка. Военные годы, л. 14–15.

¹¹⁷² Бокач Ф. Указ. соч. С. 103.

умер в Софии от болезни почек. Отпевание в кафедральном соборе св. кн. Александра Невского 21 марта совершил митрополит Софийский Стефан (Георгиев) в сослужении пяти епископов, двух архимандритов и 40 священников. В надгробном слове, сказанном при отпевании профессора, митрополит Стефан назвал его «великой опорой» богословского факультета, отметив: «Николай Никанорович не имел себе равного в сфере всесторонней и разнообразной культуры, которой он достиг усердным трудом и систематическим совершенствованием богатых своих дарований. Одним из немногих он достиг самой большой высоты, чтобы быть признанным и православными, и католиками, и протестантами первой учено-богословской величиной, вызывающей у всех серьезных богословских, философских и социальных мыслителей искреннее почтение и уважение. Профессор доктор Н.Н. Глубоковский поистине был феноменом. Он имел классическое духовное равновесие, законченный характер, гениальный ум с гениальным сердцем и памятью. Он был всегда и всюду человеком без лицемерия... Мы уверены, что когда многострадальная родина знаменитого усопшего озарится духом свободы, правды, мира и любви, духом, витающим над ее достойными сынами и благословляющим Русскую землю к благоденствию, подъему и мощи, Глубоковский войдет в пантеон гениев великой русской души, в первых рядах которого находятся носители и служители православного сознания, начертанного на скрижалях их ученой богословской мысли!»¹¹⁷³

Похоронили Н.Н. Глубоковского на русском участке городского кладбища Софии. 20 апреля 1937 г. в Свято-Сергиевском богословском институте состоялось посвященное его памяти открытое собрание, в котором участвовало много выдающихся русских богословов, философов и церковных историков. Память о выдающемся богослове продолжала жить и в Советском Союзе. Так, уже вскоре после открытия Ленинградской духовной академии на особом учено-педагогическом совещании ее профессоров с митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием (Чуковым) 26 июня 1947 г. было решено заказать для актового зала, наряду с портретами Патриархов Тихона,

---

¹¹⁷³ Профессор доктор Н.Н. Глубоковский. Надгробное слово, сказанное митрополитом Софийским Стефаном, при отпевании профессора Н.Н. Глубоковского // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. Париж. 1937. № 6–7. С. 17; *Клементьев А.К.* Указ. соч. С. 328–329.

Сергия, Алексия, владыки Григория и Сталина, также портрет профессора Н.Н. Глубоковского¹¹⁷⁴.

Архиепископ Серафим (Соболев), как и протопресвитер Георгий Шавельский, и Н.Н. Глубоковский, активно занимался научной богословской работой. Наиболее полно его мировоззрение нашло отражение в двух книгах: «Русская идеология» (София, 1939) и «Об истинном монархическом мирозерцании» (София, 1941). Еще, выступая на Первом Всезарубежном Русском Церковном Соборе 1921 г., владыка предлагал осудить социалистический строй: «Социализм в своем корне и во всех видах должен быть осужден, как противный христианству». Архипастырь предлагал даже обратиться к инославным Церквям с призывом создать единый фронт для борьбы с социализмом¹¹⁷⁵.

В работах архиепископа встречаются резкие антисоветские высказывания, власть коммунистической идеологии в России он считал исторически обреченной, но после ее крушения полагал необходимым восстановить монархию, так как при появлении в стране того или иного демократического строя Православная Церковь окажется в положении гонимой¹¹⁷⁶. Оставаясь до конца своих дней искренним монархистом, владыка рассматривал Православие и самодержавие в неразрывном единстве, как основные постулаты и святыни русской идеологии. В своей книге 1941 г. он писал: «Таким образом, на симфонию властей, при наличии истинной самодержавной власти царя, мы смотрим как на средство достижения русской идеологии и возрождения России»¹¹⁷⁷.

Среди богословских трудов архиепископа Серафима особое место занимает опровержение «софианской ереси» в работах протоиерея Сергия Булгакова. В 1935 г. владыка написал в этой связи книгу «Новое учение о Софии, Премудрости Божией» (за которую в 1937 г. был удостоен степени магистра богословия), а в следующем году — другой труд — «Протоиерей Сергей Булгаков как толкователь Священного Писания». Отношение архиепископа к основателю и Первоиерарху РПЦЗ митрополиту Антонию (Храповицкому) было довольно неровным, как уже отмечалось, владыка Серафим изобличал

---

¹¹⁷⁴ Архив Санкт-Петербургской православной духовной академии, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 9–16.

¹¹⁷⁵ Кострюков А.А. Преодолевший разделение. С. 107; ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 371, л. 24.

¹¹⁷⁶ Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология. СПб, 1994. С. 14.

¹¹⁷⁷ Его же. Об истинном монархическом мирозерцании. СПб, 1994. С. 87.

представления митрополита о догмате искупления, что нашло отражение в книге «Искажение православной истины в русской богословской мысли» (София, 1943). В том же году в Софии вышел еще один его труд «Искажение православного учения о спасении», где владыка полемизировал с основными положениями дореволюционной книги архимандрита Сергия (Страгородского — будущего Патриарха Московского и всея Руси) «Православное учение о спасении».

Для взглядов архиепископа Серафима была характерна и непримиримая позиция в отношении экуменического движения; с соответствующими докладами в защиту православия и обличением связей экуменизма и масонства он, в частности, выступал на Втором Всезарубежном Соборе РПЦЗ в августе 1938 г. (владыка также был председателем судебно-правового отдела Собора). В одном из этих выступлений архиепископ Серафим сказал: «Внецерковное объединение ничего, кроме вреда, не принесет. Православная истина выражается в благодати Святого Духа, именно в том, чего экуменическое движение знать не хочет». Архиепископ указал на пример одного, принявшего православие, католика, который многие годы безрезультатно искал в своей церкви подобного преподобному Серафиму Саровскому, так как решил, что истина там, где есть преподобный Серафим: «Этим подтверждается только, что объединение может произойти лишь на почве благодатной жизни. Цели экуменического движения не достижимы. “Блажен муж иже не иде на совет нечестивых”»¹¹⁷⁸.

При всем своем антикоммунизме владыка Серафим никогда не отождествлял советскую власть с Московским Патриархатом, уже в 1930-е гг. он поддерживал связь с его иерархами за границей — архиепископом Вениамином (Федченковым) и митрополитом Елевферием (Богоявленским). Так, например, в феврале 1934 г. владыка написал архиепископу Вениамину (Федченкову) по поводу «соблазнительных мыслей» митрополита Антония (Храповицкого) относительно искупительного подвига Христа. Эти заблуждения архиепископ Серафим сам резко критиковал, однако, в отличие от владыки Вениамина, не считал ересью: «Не следовало бы и тебе объявлять еретиком м[итрополита] Антония... по той еще причине, что содеянный тобою

---

¹¹⁷⁸ Постановления и резолюции Второго Всезарубежного Русского Собора. Белград, 1938. С. 369.

грех — признание советской власти и при том признание свободное и убежденное, тяжелее греха ереси. Этим признанием ты сознательно и свободно санкционируешь бесчисленные злодеяния советской власти по уничтожению ею нашего русского православного народа и нашей Русской Православной Церкви — осуждаешь бесчисленный и доблестный сонм новых мучеников и исповедников, пострадавших от советской власти как кровавой гонительницы не только веры нашей, но и всего доброго на земле, и предаешь всю нашу Русскую Церковь во власть сатаны, ибо советская власть служит не Богу, а сатане, являясь властью безбожною и богоборческою... Обличать в ереси м[итрополита] Антония после свободного признания советской власти это значит замечать сучок в глазе брата своего и не видеть в своем собственном глазе бревна. Если даже и допустить, что м[итрополит] Антоний раскалывает один из камней в основании Православной нашей Церкви, то ты, признавши советскую власть, валишь в пропасть все церковное здание». Однако, выражая свое несогласие с мнением архиепископа Вениамина, владыка Серафим все же продолжал считать его своим другом и сомолитвенником: «Смотри на эти строки письма моего, как на выражение моей любви к тебе, в ответ на твою искреннюю братскую и дружескую любовь, которую ты оказывал мне в наши студенческие годы, да и в последующее время. Я эту любовь никогда не забуду. Если же означенные строки не найдут должного отклика в душе твоей и ты будешь ими огорчен, то тогда прости меня. Всякий день усердно молюсь за тебя, мой милый владыко! И тебя прошу не оставлять меня в молитвах твоих. Тебе с любовью кланяется мой брат, очень тяжело страдающий головными и желудочными болями после операции»¹¹⁷⁹.

Архиепископ Серафим не сомневался и в полномочиях Заместителя Патриаршего Местоблюстителя (с 1937 г. — Патриаршего Местоблюстителя) митрополита Сергия (Страгородского). Именно через владык Вениамина и Елевферия, а также через Сербского Патриарха Варнаву архиепископ Серафим переправил в СССР для митрополита Сергия в 1935–1936 гг. три экземпляра своей книги о лжеучении в трудах протоиерея Сергия Булгакова — «Новое учение о Софии, Премудрости Божией». Следует отметить, что, когда 22 июня

---

¹¹⁷⁹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 годах. С. 396–397; ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 283, л. 9 об.

1934 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя запретил в священнослужении восемь архиереев РПЦЗ, владыки Серафима в их числе не было¹¹⁸⁰.

Хотя архиепископ Богучарский состоял членом Архиерейского Синода, его отношения с другими архиереями РПЦЗ не были простыми. Так, в 1937 г. Архиерейский Собор отказал ему в просьбе о награждении брата архимандрита Сергия (Соболева) архиерейской мантией и панагией¹¹⁸¹. 18 сентября 1939 г. Архиерейский Собор, рассмотрев ходатайство владыки Серафима о поставлении ему викарного епископа в лице архимандрита Сергия (Соболева) с приложением соответствующего ходатайства Софийского митрополита Стефана, постановил: «Принимая во внимание малое количество приходов в Болгарии и родственные связи, признать излишним учреждение викариатства и ходатайство отклонить, хотя архимандрит Сергей и достоин избрания во епископы»¹¹⁸². В результате архиерейская хиротония о. Сергия так никогда и не состоялась (с 1945 до своей кончины в 1948 г. он служил помощником настоятеля русского храма свт. Николая в Софии).

Таким образом, к началу Второй мировой войны русское епископство в Болгарии прошло сложный путь развития. Возникнув в 1921 г. в результате миграции из России нескольких десятков тысяч участников Белого движения, членов из семей, а также священнослужителей, оно быстро достигло значительных размеров: девять приходов, два монастыря и Богословско-пастырское училище. Русская церковная эмиграция также оказала значительное воздействие на все сферы деятельности Болгарской Православной Церкви. Однако затем в результате давления советского правительства, сокращения численности российских беженцев в стране и определенных внутренних конфликтов сфера влияния русского епископства заметно сократилась: оно лишилось некоторых храмов, одного из монастырей и Богословско-пастырского училища. Ко времени вступления Болгарии во Вторую мировую войну архиепископ Серафим (Соболев) управлял Какалянским мужским монастырем с примерно 10 насельниками и восемью приходами.

---

¹¹⁸⁰ Кострюков А.А. Преодолевший разделение. С. 108.

¹¹⁸¹ *Его же*. Архиепископ Серафим (Соболев): жизнь, служение, идеология. С. 71–72; ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 155, л. 3 об, д. 162, л. 2.

¹¹⁸² СА, д. Архиерейские Соборы 1921–1949 годов.

4. Российская церковная эмиграция в Греции

В Греции, как и в других балканских странах, в XIX–XX вв. существовало несколько русских храмов. Уже вскоре после получения этой страной в 1829 г. независимости — по Андрианопольскому мирному договору России с Османской империей — Российская Православная Церковь и российское правительство приняли решение установить церковные отношения с Православной Церковью в Греции. 12 января 1833 г. канцлер К.В. Нессельроде написал обер-прокурору Святейшего Синода князю П.С. Мещерскому, что император Николай I выразил соболезнование бедственному положению Церкви и духовенству в Греции и признал удобным «приступить к возобновлению духовного сношения с этим краем и положить твердое основание духовному влиянию, исключительно принадлежащему России, и которое, кроме нас, никакая другая держава не может и не должна иметь»¹¹⁸³.

В том же отношении Нессельроде сообщил обер-прокурору о пожелании императора, «чтобы в Греции находилась российская духовная особа в качестве священника нашей миссии», отметив, что «на иерея сего, кроме священнодействия, предлагается возложить в особенности распределение между беднейшими греческими церквями и духовенством пособий, которые будут в свое время назначены на сей предмет». Канцлер также уведомил о желании Николая I устроить временную церковь при Российской дипломатической миссии в Афинах и запросил Мещерского, какую сумму может выделить синодальная Комиссия духовных училищ для помощи греческому духовенству¹¹⁸⁴. На состоявшемся 13 февраля заседании Комиссия духовных училищ решила выделить на данные цели от имени Синода 50 тысяч рублей, о чем Мещерский 15 февраля уведомил Нессельроде¹¹⁸⁵.

Однако указом Николая I от 18 мая 1833 г. на восстановление разрушенных турками православных церквей и поддержку голодающего духовенства Греции из российской казны была выделена еще бо́льшая — огромная по тем временам, сумма в 100 тысяч рублей. Император также распорядился собрать

---

¹¹⁸³ РГИА, ф. 797, оп. 4, д. 17815, л. 1.

¹¹⁸⁴ Там же, л. 1–2; Священник В.И. Жмакин. Основание Русской духовной миссии в Афинах // Христианское чтение. Санкт-Петербург. 1893. № 5. С. 344.

¹¹⁸⁵ РГИА, ф. 797, оп. 4, д. 17815, л. 5–6.

облачения и священные сосуды для храмов Эладской Православной Церкви. Договор с Грецией о восстановлении храмов предусматривал учреждение церкви при российской дипломатической миссии, и на ее устройство особой статьей через Министерство иностранных дел отпускалось 5900 рублей. В письме от 8 марта 1833 г. Нессельроде сообщил Мещерскому, что министерство также выделило из своих средств 2400 червонцев и 2167,8 рублей на оплату проезда в Грецию 12 членов причта церкви, и попросил обер-прокурора выдать ее будущему настоятелю антиминос, святое миро и выделить других клириков. При этом отмечалось, что приобретение ризницы, иконостаса и церковных книг будет финансировать МИД¹¹⁸⁶.

Нессельроде представил на утверждение императора штат новой посольской церкви — священник с жалованьем в размере 1200 рублей в год, иеродиакон с жалованьем 700 рублей, два церковника (псаломщика) с общим жалованьем 600 рублей и восемь певчих с общим жалованием 2800 рублей. Кроме того, на церковные расходы выделялось 200 рублей и на аренду дома для проживания членов причта — 400 рублей в год. 4 марта 1833 г. положение о штате было подписано Николаем I¹¹⁸⁷.

С момента переноса столицы из г. Навплиона в Афины в 1835 г. вопрос о приобретении Российской дипломатической миссией церкви для собственных нужд приобрел особенную остроту. Первоначально, по соглашению с греческим правительством, под русскую церковь был выделен древний византийский Спасо-Преображенский храм XIII в. (известный так же как Котаки или Святая София) у восточной стороны Акрополя, в квартале Плака (ныне ул. Кидатиэон), так как он находился в непосредственной близости от здания российского посольства. Устройство его ризницы и иконостаса взяло на себя Министерство иностранных дел России. На предоставленные министерством средства архиепископ Афинский Неофит активно занялся приведением храма в порядок, и вскоре он был готов к совершению богослужений¹¹⁸⁸.

¹¹⁸⁶ РГИА, ф. 797, оп. 4, д. 17815, л. 11.

¹¹⁸⁷ Там же, л. 13.

¹¹⁸⁸ Талалай М.Г. Русская община в Афинах (церковь Пресвятой Троицы) / Афины // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 98.

Первым настоятелем посольской церкви решением Святейшего Синода от 18 марта 1833 г., по личному выбору императора Николая I, был назначен ученый богослов архимандрит Иринарх (в миру Яков Дмитриевич Попов, 1790–1877). 25 марта 1833 г. Николай I подписал указ о награждении о. Иринарха орденом Св. Анны 2-й степени. В это же время император утвердил предложение Синода о временном командировании архимандрита в Афины на три года. В сентябре 1833 г. о. Иринарх выехал в Грецию, но с оставлением за ним штатного положения настоятеля Толгского монастыря¹¹⁸⁹.

В Афинах архимандрит Иринарх пробыл два с лишним года, окормляя небольшую русскую колонию и повышая свой уровень образования. Благодаря его усилиям было восстановлено несколько византийских памятников, возрождено из руин большое количество храмов. Помогая материально и духовно священнослужителям Элладской Церкви, ее храмам и монастырям, архимандрит снискал любовь и уважение не только своих прихожан, но и духовенства и народа Греции. Однако затем из-за резко ухудшегося в жарком климате самочувствия отец Иринарх 1 июня 1835 г. обратился в Святейший Синод с просьбой о возвращении в Россию¹¹⁹⁰.

1 октября К.В. Нессельроде написал обер-прокурору, что на соответствующее отношение российского посланника в Афинах от 29 сентября ему было указано отправить архимандрита Иринарха обратно в Россию. Канцлер просил П.С. Мещерского подобрать на освободившееся место настоятеля посольской церкви иеромонаха, знающего греческий язык. Посланник в Афинах по совету о. Иринарха рекомендовал настоятеля монастыря в Новороссийском крае архимандрита Порфирия, но эта кандидатура не была утверждена¹¹⁹¹.

Получив разрешение, о. Иринарх в октябре отплыл в Смирну (ныне Измир) и в начале января 1836 г. прибыл в Санкт-Петербург. 8 января К.В. Нессельроде сообщил П.С. Мещерскому о приезде в столицу архимандрита с пятью певчими и решении императора Николая I наградить о. Иринарха

---

¹¹⁸⁹ Талалай М.Г. Русская община в Афинах (церковь Пресвятой Троицы) / Афины // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 98; РГИА, ф. 797, оп. 4, д. 17815, л. 18, 23–24.

¹¹⁹⁰ РГИА, ф. 797, оп. 4, д. 17815, л. 41–43.

¹¹⁹¹ Там же, л. 38–48.

за службу в Афинах орденом Св. равноап. кн. Владимира 3-й степени и выдать ему 200 червонцев, а певчим — по 50 червонцев¹¹⁹².

2 марта того же года архимандрит Иринарх представил в Святейший Синод докладную записку «Общее замечание о состоянии Церкви в Греческом Королевстве»¹¹⁹³, вызвавшую значительный интерес у императора, который после прочтения отметил: «Печальная истина». В 1836 г. о. Иринарх был хиротонисан во епископа Старицкого, викария Тверской епархии, а затем перемещен епископом в Ригу. Свое долгое церковное служение он завершил назначением в 1866 г. на Рязанскую кафедру¹¹⁹⁴.

Следующим настоятелем посольского храма в Афинах стал особо почитаемый на Афоне иеромонах Аникита (в миру князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов). Святейший Синод назначил его в Грецию постановлением от 18 ноября 1835 г. в соответствии с просьбой Министерства иностранных дел прислать «лицо испытанной нравственности, по преимуществу из монашествующих, немолодых лет и с достаточным знанием греческого языка» и по рекомендации митрополита Новгородского Серафима¹¹⁹⁵.

В апреле 1835 г. на парусном судне о. Аникита впервые прибыл на Святую Гору Афон и вскоре поселился в русском Свято-Ильинском скиту¹¹⁹⁶. В начале июля 1835 г. о. Аникита по приглашению братства Свято-Пантелеимоновского монастыря с 15 русскими иноками поселился в этой обители, а в конце месяца в сопровождении своего духовного отца Арсения иеромонах выехал в Иерусалим¹¹⁹⁷. Уезжая на Святую Землю, о. Аникита вручил старцам Руссика деньги на постройку храма во имя свт. Митрофана¹¹⁹⁸. Однако вместо постройки храма в монастыре была лишь устроена небольшая домовая церковь (параklис) свт. Митрофана Воронежского¹¹⁹⁹.

¹¹⁹² РГИА, ф. 797, оп. 4, д. 17815, л. 53.

¹¹⁹³ Оpubл.: Христианское чтение. 1893. № 5. С. 347–350.

¹¹⁹⁴ Талалай М.Г. Русская община в Афинах (церковь Пресвятой Троицы). С. 98–99.

¹¹⁹⁵ РГИА, ф. 797, оп. 4, д. 17815, л. 56.

¹¹⁹⁶ Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. М., 2008. С. 340.

¹¹⁹⁷ Там же.

¹¹⁹⁸ Христианское чтение. 1891. № 5-6. С. 531; № 11–12. С. 454.

¹¹⁹⁹ АРПМА, оп. 10, д. 130, док. 4441, л. 274.

Помимо Иерусалима о. Аникита посетил и другие святые места Палестины и 9 мая 1836 г. возвратился на Афон. Впечатления от поездки на Святую Землю он записал в свой дневник, который впоследствии был издан отдельной книгой под названием «Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах». Во время обратного путешествия на Афон иеромонах посетил греческие острова Кипр и Патмос¹²⁰⁰. Вернувшись на Афон, он остановился в Свято-Пантелеимоновском монастыре, но вскоре игумен Герасим объявил, что братия не желает, чтобы русские иноки пребывали в обители, и о. Аникита вместе с ними перешел в Свято-Ильинский скит¹²⁰¹. Поселившись в скиту, иеромонах Аникита, исполняя данный при Гробе Господнем обет, отслужил 40 литургий, после чего с благословения игумена была заложена скитская церковь во имя свт. Митрофана Воронежского. 3 августа 1836 г. о. Аникита оставил скит и уехал в Афины¹²⁰².

С этого времени иеромонах проживал в столице Греции, куда был назначен Святейшим Синодом настоятелем русской посольской церкви после согласования с Министерством иностранных дел. 14 января 1836 г. последовало решение в соответствии с новым назначением выдать о. Аниките из Кабинета его императорского величества золотой наперсный крест на золотой цепочке¹²⁰³. Приехав в Афины 16 августа 1836 г., иеромонах Аникита столкнулся с теми же проблемами светского и церковного характера, что и его предшественник архимандрит Иринарх. За время своего пребывания в качестве настоятеля посольского храма о. Аникита на присылаемые из России по линии Министерства иностранных дел средства материально содержал около 30 клириков Элладской Церкви и оказал значительную финансовую поддержку храмам Благовещения на острове Тинос, свт. Спиридона Тримифунтского в Пиреях, св. Ирины в Афинах и многим другим.

Иеромонах уделял значительное внимание реставрации посольского храма. В основном при его настоятельстве произошло возобновление этой древ-

---

¹²⁰⁰ Воспоминания о. Аникиты (Шихматова-Ширинского) вышли в 4-м выпуске серии «Русский Афон» издательства «Индрик» (М., 2009).

¹²⁰¹ *Инок Игнатий*. Историческое описание Русского св. славного пророка Илии скита, что на Афоне. М., 1860. С. 23–24.

¹²⁰² Русский афонский отечник XIX — XX веков. С. 43–44.

¹²⁰³ РГИА, ф. 797, оп. 4, д. 17815, л. 58.

ней византийской церкви (в 1834–1837 гг.), и в настоящее время здание храма отмечено мемориальной доской, сообщающей о его реставрации на российские средства (внутри, в отдельном киоте, сохраняется богослужбная утварь русского происхождения). Однако о. Аникита стремился вернуться на Афонскую Гору и просил Синод об увольнении от занимаемой должности. К лету 1837 г. его просьба была принята во внимание, но в это время о. Аникита серьезно заболел. Узнав о болезни о. Аникиты, значительное количество греков приходило к его келлии, желая выразить свое сочувствие и сострадание. Накануне праздника Святой Троицы, 7 июня того же года, повторяя слова «пора, пора в Иерусалим», иеромонах скончался в Архангельском монастыре (Мони-Петраки), вблизи Афин, где и был первоначально погребен. Перед смертью он завещал все свое имущество Свято-Ильинскому скиту. Через три года после смерти о. Аникиты туда были, согласно завещанию, перенесены и его останки: их погребли в храме свт. Митрофана Воронежского в нише правой стены и заложили надписью с датой его кончины. С 1875 г. кости блаженного Аникиты лежали открыто в Свято-Ильинском скиту¹²⁰⁴.

Несмотря на то что после смерти иеромонаха Аникиты место настоятеля некоторое время было вдовствующим, Русская духовная миссия в Афинах продолжала свою работу. В это время архиепископ Афинский Неофит назначил временно исполняющим обязанности ее начальника иеромонаха Макария — грека, хорошо знавшего русский язык, для совершения служб на базе российского флота на острове Порос.

Осенью 1838 г. настоятелем в Спасо-Преображенскую посольскую церковь по представлению Министерства иностранных дел был приглашен греческий священнослужитель, афонский постриженник иеромонах Анатолий Зографский, находившийся в момент назначения в России. 4 ноября 1838 г. он после возведения в сан архимандрита прибыл в Афины. Отец Анатолий оставался настоятелем церкви почти пять лет, занимаясь активной поддержкой греческого духовенства и финансируя реставрацию храмов и монастырей. Особенно следует отметить его значительный вклад в проведение работ в монастырях Мега Спилио на Пелопоннесе и Святых бессребреников на острове Порос. В июне 1843 г. архимандрит Анатолий, оставив службу

---

¹²⁰⁴ Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 43–44.

в посольской церкви, поселился в болгарском монастыре Зограф на Святой Горе Афон.

Еще до отъезда о. Анатолия новым настоятелем в Афины 2 января 1843 г. был назначен магистр богословия архимандрит Поликарп (в миру Феодосий Иванович Радкевич, 1798–1867). Интересуясь христианскими древностями, архимандрит совершал из Афин длительные путешествия по Пелопоннесу, в Иерусалим, к святыням Палестины, Аравии и Сирии. Настоятелем посольского храма он пробыл почти семь лет. Отец Поликарп добился от греческих властей предоставления в 1847 г. для устройства посольской церкви более вместительного и престижного храма: в качестве дара России передали древний «Ликодим» (или «Никодим»).

Человек блестящего образования и большой активности, архимандрит Поликарп, несмотря на усердный труд по поддержке духовенства и храмоздательства, косвенно стал камнем раздора между двумя противоборствующими в Греции партиями — прорусской и проанглийской в связи с нашумевшей кампанией церковного давления на правительство страны. Проанглийская партия Александра Маврокордату была сильно обеспокоена ростом влияния России на правительство греческого короля Оттона, после принятия последним православия. Кроме того, благодаря активной деятельности Духовной миссии при русском храме была фактически свернута протестантская пропаганда в Греции. Все это вызвало негативную реакцию определенной части королевского двора, и о. Поликарп был отозван.

За свои труды в Греции архимандрит был награжден орденами Св. равноап. кн. Владимира 3-й степени и Св. Анны 2-й степени. В 1850 г. он вернулся в Россию. Таким образом, за период с 1833 по 1850 гг. в Афинах сменилось четыре настоятеля¹²⁰⁵. Определенным гарантом непрерывной жизни посольского храма в первое десятилетие его существования (до 1843 г.) служил первый посланник России в независимой Греции Гавриил Антонович Катакази (Катакафис; 1794–1867), имевший положение эпитропа церкви, т.е. «уполномоченного» или «старосты» (официального прихода в Афинах не существовало)¹²⁰⁶.

---

¹²⁰⁵ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 113, д. 1066, 1602.

¹²⁰⁶ Journal de S.-Pétersbourg. 1867. № 95.

Главным памятником русского церковного присутствия в Греции стал храм «Ликодим», переданный в 1847 г. России от лица греческого правительства. На выбор храма, вероятно, повлияла его близость к российскому посольству, располагавшемуся по соседству — на ул. Ироду Аттику, и королевской резиденции. Этот древний византийский храм был воздвигнут, как полагали, на месте Лицея Аристотеля: от слова «лицей» (греч.: «ликей») и возникло название «Ликодим» (совр. адрес: ул. Филэллион, 21). Существовало предание, утверждавшее, что храм будто бы построила происходившая из Афин императрица Евдокия, супруга Феодосия-младшего (401–450). Однако археологические раскопки показали, что первоначально в римскую эпоху на этом месте находились бани, устроенные над водопроводом и подземным источником, а на их фундаменте затем была построена раннехристианская базилика.

Время создания храма установлено довольно точно благодаря сохранившимся записям на одной из стен, где упоминается 1031 г., а на другой стене найдено сообщение, что воздвигший храм Стефан Ликос (возможно, прозвание «Ликодим» происходит от его фамилии) умер в 1044 г. Таким образом, строительство церкви в ее нынешнем виде относится к первой половине XI в. Она была освящена в честь Пресвятой Троицы. Позже здесь находился Спасо-Никодимовский монастырь, с 1202 г., во время завоевания части Византии крестоносцами, — женский католический монастырь, с 1204 г. — бенедиктинская обитель. С XV в. здание вновь принадлежало православному мужскому Спасо-Никодимовскому монастырю и, незадолго до завоевания Афин турками, было отреставрировано. Греки называли храм «Панагия Ликодиму» (т.е. «Пресвятая [Богородица] Ликодимова»), — это наименование и сейчас широко используется жителями Афин.

В османский период храм не был закрыт или обращен в мечеть и являлся католиконом православного мужского монастыря. При этом церковь несколько раз подвергалась разрушениям, в частности, в 1687 г., когда Афины временно заняли войска Венецианской республики под командованием Франческо Моросини. Часть стен и братский корпус монастыря были разрушены сильным землетрясением в 1701 г., но церковь сильно не пострадала. Оставшиеся строения монастыря были в 1780 г. уничтожены по приказу османского правителя Афин Али Хасеки, который строил в этом районе новые защитные

стены вокруг города. С тех пор храм являлся приходом другого монастыря — Кессариани.

В 1827 г., во время войны за независимость Греции, в здание при турецком обстреле попали два ядра, так как повстанцы, осадившие Акрополь, использовали его как военное укрепление. В результате рухнул купол здания и его северо-восточная часть, в дальнейшем церковь около 20 лет стояла «в запустении и нечистоте»¹²⁰⁷. По свидетельству очевидца, «четыреугольник стен, ровных и плоских, как четыре доски гроба, с едва выходящею из него шею купола, наводил уныние на душу... Целой трети купола не существовало... Только восточная стена алтаря сохранялась во всей целостности»¹²⁰⁸. На восточной стене уцелели большие фрагменты византийских фресок (образы Христа, святого Стефана, апостола Иоанна Богослова и др.), напоминавшие росписи киевского храма Святой Софии.

Восстановлением храма в основном занимался сменивший о. Поликарпа на посту настоятеля посольской церкви упоминавшийся известный церковный деятель и ученый-византинист архимандрит Антонин (в миру Андрей Иванович Капустин; 1817–1894), служивший в Афинах около 10 лет — с момента назначения 26 сентября 1850 г. до сентября 1860 г. Он являлся выпускником и профессором Киевской духовной академии и был назначен в Грецию благодаря ходатайству епископа Херсонского Иннокентия. Архимандрит Антонин получил у греческих властей разрешение на восстановление и перестройку церкви, в 1852 г. он выслал в Министерство иностранных дел планы возобновляемого храма¹²⁰⁹. Научная реставрация здания храма была проведена по проекту известного петербургского архитектора Романа Ивановича Кузьмина (1811–1867), его помощником являлся И.В. Штром, специально приехавший из Санкт-Петербурга в Грецию для этой цели. Непосредственно восстановительными работами занимался афинский инженер — поручик Тилемах Влассопуло, финансировало их Министерство иностранных дел России¹²¹⁰. Работы начались в 1847 г., но в 1849 г. из-за Венгерского восстания

---

¹²⁰⁷ РГИА, ф. 797, оп. 26 (2 отд. 2 ст.), д. 434.

¹²⁰⁸ Там же.

¹²⁰⁹ Там же, оп. 25 (2 отд. 2 ст.), д. 314, л. 22 об.

¹²¹⁰ Талалай М.Г. Русская община в Афинах (церковь Пресвятой Троицы). С. 99.

были приостановлены, в следующем году по приказу императора Николая I возобновлены и продолжались до 1854 г.

В 1852–1855 гг. архимандрит Антонин провел в подвалах храма тщательные археологические раскопки. Следует упомянуть также, что на внутренней стене церкви оказались найдены граффити XI в. При восстановлении здания был сохранен его первоначальный план и устранены позднейшие пристройки, а также раскрыты заложенные проемы. Уцелевшие древние фрески были реставрированы и в 1847 г. дополнены работами мюнхенского художника романтического направления Генриха Тирша (Тьерха; 1825–1909), знатока византийского искусства¹²¹¹. Свои работы художник выполнял под наблюдением греческого инженера, майора Телемахоса Влассопулоса, и о. Антонина (Капустина). Роспись сводов церкви, как и другие стилизованные орнаменты, исполнил итальянский художник Винченцо Ланца.

Византийский мраморный низкий иконостас был заменен тремя более высокими русскими иконостасами, которые, как и престол, выполнил из белого паросского и пентелийского мрамора французский мастер Флоримон Буланже, украсив их богатой рельефной резьбой и позолотой. Царские врата были вырезаны из красного дерева по эскизу Р.И. Кузьмина. 17 образов в главном иконостасе написал маслом на цинке Г. Тирш. Среди изображенных святых шесть были русскими: трое из северной и трое из южной России, остальные — греческими. В малых иконостасах поместили медальоны, где были представлены шесть небесных покровителей семьи императора Николая I. Несколько икон были написаны русским художником П.М. Шамшиным, учеником В. Васнецова.

После проведенной реставрации древний крестово-купольный храм, снабженный двумя внутренними рядами легких полукруглых арок и множеством окон, стал одним из красивейших в греческой столице, производя впечатление на посетителей гармоничным византийским интерьером и его богатым живописным убранством. Его архитектура в целом соответствовала константинопольским постройкам эпохи императора Юстиниана, выделявшимся внушительными размерами и красивою кладкой (церковь Пресвятой Троицы

---

¹²¹¹ Русский художественный листок, издаваемый с Высочайшего соизволения Василием Тиммом. 1860. № 17. С. 57–61.

и сейчас является самым большим средневековым зданием в Афинах)¹²¹². Внутренний зал, с куполом на восьми колоннах и с верхней галереей (хорами), нередко сравнивали с собором Святой Софии в Константинополе. Отдельно стоящая трехъярусная колокольня была в 1850 г. возведена заново, по рисунку настоятеля о. Антонина, из желтого песчаника, красного кирпича и белого мрамора, в том же стиле, что и церковь. Своим видом она напоминала одну из византийских колоколен в Мистре (вблизи Спарты)¹²¹³.

Восстановительные работы продолжались около пяти лет. В письмах митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Никандру от 1 января 1954 г. и 3 января 1955 г. архимандрит Антонин высказал свои предложения по проведению церемонии освящения и дальнейшему благоустройству храма, в частности, о необходимости освятить три престола, прислать две-три тысячи серебряных крестиков для раздачи верующим в день освящения, привезти из России ризницу для храма и колокол весом не менее 300 пудов¹²¹⁴.

В отношении от 15 февраля 1855 г. митрополит Никандр попросил благословение Святейшего Синода на освящение храма, изложив все предложения о. Антонина. 18 февраля исполнявший должность обер-прокурора А.И. Карасевский написал об этом управляющему Министерством иностранных дел, отметив, что храм желательно освятить к дню Пасхи с приглашением членов Синода Элладской Церкви¹²¹⁵.

4 марта управляющий министерства ответил, что он уже докладывал императору о предстоящем освящении, и Николай I разрешил российскому посланнику в Греции пригласить для совершения этой церемонии, за неимением русского архиерея, Афинского митрополита или кого-нибудь из членов Элладского Синода. 7 марта Министерство иностранных дел сообщило А.И. Карасевскому, что император соизволил разрешить освятить главный престол храма во имя Пресвятой Троицы, а два боковых придела — во имя св. прав. Никодима и свт. Николая Чудотворца. Ризница для новой церкви будет выслана не от Кабинета его императорского величества,

---

¹²¹² РГИА, ф. 835, оп. 2, д. 364, л. 1–2.

¹²¹³ Талалай М.Г. Русская община в Афинах (церковь Пресвятой Троицы). С. 99.

¹²¹⁴ РГИА, ф. 797, оп. 25 (2 отд. 2 ст.), д. 314, л. 22–23.

¹²¹⁵ Там же, л. 1–2.

а от Министерства иностранных дел, оно же выделит средства на колокола, Синод, в свою очередь, может послать Евангелие или икону¹²¹⁶.

Митрополит Агтики и Элады Неофит не смог, из-за своего преклонного возраста, освятить воссозданную церковь, и вместо него эту церемонию 6/18 декабря 1855 г. осуществил архиепископ Мантинейский и Кинурийский Феофан. Главный престол трехпрядельного храма, как и планировалось, был посвящен Пресвятой Троице, левый — св. прав. Никодиму, правый — свт. Николаю Чудотворцу¹²¹⁷. 10–16 марта 1855 г. Святейший Синод принял определение об изготовлении для Свято-Троицкого храма напрестольного Евангелия в драгоценном окладе с украшениями, и ко времени освящения из Санкт-Петербурга в церковь привезли это Евангелие, новую богатую утварь и облачения¹²¹⁸. Колокола для храма были отлиты в итальянском г. Триесте на заводе Карла Миллера, самый большой из них — «Никодим» весил 280 пудов. Свято-Троицкий храм был окружен красивой чугунной решеткой, специально для него отлитой на заводе в Санкт-Петербурге.

В конце 1850-х гг. в крипте церкви появилась вода, которая, как установили проведенные о. Антонином раскопки, поступала из засыпанной древнеримской цистерны. После осушения крипты, облицованной плоским «римским» кирпичом, на глубине пяти метров был устроен небольшой подземный музей — аккуратно разложены для обозрения найденные там при работах обломки античных плит с надписями, капители от мраморных колонн и другие археологические находки. В подвале церкви также был обнаружен подземный ход — часть лабиринта, который, согласно легенде, пронизывал подземную часть центра Афин. Однако вход в катакомбы замуровали. В 1885 г. в храме начались протечки, и немецкий архитектор В. Шиллер понизил на полметра древний купол¹²¹⁹. Проведенные реставрационные и восстановительные работы были для того времени уникальными, так как многие другие византийские храмы города тогда находились

---

¹²¹⁶ РГИА, ф. 797, оп. 25 (2 отд. 2 ст.), д. 314, л. 3–5.

¹²¹⁷ Там же, оп. 26 (2 отд. 2 ст.), д. 434, л. 1–14.

¹²¹⁸ Там же, оп. 25 (2 отд. 2 ст.), д. 314, л. 11.

¹²¹⁹ Талалай М.Г. Русская община в Афинах (церковь Пресвятой Троицы). С. 99; Жмакин В.И., свц. Основание русской духовной миссии в Афинах. С. 343–346.

в руинах, по причине большего внимания более древним памятникам или из-за неудобного городского устройства Афин.

Десятилетнее настоятельство в Афинах было важным этапом активной церковной и научной деятельности о. Антонина. Именно там он начал свою длительную и плодотворную ученую и миссионерскую деятельность на христианском Востоке. В Афинах о. Антонин, по представлению Министерства иностранных дел, получил сан архимандрита; само производство совершил 5 апреля 1853 г. председатель Священного Синода Эладской Церкви — митрополит Атики Неофит. В 1859 г. исследователь предпринял первое путешествие на Афон, где много времени посвятил изучению древних рукописей и книг, а также составлению описаний нескольких монастырских книжных хранилищ¹²²⁰.

Уезжая в 1860 г. из Афин в Константинополь, архимандрит Антонин был удостоен «за христианские добродетели, ученость и филеллинские чувства» награждения Командорским Крестом греческого Ордена Спасителя. Собранные им материалы вошли в большую статью «Христианские древности Греции»¹²²¹ и монографию «О древних христианских надписях в Афинах» (СПб., 1874) — первое систематизированное собрание византийских настенных церковных надписей, которое и сейчас используется специалистами. Кроме того, он выпустил список обширного собрания документов церкви Священной усыпальницы в Афинах. По выражению архимандрита Киприана (Керна), Афины стали для о. Антонина «бесплатной, долговременной и самой приятной школой изучения христианских древностей»¹²²². Он создал при Свято-Троицком храме богатую библиотеку старинных книг, которая в дальнейшем пополнялась новыми настоятелями, но после разрыва связей с Россией в 1917 г. оказалась в основном утраченной.

Следует упомянуть, что в конце 1850-х гг. в пригороде Афин возник еще один русский храм — небольшая домовая Покровская церковь. После окончания Крымской войны 1854–1855 гг., еще при настоятельстве о. Августина,

---

¹²²⁰ Фонкич Б.А., Э.П.Г. Антонин (Капустин), архимандрит // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 685.

¹²²¹ Журнал Министерства народного просвещения. 1864. № 1. С. 31–68, 143–230.

¹²²² См.: Киприан (Керн), архим. Отец Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме. М., 1997.

вместо И.Э. Персиани в Афины был назначен посланником опытный дипломат, действительный статский советник Александр Петрович Озеров (1817–1900), ранее работавший секретарем Российской миссии в Константинополе. Он прибыл в столицу Элады в январе 1857 г., оставаясь на этом посту до октября 1861 г.

Именно А.П. Озеров устроил церковь Покрова Божией Матери при своей загородной даче в пригороде Афин, где он проводил свободное время. В связи с появлением храма возникло местное предание: когда Озеров направился на прогулку верхом на коне, неожиданно хлынул сильный дождь, и укрывшийся под деревьями посланник увидел среди размытых камней старинную икону, при виде которой дал обет построить храм, что вскоре и совершил. Многие строительные материалы для церкви привезли из России из-за их нехватки в тогдашней Греции. В церковной ограде А.П. Озеров установил на свои средства памятник греческим патриотам, погибшим в битвах с турками под Афинами, в предместье Галатси. Об этом сообщает памятная табличка, установленная на памятнике из белого мрамора.

Церковь Покрова Божией Матери (по-гречески — «Агиас Зонис») сохранилась до настоящего времени. Обстоятельства ее возникновения изложены на мемориальной доске, на греческом языке: «Сей святой храм сооружен на средства посла России Александра Озерова и Ольги Озеровой». В самой церкви за стеклом хранится та икона, которую обрел в лесу российский посланник. Когда в начале XX в. предместье вошло в состав Афин, рядом с историческим храмом появилась новая приходская греческая церковь, которая при этом получила то же посвящение — «Агиас Зонис». Предложенное посланником посвящение перешло и на название современной афинской улицы — одос Агиас Зонис (в настоящее время здесь располагается густонаселенный район Афин, с центральной площадью Америки)¹²²³.

Следует упомянуть, что в конце XIX в. настоятелем Свято-Троицкой церкви служил архимандрит Сергей (Иван Николаевич Страгородский; 1867–1944), спустя почти полвека избранный Патриархом Московским и всея Руси. Сан архимандрита о. Сергей получил одновременно с назначением настоятелем посольской церкви в Афинах — 21 сентября 1894 г. в столице

---

¹²²³ Сведения представлены историком М.Г. Талалаем.

Греции будущий Патриарх провел три года, именно тут в 1895 г. его удостоили степени магистра богословия за диссертацию «Православное учение о спасении». В 1897 г. по решению Святейшего Синода о. Сергия послали в Японию, в качестве помощника начальника миссии. Летом 1899 г. он вернулся в Россию — сначала на пост ректора Санкт-Петербургской семинарии, а затем и ректора Санкт-Петербургской духовной академии и 25 февраля 1901 г. был хиротонисан во епископа Ямбургского, викария столичной епархии. В дальнейшем владыка Сергий возглавлял ряд епархий и в сентябре 1943 г. был избран Святейшим Патриархом Московским и всея Руси¹²²⁴.

С 1914 г. последним дореволюционным настоятелем Свято-Троицкой церкви служил выпускник Московской духовной академии архимандрит Сергий (Дабич Николай Федорович, 1877–1927). Он активно помогал не только своим прихожанам, но и русским инокам на Афоне. Так, настоятель афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря игумен Мисаил 8 июня 1915 г. отправил архимандриту письмо с выражением благодарности за оказанную в годы войны обители помощь и приглашением посетить ее¹²²⁵.

Отцу Сергию пришлось пережить на своем посту и Первую мировую войну, и разрыв связей с Россией после революции 1917 г. и гражданской войны на родине. Правда, в 1916 г. настоятелем Свято-Троицкой церкви оказался назначен прежний настоятель русского посольского храма в Константинополе архимандрит Ювеналий (Машковский), будущий епископ Вологодский, однако в Афины он приехать не смог и в 1917 г. был приписан к Александро-Невской лавре в Петрограде. Позднее владыка Ювеналий занимал ряд кафедр, был арестован 22 января 1936 г. и скончался в лагерном лазарете Ухтижемлага (Коми АССР) 12 апреля 1941 г. (по другим сведениям, расстрелян в 1937 г.).

Устройство других русских общин в Греции было связано с активной церковной деятельностью королевы эллинов (жены греческого короля Георга I, русской великой княгини, внучки императора Николая I) Ольги Константиновны (1851–1926). Венчание состоялось в 1867 г. в Санкт-Петербурге,

---

¹²²⁴ См.: Тихон (Затекин), архим. Рожденный на земле Нижегородской. Патриарх Сергий. Нижний Новгород, 2007.

¹²²⁵ АРПМА, оп. 44, д. 14, док. 3818, л. 19–20.

причем жених был облачен в русский военный мундир. Этот брак укрепил дипломатические отношения Греции и России. В Афинах королева оказывала покровительство собору св. равноап. Константина, небесного покровителя ее отца, великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича Романова. Этот пришедший в упадок храм в 1905 г. был полностью возобновлен на ее личные средства и в память великого князя (об этом сообщается в мраморной доске над главным входом в собор). Через полвека — в 1955 г. прихожане Свято-Константиновского храма устроили в церковной крипте придел, посвященный св. равноап. кн. Ольге, поместив в нем церковную утварь, некогда пожертвованную королевой.

Королеву Ольгу до сих пор особенно чтят в Греции за большую благотворительную деятельность, плоды которой хорошо видны и в нынешних Афинах. В частности, она основала и поныне остающуюся крупнейшей государственную больницу Афин «Евангелизмос» («Благовещение»), построила корпус дома престарелых, помогала сиротам, вдовам и обездоленным по всему королевству, учредила деятельность Красного Креста в Греции. При Ольге Константиновне был построен исторический Олимпийский стадион в Афинах, на котором в 1886 г. прошла первая Олимпиада современности. При королеве Ольге в Афинах на деньги российского императорского дома строились и восстанавливались церкви и т.д. Художница София Просаленти, находившаяся под влиянием русской школы живописи, написала по поручению королевы иконостас церкви больницы «Евангелизмос». Она же написала иконостас дворцовой церкви в летней королевской резиденции Татое, под Афинами, у стен которой впоследствии была погребена королева Ольга.

В начале 1880-х гг. Ольга Константиновна, в память о скончавшейся при родах дочери, греческой принцессе Александре, основала в портовом городе Пирее, служившем тогда важнейшей средиземноморской базой российского флота, военно-морской госпиталь (об этом сообщалось в мемориальной доске на стене больницы)¹²²⁶. Королева являлась горячей патриоткой российского флота, состояла шефом 12-го флотского экипажа. Она была частым гостем на русских кораблях, регулярно приглашала офицеров и матросов

---

¹²²⁶ См.: Лендер К. По Европе и Востоку. СПб., 1908, С. 160, 177, 178; Малышев В. Белое и голубое. СПб., 2000.

в королевский дворец в Афинах, устраивала для них чаепития и елки (считается, что традицию рождественских елок привезла в Грецию королева Ольга). Из подарков моряков она создала в своем дворце Морскую комнату, нечто вроде небольшого русского музея. Известны и ее символические действия: поднимаясь на русские корабли, королева целовала палубу. Ольга Константиновна заботилась и о военно-морском мемориале на острове Сфактирия, посвященном русским морякам, погибшим при Наваринской битве.

Постоянное пребывание в Пирее русских моряков способствовало созданию здесь сразу нескольких учреждений, в том числе церковных. Во флигеле основного трехэтажного здания военно-морского госпиталя в 1904 г. была устроена на пожертвования офицеров русского флота и других российских граждан небольшая домовая церковь во имя св. кн. Ольги — в честь небесной покровительницы, основательницы и попечительницы госпиталя. Этот храм представлял собой небольшую двухэтажную пристройку, кровля которой была увенчана восьмиконечным «русским» крестом, и имел подземную ризницу. Церковное убранство также было приобретено на пожертвования российских моряков, иконы привезли из Кронштадта¹²²⁷.

Освящение храма весной 1904 г. совершил настоятель Свято-Троицкой церкви в Афинах архимандрит Иоанникий (Ефремов). Так как первоначально Свято-Ольгинский храм не был обеспечен соответствующим капиталом, к нему не было назначено особого причта, но Афинский митрополит, по просьбе королевы, временно определил к нему молодого греческого иеромонаха, говорившего по-русски. При этом королева Ольга платила этому иеромонаху из личных средств небольшое ежемесячное жалованье. Афинский митрополит поручил ему проводить для пациентов госпиталя богослужения, окормлять их и отпевать умерших, однако запретил совершать вне больницы любые требы для подданных Российской империи, так как они считались прихожанами посольской Свято-Троицкой церкви¹²²⁸.

По решению Святейшего Синода и постановлению Адмиралтейств Совета от 2 марта 1911 г., утвержденному 1 мая того же года императором

---

¹²²⁷ Талалай М.Г. Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Элинов Ольги Константиновны в Пирее (Греция). СПб., 2002. С. 2–6.

¹²²⁸ РГИА, ф. 796, оп. 186, д. 5829, л. 11–12.

Николаем II, храм св. кн. Ольги был включен в число «неподвижных церквей» Морского ведомства России, под управлением протопресвитера военного и морского духовенства¹²²⁹. С этого времени по согласованию с королевой, считавшей себя номинальной владелицей и госпиталя, и церкви, стали назначаться настоятели Свято-Ольгинского храма. В начале 1910-х гг. его настоятелем служил протоиерей Николай Милютин¹²³⁰.

О принадлежности храма к Российской Православной Церкви свидетельствовали и другие законы, указы и письменные сообщения российского правительства на имя королевы Ольги от 22 сентября 1911 г., 29 мая, 6 и 21 июня 1912 г., 10 апреля 1913 г., а также духовные завещания самой Ольги Константиновны от 4 июля 1911 г. и 16/29 апреля 1923 г. (хранившиеся в приходском архиве). 27 марта 1916 г. в г. Павловске Петроградской губернии (где находилась резиденция великих князей Константиновичей) был утвержден устав русского храма в Пирее и причта при нем¹²³¹.

Вблизи военно-морского госпиталя — на ул. Платона — вскоре появилось особое Русское кладбище, представлявшее собой часть городского Воскресенского кладбища Пирея и получившее впоследствии имя королевы Ольги. Оно являлось старейшим в Европе военно-морским русским некрополем. Кладбище было создано по замыслу Ольги Константиновны как достойное место упокоения русских офицеров и моряков, погибших или умерших в Греции, память об Архипелагской экспедиции графа Алексея Орлова-Чесменского в XVIII в., Наваринском сражении 1827 г. и об активной поддержке Россией независимости Греции во второй половине XIX в.

Первых российских моряков хоронили на будущей территории кладбища с середины XIX в.: самое раннее из сохранившихся надгробий относится к 1844 г. и принадлежит подпоручику российского императорского брига «Персей» Николаю Кутитонскому. В 1883 г. по распоряжению королевы Ольги по всей Греции собрали останки русских моряков, погибших во время Архипелагской экспедиции, павших в Наваринском сражении и скончавшихся

---

¹²²⁹ Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. С. 216.

¹²³⁰ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 231.

¹²³¹ АРПМА, оп. 42, д. 566, док. 3242, л. 1.

на чужбине моряков, служивших на базе российского флота в Греции, с их перезахоронением на определенном участке кладбища в Пирее, где была устроена братская могила. В следующем году на этой могиле установили памятник русским морякам, изготовленный в России на средства императора Александра III, королевы Ольги и других благотворителей, а в 1888 г. было устроено особое Русское кладбище.

В 1890 г. Грецию посетил цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II), совершавший путешествие на Восток. После девятидневного пребывания в стране — в день отъезда в Египет он в сопровождении греческой королевы и великого князя Георгия Александровича присутствовал на богослужении, совершенном в часовне нового Русского кладбища в Пирее настоятелем российского посольского храма в Афинах архимандритом Михаилом (Грибановским). Согласно записям в кладбищенских книгах, к моменту посещения наследником российского престола Русского кладбища в Пирее на нем уже было более 20 захоронений¹²³².

Самое раннее из известных распоряжений королевы Ольги по обустройству Русского кладбища в Пирее относится к 1891 г. В этом году по ее приказу мэрия города выделила под русские захоронения и памятники участки № 43 и 44. Свое решение о выделении участков мэрия подтвердила дополнительным постановлением в 1895 г., а в 1907 г., к юбилею Наваринской битвы, по распоряжению королевы выделила дополнительные участки до северной стены кладбища. Новый план Русского кладбища был отражен в схеме инженера Аравантиноса. На ней видно, что вокруг памятника-часовни оставалась квадратная площадь, предназначенная для проведения торжественных служб.

В первые десятилетия существования кладбища в Пирее на нем хоронили в основном матросов и низший офицерский состав, а останки старших офицеров и знатных особ, как правило, отправляли на захоронение в Одессу или Севастополь. Однако в 1894 г., согласно воле покойного, на нем был похоронен генерал-лейтенант князь Михаил Алексеевич Кантакузин, военный агент Российской миссии в Греции, потомок императорского византийского рода Кантакузинов. В последующие годы рядом появились могилы

---

¹²³² Талалай М.Г. Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Элинов Ольги Константиновны в Пирее. С. 3–6.

высокопоставленных лиц: близкой подруги королевы Ольги графини Ольги Егоровны де Бальмен, генерал-адъютанта барона Николая Александровича фон Ризенкампа (+1904), российского генерального консула в Пирее Александра Степановича Троянского, командира эскадренного броненосца «Император Николай I» Леонида Ивановича Комарова (+1903), командира лодки «Кубанец» Константина Масюкова (+1908), капитана Евгения Александровича Ветлица (+1894) и др. Большинство захоронений на Пирейском кладбище в конце XIX — начале XX вв. принадлежало офицерам и морякам российских кораблей, а также членам дипломатической миссии и священнослужителям русских церквей. В каждую могилу была положена горстка земли, привезенная из России. Согласно сохранившимся записям в церковных книгах, в дореволюционный период здесь было похоронено 100 человек. Священнослужителей погребали в ряду № 5, при этом диакона Порфирия Николаевича Юрьева и его супругу Александру Ивановну похоронили в разные могилы¹²³³.

В начале XX в. еще одна русская церковь появилась на острове Крит, который до конца 1890-х гг. входил в состав Османской империи. После восстания греческого населения против турецкого господства в начале 1897 г., Россия и другие великие европейские державы выслали военные эскадры, чтобы предотвратить начавшуюся резню и страдания мирного населения. Русские корабли подвергли обстрелу турецкие гарнизоны на северном берегу острова: впоследствии император Николай II в качестве компенсации за ущерб, нанесенный в результате этих бомбардировок, выделил личные средства на возобновление кафедрального собора г. Ханья¹²³⁴.

На Константинопольской конференции в марте 1897 г. был принят план «умиротворения» острова путем высадки морского десанта, а затем и сухопутного международного отряда и блокады Крита. Целью международного миротворческого отряда было установление и поддержание порядка на острове и помощь в создании автономного режима, провозглашенного по

---

¹²³³ Талалай М.Г. Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Элинов Ольги Константиновны в Пирее. С. 3–6.

¹²³⁴ См. Иоццо М. Искусство и история Крита. Флоренция, 1997 (пер. на рус. яз. и дополнения М. Г. Талалай). С. 12.

инициативе России 6 марта 1897 г., который фактически означал бы конец турецкого господства. В итоге в 1898 г. под сильным дипломатическим давлением Османская империя согласилась на учреждение Критской республики, формально признававшей власть султана, но имевшей официальным главой — верховным комиссаром — греческого принца Георга (1869–1957), второго сына королевы Ольги Константиновны, ранее прошедшего курс обучения на российском флоте с получением чина лейтенанта¹²³⁵.

Новый правитель Крита избрал своей резиденцией Халепу, аристократический пригород г. Ханья (Канея), тогдашней столицы острова. Статус принца Георга на греческом языке обозначался как «гегемон», т.е. «предводитель». При устройстве церкви в резиденции в 1901 г. свою помощь предложила его мать. Королева Ольга Константиновна выделила значительную денежную сумму, а из Санкт-Петербурга на Крит — при ее посредничестве — выслали архитектурный проект, при этом воспользовались проектом церкви св. кн. Ольги в имении Михайловка (вблизи Петергофа), ранее возведенной в русско-византийском стиле столичным архитектором Д.И. Гримом¹²³⁶.

Присланный проект был рассмотрен директором городских общественных работ Г. Панцерисом, а затем передан местному греческому архитектору Христосу Цолинасу, который исполнил все рабочие чертежи, произвел в 1901–1902 гг. строительство храма и благоустройство прилегающей территории¹²³⁷. Церковь освятили в честь небесной покровительницы супруги «гегемона» Георга, принцессы Марии (имя Мария к тому же носила и одна из дочерей королевы Ольги). 24 декабря 1902 / 6 января 1903 гг., накануне Рождества, храм св. равноап. Марии Магдалины был освящен митрополитом Критским Геннадием в присутствии принца Георга и королевы Ольги, а также офицеров размещенных на острове российских частей и флота.

«Русская церковь», как ее стали называть на Крите, стоит на высоком подклете. Ее центральный кубический объем увенчан пирамидальной кровлей и изящной главкой на высоком тонком барабане. Нижний регистр обнесен

---

¹²³⁵ См.: В пороховом погребе Европы. 1878–1914. М., 2003. *Капнист И.* Исторический очерк Крита // Русская мысль. СПб., 1899. Ч. 20. Кн. 2.

¹²³⁶ *Талалай М.Г.* Русская церковь на острове Крит (Посмертная постройка петербургского зодчего Д. И. Гримма) // История Петербурга. № 2 (12). 2003. С. 65–66.

¹²³⁷ *Хаду-Блаца Е.* Ханья за городскими стенами. Афины, 1998 (на греч. яз.).

с трех сторон галереей с полуциркульными арками, стоящими на массивных кувшинообразных балясинах. От греческих церковных построек храм отличается нарядными красками: голубой, красной, желтой. Внутренний зал, вмещающий около ста человек, украшен высоким однорядным иконостасом, четыре иконы которого на золотом фоне исполнили русские художники, и хрустальным паникадиллом. Стены не были расписаны, и в целом интерьер производит впечатление строгой сдержанности. Вокруг храма был разбит сад с пальмами и другими экзотическими растениями. Более пяти лет церковь использовалась принцем Георгом и сотрудниками российского консульства на Крите, которые также проживали в Халепе¹²³⁸.

Правление принца Георга на Крите осложнялось сопротивлением местных республиканцев: несколько раз вспыхивали беспорядки и даже вооруженные столкновения. В итоге в 1908 г. должность верховного комиссара была отменена, и «гегемон» покинул Крит, ставший с 1913 г. частью Греции. Уезжая с острова, в особом письме принц Георг выразил желание передать церковь св. равноап. Марии Магдалины при своей бывшей резиденции муниципалитету Ханьи — в знак благодарности за гостеприимство города. С этого времени «русский храм» являлся муниципальной собственностью и в дальнейшем, как и ранее, прихода не имел.

В XIX в. была устроена часовня на острове Сфактирия в память русских моряков, погибших в знаменитой Наваринской битве 1827 г., предопределившей создание независимой Греции. В ходе битвы 59 чинов российского флота были убиты, и их погребли в братской могиле на острове Сфактирия. За последующие 45 лет братская могила пришла в запустение, и в 1872 г. по инициативе командующего отрядом русских судов в Средиземном море контр-адмирала И.И. Бутакова экипаж клипера «Жемчуг» устроил надгробие. Видимо, тогда же рядом была построена небольшая деревянная часовня в русском стиле. С этого времени многие капитаны оказывавшихся в греческих водах русских кораблей считали своим долгом посетить памятное место. Так, командир клипера «Крейсер» капитан 2-го ранга А.А. Остолопов в мае 1887 г. констатировал хорошее состояние памятника и часовни при нем, но в своем рапорте

---

¹²³⁸ Русские храмы и обители в Европе. С. 120–121; *Талалай М.Г.* Русская церковь на острове Крит (Посмертная постройка петербургского зодчего Д.И. Гримма).

генерал-адмиралу высказал мнение о желательности замены деревянной ограды на чугунную, с большим пространством внутри нее (для разросшихся кипарисов).

Вскоре подобная ограда была установлена. В апреле 1895 г. командир канонерской лодки «Кубанец» капитан 2-го ранга Ф.Ф. Вишневецкий так описывал мемориал: «...памятник представляет параллелепипед из мраморных досок, на верхней стороне которого надпись; он окружен красивой железною решеткою, поставленной на гранитном фундаменте, и внутри ограды посажено несколько миртов и кустов петушков. Как ограда и замки, так и памятник оказались в порядке, понадобилось лишь выкрасить ограду и иконостас в молитвенном доме, что и было исполнено. Памятник со стороны рейда и моря совершенно не виден, о чем можно пожалеть». В конце XIX в. российское правительство вело переговоры с Грецией по поводу установки достойного мавзолея погибшим при Наварине. Однако предложенный район «Диспоти Табури» российские власти не устроил, и было решено оставить прежнее место на острове Сфактирия, где, как писали греческие газеты, в 1894 г. правительство России «собирается сделать грандиозный мемориал на месте захоронения русских моряков, погибших в Наваринской битве». Но мемориал остался в прежнем виде. К началу Первой мировой войны состояние памятника было хорошим, но часовня обветшала и требовала замены¹²³⁹.

В начале XX в. российское правительство получило разрешение османских властей на поднятие останков русских моряков с затонувшего во время Хиосской битвы линейного корабля «Евстафий». Для их погребения была приобретена территория на острове Хиосе, принадлежавшая греческой церкви св. Георгия, а несколько позднее и сама церковь. На купленном большом участке земли планировалось возвести мавзолей, однако последующие события помешали реализовать эти планы¹²⁴⁰.

В 1872 г. в главном городе Северной Греции — Салониках было устроено небольшое подворье (конак) русского афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря, не имевшее своего храма. С этой целью обитель приобрела дом

---

¹²³⁹ Жалнина-Василькиоти И.А. Русские военно-морские кладбища в Греции // Кортик. 2009. № 9.

¹²⁴⁰ Там же.

и провела его ремонт для своих нужд¹²⁴¹. Вскоре после начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — 29 августа 1877 г., Салоникское подворье было разгромлено, а пребывавшие на нем монахи (о. Алексей и др.) подверглись тюремному заключению¹²⁴². После окончания войны подворье было восстановлено и продолжило свою деятельность.

В 1881 г. на торжества в честь коронации российского императора Александра III в Салоники были посланы из Свято-Пантелеимоновского монастыря иеромонах, иеродиакон и небольшой хор певчих для совершения 15 мая в российском консульстве литургии и молебствия. Через два дня — 17 мая консул Якобсон лично прибыл на Афон в монастырь, чтобы еще раз отпраздновать в русской среде это знаменательное событие¹²⁴³. В 1886 г. вместо о. Иоанникия (Якименко) новым заведующим подворья был назначен о. Илиодор (Абрамов-Мастеров)¹²⁴⁴.

Еще 5 апреля 1884 г. старец о. Иосиф приобрел участок в центре Салоник, вблизи городской набережной (в квартале Бару, на проезде, в 1910-е гг. названном ул. Ники), за 2812 лир (24 183 рубля), но возведение нового здания подворья на нем началось только через 15 лет. Основные строительные работы продолжались около двух лет. В 1899–1900 гг. на них израсходовали 2647 лир (22 803 рубля), а всего — 3565 лир. В результате под руководством заведующего подворьем иеромонаха Илиодора (Саввина) было возведено трехэтажное здание с устроенной на верхнем этаже домовою церковью св. вмч. Пантелеимона Целителя, свт. Николая Чудотворца и св. вмч. Дмитрия Солунского. Братия Руссика изготовила в монастыре для этого храма 46 рам, 6 дверей, престол, 5 форм, дверь и т.п. Участок, на котором располагалось подворье, был довольно значительным — 928 на 180 метров и к 1918 г. оценивался в 167 тысяч франков. Новое здание было освящено 1 ноября 1900 г. экономом метоха Каламария иеромонахом Памфилом в присутствии российского консула Николая Александровича Иларионова, активно помогавшего строительству. Главный же строитель — иеромонах

---

¹²⁴¹ АРПМА, оп. 47, д. 158, док. 5426, л. 1; оп. 49, д. 2, док. 4020, л. 82 об.

¹²⁴² Там же, оп. 10, д. 130, док. 4441, л. 153.

¹²⁴³ Там же, д. 64, док. 4399, л. 8.

¹²⁴⁴ Там же, оп. 47, д. 160, док. 5624.

Илиодор (Саввин) скончался через три дня после этого события — 4 ноября в Константинополе¹²⁴⁵.

В том же месяце насчитывавшая шесть человек братия перешла из старого здания подворья в новое. Его экономом был назначен иеродиакон Андрей (в миру Андрей Степанович Жеков; 1865–1921), который с 1899 по 1906 и в 1909 г. по благословению старцев Руссика находился в распоряжении российского генерального консула в Салониках и принимал активное участие в строительстве зданий подворья и русской больницы¹²⁴⁶. В ответ на письма игумена Руссика о. Андрея Салоникскому митрополиту Афанасию от 9 и 20 декабря 1900 г., владыка 12 января 1901 г. разрешил совершать литургию в подворской церкви на выданном митрополией антиминос. 22 июня 1901 г. церковь св. вмч. Пантелеимона Целителя, свт. Николая Чудотворца и св. вмч. Димитрия Солунского была освящена иерейским чином, а 10 февраля 1908 г. освящена Салоникским митрополитом Геннадием в присутствии российского генерального консула Лобачева¹²⁴⁷.

Заведующим (настоятелем) подворья в 1903–1907 и 1913–1916 гг. служил иеромонах Адриан (в миру Андрей Васильевич Сафонов; 1863–1933), в 1907–1911 и 1916 — феврале 1917 гг. — иеромонах Симеон (в миру Дмитрий Дмитриевич Булатов; 1856–1924)¹²⁴⁸. В мае 1909 г. на подворье пребывали иеромонахи Серафим, Ирон, схимонах Герасим, 25 монахов и 3 послушника¹²⁴⁹. Они полностью занимали новое здание, а лавочки при нем до Первой Балканской войны (1912) сдавались в аренду за 100 турецких лир в год.

Во время имяславской смуты 1912–1913 гг. Салоникским подворьем заведовал иеромонах Доримедонт (Кудинов). 12 июня 1913 г. все шесть насельников подворья дали подписи о том, что они «непринужденно повинуются» воле Константинопольского Патриарха и «принимают» постановление Российского Святейшего Синода с осуждением имяславцев. В этот момент на подворье проживали: иеромонахи Доримедонт (Кудинов), Пантелеимон

---

¹²⁴⁵ АРПМА, оп. 10, д. 108, док. 130, л. 48, 198, 110 об.

¹²⁴⁶ Там же, д. 221, док. 4661, л. 2; Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 388.

¹²⁴⁷ АРПМА, оп. 10, д. 108, док. 130, л. 111, 211–212.

¹²⁴⁸ Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 393.

¹²⁴⁹ АРПМА, оп. 10, д. 142, док. 141, л. 15–15 об.

(Медведев) и 4 монаха. К 1 июля 1913 г. их число сократилось до 5 человек: 1 иеромонаха и 4 монахов¹²⁵⁰.

Насельники Свято-Пантелеимоновского монастыря, Свято-Андреевского скита и келлиоты приняли участие в постройке и содержании в Салониках русской больницы св. вмч. Димитрия Солунского (Солунь — древнее славянское название Салоник), учрежденной по инициативе российского консула А.А. Гирса¹²⁵¹. Идея ее создания появилась в 1903 г., а попечительство строительства лечебницы было образовано при российском генеральном консульстве в Салониках после поступления первых пожертвований на заседании 7 января 1905 г. Значительную часть этих пожертвований внесла братия Руссика, при этом и Братство русских обителей (келлий) Афона в дальнейшем пожертвовало на устройство и содержание больницы более 10 тысяч рублей. Участок земли площадью в 11 тысяч квадратных пик (13 тысяч квадратных сажень) был приобретен у болгарской общины в наиболее чистой и здоровой части города.

Строительные работы велись в 1905–1909 гг. при непосредственном участии насельников Свято-Пантелеимоновского монастыря. Так, 4 апреля 1909 г. консульство по поручению Комитета попечительства русской лечебницы в Салониках попросило игумена Руссика о. Мисаила в ближайшее время прислать иеромонаха Андрея (в миру Андрея Степановича Жекова) «для принятия на себя наблюдения за работами по постройке», поскольку архитектор закончить их не может. При этом о. Андрей ранее с большой пользой для дела уже участвовал ранее в работе комитета¹²⁵².

29 августа 1909 г. состоялось XXIII заседание комитета, которое подвело итог основных строительных работ. В нем приняли участие председатель — управляющий генеральным консульством А.М. Петряев, семь членов комитета, среди них представители Руссика иеромонах Серафим и заведующий работами иеромонах Андрей, секретарь, почетный член — действительный статский советник А.А. Гирс, русский доктор Шабунин и местный болгарский врач Руменов. В кассе комитета в это время находилось 1127 турецких

---

¹²⁵⁰ АРПМА, оп. 10, д. 155, док. 145, л. 59, 129.

¹²⁵¹ Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. С. 141–144.

¹²⁵² АРПМА, оп. 44, д. 15, док. 3919, л. 23–24.

лир, в том числе 263 пожертвованных императором Николаем II на устройство хирургического кабинета, и 58 лир, внесенных Мордвиновой на оборудование аптеки. На заседании было решено устроить клиническую больницу с амбулаторным приемом, аптекой и бактериологическим кабинетом. Так как в основном предполагалось лечить местное население, планировалось подготовить младший медицинский персонал из его среды и вести просветительскую работу среди населения — распространять листовки и брошюры на местных языках с изложением правил гигиены и т.д.¹²⁵³

Через несколько дней, 1 сентября, прошло расширенное совещание Комитета попечительства русской лечебницы в Салониках с участием, помимо насельников Руссика, впервые приехавших с Афона представителей Свято-Ильинского скита, Братства русских обителей (келлий), болгарского Зографского монастыря и русской келлии св. Игнатия Богоносца, т.е. обителей, внесших свои пожертвования. Совещание отметило благополучное завершение строительства больницы (в которой продолжалась внутренняя отделка) и единогласно приняло ее наименование — «Русская лечебница во имя св. вмч. Димитрия Солунского». Также было решено устроить особую палату с двумя бесплатными койками для афонских монахов, которой присвоить название: «Афонская палата». Кроме того, совещание постановило оказать помощь пособиями пострадавшему населению Македонии и принять на работу в лечебницу, помимо русского, и местного врача¹²⁵⁴.

При больнице в 1909 г. была устроена маленькая домовая церковь св. вмч. Димитрия Солунского. Настоятелями этого храма с самого начала по традиции служили иеромонахи Свято-Пантелеимоновского монастыря¹²⁵⁵. 16 января 1910 г. председатель Комитета попечительства русской лечебницы в Салониках Г.В. Чирков написал игумену Мисаилу, что ввиду полного окончания работ по ее внутренней отделке на 24 января намечено освящение и торжественное открытие больницы, и просил прислать представителей братии для участия в этом торжестве. Игумен ответил Чиркову, что из-за сильного волнения на море может направить только пребывавших в Салониках представителей

---

¹²⁵³ АРПМА, оп. 10, д. 115, док. 4649, л. 19–23.

¹²⁵⁴ Там же, л. 16–18.

¹²⁵⁵ Русские храмы и обители в Европе. С. 115–125.

Руссика — иеромонахов Андрея и Серафима, которые и приняли участие в освящении здания больницы, открытой 1 февраля 1910 г.¹²⁵⁶

В следующем году в Санкт-Петербурге была издана брошюра о постройке и открытии лечебницы, в которой отмечалось, что она была создана «как учреждение общепольное и, в частности, необходимое для подачи медицинской помощи нуждающимся в ней жителям Македонии (насчитывающей тогда два с половиной миллиона жителей), лишенных возможности иметь собственные больницы. Больница позднее была передана под покровительство русского правительства»¹²⁵⁷. Для обсуждения важнейших вопросов и ведения дел в лечебнице было учреждено особое попечительство в российском генеральном консульстве в Салониках.

В дальнейшем русская лечебница успешно работала около 15 лет. Так, в ее отчете за июнь 1914 г. указывалось, что в этом месяце было принято 292 амбулаторных больных, в том числе 11 монахов; находилось на излечении 28 стационарных больных, из них 4 монаха (директором больницы в 1910–1921 гг. был госпитальный хирург приват-доцент К.С. Софотеров). Российский генеральный консул в Салониках В.Ф. Каль пожертвовал в операционную икону, а различные афонские монахи — 15 книг духовно-нравственного содержания, 42 картинки, 2 лампы, 2 куса полотна, 4 бутылки красного вина и т.д.¹²⁵⁸

Значительную помощь в устройстве упомянутых храмов оказывали российские консулы в Салониках, которые зачастую были непосредственно связанными с Церковью людьми. В частности, занимавший должность консула до Февральской революции 1917 г. Сергей Алексеевич Клименко с 1924 г. служил помощником секретаря, а в 1941–1941 гг. и секретарем Епархиального совета русской Западно-Европейской епархии (экзархата), возглавляемой митрополитом Евлогием (Георгиевским)¹²⁵⁹.

Свято-Пантелеимоновский монастырь с XI в. имел свой метох (имение) Кассандра с построенной в 1865 г. каменной церковью св. вмч. Пантелеимона на соседнем с Афоном Кассандрийском полуострове. Там производились

---

¹²⁵⁶ АРПМА, оп. 44, л. 13, док. 3830, л. 222–224.

¹²⁵⁷ Шабунин И.Я. Очерк сооружения русской лечебницы во имя святого великомученика Димитрия Солунского. СПб., 1911. С. 2–4.

¹²⁵⁸ АРПМА, оп. 10, л. 180, док. 163, л. 199.

¹²⁵⁹ Церковное обозрение. Белград. 1943. № 1. С. 8.

посевы пшеницы, и проживало несколько человек братии. К 1874 г. был куплен дополнительный участок земли стоимостью 6500 турецких лир. В число сооружений метоха входили: двухэтажный братский корпус 1880 г. постройки с 12 братскими келиями, маслособня, две водяные мельницы, хлебопекарня, корпус, занятый мастерскими, конюшней и складом, овчарня и другие сельскохозяйственные постройки. Общая площадь земли составляла 450 десятин, в том числе 300 десятин пахотной и 50 луговой земли¹²⁶⁰.

Духовником братства Кассандрийского метоха в 1908–1917 гг. служил иеросхимонах Андрей (Жеков); экономом до 1 февраля 1912 г. был о. Викторин (Яицкий), которого сменил монах Артемий (Бражкин). Во время имяславской смуты, в июне 1913 г., все 11 насельников метоха дали подписи о том, что они «непринужденно повинуются» воле Константинопольского Патриарха и «приемлют» постановление Российского Святейшего Синода с осуждением имяславцев. В этот момент в метохе Кассандра проживали 1 схимонах и 10 монахов¹²⁶¹.

Вблизи Салоник Свято-Пантелеимоновский монастырь несколько веков имел еще один метох — Каламария, центральная часть которого состояла из пятиэтажной башни (пирга) 1835 г. постройки, обстроенной несколькими кельями и обнесенной каменной стеной для защиты от пиратов (сейчас Каламария — район г. Салоники) В центральном дворе метоха имелась старинная церковь свт. Николая Чудотворца, в северо-восточной стене которой к 1904 г. появилась сильная трещина, позднее исправленная¹²⁶².

В число сооружений метоха также входили: двухэтажный братский корпус 1884 г. постройки с 12 братскими келиями и еще одной — домовою церковью свт. Николая Чудотворца на верхнем этаже (освященной в 1886 г.), хлебный амбар 1853 г. постройки, корпус с мастерскими, дом для паломников, склад сельскохозяйственных орудий 1909 г. постройки, ветряная мельница, конюшня и другие сельскохозяйственные постройки. Общая стоимость произведенных в 1853–1886 гг. строительных работ

---

¹²⁶⁰ АРПМА, оп. 10, д. 189, док. 166, л. 19.

¹²⁶¹ Там же, д. 155, док. 145, л. 64, 129.

¹²⁶² Русский монастырь святого великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской. С. 178–179.

составила 5760 турецких лир. Общая площадь пахотной земли составляла 610 десятин (4606 стрем), на ней выращивались пшеница, ячмень, овес, рожь и бобы. Кроме того, имелись виноградник, масличный сад (614 деревьев) и шелковичный сад (1904 дерева); площадь луговой земли составляла 113, 5 десятин¹²⁶³.

Экономом метоха до 1 февраля 1912 г. был о. Неемия (Шуваев), которого сменил монах Анания (Вахтин), занимавший этот пост до 12 февраля 1923 г. Во время имяславской смуты, 16 июня 1913 г., все 15 насельников метоха дали подписи о том, что они «непринужденно повинуются» воле Константинопольского Патриарха и «приемлют» постановление Российского Святейшего Синода с осуждением имяславцев. В этот момент в Каламарийском метохе проживали иеромонах Елезвой, 10 монахов, 3 рясофорных инока и послушник¹²⁶⁴.

На расположенном между Кассандрой и Афоном полуострове Сики (ныне Ситонья) Свято-Пантелеимоновский монастырь имел третий метох, представлявший собой земельный участок без церкви, который периодически затопливался водой. Там находился лишь небольшой домик, где летом проживали несколько насельников, занимавшихся заготовкой сена. Площадь луговой земли этого метоха составляла 13 десятин¹²⁶⁵.

В 1869 г. русский афонский Свято-Андреевский скит по совету своего ктитора известного писателя и путешественника Андрея Николаевича Муравьева приобрел участок земли в Восточной Македонии вблизи небольшого греческого города Кавала, где устроил свой метох Нузы. Площадь имения составила 6 тысяч десятин земли, на которой имелось два лимана, защищенных горами, а также удобная морская бухта «Левтерополь». По преданию, на этих горах имел свою крепость царь Александр Македонский, а на одной из гор, именуемой Орлиной, некогда подвизался в пещере св. Иоанникий Великий. При имении была устроена церковь св. ап. Андрея Первозванного, в начале XX в. в метохе обычно проживало около 30 насельников

---

¹²⁶³ АРПМА, оп. 10, д. 189, док. 166, л. 18–18 об, 23–28.

¹²⁶⁴ Там же, д. 155, док. 145, л. 53–53 об, 129.

¹²⁶⁵ Русский монастырь святого великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской. С. 179.

скита¹²⁶⁶. Выгодное стратегическое положение бухты даже вызвало интерес у императора Николая II во время его приема представителей скита в Зимнем дворце в 1914 г.

Осенью 1915 г. Кавала была занята воевавшими в годы Первой мировой войны на стороне Германии болгарскими войсками, и Свято-Андреевский скит на время потерял свой метох Нузлы, что очень негативно сказалось на благосостоянии обители. Причем около 20 русских монахов при явном попустительстве местной греческой администрации были объявлены военнопленными. В конце 1915 г. среди части афонитов возникла тревога в связи с опасениями, что болгарская армия оккупирует и Святую Гору. Поэтому российский генеральный консул в Салониках В.Ф. Каль обратился в Министерство иностранных дел с докладом о необходимости ввести на Афон отряд военнослужащих Антанты, но министр Сазонов тогда не нашел возможным это сделать¹²⁶⁷.

В 1917 г. имение Нузлы было возвращено скиту, но всего лишь на несколько лет. Уже в 1924–1925 гг. Свято-Андреевский скит и Свято-Пантелеимоновский монастырь потеряли все указанные метохы, которые были отчуждены греческим государством и заселены беженцами — греками из Малой Азии¹²⁶⁸.

После начала Первой мировой войны через Грецию (Афины и Салоники) в Россию уехали некоторые члены Русской духовной миссии в Святой Земле, которых турецкие власти изгнали из Иерусалима. Так, 1 января 1915 г. в сопровождении настоятеля русской афинской церкви архимандрита Сергия (Дабича) в Россию были переправлены 42 монашествующих этой миссии. Из Салоник 31 декабря 1914 г. уехали в Петроград и 30 монахинь и послушниц Иерусалимской Горненской обители¹²⁶⁹.

В период Первой мировой войны — в марте 1916 г. на Салоникский (Македонский) фронт (открытый в сентябре 1915 г.), где армия Антанты сражалась

---

¹²⁶⁶ Альбом видов Русского Свято-Андреевского скита на Афон. (Виды обители, церквей, подворий и проч.). Одесса, 1914. С. 28.

¹²⁶⁷ АРПМА, оп. 10, д. 155, док. 145, л. 122 об.

¹²⁶⁸ Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. С. 67–68.

¹²⁶⁹ Кудрявцева В.П. Православные монастыри и Первая мировая война // Линтула. Сборник научных статей. Вып. 7. СПб., 2014. С. 95.

против австро-венгерских и болгарских войск, были перевезены из албанского г. Шкодера остатки русского морского артиллерийского отряда капитана 1-го ранга Миклашевского, который воевал в Сербии с ноября 1914 г. В июне — июле 1916 г. на Салоникский фронт прибыли 2-я и 4-я особые пехотные бригады Российского экспедиционного корпуса — так называемые бригада св. Михаила под командованием генерал-майора Дитерихса и бригада св. Георгия под командованием генерала Леонтьева. Бригады отправлялись в Грецию из Архангельска через Францию, где они получали вооружение и обеспечение вспомогательных служб (связи, тыловой и медицинской).

Первые русские солдаты высадились в салоницком порту 30 июня 1916 г. По прибытии всего контингента он был включен в состав Восточной армии Антанты, насчитывавшей в целом 360 тысяч солдат: англичан, французов, сербов, итальянцев и др. В сентябре 1916 г. русские бригады приняли участие в наступлении на Флорину, где отличились массовым героизмом, понеся первые потери. Зимой 1916/1917 гг. шли преимущественно позиционные и некропролитные бои, однако много солдат погибло в результате антисанитарной обстановки и различных эпидемий. Весной 1917 г. русские бригады вновь участвовали в нескольких наступательных операциях.

В составе бригад имелось военное духовенство, в том числе иеромонахи из русских обителей Афона. В 1917 г. главным священником русских войск и православных военно-походных церквей союзников на Салоницком фронте был назначен выпускник Казанской духовной академии, участник Русско-японской войны, талантливый и энергичный протоиерей Павел Яковлевич Крахмалов (1874–1949), в начале Первой мировой войны он служил военным священником в 7-й Сибирской дивизии. С июля 1916 г. о. Павел служил священником 3-го Особого пехотного полка и с 5 мая 1917 г. — благочинным обеих русских бригад на Салоницком фронте. Во время Первой мировой войны он был контужен и ранен, имел ордена с мечами, до ордена св. равноап. кн. Владимира 3-й степени включительно, и медаль «За храбрость» на Георгиевской ленте¹²⁷⁰.

Когда русские войска прибыли в район Салоник, русские афонские обители выразили им свое приветствие и преподнесли в дар святые иконы. Все

---

¹²⁷⁰ Жалнина-Василькиоти И.А. Родной земли комок сухой. Русский некрополь в Греции. М., 2012. С. 88; Косик В.И. Указ. соч. С. 215–216.

военнообязанные иноки и послушники, не имевшие возможности приехать в Россию в начале войны, отправились в Салоники, чтобы вступить в ряды армии. Еще раньше — во второй половине 1914 г. была организована русская санитарная монашеская дружина во главе с иеромонахом Елифанием для сербского фронта. Братство русских обителей (келлий) Святой Горы Афон также избрало своего представителя в комитет Русской салоникинской больницы, где лечились раненые солдаты¹²⁷¹.

6/19 августа 1916 г. после напутственного молебна в соборе св. вмч. Пантелеимона, перед честной его главой, настоятель Свято-Пантелеимоновского монастыря игумен Мисаил обратился с кратким словом к едущим в Салоники рясофорным монахам и преподавал каждому отеческое благословение. Испросив прощения у братии, отъезжающие отправились на пристань, откуда на греческом пароходе выехали к месту своего служения¹²⁷².

С 1917 г. по благословию игумена Мисаила насельники Руссика — иеросхимонах Андрей (Жеков), иеромонахи Серафим (Булатов) и Феодор (Константинов) стали активно сотрудничать со 2-й бригадой Российского экспедиционного корпуса. При этом отец Серафим (Булатов) с 6 февраля 1917 г. служил главным духовником корпуса, лично выполняя на фронте необходимые требы. Отец Андрей не только духовно окормлял русских солдат, но в качестве фельдшера и санитаря помогал раненым. Во время одной из бомбардировок Салоник немецкими самолетами он был ранен в ногу и три месяца пролежал в русской больнице. 7 марта 1918 г. за усердное исполнение своих обязанностей отцы Андрей (Жеков), Серафим (Булатов) и Феодор (Константинов) были награждены командиром 2-й бригады Тарановским в г. Верия орденом Святой Анны 3-й степени. 17 марта 1920 г. за участие в боевых действиях на Салоникиском фронте и проявленное при этом мужество и любовь к солдатам о. Серафим был возведен митрополитом Платоном (Рождественским) в сан архимандрита и награжден золотым наперсным крестом. Только 19 декабря 1920 г. он вернулся в свой монастырь¹²⁷³.

---

¹²⁷¹ Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. С. 67, 167–169.

¹²⁷² Там же.

¹²⁷³ Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 389, 393, 416.

Братия Свято-Пантелеимоновского монастыря также оказывала различную помощь частям союзников, воевавших на Салоникском фронте. 9 апреля 1916 г. командующий Восточной армией генерал Саррайль отправил игумену Мисаилу благодарственную телеграмму: «Я был весьма тронут подарками и благожеланиями, полученными от знаменитого монастыря Святого Пантелеимона на Афоне главнокомандующим Восточной французской армией. За все сие сердечно благодарю. Из сего я усматриваю символ все крепнущей связи между Францией и доблестной Россией». 6 сентября того же года начальник интендантства в Салониках французский офицер Боре выслал игумену Мисаилу благодарность за присланную икону св. вмч. Пантелеимона и т.д.¹²⁷⁴

4 января 1917 г. на территорию Афона на двух французских пароходах и миноносце прибыл русско-французский отряд во главе с капитаном Жиделем в составе 100 российских солдат под командованием поручика Дитша (прибывших из Архангельска через Францию) и 50 французов, который находился там около шести месяцев — до начала июля. В течение этого времени российское влияние на Афоне значительно усилилось¹²⁷⁵.

После Февральской революции 1917 г. положение русских войск в Греции кардинально изменилось, в бригадах началось брожение, сначала небольшое, но со временем перешедшее в развал всей пехотной дивизии, в которую в июне 1917 г. были объединены русские части (под общим командованием генерала Дитерихса). Дисциплина резко упала, происходили случаи отказа выхода на позиции, а также братания с болгарами и дезертирства. К началу 1918 г., как писал о. Павел Крахмалов, «состояние духа русских солдат [было] очень подавленное. Лишенные всякой нравственной поддержки, не понимающие политической обстановки момента, они производят вид людей, совершенно отчаявшихся в улучшении своей участи. А из России доходят лишь грустные новости, по которым можно лишь предполагать близкую гибель их дорогой России... Известно, что теперь солдаты смеются над теми, кто читает даже Евангелие». При этом на примерно 60 воинских частей к весне 1918 г. осталось всего два православных священника, которые

---

¹²⁷⁴ Там же, л. 54–54 об.

¹²⁷⁵ Там же, д. 170, док. 154, л. 1–2.

физически были не в состоянии посетить своих духовных детей более одного раза в год¹²⁷⁶.

В январе 1918 г. русская дивизия официально была расформирована, солдатам объявили, что они поступают в распоряжение французского правительства, и значительная часть их продолжила воевать на Салоникском фронте¹²⁷⁷. Так, например, 14 марта 1918 г. российское консульство в Салониках передало своему корреспонденту на Афоне А.А. Павловскому письмо командира 2-й Особой пехотной дивизии генерал-майора Тарановского от 10 марта с предложением русскому афонскому монашеству «прийти на помощь соотечественникам». Генерал писал, что большая часть рабочих батальонов, сформированных из бывших частей дивизии и остающихся в тылу Восточной армии, не имеет военных священников, и просил направить в Верюю для соответствующей службы семь афонских иеромонахов, обещая им питание и небольшое денежное вознаграждение. 26 марта А.А. Павловский в письме игумену Мисаилу попросил назначить нескольких кандидатов, отметив, что к этому времени ряд иеромонахов Руссика уже обслуживали религиозные потребности солдат на Салоникском фронте¹²⁷⁸.

Это обращение было исполнено. По просьбам командира 2-й Особой пехотной дивизии и российского генерального консула в Салониках Собор старцев Свято-Ильинского скита также отправил для обслуживания духовно-религиозных потребностей русских частей иеромонахов Павла (Закутнева) и Дамиана (Полущука)¹²⁷⁹.

Всего за годы Первой мировой войны в российскую армию было мобилизовано около 700 русских афонитов (в том числе из Руссика более 100), и назад на Святую Гору из них вернулось лишь несколько десятков человек. Первые призванные в армию насельники Руссика вернулись в свою обитель летом 1918 г. В конце весны было принято решение демобилизовать из русских частей на Балканах солдат старших возрастов, и 23 мая А.А. Павловский написал об этом настоятелю Свято-Пантелеимоновского монастыря игумену

---

¹²⁷⁶ Косик В.И. Указ. соч. С. 216.

¹²⁷⁷ Митрович Б. Революција у Русији и руске трупе на Солунском фронту // Историјски гласник. Београд. 1957. № 3–4.

¹²⁷⁸ АРПМА, оп. 10, д. 180, док. 5377, л. 68–69.

¹²⁷⁹ Феннелл Н., Троицкий П., Талалай М. Указ. соч. С. 233.

Мисаилу, приложив проект прошения на имя начальника русской военной базы полковника Эверса о возвращении монахов, отправленных на Салоникский фронт. 2 июня игумен отправил подобное прошение генерал-майору Тарановскому, и вскоре несколько насельников вернулись в монастырь¹²⁸⁰.

Возвращение других демобилизованных монахов продолжалось до конца 1920 г., так как они были вывезены англичанами вместе с некоторыми российскими частями в Египет. Таким образом, русские священнослужители, и прежде всего афонские иеромонахи, много сделали для окормления и укрепления боевого духа сражавшихся на Балканах российских войск, внося вклад в общую победу.

Уже вскоре после заключения в ноябре 1918 г. перемирия между странами, воевавшими на Салоникском фронте, из Греции в Россию выехало более 11 тысяч солдат и офицеров бывшей 2-й Особой пехотной дивизии. Однако в Греции продолжали оставаться сотни российских военнослужащих, не желавших возвращаться на родину, а также раненых и больных, находившихся на излечении в русских, английских, французских госпиталях. Часть из них в дальнейшем стала постоянными жителями страны и волилась в российскую диаспору, которая вскоре начала быстро расти.

После революционных событий 1917 г. и поражения Белой армии в Гражданской войне в Грецию прибыло значительное количество российских эмигрантов. Первая заметная группа беженцев прибыла в Грецию в апреле 1919 г. вместе с эвакуированными с Юга России греческими войсками. Затем стали регулярно приходить корабли с ранеными солдатами и офицерами Белой армии. В частности, 6 марта 1920 г. в Пирей из Новороссийска прибыл приспособленный под госпитальное судно пароход «Херсон», имевший на борту 1042 раненых и больных. К середине мая 1920 г. общее число эмигрантов достигло 3500, из них около 2000 в Афинах (в том числе 1000 военнослужащих) и около 1500 в Салониках (из них 944 солдата и офицера)¹²⁸¹.

---

¹²⁸⁰ АРПМА, оп. 10, д. 180, док. 5377, л. 70.

¹²⁸¹ ГАРФ, ф. 5778, оп. 1, д. 1, л. 78; Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская белая эмиграция в Салониках (1918–1980-е годы) // Еженедельник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. М., 2011. С. 121.

17 ноября 1920 г. в Грецию после семилетнего отсутствия с разрешения премьер-министра Е. Венизелоса, который за три дня до этого потерпел поражение на выборах, вернулась вдовствующая королева-мать Ольга Константиновна. Следует отметить, что последние годы ее жизни были омрачены рядом трагических обстоятельств. После убийства в 1913 г. мужа короля Георга I взойшедший на престол сын — король Константин резко изменил политическую ориентацию, сблизившись с Германией. Незадолго до начала Первой мировой войны Ольга Константиновна вернулась в Россию, где работала в госпиталях, помогая раненым. В тот период королева проживала в Константиновском дворце (в Стрельне, под Петроградом), после революции 1917 г. потеряла убитыми от рук большевиков многих друзей и родственников.

Так как накануне возвращения Ольги Константиновны в Грецию ее внук — молодой король Александр скоропостижно умер, она стала на один месяц (до возвращения из изгнания сына — короля Константина) регентом Элады с титулом «королева-мать и правительница». После возвращения своим духовником Ольга Константиновна попросила быть протоиерея Павла Крахмалева. Правительница не осталась в стороне от беды своих прежних соотечественников. В конце 1920 г. по просьбе генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, в связи с эвакуацией частей Белой армии из Крыма, и по ходатайству королевы Ольги греческое правительство дало согласие принять в страну еще 1742 русских эмигранта. Из них 1000 человек были отправлены на проживание в Салоники, остальных разместили в Афинах¹²⁸².

Поскольку в Греции находились два русских госпиталя (в Пирее и Салониках), преимущество для въезда в страну предоставили больным и раненым военнослужащим, которых по указанию Ольги Константиновны размещали в этих лечебницах. Личное приглашение от королевы и от греческого правительства получили морские офицеры, в прошлом находившиеся на службе в Средиземноморской флотилии. Уже первые группы российских беженцев получили заметную помощь от русского госпиталя в Пирее. К 25 мая 1919 г. там было собрано 14 645 драхм, собрали и выдали 302 предмета одежды и обуви; неимущие получили свыше 2000 обедов,

---

¹²⁸² ГАРФ, ф. 5778, оп. 1, д. 1, л. 139.

наконец, 125 человек нашли приют и лечение в стенах больницы. Наибольшее количество беженцев, живших одновременно при госпитале, доходило до 75 человек¹²⁸³.

С начала 1920 г. больных и раненых в русском Пирейском госпитале содержало французское правительство, затем через несколько месяцев — греческое. Однако после разгрома греческой армии турками и начавшихся в Малой Азии репрессий против мирного населения в Грецию хлынул миллионный поток собственных беженцев. В свете этих событий с 1 мая 1921 г. больных и раненых русских военнослужащих сняли с довольствия, и они должны были освободить греческие госпитали для прибывающих из Малой Азии беженцев-греков¹²⁸⁴.

В начале 1921 г., после семилетнего перерыва, появились русские паломники на Афоне. Первыми паломниками были казаки с острова Лемнос или из Галлиполийских лагерей, часто не имевшие никакого вида на жительство. Вслед за ними появились российские эмигранты, трудившиеся на соседних с Афоном рудниках, которые также искали работы на Святой Горе, затем — беженцы из русских лагерей в Македонии и других частях Греции. С зимы 1921/22 г. они начали почти ежедневно пребывать в Свято-Пантелеимоновский монастырь, иногда группами по четыре — шесть человек, причем большинство приходило нелегально. Часть из них помогала братии по хозяйству, а некоторые хотели остаться на долгое время, не считаясь с тем, что, по свидетельству очевидца этих событий М. Прохорова, подвергали опасности обитель, «не имеющую права без особого на то разрешения держать у себя русских». Многие из этих паломников очень нуждались, и братия помогала им, нередко отдавая неимущим одежду и обувь из последних запасов. Монастырская больница постоянно обслуживала паломников и, несмотря на запрещение Кинота, Руссик подолгу принимал некоторых паломников, особенно желавших совершить монашеский постриг. Больные же всегда оставались в монастырской лечебнице до полного выздоровления или смерти. В последнем случае они погребались братией обители¹²⁸⁵.

---

¹²⁸³ Русская газета. Афины. 1919. № 9. 2 июня. С. 2.

¹²⁸⁴ ГАРФ, ф. 5778, оп. 1, д. 84, л. 2.

¹²⁸⁵ АРПМА, оп. 10, д. 196, док. 169, л. 3 об-4.

По официальным данным, в 1921 г. в стране находилось 31,5 тысяч российских эмигрантов (в основном казаков на острове Лемнос), в том числе полторы тысячи в Афинах и две тысячи в Салониках (их называли «левкороссос», т.е. «белыми русскими»). В этих двух городах были созданы русские гимназии. Кроме того, в 1920-е гг. из СССР в Грецию репатриировалось около 100 тысяч российских греков, так называемых понтийцев, или «россопонттов»¹²⁸⁶.

Уже осенью 1918 г. в Афинах по инициативе российского императорского посланника в Греции Е.П. Демидова и его супруги С.И. Демидовой был образован Союз помощи русским в Греции. С.И. Демидова стала его председателем, а генеральный консул России в Пирее Иван Николаевич Хаджи-Лаззаро (1880–1960) — секретарем. В задачи Союза входило определение нуждающихся в русские лагеря беженцев, их трудоустройство, размещение и питание, оказание бесплатной медицинской помощи, направление русских неимущих эмигрантов в соответствующие греческие учреждения, выдача справок, денежных пособий и т.п. 31 мая 1919 г. работавший в тесном контакте с различными российскими гражданскими, военными и духовными представителями в стране Союз помощи русским в Греции открыл в Афинах лагерь для бесплатного помещения неимущих российских беженцев¹²⁸⁷.

В конце 1918 г. Союз обратился за содействием к своим соотечественникам — монахам, пребывавшим на Святой Горе. Все русские обители Афона откликнулись на этот призыв. Наибольшую помощь оказал Свято-Пантелеимоновский монастырь, в январе 1919 г. Братство русских обителей (келлий) пожертвовало 280 драхм, братья Свято-Ильинского скита — 30 драхм и т.д.¹²⁸⁸

В первой половине марта 1919 г. афонский корреспондент российского консульства в Салониках А.А. Павловский, согласно постановлению совместного заседания представителей русских святогорцев от 4 марта, запросил мнение главных русских обителей Афона о возможности создания

---

¹²⁸⁶ Талалай М.Г. Русские церковные общины в Греции в межвоенный период // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е годы. Вып. 2. СПб., 2005. С. 124–125.

¹²⁸⁷ См.: Союз помощи русским в Греции // Русская газета. Афины. 1919. № 8. 29 мая; Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская белая эмиграция в Салониках (1918–1980-е годы) С. 121–122.

¹²⁸⁸ АРПМА, оп. 10, д. 180, док. 163, л. 192.

на Святой Горе местного комитета (отделения) Союза помощи русским в Греции. 16 марта настоятель Свято-Пантелеимоновского монастыря архимандрит Мисаил ответил, что его братия сама затрудняется заняться организацией комитета, но если другие обители захотят, она не будет против. В конце концов о желании открыть на Афоне отделение Союза помощи русским в Греции сообщили лишь насельники Свято-Ильинского скита, и оно не было создано¹²⁸⁹.

Когда в середине февраля 1920 г. через салоникийского консула русским обителям на Афоне поступило письменное предложение российского посланника в Афинах принять тысячу человек раненых русских солдат и офицеров, на эту просьбу последовал отказ. Так, Духовный Собор старцев Свято-Ильинского скита в ответном письме от 24 февраля сообщил, что «для названных раненых у нас найдутся помещения на 30 чел. и, с великим трудом, кое-какие кровати, хотя совершенно голые, ибо у нас нет ни тюфяков, ни простыней, ни подушек, ни одеял. У нас также нет для них ни белья, ни медикаментов. О продовольствии и говорить нечего, ибо мы крайне нуждаемся не только в самых необходимых продуктах, но и в насущном куске хлеба. Поэтому всем понятно, что упомянутые раненые не могут у нас находиться»¹²⁹⁰. В результате раненые русские солдаты на Афон не прибыли.

12 марта 1920 г. в Грецию приехал эвакуированный на пароходе из занимаемого Красной армией Новороссийска митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий). 25 марта, на Благовещение, он прибыл в Афины. Пасхальную заутреню владыка Антоний отслужил с митрополитом Афинским Мелетием в присутствии большого количества духовенства и короля. На Фоминой он служил один в соборе и говорил поучение по-русски, которое переводил на греческий архимандрит Хризостом (будущий архиепископ Афинский и всей Эллады). После проповеди владыку Антония, по свидетельству очевидцев, почти на руках внесли в алтарь и целовали обе руки со всех сторон.

После Фоминой недели владыка просил, чтобы его отпустили на Афон, но митрополита упростили остаться на торжественную встречу в Академии наук,

---

¹²⁸⁹ Там же, л. 207–207 об; Феннелл Н., Троицкий П., Талалай М. Указ. соч. С. 244–245.

¹²⁹⁰ Феннелл Н., Троицкий П., Талалай М. Указ. соч. С. 67, 255.

где в присутствии архиереев, духовенства и семинаристов были прочитаны рефераты о его сочинениях. Через несколько дней греческое правительство выделило митрополиту Антонию 15 тысяч драхм¹²⁹¹. В конце апреля владыка уехал на Святую Гору, где пробыл почти пять месяцев.

Также в марте 1920 г. около двух тысяч донских казаков и более полутора тысяч гражданских беженцев вместе с 10 православными священниками и епископом Екатеринославским и Новомосковским Гермогеном (в миру Григорием Ивановичем Максимовым) были эвакуированы из Новороссийска на греческий остров Лемнос (по-гречески Лимнос). Ожидая разрешения на высадку, эмигранты несколько недель провели на борту судов у острова, встретив там Пасху.

По воспоминаниям графини М.А. Граббе, на святой вторник протоиерей Георгий Голубцов в трюме парохода «Брауенфельз» провел общую исповедь и отслужил обедню. В своей проповеди о. Георгий призывал: «Нельзя винить большевиков, когда вся русская интеллигенция поступает не лучше, пора опомниться, образумиться, обратиться к Церкви, каяться, и тогда Господь спасет Россию — только тогда, когда все достаточно покаются и соединятся в общей настойчивой, неутомимой молитве». М.А. Граббе вспоминала, что «о. Георгий говорил с необыкновенной силой, иногда беспощадно громил и с огромной верой закончил словами: “На колени, — повторяйте за мной, — каюсь, каюсь. Каюсь”. Прочитал разрешительную молитву. Почти все плакали. Затем началась обедня. После обедни о. Георгий обошел все трюмы и причастил больных... 3 апреля нас выгрузили на берег»¹²⁹².

Крайне тяжелые условия жизни — в палатках на голой земле, без отопления, должного питания и медицинского ухода уже весной 1920 г. вызвали высокую смертность. В марте — мае протоиереи Константин Ярмольчук и Георгий Голубцов отпевали умерших почти каждый день. На июнь 1920 г. в лагерях беженцев находились 3569 эмигрантов (из них 1138 детей), и более 80 к тому времени уже умерли и были похоронены на русском кладбище в Калоераки¹²⁹³.

---

¹²⁹¹ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 80.

¹²⁹² Колупаев В.Е. Русские в Магрибе. История русских общин в Африке в XX веке. М., 2009. С. 119–120.

¹²⁹³ Решетников Л. Русский Лемнос. М., 2012. С. 9, 13, 17–18, 113.

Уже в середине апреля была создана первая церковь в Донском лагере: в большой палатке из подручного материала соорудили иконостас, многие казаки пожертвовали свои иконы. 28 апреля генерал П.П. Калитин в рапорте генералу П.Н. Врангелю в Константинополь просил прислать все необходимое для устройства храма. В первой половине мая в больших палатках были оборудованы еще две церкви, многие беженцы стали певчими, алтарниками, псаломщиками. Хор донской церкви под управлением профессора И.В. Татаркина быстро стал известен не только среди русских эмигрантов, но и в окрестных греческих селах и г. Кастро (Мирина). Как отмечал в своем дневнике управляющий отделом народного просвещения Всевеликого войска Донского В. Светозаров, «теплая молитва в скромных храмах-палатках смягчает страдания, вносит дух примирения с неотвратимыми и неизбежными ударами судьбы и дает возможность отдохнуть и успокоиться больному и истерзанному сердцу русского беженца»¹²⁹⁴.

Владыка Гермоген находился на острове вместе с сыном около полутора, совершая богослужения в устроенной им походной церкви Вознесения Господня. Епископ был тепло принят митрополитом Лемносским Стефаном, в середине мая 1920 г. они провели совместное богослужение в одной из палаточных церквей. Затем по приглашению митрополита владыка Гермоген совершил богослужения с четырьмя русскими священниками и тремя диаконами на церковнославянском языке в соборах городов Кастро и Мудрос. Беженцы воспринимали это как проявление солидарности и поддержки греками русских братьев-единоверцев.

Кроме того, казаки фактически восстановили старинную полуразрушенную церковь Святых Апостолов в г. Мудросе, и в дальнейшем русские священники совершали там службы на церковнославянском языке. Русское духовенство служило также в греческой церкви с. Портяну, богослужения на церковнославянском периодически проводились и в новом Благовещенском соборе г. Мудроса.

У греков остались добрые воспоминания о казаках как об очень верующих людях, однако некоторые национальные устраиваемые русскими беженцами богослужения вызывали у них недоумение. Так, когда в связи

---

¹²⁹⁴ Решетников Л. Русский Лемнос. М., 2012. С. 15–16.

с приближавшимся праздником Пасхи, в Страстной четверг русские шли после вечернего богослужения со свечами в руках, с тем чтобы донести горящий огонек до своего жилища, «единоверные греческие крестьяне, не зная о таком обычае, в страхе останавливали прохожих на улице и говорили, что еще нет Пасхи, “Христос не воскрес”»¹²⁹⁵.

Сохранилось свидетельство, что епископ Гермоген в июне 1920 г. отказался на острове Лемносе служить панихиду по Николаю II, ссылаясь на то, что император отрекся от престола. Согласился отслужить эту панихиду также приехавший в марте 1920 г. на Лемнос последний протопресвитер военного и морского духовенства Российской империи о. Георгий Иванович Шавельский (1871–1951), но, по свидетельству известного психиатра Н. Краинского, не по царю, а просто по рабу Божию Николаю, ведь он — «бывший самодержец»¹²⁹⁶.

Однако это свидетельство отчасти опровергается «Архипастырским воззванием к донским казакам» владыки Гермогена от 1 января 1922 г., написанным на Афоне. В нем епископ писал: «...когда организуется новая Донская армия, и все будет готово на врага, тогда дайте мне знать, и где бы я ни был, я, ваш архипастырь, готов идти с вами. Я пойду впереди вас с животворящим Крестом в руках, и буду благословлять ваше победное шествие на помощь России восстановить престол царский, вернуть народу русскому его законного царя. И пусть на знаменах ваших крупными огненными, как меч херувима, словами будет написано “Боже, Царя храни”»¹²⁹⁷.

13 августа 1920 г. епископ Гермоген поселился на Афоне по протекции митрополита Антония (Храповицкого). Архиепископ Нестор (Анисимов) так писал об этой истории: «Энергичный, предприимчивый, сильный духом, он однажды в начале тяжелого периода беженства с острова Лемноса на малой утлой рыбацкой лодке приплыл на Афон за 50 с лишним морских миль. Целую неделю пробыл владыка... в море среди бури, ветра и непогоды, одинокий

---

¹²⁹⁵ Колупаев В.Е. Указ. соч. С. 158.

¹²⁹⁶ Косик В.И. Указ. соч. С. 388–389.

¹²⁹⁷ Знаменательный юбилей. 50-летие священнослужения архиепископа Гермогена Екатеринбургского и Новомосковского, архипастыря Донской армии. 29 июня 1886 года — 29 июня 1936 года. Белград, 1936. С. 25–26.

на утлой лодочке. На Афон прибыл он, движимый великой ревностью увидеть и преклониться перед святыней православного иночества»¹²⁹⁸.

Епископ действительно приплыл на Святую Гору на рыбацком баркасе Пантократорского монастыря вместе с полковником К.В. Прокошевым и диаконом Михаилом. Сначала он посетил Пантократор, затем Свято-Ильинский и Свято-Андреевский скиты, а 28 августа прибыл в Свято-Пантелеимоновский монастырь, где ему была устроена торжественная встреча. Владыка Гермоген сказал братии слово, в котором «просил принять его, как “странника” из общей нам земли России», и отметил: «Пройдет еще несколько времени, Бог смиляется над бедной Россией, порядок восстановится, тогда они, архипастыри, будут обязаны опять явиться на свои паствы»¹²⁹⁹. В этот же день епископ встретился с митрополитом Антонием (Храповицким).

1 октября 1920 г. владыка Гермоген служил в престольный праздник Кивонии в Покровском соборе Руссика, а 3 октября его проводили в Дафну для отъезда в Россию, но из-за отсутствия парохода он 5 октября возвратился в монастырь. Лишь 31 октября епископ приехал с Афона в Салоники, однако там российский консул сказал ему, что дело Врангеля проиграно, Южная армия готовится к эвакуации из Крыма, и посоветовал не выезжать с Афона. В результате владыка через несколько дней возвратился в Свято-Пантелеимоновский монастырь, а 20 января 1921 г. уехал на жительство в скит Новая Фиваида¹³⁰⁰.

Епископ Гермоген часто служил в храмах разных монастырей Святой Горы и имел теплые личные отношения с настоятелями многих афонских обителей: Свято-Пантелеимоновского монастыря — архимандритом Мисаилом, Свято-Андреевского скита — архимандритом Митрофаном, Свято-Ильинского скита — архимандритом Иоанном, скита Новая Фиваида — иеросхимонахом Ионией, сербского монастыря Хиландар — архимандритом Митрофаном и болгарского монастыря Зограф — архимандритом Владимиром¹³⁰¹.

---

¹²⁹⁸ Вернувшийся домой. Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова) / Авт.-сост. О.В. Косик. Т. 1. М., 2005. С. 346.

¹²⁹⁹ АРПМА, оп. 10, д. 170, док. 154, л. 62.

¹³⁰⁰ Там же, л. 65–66.

¹³⁰¹ Знаменательный юбилей. С. 28–29.

27 июля 1921 г. владыка служил литургию во время престольного праздника св. вмч. Пантелеимона в Руссике. В ноябре того же года он участвовал в работе Первого Всеаграничного Русского Церковного Собора в Сремских Карловцах (Королевство сербов, хорватов и словенцев), на несколько недель покинув Святую Гору. 2 января 1922 г. епископ Гермоген высоко оценил переданное ему на отзыв Отеческое послание игумена и братии Свято-Пантелеимоновского монастыря православному карпато-русскому народу от 30 ноября 1921 г. и в своей резолюции написал, что этот труд желательнее напечатать в большом количестве экземпляров для распространения на Карпатской Руси¹³⁰². 21 апреля 1922 г. владыка Гермоген навсегда покинул Афон в связи с его планируемым назначением управляющим русской епархии в Греции. Собравшейся проводить братии Руссика епископ сказал краткое прощальное слово и через Дафну уехал в Салоники¹³⁰³, а затем — в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия).

В октябре 1920 г. уехали с Лемноса в Болгарию протопресвитер Георгий Шавельский и протоиерей Георгий Голубцов. В дальнейшем они некоторое время служили в русской церкви свт. Николая Чудотворца в Софии (о. Георгий Шавельский в 1926 г. перешел в юрисдикцию Болгарской Православной Церкви), и оба скончались в Болгарии.

Казачи же еще несколько лет жили на Лемносе, более того, в ноябре — декабре 1920 г. их число здесь многократно увеличилось — на острове в лагерьх был размещен эвакуированный из Крыма Кубанский казачий корпус (около 16 тысяч человек), а затем частично и Донской казачий корпус (свыше 8 тысяч человек), в составе которых имелось военное духовенство — более 20 полковых священников: протоиереи Иаков Попов, Андроник Федоров, иереи Михаил Шишкин, Николай Рудников, Михаил Мишин и др. Возглавляя это духовенство епископ Севастопольский (будущий митрополит) Вениамин (в миру Иван Афанасьевич Федченков, 1880–1961), в 1919–1920 гг. служивший епископом Белой армии и флота войск Юга России. Благодетельными на Лемносе были митрофорные протоиереи Георгий Гончаров, Димитрий Труханов и протоиерей Петр Соцердотов. Все они были уважаемы казаками

---

¹³⁰² АРПМА, оп. 10, д. 193, док. 4410, л. 22 об.

¹³⁰³ Там же, д. 170, док. 154, л. 73.

за самоотверженность (многие служили в госпиталях корпусов) и стремление разделить тяготы военной службы со своей паствой. Так, например, упоминавшийся протоиерей Константин Романович Ярмольчук с марта 1920 г. служил на Лемносе законоучителем в Донском атаманском военном училище и священником в госпитале Красного Креста. Трое из священнослужителей скончались и были похоронены на острове: протоиерей 3-го Донского казачьего Калединского полка Петр Андреевич Федоров (1855 — 2 июля 1921), священники 1-го (инфекционного) Кубанского госпиталя Михаил Николаевич Зубилин (1873 — 21 февраля 1921) и Василий Иванович Царевский (Царенко; 1883 — 27 ноября 1921)¹³⁰⁴.

Вскоре во всех полках и юнкерских училищах по инициативе самих казаков были созданы походные церкви в палатках и бараках, украшенные женами офицеров. В каждой такой церкви имелся хор из казаков, а на службах в храмах Мудроса и Портиану пел хор, созданный в Донском казачьем корпусе хорунжим С.А. Жаровым, который в последующие десятилетия приобрел своими выступлениями мировую славу. В своих воспоминаниях Сергей Жаров писал, что изнуренных духовно и физически казаков сильно привлекала мудросская церковь, которую греки передали русскому духовенству. Здесь в четверг на Страстной неделе 1921 г. жаровский хор впервые пропел всю службу, затем он стал давать концерты в лагерях беженцев.

В другом хоре — полковой палаточной церкви Донского лагеря начал свою музыкальную деятельность еще один известный хормейстер русского зарубежья — донской казак Н.Ф. Кострюков. В палаточной церкви 1-й Донской дивизии хором руководил сам командир дивизии генерал Г. Татаркин. В составе Кубанского корпуса на Лемносе оказалось около 20 певчих известного еще до 1917 г. кубанского казачьего хора, они создали большой хоровой коллектив, который пел на церковных службах в храме с. Портиану и давал концерты в лагере в Калоераки. Следует отметить, что в мудросской церкви Святых Архангелов богослужения до сих пор совершаются перед русскими иконами, подаренными казаками. На большие церковные праздники они переносятся в Благовещенский собор города¹³⁰⁵.

---

¹³⁰⁴ Решетников Л. Указ. соч. С. 32–33.

¹³⁰⁵ Там же. С. 33–34.

Помимо церквей казаки создали гимназии, школы, библиотеку-читальню, курсы иностранных языков, электротехники, детский сад, два самостоятельных театра и т.д. На острове также действовали Донское атаманское военное училище, Кубанское Алексеевское военное училище и офицерские курсы. В феврале 1921 г. на Лемносе проживало 19 893 русских эмигранта, а в апреле этого года — 20 774. Всего же через остров прошли свыше 30 тысяч офицеров, солдат, казаков, членов их семей и гражданских беженцев из России¹³⁰⁶.

При этом условия жизни здесь оставались очень тяжелыми. Вследствие голода, эпидемий и холода в некоторые месяцы умирало по 20 человек в день. В результате на Лемносе возникло два больших русских кладбища, на которых были похоронены не менее 380 человек, в том числе 82 ребенка и пять представителей духовенства — трое православных и двое буддийских (калмыков). В течение июня — декабря 1921 г. все казаки вместе с военным духовенством были вывезены с острова в Болгарию и Королевство сербов, хорватов и словенцев. С января 1922 г. по март 1924 г. на Лемносе оставались лишь двое чинов Донского казачьего корпуса, в обязанности которых входил уход за русскими кладбищами¹³⁰⁷.

В дальнейшем число эмигрантов из России продолжало сокращаться. В 1923 г., согласно докладу правления «Совнарода», ситуация с ними была следующей: «Общее число русских беженцев в Греции в настоящее время достигает 8–10 тысяч человек, большинство из которых прибыло с о. Лемноса после разрешения греческого правительства, часть из Галлиполи и часть прибывает из Сербии, переходя тайно границу Греции. Из этого числа рядовых казаков, вахмистров и подхорунжих — 60%, рядового офицерства — 20%. И знати, и высшего офицерства — 20%. 80% беженцев бывшей врангелевской армии находятся на работах в шахтах, рудниках, каменоломнях, заводах и на полевых работах и виноградниках. Оплата труда русских, не знающих греческого языка, ниже рабочих греков и других национальностей, а также потому, что русские беженцы, не имея средств к жизни, идут на всякую

---

¹³⁰⁶ Решетников Л. Указ. соч. С. 5, 26–27; Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. С. 91, 118.

¹³⁰⁷ Йованович М. Указ. соч. С. 118; Косик В.И. Указ. соч. С. 400.

оплату. До прибытия беженцев-греков из Малой Азии работу можно было найти, но после, а также вследствие пошатнувшегося экономического состояния страны не только работы не стало, но даже немногие, работавшие на фабриках и заводах, выбрасывались вон и заменялись греческими беженцами и демобилизованными»¹³⁰⁸. В 1924 г. во всей Греции проживало лишь 3 тысячи русских эмигрантов, в 1928 — 2 тысячи, а в 1935 — 2200¹³⁰⁹.

Большую роль в поддержке беженцев и развитии их церковной жизни в начале 1920-х гг. сыграла королева Ольга Константиновна, однако это продолжалось недолго. После поражения в греко-турецкой войне — в 1923 г. ее свергнутому с престола Константину и другим членам королевской семьи пришлось покинуть страну. 14 мая 1925 г. Ольга Константиновна поселилась в Риме у сына Христофора, где и умерла в изгнании 19 июня 1926 г. Некоторое время ее прах покоился в русской церкви Рождества Христова во Флоренции, а в 1936 г. был перевезен в Грецию, где его захоронили в бывшей королевской резиденции. В своем завещании королева элинов распорядилась передать в пирейскую церковь св. кн. Ольги четыре знамени 2-й Особой русской дивизии, воевавшей на Салоникском фронте.

В 1918 г. настоятелем церкви св. кн. Ольги в Пирее был назначен упоминавшийся протоиерей Павел Яковлевич Крахмалов. После роспуска российского Балканского корпуса он остался в Греции и в феврале 1918 г. был командирован в Салоники, в русский госпиталь. Здесь он принял святыни походных церквей расформированных российских полков и маршевых батальонов, став их хранителем. Помимо обязанностей при больнице, протоиерей в это время являлся и заведующим русским участком на союзническом кладбище Зейтенлик в окрестностях Салоник, в часовне которого одно время также хранилось церковное имущество бывшей 2-й Особой пехотной дивизии Македонского фронта¹³¹⁰.

В конце 1918 г. о. Павел по приглашению королевы Ольги Константиновны переехал в Пирей. Имея высокий авторитет в среде русской эмиграции,

---

¹³⁰⁸ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. М., 2001. С. 253.

¹³⁰⁹ Йованович М. Указ. соч. С. 118, 121–122; Косик В.И. Указ. соч. С. 400.

¹³¹⁰ Жалнина-Василькиоти И.А. Родной земли комок сухой. С. 89; ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 231, л. 31.

он в ноябре — декабре 1921 г., вместе с проживавшим в это время в Афинах известным историком Г.В. Вернадским, участвовал в работе Первого Русского Всеаграничного Церковного Собора в Сремских Карловцах в качестве представителя от русских общин Греции, на котором был избран членом Высшего Русского Церковного Управления за границей. Указом Зарубежного Архиерейского Синода от 26 апреля 1922 г. о. Павел был назначен благочинным всех русских православных церквей в Эладском королевстве (греческие иерархи считали подобные назначения неканоничными), летом того же года он вошел в состав русского Епархиального совета в Греции¹³¹¹.

Посольский Свято-Троицкий храм в Афинах после революции еще некоторое время действовал при Российской дипломатической миссии, которую с 1912 г. возглавлял последний императорский посланник в Греции Елим Павлович Демидов — князь Сан-Дonato (1868–1943). Он и его жена, Софья Илларионовна Демидова, урожденная графиня Воронцова-Дашкова (1870–1953), известная благотворительница и уполномоченная Российского общества Красного Креста, оказывали всестороннюю помощь общине храма¹³¹². В знак признательности заслуг супругов перед церковью они были погребены рядом с ее стенами. Е.П. Демидов так же активно помогал русским святогорцам. В частности, в конце 1918 г. он занимался вопросами открытия после окончания войны Константинопольских подворий русских обитателей Афона, затем — возвращения Свято-Пантелеимоновскому монастырю изъятого под военный санаторий Преображенского корпуса, предотвращения реквизиции греческими властями метохов Руссика и т.д.

Служивший настоятелем Свято-Троицкой церкви с 1914 г. архимандрит Сергей (Дабич) в начале 1919 г. организовал издание в Афинах «Русской газеты», пытавшейся сплотить русскую общину. В своей первой редакционной статье о. Сергей писал: «В нашем горе есть еще и утешение. Мы попали

---

¹³¹¹ ГАРФ, ф. 5780, оп. 1, д. 13, л. 22; Талалай М.Г. Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Элинов Ольги Константиновны в Пирее (Греция). С. 6–7; Косик В.И. Указ. соч. С. 216; Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. М., 2007. С. 279.

¹³¹² См. Талалай М.Г. Генеалогия Демидовых князей Сан-Дonato (по зарубежным источникам) // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. Сост. Н. Г. Демидова. М., 2003. С. 117–119.

в Грецию, страну Сократа, Платона, Аристотеля, Демосфена, Софокла, Перикла и великих греков, давших опору государственности, цивилизацию, красоту жизни. Мы находимся в Афинах, городе мифической древности, тех Афинах, одно имя которых волнует сердца культурнейших людей. Нас приютил благородный народ, у которого есть все данные стать достойными своих предков»¹³¹³. Только в 1919 г. вышло 20 номеров «Русской газеты». Настоятель Свято-Троицкой церкви принимал большое участие в жизни колонии выходцев из России. В частности, он стал учредителем русско-греческой гимназии в Афинах, стремился помочь русским монахам Афона.

10 августа 1919 г. архимандрит Сергей приехал в афонский Свято-Пантелеимоновский монастырь. В сопровождении российского консульского корреспондента А.А. Павловского он около полутора недель объезжал русские скиты и келлии Святой Горы, выясняя их положение и проблемы. Однако 21 августа о. Сергей и Павловский были арестованы и на следующий день принудительно высланы с Афона. Причиной ареста якобы послужило совершенное архимандритом нарушение постановления Протата о непременной явке всех приезжих на Святую Гору в Кинот. Арестованных на мулах под охраной солдат доставили в Дафну, где держали до прибытия парохода под караулом в комнате конака Руссика. Больше архимандрит на Афон допущен не был¹³¹⁴.

После ссоры о. Сергия с П.Е. Демидовым митрополит Платон (Рождественский) 9 декабря 1920 г. уволил архимандрита от должности настоятеля Свято-Троицкой церкви, временно лично сменив его на этом посту. В 1921 г. о. Сергей покинул Грецию, летом того же года он был рекомендован для участия в Русском Всезарубежном Церковном Соборе в Сремских Карловцах (Королевство сербов, хорватов и словенцев), однако получил отказ от организационного комитета, и в работе Собора не участвовал¹³¹⁵. 1 марта 1922 г. архимандрит был назначен благочинным русских церквей в Центральной и Южной Европе. В 1923 г. он познакомился в Мюнхене с католическим

---

¹³¹³ См.: Русская газета: Орган русской общественно-политической мысли за границей / Ред.-издатель архим. Сергей (Дабич). 1919. Афины. № 1.

¹³¹⁴ АРПМА, оп. 10, д. 170, док. 154, л. 44.

¹³¹⁵ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 1.

епископом Мишелем д'Эрбиньи, под чьим влиянием 6 октября 1923 г. перешел в католичество с сохранением восточного обряда и сана архимандрита. В дальнейшем о. Сергей изучал в Париже католическое богословие, одновременно с этим занимался пастырской работой среди русских эмигрантов под руководством епископа Эммануэля Шаптале¹³¹⁶.

Отец Сергей был запрещен в священнослужении указом митрополита Евлогия (Георгиевского) от 8 декабря 1923 г. В 1925 г., разочаровавшись в совершенном им поступке и полагая, что работа при епископе Шаптале не соответствует его сану и возможностям, архимандрит оставил Париж. Позднее он вел страннический образ жизни, жил в различных католических монастырях, неоднократно пытаясь вернуться в Православную Церковь¹³¹⁷.

В своих воспоминаниях митрополит Евлогий отмечал: «До сих пор тяжелым камнем лежит у меня на душе последняя предсмертная переписка с о. Дабичем, который так рвался опять вернуться в лоно православия... "Петлю на шею я себе накинул", писал он о своем католичестве». Однако в православие архимандрит Сергей вернуться не успел, в 1927 г. он проживал в Неаполе и в Папской Греческой коллегии св. Афанасия в Риме, а скончался 8 июля того же года от внезапной болезни (бронхита) в итальянском г. Сан-Ремо¹³¹⁸.

С завершением настоятельства о. Сергея закончилась эпоха, когда из России, по согласованию с Министерством иностранных дел и за его счет, в Афины высылались священники-архимандриты (помимо жалования причту, МИД ежегодно выплачивал две тысячи рублей на содержание храма). После установления советской власти в России общине в Афинах пришлось приспособляться к новым условиям и перестраивать свою жизнь на гораздо более бедных беженских началах. В нее вошло много других славян-эмигрантов, в особенности сербов, так что Свято-Троицкую церковь в 1920-е гг. даже иногда называли «русско-сербской» (некоторое время она находилась под

---

¹³¹⁶ Антоний (Храповицкий), митр. Архимандрит Сергей // Новое время. 1923. 5 декабря.

¹³¹⁷ См.: Голованов С.В. Биографический справочник деятелей русского католического апостольства в эмиграции 1917–1991 годов. М., 2005.

¹³¹⁸ Нивьер А. Указ. соч. С. 432–433; Троицкий П. История русских обитателей Афона в XIX–XX веках. С. 187; Третьякевич Л. Д'Эрбиньи и русская эмиграция // Вестник русского христианского движения. 2004. № 167.

официальным покровительством дипломатической миссии Королевства сербов, хорватов и словенцев в Афинах)¹³¹⁹.

В начале 1921 г. должность настоятеля Свято-Троицкой церкви занял протоиерей Сергей Снегирев, с 1920 г. служивший помощником настоятеля. Он родился в Костромской губернии, после окончания Костромской духовной семинарии принял священнический сан и был определен на церковную службу в храмах русской Северо-Американской епархии. Отец Сергей прибыл в США в 1913 г. и начал служить вторым помощником настоятеля кафедрального Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке. Он также был казначеем Епархиального совета Северо-Американской епархии (до 1914 г.), преподавал в духовной семинарии в г. Тенефлае (штат Нью-Джерси), затем, вероятно, вернулся в Россию и в 1920 г. эмигрировал в Грецию. В Афинах протоиерей был директором русской гимназии, и в 1922–1925 гг., до переселения в Болгарию, снова служил помощником настоятеля, а также периодически исполнял обязанности настоятеля Свято-Троицкого храма¹³²⁰.

Следует упомянуть, что кроме Свято-Троицкого храма, в Афинах в 1920-е гг. действовала Свято-Варваринская церковь при русском общежитии госпиталя № 4 Российского общества Красного Креста, настоятелем которой служил священник Григорий Агафоникиади¹³²¹.

Представителем русских церковных властей в Греции с 1919 г. до своего отъезда в США в начале апреля 1921 г. являлся будущий глава Северо-Американской митрополии митрополит Платон (в миру Порфирий Федорович Рождественский, 1866–1934), хотя до ноября 1920 г. он проживал в основном на занятом Белой армией Юге России. 29 ноября 1920 г., на третьем заседании Высшего Русского Церковного Управления за границей в Константинополе владыка Платон был временно назначен настоятелем Свято-Троицкой церкви в Афинах¹³²².

---

¹³¹⁹ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 231; *Талалай М.Г.* Русская община в Афинах // *Православная энциклопедия*. Т. 4. Москва, 2002. С. 98–101.

¹³²⁰ ГАРФ, ф. 5780, оп. 1, д. 13, л. 22, ф. 6343, оп. 1, д. 231, л. 17, 36.

¹³²¹ *Там же*, ф. 6343, оп. 1, д. 78, л. 1.

¹³²² *Русская Православная Церковь в Северной Америке. Историческая справка*. Нью-Йорк, Джорданвилл, 1954. С. 25.

Однако митрополиту так и не удалось разрешить вопрос организации русского прихода в Афинах. В июле 1920 г. Российская дипломатическая миссия по предварительной договоренности с владыкой Платоном приняла решение об основании при Свято-Троицкой церкви прихода, который предполагалось создать как открытую общину, подчиняющуюся греческим законам и находящуюся под верховным покровительством Эладской Православной Церкви, но обладавшую внутренней автономией. Когда митрополит Платон обратился к греческим церковным властям, то получил отказ в формировании русского прихода, под предлогом того, что сама Эладская Церковь не имеет приходской организации¹³²³.

Не увенчалась успехом и повторная попытка создания русского прихода в Афинах, последовавшая после решения Совета послов в Париже в январе 1921 г. об организации приходов в соответствии с приходским уставом, принятым на Всероссийской Поместном Соборе 1917–1918 гг. Первоиерарх Эладской Церкви митрополит Афинский Мелетий и министр иностранных дел Греции Политис сообщили российскому посланнику и митрополиту Платону, что идея организации русского прихода нарушает порядок церковной жизни в Греции, где каждый член Церкви должен независимо от своей национальности подчиняться общим правилам местной церковной жизни. В разговоре с владыкой Платоном в марте 1921 г. митрополит Мелетий прямо заявил, что придание русскому приходу статуса юридического лица почти совершенно исключено, хотя он лично и готов всячески помогать русским в сплочении вокруг их церкви. Для успокоения владыки Платона митрополит добавил, что русской церкви в Греции, даже в случае появления в Афинах советского посольства, не угрожает опасность потери своего статуса и тем более закрытия, так как она действует в православной стране. Кроме того, выяснилось, что в Афинах не существует достаточно крупной и богатой колонии русских, которые могли бы без особых усилий содержать церковь и членов ее причта¹³²⁴.

В этой ситуации Е.П. Демидов решил вместо прихода организовать «Союз русских православных христиан в Греции» — духовно-просветительское

---

¹³²³ Йованович М. Указ. соч. С. 268.

¹³²⁴ Там же.

общество, устав которого находился бы в соответствии с духом определений Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. и в то же время отвечал требованиям греческих законов. Это хорошо продуманная инициатива увенчалась успехом, и 23 июня 1921 г. греческий суд утвердил устав союза, благодаря чему последний получил статус юридического лица. Устав, предполагавший «удовлетворение духовных, нравственных и общественных потребностей эмигрантов» и «поддержание в надлежащем состоянии русской православной церкви Св. Троицы», был также рассмотрен Высшим Русским Церковным Управлением за границей. Председателем союза оказался выбран настоятель храма протоиерей Сергей Снегирев, а его заместителями — С.И. Демидова и Л.А. Сенько-Поповский (о. Сергей являлся председателем «Союза русских православных христиан» до конца 1925 г.). При этом Свято-Троицкая церковь еще несколько лет оставалась в ведении Российской миссии, а ее настоятель числился в списке дипломатов. В первые годы своего существования Союз регулярно проводил церковные собрания и об их решениях извещал митрополита Антония (Храповицкого) и Высшее Русское Церковное Управление за границей¹³²⁵.

В феврале 1923 г. Е.П. Демидов, предвидя признание Грецией советской России и приезд в Афины ее представителей, передал в распоряжение «Союза русских православных христиан в Греции» Свято-Троицкую церковь и храм св. кн. Ольги в Пирее. В марте того же года Совет послов прекратил высылать из Парижа средства на содержание причта¹³²⁶. Недостаток средств на содержание Свято-Ольгинского храма вынудил Союз обратиться за помощью к правительству Королевства сербов, хорватов и словенцев, которое сразу же взяло церковь под свое покровительство с выплатой необходимого содержания¹³²⁷.

В 1922 г. «Союз русских православных христиан в Греции» предпринял попытку пригласить в Афины на постоянное место жительства русского архиерея. 17/30 мая этого года Высшее Русское Церковное Управление за границей указом № 248 постановило учредить Греческую епархию и назначило

---

¹³²⁵ ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 119, л. 116–117, ф. 6343, оп. 1, д. 231, л. 17.

¹³²⁶ Там же, ф. 6112, оп. 1, д. 30, л. 6.

¹³²⁷ Косик В.И. Указ. соч. С. 216.

управляющим русскими церковными общинами в Греции, Северной Африке и на Кипре с резиденцией в Афинах неоднократно упоминавшегося ранее епископа Екатеринославского и Новомосковского Гермогена (Максимова), который одновременно занял пост настоятеля Свято-Троицкого храма при Российской миссии на земле Эллады¹³²⁸.

В конце мая 1922 г. епископ Гермоген поселился в Афинах, где первоначально был в целом дружественно принят митрополитом Афинским Феофилом (правда, тот отказался утвердить права епископа как епархиального архиерея, даже с условием распространения его власти только на русских прихожан). Владыка Гермоген, согласно указу № 310 Высшего Русского Церковного Управления за границей от 13 июля 1922 г., учредил Временный Епископский (Епархиальный) совет из избранных верующими двух священнослужителей и двух мирян под своим председательством¹³²⁹, организовал канцелярию.

12 мая 1922 г. настоятель Свято-Ольгинской церкви в Пирее протоиерей Павел Крахмалев указом Высшего Русского Церковного Управления за границей был перемещен на пост настоятеля Свято-Троицкой церкви в Афинах, а на его место назначен протоиерей Сергей Снегирев. Это решение встретило сопротивление со стороны российского посланника в Греции Е.П. Демидова, который заявил, что храм Пресвятой Троицы является посольской церковью, и назначение его настоятеля надо согласовывать с руководством российского дипломатического корпуса — Советом послов в Париже. Русская миссия в лице Е.П. Демидова отказала в признании нового настоятеля и в отпуске средств на его содержание до получения указаний по этому вопросу от Совета послов¹³³⁰. В результате о. Павел остался настоятелем Свято-Ольгинской церкви.

Дополнительные сведения об управлении русской приходами в Греции имеются в докладной записке «Об образовании Высшего русского Церковного Управления за границей», которую протоиерей Павел Крахмалев 20 апреля

---

¹³²⁸ Церковные ведомости. Белград. 1922. № 10–11. С. 12; 1923. № 23–24. С. 8.

¹³²⁹ Там же. 1922. № 14–15. С. 4.

¹³³⁰ См.: Жалнина-Василькиоти И.А. Георгиевский кавалер протоиерей Павел Крахмалев (29.06.1874 [Россия] — 1949 [Греция]) // Люди и судьбы русского зарубежья. Вып. 2. М., 2014; ГАРФ, ф 6343, оп. 1, д. 231, л. 67, ф. 61, оп. 1, д. 42, л. 1

1923 г. написал архиепископу Афинскому Хризостому: «...Преосвященный Епископ Гермоген, кроме того, состоит с 30 мая 1922 года временно Управляющим Русскими православными общинами в Греции (с благословения Афинского митрополита, что объявлено в греческих официальных и духовных органах печати (в Египте и на о. Кипр)... При русской православной посольской церкви в Афинах в 1920 г. образован “Союз русских православных христиан в Греции”, устав утвержден местною греческою властью, цели деятельности Союза изложены в параграфе № 3 его устава, где сказано, что “...руководствуясь положениями, разработанными московским церковным Собором 1917–1918 г. по вопросам о православном приходе, Союз ставит своими целями: удовлетворение духовных, нравственных и общественных потребностей находящихся в Греции русских православных христиан, оказание им культурно-просветительской помощи”»¹³³¹.

Однако деятельность владыки Гермогена в Греции оказалась недолгой. В начале 1923 г., после катастрофического поражения греческой армии в войне с Турцией, в стране произошел государственный переворот, королю Константину и прежней «правительнице» Ольге Константиновне пришлось уехать из страны, митрополит Феофил был уволен. Избранный архиепископом Афинским и всея Эллады Хризостом (Пападопулос) вскоре после занятия кафедры воспротивился пребыванию в своем епархиальном городе самостоятельного русского архиерея¹³³².

Обеспокоенность новых греческих церковных властей вызывал даже официальный титул «управляющего русскими церковными общинами», поэтому в ходе визита епископа Гермогена к архиепископу Хризостому в апреле 1923 г. ему было заявлено, что Эладская Церковь считает епископа исключительно «духовным наблюдателем», который посещает своих русских братьев лишь ради их духовного совершенствования и утешения. Еще бóльшую обеспокоенность вызвала организация и начало деятельности Епископского совета, так как подобных институтов в Эладской Церкви не было¹³³³.

---

¹³³¹ ГАРФ, ф. 6112, оп. 1, д. 8, л. 2–2 об.

¹³³² Знаменательный юбилей. С. 29.

¹³³³ Йованович М. Указ. соч. С. 269.

20 сентября 1923 г. архиепископ Хризостом в письме к митрополиту Антонию (Храповицкому) предупредил его, что Эладская Церковь на своей территории не может признать за русскими права, которого и сама не имеет перед светскими властями страны, и отметил, что формирование Епархиального органа не является необходимым, поскольку в Греции существуют лишь три русские церкви и количество их прихожан очень мало. Владыка Хризостом также подчеркнул, что формирование Епископского совета или любого другого органа с законодательными функциями, у которого есть свой устав и печать, возможно лишь с разрешения светских властей Греции¹³³⁴.

Дополнительные трения вызвал вопрос о юрисдикции бракоразводных процессов. Когда Епископский совет во главе с епископом Гермогеном приступил к решению этих процессов среди русских беженцев, Эладская Церковь отреагировала на это негативно. Согласно греческому законодательству, лишь после развода гражданским судом приступали к церковно-каноническому расторжению брака. Исходя из этого, Эладская Церковь категорически отказалась признать законность бракоразводных процессов, проведенных Епископским советом¹³³⁵.

После того как Константинопольская Патриархия опубликовала апрельское, 1922 г., решение Патриарха Московского и всея России Тихона о ликвидации Высшего Русского Церковного Управления за границей, а затем отказалась признать образованный вместо последнего Архиерейский Синод в Сремских Карловцах, Эладская Церковь заняла такую же позицию. Кроме того, в июле 1924 г. Афинский архиепископ потребовал от находившегося в Греции русского духовенства, чтобы оно признало обновленческий Священный Синод в СССР, угрожая в противном случае всех их запретить в священнослужении (это требование и угроза не были выполнены)¹³³⁶.

В своем письме митрополиту Западно-Европейскому Евлогию (Георгиевскому) от 22 марта 1927 г. архиепископ Хризостом уже заявил о самопровозглашенности Русского Архиерейского Синода в Сремских Карловцах

---

¹³³⁴ ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 119, л. 2.

¹³³⁵ Йованович М. Указ. соч. С. 269.

¹³³⁶ Нафанаил (Львов), архиеп. Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. Т. 5. Нью-Йорк, 1995. С. 4.

и неканоничности его деятельности в принципе, подчеркнув: «В силу этого я не признаю присланного из Карловцев бывшим митрополитом Киевским и Галицким Антонием епископа Гермогена в качестве епископа для Греции»¹³³⁷.

Владыке Гермогену, который 2 сентября 1922 г. на Архиерейском Соборе в г. Сремские Карловцы был избран членом Архиерейского Синода, пришлось в 1923 г. уехать в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославию), где, проживая в монастырях Раваница, Раковац и Гргетек, он все-таки до 1929 г., несмотря на противодействие, управлял Греческой епархией. При этом владыка Гермоген в мае 1926 г. в г. Цетинье (Черногория), совместно с епископом Самарским Михаилом (Богдановым), участвовал в хиротонии во епископа — албанского архимандрита Виссариона (Джувани). Позднее епископ Гермоген одно время рассматривался в качестве возможного главы автокефальной Албанской Православной Церкви.

11 февраля 1925 г. исполняющий обязанности председателя Епископского Совета при Управляющем русскими православными общинами в Греции протоиерей Павел Крахмалев отправил доклад Архиерейскому Синоду РПЦЗ о церковных делах в Греции и о поощрении бывших членов данного Совета. Решением Синода от 12 марта доклад был передан на отзыв и усмотрение епископу Гермогену (Максимову)¹³³⁸. На следующем заседании — 9 апреля рассмотрение доклада о. Павла было продолжено. В этот день Архиерейский Синод постановил: «1. Предложить протоиерею П. Крахмалеву представить членов бывшего Епископского Совета к наградам, направив представление епископу Гермогену, Управляющему русскими православными церквями в Греции, с приложением сведений из послужных списков удостоиваемых и описаний их заслуг. 2. Снести от имени Председателя Архиерейского Синода с Блаженнейшим Хризостомом, Митрополитом Афинским и всея Элады, по вопросу о положении русских церквей в Греции»¹³³⁹.

---

¹³³⁷ Отношение Восточных Патриархов и других Православных Церквей к разногласиям в Зарубежной Русской Церкви // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. Париж. 1927. № 1. С. 5.

¹³³⁸ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 67, л. 5–5 об.

¹³³⁹ Там же, д. 68, л. 2 об.

В дальнейшем (12 октября 1925 г.) о. Павлу Крахмалеву было предложено докладывать о положении церковных дел русских общин в Греции напрямую епископу Гермогену.

12 ноября 1925 г. Архиерейский Синод заслушал представленную протоиереем Павлом Крахмалевым копию письма правления Союза православных христиан в Греции на имя управлявшего Русской Западно-Европейской епархией митрополита Евлогия (Георгиевского), с выражением ему, как якобы главе Зарубежной Русской Церкви, соболезнования по поводу смерти Патриарха Тихона, подписанного митрополитом Афинским и всея Эллады Хризостомом. Встретив это сообщение негативно, Синод постановил: «Уведомить прот. П. Крахмалева, что означенное обращение, как подписанное греческим митрополитом, никакого значения для русских не имеет, к тому же Митрополит Хризостом особой грамотой выразил всей Российской Православной Церкви в лице Высокопреосвященного Митрополита Антония свои соболезнования по поводу смерти Свят. Патриарха Тихона»¹³⁴⁰.

К сожалению, разногласия не обошли стороной русских священнослужителей в Греции. В частности, спорный вопрос касался взаимоотношений части прихожан Свято-Троицкой церкви в Афинах с протоиереем Сергием Снегиревым. 8 февраля 1925 г. общее собрание «Союза русских православных христиан в Греции» постановило: «Выразить живейшее удовлетворение по случаю сложений с себя протоиереем Снегиревым полномочий Председателя Союза, ухода его из настоятелей Св.-Троицкой церкви и отъезда его из Греции»¹³⁴¹. 16 сентября Архиерейский Синод РПЦЗ принял это постановление к сведению.

Через два месяца, 12 ноября, Синодом была рассмотрена представленная епископом Гермогеном переписка исполняющего обязанности настоятеля Свято-Троицкого храма протоиерея Сергия Снегирева с послом Королевства сербов, хорватов и словенцев в Афинах Марковичем по вопросу о русской церкви в Афинах. Синод поручил протоиерею Павлу Крахмалеву навести справки в Сербской миссии в Афинах по этому вопросу¹³⁴².

---

¹³⁴⁰ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 74, л. 4–4 об.

¹³⁴¹ Там же, д. 72, л. 1 об.

¹³⁴² Там же, д. 74, л. 5.

В конце 1925 г. протоиерей Сергей Снегирев уехал в Болгарию и в дальнейшем переселился из этой страны в США по приглашению возглавившего Северо-Американскую епархию митрополита Платона (Рождественского). Отец Сергей служил настоятелем русского православного собора в г. Чикаго (штат Иллинойс), был награжден митрой и скончался 25 сентября 1947 г. в Чикаго¹³⁴³.

Затронул русских священников в Греции и такой острый вопрос, как переход Элладской Церкви на новоюлианский календарный стиль. В начале января 1926 г. священник Свято-Варваринской церкви при русском общежитии госпиталя № 4 Российского общества Красного Креста в Афинах Григорий Агафоникиади в своем рапорте на имя управляющего русскими православными общинами в Греции епископа Гермогена и председателя Архиерейского Синода РПЦЗ митрополита Антония доложил о запрещении ему Афинской митрополией совершать богослужения по старому стилю и в связи с этим попросил дать ему соответствующие указания. Рассмотрев 16 января этот вопрос, Архиерейский Синод обратился к митрополиту Афинскому Хризостому с просьбой о разрешении священнику Григорию Агафоникиади «молитвенно утешать свою паству по обычаю Русской Православной Церкви, не принявшей нового стиля». Также он просил премьер-министра Греции не препятствовать совершению богослужения в церкви при русском общежитии в Афинах по старому стилю. Отцу Григорию было разъяснено, что Архиерейский Синод, «признавая, что все русские церкви богослужения должны совершать по старому стилю и верующие должны сего добиваться всеми мерами, так как новый стиль не принят еще всей Православной Церковью, в том числе и Российской, тем не менее, не желая стеснять пастырской совести его, о. Агафоникиади, в создавшейся обстановке, предоставляет ему совершать богослужения в Афинах по новому стилю, если нет никакой возможности к совершению его по старому стилю»¹³⁴⁴. Вскоре митрополит Афинский запретил священника Григория Агафоникиади в священнослужении за совершение им

---

¹³⁴³ Нивьер А. Указ. соч. С. 454. Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967; Александров Е.А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 471.

¹³⁴⁴ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 77, л. 2–2 об.

богослужения по старому стилю, а затем последовал и его временный арест. Митрополит Антоний (Храповицкий) вынужден был принять соответствующие меры, которые Архиерейский Синод одобрил 11 февраля 1926 г.¹³⁴⁵ В результате о. Григорий был освобожден и даже смог совершать богослужения по юлианскому календарю.

В январе 1927 г. епископ Гермоген (Максимов) представил Синоду рапорт священника Григория Агафоникиади от 5 января, в котором говорилось о положении церкви госпиталя Российского общества Красного Креста в Афинах и церковных делах в Греции. В связи с ходатайством епископа Гермогена Синод 26 января преподал свое благословение о. Григорию с выдачей установленной грамоты, «за ревностное служение Церкви Божией и стойкое отстаивание церковных канонов и обычаев». Также была выражена благодарность министру вероисповеданий Греции за покровительство Русской Церкви и «содействие к совершению богослужения по старому стилю»¹³⁴⁶. В дальнейшем Синод неоднократно (в частности, 2 и 31 марта 1927 г.) получал и рассматривал рапорты священника Григория Агафоникиади о положении русской православной общины в Греции¹³⁴⁷.

В 1929 г. епископ Гермоген официально перестал управлять русскими приходами в Греции. Дальнейшая судьба владыки сложилась трагически. В 1929 г. он был возведен в сан архиепископа Екатеринославского и Новомосковского, в том же году должен был поехать в США в качестве архиепископа Западно-Американского и Сан-Францисского. Но назначение в США оказалось отменено по состоянию здоровья владыки. В годы Второй мировой войны он был главой неканоничной Хорватской Православной Церкви в сане митрополита Загребского. 3 июля 1945 г. иерарха казнили югославские коммунисты¹³⁴⁸.

---

¹³⁴⁵ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 78, л. 1.

¹³⁴⁶ Там же, д. 86, л. 4.

¹³⁴⁷ Там же, д. 87, л. 5, д. 88, л. 5 об.

¹³⁴⁸ СА, д. 23/40; ВА, R 901/69670; АА, Inland I-D, 4740, 4741, 4742, 4798; Institut für Zeitgeschichte München, MA 1039; *Маевский В.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии: В 2 т. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 300–303; *Jelic-Butic F.* Ustashe i nezavisna drzava Hrvatska 1941–1945. Zagreb, 1978. S. 176 и др.; *Pavelic A.* Hrvatska pravoslavna crkva. Akta 1941–1945. Madrid, 1984. S. 7–9; *Oberknezevic M.* Raznoj pravoslavlja u Hrvatskoj i Hrvatska pravoslavna

После 1929 г. новый глава Греческой епархии Русской Православной Церкви Заграницей вместо владыки Гермогена назначен не был. В связи с изгнанием королевы Ольги Константиновны русская эмиграция в Греции лишилась своей опоры и защиты, и указами от 9 и 11 ноября 1925 г. правительство премьер-министра Пангаласа реквизирировало в пользу государства для нужд греческого флота русский военно-морской госпиталь, который до этого времени оставался одним из основных центров по оказанию помощи российским эмигрантам в Афинах¹³⁴⁹. При этом в дальнейшем оказались реквизирированы и некоторые помещения находившегося при госпитале храма св. равноап. кн. Ольги, к которому было приписано пирейское Русское кладбище.

В многочисленных протестах, адресованных в различные греческие инстанции, ее настоятель протоиерей Павел Крахмалев писал, что пирейская больница — единственное прибежище многим больным и раненым русским, потерявшим Родину и оказавшимся на чужбине. В обращениях о. Павла подчеркивалось, что ничья другая собственность в Греции — ни английская, ни французская, ни еврейская и т.д. — не оказалась затронутой. И только госпиталь русских, которые во все исторически трудные для греков времена помогали братскому народу, «приглянулся» новому правительству. На улицу фактически «были выброшены» не только больные, но и трудившиеся в больнице 27 сотрудников. Многие из них работали в госпитале с момента его основания и, имея большие семьи, не могли получить взамен других источников существования. При определении цены конфискованной собственности были озвучены довоенные цены, которые оказались в 15 раз ниже стоимости имущества в середине 1920-х гг. Русские служащие не получили никакой реальной компенсации: ни участка земли, ни другого здания. Все, что было в госпитале, мебель, оборудование, лекарства, иконы,

---

crkva. München-Barcelona, 1979. S. 251, 253; *Djuric V. Ustase i pravoslavlje. Hrvatska pravoslavna crkva. Beograd, 1989. S. 32; Pozar. P. Hrvatska Pravoslavna Crkva u proslosti i buducnosti. Zagreb, 1996. S. 103; Слиженевич Б. Югославија уору и за време Другог светског рата. Минхен, 1978. С. 172–178; Радих П. Држава и верске заједнице 1945–1970. Д. 1. Београд, 2002. С. 100–101; *Kristo Ju. Katolicka crkva i Nezavisna Drzava Hrvatska 1941–1945. Dokumenti. Knjiga druga. Zagreb, 1998. S. 272; Ego же. Sukob simbola. Politika, vjero i ideologije u Nezavisnoj Drzavi Hrvatskoj. Zagreb, 2001. S. 247.**

¹³⁴⁹ АРПМА, оп. 42, д. 566, док. 3242, л. 1.

многочисленные подарки российских офицеров и моряков — оказалось утрачено¹³⁵⁰.

16 января 1926 г. Архиерейский Синод РПЦЗ заслушал переписку о частичном секвестре русской церкви в Пирее греческими властями и о контактах по этому вопросу председателя Архиерейского Синода митрополита Антония (Храповицкого) с митрополитом Афинским Хризостомом и премьер-министром Греции. В ответ на запросы Афинский митрополит 28 декабря уведомил, что он приложил все усилия и надеется на благоприятное разрешение этой проблемы, а председатель Комитета по приему русского госпиталя в Пирее сообщил, что русские могут молиться в греческой церкви. Заслушав эти ответы, Синод решил ожидать дальнейшего развития ситуации¹³⁵¹.

В январе 1926 г. были изгнаны все священно- и церковнослужители храма св. равноап. кн. Ольги, проживавшие в церковном доме, а также реквизирован нижний этаж под храмом (крипта), занятый ризницей. В связи с этим о. Павел Крахмалев 15 сентября 1927 г. написал обращение к архиепископу Афинскому Хризостому: «В начале 1926 г. греческое министерство Морского флота, хотя в Законодательном акте Правительства Пангалоса ничего не было упомянуто о храме, принудило живущих в домике при храме, священника и штат, покинуть свой домашний очаг, не позаботившись совсем о замене крова и не приняв во внимание их, достойное сожаления и ужасное во всех отношениях, состояние, их, жертв к тому же огромной русской трагедии. Обещание, что будет предоставлена бездомным крыша, о которой позаботились бы компетентные лица, не было исполнено, несмотря на мораторий и высокий закон, защищающий в Греции “живущих под кровом”, я и живущие со мной в храме оказались на улице. Тогдашний министр морского флота и тогдашний министр социального обеспечения заявили нам, поняв наше положение, что предоставят хотя бы духовенству, пока не приняты окончательные меры, временно домики немцев, но и это оказалось заветным, но не осуществленным желанием, ничем более. Но даже если кто-то согласится с тем, что законодательный акт о “принудительном отчуждении” русского госпиталя “оправданная мера Правительства”, то это касается только

---

¹³⁵⁰ См.: Жалнина-Василькиоти И.А. Георгиевский кавалер протоиерей Павел Крахмалев.

¹³⁵¹ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 77, л. 2.

госпиталя, но ни в коей мере ни русского храма. Русские, работающие в храме, вынуждены сегодня жить в частных жилых помещениях, большей частью подвальных, с одной стороны из-за дороговизны, с другой стороны из-за своего ужасного финансового положения, вызванного отчуждением»¹³⁵². Однако ответа на это письмо не последовало.

Активная борьба о. Павла в защиту русской собственности вызвала резкую реакцию греческих властей. В марте 1926 г. прихожане стали свидетелями вопиющего факта ареста протоиерея в алтаре Свято-Варваринской церкви при общежитии госпиталя Российского общества Красного Креста во время богослужения, о чем был составлен соответствующий акт: «Мы, нижеподписавшиеся, находившиеся в 9 часов утра сегодня в храме русской св. Варвары церкви при 4-м госпитале в Афинах, были очевидцами нижеследующего. К 8 ½ часам утра сегодня прибыл в этот храм из Пирея, по приглашению русских из 4-го госпиталя, греческого морского госпиталя в Пирее, русский протоиерей о. Павел Крахмалев, которому благословение и разрешение служить в русской церкви при 4-м госпитале в Афинах было дано местной архиепископией, для служения панихиды по умершему 9 дней назад русскому капитану Всеволоду Попялковскому, которого о. Павел отпевал и погребал, и для напутствия русского больного Виктора Леонтьева.

К указанному времени от 8-го греческого полицейского участка явились, якобы по приказанию начальника этого участка, 4 полицейских и один в штатском костюме. Знаем их всех в лицо. Полицейские вошли в алтарь, имея при себе револьверы: в алтаре перед святым престолом, в эпитрахили с крестом в руке перед Святыми Дарами стоял о. Павел. Полицейские приказали ему в грубой форме («Папас, эксо!» — Поп, выходи!)... прекратить богослужение и идти за ними. Отец Павел предложил им отправить себя в местную архиепископию. После этого полицейские стали вырывать у о. Павла из рук Святой Крест, снимать эпитрахиль, бить его по рукам, локтю, плечам, ударяя кулаками по святому престолу и, поднося кулаки к лицу о. Павла пред святым престолом, говоря по-гречески: «Нам приказано доставить его в связанном виде». Посылали о. Павла к черту (говоря «Сто дльво») и другие неприличные ругательства произносили. Затем от святого престола 3 полицейских

---

¹³⁵² См.: Жалнина-Василькиоти И.А. Георгиевский кавалер протоиерей Павел Крахмалев.

в форме и 1 в штатском костюме, схватив о. Павла, прижали его к стене алтаря, попортив на нем эпитрахиль и верхнюю рясу (на теле у о. Павла остались синяки). На святом престоле в это время находились святое Евангелие и Святые Дары. Коврики у престола на полу полицейскими смяты, священные предметы сдвинуты. Затем на автомобиле отвезли о. Павла в эпитрахили и с крестом в 8-й полицейский участок в Афинах (р-н Колонаки), с переводчицей, знающей русский и греческий языки, греческоподданной госпожой Олимпиадой Вернигориду. Все это мы видели сами лично и готовы все изложенное подтвердить под присягой. Отец Павел в храме попросил нас доложить о происшедшем местной архиепископии и председателю Русского комитета в Афинах г-ну Якушеву. В рассуждения с нами и с полицейскими о. Павел не входил. Он, выводимый из храма, предложил нам записать номера полицейских, и когда трое из нас начали записывать это, полицейские вырвали в храме из рук наши записи и уничтожили их, а писавших арестовали и отвели в участок»¹³⁵³. Под письмом стояли 34 подписи, заверенные печатью Российского общества Красного Креста и подписями заведующего общежитием в Пирее полковником Г. Щеголевым и священником Илией Апостоловым.

В марте 1926 г. группа прихожан Свято-Варваринской церкви написала Архиерейскому Синоду РПЦЗ о насильственном акте, учиненном греческой полицией над протоиереем Павлом Крахмалевым во время его священнодействия в храме. Об этом инциденте митрополит Антоний (Храповицкий) сразу же написал митрополиту Афинскому Хризостому. В дополнение к изложенным в письме владыки Антония данным Синод 22 апреля постановил сообщить Афинскому митрополиту новые документальные сведения¹³⁵⁴.

Несмотря на резко негативную реакцию официальных властей, о. Павел Крахмалев продолжал бороться за права русских эмигрантов. В 1927 г. он обратился к председателю парламента Греции и к премьер-министру страны с просьбой решить в пользу русской колонии судьбу российского морского госпиталя и церкви св. равноап. кн. Ольги. Результатом этих ходатайств стал

---

¹³⁵³ См.: *Жалнина-Василькиоти И.А.* Георгиевский кавалер протоиерей Павел Крахмалев; ГАРФ, ф. 6112, оп. 1, д. 3, л. 1.

¹³⁵⁴ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 80, л. 1 об–2.

запрет, наложенный новым директором морского госпиталя в Пирее — Боцисом на посещение протоиереем больных¹³⁵⁵ (правда, в 1928 г. постановлением Верховного суда Пирея русская часть городского кладбища Анастасеос была отдана в полное распоряжение советов русских Свято-Троицкой и Свято-Ольгинской церквей и Союза русских эмигрантов).

В октябре 1929 г. по указанию администрации госпиталя через церковный коридор, взломав запертую наружную дверь (хотя можно было получить ключ), провели трубы канализации, устроили канализационный люк, и зловоние стало проникать в храм. В ноябре 1929 г. власти оставили церковь без освещения, срезав и конфисковав купленные прихожанами электрические провода. Еще ранее в реквизированных церковных помещениях были размещены канцелярия директора госпиталя, столовая больничного персонала, канцелярия управления (в крипте храма) и другие учреждения. Предметы ризницы пришлось перенести в частный дом одной из прихожанок, Гаршиной, но и его попытались реквизировать греческие власти¹³⁵⁶.

29 января 1929 г., после смены государственной власти в стране, протоиерей Павел Крахмалев и церковный староста Г. Экономос написали новое обращение к архиепископу Хризостому о необходимости возврата клиру русского храма в Пирее реквизированных Морским министерством при диктатуре Пангалоса нижнего этажа под храмом (крипты), ранее занятого ризницей, церковного дома для поселения причта и некоторого церковного имущества. Отец Павел на основе документов доказывал, что реквизированные помещения являлись собственностью Российской Православной Церкви, построенной на частные пожертвования русских, но были отобраны греческими властями без всякой компенсации. При этом священно- и церковнослужители оказались изгнаны «на улицу», и убытки им не возместили, вопреки греческой Конституции: «В храме трудящиеся русские люди принуждены теперь скитаться в частных помещениях, в большинстве случаев в сырых подвалах и чердаках, отчасти вследствие дороговизны жизни, отчасти вследствие своего критического материального положения, вызванного вышеозначенным принудительным отчуждением». Протоиерей также просил владыку

---

¹³⁵⁵ ГАРФ, ф. 6112, оп. 1, д. 2, л. 1.

¹³⁵⁶ АРПМА, оп. 42, д. 566, док. 3242, л. 1–2.

«доложить дело» новому греческому правительству, чтобы вернуть храму находившиеся в здании госпиталя иконы, ранее временно взятые русскими служащими, возместить убытки причту, закрыть мешавший проведению богослужений канализационный люк, вернуть срезанные электрические провода и т.д.¹³⁵⁷

Только в 1930 г., после долгой и упорной борьбы, причту и прихожанам удалось добиться частичного удовлетворения своих требований. Несколько лет церковь и кладбище оставались без должного внимания, так как протоиерей Павел Крахмалев, вынужденный временно покинуть приход, проживал в Югославии и Австрии. В дальнейшем церковь была отгорожена стеной от госпиталя и окормляла русских, проживавших в Пирее¹³⁵⁸.

Вернувшись в Афины, о. Павел приложил значительные усилия, чтобы привести в порядок Свято-Ольгинскую церковь и кладбище. В 1930 г. он обратился к русской колонии с посланием, в котором писал: «В 1904 г. в Пирее был открыт русский храм, обслуживающий русскую больницу и команды русских судов. Ныне храм обслуживает немногочисленных оставшихся в Пирее русских, большей частью нуждающихся инвалидов последней войны. В общем, храм в настоящее время имеет 17 человек прихожан и находится в весьма тяжелом материальном положении. Причт бедствует, храм требует ремонта, не производившегося с момента его освящения, т.е. с 1904 г. В таком же тяжелом положении находится и русское кладбище, где уже погребено свыше 700 человек»¹³⁵⁹. Обращение получило отклик, и деньги на ремонт были собраны.

1 ноября 1930 г. протоиерей Павел Крахмалев обратился к настоятелю Свято-Пантелеимоновского монастыря игумену Мисаилу с просьбой выслать несколько десятков бумажных иконок для прибывших недавно с Кавказа на греческом пароходе русских эмигрантов и членов Русского национального кружка молодежи в Афинах, что было сделано¹³⁶⁰. Отец Павел и в дальнейшем поддерживал связь с русскими святогорцами. Так, 19 октября 1935 г. он

---

¹³⁵⁷ АРПМА, оп. 42, д. 566, док. 3242, л. 1–2.

¹³⁵⁸ См.: Жалнина-Василькиоти И.Л. Георгиевский кавалер протоиерей Павел Крахмалев; Поляков В.Н. Королева Эллинов Ольга Константиновна. 1959. С. 14.

¹³⁵⁹ ГАРФ, ф. 9141, оп. 1, д. 174, л. 9.

¹³⁶⁰ АРПМА, оп. 42, д. 566, док. 3242, л. 4.

отправил игумену Мисаилу телеграмму, в которой поздравил его с 50-летним юбилеем служения в священном сане от себя лично и от «рассеянной повсюду военно-морской моей паствы»¹³⁶¹. Вероятно, возведенный к 1935 г. в сан протопресвитера, так как он подписал упомянутую телеграмму в этом сане, о. Павел Крахмалев служил настоятелем Свято-Ольгинской церкви вплоть до своей кончины в 1949 г. По воспоминаниям российских эмигрантов, он был очень хорошим священником — нередко сам нуждался и голодал, но деньги с беженцев за требы не брал¹³⁶².

В 1920–1940-х гг. Свято-Троицкой афинской общине значительную помощь оказывали последний императорский посланник в Греции Е.П. Демидов, князь Сан-Дonato и его жена — уполномоченная Российского общества Красного Креста С.И. Демидова. Со Свято-Троицким храмом был тесно связан и созданный в 1927 г. «Союз русских эмигрантов в Греции», призванный упорядочить и облегчить жизнь выходцев из России, и в том же году официально признанный Афинской архиепископией. Этот союз возглавляла сначала княгиня С.И. Демидова, а затем — графиня И.П. Шереметьева, также руководившая в 1940–1950-е гг. церковным сестричеством.

С образованием в 1924 г. СССР и его официального признания 1 июня того же года Грецией в Афинах была закрыта прежняя Российская миссия и открыто дипломатическое представительство СССР. Являясь дядей принца Королевства сербов, хорватов и словенцев Павла Карагеоргиевича, Е.П. Демидов был назначен почетным консулом Югославии в Афинах и продолжил помогать местной русской колонии. По соглашению Е.П. Демидова и правления «Союза русских православных христиан в Греции», было решено обратиться к сербскому посланнику с просьбой принять российскую посольскую церковь под покровительство королевства. Эта просьба была поддержана, и правительство Королевства сербов, хорватов и словенцев выделило на нужды храма 1200 французских франков в месяц. В дальнейшем, однако, выяснилось, что греческие власти признали храм собственностью советского правительства, подлежащей возвращению ему по первому требованию. До наступления этого момента греческое правительство считало себя хранителем этой

---

¹³⁶¹ АРПМА, оп. 42, л. 566, док. 3242, л. 6–7.

¹³⁶² См.: Жалнина-Василькиоти И.Л. Георгиевский кавалер протоиерей Павел Крахмалев.

церкви, как имущества иностранного государства. Таким образом, русская община в Афинах была официально отделена от посольства и вошла в состав Афинской архиепископии со статусом парекклисиона (прихода без полных юридических прав); вместо «Союза русских православных христиан в Греции» был образован приходской совет (в ведение которого перешел Свято-Троицкий храм), немедленно признанный Элладской Церковью¹³⁶³.

В ноябре 1924 г. архиепископ Афинский Хризостом формально согласовал с правлением «Союза русских православных христиан в Греции» временное назначение настоятелем храма о. Георгия Карибова (Карипидиса), приехавшего с Кавказа и служившего в этой церкви протоиерея греческого происхождения (+ 1939; погребен на Русском кладбище в Пирее). Однако в дальнейшем данный священнослужитель был утвержден настоятелем Свято-Троицкой церкви без всякого согласования с представителями русской общины. Ожидавший этого назначения российский протоиерей М. Шаравский, отец Георгиевского кавалера военного летчика С.М. Шаравского, остался без места¹³⁶⁴.

Подобным действиям пыталась воспрепятствовать Русская Православная Церковь Заграницей, добивавшаяся включения Свято-Троицкой общины в свой состав. Еще в 1936 г. член Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей епископ Хайларский Димитрий (Вознесенский) составил воззвание, призывавшее прихожан Свято-Троицкой церкви «вернуться на старый стиль» и «просить иерархическую власть, чтобы она отпустила» их. Однако эти попытки закончились неудачей¹³⁶⁵.

Протоиерей Георгий Карибов (Карипидис) служил настоятелем русской афинской церкви около 14 лет с конца 1925 г. до осени 1939 г., следующим ее настоятелем — с 12 октября 1939 по конец 1952 гг. был происходивший из российских (одесских) греков архимандрит Николай (в миру Николай Герасимович Пекаторос, 1899–1996). Он воспитывался под влиянием своего дяди, профессора Санкт-Петербургской духовной академии, был рукоположен во иерея в 1922 г., затем некоторое время сослужил священномученику епископу

---

¹³⁶³ ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 119, л. 6, ф. 9145, оп. 1, д. 189, л. 10.

¹³⁶⁴ Там же, ф. 6112, оп. 1, д. 30, л. 6.

¹³⁶⁵ Афины // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 99–101.

Онуфрию (Гагальюку) в Херсонско-Одесской епархии. В 1929 г. о. Николай эмигрировал в Грецию, где вскоре принял монашеский постриг. В 1930-е гг. он служил в церкви Пресвятой Троицы в Афинах вторым священником, а в 1939 г. был принят в клир Русской Православной Церкви Заграницей¹³⁶⁶. Некоторое время в Афинах также жил переехавший в 1939 г. в Грецию из Болгарии русский эмигрант протоиерей Пантелеимон Рыбальченко¹³⁶⁷.

Особенно значительный след в духовной жизни Афин оставил приехавший в 1927 г. из СССР в Грецию священник Илья Григорьевич Апостолов (по-гречески: Апостолиди, Апостолидис). Он родился 18 июля 1895 г. в Феодосии (Крым) в русско-греческой семье, окончил Таврическую духовную семинарию и Чугуевское военное училище, участвовал в Первой мировой и Гражданской (в рядах Добровольческой армии) войнах, был духовным сыном архимандрита Амвросия (Плиансидиса), ставшего впоследствии митрополитом Мосхонисионским и новомучеником (убитого турками в 1922 г.), по благословению которого в 1917 г. поступил в Московскую духовную академию, но не смог ее закончить из-за закрытия. Отец Илия был рукоположен во диакона и иерея (в 1922 г.) священномучеником архиепископом Никодимом (Кротовым), сам четыре раза подвергался арестам, затем на три года был отправлен в ссылку, где оказался приговорен к смертной казни. Его спас греческий посол в СССР Панурьяс, добившийся в 1927 г. освобождения о. Илии и репатриации в Грецию. Сначала его отправили служить на греческие приходы в Аркадию (Пелопоннес): в Кинурию и Леонидию, потом пастырь стал служить в туберкулезной больнице в Афинах «Сотирия». В начале 1930-х гг. стараниями о. Илии был возведен храм св. Фомы в афинском районе Гуди (Амбелокипо), где он служил настоятелем до 1952 г., окормляя не только греков, но и русских эмигрантов¹³⁶⁸.

Пастырь много лет являлся духовником великой княгини Елены Владимировны Романовой (внучки русского императора Александра II, 1882–1957), жены греческого принца Николая — сына короля Георга I и его супруги

¹³⁶⁶ Нивьер А. Указ. соч. С. 346.

¹³⁶⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 16, л. 79.

¹³⁶⁸ Жалнина-Василькиоти И.Л. Судьба пастыря: отец Илья (Апостолов) в эмиграции в Греции (1927–1976) // Люди и судьбы Русского зарубежья. Сборник статей. М., 2011. С. 251–252, 259; Нивьер А. Указ. соч. С. 66.

Ольги Константиновны. В годы Второй мировой и Гражданской войн на территории Греции о. Илия спас большое количество подростков, добившись их освобождения из тюрем¹³⁶⁹. Позднее (с 1953 г.) о. Илия служил настоятелем русской Свято-Троицкой церкви в Афинах.

В 1928 г., после кончины генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, при Свято-Троицкой церкви был создан фонд его имени для помощи бедным русским детям. В том же году, после смерти императрицы Марии Федоровны, в память о ней был учрежден фонд ее имени для помощи беднейшим русским прихожанам. На земле, принадлежащей приходу, русская колония содержала бараки, где за небольшую плату сдавались в аренду помещения нуждающимся русским эмигрантам. В 1931 г. при Свято-Троицкой церкви было создано сестричество, почетной покровительницей которого была С.И. Демидова¹³⁷⁰. Она скончалась в 1953 г. (как уже говорилось, в память об их заслугах Демидовых похоронили у стены Свято-Троицкой церкви, другой причиной такого захоронения была стремление общины сохранить церковный земельный участок от реквизиции).

Особую страницу составляет деятельность русской церковной эмиграции в Северной Греции (Македонии). В Салониках с конца XIX в. существовало подворье русского афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря, игравшее важную роль в доставке паломников и различных грузов (прежде всего продовольственных) в обитель. С 1 марта 1917 г. по 1919 г. последним заведующим Салоникского подворья был иеромонах Феодор (в миру Федор Семенович Константинов; 1856–1933), в дальнейшем главный духовник и соборный старец Свято-Пантелеимоновского монастыря, 6 мая 1922 г. принявший постриг в схиму с именем Феодорит¹³⁷¹.

Здание подворья сильно пострадало от охватившего значительную часть Салоник пожара 5 августа 1917 г., когда сгорели три тысячи домов и 70 тысяч людей остались без крова. В это время в городском порту оказалось судно Руссика под командованием о. Лазаря, на котором спаслась часть местных

---

¹³⁶⁹ Жалнина-Василькиоти И.А. Судьба пастыря: отец Илья (Апостолов) в эмиграции в Греции (1927–1976). С. 257.

¹³⁷⁰ *Ее же*. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. С. 40.

¹³⁷¹ Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 416.

жителей с вещами. В здании подворья сгорел верхний этаж с церковью, но остальные два этажа удалось отстоять от огня, и братия смогла жить там. Насельники также спасли иконы, церковную утварь и кассу¹³⁷².

Восстанавливать здание подворья из обители были посланы 14 мастеров-иноков под руководством монаха Феофила. Возглавлял восстановительные работы ранее около семи лет исполнявший послушание в Салониках иеросхимонах Андрей (Жеков), который быстро справился с этой задачей, за что был награжден золотым наперсным крестом. 9 января 1918 г. Салоникский митрополит Геннадий в ответ на письмо игумена Мисаила от 20 декабря 1917 г. разрешил совершать в подворской церкви богослужения, а 10 февраля 1918 г. лично освятил воссозданный на верхнем этаже домовый храм св. вмч. Пантелеимона Целителя, свт. Николая Чудотворца и св. вмч. Димитрия Солунского¹³⁷³.

Однако в 1919 г. Руссик лишился подворья. После пожара 1917 г. греческое правительство решило отстроить пострадавшую часть Салоник по европейскому плану и, в связи с этим, провести отчуждение некоторых частных владений. 18 июля 1919 г. доверенное лицо монастыря, иеромонах Феодор, сообщил игумену Мисаилу, что согласно новому плану города здание подворья подлежит сносу, и власти дали пятидневный срок на его очистку. Монастырь подал заявление российскому консулу об отсрочке исполнения этого указания на три месяца, но с помощью Салоникского митрополита срок выезда продлили лишь на несколько дней. За это время о. Феодор некоторые вещи отправил на метохи Каламария и Кассандра, а другие распродал, продал он за небольшую сумму (37 тысяч франков) на слом и само здание подворья. Фактически подворье перестало существовать 1 августа 1919 г.¹³⁷⁴ 16 апреля 1922 г. иеромонах Адриан (Сафонов) по поручению монастыря продал и участок земли, на котором находилось подворье.

После прекращения всех связей с Россией в результате революции 1917 г. расположенные на Халкидиках три метоха Свято-Пантелеимоновского

---

¹³⁷² АРПМА, оп. 10, д. 170, док. 154, л. 11.

¹³⁷³ Там же, л. 19, д. 108, док. 130, л. 111, 197, 211–212 об, 215 об; Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 388.

¹³⁷⁴ АРПМА, оп. 10, д. 170, док. 154, л. 39, 42.

монастыря — Кассандра, Каламария и Сики стали основным поставщиком продовольствия в обитель. На них постоянно трудилось значительное количество братии, в частности в начале 1918 г. на Кассандре — 9 человек и на Каламарии — 7 человек, а в конце 1922 г. на всех трех метохах пребыло 26 иноков. Экономом метоха Каламария до 12 февраля 1923 г. был монах Анания (Вахтин), которого сменил монах Артемий (Бражкин). В октябре 1923 г. по телеграфной просьбе насельников Каламарийского метоха, страдавших от отсутствия дождя, братия Руссика совершила молебен, чтобы Господь послал «дождь мирный». Несмотря на нехватку строительных материалов, проводилось восстановление обветшавших построек. Так, например, 21 ноября 1924 г. на Каламарии была покрыта черепицей старинная башня (пирг), восточная стена которой обрушилась на три этажа¹³⁷⁵.

Однако эта деятельность продолжалась недолго. Уже в 1923 г. у греческого правительства появились планы реквизировать метохи афонских монастырей в Халкидиках для размещения там беженцев-греков из Малой Азии. 8 октября 1923 г. уполномоченный Руссика иеродиакон Терентий написал премьер-министру Греции ходатайство об оставлении монастырю метоха Каламария, на котором предполагалось поселить 25 семей беженцев, так как он представляет собой «единственное средство содержания 500 братьев»¹³⁷⁶.

Афонский Кинот, в свою очередь, в 1923–1924 гг. несколько раз созывал чрезвычайные двойные собрания для обсуждения вопроса об угрозе метохам и подачи общих ходатайств в различные правительственные инстанции, но это не помогло. 2 сентября 1924 г. Кинот известил монастыри о том, что Министерство земледелия потребовало передачи метохов за плату или в аренду правительству¹³⁷⁷. В этот день на Афон для переговоров с Протатом приехал сам министр земледелия А. Мелонас. Первоначально он заявил, что метохи славянских монастырей останутся неприкосновенными (согласно Севрскому и Лозаннскому договорам), однако антипросопы-греки высказали протест, ввиду такой «несправедливости», хотя их монастыри имели в несколько раз

---

¹³⁷⁵ АРПМА, оп. 10,, д. 189, док. 166, л. 23.

¹³⁷⁶ Там же, д. 200, док. 4651, л. 17 об–18.

¹³⁷⁷ Там же, д. 150, док. 143, л. 95 об.

больше метохов и других земельных владений в различных частях Греции. После обсуждения ситуации братией все 20 афонских монастырей заявили, что не могут ни продать, ни сдать в аренду метохи, так как согласно канонам они не подлежат отчуждению. Однако правительство не восприняло эти доводы. В результате в последние месяцы 1924 г. были реквизированы 60 монастырских метохов и в следующем году еще 30¹³⁷⁸.

Реквизиция затронула и все три метоха Руссика. 12 сентября 1924 г. братия послала министру земледелия заявление о своем протесте против планируемого занятия Каламарии, 6 октября игумен Мисаил отправил письмо премьер-министру Греции с просьбой оставить монастырю его метохи¹³⁷⁹. Однако все было напрасно. 2 ноября Кинотом была получена правительственная телеграмма — в 15-дневный срок очистить метохи для поселения беженцев, и уже 19 ноября на Каламарию была привезена их первая партия, занявшая почти все помещения. Первоначально оставили несколько келий для монахов, но позднее и их выселили. 26 ноября 1924 г. монастырское судно вывезло из Каламарии в обитель хозяйственные вещи, солому и небольшие остатки зерна. В конце 1924 — начале 1925 гг. также оказались реквизированы два других метоха Руссика и метох Свято-Андреевского скита Нузлы¹³⁸⁰.

В ноябре 1925 г. игумен Мисаил написал в Министерство земледелия о более тяжелом положении Свято-Пантелеимоновского монастыря, по сравнению с греческими монастырями Святой Горы, имеющими леса и масличники, которые согласно правительственному распоряжению не были реквизированы, кроме того, на основании распоряжения министерства от 12 октября 1925 г. этим монастырям была уступлена арендная плата с пастбищ отчужденных метохов. Игумен также сообщал, что небольшие ливады Руссика на полуострове Сики (Ситонии), площадью 150 стрем еще никем не заняты, так как из-за частой затопляемости не могут использоваться для проживания, и просил оставить их монастырю, а также позволить брать арендную плату с пастухов на бывшем метохе Кассандра¹³⁸¹.

---

¹³⁷⁸ АРПМА, оп. 10,, д. 170, док. 154, л. 89.

¹³⁷⁹ Там же, д. 213, док. 177, л. 17–18.

¹³⁸⁰ Там же, д. 170, док. 154, л. 91.

¹³⁸¹ Там же, д. 200, док. 4651, л. 34–34 об.

Эту просьбу удовлетворили лишь частично. Земледельческое бюро Халкидик 29 июля 1926 г. известило Руссик, что Главное переселенческое правление Македонии постановило временно возвратить монастырю пастбище отчужденного метоха на полуострове Сики. В ноябре 1927 г. игумен Мисаил отправил письмо генеральному секретарю Лиги Наций Э. Дрюмону, в котором сообщал о тяжелом материальном положении братии монастыря в связи с реквизицией его метохов, проведенной вопреки подписанным Грецией международным договором. Общая стоимость утраченного в этой связи обителью имущества тогда оценивалась в 285,6 тысяч фунтов стерлингов¹³⁸².

В том же году греческое правительство решило компенсировать потери афонских монастырей от реквизиции метохов и разместить соответствующие суммы на специальных счетах в Национальном банке, причем обители могли тратить на свои нужды только проценты с этих сумм, сами же внесенные деньги снимать было нельзя. В 1928–1929 гг. топографическая команда обмерила территорию реквизированных метохов Руссика, и они были оценены: Каламария — в 1 107 552 драхмы, Кассандра — в 582 950 драхм и Сики — в 63 тысяч драхм¹³⁸³. В последующие годы греческое правительство почти регулярно (кроме военных периодов) выплачивало Свято-Пантелеимоновскому монастырю и Свято-Андреевскому скиту определенные денежные компенсации за метохи.

На северной окраине Салоник — в квартале Харилау, со времени Первой мировой войны находился бывший военный госпитальный городок войск Антанты, где в 1920–1960-х гг. проживали российские беженцы. После окончания Первой мировой войны строения городка были приобретены греческой Первой строительной компанией Харилау, которая по договоренности с французским командованием (к которому обратилась с просьбой о помощи королева Ольга Константиновна) обязалась сдавать часть барачных корпусов русским беженцам в аренду на льготных условиях — 4 тысячи драхм за барак. Эмигранты из России начали пребывать в Салоники в 1920 г. (первая партия составила полторы тысячи человек) и были размещены в уже пустовавшем лагере, который с тех пор стали называть русским. Официально лагерь

---

¹³⁸² АРПМА, оп. 10,, д. 213, док. 177, л. 3–16.

¹³⁸³ Там же, д. 189, док. 166, л. 15, 34–45.

русских беженцев в Харилау был организован в конце 1920 г. по инициативе российского военного агента и уполномоченного Российского общества Красного Креста; ранее, еще до начала массовой эвакуации, в некоторых бараках проживали привезенные весной 1920 г. больные из частей армии А.И. Деникина¹³⁸⁴.

Прибывшие в Салоники русские эмигранты создали многочисленные общества и союзы: Общество единения русских эмигрантов в Салониках, Донская казачья станица, Кубанская казачья станица, Союз русских офицеров в Салониках, Союз георгиевских кавалеров и участников первого Кубанского похода, Союз увечных воинов в Салониках, Союз эллинов-офицеров бывшей армии в Греции, Союз стариков салоникского лагеря, Общество офицеров Генерального штаба, Монархическое общество, Студенческий союз, Клуб христианской молодежи, Союз русских студентов, Союз лиц с высшим образованием и т.д. В марте 1921 г. в Харилау числилось полторы тысячи беженцев, из них — 944 эвакуированных военнотружущих, разместившихся в 49 бараках. К концу 1921 г. в лагере находились 1149 человек. Нездоровый малярийный климат Салоник, а также отсутствие работы вынуждали многих эмигрантов уехать как в другие страны, так и в различные регионы Греции. В лагере остались в основном пожилые, инвалиды, женщины и те, кто мог работать в Салониках. Руководство лагерной жизнью первоначально осуществляла русская администрация: комендант лагеря, его заместитель, начальник канцелярии и др., но в 1925 г. согласно приказу генерал-губернатора Македонии русские беженцы должны были подчиняться только греческим законам и властям¹³⁸⁵.

В конце 1920 г. на территории русского лагеря беженцев также была устроена маленькая «походная церковь», утварь которой передали из упраздненных военных храмов распущенного Русского экспедиционного корпуса на Балканах. Первый иконостас был расписан учившимся в Санкт-Петербургской академии художеств подпоручиком Николаем Николаевичем Орловым. Настоятелем церкви с 6 декабря 1920 г. служил поселившийся в этом году в Салониках уроженец Полтавской губернии протоиерей Иоанн Николаевич

---

¹³⁸⁴ ГАРФ, ф. 5781, оп. 1, д. 13, л. 22–22 об, ф. 9145, оп. 1, д. 193, л. 49.

¹³⁸⁵ Жалнина-Василькиоти И.А. Русская белая эмиграция в Салониках (1918–1980). С. 122–123; ГАРФ, ф. 7517, оп. 1, д. 13, л. 29–137.

Турский, а регентом церковного хора был Александр Белонин. К 1921 г. относятся первые записи в метрической книге церкви¹³⁸⁶.

Однако эмигранты мечтали о своем вместительном приходском храме и в конце 1920-х гг. образовали организационный комитет по его созданию, получивший благословение Салоникского митрополита и помощь русских святогорцев. В 1929 г. возглавляемый генералом Виктором Дмитриевичем Путинцевым комитет приобрел у Первого строительного общества один из барачков лагеря Харилау и перестроил его под церковь простой прямоугольной формы. В 1930 г. храм был освящен греческим Салоникским митрополитом во имя свт. Николая Чудотворца. Иконы для храма в основном подарили эмигранты, утварь и иконостас взяли из походной церкви Русского экспедиционного корпуса на Балканах, много образов, а также часть утвари и облачения пожертвовали русские афонские обители. С их помощью была собрана и приходская библиотека (позднее ее передали в Русскую богадельню в Афинах).

Помимо церкви в Харилау, эмигранты первоначально посещали небольшую каменную церковь св. вмч. Димитрия Солунского при русской больнице в Салониках, которая была построена вместо прежней домового силами Русского экспедиционного корпуса в 1917 г. в больничном дворе под руководством протоиерея Павла Крахмалева. Отец Павел также на свои личные средства закупил в Москве для этого храма часть церковной утвари¹³⁸⁷.

После окончания Первой мировой войны больница имени св. вмч. Димитрия Солунского перешла в ведение Российского общества Красного Креста и содержалась им до августа 1923 г. В 1918 г. благочинный 2-й Особой пехотной дивизии протоиерей Павел Крахмалев был «командирован в русский госпиталь Димитрия Солунского для исполнения почетной обязанности госпитального священника и для приема там походных церквей, святынь, антиминсов и разной церковной утвари, присылаемой после расформирования полков и 10 маршевых батальонов»¹³⁸⁸.

---

¹³⁸⁶ Талалай М.Г. Русские церковные общины в Греции в межвоенный период. С. 128–129; ГАРФ, ф. 5772, оп. 1, д. 38, л. 15, ф. 7517, оп. 1, д. 24, л. 26 об.

¹³⁸⁷ АРПМА, оп. 42, д. 566, док. 3242, л. 3.

¹³⁸⁸ ГАРФ, ф. 6112, оп. 1, д. 1, л. 3.

До 1921 г. старшей сестрой в этой лечебнице работала княгиня Мария Александровна Святополк-Мирская (1878–1959), которая после того, как в 1906 г. овдовела, целиком посвятила себя служению Церкви. Затем княгиня переехала в Белград, где 30 декабря 1921 г. по ее инициативе было основано первое русское церковное сестричество в эмиграции — Мариинское Покровское, в котором М.А. Святополк-Мирская стала старшей сестрой¹³⁸⁹.

В первые послереволюционные годы в церкви св. вмч. Димитрия Солунского при русской больнице, помимо о. Павла Крахмалева, служили иеромонахи афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря. В 1923 г. после принятия священного сана настоятелем Димитровской церкви был назначен выпускник Казанского университета священник Илия Голоколосов, служивший в ней до 1926 г.¹³⁹⁰, а в 1926–1929 гг. настоятелем храма являлся протоиерей Иоанн Турский. 27 февраля 1921 г. в русской лечебнице после продолжительной болезни от туберкулеза скончался известный насельник Свято-Пантелеимоновского монастыря иеросхимонах Андрей (в миру Андрей Степанович Жеков)¹³⁹¹.

До 1921 г. старшим врачом (директором) больницы был приват-доцент К.С. Софотеров, с 1921 г. по 1923 г. — П.М. Ластовцев, а затем, с октября 1923 г. — доктор медицинских наук Н.Ф. Петров. В это время больница имела две палаты для бедных русских на 17 кроватей и 8 палат платных на 15 кроватей. Персонал лечебницы состоял из директора, восьми врачей, завхоза, трех сестер милосердия, пяти санитаров, повара с помощником, прачки, рассыльного и дворника. Только в 1923 г. в больнице обслужили 1973 амбулаторных больных, сделали 79 операций, 1336 перевязок и т.д. Братство русских обителей (келлий) во имя Царицы небесной Святой Горы Афон в феврале 1924 г. собрало на нужды больницы в Салониках 435 серебряных драхм¹³⁹².

Узнав о предстоящем признании Грецией советской России и возможной национализации больницы св. вмч. Димитрия Солунского, бывший российский посланник Е.П. Демидов и его супруга С.И. Демидова пытались спасти

---

¹³⁸⁹ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 231.

¹³⁹⁰ Там же, ф. 5919, оп. 1, д. 47; ф. 5772, оп. 1, д. 38, л. 9.

¹³⁹¹ Русский афонский отчетник XIX–XX веков. С. 389.

¹³⁹² Жалнина-Василькиоти И.А. Русская белая эмиграция в Салониках (1918–1980). С. 123–124; ГАРФ, ф. 7517, оп. 1, д. 21, л. 66–67, 102.

русскую собственность. В результате их переговоров с Королевством сербов, хорватов и словенцев был предложен вариант существования больницы на условиях аренды на 8–10 лет сербской стороной при условии сохранения русского персонала при старшем враче-сербе и 15 бесплатных коек для российских эмигрантов. Но спасти русскую лечебницу от реквизиции не удалось. 15 ноября 1924 г., несмотря на наличие большого количества больных, она была закрыта и опечатана. После национализации больницы св. вмч. Димитрия Солунского все нуждавшиеся в медицинской помощи русские эмигранты отправлялись в английский госпиталь в районе Каламарья¹³⁹³.

Неудачей закончилась и попытка сохранить за русским приходом храм при больнице. В конце 1929 г. администрация больницы передала Димитровскую церковь под помещение для рожениц, а иконостас, иконы, антиминс, священные сосуды, напрестольный крест, Евангелие, колокол и всю церковную утварь (всего свыше 100 предметов) поместила в больничный сарай. Прихожане обратились за помощью к протоиерею Павлу Крахмалеву, и тот 31 декабря 1929 г. написал митрополиту Афинскому Хризостому заявление, в котором просил владыку ходатайствовать перед правительством о возвращении ему всех этих предметов, так как они были куплены на его личные средства. Отец Павел также отмечал, что проживающие в Салониках русские «крайне нуждаются» в этих вещах¹³⁹⁴.

Эта просьба была удовлетворена, и большую часть убранства закрытой церкви удалось передать в храм свт. Николая Чудотворца в Харилау. В связи с этим он стал носить двойное посвящение — свт. Николая и св. вмч. Димитрия Солунского. Одной из основных особенностей прихода была тесная связь с русским монашеством на Афоне, по мере сил заботившимся о своих соотечественниках на чужбине. В церкви часто служили русские святогорцы¹³⁹⁵.

Еще 14 января 1930 г. председатель «Комитета по покупке барака для русской церкви в городе Салониках» протоиерей Иоанн Турский переслал

---

¹³⁹³ Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская белая эмиграция в Салониках (1918–1980). С. 124–125; ГАРФ, ф. 9141, оп. 1, д. 174, л. 102, ф. 6112, оп. 1, д. 9, л. 2, ф. 7517, оп. 1, д. 21, л. 128.

¹³⁹⁴ АРПМА, оп. 42, д. 566, док. 3242, л. 3.

¹³⁹⁵ Талалай М.Г. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 134–135.

настоятелю Свято-Пантелеимоновского монастыря игумену Мисаилу воззвание комитета с подписным листом и просьбой дать пастырское благословение на сбор пожертвований среди братии обители. Отец Иоанн отметил, что на сбор пожертвований дал свое благословение Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей. Через пару месяцев братия передала через представителя монастыря в Салониках иеродиакона Андрея одну тысячу драхм, о чем комитет 28 апреля известил игумена Мисаила¹³⁹⁶.

В письме от 10 апреля 1935 г. церковно-приходской совет русского храма в Салониках выразил игумену Мисаилу благодарность за пожертвования священных облачений и церковных предметов. Так, в 1934–1935 гг. братия монастыря через своего представителя в Салониках иеросхидакона Андрея передала общине две фелони, две епитрахили, два стихаря, два ораря, четыре пары поручей, два напрестольных покрывала, три покрывала для жертвенника, два илитона, четыре плата для аналоя и кадилный ящик для угля¹³⁹⁷. Подобная помощь продолжалась и в дальнейшем. Так, 21 декабря 1938 г. и 6 апреля 1939 гг. церковно-приходской совет выражал игумену Мисаилу благодарность за пожертвования одежд для святого престола и плата для жертвенника, переданных через эконома обители иеромонаха Протогена¹³⁹⁸.

До 1944 г. настоятелем храма свт. Николая Чудотворца и св. вмч. Димитрия Солунского служил протоиерей Иоанн Николаевич Турский, как уже говорилось, живший в Салониках с 1920 г. (он скончался в начале 1956 г. и 26 февраля был похоронен на Русском кладбище Пирея). Отец Иоанн считал себя клириком Русской Православной Церкви Заграницей, хотя официально приход числился в составе местной епархии Элладской Церкви, и эта юрисдикционная двойственность сохранялась до 1960-х гг.¹³⁹⁹

8/21 марта 1921 г. в лагере Харилау состоялось открытие первого, второго и четвертого классов русской гимназии, а также детского сада. С 1921 г. по 15 ноября 1924 г. директором гимназии являлся С. Зубарев, а затем — священник И.И. Голоколосов, одновременно бывший председателем Союза русских

---

¹³⁹⁶ АРПМА, оп. 42, д. 560, д. 3239, л. 1–2.

¹³⁹⁷ Там же, л. 4.

¹³⁹⁸ Там же, л. 6–8.

¹³⁹⁹ Талалай М.Г. Русские церковные общины в Греции в межвоенный период. С. 129–130.

педагогов в Греции. Были также открыты самостоятельные вечерние курсы для взрослых. В первый год существования гимназии в ней состояло 78 учеников и 11 педагогов. Почетным попечителем гимназии была С.И. Демидова, законоучителем — протоиерей Иоанн Турский¹⁴⁰⁰. В середине 1930-х гг. гимназия из-за невозможности ее легализации по греческим законам прекратила свое существование.

Российская эмигрантка Светлана Васильевна Бераха позднее так вспоминала о лагере и его церковной жизни: «Было очень много бараков, и во всех бараках жили русские. Целый поселок. Была церковь. Греки любили приезжать на праздники в Харилау. Это было большим шиком — праздники и крестные ходы в русской Свято-Никольско-Димитриевской церкви. Церковь была ближе к парку и гораздо меньше, чем нынешняя греческая. Греческая церковь сейчас расположена в бараке, где был наш театр в Харилау... Хоронили русских в разных местах. Сначала, еще в 1920-х годах, хоронили на союзническом кладбище в Зейтенлик, потом на городском греческом, затем в Каламарье»¹⁴⁰¹. К 1940-м гг., по воспоминаниям потомков эмигрантов, в Харилау оставалось не более 20 русских бараков.

Еще в начале 1920-х гг. городские власти Салоник отвели западную часть муниципального кладбища в районе Каламарья (вблизи Харилау) для захоронения бывших обитателей русского лагеря, всего на этом участке было погребено около 300 человек, в том числе много военных: в 1929 г. — полковник В.М. Войцеховский, в 1939 г. — генерал В.Д. Путинцев и полковник А.П. Перекрестов, в 1940 г. — полковник И.М. Акимов, в 1942 г. — полковник В.И. Баран, в 1943 г. — генерал В.Е. Кириллов и т.д.

В 1935 г. для организации жизни и защиты прав российских беженцев в Салониках и окрестностях был создан Союз русских эмигрантов в Македонии и Фракии с отделениями в Кавале, Дrame, Комотини, и по его инициативе началось приведение в порядок кладбища в Каламарье. Согласно поданному ходатайству, муниципальный совет Каламарья решением от 30 сентября 1938 г. официально предоставил участок Союзу, а генеральная администрация Македонии (г. Салоники) постановлением от 23 декабря 1938 г. утвердила

---

¹⁴⁰⁰ ГАРФ, ф. 5772, оп. 1, д. 50, л. 1 об-2, 12.

¹⁴⁰¹ См.: Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская белая эмиграция в Салониках (1918–1980).

это решение с припиской губернатора Македонии, что данный участок передается русским «на вечные времена»¹⁴⁰².

Другой российский мемориал был создан с помощью русских святогорцев на самом большом в Греции военном союзническом кладбище времен Первой мировой войны — Зейтинлик (на окраине Салоник), где покоятся 20,5 тысяч солдат Антанты, павших в 1915–1918 гг. на Салоникском (Македонском) фронте, среди них 419 русских, в том числе российских эмигрантов, похороненных уже в 1920–1930-е гг.¹⁴⁰³ Захоронения на кладбище Зейтенлик не отражают всех масштабов потерь русских войск на Салоникском фронте, где они потеряли около 4 тысяч убитыми. Местоположение кладбища было выбрано не случайно: в этом районе Салоник во время Первой войны находился большой госпиталь войск Антанты и главный штаб сербских частей. Участок, где начались захоронения павших солдат, после окончания войны был подарен греческим правительством странам Антанты.

Уже в октябре 1917 г. по просьбе российского генерального консула в Салониках Свято-Пантелеимоновский монастырь выслал заготовленные кольца для установки крестов на могилах русских солдат. В 1918 г. начались работы по благоустройству русского участка, закончившиеся в 1936 г.; в частности, там были высажены кипарисы, подаренные русскими святогорцами. Так, 4 октября 1918 г. консульский корреспондент на Афоне А.А. Павловский написал игумену Мисаилу, что консул П.А. Лобачев просил выслать на французском пароходе 80 кипарисов для украшения русского военного кладбища, и 8 октября настоятель Руссика сообщил о своем согласии¹⁴⁰⁴.

В первые годы появления русского участка кладбища на нем была построена деревянная часовня, созданная на пожертвования русских солдат и офицеров, сражавшихся на Салоникском фронте. В 1918–1920 гг. заведующим русским участком и часовней был протоиерей Павел Крахмалев, служивший в это время в церкви при русском госпитале Салоник. В кладбищенскую часовню, после расформирования 2-й Особой пехотной дивизии, было помещено

---

¹⁴⁰² См.: Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская белая эмиграция в Салониках (1918–1980). С. 137–138.

¹⁴⁰³ Полный список см.: Талалай М.Г. Русские захоронения на военном кладбище Зейтинлик в Салониках. СПб., 1999.

¹⁴⁰⁴ АРПМА, оп. 10, д. 180, док. 5377, л. 25, 111.

дивизионное церковное имущество. Однако после нескольких краж из часовни в 1921 г. русская колония была вынуждена нанять туда сторожа, а имущество передали в монастырь сербскому епископу Варнаве (Росичу)¹⁴⁰⁵.

В 1926 г. на Зейтинлике начались работы по благоустройству, закончившиеся в 1936 г. На сербском участке кладбища в 1933–1936 гг. был возведен в византийском стиле по проекту русского архитектора — эмигранта Николая Краснова и сербского архитектора А. Васича надгробный храм-мавзолей, торжественно освященный 11 ноября 1936 г., в годовщину подписания перемирия с Германией. На этом участке были высажены кипарисы, подаренные афонским сербским монастырем Хиландар (в 1938–1939 гг. по проекту Н. Краснова был также построен храм-мавзолей на греческом острове Видо)¹⁴⁰⁶.

В 1937 г. эмигранты из России начали собирать средства для постройки на русской части кладбища своего храма-памятника. Союз русских эмигрантов в Македонии и Фракии выпустил воззвание, в Афинах был даже учрежден Комитет по сбору пожертвований на увековечивание памяти русских воинов, павших на Салоникском фронте, под председательством супруги последнего императорского российского посланника в Афинах С.И. Демидовой. Свою лепту внесли и русские святогорцы. Однако бедственное материальное положение русских эмигрантов и начавшаяся Вторая мировая война помешали осуществить этот замысел.

Между тем в конце 1930-х гг. на кладбище Зейтенлик при активной помощи югославских властей, которые в те годы всячески поддерживали российскую эмиграцию, была завершена реконструкция не только на сербском, но и на русском участке. На каждом захоронении появился стандартный мраморный крест с именем павшего воина и порядковым номером. Надписи на крестах были выполнены со стилизацией под церковнославянскую вязь и по старой орфографии. На кладбище перестали хоронить, и оно стало мемориальным.

---

¹⁴⁰⁵ Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. С. 109; ГАРФ, ф. 6091, оп. 1, д. 1а, л. 194, ф. 6343, оп. 1, д. 231, л. 31.

¹⁴⁰⁶ Opacic P. Le Front de Salonique. Zeitelnik. Belgrade, 1979; Попович Н. Односи Србији и Русије у првом светском рату 1914–1918. Београд, 1977; Николай Краснов — русский зодчий Сербии 1864–1939. К 150-летию со дня рождения. Каталог выставки. Декабрь 2014, Москва — январь 2015, Белград. М., 2014. С. 120–121, 127.

Последним на нем 21 августа 1930 г. был погребен генерал-майор Генерального штаба М.Ф. Ананио, возглавлявший Союз эллинов-офицеров бывшей Русской армии в Греции¹⁴⁰⁷. Во всех регионах Греции в годы Второй мировой войны русской эмиграции пришлось пережить очень тяжелые испытания.

5. Русские общины в Румынии

С XVIII в. на будущей румынской территории — главным образом в устье Дуная и Добрудже (современные административные области Констанцы и Галаца), проживало значительное русское население, в основном старообрядцы. Среди румын Добруджи они были известны как «липоване». Первые группы старообрядцев поселились на территории Османской империи в начале XVIII в., а в 1740-х и 1760-х гг. произошло переселение с Кубани казаков-некрасовцев, создавших в дельте Дуная несколько сел. Таким образом, к началу XIX в. в Добрудже, Молдове, дельте Дуная, Бессарабии и Буковине оказалось довольно значительное количество старообрядческих семей, сохранявших в неизменности традицию и веру предков. С середины XIX в. «липоване» входили в состав Старообрядческой (Древлеправославной) Церкви Белокрыницкого согласия. По официальным данным 1912 г., в Российской империи (включавшей тогда Бессарабию) проживало 788 тысяч представителей Белокрыницкого согласия, и только они из всех старообрядческих толков имели свою трехчинную иерархию (диаконы-иереи-архиереи)¹⁴⁰⁸.

Однако их духовный центр — Белокрыницкий мужской монастырь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Белая Криница находился на территории Северной Буковины, входившей тогда в Австро-Венгерскую империю, а в 1918 г. переданной Румынии (ныне Черновицкая область Украины). Заселение русскими старообрядцами Белой Криницы произошло в 1784–1785 гг., старейшим храмом села являлась церковь свв. Козьмы и Дамиана, построенная в конце XVIII в. На Буковине к тому времени уже существовала значительная

---

¹⁴⁰⁷ Русские храмы и обители в Европе. С. 118–119.

¹⁴⁰⁸ Данилушкин М.Б., Никольская Т.К., Шкаровский М.В. и др. История Русской Православной Церкви. Новый Патриарший период. Т. 1. 1917–1970. СПб., 1997. С. 705.

старообрядческая диаспора, имелись типографии, печатавшие богослужбные и апологетические книги. Отсюда рассылали священников для окормления общин в России. Особенно влияние Белокриницкого монастыря усилилось после разгрома в 1840-е гг. керженских и иргизских старообрядческих монастырей на Волге. 28 (или 29) октября 1846 г. к Старообрядческой Церкви в Белокриницком монастыре через миропомазание и отречение от «ересей» присоединился пребывавший на покое митрополит Босно-Сараевский Амвросий (Попа-Георгополи), перешедший из Константинопольского Патриархата. Он рукоположил нескольких священников и епископов и, таким образом, восстановил трехчинную иерархию в Церкви, после чего Белая Криница стала признанным центром всех для старообрядцев, принимающих священство (поповцев). Именно здесь были поставлены первые епископы для России, здесь произошло первое после Патриарха Иосифа мироварение в Старообрядческой Церкви.

Кафедра Белокриницких митрополитов находилась в Белой Кринице с 1846 г. до июня 1940 г. Покровский монастырь был крупнейшим духовно-просветительским центром сначала в Австро-Венгрии, а затем в Румынии. В начале XX в. в нем проживали митрополит, епископ викарий, священноинок, два иеродиакона, около 30 иноков и более 30 послушников. В монастыре были собраны многие святыни, древние иконы, богатые облачения, большая библиотека с редкостными старинными книгами, находился архив митрополии. На территории монастыря располагались Покровский собор, храм свт. Николая, митрополичьи палаты и двухэтажный братский корпус. Еще один — Успенский женский монастырь в Белой Кринице был создан в 1853 г. инокиней Александрой и приехавшими с ней из Москвы 30 инокинями. В 1906 г. в селе на средства московских купцов староверов Глеба и Ольги Овсянниковых был построен величественный Успенский собор. Автором проекта собора являлся придворный архитектор австрийского императора В.И. Клик, строительство осуществлялось под руководством московского инженера Кузнецова¹⁴⁰⁹.

---

¹⁴⁰⁹ Панкратов А.В. Белая Криница // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 503; Сайко М., Писарева А. Из истории Белой Криницы // Белая Криница: Православно-старообрядческий общественный журнал. 1999. № 1. Июнь. С. 14–19.

В состав Белокриницкой митрополии к 1919 г. входили шесть епархий: Славская и Тульчинская были основаны в 1847 г., Браиловская — в 1848 г., Васлуйская — в 1854 г., Измаильская — в 1857 г. и Кишиневская. Еще в конце XIX в. на территории Румынии, в Яссах и Мануиловском монастыре, были созданы типографии, выпускавшие миссионерские и полемические издания старообрядцев Белокриницкого согласия; в г. Брэила (Браилов) один из крупнейших деятелей российского старообрядчества Ф.Е. Мельников в 1896–1898 гг. выпускал газету «Слово правды». С 1906 г. Белокриницкую митрополию возглавлял владыка Макарий (Лобов). В начальный период Первой мировой войны митрополит был арестован австро-венгерскими войсками, но вскоре освобожден наступавшей русской армией. 12 февраля 1915 г. он временно переехал в Москву, но в конце года вернулся в Белую Криницу, где в 1917 г. пострадал от отступавших революционно настроенных русских солдат (скончался митрополит Макарий в 1921 г. уже румынским подданным). В начале периода между двумя мировыми войнами старообрядцы Румынии (с вошедшей в ее состав Бессарабией и Северной Буковиной) имели около 70 приходов и 8 монастырей (4 мужских и 4 женских), в том числе на территории собственно Румынии проживало около 40 тысяч старообрядцев Белокриницкого согласия, объединенных в четыре епархии, вместе насчитывавших 33 прихода и 5 монастырей (3 мужских и 2 женских)¹⁴¹⁰. В стране, в основном в Добрудже, также имелось несколько тысяч старообрядцев беглопоповцев и беспоповцев (вместе не более десяти общин).

Кроме того, еще до революции 1917 г. в Румынии были построены два храма Российской Православной Церкви. Один из них оказался сооружен в конце 1880–начале 1890-х гг. в с. Розново вблизи г. Яссы (Молдова) по проекту академика архитектуры, ректора Института гражданских инженеров в Санкт-Петербурге Н.В. Султанова в стиле московских церквей XVI–XVII вв. (за эту работу зодчий был награжден румынским орденом), однако в качестве русского он, видимо, действовал только до 1917 г.¹⁴¹¹

¹⁴¹⁰ Мельников Ф.Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 303; Крахмальников А.П., Панкратов А.В. Белокриницкая иерархия // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 549, 555.

¹⁴¹¹ Русские храмы и обители в Европе. С. 197; Савельев Ю.Р. Николай Султанов. СПб, 2003. С. 51–52.

Вторая церковь — свт. Николая Чудотворца (в настоящее время часовня св. Саввы Бухарестского университета) была построена в 1905–1909 гг. для служащих российского посольства и проживавших в Бухаресте русских прихожан по инициативе российского посланника М.Н. Гирса. На строительные работы из казны было истрчено 195 тысяч рублей, выделенных императорским двором. Храм возвели на подаренном румынским правительством участке в центре города в русско-византийском стиле (с семью позолоченными луковичными куполами и одноярусной колокольной) по проекту известного петербургского зодчего, академика архитектуры М.Т. Преображенского, который лично руководил строительными работами. Весь интерьер был расписан масляными красками знаменитым художником В.М. Васнецовым и художником Васильевым в византийском стиле и стиле святогорских монастырей (общая площадь росписи составила 1500 кв. метров). Стилизованный деревянный, покрытый басмой и позолотой иконостас по образцу церкви Двенадцати апостолов в Московском Кремле вырезали резчики в Москве и расписал В.М. Васнецов, иконы также написали московские иконописцы. Утварь на сумму 5149 рублей поставила фирма Жевержеева. Пол храма был сделан из разноцветной плитки, и Святейший Российский Синод отпустил для церкви комплект богослужебных книг «в лучшей коже»¹⁴¹². В настоящее время эта церковь внесена в список исторических памятников Румынии.

26 ноября 1909 г. Никольский храм освятили глава Румынской Православной Церкви митрополит Анастасий и приехавший из Петербурга епископ Кронштадтский Владимир (Путята) в присутствии представителей румынского двора, духовных и гражданских властей страны, а также дипломатического корпуса. Сразу после освящения в храм перевели священника и двух причетников из закрытой русской церкви в немецком г. Веймаре. Настоятелем Никольской церкви с ноября 1909 г. служил протоиерей Иоанн Иоаннович Полистов (он получал ежегодное жалованье в размере 4500 рублей, а причетники — по 1500 рублей). Судьба храма оказалась трагичной и переменчивой, отражая сложную историю отношений между Россией и Румынией в XX в. В конце 1915 г. Румыния вступила в Первую мировую войну на стороне России, но быстро была разбита Австро-Венгрией и Германией, и в 1916 г. в связи

---

¹⁴¹² Русские храмы и обители в Европе. С. 196.

с приближением австрийских войск, временно захвативших Бухарест, протоиерей Иоанн Полистов с диаконом и большей частью церковной утвари были эвакуированы из румынской столицы сначала в Яссы, а затем в Петроград, где следы ценной утвари затерялись. Никольская церковь оказалась закрыта на пять лет¹⁴¹³.

В конце Первой мировой войны в Румынии появилось несколько тысяч русских военнопленных и оставшихся в стране солдат Румынского фронта, а затем и белых эмигрантов, но Никольская церковь не сразу возобновила свою деятельность. Вся румынская политика по отношению к русским эмигрантам после революции во многом определялась проблемой присоединения Бессарабии и Буковины, так как русские политические круги в эмиграции осуждали этот захват. В результате приток русских беженцев в страну всячески ограничивался, а их права ущемлялись. Их первая значительная группа пришла в Румынию под натиском Красной армии в апреле 1919 г. из Одессы через приемный пункт г. Тульча: 12 330 солдат и офицеров из бригады генерала Н.С. Тимановского и несколько тысяч гражданских лиц. К концу года в результате негативной политики румынских властей из этой группы в стране осталось 1619 человек. Еще летом 1919 г. был запрещен прием новых беженцев из России, что привело к трагедии в феврале 1920 г. При новом оставлении Одессы белыми войсками около 13 тысяч человек, среди которых были женщины и дети, попытались пешком перейти границу, но были встречены огнем пулеметов с румынской стороны. В результате много людей погибло или попало в плен к красным, а в Румынию попало лишь 1800 беженцев. Кроме того, под давлением Франции румынское правительство в декабре 1920 г. согласилось принять 1650 русских эмигрантов, перевезенных из Константинополя в г. Текер-Гиола в районе Констанцы¹⁴¹⁴.

Общие цифры проживавших на территории Румынии русских беженцев сильно различаются в разных источниках. Так, в 1920 г. они колеблются от 2 до 10 и более тысяч, в 1922 г. — от 2 до 40 тысяч (румынское правительство признавало цифру в 20 тысяч беженцев), в 1930 г. — от 7 до 15 тысяч,

---

¹⁴¹³ Русские храмы и обители в Европе. С. 196–197; РГИА, ф. 796, оп. 189, д. 8336, ф. 1278, оп. 2, д. 1076; Правительственный вестник. СПб. 1909. № 253; ЖМП. 1949. № 1. С. 6, № 5. С. 72–74.

¹⁴¹⁴ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 87–88, 94, 115.

в 1934 г. равняются 6284, а в 1937 г. — 11 тысяч. При этом количество всего русского населения в границах «старого Румынского королевства» до 1918 г. (в основном старообрядцев) составляло в 1920–1921 гг. — около 100 тысяч, в 1924 г. — 80 тысяч, в 1929 г., по официальным данным Лиги Наций — 70 тысяч. В 1930 г., по сведениям председателя Главного совета Объединения русского меньшинства в Румынии Г.М. Цамутали, в стране проживало 1200 тысяч русских (вероятно, считая украинцев): 800 тысяч в Бессарабии, 300 тысяч в Буковине и около 100 тысяч на остальной территории (в этом году по другим источникам, только в Добрудже жило 57,2 тысяч русских старообрядцев — липован)¹⁴¹⁵.

В результате дискриминационной политики румынских гражданских и церковных властей церковь свт. Николая при российском посольстве в Бухаресте, как и русские храмы в Бессарабии, сталкивались в своей деятельности с большим числом затруднений. 26 июля 1920 г. российский посланник в Бухаресте с довоенных времен С.А. Поклевский-Козелл, получив распоряжение Совета русских послов в Париже о необходимости образовать приход при церкви свт. Николая, сообщил председателю Совета М.Н. Гирсу, что в Бухаресте нет ни одного русского священника с тех пор, как в 1916 г. о. Иоанн Полистов был эвакуирован из румынской столицы, в связи с чем формирование прихода трудноосуществимо. В ответном письме от 16 августа Гирс посоветовал посланнику путем переговоров с иерархами Румынской Православной Церкви выяснить, не согласилась бы она взять на себя временную заботу о русских церковных интересах в стране, если церкви свт. Николая будет грозить закрытие в случае признания Румынией советской России¹⁴¹⁶.

В связи с политикой румынских властей такое решение оказалось неприемлемым. Поэтому русские беженцы к 1922 г. все-таки сформировали приходской совет, который с большими сложностями содержал церковь. Ее настоятелем был назначен протоиерей Игнатий Коневский. Храм свт. Николая Чудотворца много лет был единственным местом, где могли собираться

---

¹⁴¹⁵ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 116, 117, 121; *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2000. С. 326.

¹⁴¹⁶ *Йованович М.* Указ. соч. С. 270–271; ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 126, л. 2–4.

русские жители Бухареста, так как румынские власти не позволяли им создавать свои общества, советы и даже открыть Русский дом, общежитие или столовую¹⁴¹⁷.

После начала в 1927–1928 гг. разделений в Зарубежной Русской Церкви бухарестский приход во главе с настоятелем о. Игнатием остался в подчинении митрополита Евлогия (Георгиевского) и в дальнейшем до своей ликвидации в 1933 г. находился в составе возглавляемого владыкой Западно-Европейского экзархата (в юрисдикции Вселенского Патриархата).

Право на свою церковь (правда, под юрисдикцией Румынского Патриархата) стало и программным требованием русского национального движения. 5 июля 1930 г. руководитель Объединения русского меньшинства в Румынии Г.М. Цамутали в своем заявлении полиции писал, что между Русской и Румынской Православными Церквями «создались следующие отличия: 1. Мы совершаем богослужение на славянском языке, т.е. на нашем национальном церковном языке, что является отличием не по существу, а лишь по форме. 2. Мы пользуемся в Церкви старым календарем. Тем не менее мы полагаем, что вместе с Румынской Церковью мы исповедуем ту же Восточную Православную Веру. Поэтому мы просим Румынскую Церковь принять нас в свое каноническое приклонение, конечно, при условии сохранения указанных выше особенностей, из которых вытекают с несомненностью следующие права: 1. Иметь свои отдельные церковные общины, в которых служба совершалась бы на славянском языке и по старому календарю. 2. Избирать членов клира, что допускается церковными канонами и что имеет место в некоторых Православных Восточных Церквях... Вместе с тем мы заявляем, что будем непоколебимо защищать свое право на свою национальную Православную Русскую Церковь, право, которое гарантировано нам международными договорами, Конституцией Румынии и вообще современными понятиями о свободе совести»¹⁴¹⁸.

9 июня 1933 г. были установлены дипломатические отношения Румынии и СССР, и в качестве русской церкви свт. Николая Чудотворца временно пе-

---

¹⁴¹⁷ ГАРФ, ф. 5766, оп. 1, д. 274, л. 2.

¹⁴¹⁸ Шорников П.М. Политика румынских властей и кризис Православной Церкви в Бессарабии. 1918–1940 годы. // Отечественная история. 1998. № 5. С. 163–164.

рестала существовать (о. Игнатий Коневский к тому времени умер). По соглашению с советским представительством Патриарх Мирон передал храм сербской общине. В своих воспоминаниях митрополит Евлогий (Георгиевский) отмечал, что «карловчане» пытались осесть в Румынии, «но их арестовали и посадили в тюрьму»¹⁴¹⁹.

14 января 1938 г. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей заслушал обращение к нему проживавших в Бухаресте русских эмигрантов, которые сообщали, что у них мог бы быть открыт приход в юрисдикции РПЦЗ, если бы было дано согласие на совершение в нем богослужений по новоюлианскому стилю. Учитывая прежний горький опыт, Синод принял очень осторожное решение: «Ввиду того, что из обращения не видно, велись ли уже определенные переговоры с Патриархом Мироном и имеется ли его принципиальное согласие на открытие в Бухаресте прихода русской юрисдикции, признать всякое решение по сему вопросу преждевременным, предложив Русскому Комитету при ведении сих переговоров настоятельно просить Патриарха Мирона о согласии на совершение богослужений для русского прихода по старому стилю»¹⁴²⁰. В результате приход РПЦЗ в Бухаресте так и не был создан, однако русская община в этом городе все-таки открыла свой домовый храм, действовавший до 1942 г.

В более благоприятной ситуации оказались русские старообрядцы («липоване»), после упорной борьбы они смогли отстоять свой церковнославянский богослужебный язык и юлианский церковный календарь, в результате чего произошел определенный приток верующих в их общины из русскоязычных приходов Румынской Православной Церкви. В январе 1921 г. скончался возглавлявший Белокриницкую митрополию с 1906 г. владыка Макарий (Лобов), и в июле того же года на Освященном Соборе в Измаиле новым митрополитом был избран бежавший из советской России в Румынию известный духовный писатель епископ Нижегородский Иннокентий (Усов), занимавший в то время Кишиневскую кафедру. В мае 1922 г. он был выслан румынскими властями в Сербию, и хотя по ходатайству старообрядцев через полтора года возвращен в страну, на митрополичий престол уже оказался возведен

---

¹⁴¹⁹ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. С. 400.

¹⁴²⁰ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 17, л. 30 об.

(1 октября 1924 г.) румынский подданный епископ Тульчинский Никодим (Федотов)¹⁴²¹.

В 1925 г. румынское правительство издало закон о культах, в который были внесены основные существовавшие в стране конфессии, но старообрядцы даже не упомянуты. Данный вопрос обсуждался на специально созванном по этой причине в мае 1925 г. Соборе в Браилове, но переговоры с властями не принесли результатов. Вскоре, 15 октября 1926 г., в Славском мужском монастыре скончался владыка Никодим и 9 июля 1928 г. во Белокриницкого митрополита возведен епископ Браиловский Пафнутий (Федосеев).

В период его правления произошла так называемая феогеновская смута, получившая название по имени поставленного 27 октября 1919 г. на Измаильскую кафедру епископа Феогена. Из-за массового недовольства его действиями верующих Освященный Собор в Яссах в мае 1931 г. постановил удалить епископа с кафедры на один год, по окончании которого он мог служить лишь в тех приходах, куда его пригласят, но таких не нашлось. С единодушного согласия епархии епископ Иннокентий (имевший полномочия от имени всех российских старообрядческих архиереев на рукоположение за границей епископа, при необходимости — единолично) 28 июля 1935 г. рукоположил во Измаильского епископа принявшего монашеский постриг с именем Силуан протоиерея Стефана Кравцова. Несмотря на противодействие митрополита Пафнутия, Белокриницкий Освященный Собор в мае 1936 г. утвердил епископа Силуана на Измаильской кафедре, а владыку Феогена окончательно удалил на покой (в дальнейшем он безуспешно пытался создать свою раздорническую общину и умер 18 марта 1939 г.). На этом же Соборе епископ Иннокентий был утвержден на Кишиневской кафедре, а сами Измаильская и Кишиневская епархии канонически присоединены к Белокриницкой митрополии, о чем послали извещение Московской архиепископии¹⁴²².

Летом 1930 г. эмигрировал в Румынию из СССР, переплыв тайно ночью вместе со своими рукописями реку Днестр, знаменитый духовный писатель-апологет, старообрядческий начетчик, профессор богословия Федор

---

¹⁴²¹ Мельников Ф.Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 303.

¹⁴²² Там же. С. 304–305, 309, 323; Старообрядческая Измаильская епархия. Кишинев, 1935.

Евфимьевич Мельников, который еще при жизни был известен как «апостол Белокриницкой иерархии». Он стал секретарем Белокриницкой митрополии, написал десятки книг и брошюр, часто выступал с публичными лекциями и беседами, что вызывало недовольство властей.

Развернувшиеся в 1930-е гг. гонения на старостильников в Румынской Православной Церкви затронули и старообрядцев, ряду их храмов угрожало закрытие. В этой связи на Белокриницком Соборе 1936 г. было решено возобновить ходатайства перед правительством о признании старообрядцев. Вскоре епископ Иннокентий написал меморий с изложением истории, основ старообрядчества и его отличий от других вероисповеданий. Статут (устав) из шести параграфов, излагавший организационные основы Старообрядческой Церкви, составил Ф.Е. Мельников. В ноябре 1938 г. митрополит Пафнутий представил статут и меморий в Министерство по делам религии, но утверждены они были только через 8 лет, уже в совершенно других исторических условиях. При этом старообрядцы все-таки не были в полной изоляции. Так, например, в сентябре 1935 г. Белокриницкую митрополию посетил румынский король Карол II, а в августе 1937 г. — православный Черновицкий митрополит Виссарион (Пуя)¹⁴²³.

8 апреля 1939 г. скончался владыка Пафнутий, и 9 июля того же года в сан митрополита Белокриницкого был возведен Измаильский епископ Силуан (Кравцов). На Измаильскую же кафедру в свою очередь 2 февраля 1940 г. был рукоположен вдовый священник Анисим Лысов, нареченный в иночестве Арсением. Вскоре начались серьезные испытания. В мае — июне 1940 г. Северная Буковина (в том числе Белокриницкая митрополия), Кишиневская и Измаильская епархии отошли к Советскому Союзу, а Южная Добруджа — к Болгарии. Это были серьезные утраты, например, в Бессарабии в то время имелось 30 старообрядческих общин с общим числом верующих 15,6 тысяч человек и один женский монастырь.

30 июня 1940 г. отряд советских войск внезапно появился в Белокриницком мужском монастыре Покрова Пресвятой Богородицы, митрополит Силуан успел выехать в Румынию лишь за несколько часов до этого, вывезти же ничего не сумели. Вся митрополия со святынями, древнейшими иконами,

---

¹⁴²³ Мельников Ф.Е. Указ. соч. С. 306, 310.

редкостными книгами, богатыми облачениями и прочим имуществом досталась советской власти. Оба белокрыницких монастыря — мужской и женский вскоре были ликвидированы, церкви закрыты, монашествующие разогнаны, все имущество конфисковано и самое ценное вывезено в Москву. Таким образом, в Буковине Белокрыницкая митрополия временно прекратила свое существование. На территории собственно Румынии осталось лишь около 40 тысяч старообрядцев Белокрыницкого согласия, объединенных в четыре епархии, вместе насчитывавших 33 прихода и 5 монастырей (3 мужских и 2 женских). Епископ Иннокентий эвакуировался из Кишинева в г. Тульчи (Добруджа), и вскоре по поручению владыки Силуана возглавил Тульчинскую епархию (до этого с 1927 г. ей управлял епископ Славский Савватий). Измаильский же епископ Арсений, оставшись со своей паствой, оказался на территории СССР¹⁴²⁴.

2–3 августа 1940 г. в Славском монастыре состоялось чрезвычайное собрание старообрядческого епископата с участием митрополита Силуана, епископов Иннокентия и Савватия (все они были глубокие старцы), секретарские обязанности исполнял Ф.Е. Мельников. Собрание решило рукоположить во епископа на Тульчинскую епархию вдового священника Терентия Кирилова и во епископа для Маньчжурии «благоговейного христианина» (с пострижением в монашество) Тита Качалкина. Кроме того, епископат постановил: «Хотя митрополия и отошла к советской России, все же титул Белокрыницкого митрополита оставить в силе, основываясь и в данном случае на примерах в Древней Церкви... теперешний митрополит Силуан остается с титулом Белокрыницкого, а также и преемники его должны сохранить этот титул, даже и тогда, если митрополия будет оставаться под игом Советов». При этом митрополит перенес свою кафедру в г. Браилов (Брэила). 25 августа 1940 г. принявший постриг монах Тихон (Качалкин) был рукоположен во епископа Маньчжурского¹⁴²⁵.

22 сентября в с. Сарыкей состоялось еще одно совещание под председательством митрополита Силуана. На нем помимо трех прежних архиереев присутствовали новохиротонисанный епископ Тихон, один протоиерей, три

---

¹⁴²⁴ Церковное обозрение. 1941. № 2–3. С. 12; Мельников Ф.Е. Указ. соч. С. 311, 318–319.

¹⁴²⁵ Там же. С. 11.

священника, четыре диакона и миряне. Совещание поручило владыке Силуану определить время и место созыва Освященного Собора, выбрать свое местопребывание, а также освятить 50 антиминсов. Митрополит сообщил в своем докладе, что он ездил в Министерство по делам религии для выяснения положения дела о статуте Старообрядческой Церкви в Румынии, где его заверили, что статут будет утвержден, подписан министрами и вскоре выдан. Совещание также утвердило управляющим Тульчинской епархии епископа Кишиневского Иннокентия, так как избранный на эту кафедру священник Терентий Кириллов отказался принять архиерейский сан¹⁴²⁶.

18 января 1941 г. в Браилове скончался митрополит Силуан, отпевал его епископ Славский Савватий в сослужении сонма духовенства; похоронили владыку на общем старообрядческом кладбище города. Местоблюстительство митрополичьего престола было поручено епископу Иннокентию, который и оказался 8 мая 1941 г. в Яссах избран Белокриницким митрополитом Освященным Собором Старообрядческой Церкви¹⁴²⁷. У него были большие планы: создать в митрополии центр просвещения, развернуть широкое школьное строительство во всех заграничных старообрядческих приходах, создать свою типографию, издавать журнал и разнообразные книги: богослужebные, поучительные, апологетические. Но этим намерениям не суждено было сбыться в связи с началом Великой Отечественной войны.

---

¹⁴²⁶ Церковное обозрение. 1941. № 2–3. С. 11–12.

¹⁴²⁷ Там же. С. 12, 1941. № 10–12. С. 9, 1942. № 1–3. С. 12.

Список использованных архивов и фондов

Российский государственный исторический архив (РГИА)

- ф. 796 — Канцелярия Святейшего Синода
- ф. 797 — Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода
- ф. 799 — Хозяйственное управление Святейшего Синода
- ф. 819 — Комиссия по постройке храма Рождества Христова на Шипке
- ф. 835 — Строительные планы и фотографии Святейшего Синода

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

- ф. 6343 — Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей
- ф. 6991 — Совет по делам Русской Православной Церкви

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

- ф. 17 — Центральный комитет ВКП(б) — КПСС

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

- ф. 19 — Петроградская духовная консистория

Федеральный архив в Берлине (Bundesarchiv Berlin, BA)

- R 2 — Рейхсминистерство финансов (Reichsfinanzministerium)
- R 22 — Рейхсминистерство юстиции (Reichsjustizministerium)
- R 43AI — Имперская канцелярия (Reichskanzlei)
- R 58 — Главное управление имперской безопасности (Reichssicherheitshauptamt)
- R 901 — Министерство иностранных дел (Auswärtigen Amt)
- R 5101 — Рейхсминистерство церковных дел (Reichsministerium für die kirchlichen Angelegenheiten)
- NS 6 — Партийная канцелярия (Parteikanzlei)
- NS 43 — Внешнеполитическая служба НСДАП (Aussenpolitisches Amt der NSDAP)

Политический архив Министерства иностранных дел в Бонне

(Politisches Archiv des Auswärtigen Amts Bonn — AA)

- Inland I-D, 4740–4742, 4797–4800 — Материалы о религиозной ситуации в странах Восточной и Центральной Европы: Югославии, Греции, Словакии, Венгрии, Болгарии и др.

Бахметьевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры в Нью-Йорке (The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, New York)

ф. протоиерея Владимира Востокова

Специальная коллекция библиотеки Стенфордского университета в Калифорнии (Stanford University, Special collections Librarian)

ф. епископа Григория (Граббе)

Архив Гуверовского института войны, революции и мира в Стенфордском университете (Hoover Institution on war, revolution and peace Archives, Stanford University)

ф. Коллекция А. Даллина, 1928–2000

ф. Коллекция Н. Иванова, 1943–1984

ф. Коллекция Б. Николаевского, 1887–1966

ф. Коллекция Г. Фишера, 1923–1950

Центральный государственный архив в Софии (Централен държавен архив)

ф. 791к — фонд Священного Синода

Архив Югославии в Белграде (Архив Југославије, Београд)

66–1105–1434, 66–1094–1414, 66–1096–1419, 69–41–65

Архив Сербии в Белграде (Архив Србије, Београд)

Г/3 Министерство просвещения и религии (Министерство просвете и вера)

Исторический архив Священного Синода Элладской Церкви

(Historical Archives of the Holy Synod of the Greek Church)

Records of the Holy Synod (RoHS)

Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА)

Оп. 10, д. 190–230.

Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей в Мюнхене (АГЕ)

д. Указы Архиерейского Синода РПЦЗ. Распоряжения Патриархии. 1923–1951 гг.

д. Книга постановлений Духовного Собора монастыря прп. Иова 1934–1948 гг.

д. Разная переписка. Военные годы

Синодальный архив Русской Православной Церкви Заграницей в Нью-Йорке (СА)

д. 18/41 — Документы русских приходов в Венгрии

д. 18/46 — Документы русских приходов в Италии

д. Архиерейские Соборы 1921–1949 гг.

личное дело митрополита Анастасия (Грибановского)

личное дело епископа Григория (Граббе)

**Архив Свято-Троицкой семинарии Русской Православной Церкви Заграницей
в Джорданвилле**

ф. протопресвитера Михаила Польского

ф. журналиста В.К. Абданк-Коссовского

ф. Русский фашизм

**Архив автокефальной Американской Православной Церкви в Сайосете
(штат Нью-Йорк) — The Archives of the Orthodox Church in Amerika
Syosset (OCA Archives)**

ф. протоиерея Димитрия Константинова

ф. Переписка Американской Церкви с Болгарской Церковью

ф. Переписка Американской Церкви с Сербской Церковью

Архив Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии

Папка «Афон»

Архив Санкт-Петербургской епархии

ф. 1, оп. 3 (2), д. 144

Список сокращений

АГЕ	Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей в Мюнхене
ап.	апостол
АРПМА	Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне
архиеп.	архиепископ
б/г	без года
б/л	без листа
в.	век
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
г.	город
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
д.	дело
ДА	Духовная академия
ДС	Духовная семинария
ДУ	Духовное училище
док.	документ
др.	другие
д-р	доктор
еп.	епископ
ЖМП	Журнал Московской Патриархии
им.	имени
Кн.	книга
кон.	конец
Л.	Ленинград
л.	лист
М.	Москва
МВД	Министерство внутренних дел
МИД	Министерство иностранных дел
митр.	митрополит
млн	миллион
нач.	начало
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
о.	отец
оп.	опись
об.	оборотный

Список сокращений

ок.	около
пос.	поселок
прп.	преподобный
прот.	протоиерей
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГИА	Российский государственный исторический архив
РПЦЗ	Русская Православная Церковь Заграницей
С.	страница
с.г.	сего года
СА	Синодальный архив Русской Православной Церкви Заграницей
св.	святой
см.	смотри
СПб.	Санкт-Петербург
СР	Сообщения и распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, митрополита Берлинского и Германского и Среднеевропейского митрополичьего округа
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
США	Соединенные Штаты Америки
Т.	том
тыс.	тысяча
указ. соч.	указанное сочинение
ул.	улица
ф.	фонд
ЦГИА СПб	Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
шт.	штука
AA	Политический архив Министерства иностранных дел Германии
а.а.О.	указанное сочинение
ВА	Бундесархив (Федеральный архив Германии)
V1.	лист
Ebd.	там же
Ibid.	там же
IfZ	Архив института современной истории в Мюнхене
o/V1.	без листа
Opt. cir.	указанное сочинение
P.	страница
S.	страница
v.	оборотный

Научное издание

М.В. Шкаровский

**Православные Церкви
Юго-Восточной Европы
между двумя мировыми войнами
(1918–1939 гг.)**

Координатор проекта

Иеромонах Иоанн (Копейкин)

Директор издательства *И.А. Парфёнов*

Ответственные за выпуск *Л.В. Шуляков, Н.В. Балукова*

Корректоры *А.А. Вечирко, О.И. Белова*

Художественное оформление *М.В. Кагарлицкая*

Верстка *О.М. Букреева*

Подписано в печать 16.04.19. Формат 70×90/16.

Объем 40,5 п. л. Тираж 2000 экз. Заказ О-1208.

Издательский дом «ПОЗНАНИЕ»

Poznaniye.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс»

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

e-mail: idelpress@mail.ru

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ между двумя Мировыми войнами

1918–1939 годы

Предлагаемое читателю издание посвящено богатой и насыщенной важными событиями истории Православных Церквей Юго-Востока Европы в период между двумя Мировыми войнами. Эти годы стали переломными в истории целого ряда Поместных Православных Церквей Балканского полуострова. Константинопольский Патриархат утратил все свои епархии в Малой Азии, но сумел сохраниться и даже увеличить свое влияние в православном мире; Сербская и Румынская Церкви приобрели статус Патриархата и существенно расширили свои территории; возникла новая автокефальная Православная Церковь — Албанская. При этом ряд Поместных Церквей оказывал не только духовное, но и политическое влияние, существенным образом воздействуя на ситуацию в своих странах (Югославия, Румыния, Греция и др.). В межвоенной ситуации значительное место занимали отношения Православных Церквей Юго-Восточной Европы с Русской Церковью, которым в работе уделено особое внимание. В некоторых странах русская эмиграция сыграла очень важную роль в развитии церковной жизни (Югославия, Болгария, Чехословакия, Венгрия). Монография базируется на богатых архивных источниках, в частности, материалах болгарских, сербских, греческих, немецких, американских, российских и других архивов. Книга предназначена для историков, священнослужителей и всех интересующихся историей христианства.

ISBN 978-5-906960-65-8

9 785906 960658

ПОЗНАНИЕ